ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НЫНЕШНЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НЫНЕШНЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Калининград
2021

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

СЕРИЯ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ»

Редакционная коллегия серии:

Е.И. Пивовар, *доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН;*
Б.Н. Ковалев, *доктор исторических наук, профессор;*
Е.Ф. Кринко, *доктор исторических наук, профессор;*
А.Л. Бормотов, *кандидат технических наук;*
В.Г. Кузьмин, *кандидат исторических наук;*
Е.П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент, Почетный архивист России;*
М.А. Пономарева, *кандидат исторических наук, доцент;*
Е.М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Ответственные редакторы серии:

Е.П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент, Почетный архивист России;*
Е.М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Настоящее издание представляет часть серийной публикации и включает архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающие факт геноцида против мирного советского населения в годы Великой Отечественной войны.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622ю1
Б39

Редакционная коллегия:
С. А. Якимов, *кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ,*
В. А. Беспалов, *кандидат исторических наук,*
П. В. Гуляев,
И.О. Дементьев, *кандидат исторических наук,*
В. В. Макогонова, *кандидат философских наук,*
Е. С. Манюк, *кандидат исторических наук,*
А. С. Новиков, *кандидат исторических наук,*
О. Д. Панков,
Е. А. Рогозин,
Р.В. Сидоров,
О. Н. Щеглова, *заслуженный работник культуры РФ*

Ответственные составители:
В. В. Макогонова, *кандидат философских наук,*
Е. С. Манюк, *кандидат исторических наук*
Автор научной статьи:
А. С. Новиков, *кандидат исторических наук*
Авторы археографического предисловия:
В. В. Макогонова, *кандидат философских наук,*
Е. С. Манюк, *кандидат исторических наук*
Автор географического указателя и указателя лагерей:
Э. В. Юрченко
Автор именного указателя:
О. В. Молева
Перевод текстов с немецкого языка:
А. С. Макарычев, Л. Цыпин, А. А. Шабунин, И. П. Щербинская
Подбор документов: Н. А. Буйневич, А. К. Елисеева, В. И. Лабжинова, Л. П. Посредникова, И. И. Эйдельман, *заслуженный работник культуры РФ*
Набор текста: И. В. Мокина, Ю. В. Ойсбойт, Н. В. Сирож

Б39 Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны. Калининградская область: [сборник документов] / Калинингр. обл. историко-художеств. музей; редкол.: С. А. Якимов [и др.]; отв. сост.: В. В. Макогонова, Е. С. Манюк.— Калининград: Страж Балтики, 2021.— 432 с.: ил.— (Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны: документы и материалы / отв. ред.: Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева).— 500 экз.— ISBN 978–5–91728–223–7

ISBN 978-5-91728-223-7

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Калининградской области

© ГБУК «Калининградский областной историко-художественный музей», 2021

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках необычный сборник. В нем собраны факты преступлений нацистов, совершенных на территории Восточной Пруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В настоящее время это Калининградская область и часть территории Польши. За каждым документом — боль советских граждан, наших соотечественников, которые страдали от невыносимых условий в плену и на принудительных работах. Увезенными на чужбину юношами и девушками, женщинами и детьми торговали на «биржах труда», предлагая немецким семьям и предпринимателям в качестве дешевой рабочей силы. Десятки тысяч «остарбайтеров» не дожили до Победы... Мы скорбим о невосполнимой утрате наших сограждан — молодых, сильных, талантливых. Минуло 75 лет, но мы помним об огромных человеческих жертвах.

Документы, предоставленные Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации, Государственным архивом Калининградской области, Калининградским областным историко-художественным музеем, свидетельствуют о злодеяниях и преступлениях гитлеровских приспешников. Управлением Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Калининградской области рассекречены для сборника и впервые представлены широкой общественности документы ведомственных архивов. Данное издание — результат масштабной работы, проведенной музейщиками и архивистами, учеными и краеведами, сотрудниками органов безопасности, государственными служащими, представителями общественных организаций и поисковым движением региона.

Публикуемые материалы убедительно подтверждают, что на территории Восточной Пруссии действовали концентрационные лагеря, предназначенные для массового уничтожения людей путем расстрелов, инъекций, газовых камер и крематориев. Самый страшный из них — «Штуттгоф» — размещался в районе современного населенного пункта Штутово в Польше. На территории нынешней Калининградской области находились «филиалы» этого «лагеря смерти». В годы войны здесь располагалось порядка 50 нацистских лагерей, из них свыше 30 — трудовые. Для советских людей были созданы невыносимые условия содержания. Заключенные умирали от голода, холода, непосильного физического труда и инфекционных болезней. Но известны случаи сопротивления узников, обессиленных, но не сломленных духом, поднявшихся над болью своей, преодолевших страх.

Число выявленных военнопленных Красной армии, погибших в лагерях на территории Восточной Пруссии (ныне Калининградская область), на сегодняшний день составляет 6148 человек. Они внесены в региональную Книгу Памяти. А сколько имен еще неизвестно! Предстоит долгая и кропотливая, важная поисковая работа.

В районе поселка Нагорное Багратионовского городского округа сохранилось интернациональное кладбище узников лагеря «Шталаг IA», где захоронено более 3000 человек. Советских граждан закапывали в общих могилах – рвах. Уже этот факт указывает на большое количество погибших и «особое» к ним отношение. Военнопленные красноармейцы получали пониженную норму пищевого рациона, содержались в более жестком режиме, подвергались постоянным издевательствам, почти не получали медицинской помощи.

В сборнике опубликованы материалы следственных дел и акты о зверствах нацистов, отчеты о расследованиях и спецдонесения, протоколы допросов преступников, официальные документы рейха об условиях содержания восточных рабочих, воспоминания и свидетельства очевидцев.

Из рассекреченных документов УФСБ России по Калининградской области стало известно, что в начале 1945 года при наступлении Красной армии на территорию Восточной Пруссии в лагерях Кёнигсберга начались массовые расстрелы советских граждан: только за февраль – март здесь было убито 1700 человек. Вспомним пальмникенскую трагедию: во время «марша смерти» из Кёнигсберга в Пальмникен (ныне – поселок Янтарный) и на берегу Балтийского моря было уничтожено около 5000 узников «Штуттгофа». А ведь среди них были женщины и дети! По показаниям местных жителей, многие являлись советскими гражданами.

Красная армия принесла избавление от рабства десяткам тысяч узников, среди которых были как советские граждане, так и жители многих европейских государств. В условиях постоянных попыток западных соседей переписать историю региональный сборник документов, подготовленный в рамках федерального проекта «Без срока давности», имеет большое значение. Мы не должны забывать о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками на территории бывшей Восточной Пруссии. Об этом нужно помнить всем поколениям, живущим не только на этой земле. Проект имеет государственную важность и для сохранения семейной памяти о Великой Отечественной войне.

Наш народ выстоял в смертельной схватке и победил. Он принес избавление странам Европы от «коричневой чумы», и все попытки переписать историю XX века тщетны.

Губернатор Калининградской области
А.А. Алиханов

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 7

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против советских граждан на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в годы Великой Отечественной войны 17

Археографическое предисловие 35

Раздел 1. Жизнь в лагерях: эксплуатация, лишения, голод **41**

1. Акт об установленных расследованием злодеяниях в отношении советских граждан и граждан других государств в концентрационном лагере «Штуттгоф» 43
2. Территория концентрационного лагеря «Штуттгоф» 52
3. Здание комендатуры концентрационного лагеря «Штуттгоф» 52
4. Ворота концентрационного лагеря «Штуттгоф» 53
5. Из протокола допроса заключенного и работника крематория концентрационного лагеря «Штуттгоф» Вильгельма Паша (Wilhelm Pasch) 53
6. Из воспоминаний бывшей заключенной концентрационного лагеря «Штуттгоф» Н.Н. Амзаевой 65
7. Специальный приказ коменданта концентрационного лагеря «Штуттгоф» штурмбанфюрера СС Пауля Хоппе (Paul Hoppe) об устройстве внешнего трудового лагеря в Кёнигсберге 69
8. Из специального приказа коменданта концентрационного лагеря «Штуттгоф» штурмбанфюрера СС Пауля Хоппе (Paul Hoppe) об устройстве внешних трудовых лагерей в Гердауэне, Шиппенбайле, Йесау, Хайлигенбайле и Зееграппене 71
9. Схема размещения внешних трудовых лагерей концентрационного лагеря «Штуттгоф» 75
10. Приказ № 68 по комендатуре концентрационного лагеря «Штуттгоф» 76
11. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Йесау» Блумы Лоницки (Бронислава Кракауэр) (Bluma Lonicki; Bronislava Krakauer) 78
12. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Йесау» Дины Херцберг (Dina Herzberg) 78
13. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Зееграппен» Фриды Клайнман (Fryda Klajnman) 79

14. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Хайлигенбайль» Полы Цвардон (Pola Zwardon) 81
15. Из воспоминаний Л.Г. Удовенко, бывшей заключенной лагерей «Шихау» и «Метгетен» (г. Кёнигсберг) 83
16. Воспоминания Н.Б. Швыковой, бывшей заключенной лагерей «Шихау» и «Метгетен» (г. Кёнигсберг) 84
17. Е.П. Никифорова, бывшая заключенная лагерей «Шихау», «Метгетен» (г. Кёнигсберг). Место съемки — Кёнигсберг, Восточная Пруссия 87
18. Н.Б. Швыкова, бывшая заключенная лагерей «Шихау», «Метгетен» (г. Кёнигсберг). Место съемки — Калининград 87
19. Территория бывшего лагеря «Метгетен» в пос. им. А. Космодемьянского в Калининграде. Н.Б. Швыкова с сотрудниками Калининградского областного краеведческого музея. Автор съемки — В.В. Разумовский 88
20. Воспоминания Н.Н. Антоненко, малолетней заключенной лагеря под Кёнигсбергом 88
21. Из воспоминаний Т.С. Окороковой (Давидовой), малолетней заключенной лагеря в г. Кёнигсберге 89
22. Свидетельство о рождении Т.С. Давидовой (Окороковой). Место рождения — г. Кёнигсберг, Восточная Пруссия; дата рождения — 17.02.1945 г. 90
23. Политдонесение начальника политотдела 11-й гвардейской армии полковника Д.Ф. Романова начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С.Б. Казбинцеву об обнаружении лагеря советских военнопленных 91
24. Политдонесение начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С.Б. Казбинцеву о состоянии госпиталя бывших военнопленных советских граждан и граждан союзных стран в м. Домтау 94
25. Акт об установленных специальной комиссией злодеяниях в отношении заключенных лагеря военнопленных в м. Домтау 98
26. Спецсообщение отдела контрразведки «СМЕРШ» 28-й армии о немецком лагере военнопленных «Шталаг IA» 99
27. Карточка военнопленного лагеря «Шталаг IA» И.И. Вавилова 106
28. Спецсообщение о лагере военнопленных и иностранных рабочих в г. Пиллау 107
29. Свидетельские показания бывшей заключенной лагеря в г. Пиллау А.Д. Гурьяновой 111
30. Свидетельские показания бывшей заключенной лагеря в г. Пиллау В.Д. Гурьяновой 113
31. Из воспоминаний К.И. Игошева, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), «Мы смерти смотрели в лицо» 115
32. К.И. Игошев, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») 142
33. Барак на территории бывшего лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района 142
34. Внутренний вид барака бывшего лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района 143

35. Окна барака в бывшем лагере военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района ... 143
36. Окно барака лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 144
37. В.В. Барыков «Барак в лагере военнопленных под Шталлупёненом» ... 144
38. Из воспоминаний С.И. Зайцева, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 145
39. Схема территории лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), начерченная по памяти бывшим заключенным С.И. Зайцевым ... 147
40. Из воспоминаний В.В. Зозули, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 148
41. В.В. Зозуля, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 156
42. Из автобиографии К.Н. Мессароша, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 156
43. К.Н. Мессарош, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 158
44. Из воспоминаний А.Н. Олейника, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») ... 159
45. Пересыльный лагерь для военнопленных. Оккупированная территория СССР. Автор снимка — немецкий фотограф ... 160
46. Из воспоминаний И.Г. Новикова, бывшего заключенного лагерей в Эбенроде, Хоэнштайне и Метгетене ... 160
47. Лагерь «Шталаг IA». Театральная труппа, образованная из французских военнопленных ... 165
48. Лагерь «Шталаг IA». Музыкальный ансамбль, образованный из французских военнопленных ... 166
49. Лагерь «Шталаг IA». Французские военнопленные идут на работу ... 166
50. Лагерь «Шталаг IA». Польские военнопленные перед лазаретом ... 167
51. Номерные жетоны заключенных лагеря «Шталаг IA» (№№ 25943, 65932) ... 167
52. Схема интернационального кладбища лагеря «Шталаг IA» в м. Кляйн-Дексен ... 168
53. Группа французских и английских военнопленных, освобожденных частями Красной Армии. Восточная Пруссия. Автор съемки — Веньятов ... 169
54. Группа французских и английских военнопленных, освобожденных частями Красной Армии. Восточная Пруссия. Автор съемки — Веньятов ... 169
55. Французские военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия, г. Инстербург. Кинокадр ... 170
56. Французские военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия ... 170
57. Иностранные военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия ... 171
58. Иностранные военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия ... 172

Раздел 2. Принудительные работы населения, угнанного в Германию 175

59. Постановление Министерского совета по обороне рейха об условиях эксплуатации восточных рабочих ... 177

60. Манифест Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, адресованный всем учреждениям по использованию рабочей силы и Имперскому управлению доверенных лиц в Великогерманском рейхе, дружественных государствах и всех занятых немецкими войсками областях Европы 185
61. Циркулярное письмо Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы гауляйтерам НСДАП 195
62. Постановление Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы о трудовой книжке для иностранных рабочих 197
63. Трудовая книжка иностранца на имя украинца Василия Дякула. (Deutsches Reich. Arbeitsbuch für Ausländer). Германский Рейх 201
64. Памятный листок № 1 для восточных рабочих 202
65. Советские граждане, согнанные немцами для отправки в трудовые лагеря. Оккупированная территория СССР. Автор снимка — немецкий фотограф 205
66. Отчет руководителя районного отдела Германского трудового фронта (DAF) об использовании иностранных рабочих в феврале 1943 г. 205
67. По поводу отчета руководителя районного отдела Германского трудового фронта (DAF) об использовании иностранных рабочих в феврале 1943 г. 207
68. Пропуск Владимира Лукавецкого на право посещения кафе, отведенного для украинцев 208
69. Список задействованной в гау Восточная Пруссия иностранной рабочей силы на 30.09.1944 г. 209
70. Учетная карточка на Жана Барбере [Jean Barberé], француза, родившегося 14.02.1915 г., завод «Ф. Шихау Кёнигсберг». Управление по использованию иностранной рабочей силы Германского трудового фронта (DAF) 211
71. Учетная карточка на Павла Канцмита [Pawel Kanzmit], белоруса, родившегося 10.10.1914 г., фабрика «Крагес и Крите». Управление по использованию иностранной рабочей силы Германского трудового фронта (DAF) 211
72. Политдонесение начальника политотдела 11-й гвардейской армии гвардии полковника Д.Ф. Романова начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С.Б. Казбинцеву о положении и настроениях советских граждан, находившихся в Восточной Пруссии 212
73. Копия письма русской девушки, написанного на стене дома помещика в м. Кляйн Батчен (Восточная Пруссия) 215
74. Интервью с Л.М. Голиковой, бывшей работницей принудительного труда 216
75. Восточная рабочая Зоя Ивановна Годяева (Бодревская). Снимок сделан весной 1943 г. во время принудительных работ в Германии, г. Бохольт, Вестфалия 223
76. Восточная рабочая, Германия 224
77. Восточный рабочий, Германия 224
78. Бывшая восточная рабочая, г. Дойч-Эйлау, Восточная Пруссия 225
79. Восточные рабочие из Украины, Германия 225
80. Восточная рабочая Вера Бакун из г. Жабинка (Белоруссия), г. Кёнигсберг, Восточная Пруссия 226
81. Из русско-немецкого словаря, предназначенного для восточных рабочих 227

82. Восточные рабочие из Украины, г. Лейпциг, Германия 227
83. Восточные рабочие из Украины, г. Штутгарт, Германия 228
84. Из воспоминаний Е.Д. Сигаревич, бывшей заключенной лагеря Б-1, г. Кёнигсберг 229
85. Фрагмент штукатурки с надписью «1945 года после огромной бомбардировки производился ремонт дома украинскими 6 человек. 13/3 1945 года», г. Кёнигсберг 230
86. Из докладов политотделов армий 3-го Белорусского фронта об опыте партийно-политической работы в наступательных боях 230
87. Освобожденные женщины и дети, жители Лужского района Ленинградской области, угнанные в Германию, беседуют с помощником командира 3-го мотострелкового батальона по хозяйственной части 44-й мотострелковой бригады капитаном интендантской службы Е.Д. Черномазовым, г. Шталлупёнен, Восточная Пруссия. Автор съемки — Ф. Кислов 234
88. Беседа бойцов с освобожденными советскими гражданами, Восточная Пруссия. Кинокадр 234
89. Освобожденные работники принудительного труда разных национальностей, г. Прейсиш-Эйлау, Восточная Пруссия. Автор съемки — В.И. Аркашев 235
90. Освобожденные советские граждане возвращаются на Родину, Восточная Пруссия 235
91. Советские граждане, освобожденные из мест принудительного труда, возвращаются домой, Восточная Пруссия 236
92. Советские граждане, освобожденные из мест принудительного труда, возвращаются домой, Восточная Пруссия 236
93. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, Восточная Пруссия 237
94. Освобожденные из трудовых лагерей, Восточная Пруссия 237
95. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, возвращаются на Родину, Восточная Пруссия 238
96. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, возвращаются на Родину, Восточная Пруссия 238
97. Из опросного листа для возвратившихся на Родину из германской неволи на Е.Ф. Скулову 239
98. Опросный лист для возвратившихся на Родину из германской неволи на Е.С. Буглееву 239

Раздел 3. Операции по уничтожению мирного населения 245

99. Спецсообщение уполномоченного НКВД СССР по 43-й армии полковника И.Л. Иофиса уполномоченному НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому фронту комиссару государственной безопасности И.М. Ткаченко о факте зверского истребления граждан СССР, Франции и Румынии 247
100. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков (приложение к спецсообщению уполномоченного НКВД СССР по 43-й армии полковника И.Л. Иофиса уполномоченному НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому фронту комиссару государственной безопасности

И.М. Ткаченко о факте зверского истребления граждан СССР, Франции и Румынии) 249
101. Доклад военного прокурора тыла 2-го Белорусского фронта о расследовании военной прокуратурой фронта дела о производстве мыла из человеческих трупов в немецком анатомическом институте г. Данцига 251
102. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков в районе Гермау (Восточная Пруссия) (приложение к докладу заместителя начальника Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майора И.М. Андреева начальнику Главного Политического Управления Красной Армии генерал-полковнику А.С. Щербакову) 257
103. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков, составленный представителями частей 2-й гвардейской армии в районе м. Кракстепеллен, Земландский полуостров (приложение к докладу начальника Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майора С.Б. Казбинцева заместителю начальника Главного Политического Управления Красной Армии генерал-лейтенанту И.В. Шикину) 261
104. Из показаний бывшей заключенной Ф.А. Гаврилевич (Клайнман) (Gawrilewicz; Frida Klajnman) 263
105. Из показаний бывшей заключенной Фриды Клайнман (Гаврилевич) (Frida Klajnman; Gawrilewicz) 264
106. Из показаний бывшей заключенной П.Э. Гринбаум 266
107. Спецсообщение № 4014/3 от 26 мая 1945 г. о результатах расследования специальной комиссией факта массового расстрела советских граждан в Пальмникене 267
108. Дополнение к спецсообщению № 4014/3 от 26 мая 1945 г. о результатах расследования специальной комиссией факта массового расстрела советских граждан в Пальмникене 268
109. Из материалов следственного дела по обвинению лиц, причастных к расстрелу гражданского населения в Пальмникене в январе 1945 г. (г. Берлин, 1965 г.) 270
110. Из материалов следственного дела по обвинению лиц, причастных к расстрелу гражданского населения в Пальмникене в январе 1945 г. (гг. Берлин, Люнебург, 1967–1973 гг.) 275
111. Из показаний бывшей заключенной Л.Э. Гауптман 290
112. Из протокола допроса бывшей жительницы Пальмникена Берты Пульвер (Berta Pulwer) 292
113. Из показаний бывшей заключенной Блумы Лоницки (Брониславы Кракауэр) (Bluma Lonicki; Bronislawa Krakauer) 293
114. Из показаний бывшей заключенной Ханы Ойзерович (Chana Ojzerowicz) 295
115. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Эмиля Плау (Emil Plau) 296
116. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Оскара Лаача (Oskar Laatsch) 301
117. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Рудольфа Фольгера (Rudolf Folger) 304
118. Протокол допроса обершарфюрера СС Фрица Вебера (Fritz Weber) в прокуратуре г. Киля 309
119. Обершарфюрер СС Фриц Вебер (Fritz Weber) 330

120. Донесение командующему войсками 2-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому об аресте служащих немецкого концентрационного лагеря «Штуттгоф» 333
121. Штурмбанфюрер СС Пауль Вернер Хоппе (Paul Werner Hoppe) — комендант концентрационного лагеря «Штуттгоф» 336
122. Арно Хемниц (Arno Chemnitz) — член СС, служащий концентрационного лагеря «Штуттгоф» 336
123. Спецсообщение начальнику управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта об аресте участников злодеяний, чинимых над заключенными концентрационного лагеря «Штуттгоф» 337
124. Спецсообщение начальнику управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта о задержании одного из участников массового истребления заключенных в концентрационном лагере «Штуттгоф» 340
125. Из протокола допроса И. М. Фишера, бывшего врача концентрационного лагеря «Штуттгоф» 342
126. Протокол допроса Отто Лорбаха, бывшего заключенного концентрационного лагеря «Штуттгоф» 344
127. О работнике крематория концентрационного лагеря «Штуттгоф» Бернарде Опекунском 346
128 Советская комиссия изучает принцип функционирования крематориев, концентрационный лагерь «Штуттгоф» 347
129. Крематорий, концентрационный лагерь «Штуттгоф» 347
130. Из протокола допроса Отто Кнотта (Otto Knott), бывшего дезинфектора и санитара концентрационного лагеря «Штуттгоф» 348
131. Заключенные концентрационного лагеря «Штуттгоф» 350
132. Из протокола допроса бывшего унтершарфюрера СС Отто Кнотта (Otto Knott) по делу о массовом расстреле гражданских лиц в Пальмникене в январе 1945 г. 351
133. Свидетельские показания Пнины (Поли) Крониш (Pnina (Pola) Kronisch) по делу о массовом расстреле гражданских лиц в Пальмникене в январе 1945 г. 360
134. Отчет Особой комиссии о допросе Курта Фридрикса (Kurt Friedrichs), бывшего бургомистра Пальмникена, по делу о массовом расстреле гражданских лиц в январе 1945 г. 361
135. Протокол допроса жителя Пальмникена Хорста Харделя, члена нацистской молодежной организации юнгфольк 362
136. Протокол допроса Герхарда Весселя, жителя Пальмникена, члена молодежной нацистской организации гитлерюгенд 364
137. Протокол допроса Германа Фришкизеля, бывшего жандарма в Пальмникене .. 368
138. Протокол допроса жительницы Пальмникена Карлы Цимлер, члена молодежной нацистской организации Союз немецких девушек 371
139. Протокол допроса жителя Пальмникена Георга Лилиенталя, члена молодежной нацистской организации гитлерюгенд 375
140. Протокол допроса бывшего совладельца Кёнигсбергского вагоностроительного завода Макса Хоймана 379
141. Протокол допроса Гедвиги Вульф по делу бывшего совладельца Кёнигсбергского вагоностроительного завода Макса Хоймана 380

142. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда бывшему совладельцу Кёнигсбергского вагоностроительного завода Максу Хойману по обвинению в эксплуатации иностранных рабочих и военнопленных 382
143. Об аресте оперативной группой отдела контрразведки «СМЕРШ» сотрудников лагеря «ДАФ» Вилэма Дика и Стэфана Пюрковского 387
144. Спецсообщение начальника Оперативной группы НКВД СССР генерал-майора И. В. Шишлина уполномоченному НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту генерал-лейтенанту П. В. Зеленину о задержанной М. П. Рассадиной 387
145. О выявлении и аресте сотрудника тюрьмы гестапо в г. Кёнигсберге Фридриха Отейсдорфа 391
146. Спецсообщение начальника Кёнигсбергского оперативного сектора генерал-майора И. В. Шишлина заместителю народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковнику А. Н. Аполлонову об арестованных работниках партийных организаций НСДАП Отто Машоне, Пауле Нете и Артуре Иортциге 392
147. Из протокола допроса арестованного члена НСДАП Отто Машона о массовых расстрелах советских граждан в г. Кёнигсберге 394
148. О немецких землевладельцах Элле Пашир, Шнаке, Даниеле Науюке, Гагазе, Штобби, Отто Цироле, Пенчиле, Франце Трибеле, Каммере, Генрихе Плаце, графе Ойленбурге, эксплуатировавших в своих хозяйствах иностранных рабочих и военнопленных 395
149. Об участнике массовых расстрелов советских граждан Рудольфе Иобете 397
150. О начальнице женского лагеря в г. Кёнигсберге Хильдигард Шуинайх 397

Приложение **399**

Список сокращений 401

Места Калининградской области, связанные с памятью о жертвах нацистского режима 403

Указатель упоминаемых в документах нацистских концентрационных лагерей, лагерей для военнопленных и интернированных граждан, окружных отделов труда Германского трудового фронта (1939–1945 гг.) 404

Именной указатель 409

Географический указатель 424

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (НЫНЕШНЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

После установления в 1933 г. в Германии нацистской диктатуры в ней стала создаваться разветвленная карательная система для борьбы с «врагами государства». Ее составной частью стали концентрационные лагеря. В них отбывали заключение лица, которые были признаны представляющими опасность для существующего режима, в первую очередь по политическим мотивам. После 1938 г. в концентрационные лагеря стали в массовом порядке отправлять евреев.

Система лагерей, а также состав и количество заключенных в них существенно изменились после начала Второй мировой войны. Появились лагеря для военнопленных, которые делились на различные категории. Некоторые из них были построены на территории уже существовавших лагерных комплексов (например, Освенцим). Массовое использование принудительного труда привело к созданию лагерей для содержания рабочей силы. При этом на производстве и в сельском хозяйстве Германии активно использовался и принудительный труд военнопленных. После принятия нацистским руководством так называемого «окончательного решения еврейского вопроса» (что означало геноцид еврейского населения) стали создаваться «лагеря смерти». Но, по справедливому мнению исследователей, «концлагерь представлял собой поле бюрократического хаоса, коррупции, произвола и убийств. Ничего не изменило распределение концлагерей по различным ступеням. Оно было предпринято ради внешнего эффекта, демонстрации якобы соблюдаемой объективности в обращении с узниками»[1].

Формирование целостного представления о системе лагерей различных типов на территории северной части бывшей Восточной Пруссии (современной Калининградской области) до сих пор составляет проблему в связи с общим состоянием источниковой базы, и, как следствие, с практически полным отсутствием исследований по данной тематике в отечественной историографии. В годы войны на территории Восточной Пруссии оказались десятки тысяч жителей СССР, как военнопленных, так и угнанных на принудительные работы гражданских лиц. Уже в 1945 г. отдельные факты преступной деятельности немецких военных и гражданских властей по отношению к ним стали предметом расследования, проводимого органами советской военной контрразведки «СМЕРШ». Кроме того, сбор подобных фактов осуществляли политические отделы советских воинских частей. Однако собранные этими структурами сведения носят разрозненный характер и не позволяют составить целостную картину. Основной массив источников находится в архивах Германии. Материалы по содержанию военнопленных, которым занимался вермахт, находятся в Федеральном военном архиве (г. Фрайбург), а источники, относящиеся к лицам принудительного труда, которые на-

ходились в компетенции имперского министерства труда, содержатся в федеральном архиве г. Кобленц. В 2020 г. около 62 тысяч цифровых копий документов, касающихся судеб советских граждан, из фондов бывшего Немецкого служебного архива (бывший архив вермахта) было передано в Российский государственный военный архив. После обработки материалы будут размещены на портале «Память народа» Министерства обороны РФ.

Значительная часть личных карточек военнопленных после войны была передана в Центральный архив Министерства обороны СССР. Воспоминания отдельных военнопленных и лиц принудительного труда, находившихся в лагерях на территории Восточной Пруссии, хранятся в Калининградском областном историко-художественном музее.

На сложившиеся к настоящему времени представления о системе немецких лагерей на данной территории большое влияние оказали материалы, опубликованные в 13-м и 19-м томах Книги Памяти Калининградской области «Назовем поименно». Были опубликованы воспоминания некоторых узников лагерей: И. Г. Новикова и Н. Б. Швыковой (из собрания Калининградского областного историко-художественного музея), П. Дементьева. Но, к сожалению, составителями списка лагерей были допущены серьезные ошибки. Один из самых крупных лагерей военнопленных, «Шталаг IA», локализован в Кляйн Дексен (хотя в районе этого поселка находилось только кладбище лагеря). При этом одновременно применительно к этому лагерю были указаны находившиеся рядом поселки Домтау, Геркен и Варкен (правильно — Вакерн). Северная часть лагеря («Лагерь Норд») действительно находилась рядом с Геркен, но локализация других пунктов не совсем точна. Также в качестве основного места расположения лагеря значился Инстербург, причем здесь же были указаны лагеря «Шталаг I/216, I/316». В действительности в Инстербурге находилась рабочая команда I/216 основного лагеря «Шталаг IA». Таким образом, составители списка не делали разницы между основным лагерем и одной из его рабочих команд. Лагерь «Хайдекруг», который являлся «внешним лагерем» «Шталага IA» и находился в районе г. Шилуте (Литовская Республика), был локализован в районе пос. Липки Озёрского городского округа. Здесь даже был создан небольшой мемориал. Размещение «Шталаг IB», находившегося в районе Хоэнштайна, было ошибочно обозначено у пос. Краснополье Правдинского городского округа, хотя на самом деле речь должна идти о современном г. Ольштынек в Польше. Располагавшийся в Судауен (г. Сувалки, Польша) «Шталаг IF» ошибочно отнесен к пос. Орловка Гурьевского городского округа (бывшему Зудау). Лагерь «"Офлаг-53", он же ID IZ, 391 — Тильзит — г. Советск (погибло 10000 человек)» был, как это видно из текста, локализован в г. Тильзит[2]. Этот же список лагерей воспроизведен в очередном томе серии в 2006 г.[3] Но в этом же сборнике опубликован акт судебно-медицинского осмотра территории лагеря в декабре 1944 г., в котором указано, что «Офлаг-53» расположен «в 1,5 км от гор. Погеген» (г. Пагегяй Литовской Республики)[4]. Здесь же представлена статья Г. Игнатова об этом лагере, уверенно локализующая его в районе Погегена[5]. «"Офлаг-60", он же ID» был отнесен к г. Ширвиндт[6]. На самом деле он хотя и находился рядом, но по другую сторону границы — в г. Кудиркос-Науместис (Литовская Республика). За год существования, с июля 1941 г. по июль 1942 г., по разным оценкам, там погибли от 4 до 11,5 тысяч советских военнопленных[7]. В итоге приведенный авторами сборника список лагерей стал каноническим[8]. Правда, следует отметить публикацию о лагере «Хоенбрух», скомпилированную из польской литературы[9].

Подобно лагерям в любой провинции Германии и на оккупированных территориях, находившиеся в Восточной Пруссии концентрационные и исправительно-трудовые лагеря, лагеря военнопленных имели разветвленную систему филиалов («внешних лагерей») и «рабочих команд», которые зачастую находились на расстоянии десятков

километров от «центрального лагеря». К ним добавлялись лагеря для лиц принудительного труда — «остарбайтеров», «восточных рабочих». К сожалению, в настоящее время определить точное количество лагерей и их филиалов не представляется возможным. В целом речь может идти о нескольких десятках «внешних лагерей», подчинявшихся крупным исправительно-трудовым (концентрационным) лагерям и лагерям военнопленных. При этом следует иметь в виду, что каждый «внешний лагерь» мог в свою очередь формировать несколько десятков рабочих команд.

Труд «иностранных рабочих» использовался в годы войны в Германии во все возрастающем количестве. Падение производительности труда, связанное с призывом в армию опытных работников, пытались компенсировать увеличением количества рабочих рук. Их и должны были предоставить, в том числе, трудовые ресурсы из восточных областей: сначала поляки, а затем и «остарбайтеры» — граждане СССР[10]. В январе 1942 г. главная задача аппарата по использованию рабочей силы «Экономического штаба "Восток"» определялась как «заполнение в ближайшие месяцы бреши в хозяйстве, возникшей в связи с уходом в армию всех лиц младших призывных возрастов посредством широкой вербовки русской рабочей силы. Это является решающим для войны и поэтому должно быть выполнено! Если число добровольцев не оправдает ожиданий, то, согласно приказу, при вербовке следует применять самые строгие меры»[11]. В итоге общее количество «восточных рабочих», вывезенных Германией и ее союзниками с территории СССР, составило около 3,2 миллионов человек[12].

Уже в 1945 г., продвигаясь с боями по Восточной Пруссии, красноармейцы буквально на каждом шагу встречали следы угнанных сюда советских граждан. Иногда это был скромный девичий платочек, случайно оставшийся на одном из фольварков. «В сарае рядом с грязными стойлами для скота на досках лежала примятая солома, покрытая старой рядниной. На ней, видимо, раньше кто-то спал. На этой ряднине один боец нашел носовой платок. На нем были пятна крови, а в самом углу было вышито красными нитками русское имя: "Наташа". Солдаты застыли, молча глядя на платок. Так они простояли несколько минут. Потом сержант, спрятав в карман гимнастерки платок, сказал: "Пора, товарищи, в путь"»[13]. В другом фольварке «рядом с господским домом — пристройка с подслеповатыми окнами. Заходим туда. Серые стены, холодный, выстланный кирпичом пол. Сержант Скоробогатенько замечает здесь две швейные машинки советской марки. В другом углу комнаты — большой сундук. В нем поверх поношенного женского платья исписанный неровным почерком лист бумаги: "Дорогие братья! Мы уже слышим, как бьют наши пушки. Сидим под замком, а нам кажется, что вот-вот откроется дверь и мы увидим вас, наших спасителей. Два года мучились мы здесь. Нас было здесь девять русских девушек [...]. Хозяин заставлял нас работать с рассвета до поздней ночи, а кормил чем попало, как собак. Последнюю неделю он запирал нас ночью на замок, боялся, как бы мы не ушли. Нынче вечером он сказал, что утром мы должны ехать вместе с ним дальше от фронта. Спешите, братья, не дайте угнать нас на верную гибель"»[14].

«Меня с дочкой, с племянником 8 лет и сестру с двумя ребятишками весной 1944 года немцы насильно угнали в Германию,— давала показания офицерам Красной Армии Ф. Ф. Гаврилова из Витебска.— Ехали около месяца, вагоны были переполнены людьми. В пути нам не давали воды, и многие от голода и болезней умерли. После приезда нас распределяли, как скот, по помещикам. Я попала работать к помещику Смайлюс. Работала от зари до зари, но нам ничего не платили. Получали мы на неделю 1,5–2 кг хлеба, кроме водяной похлебки нам не варили другой пищи. Помещик бил нас чем попало. Моя сестра и племянник умерли от этих мук, а мы едва дожили до вашего прихода»[15].

В городах Восточной Пруссии при железнодорожных станциях действовали биржи труда, на которые доставляли вывезенных на принудительные работы в Германию. Одна из них находилась в Даркемене[16]. Нравы, царившие на таких биржах, мало чем отличались от того, что происходило на «рынках рабов». Одну из них описал в 1945 г. военный корреспондент М. Г. Брагин, встречавшийся с освобожденными из немецкой неволи. «На рынке разлучали сестер, подруг, землячек, чтобы одиночкам труднее было сопротивляться. Немцы на рынке спорили: каждый хотел получить самых молоденьких, даже подростков они слабосильней, но их легче заставить покориться; старшие сильнее, опытней, но строптивей. Чтобы не было спора, девушек разыгрывали в беспроигрышной лотерее, по десять марок за билет. Билет № 8 пал на документы пятнадцатилетней русской девочки Оли Онуфриевой. Довольный немец оглядел свой «выигрыш», взял документы Оли и поехал в фаэтоне. Оля бежала за ним двенадцать километров по раскаленному асфальту усовершенствованной немецкой дороги»[17]. Известный советский писатель И. Г. Эренбург, побывавший в январе 1945 г. в Восточной Пруссии, свидетельствовал: «В маленьком захолустном Бартенштайне каждая семья, имеющая троих детей, получала работницу — русскую или польку. Одна фермерша мне говорила, что она жила скромно, у нее работали только одна украинка и один итальянец; за них она вносила шестьдесят марок в "арбейтсамт"»[18]. Среди вывезенных на принудительные работы в Пруссию оказались и подростки Валентин и Зоя Гагарины — брат и сестра будущего «космонавта № 1» Юрия Гагарина. Их вместе с очередным эшелоном привезли в Данциг. Оттуда они были отправлены на работы в одно из имений и позднее освобождены Красной Армией[19].

При производствах функционировали лагеря для «остарбайтеров». В Кёнигсберге подобные лагеря находились при верфи «Шихау», вагонном заводе «Штайнфурт», патронном заводе «Прессверке» и артиллерийском заводе «Остландверке» в Метгетене и других местах. Уже после взятия города-крепости с их бывшими узниками встречался фронтовой корреспондент Ю. М. Чернов. «Тягостны встречи с нашими людьми, угнанными в рабство,— писал он.— Из Смоленщины кто есть? — спрашивает нас женщина, возраст которой определить трудно: желтая кожа стягивает скулы. Из-под серого платка выглядывают седые волосы. На груди ромб из грубой холстины, в центре ромба черная девятка: спороть не успела. [...] С нею отец, мать, сестра и шестилетний ребенок сестры. Старики вряд ли дойдут до дома: живые мощи. И в чем только душа держится! И мальчик похож на маленького старичка: сухонький, лицо бескровное, глаза не по-детски серьезные»[20]. «В те дни я почувствовал, что круговая порука связывает свирепых эсэсовцев и мирную госпожу Мюллер из Растенбурга, которая никого не убивала, а только получила дешевую прислугу — Настю из Орла»,— констатировал И. Г. Эренбург[21].

Всего же вместе с задействованными в Германии военнопленными общее число «иностранных рабочих» в стране достигло 7,3 миллионов человек в мае и 7,9 миллионов — в сентябре 1944 г. Трудовой баланс нацистского государства держался именно на них[22]. При этом эффективность использования принудительного труда была весьма проблематичной. В конечном итоге предприниматели получали неквалифицированный персонал с низкой трудовой дисциплиной и далеко не самой высокой выработкой. Однако «Германия — государство-агрессор — была обречена испытывать непроходящую и изнурительную “жажду” дешевых, а еще лучше бесплатных рабочих рук. Подневольный человеческий труд стал своеобразным “наркотиком”, хотя и утолявшим на время боль, но никак не воздействовавшим на ее источники. С этой точки зрения Германия была экономически запрограммирована на поражение, но с чисто наркоманским инстинктом стремилась именно к блицкригам как к последнему шансу»[23].

На территории Восточной Пруссии функционировали и исправительно-трудовые лагеря. Типичным примером одного из них может служить лагерь «Хоенбрух», находившийся неподалеку от современного поселка Громово Славского городского округа. Он был создан в сентябре 1939 г. Первоначально в нем содержались немецкие коммунисты, дезертиры из вермахта и евреи, но вскоре туда стали отправлять поляков, в том числе представителей интеллигенции и бывших чиновников[24]. Первоначально это был «штрафной рабочий лагерь» («Strafarbeitslager»). Он находился под управлением полицейских властей и поэтому часто обозначался как «полицейский лагерь» («Polizeilager»). Но затем он был передан под контроль СС и приобрел характер «исправительно-трудового лагеря»[25]. В 1944 г. численность заключенных достигала 3 тысяч человек[26]. Они работали в находившихся поблизости сельских хозяйствах, а также на мелиоративных работах и в лесничествах: валили деревья, корчевали пни, копали канавы, строили дороги. При этом заключенные не имели специальной одежды и обуви и все время работы проводили босиком в воде и болоте. Даже картофель их часто заставляли копать голыми руками[27].

Плац лагеря, помимо традиционных сборов и перекличек, ночью служил для изощренного наказания, которое сами узники окрестили словом «каррамба» («carramba»). Это был многочасовой, часто на протяжении всей ночи, бег вокруг плаца. Отдельные участки дороги специально поливали водой, на них натягивали проволоку. Часто на дорогу непосредственно перед препятствием направляли свет прожектора. Бегущие слепли, спотыкались и падали друг на друга в грязь. При этом охрана избивала их дубинками и травила собаками, а также обстреливала[28].

Как и во всех лагерях, рацион питания был очень скудным: ежедневно от полу-литра до литра супа из брюквы или капусты. На ужин выдавали литр эрзац-кофе и 200 грамм хлеба, к которому иногда давали немного маргарина. Если же кто-либо из заключенных пытался совершить побег, в наказание весь лагерь переводили на половинный рацион[29].

Основной контингент заключенных лагеря состоял из поляков, но иногда сюда за различные проступки попадали лица принудительного труда из СССР. Одним из них был Юрий Иосифович Хоржемпа, поляк по национальности. В январе 1942 г. его несовершеннолетним угнали на принудительные работы. Он оказался в Кёнигсберге, но за попытку побега был переведен в «Хоенбрух». «В бараке мне выделили место во втором ярусе нар, где были тюфяки из соломы и много-много блох,— вспоминал позднее он.— Посередине барака стоял длинный стол, за которым мы кушали. Правда, слово «кушали» надо брать в кавычки, так как это нельзя было назвать едой. После 10–15 дней пребывания в концлагере я стал похож на скелет, обтянутый кожей. Я копал песок и грузил его в вагонетки узкоколейки — строили дамбу, чтобы вода не затопляла луг. Груженые вагонетки шли вниз своим ходом, вверх их доставляли лошади. Самая легкая работа во всем лагере — тормозным на вагонетках. Но я туда ни разу не попал. Иногда меня водили на погрузку сена на баржи. Выходных дней в концлагере не было. От лопаты на руках образовались кровавые мозоли, а если не выполнил норму — 12 вагонеток песка — то лишали миски супа. У всех заключенных была полосатая одежда, на ногах — клюмпы*, ходить в которых было неудобно.

Рядом с «моим» блоком находился через забор женский блок. Куда водили женщин на работу — этого я не знаю. Запомнился один случай. Однажды вечером всех женщин вывели на плац и заставили бегать по кругу. Начался сильный ливень. Кто спотыкался и падал, тех охранники били кнутами. А в это время на веранде, где глядя на все происходящее, ржали охранники, играла музыка: фокстрот «Пимпер». Запомнился мне этот фокстрот на всю жизнь: лес, ливень, молодые красивые женщины в робах бегают кругами по грязи, их лупят кнутами, и при этом играет музыка. [...] После отбы-

тия срока наказания меня отвезли из концлагеря в Кёнигсберг — опять на биржу. Там меня взял на работу Пауль Бензон. Я был живой тенью. Когда хозяйка первый раз дала мне кушать, я не мог есть: спазмы в горле не давали проглотить, я поел совсем немного — знал, что после длительной голодовки много есть нельзя, но все равно начались колики в животе. Я катался по земле, плакал от боли»[30]. В январе 1945 г. после начала советского наступления лагерь был эвакуирован: тех из заключенных, кто не мог идти — расстреляли, а остальных угнали пешком в сторону Кёнигсберга[31]. Сейчас на месте лагеря находится небольшой мемориал. Неподалеку от него — памятный знак на месте гибели командира специальной разведывательной группы «Джек» П. А. Крылатых: советские разведчики, высадившиеся здесь в июле 1944 г., не знали о существовании лагеря и случайно наткнулись на один из его постов охраны[32].

В самом Кёнигсберге в 1929 г. была построена новая тюрьма, которая получила обозначение «Нойбау» — «Новое здание». Сейчас это следственный изолятор № 1 УФСИН России по Калининградской области. В сборнике публикуются показания Ф. Отейсдорфа, одного из бывших надзирателей этой тюрьмы, арестованного органами «СМЕРШ» (№ 145). Из них следует, что и здесь приводили в исполнение смертные приговоры, вынесенные гражданам СССР. Он не сообщает почти никаких подробностей об этом. Однако его показания можно дополнить материалами, собранными А. Омельяновичем, который сам был заключенным этой тюрьмы. По его данным, упоминаемую Ф. Отейсдорфом гильотину установили здесь в 1940 г. Она находилась в специальном отсеке подвала, стены которого были выложены темным кафелем. Имелись специальные стоки для крови и ее смыва водой. В соседнем помещении, отделенном портьерой, стоял стол, накрытый зеленым сукном. Вдоль стен — кадки с олеандрами, на стене висел портрет А. Гитлера. Рядом находилось несколько десятков небольших камер, без окон и коек, с дверями-решетками. В них приговоренных помещали непосредственно перед казнью. Все заключенные в тюрьме носили черные куртки и брюки, но у приговоренных к смертной казни на груди, рукавах и внизу на штанине нашивались белые полосы шириной 10 см. Это был знак смерти.

Казни в «Нойбау» производились один–два раза в неделю, одновременно казнили до нескольких десятков человек. При этом приговоренный мог ожидать своей участи от шести до девяти недель. Это была пытка: недели ожидания, возможность наблюдать из окна своей камеры вынос из подвала тюрьмы ящиков с телами обезглавленных. И переживание каждой казни, когда жизнь тех, чья очередь пока не пришла, продлевалась еще на несколько дней. К этому добавлялись избиения, карцер с водой (а зимой — инеем) на бетонном полу и стенах, голод. Периодически надзиратели после казни, в окровавленной одежде врывались в камеры и заявляли заключенным, что вскоре на этих сапогах будет и их, узников, кровь.

Сам процесс казни проходил следующим образом. Начальник тюрьмы получал от генерального прокурора Брингманна список приговоренных. В первой половине дня их в наручниках выводили из камер и препровождали в подвал, где запирали в камеры временного содержания. После обеда в подвал спускались сам Брингманн, начальник тюрьмы и ряд должностных лиц. Они заседали за накрытым зеленым сукном столом. Надзиратели срывали с приговоренного одежду и подтаскивали его к столу. Брингманн зачитывал формулу приговора и подавал рукой знак. Отдергивалась портьера, закрывавшая гильотину. Помощники палача деревянными зажимами прочно крепили шею приговоренного к столу гильотины. Затем палач опускал топор, и отрубленная голова падала в корзину. После этого составлялся протокол казни.

Поздно вечером в тюрьму прибывала машина, в которую грузили ящики с телами казненных. Часто из них на двор, посыпанный шлаком, стекала кровь. Овчарка-

волкодав, жившая в тюрьме, металась между ящиками и лакала эту кровь. За этим украдкой наблюдали из окон своих камер другие заключенные...[33]

Одним из самых крупных концентрационных лагерей в Восточной Пруссии являлся «Штуттгоф», находившийся примерно на 30 км восточнее Данцига. Первый транспорт с арестованными поляками прибыл в него в сентябре 1939 г. Уже тогда он обозначался не только как «лагерь гражданских пленных» («Zivilgefangenenlager») (то есть лагерь для арестованных гражданских лиц), но и как «концентрационный лагерь». В 1940–1941 гг. он являлся «концентрационным лагерем»[34], а в октябре 1941 г. был преобразован в «исправительно-трудовой». Хотя отныне его называли «особым лагерем "Штуттгоф"», либо «лагерем принудительного труда "Штуттгоф"», это отнюдь не изменило его характера,— он по-прежнему оставался концентрационным лагерем для Гданьского Поморья[35]. В целом через него прошло не менее 80–90 тысяч заключенных[36]. Публикуемые в сборнике документы свидетельствуют, что этот лагерь постепенно стал приобретать черты, характерные для «лагеря смерти». Здесь заключенных (в том числе советских граждан) уничтожали в газовой камере, а затем тела сжигали в крематории.

Как и все подобные лагеря, «Штуттгоф» обладал разветвленной сетью «филиалов». Летом–осенью 1944 г. произошел резкий рост их численности: в лагерь было направлено почти 43 тысячи евреек из Прибалтики, Польши и Венгрии. Часть из них, около 22 тысяч, перевезли в другие концентрационные лагеря. Остальных, около 21 тысячи человек, направили во вновь созданные филиалы или на сельскохозяйственные работы в частные имения. При этом 10,5 тысяч женщин передали в распоряжение «Организации Тодт», строившей полевые укрепления в районе Торна и Эльбинга, а почти 5 тысяч женщин было занято на строительстве и обслуживании военных аэродромов в Восточной Пруссии. В целом во вновь созданные филиалы из Штуттгофа было отправлено около 30 тысяч заключенных, то есть половина численного состава лагеря на заключительном этапе его функционирования[37]. Всего к этому времени насчитывалось 43 «внешних лагеря», в которых на принудительных работах трудились от 10–20 до 1500 заключенных[38]. Аэродром в Шиппенбайле обслуживали около 1250 узников. На территории современной Калининградской области функционировали «внешние рабочие лагеря» в Кёнигсберге (при вагоностроительном заводе «Штайнфурт», примерно 500 заключенных), на военных аэродромах Хайлигенбайля (1200 заключенных), Зееранпена (1200 заключенных), Гердауэна (1000 заключенных), Йесау (1350 заключенных)[39].

В результате несколько тысяч приписанных к лагерю узников находились в сотне километров от него. В январе 1945 г. после начала советского наступления в Восточной Пруссии встал вопрос об их эвакуации. Части Красной Армии продвигались очень быстро, вскоре отрезав сухопутные пути к главному лагерю. Поэтому было предложено отправить заключенных пешим путем до Пальмникена, откуда перевезти в главный лагерь морем.

В двадцатых числах января колонны заключенных из «внешних лагерей» достигли Кёнигсберга. В них насчитывалось, по разным оценкам, от 5 до 7 тысяч человек. Здесь их разместили в корпусах вагонного завода «Штайнфурт», шпагатной фабрики и казармах на Ратсхофе. Командиром сборной колонны был назначен комендант «внешнего рабочего лагеря» «Штуттгофа» в Кёнигсберге обершарфюрер (фельдфебель) СС Фриц Вебер.

Ранним утром из Кёнигсберга в направлении Пальмникена потянулась колонна заключенных. Впереди шли около 400 мужчин-евреев, которых вел конвой Ф. Вебера. За ними следовали женщины, конвоированием которых распоряжались гауптшарфюрер Кауфельд и один из чиновников «Организации Тодта»[40].

«Так начался "марш смерти", который смогли пережить лишь немногие»[41].

Расстрелы отстающих узников начались уже на окраине Кёнигсберга. Герт Херберг, проходивший службу на находившейся в Гольдшмиде зенитной батарее, позднее свидетельствовал: «Каждые 20–30 тех из них, кто не мог идти дальше и кого не могли вести под руки, расстреливались охранниками из СС из пистолетов-пулеметов»[42]. Скорбный путь от Кёнигсберга до Пальмникена, пройденный изнеможенными от недоедания, усталости и холода заключенными, был буквально усеян телами тех, кто не мог идти дальше и был расстрелян конвоем. Их страдания усугублялись еще и тем, что конвой сознательно двигался по второстепенным дорогам, что увеличило пройденное расстояние. В итоге вместо 50 километров участники вынужденного марша прошли более 80[43]. И каждый километр был отмечен телами убитых. По свидетельству местных жителей, только под Зоргенау на небольшом отрезке шоссе в четыре километра расстреляли от 300 до 400 узников[44]. Об этом прямо говорится и в одном из публикуемых в данном сборнике документов (№ 110). Их хоронили в наспех вырытых братских могилах. Одна из них была обнаружена советскими военнослужащими в апреле 1945 г. неподалеку от Гермау. Акт ее обследования также публикуется в сборнике (№ 102). Во время марша Ф. Вебер не отставал от своих подчиненных. Позднее свидетельница Цвардон показала: «во время всего марша он [Вебер — авт.] держал в руке пистолет, из которого убил многих заключенных. Число убитых им людей назвать просто невозможно. Он стрелял непрерывно»[45]. Ф. Вебер был арестован в 1965 г. в ФРГ. В ходе следствия он покончил жизнь самоубийством.

«Это был лютый день, 29 января 1945 года. Я никогда не забуду этой даты. На нас были грязные одеяла, деревянная обувь и какое-то тряпье, которое называлось платьем. Те, кто не мог идти дальше и падал, расстреливались на месте»,— позднее вспоминала об этом М. Блитц[46]. На самом деле таявшая на глазах колонна заключенных, в которой к этому времени насчитывалось лишь 2–3 тысячи человек, с трудом добралась до Пальмникена поздно вечером 27 января[47]. Здесь они были временно размещены в помещениях слесарных мастерских янтарной фабрики[48]. К этому времени офицерам конвоя стало понятно, что транспорта для перевозки морским путем ожидать не приходится. Поэтому было принято решение уничтожить заключенных здесь. Первоначально их планировали замуровать в штольнях законсервированной к этому времени шахты «Анна», а затем затопить водой[49]. Но этому воспротивился директор янтарной фабрики Ландман. Он получил поддержку от прибывшего утром 30 января майора резерва Ганса Файерабенда, бывшего управляющего имением фабрики и командира местного фольксштурма. Пользуясь своим положением, Г. Файерабенд фактически принял командование на себя. Он категорически заявил: «Пока я жив, евреи будут получать еду и ни один из них не будет убит!»[50]. Однако в этот же день фольксштурм получил приказ занять позиции под Кумененом. Командование вновь перешло к эсэсовцам и судьба заключенных была решена окончательно.

В ночь на 1 февраля изнуренных голодом и лишениями узников, среди которых преобладали женщины, стали строить в колонну, которая вскоре двинулась к морскому берегу. На пляже у подножья копра шахты «Анна» и разыгрался последний акт трагедии. Вскоре те, кто находился в центре колонны, услышали раздающиеся впереди выстрелы: заключенных загоняли на хрупкий прибрежный лед и расстреливали.

Части узников удалось на время скрыться, воспользовавшись темнотой. Но утром на них открыли охоту конвой и члены местного «гитлерюгенда». Последних мобилизовал бургомистр Курт Фридрикс, которому местные жители за пристрастие к спиртному дали прозвище «Синяк». Он лично наливал подросткам шнапс, повторяя, что для них «пробил час испытания»[51].

В итоге лишь полутора десяткам узникам удалось выжить в этой бойне. Их укрыли у себя местные жители, большинство из которых были потрясены разыгравшейся у них на глазах трагедией. Единственного выжившего мужчину спрятали итальянцы из местной команды военнопленных. Еще несколько дней к побережью прибивало тела убитых. А когда наступила оттепель, вода в канавах, в которую превратился растаявший снег, нередко была окрашена кровью[52]. «Пальмникен, до сих пор не тронутый всеми ужасами войны, внезапно попал в мельничные жернова самого дьявола»[53]. Позднее Ф. Вебер пытался оправдываться: «речь должна была идти об акции возмездия, так как был торпедирован корабль "Вильгельм Густлофф"»[54]. Этот лайнер, на борту которого находились курсанты 2-й учебной дивизии подводных сил и беженцы, был потоплен советской подводной лодкой «С-13» 30 января 1945 г. Из находившихся на его борту примерно 6,6 тысяч человек удалось спасти только 1252[55]. Однако история «марша смерти» красноречиво свидетельствует о том, что судьба узников «внешних лагерей» Штуттгофа была решена еще за несколько дней до этого.

В апреле 1945 г. братская могила жертв расстрела была обнаружена советскими военными властями. К сожалению, сейчас ее местонахождение не установлено. А в январе 2011 г. на пляже в поселке Янтарный был открыт памятник жертвам «марша смерти», созданный Ф. Майслером и А. Овадия.

Трагически складывалась судьба советских граждан, попавших в годы Великой Отечественной войны на территорию Германии в качестве военнопленных.

Перед агрессией против СССР в Третьем рейхе ответственность по вопросам, связанных с военнопленными, была разделена между верховным командованием вермахта (ОКВ) и верховым командованием сухопутных войск (ОКХ). За прифронтовую зону отвечало ОКХ, а на территории Германии и «генерал-губернаторства» (то есть Польши) — отдел по делам военнопленных ОКВ. Сначала военнослужащих, взятых в плен, отправляли на армейские сборные пункты, а оттуда — в пересыльные лагеря («дулаги»). Затем их этапировали в основные лагеря — «шталаги». Пленные офицеры содержались отдельно в специальных лагерях — «офлагах»[56]. Для передачи пленных в зону ответственности ОКВ на границе 1-го армейского округа (в Восточной Пруссии) должны были быть созданы «приемные пункты военнопленных», в самой провинции — приемные лагеря. На остальной территории рейха предусматривалось создание 19 «шталагов» и «офлагов» общей вместимостью до 790 тысяч пленных. Но при этом лагеря в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве должны были заполняться пленными «до максимального предела» и «лишь по особому приказу ОКВ» пленные могли быть перемещены на территорию рейха[57]. Во время войны руководство лагерей военнопленных, командиры занятых на их охране воинских частей и сами военнопленные подчинялись командующим соответствующих военных округов. Поэтому нумерация «шталагов» была привязана к номеру военного округа, а буквенная литера присваивалась в соответствии с хронологией создания[58]. Поскольку территория Восточной Пруссии организационно относилась к 1-му армейскому округу, нумерация находившихся здесь «шталагов» начиналась с цифры «1».

С точки зрения нацистского руководства отношение к советским военнопленным должно было полностью отличаться от отношения к пленным других стран. Еще перед нападением на СССР А. Гитлер заявил: «Борьба между Россией и Германией — это борьба между расами. [...] Так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции»[59]. На самом деле советское правительство еще в 1918 г. заявило, что признает не только Женевскую конвенцию 1864 г., но и «другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октя-

бря 1917 года». Это означало и признание Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. Что же касается Женевской конвенции 1929 г., то Советский Союз действительно отказался ее подписать, будучи не согласным с некоторыми положениями (например, привилегированный статус офицеров, что означало неравенство прав военнопленных, разделение их по национальному признаку и т.д.)[60]. Но ведь Германия ратифицировала эту конвенцию в 1934 г., а статья 82 устанавливала: если «одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших». Таким образом, Германия все равно была обязана соблюдать положения Женевской конвенции применительно и к советским военнопленным. Но сама идея гуманного обращения с пленными была изначально отброшена нацистским руководством как не соответствующая его целям. «Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение»,— заявил А. Гитлер на совещании со своим генералитетом 30 марта 1941 г.[61] Так называемые «преступные приказы» («Инструкция об особых областях» от 13 марта 1941 г.; «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск» от 28 апреля 1941 г.; «О военной подсудности в районе "Барбаросса" и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г.; директива ОКХ «О поведении войск в России» от 19 мая 1941 г.; «Приказ о комиссарах» от 6 июня (ОКВ) и 8 июня (ОКХ) 1941 г.) недвусмысленно свидетельствуют о том, что военно-политическое руководство Германии уже в ходе планирования войны против СССР отказалось соблюдать международно-правовые нормы ее ведения[62]. В распоряжении ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. говорилось: «большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением. [...] Неповиновение, активное или пассивное сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия (штык, приклад и огнестрельное оружие). [...] В отношении советских военнопленных, даже из дисциплинарных соображений, следует весьма решительно прибегать к оружию. [...] По совершающим побег военнопленным следует стрелять немедленно, без предупредительного оклика. Не следует проводить предупредительных выстрелов»[63].

На практике же все обстояло еще проще. После начала войны с Советским Союзом Б. Шнайдер из 167-го пехотного полка получил от своего командира роты следующий приказ: «красноармейцев брать в плен лишь в исключительных случаях, другими словами, если нет другого выхода. А в остальных случаях их необходимо расстреливать, то же самое распространяется и на военнослужащих-женщин». Правда, по его утверждению, большинство солдат «действовали вопреки упомянутому приказу»[64]. К концу 1941 г. численность советских военнопленных оценивалась в 3,35 миллиона человек, а на 1 февраля 1945 г.— более 5,7 миллионов человек[65]. Из них к концу войны в живых осталось лишь 2,4 миллиона. Остальные, то есть 3,3 миллиона (или 57%!) погибли в плену (причем около 2 миллионов — до февраля 1942 г.)[66]. В мае 1944 г. на территории Германии, «генерал-губернаторства» и «восточных комиссариатов» находилось более 3 миллионов советских пленных, из них более 1,8 миллиона (то есть свыше 60%!) умерли или были казнены. Лишь 20,4% находились в лагерях, из них около 83% работали[67]. Лейтенант Г. Бекер после войны заявил: «Это всегда проблема, потому что ни в одном пособии по боевой подготовке не объяснено, что делать с 90 тысячами военнопленных. Как и чем их прокормить? Вдруг на твою голову сваливаются 90 тысяч — вы представляете себе, что это за колонна?»[68]. На самом деле это было следствием решений, принятых немецким руководством накануне войны: снабжение советских военнопленных питанием за счет немецких ресурсов изначально не предусматрива-

лось. При этом медицинская помощь раненым должна была оказываться «в первую очередь» советским медицинским персоналом (то есть такими же военнопленными) и с использованием «русских» (трофейных) медикаментов[69]. На практике это означало, что раненые военнопленные помощи почти не получали и подавляющее их большинство было обречено умереть на сборных пунктах и в «дулагах».

Но даже когда транспорт с пленными все же достигал «основного лагеря», их мытарства на этом отнюдь не заканчивались. Уже весной 1941 г. в 6-м армейском округе (штаб-квартира в г. Мюнстер, Вестфалия) было принято решение, что «военнопленные, предназначенные для этих лагерей, должны были сами строить себе жилые помещения и размещаться в огороженном, но неподготовленном для жилья месте»[70]. Это стало общим принципом, о чем прямо свидетельствуют приводимые в сборнике воспоминания советских военнопленных. Они находились в лагере «Офлаг-52», созданном в местечке Шютценорт (пос. Пригородное) под Эбенроде (г. Нестеров) (позднее здесь располагались подразделения «Шталага ID» и «Шталага IF/Z»). Хотя формально «офлаг» считался лагерем для пленных офицеров, значительную часть его контингента составляли рядовые и сержанты. Здесь пленные были помещены в огороженное пространство, но до поздней осени спали на голой земле, роя себе ямы и норы, получая голодный паек. Лишь в октябре–ноябре 1941 г. немецкое армейское руководство приняло решение о строительстве в «русских лагерях» деревянных бараков, но лишь для работоспособных пленных (то есть решающую роль играла потребность в рабочей силе)[71]. Здесь же, в «Офлаге-52», уже изначально было введено разделение по национальному принципу. Эта была одна из мер, направленная на разобщение советских военнопленных. Она прямо предусматривалась распоряжением ОКВ от 8 сентября 1941 г.: «в нынешней «Отечественной организации» (генерал-губернаторство и 1-й военный округ), а также в лагерях на территории Германии разделение военнопленных по их национальной принадлежности уже произведено. [...] Если разделение по особым причинам провести еще не удалось, его срочно следует осуществить»[72]. При этом на первом этапе войны в Германии практиковалось относительно массовое «увольнение из плена». Естественно, это применялось лишь к отдельным категориям пленных, в основном так называемых «дружественных национальностей»: украинцев, уроженцев Прибалтики, финнов, фольксдойче, «кавказцев», «туркестанцев»[73]. Вот и в «офлаге» Эбенроде многие советские военнопленные стремились выдавать себя за украинцев. Они надеялись, что это поможет им если не освободиться, то хотя бы попасть в трудовую команду и, в конечном счете,— выжить.

Первоначально использование труда военнопленных не предусматривалось. Однако уже в 1941 г. стало очевидно, что промышленность и сельское хозяйство Германии испытывают серьезную нехватку рабочей силы. Поэтому именно советские военнопленные стали одним из ее источников[74]. В августе 1941 г. начальник общего управления ОКВ генерал-лейтенант Г. Рейнеке констатировал: «Есть только один закон, который следует выполнять — интерес Германии, направленный на то, чтобы оградить немецкий народ от организованных в рабочие команды советско-русских военнопленных и использовать рабочую силу русских»[75]. Министр вооружений Ф. Тодт уже в сентябре 1941 г. сообщал генеральному инспектору немецких автодорог о достигнутой им договоренности с Отделом по делам военнопленных ОКВ об отправке в Германию 20 тысяч советских военнопленных. Они должны были заниматься строительством автомобильных дорог, и их были готовы принять строительные управления в Бреслау и Кёнигсберге[76]. В ноябре 1941 г. в Германию было отправлено около 390 тысяч советских военнопленных. Но многие из них обессилели от нечеловеческих условий содержания и были малоработоспособны (каждый десятый из них скончался)[77]. Это наглядно

иллюстрируют и воспоминания узников лагеря в Эбенроде. «В нашем лагере уже в августе 1941 года началась массовая смертность среди военнопленных, с каждым днем увеличиваясь, [она] достигла колоссальных размеров»,— вспоминал К. И. Игошев. Во всех подобных лагерях на обмундирование советских пленных наносилась стандартная аббревиатура «SU»[78]. Однако ничто не могло сломить у военнопленных волю к сопротивлению. «На моей прогнившей от пота спине было написано: «2537 Совет Юнион», что значит — Советский Союз. И я гордился этим знаком»,— вспоминал С. И. Зайцев. В августе 2020 г. в Пригородном был открыт памятный знак узникам лагеря «Офлаг-52».

Один из самых крупных лагерей для военнопленных в Восточной Пруссии находился северо-западнее г. Прейсиш-Эйлау. Еще в 1935 г. здесь открыли учебный центр вермахта с большим полигоном. В комплекс вошел специально построенный гарнизонный городок Гартенштадт Штаблак (пос. Долгоруково). Но уже в 1939 г. в северной части полигона (так называемой «Штаблак Норд») был создан лагерь для военнопленных («шталаг»), которому присвоили обозначение «IA Штаблак». Под этим названием — «Шталаг IA Штаблак» (Stalag IA Stablack) — ему и было суждено войти в историю. Уже к концу сентября 1939 г. здесь находилось около 40 тысяч бывших военнослужащих польской армии. Их руками возводились бараки и многочисленные хозяйственные постройки. Рядом с главным лагерем, в отдельно охраняемой зоне, обустроили лазарет для военнопленных. Тогда же в южной части полигона («Штаблак-Зюйд») построили еще один лагерный комплекс — «лагерь Зюйд» (местечко Каминьск, Республика Польша).

С мая 1940 г. в лагерь стали прибывать транспорты с бельгийскими и французскими военнопленными. После начала войны с СССР сюда же доставлялись и советские военнопленные. Считается, что в целом через лагерь, который функционировал до января 1945 г., прошло в общей сложности более 250 тысяч военнопленных, в том числе около 90 тысяч советских, 80 тысяч французских, 40 тысяч польских, 23 тысяч бельгийских, 12 тысяч итальянских и 7 тысяч британских. Однако это не означает, что они находились в лагере одновременно. Часть военнопленных (в том числе бельгийцы) была репатриирована на родину. Большинство польских военнопленных в 1940 г. получили статус рабочих принудительного труда и были отправлены в Германию. Аналогичной оказалась судьба значительной части итальянских и французских военнопленных. В итоге в докладе военного министерства Франции численность военнопленных лагеря на август 1944 г. оценивалась в 18760 человек[79].

Главный лагерь состоял из четырех десятков деревянных бараков, каждый из которых вмещал около 500 человек. Он был разделен на 12 секторов (блоков). Советские военнопленные размещались в двух секторах, их единовременная численность составляла около 4 тысяч человек[80]. «Блок занимал довольно большую площадь. В нем были 5 или 6 больших бараков, оборудованных двухэтажными деревянными нарами на две стороны. Умывальное помещение разгораживало барак на две равные половины. Во дворе был один, но очень большой туалет, не менее чем на 25–30 посадочных мест. Два барака ревира [лазарета. — *А.Н.*] были отгорожены от остального блока колючей проволокой в один ряд. Вход в ревир — через общий блок. При мне он был постоянно открыт и не имел дополнительного поста. В конце блока, также за забором, располагался транспортный блок из двух бараков. Вход в него — только с центральной улицы. В этот блок переводили тех, кто должен был в ближайшие дни отправлен в какую-либо рабочую команду за территорией лагеря»,— вспоминал бывший советский военнопленный Ю. А. Апель[81]. Иностранные блоки советские военнопленные называли просто: «Бельгия», «Голландия», «Франция» и «Польша». Рабочий блок итальянцев и самих итальянцев называли «бадолио»** и «макарони»[82]. Для поступавших в лагерь советских

военнопленных применялся предельно простой метод «естественного отбора» — те, кто после прибытия на станцию мог самостоятельно выбраться из вагонов, попадали в общий лагерь, остальных сразу же увозили в располагавшееся неподалеку лагерное отделение. Оттуда живые, как правило, уже не возвращались[83].

«Фактически весь русский блок выполнял роль карантина и резерва рабочей силы. Сюда поступали пленные из других лагерей. Свежие пленные и выписывающиеся из ревира сортировались по здоровью и пригодности к использованию на работах. По мере выбытия людей на работы из транспортных бараков последние пополнялись из общих бараков. В ревир попадали и заболевшие в общих бараках, но главным образом больных привозили из рабочих команд с территории половины Восточной Пруссии, обслуживаемой Шталагом IA»[84].

Положение военнопленных разных армий сильно различалось. Французские, бельгийские, голландские пленные получали гораздо лучший паек, чем прочие. Помимо этого, они ежемесячно получали продуктовые посылки от Международного Красного Креста. Более того, многие из них до середины 1944 г. принимали такие же посылки от своих семей. Лишь советские и итальянские военнопленные имели только стандартный лагерный паек. «Еда была чистая, сравнительно с другими лагерями — доброкачественная, но она была малопитательная, и маловато ее было. Слишком маловато!»[85]. Но и так было не всегда. В начальный период существования лагеря несколько тысяч военнопленных погибло от истощения и эпидемий. Да и в 1944 г. для того чтобы выжить советским заключенным приходилось «пикировать» — всеми правдами и неправдами пробираться в иностранные блоки, выпрашивать там продукты и рыться в мусорных ящиках. «Поскольку в жарку и варку шли только консервированные продукты, в ящиках не было очисток и обычного кухонного мусора, в основном туда выбрасывалась упаковка от продуктов и продукты, которые для разбалованных желудков западноевропейцев стали непригодными: заплесневевший хлеб, подпорченный сыр, пересохшая сдоба, а также банки из-под масла и консервов, из которых порой еще немало можно было выскрести. [...] Бывало, и нередко, что европейцы давали “пикировщикам” работу, чаще всего это была стирка белья, за работу они платили щедро и хорошими продуктами»[86]. Примечательно, что, по воспоминаниям В. В. Зозули, термин «пикировать» (в значении «добыть еду») использовался советскими военнопленными в «Офлаге-52».

Лагерное кладбище находилось неподалеку от ныне несуществующего поселка Кляйн Дексен. Здесь захоронено около 3 тысяч человек[87]. В 1989 г. оно представляло собой «прямоугольную площадку (85 х 190 м) с 543 одиночными могилами и 14 засыпанными рвами. Из 164 могил в 1971 г. была произведена эксгумация останков французских военнопленных. В 71 могиле находятся останки бельгийских военнопленных, в 14 рвах покоятся останки русских, украинских, белорусских и других национальностей советских граждан, оказавшихся в плену у немцев или вывезенных ими из пределов Советского Союза»[88]. В мае 1990 г. на его месте был открыт мемориал узникам лагеря[89]. Еще одно захоронение было обнаружено непосредственно рядом с лагерем в марте 1945 г. При обследовании нескольких ям овощехранилища лагеря выяснилось, что «ямы наполнены трупами людей, лежащих в 2–3 ряда друг на друге, некоторые лицом вверх, другие ниц, третьи в полусогнутом положении, с вытянутыми или подобранными под себя руками. Трупы одеты в шинели, гимнастерки и шаровары военного образца советских, польских и французских войск, а некоторые в одном нательном белье. Всего в ямах оказалось 307 трупов, все взрослые, мужского пола. [...] Все трупы сильно истощены; на теле трупов имеются выраженные следы физического насилия». Тела были захоронены за два–три месяца до их обнаружения[90].

Из военнопленных, в том числе советских, формировались рабочие команды. Всего их насчитывалось около сорока. Как правило, они размещались в небольших лагерях рядом с предприятиями. Такие команды находились в Кёнигсберге, Инстербурге, Гумбиннене, Тильзите, Лабиау, Хайнрихсвальде, Хайлигенбайле, Велау и других населенных пунктах. Военнопленные, направленные в них, работали на производстве и в сельском хозяйстве, являясь скорее работниками принудительного труда. Например, в Кёнигсберге команда 1/230 обеспечивала рабочей силой лесопильню вагонного завода «Штайнфурт», целлюлозную фабрику «Фельдмюле Коссе», фанерную фабрику «Крагес и Крите», а команда 1/206 — судостроительную верфь «Шихау». Общая численность рабочих команд в 1944 г. составляла около 28 тысяч человек[91].

Судя по всему, лагерь одной из таких рабочих команд описал в своих воспоминаниях академик В. В. Кованов, который в 1945 г. был армейским хирургом 28-й армии. Этот лагерь находился на окраине Домнау. «Там томилось около 700 советских, французских, бельгийских, итальянских и польских военнопленных. Лагерь охранялся эсэсовцами. Людей подвергали пыткам и издевательствам, травили собаками, убивали. Ни о какой медицинской помощи не было и речи. Особенно жестокий режим был создан для пленных советских воинов. Их помещали в отдельные бараки; вся их пища состояла из миски свекольной бурды и ломтя хлеба с опилками. Истощенных, больных и раненых ожидало неминуемое уничтожение»[92].

Еще одна из рабочих команд «Шталага IA» находилась в Пиллау. Здесь на форту «Штиле» размещался арсенал морского минного оружия, на котором проводились работы по его снаряжению боевыми зарядами. К ним привлекались как военнопленные различных национальностей (в основном французы и поляки, а также и советские пленные), так и находившиеся в одном лагере с ними женщины-«остарбайтеры».

В ночь на 26 января 1945 г. произошел взрыв части хранившихся на форту боеприпасов. В результате сильно пострадал и находившийся рядом с ним лагерь. Жертвами взрыва стали 268 военнопленных и «восточные рабочие». Хотя некоторые из них считали, что это могла быть целенаправленная акция по уничтожению лагеря, едва ли можно с этим согласиться. В результате взрыва также сильно пострадал прилегающий к форту жилой район, были повреждены городские коммуникации[93]. Это говорит о том, что он носил случайный характер — скорее всего, в результате неосторожного обращения со взрывчатыми веществами. В 2006 г. на форту в память о погибших здесь узниках был установлен памятный знак.

Многие из попавших в плен стремились всеми силами вырваться из него. Это удавалось далеко не всем. Сохранились карточки военнопленных, в которых иногда встречаются отметки о расстреле тех, кто был пойман при попытке к бегству. Например, приведенная в сборнике карточка военнопленного лагеря «Шталага IA» И.И. Вавилова (№ 27).

Лишь единицам удавалось всеми правдами и неправдами совершить побег и добраться до партизанских отрядов в Белоруссии. Сумели бежать из лагеря К. И. Игошев и С. И. Зайцев. В 1943 г. совершили побег из размещавшейся в Шромбенене рабочей команды «Шталага IA» И. И. Подварков и два его товарища. Их путь только до Белостокщины растянулся на пятьдесят дней[94].

Для большинства военнопленных час освобождения пробил только в 1945 году, после начала советского наступления в Восточной Пруссии. Но по мере продвижения частей Красной Армии немцы стремились эвакуировать пленных и узников лагерей. При этом немецкое руководство понимало, что эти люди представляют непосредственную угрозу для тыла. Поэтому в полном соответствии с его антигуманной логикой было принято решение о расстреле части военнопленных и гражданских лиц. Доку-

менты свидетельствуют о том, что в Кёнигсберге систематически, с февраля по апрель 1945 г. специально отобранными фольксштурмистами под руководством функционеров нацистской партии расстреливались не только военнопленные, но и угнанные сюда советские граждане, в том числе женщины и дети. Некоторые из непосредственных руководителей этих акций после завершения боев были арестованы органами контрразведки «СМЕРШ».

Освобожденные из плена красноармейцы после кратковременной проверки на военно-пересыльных пунктах вливались в состав действующей армии. Многие из них находились в плену с 1941–1942 гг.[95] Часто к ним относились с недоверием. Военнопленных, освобожденных после штурма Кёнигсберга, с иронией называли «кёнигсбергскими трофеями». Некоторые бойцы говорили им: «Что от вас ожидать? Если вы хорошие люди, не попали бы в плен. А когда попали, не сидели бы в плену, ушли бы в партизаны. Вот посмотрим, что вы за вояки!»[96]. Но попав в действующие части, бывшие пленные своей отвагой быстро изменяли отношение к себе. Они сражались самоотверженно, часто шли в атаку с презрением к смерти[97].

В Восточной Пруссии не было гигантских «комбинатов смерти», подобных Треблинке, Майданеку или комплексу лагерей Освенцима. Но и здесь существовала разветвленная система различных лагерей и их «рабочих команд». В них десятки тысяч заключенных, военнопленных и рабочих страдали и погибали от жестокого обращения, непосильной работы, систематического голода и холода. «Эти зверства по отношению к советским гражданам диктовались специальными директивами нацистов, были возведены гитлеровцами в ранг государственной политики. Советский Союз во Второй мировой войне понес колоссальные, невосполнимые потери, и среди миллионов жертв большая часть — это погибшие в плену военные и безжалостно, люто уничтоженные мирные граждане. [...] Такие преступления не имеют срока давности»,— справедливо отметил Президент РФ В. В. Путин в ноябре 2020 г.

к.и.н. А. С. Новиков

* Клумпы (Holzklümpen) — башмаки, выдолбленные из дерева.

** Пьетро Бадольо (1871–1956) — маршал Италии (1926 г.), после ареста Б. Муссолини в июле 1943 г. назначен премьер-министром. Его правительство заключило перемирие со странами антигитлеровской коалиции и объявило войну нацистской Германии.

[1] Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. М., 2020. С. 53.

[2] Список лагерей для военнопленных и интернированных в Первом Военном округе Германии в бывшей Восточной Пруссии — ныне городе Калининграде и области. 1939 — май 1945 г. // Назовем поименно. Калининград, 2000. Т. 13. С. 19–20.

[3] Список лагерей для военнопленных и интернированных в Первом Военном округе Германии в бывшей Восточной Пруссии — ныне городе Калининграде и области. 1939 — май 1945 г. // Назовем поименно. Калининград, 2006. Т. 19. С. 5.

[4] Акт судебно-медицинского осмотра территории бывшего немецкого лагеря военнопленных «Офлаг-53» 17 декабря 1944 года // Назовем поименно. Калининград, 2006. Т. 19. С. 49–50.

[5] Игнатов Г. «Офлаг-53» // Назовем поименно. Калининград, 2006. Т. 19. С. 51–53.

[6] Список лагерей для военнопленных и интернированных в Первом Военном округе Германии в бывшей Восточной Пруссии — ныне городе Калининграде и области. 1939 — май 1945 г. // Назовем поименно. Калининград, 2006. Т. 19. С. 5.

[7] Офлаг 60. Кудиркос Науместис, 1941–1942 гг. URL: http://genocid.lt/muziejus/ru/891/c/ (дата обращения: 01.06.2021).

[8] Мыларщиков С. В Кёнигсберге концлагерь был на концлагере // Калининградская вечерка. 2002. 9 апреля.

[9] Исправительно-трудовой лагерь «Хоенбрух» (воспоминания заключенных) // Назовем поименно. Калининград, 2006. Т. 19. С. 44–46.

[10] Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.С. 46.

[11] Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968. С. 215.

[12] Полян П. М. Указ. соч. С. 132.

[13] Чернов Ю. Гнездо грабителей // Гвардеец. 1945. 9 января.

[14] Макухин М. В усадьбе немецкого рабовладельца // Красная звезда. 1945. 20 февраля.

[15] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО РФ). Ф. 241. Оп. 2656. Д. 189. Л. 37.

[16] Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию. Калининград, 2018. С. 21.

[17] Брагин М. Г. Крах Восточной Пруссии // Штурм Кёнигсберга. Калининград, 2000. С. 119.

[18] Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 378.

[19] Данилкин Л. А. Юрий Гагарин. М., 2011. С. 47–48.

[20] Чернов Ю. М. Ключи от города // Шел солдат дорогою побед. Калининград, 1985. С. 277.

[21] Эренбург И. Г. Указ. соч. С. 377.

[22] Полян П. М. Указ. соч. С. 44.

[23] Там же. С. 46–47.

[24] Łagodziński S. Z badań nad obozem Hohenbruch (według relacji świadków) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1976. № 1. S. 63–64.

[25] Ibidem. S. 65.

[26] Ibidem. S. 64.

[27] Ibidem.

[28] Ibidem. S. 63.

[29] Ibidem. S. 64.

[30] Цит. по: Кенть В. Концлагерь «Хоенбрух» // Балтийский альманах. 2006. № 6. С. 28–29.

[31] Łagodziński S. Op. cit. S. 65–66.

[32] Юшкевич Г. В. Последний из группы «Джек». Калининград, 2017. С. 112–114.

[33] Listy spod gilotyny. Lublin, 1964. S. 8–11.

[34] Stutthof. Hitlerowski obóz koncentracyjny. Warszawa, 1988. S. 80.

[35] Ibidem. S. 83–85.

[36] Ibidem. S. 232–233.

[37] Ibidem. S. 247.

[38] Ibidem. S. 249–253.

[39] Ibidem. S. 251–253.

[40] Государственный архив Калининградской области (далее — ГАКО). Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 4.

[41] Blitz M. Endzeit in Ostpreussen. Ein beschwiegenes Kapitel des Holocaust. Bautzen, 2010. S. 33.

[42] Цит. по: Blitz M. Op. cit. S. 34.

[43] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 4.

[44] Blitz M. Op. cit. S. 35.

[45] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 4.

[46] Blitz M. Op. cit. S. 35–36.

[47] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиши 1, 3.

[48] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 1; Blitz M. Op. cit. S. 37.

[49] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 3.

[50] Blitz M. Op. cit. S. 37.

[51] Бергау М. Мальчик с янтарного берега. События современной истории глазами участника. 1938–1948 гг. Калининград, 2017. С. 95.

[52] Бергау М. Указ. соч. С. 98–99.

[53] Там же. С. 92.

[54] ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 3.

[55] Schön H. Die «Gustloff»-Katastrophe. Bericht eines Überlebenden über die größte Schiffskatastrophe im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 2002. S. 230, 236, 436–437, 445.

[56] Отто Р., Келлер Р. Указ. соч. С. 31; Полян П. М. Указ. соч. С. 217–221.

[57] Штрайт К. «Они нам не товарищи...». Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 77.

[58] Отто Р., Келлер Р. Указ. соч. С. 31–33.

[59] Нюрнбергский процесс. М., 1990. Т. 4. С. 99.

[60] Маринченко А. Положение и правовой статус советских военнопленных в контексте международных соглашений и внутренних документов воюющих сторон. Электронный ресурс. URL: https://scepsis.net/library/id_3393.html (дата обращения: 01.06.2021).

[61] Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 430; Штрайт К. Указ. соч. С. 34.

[62] Маринченко А. Указ.соч. URL: https://scepsis.net/library/id_3393.html (дата обращения: 01.06.2021).

[63] Нюрнбергский процесс. М., 1990. Т. 4. С. 208.

[64] Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. М., 2011. С. 295–296.

[65] Штрайт К. Указ. соч. С. 8, 18–19; Земсков В. Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941–1945 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 103–111.

[66] Полян П. М. Указ. соч. С. 130.

[67] Там же. С. 129.

[68] Кершоу Р. Указ. соч. С. 314.

[69] Штрайт К. Указ. соч. С. 194.

[70] Там же. С. 76.

[71] Там же. С. 182.

[72] Российский государственный военный архив. Ф. 500к. Оп. 1. Д. 25. Л. 135.

[73] Полян П. М. Указ. соч. С. 97.

[74] Штрайт К. Указ. соч. С. 201–227.

[75] Цит. по: Там же. С. 205.

[76] Полян П. М. Указ. соч. С. 149.

[77] Там же. С. 149.

[78] Там же. С. 224.

[79] Documentation sur les Camps de Prisonniers de Guerre. [1945]. P. 3.

[80] Востриков Д. А. Лагерь военнопленных Шталаг IA Штаблак. URL: https://www.prussia39.ru/geo/rinfo.php?rid=24 (дата обращения: 01.06.2021).

[81] Апель Ю. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 — февраль 1945). М., 2009. С. 156–157.

[82] Там же. С. 156.

[83] Там же. С. 153.

[84] Там же. С. 158.

[85] Там же.

[86] Там же. С. 166–167.

[87] Востриков Д. А. Указ. соч.

[88] ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1397. Л. 4.

[89] Памяти павших // Новая жизнь (Багратионовский район). 1990. 8 мая.

[90] ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 224. Л. 40.

[91] Востриков Д. А. Основные рабочие команды лагеря военнопленных Шталаг IA Штаблак. URL: https://www.prussia39.ru/geo/rinfo.php?rid=25 (дата обращения: 01.06.2021).

[92] Кованов В. В. Солдаты бессмертия. М., 1986. С. 223.

[93] Шалагинова Е. Е. Форт «Штиле» в Пиллау // Оборонительные сооружения Европы и Восточной Пруссии. Калининград, 2006. Вып. 2. С. 79–81.

[94] Киселев Г. Партизанский летописец. URL: https://volkovysknews.by/istoriia/75-letie-velikoj-pobedy/4169-partizanskij-letopisecz (дата обращения: 01.06.2021).

[95] Аннануров А. Битва за Кёнигсберг (18-я гвардейская дивизия в боях в Восточной Пруссии). Ашхабад, 1965. С. 141.

[96] Аннануров А. Указ. соч. С. 147.

[97] Там же.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является тематической публикацией документов о преступлениях нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны на территории Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области). Региональный том подготовлен в рамках федерального проекта «Без срока давности».

В издание вошли документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Калининградской области (УФСБКО), архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Омской области (УФСБОО), Государственного архива Калининградской области (ГАКО), Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ). Переизданы ранее опубликованные в рамках серии документы из Государственного архива Псковской области (ГАПО) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Всего в сборник вошли 150 архивных документов, в том числе и фотодокументы.

Фотографии из фондов КОИХМ и Музея концлагеря Штуттгоф (Эльблонгское воеводство, п. Штутово, Польша) не только иллюстрируют текст, но и несут самостоятельную информационную нагрузку.

Отбор материалов осуществлялся с учетом специфики исторической судьбы региона. Калининградская (до 4 июля 1946 г.— Кёнигсбергская) область была образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г. на территории, вошедшей в состав Советского Союза на основании решений Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 г. В годы Великой Отечественной войны это была не оккупированная территория, а часть провинции Третьего рейха — Восточной Пруссии, которая относилась к I военному округу.

В регионе, таким образом, отсутствовало местное советское население. Граждане Советского Союза оказывались на территории нынешней Калининградской области преимущественно в качестве заключенных лагерей военнопленных, трудовых лагерей, как работники принудительного труда — «остарбайтеры», или насильно угнанные с оккупированных территорий Советского Союза. Их судьба все еще нуждается в комплексном изучении. Поскольку в научном обороте немецкая документация по северной части провинции Восточная Пруссия практически отсутствует, определить точное количество лагерей и их филиалов не представляется возможным. По имеющимся сведениям, здесь с 1939 по 1945 год находились порядка 50 лагерей для военнопленных и «остарбайтеров».

Основная задача данного издания — расширение источниковой базы и введение в научный оборот новых архивных и музейных документов, свидетельствующих о преступной деятельности немецких военных и гражданских властей против граждан Советского Союза, принудительно оказавшихся в Восточной Пруссии в годы Великой Отечественной войны.

Территориальный статус региона в рассматриваемый период повлиял на состав документов и, соответственно, на структуру сборника. Этим обусловлено и весьма ограниченное количество фотоисточников. Ранее изданные тома серии преимущественно базировались на документах региональных архивов, а именно фондов местных комиссий, которые работали с 1942 г. в рамках Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), и собирали данные уже в годы войны. В случае с Калининградской областью буквально постранично пришлось выявлять архивные документы в собрании Центрального архива Министерства обороны РФ, в архивах Управления Федеральной службы безопасности России, что ввиду ограниченного доступа к материалам стало возможным благодаря деятельному участию сотрудников регионального УФСБ.

В сборник включены наиболее информативные документы. Большинство воспоминаний и свидетельств наших соотечественников публикуется впервые.

Нередко советские заключенные и работники принудительного труда содержались и работали вместе с поляками, французами, бельгийцами, итальянцами, чехами, евреями. Показания иностранных граждан включены в сборник как важный источник, позволяющий составить более полное представление о преступлениях нацистов и их пособников против советских людей, насильственно вывезенных на территорию Восточной Пруссии.

Хронологические рамки документов, включенных в сборник, охватывают период с 1939 по 2010 г. Самые ранние документы – изображения концентрационного лагеря «Штуттгоф». Самый поздний – рассказ Т.С. Окороковой (Давидовой), уроженки Кёнигсберга, появившейся на свет в феврале 1945 г. в семье заключенных трудового лагеря – советских граждан, принудительно вывезенных из Белоруссии.

Все документы сгруппированы в четыре тематических раздела.

Раздел 1 «Жизнь в лагерях: эксплуатация, лишения, голод». В него включено 58 документов за 1939–2010 гг., дающих представление о системе нацистских лагерей различных типов, существовавших на территории северной части бывшей Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области) в период Великой Отечественной войны, о жестоких, нечеловеческих условиях содержания в них заключенных, в первую очередь, граждан Советского Союза.

В начало раздела помещены документы о концентрационном лагере «Штуттгоф», располагавшемся в соседней с Восточной Пруссией провинции Третьего рейха – Западная Пруссия. Данный лагерь имел разветвленную сеть «филиалов», в том числе, на территории нынешней Калининградской области.

Специальные приказы коменданта «Штуттгофа» о создании внешних лагерей в г. Кёнигсберге и близлежащих к нему районах дополнены воспоминаниями бывших заключенных. Опубликованные в первом разделе акты армейских комиссий, спецсообщения и политдонесения представителей различных частей 3-го Белорусского фронта, составленные зимой–весной 1945 г., по мере овладения нашими войсками территорией противника, имеют особую историческую ценность. В них впервые были зафиксированы и задокументированы масштабные злодеяния нацистских преступников.

Значительную часть материалов, опубликованных в разделе, составляют воспоминания советских граждан, бывших заключенных трудовых лагерей и военнопленных, собранные сотрудниками Калининградского областного историко-художественного музея в 1960-е – 1980-е гг. Источники личного происхождения дают репрезентативную информацию об устройстве лагерей и страшной повседневности узников. Соста-

вители сборника считают своим долгом отдать дань памяти и уважения этим людям, записавшим свои воспоминания для нынешних поколений. Бывший заключенный лагеря «Офлаг-52» (Эбенроде) К.И. Игошев в 1967 г. отправлял свой текст для публикации в Управление военного издательства Министерства обороны СССР, но получил отказ: «Рукопись рассмотрели. К сожалению, издать ее не сможем. Для самостоятельной книги она мала по объему и далеко не совершенна в литературном отношении. Да и сама тема, избранная Вами, не вполне устраивает нас. Рукопись возвращаем»[1]. Текст воспоминаний в значительном объеме вошел в 1-й раздел сборника.

В разделе 2 «Принудительные работы населения, угнанного в Германию» опубликовано 40 документов, датируемых 1942–1991 гг.

Представляют интерес материалы Государственного архива Калининградской области из фонда Германского трудового фронта (Ф. Н-21). В издание вошли оригинальные переводы подлинников постановлений и циркуляров, изданных центральными правительственными учреждениями нацистской Германии, определявших основные принципы эксплуатации восточных рабочих («остарбайтеров»). Установлено, что на 30 сентября 1944 г. в лагерях Восточной Пруссии содержалось 52906 рабочих этой категории, из них 25215 мужчин и 27691 женщин.

В раздел также включены документы, свидетельствующие о настроениях советских граждан, оказавшихся на территории Восточной Пруссии в качестве работников принудительного труда.

Дополняют тему фотографии восточных рабочих, сделанные в разных регионах Германии. Ввиду ограниченности фотоисточников по провинции Восточная Пруссия составители сборника посчитали целесообразным включить эти материалы из фондов КОИХМ (документы № 75–77, 79, 82, 83).

Раздел 3 «Операции по уничтожению мирного населения» содержит документы разных видов (1945–1973 гг.) в количестве 21 единицы.

Значительная часть — акты специальных комиссий, составленные представителями воинских частей 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, действовавших на исходе Великой Отечественной войны на территории Восточной Пруссии (АУФСБКО, АУФСБОО, ЦАМО РФ) и материалы следствия, проведенного в 1959–1982 гг. прокуратурами гг. Берлина, Киля и Люнебурга (ГАКО, Ф. Н-55). Публикуемые документы раскрывают трагическую картину массового расстрела гражданских лиц, состоявшегося в конце января 1945 г. по дороге из Кёнигсберга в м. Пальмникен и на побережье Балтийского моря, жертвами которого стали по разным оценкам от 5000 до 7000 человек. Материалы следствия составили 13 томов. Были допрошены сотни свидетелей (ФРГ, ГДР, Израиль и др.), среди них — выжившие жертвы, бывшие жители Пальмникена, члены конвойной команды, местной организации гитлерюгенда. В деле есть показания «главного обвиняемого» обершарфюрера СС Фрица Вебера, который являлся начальником трудового лагеря на территории верфи Шихау в Кёнигсберге и сопровождал колонну узников из Кёнигсберга в Пальмникен. Следы этой чудовищной трагедии были вскрыты еще в 1945 г. (Коллекция АУФСБКО № 10/307). В феврале опергруппа НКВД при 43-й армии в районе местечка Куменен, расположенного по ходу движения колонны узников в Пальмникен, в лесном овраге обнаружила трупы гражданского населения. Среди расстрелянных — русские, евреи, французы, румыны, из которых большинство женщин от 18 до 35 лет. Комиссия политуправления 3-го Белорусского фронта в апреле–мае 1945 г. вскрыла спонтанные захоронения участников «марша смерти» в районе Гермау и неподалеку от янтарного завода в местечке Краксстепеллен (ЦАМО РФ. Ф. 32).

Раздел 4 «Преступления без срока давности: нацисты и их пособники» содержит 31 документ (1939–1965 гг.). Подавляющее большинство из них датируется 1945 г. и отра-

жает работу органов советской контрразведки по выявлению нацистских преступников и их пособников на территории Восточной Пруссии в первые месяцы после разгрома гитлеровской Германии.

Например, документы коллекции 10/307 УФСБКО, рассекреченные специально для этой публикации, содержат материалы следственных дел Кёнигсбергского Оперативного сектора. Установлено, что в мае 1945 г. в Кёнигсберге члены местной ячейки НСДАП «Отто Райнтке» выполняли секретный приказ партийного руководства провинции Восточная Пруссия. Были созданы отряды фольксштурмовцев, которые патрулировали город и расстреливали оставшееся гражданское население, вывезенное из оккупированных областей Советского Союза, и военнопленных. Таким образом, с февраля и по 5 апреля 1945 г. в 19 лагерях Кёнигсберга было уничтожено около 1700 человек, в т.ч. женщин и детей.

Составителям ввиду ограниченности источниковой базы не удалось сгруппировать отдельные корпусы документов, посвященных преступлениям против детства и уничтожению граждан, находившихся в лечебных учреждениях. Однако данные темы нашли некоторое отражение в отдельных документах представленных разделов.

Подготовка сборника осуществлялась в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и принципами археографического оформления документов, изложенными в приложении № 2 к письму Федерального архивного агентства от 27 января 2020 г. № III/ 180-А.

Большинство документов публикуются полностью. В извлечениях представлены материалы, часть содержания которых не соответствует теме издания. Так, например, в 1-м разделе опущены фрагменты воспоминаний бывших заключенных, касающиеся их пребывания в лагерях вне территории Восточной Пруссии. Если документ публикуется с извлечениями, его заголовок начинается с предлога «Из». Например, «Из воспоминаний...», «Из протокола допроса...». В тексте документа пропуск обозначается многоточием в квадратных скобках ([...]).

В нескольких случаях части одного и того же документа помещены в разных разделах сборника, что оговаривается в примечаниях (например, протокол допроса бывшей заключенной лагеря «Зееграппен» Фриды Клайнман (Гаврилевич)).

Большинство документов снабжены авторскими заголовками. В них указаны: вид, автор, адресат, основное содержание. Публикация документа под собственным заголовком оговаривается в примечаниях.

Делопроизводственные отметки при публикации документов не сохранялись и не оговаривались. Подписи выделяются курсивом.

Все документы, включенные в сборник, датированы. Дата располагается под заголовком в правом углу, независимо от ее размещения в оригинале. Если число, месяц и год не указаны в документе, дата устанавливалась составителями на основании источниковедческого анализа, по содержанию или по смежным документам дела. Материалы, имевшие гриф секретности, прошли процедуру рассекречивания в установленном порядке.

Текст документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей. Для облегчения восприятия при необходимости использовался абзацный отступ. Орфографические и синтаксические ошибки, опечатки, пропуски букв, нарушение согласования, географические названия, имена и отчества, не искажающие смысла, исправлялись в тексте без оговорки в примечаниях. Восстановленные составителями слова и части слов заключены в квадратные скобки. В случае, если текст в документе неразборчив, эти места отмечены как пропуск (многоточие в квадратных скобках) с примечанием.

Сохранены выделения прописными буквами, несущие смысловую нагрузку. Подчеркивания, зачеркнутый и рукописный текст оговариваются в примечаниях.

Названия лагерей заключены в кавычки, если они сопровождаются родовым словом (лагерь), и употребляются без кавычек при отсутствии такового.

Сведения, относящиеся к тайне личной жизни (например, адреса проживания), не воспроизводятся. Опущены также фамилии следователей и других должностных лиц в рассекреченных документах архивов ФСБ России.

Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указаны: название архива, номера фонда, описи, дела, листов, либо учетный номер государственного хранения (для материалов музея). Там же обозначена подлинность документа и способ его воспроизведения. Для переводов иноязычных текстов указывается язык оригинала. В случае если документ был ранее опубликован, указываются сведения о первом издании. Описание фотографий включает: заголовок, дату съемки (при ее отсутствии — примерную дату), автора съемки (если известно), номер единицы хранения или источник происхождения снимка.

Текстуальные примечания обозначаются символом «астериск» («звездочка») и располагаются в конце документа. В них содержатся сведения, касающиеся истории создания текста, его особенностей, погрешностей в написании имен и географических названий, резолюций и помет.

Примечания по содержанию обозначаются арабскими цифрами и располагаются в конце разделов. Они содержат пояснения и дополнительные сведения об отдельных упомянутых в документах лицах, учреждениях Третьего рейха и должностях немецких офицеров, специальных терминах, административно-географических понятиях.

В состав научно-справочного аппарата сборника документов входят: содержание, научный очерк, археографическое предисловие, текстуальные примечания, примечания по содержанию (научные комментарии), именной и развернутый административно-географический указатели, указатель нацистских концентрационных лагерей, лагерей для военнопленных и интернированных, окружных отделов труда Германского трудового фронта, упомянутых в тексте, список сокращений.

В именной указатель вошли все лица, которые встречаются в тексте документов сборника. Алфавитный перечень включает краткие пояснения (должность, звание, заключенный лагеря, работник принудительного труда и т.д.). Статус указан на момент упоминания в документах. Содержание документов позволило с высокой степенью точности идентифицировать большинство персоналий, в том числе их звания и должности. Если лицо не обозначено полностью и не может быть определено, в указателе оно именуется так же, как в документе, например, «Красный Тони», «Жоржет». Если в документе не указаны инициалы того или иного лица, или указаны неверно, но по другим источникам имя и отчество установлены точно, они даны в указателе и оговорены в текстуальном примечании. Установленные имена и отчества даны полностью. Иностранные фамилии (немецкие, польские) встречались в текстах с большим количеством разночтений, что объясняется, в частности, использованием различных способов перевода их на русский язык — транскрипции (позвукового повторения) или транслитерации (побуквенного воспроизведения). Поэтому в каждом переводном документе при первом упоминании в скобках дается написание фамилии на языке оригинала. При наличии разночтений и невозможности установить правильный вариант фамилии, имени, должности в именном указателе приведены все варианты, имеющиеся в документах. В указателе даны оригинальные начертания фамилий и имен иноязычных граждан в том случае, если они встречаются в переводных документах.

В географический указатель внесены все упомянутые в документах населенные пункты, административные единицы, названия улиц, природные объекты. Подавляющее большинство из них идентифицировано, в случае переименования – даны современные названия и административно-территориальная принадлежность. При невозможности установить нынешнее название ввиду неверной транскрипции или транслитерации административно-географическое название внесено в указатель с пометкой «так в документе».

В указатель лагерей упоминаемые в документах объекты внесены либо под устоявшимся официальным названием (например, концентрационный лагерь «Штуттгоф»), либо по месту расположения (Диршауэрштрассе, г. Кёнигсберг (ул. Киевская, г. Калининград)– трудовой лагерь).

Работа над сборником велась авторским коллективом во главе с директором Калининградского областного историко-художественного музея кандидатом исторических наук С.А. Якимовым. Члены рабочей группы: В.А. Беспалов (руководитель межведомственной рабочей группы по реализации проекта «Без срока давности» на территории Калининградской области); Е.С. Манюк, В.В. Макогонова (ответственные составители); О.Д. Панков, Е.А. Рогозин (отбор архивных документов, составители); А.С. Новиков (автор научного очерка, составитель); И.О. Дементьев (научное рецензирование); О.В. Молева (именной указатель); Э.В. Юрченко (географический указатель и указатель лагерей); А.С. Макарычев (перевод с немецкого языка); Н.А. Буйневич, А.К. Елисеева, В.И. Лабжинова, Л.П. Посредникова, И.И. Эйдельман (подбор документов); И.В. Мокина, Ю.В. Ойсбойт, Н.В. Сирож (компьютерный набор текстов документов), И.В. Мартынович (подготовка изображений, верстка), Е.И. Чепинога (фотографирование музейных предметов).

В сборнике использованы переводы документов с немецкого языка Л. Цыпина (№ 64, 66–69), А.А. Шабунина (№ 5, 11–14, 105, 109, 110, 112–118, 130, 132–134), И.П. Щербинской (№ 7, 8, 10). Данные переводы были научно и литературно отредактированы А.С. Макарычевым. Им выполнены переводы документов (№ 59–62).

В представленном издании использованы материалы Калининградского областного историко-художественного музея, собранные его сотрудниками в 1960–1980-е гг., а именно: Н.И. Быковой, Л.Г. Зайчиковой, Е.И. Пенкиной, А.И. Петрикиным, А.Г. Подопригоровой, В.А. Скоробогатовой, А.Е. Цыганковой, И.П. Щербинской, Г.Г. Якубенко и др.

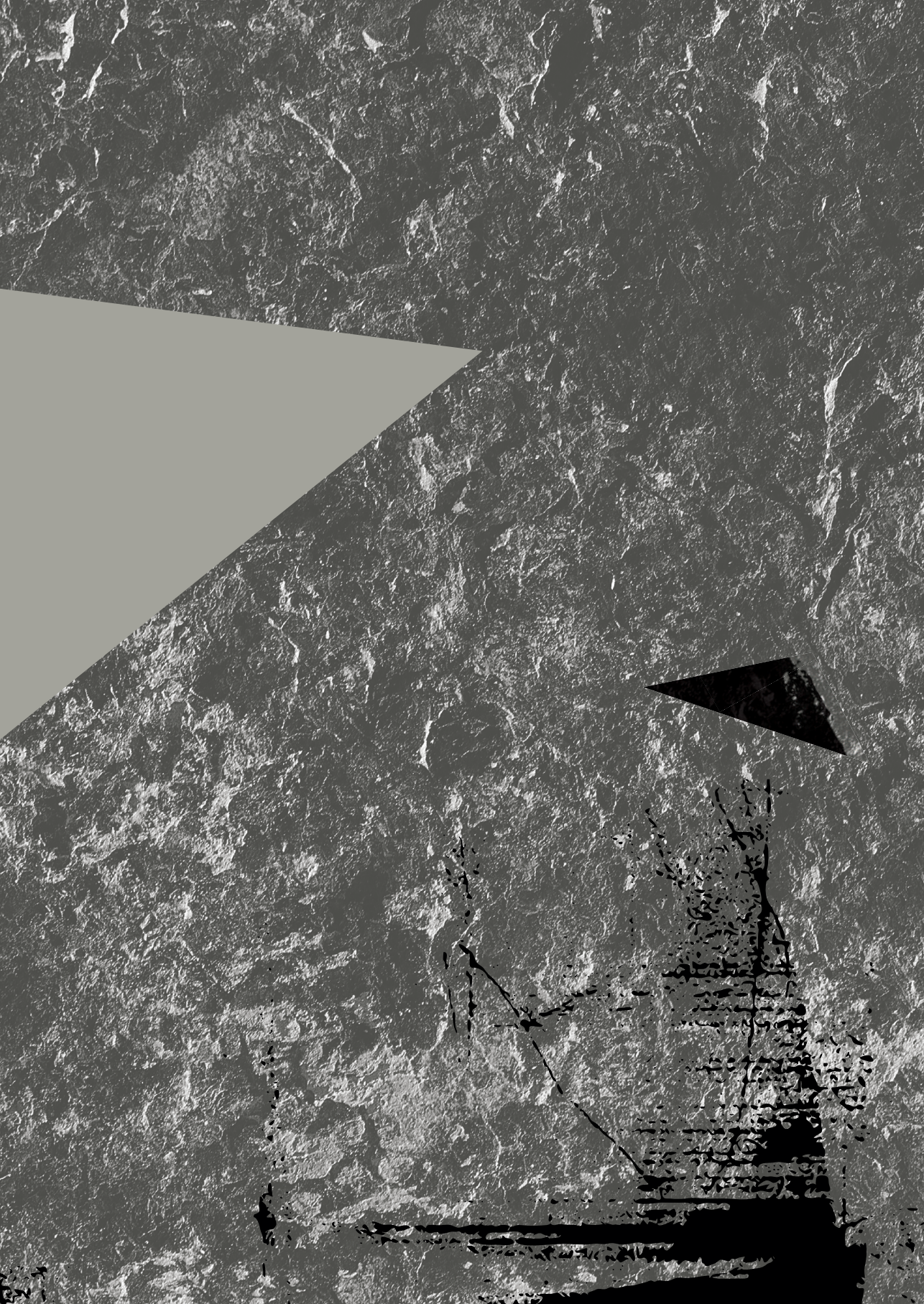
Авторский коллектив выражает благодарность за деятельное участие и бесценную помощь в подготовке издания: Управлению Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Калининградской области (начальнику П.В. Гуляеву), Центральному архиву Министерства обороны Российской Федерации (начальнику О.Д. Панкову), Государственному архиву Калининградской области (директору А.Н. Федоровой, сотрудникам В.И. Егоровой, С.Е. Чекиной), Государственному литературному музею Янки Купалы (директору Е.Р. Ляшкович, ведущему научному сотруднику П.А. Королеву), руководителю направления по взаимодействию с научными и образовательными учреждениями ООД «Поисковое движение России» П.Д. Корсакову, ведущему специалисту Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта А.А. Адылову, а также О.И. Якимовой за значимое содействие в подготовке документов к публикации.

к.филос.н. В.В. Макогонова, к.и.н. Е.С. Манюк

[1] АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 60. Л. 71.

РАЗДЕЛ 1

ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЯХ: ЭКСПЛУАТАЦИЯ, ЛИШЕНИЯ, ГОЛОД



1. Акт об установленных расследованием злодеяниях в отношении советских граждан и граждан других государств в концентрационном лагере «Штуттгоф»

1 августа 1945 г.

Копия.

АКТ.

Об установленных расследованием злодеяниях, чинимых немецко-фашистскими извергами над заключенными советскими гражданами и гражданами других государств в концентрационном лагере м. Штуттгоф /Восточная Пруссия/.

Задолго до капитуляции гитлеровской Германии в Чрезвычайную Государственную Комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников поступили многочисленные сведения о существовании в м. Штуттгоф огромного концентрационного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения советских людей и граждан других государств. После капитуляции Германии этот лагерь был обнаружен частями Красной Армии.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии генерал-майор ИСТОМИН, генерал-майор МИХАЛЬЧУК, полковник БРЕЗГИН, полковник м/с ФИРСОВ, помощник военного прокурора майор юстиции СВИНАРЕВ в течение мая-июня 1945 года произвели тщательное расследование злодеяний немцев в Штуттгофском концентрационном лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская в составе армейского хирурга полковника медслужбы профессора Добычина, судебно-медицинского эксперта капитана медслужбы БРАЦЛАВСКОЙ С.Л.*, начальника патологоанатомической лаборатории майора медслужбы доцента ПОПОВА и техническая: в составе инженеров, инженер-майора ФЕДОРОВА И.А., капитана КАПУСТИНА.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 253 спасенных Красной Армией из числа узников Штуттгофского концентрационного лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами перед капитуляцией крематория и газовой камеры; обнаруженной ямы, в которой на кострах в большом количестве сжигались умерщвленные, установлено:

1. Путем расстрелов, отравлений, впрыскивания в область сердца бензина, голода, повешений, умышленного распространения инфекционных заболеваний, сыпного тифа, дизентерии, брюшного тифа и чудовищных истязаний немцы истребили в Штуттгофском концентрационном лагере около 100 000 человек граждан Советского Союза /русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, евреев/, Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, Дании, Венгрии и др[угих] государств.

2. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Штуттгофский концентрационный лагерь представляет из себя «лагерь смерти».

ШТУТТГОФСКИЙ ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ

Штуттгофский лагерь уничтожения расположен на болотистых дюнах, неподалеку от побережья Балтийского моря в 40–45 километрах от г. Данцига, с которым он связан узкоколейной железной дорогой, пересекающей р[еку] Висла. К югу от лагеря простирается морской залив Фришес-Хафф. Море и залив окружают лагерь с трех сторон.

Строительство лагеря было начато немцами в 1939 г. и продолжалось во все последующие годы, причем масштабы строительства все время возрастали. К 1941 году

лагерь имел только лишь до 15 деревянных стандартного типа бараков и необходимые мелкие здания служб и предназначался в основном для политзаключенных. Но с расширением контингента заключенных количество построек возрастало. К концу 1944 года их уже имелось 112. Согласно макету, обнаруженному в канцелярии коменданта лагеря «СС» «Штуттгоф», лагерь в своей значительной части еще не был достроен, так как предполагалось общую численность жилых бараков довести до 180, причем новая часть лагеря в отличие от старой строилась кирпичной. Все строительство производилось силами заключенных.

При нормальном расселении лагерь мог вместить 32 400 человек, фактически же общая численность заключенных, размещенных в лагере, периодами достигала от 62 до 72 тысяч.

Вся территория концлагеря была обнесена забором от** колючей проволоки. Кроме того, жилая часть лагеря обнесена отдельным забором из колючей проволоки, установленной на фарфоровых изоляторах. Через проволоку пропускался электрический ток высокого напряжения. На подходах к колючей проволоке со стороны бараков дополнительно установлена колючая проволока внаброс глубиной до 3 метров.

Предназначенный в первое время для политзаключенных, лагерь в дальнейшем вместе со своим расширением заполнился самыми разнообразными людьми. В отделении лагеря, построенном в 1943 г. в 3 км от центра и называемом «Германский лагерь», немцы поместили около 300 человек норвежских полицейских и служащих полиции. В другом отделении, выстроенном в 1944 г. ближе к центру и называемом «Особый лагерь», содержались заключенные, привозимые из Познани, по всем данным, немцы, которых держали в очень строгой изоляции. Сюда присылали за самые разнообразные «преступления»: принадлежность к политическим партиям, тайным организациям, сопротивление властям и т[ому] п[одобное]. Сюда присылались за вредные высказывания о государстве, за гонку самогона и просто за воровство.

В декабре 1944 г. в лагере находились люди 22 национальностей, в основной своей массе — русские и поляки. Состав заключенных систематически пополнялся привозом новых людей, которых группами от 12 до 80 человек присылали под строгой охраной из Данцига, Мариенбурга, Эльбинга, Кёнигсберга, Тильзита, Бромберга и др[угих] городов. В 1944 году стали прибывать все большие партии заключенных с востока /с эвакуируемых немцами русских областей/. В конце этого года порядковый номер заключенного перевалил за 100 тысяч. Из Штуттгофа партии заключенных направлялись иногда в другие лагеря, как например, Маутхаузен, Дёлау, Бухенвальд, Равенсбрюк /специальный женский лагерь/, Гросс-Розен, Заксенхаузен, Нойенгамме.

Многие заключенные еще до прибытия в лагерь «Штуттгоф» при допросах избивались полицией, направлялись прямо в больницу, а то и просто умирали. Некоторые умирали по дороге в лагерь.

Невыносимые антисанитарные условия, в которых находились заключенные, голодные нормы питания, непосильная физическая работа по 16–17 часов в день, отсутствие надлежащей обуви и одежды, особенно в зимнее время, наконец, изощренные зверские расправы и экзекуции, которые проводились в лагере /избиения, расстрелы, вешение, впрыскивание яда и т[ому] п[одобное]/ приводили в итоге к массовому уничтожению людей.

Для сжигания трупов, умерщвленных в 1942 году, немцы построили крематорий с двумя печами, а в 1943 году другой с двумя новыми печами. При крематории находилась так называемая «баня особого назначения», газовая камера для удушения людей отравляющим веществом «Циклон».[1]

Предназначенных для умерщвления людей заставляли раздеваться, а потом ударами палок, оружейных прикладов и др[угими] физическими средствами загоняли в «баню».

Все двери камеры герметически закрывались, и в круглое отверстие перекрытия засыпался «циклон». Процесс удушения продолжался 45 минут, после чего трупы вытаскивались и сжигались в печах крематория. Перед сжиганием у трупов вырывались золотые зубы и коронки. На небольшой в 24 кв[адратных] метра внутренней площади газовой камеры одновременно отравлялись до 96 до крайней степени изможденных и истощенных людей.

В каждой кремационной печи одновременно сжигалось до 12 трупов, положенных продольно в 2 ряда. Вследствие того, что «производительность бани» значительно превышала пропускную способность печей крематория, немцы сжигали умерщвленных на кострах несколько в стороне от лагеря. На костер обычно укладывалось 800–900, а иногда свыше 1000 трупов, затем гигантский штабель человеческих тел и дерева поливался смолой или другим горючим веществом и зажигался. Процесс сожжения на костре продолжался 2–3 дня. В штуттгофском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали сотни заключенных. А в общей сложности они умертвили здесь свыше 100 000 человек.

МЕТОДЫ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Как установлено расследованием, немецкие изверги и их приспешники из числа заключенных, получавшие за свое угодничество перед немцами различные подачки — вино, одежду, улучшенное питание и денежные премии, — уничтожали обреченных в Штуттгофском концентрационном лагере различными методами, применяя к ним чудовищные издевательства.

Наиболее распространенным методом истребления заключенных являлось их удушение в газовой камере ядовитым веществом «Циклон».

Отбор заключенных для уничтожения, как показывает свидетель СКШИПКОВСКАЯ Хелена, производился следующим образом:

«В женский лагерь приходил шеф женского лагеря «СС» обершарфюрер[2] ФОТТ и предлагал произвести построение заключенных. Я вызывала комендантов блоков и отдавала им аналогичное приказание. ФОТТ обходил строй и по своему усмотрению отбирал заключенных. Последних я и коменданты блоков выстраивали по 5 человек в ряд и охраняли до окончания отбора. Я подсчитывала количество отобранных и докладывала ФОТТ, после чего заключенных «СС»-вахманы[3] отводили в 3-й лагерь».

Из 3-го лагеря отобранные партиями, под различными предлогами — санобработка, медосвидетельствование — направлялись в газовые камеры для удушения «Циклоном», о чем арестованный «СС» штурмманн[4] ШТУММЕР Лоренц рассказал:

«Умерщвление в газовой камере, которая работала до апреля м[еся]ца 1945 г., производилось следующим образом: обреченных вахманы батальона «СС» приводили партиями, рассчитанными на вместимость газокамеры, и предлагали им войти в нее. Сопротивлявшиеся вталкивались насильно, в чем я лично принимал участие, после чего двери закрывались специально установленной чекой. Сразу же на поверхность камеры поднимался начальник крематория «СС» унтершарфюрер[5] Рах и в отверстие прикрытия высыпал отравляющее вещество, являющееся одним из препаратов синильной кислоты, а затем отверстие плотно закрывал привинчивающейся крышкой. Примерно через 25–30 минут двери газокамеры открывали работники крематория, причем заключенные были уже мертвые. Умерщвление производилось не каждый день, но иногда умерщвляли и 2 партии в 1 день по 55–60 человек в каждой».

За время существования газокамеры в ней были истреблены десятки тысяч заключенных. По этому поводу свидетель ГЕРМАН Вальтер сказал: «Однажды в парикмахерской в январе 1945 г. «СС» гауптштурмфюрер КЕМНИЦ ФОТТ рассказал, что по январь 1945 г. через посредство газовой камеры было уничтожено 15 000 человек. Этот разговор сам лично слышал».

Кроме удушения немецкие палачи систематически проводили расстрелы. Свидетель КРАВЧИК описывает их так: «Расстрел заключенных производился в одной из комнат здания крематория. Заключенные приводились к зданию крематория группами по 20–30 человек, где их раздевали якобы для медицинского осмотра, и унтершарфюрер Рах вводил в комнату по одному человеку, ставил в ростомер, а ФОТТ выстрелом в затылок убивал. После каждого расстрела я или Франц Киттэ брали труп, уносили в крематорий, где подвергали сожжению».

Расстрелы заключенных, как показывает свидетель Штуммер Лоренц, производились и в тире:

«Со слов штурмманнов батальона «СС» «Мертвая голова»[6] — Лойера, Вольфа Петера и Леваловского — мне известно, что заключенные подвергались расстрелам в специально выстроенном тире».

По этому же вопросу Герман Вальтер, работавший в лагере парикмахером, показал:

«В ноябре 1944 года в парикмахерской в моем присутствии между Кемницем и унтершарфюрером Петерсом происходил разговор о том, как они в тире выставили двух заключенных мужчин на расстоянии 100 метров и стреляли из пистолетов по живым мишеням. КЕМНИЦ смеялся над Петерсом, что он плохо стреляет и не может попасть на таком расстоянии, в то время, как он, Кемниц, попадал в человека с первого выстрела».

Наряду с расстрелами немецкие палачи умерщвляли свои жертвы путем впрыскивания в человеческое тело бензина, о чем КРАВЧИК рассказал: «Умерщвление заключенных путем уколов производилось в той же комнате, где и расстрелы, куда обреченные вводились по 1 человеку. Находившийся в ней в белом халате унтершарфюрер Шмидт вводимому заключенному, если он был здоров, говорил, что будет делать прививку от тифа, а больному говорил, что будет делать уколы для лечения. Тут же заключенному делался укол в область сердца, после чего наступала моментальная смерть. Трупы отравленных мною уносились в крематорий и сжигались».

Свидетель Липкин М., бывший фармацевтом аптеки лагеря, по этому же вопросу показывает: «В 1944 году зимой ШМИДТ несколько раз по утрам, когда больные из лагеря поступали в больницу за оказанием медицинской помощи, производил отбор более слабых здоровьем заключенных в количестве 30–40 человек и направлял их на бензонирование. При помощи шприца в вену вводился бензин, и человек умирал».

О массовом истреблении заключенных путем шприцевания свидетель БЕНШ говорит:

«В конце августа 1944 г. ШМИДТ, санитары БЕНТ и ЧЕРВИНСКИЙ после обеда пошли в лагерь, где самостоятельно произвели отбор истощенных женщин. Отобрав их в группы от 20 до 30 человек в каждой, на телеге перевезли в крематорий. Здесь ШМИДТ произвел им смертельные уколы шприцами, а БЕНТ и ЧЕРВИНСКИЙ вводили в комнату по 1 человеку. Таким образом до 15 сентября 1944 года ШМИДТ, ЧЕРВИНСКИЙ и БЕНТ уничтожили до 1000 человек. В последующих месяцах — октябре и ноябре 1944 года — еженедельно ШМИДТ, ЧЕРВИНСКИЙ и БЕНТ приводили в больницу заключенных группами по 30–50 человек, умерщвляли их посредством уколов, а трупы вывозили в крематорий на сожжение».

Повешение заключенных также являлось одним из методов истребления обреченных. Свидетель СКШИПКОВСКАЯ Хелена вспоминает: «Для поддержания «порядка» в лагере немцы в сентябре или же в октябре 1944 года повесили 3-х заключенных, причем на место казни привели всех заключенных, которых в то время насчитывалось до 40 тысяч человек. Двух человек повесил старшина лагеря ЗЕЛОНКА, а третьего КЕМНИЦ».

Другой свидетель повешения обреченных ГЕРМАН Вальтер сообщил: «За период моего нахождения в лагере я сам был свидетелем 7 случаев, когда производилось публичное повешение заключенных. Всего было повешено около 20 человек. Кроме того,

я лично видел у крематория замаскированную виселицу, на которой в феврале м[еся]це 1945 года было повешено 8 человек».

Кроме вышеизложенного, немцы умышленно распространяли среди заключенных инфекционные заболевания, о чем арестованный бывший комендант мужского лагеря Куссауэр Пауль говорит:

«Мне из разговоров со старшиной лагеря немцем ЗЕЛОНКА известно, что администрация лагеря в декабре 1944 года приступила к массовым прививкам заключенным сыворотки сыпного тифа. За короткий срок были сделаны прививки 3 тысячам мужчин и 1500 женщин. Примерно через 18 дней в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, от которой в 3-м лагере, как его называли, «лагерь смерти», умерло 5500 женщин и 700 мужчин».

Расследованием установлено, что немецкие изверги и их прислужники подвергли заключенных всевозможным издевательствам.

В Штуттгофском концентрационном лагере 14 блок заключенные прозвали «курсовым».

Как показал бывший заключенный РЕМЕЗ Р. П., назначение этого блока сводилось к следующему:

«В апреле месяце 1944 г. нас, прибывших в лагерь, в составе 300 человек поместили в 14 блок. На протяжении месяца с 4 часов утра и до 8 часов вечера нашу группу комендант блока /фамилию не помню/ в присутствии офицера «СС» выстраивал и приступал к занятиям. Нас заставляли ходить гусиным шагом и в это время подражать петушиному и гусиному крику, а также собачьему лаю и мяуканью. Прыгать на одной ноге, ползать на животе, бегать вокруг столба [с] аналогичными выкриками. Отстающих или нежелающих кричать комендант блока и штубовой[7] избивали палками».

Бывший заключенный Вильдо Бруно рассказал: «В декабре 1943 г. из лагеря сбежал один заключенный. В наказание за это комендант лагеря Хоппе выстроил всех мужчин лагеря на площадке и заставил стоять на морозе».

Не отставала в совершении зверств от своих прямых начальников и нижестоящая администрация лагеря, например, коменданты блоков. Бывшая заключенная Покомунская Рива показала: «Комендант блока 19-б БОНДАРЕНКО Валентина в апреле м[еся]це 1945 г. мне и еще двум девушкам ножницами стригла на голове волосы, а затем поставила нас на колени с поднятыми руками в центре лагеря и продержала в таком положении 3 часа, после этого заставила нас голыми руками чистить уборную».

Свидетельница ВОЛЬСКАЯ заявила: «Комендант 1-го блока ЯЦКОВСКАЯ в феврале 1944 года заставила 25 женщин заниматься под дождем штрафной «гимнастикой». В течение 2 часов женщины стояли на корточках с вытянутыми руками, после ЯЦКОВСКАЯ заставила их ходить гусиным шагом».

Эта же свидетельница показала: «Комендант еврейского лагеря КУСАУЕР в январе и феврале 1945 года неоднократно принимал участие в истязаниях заключенных женщин и девушек. Выстроив группу в 50–60 человек, приказывал им раздеться догола, смачивал их платья в холодной воде, затем заставлял одевать их и держал людей на морозе по несколько часов. Многие заключенные простуживались, а некоторые из них умирали».

Находящаяся под следствием ПЕЦИХИНА Александра говорит о зверствах над заключенными следующее:

«Работая комендантом женского лагеря, я требовала от своих подчиненных жестокого обращения с заключенными и давала им полную самостоятельность избивать и применять другие издевательства над заключенными. Лично я ежедневно избивала заключенных от 5 и более человек.

В октябре 1944 года я без причин задержала на 2 часа обед заключенным в количестве 500 человек, прибывшим с работы. Я задерживала выдачу обедов неоднократно и в дальнейшем.

В октябре 1944 года я без причины заставила сидеть на корточках 500–600 заключенных в течение 30 минут. Помимо указанных массовых случаев издевательств над заключенными я производила над ними издевательства в индивидуальном порядке. Так, например, заключенную, сделавшую какой-либо проступок, ставила на стул во весь рост, выгоняла всех заключенных блока и выстраивала их вокруг стула, заставив наказуемую повторять в течение часа за что ее поставили на стул».

Находящаяся под следствием бывшая начальником женского лагеря СШИПКОВСКАЯ[3]* показала:

«В декабре м[еся]це 1943 г. при т[емпературе] 18–20 [градусов ниже нуля] КЕМНИЦ приказал выстроить 1700 заключенных, взять в обе руки снег и держать его до тех пор, пока он не растает. Выполнив это приказание многие заключенные обморозили себе руки и ноги».

Часто издевательства над заключенными приводили к смертельным исходам.

Свидетель ВОЗНЯК приводит пример:

«Зимой 1945 г. во время поверки один из эсэсовцев без всякой причины подошел и ударил кулаком по лицу одного из заключенных, сбив с него шапку. Тот нагнулся за шапкой. Эсэсовец убил его наповал за «попытку к бегству».

В другой раз 3 эсэсовца резиновыми дубинками загнали двух заключенных к колючей проволоке и хохотали, наблюдая, как их жертвы гибли от электрического тока».

При концлагере находился батальон СС «Мертвая голова», где было 50 сторожевых собак, которых немцы на потеху себе спускали с цепей и натравливали на заключенных.

Собаки также служили для розыска беглецов из лагеря. По этому поводу свидетель ТЕПЛОВ В. Ф. показал: «В ноябре 1943 г. во время работы заключенный по национальности украинец пытался бежать из лагеря и спрятался в куче опилок на территории лагеря. Во время вечерней поверки немцы обнаружили его исчезновение и пустили на розыск собак, которые обнаружили заключенного и изорвали его в куски. Немцы бросили растерзанный труп у ворот лагеря, осветили его прожекторами и для устрашения заставили всех заключенных пройти мимо трупа».

Кроме перечисленных выше фактов истребления и издевательств над заключенными руководство лагеря создавало невыносимые условия на работах, вследствие чего истощенные заключенные доходили до степени изнеможения и многие из них умирали.

УНИЧТОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ УМСТВЕННОГО ТРУДА

За период существования Штуттгофского концлагеря немецкие изверги уничтожили тысячи работников умственного труда и представителей интеллигенции разных стран.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы заметали следы своих преступлений, но все же полностью сделать им это не удалось.

В помещении комендатуры Штуттгофского концлагеря была обнаружена часть учетных карточек умерщвленных заключенных /в количестве 1057 штук/.

Изучением последних установлено, что в течение 1942 г. в лагере было умерщвлено значительное количество инженеров, врачей и других категорий интеллигенции.

Вот, например, карточка № 888/42. В ней написано:

1. КЕРИНСКИЙ Иван, 1910 г[ода] рождения, уроженец Харьковской области, русский, по профессии инженер. Умер 1 сентября 1942 г. в 3 часа 20 минут в м. Штуттгоф, обл[асть] Данциг, от разрыва сердца.

2. 578/42 ЛЕВАНДОВСКИЙ Мицеслав, 1914 г[ода] рождения, уроженец г. Варшавы, поляк, инженер. Умер 30 июня 1942 г. в 3 часа 20 минут в м. Штуттгоф. Причина смерти: ослабление сердечной деятельности, общая слабость организма.

3. 169/42 МИРАУ Стефан, 1901 г[ода] рождения, уроженец г. Розенберг, р[айо]н Данциг, поляк, по профессии врач. Умер 24 апреля 1942 г. Причина смерти: хронический грипп, ослабление сердечной деятельности.

4. 144/42 КЕЙЛЬМАН Николаус, 1896 г[ода] рождения, уроженец г. Риги, эстонец, врач. Умер 30 марта 1942 г. в 9 часов 20 мин. Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

5. 77/42 БИСС Артур, 1880 г[ода] рождения, уроженец Швейцарии, швейцарец, журналист. Умер 12 января 1942 г. Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

6. 910/42 МАРЧЕНКО Михаил, 1924 г[ода] рождения, уроженец Сумской области, русский, студент. Умер 2 ноября 1942 года. Причина смерти: ослабление сердечной деятельности.

Из изучения этих карточек явствует, что большинство из «умерших» было насильно умерщвлено. Это же подтверждается показаниями бывшего заключенного ВЛОДАРЧИК Францишек.

Работая в политическом отделе лагеря,— говорит он,— я часто видел, как вели заключенных в газокамеру или крематорий, а через несколько дней к нам поступали списки на этих людей с указанием даты и диагноза смерти: «умер от ослабления сердечной деятельности».

РАССТРЕЛЫ И УБИЙСТВА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Немцы, игнорируя и попирая международные правила об отношении к военнопленным, часто учиняли над ними кровавые расправы.

СВИДЕТЕЛЬ ВЛОДАРЧИК Францишек показал: «В сентябре 1944 г. в лагерь поступил 76 человек военнослужащих Красной Армии, попавших ранеными в плен. После выздоровления они были выписаны из различных немецких госпиталей в Латвии, многие из военнопленных не имели ноги и руки. Три дня они находились в лагере под открытым небом, не получая никакой пищи, лишь за полчаса до смерти им было выдано по кусочку хлеба и сказано, что их сейчас направят на полевые работы. В действительности их повели в газокамеру. Некоторые догадались об этом и стали разбегаться, но конвой, применив оружие, заставил всех войти в газокамеру, где они и были удушены.

В апреле 1944 г. в лагерь поступили 4 пленных летчика Красной Армии в военной форме. Спустя 2 часа после их прибытия в лагерь за ними пришли КЕМНИЦ и ЛИТКЕ и повели их в крематорий. Как только летчиков завели в здание, я услышал пистолетные выстрелы. Летчики были убиты, а потом сожжены в крематории.

В декабре 1944 г. в лагерь прибыли 13 человек парашютистов Красной Армии, попавших в плен к немцам около г. Алленштайн. В первых числах января 1945 г. все 13 парашютистов были отведены в здание крематория, куда вызывались по одному человеку и расстреливались. В книге учета все они были помечены как умершие.

5 мая 1945 г. в р[айо]не устья р[еки] Висла в д. Бозак в плен к немцам попали 20 человек рядовых Красной Армии. По прибытии их в лагерь все они были уничтожены путем расстрелов в здании крематория вышеуказанным способом и сожжены в печах крематория».

НЕМЕЦКИЕ ПАЛАЧИ УБИВАЛИ В ШТУТТГОФСКОМ КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ГРАЖДАН СССР, ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ, ФРАНЦИИ, ВЕНГРИИ и ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Как установлено многочисленными показаниями свидетелей, в Штуттгофском концлагере немецкими палачами систематически уничтожались граждане Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, Югославии и Венгрии. Люди уничтожались

путем удушения в газовой камере, путем расстрелов, повешений, специальных смертельных уколов и последующего сожжения трупов в печах крематория. В дни наибольшей смертности заключенных трупы сжигались также и на кострах.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный ВЛОДАРЧИК Францишек, по национальности поляк, показал, что в концлагере немцами ежедневно производились массовые удушения заключенных в газокамере. В книгах учета лица, умерщвленные в газокамере, помечались как умершие и проставлялась дата «смерти». «Работая писарем по учету заключенных,— говорил ВЛОДАРЧИК,— я знал, что за сутки через газокамеру пропускалось до 200 человек заключенных в день».

Приведу несколько примеров уничтожения людей в газокамере:

В феврале 1944 г. в Белостокской области было арестовано 25 человек поляков. Прибыв в лагерь, они все были удушены в газокамере.

В мае 1944 г. из Варшавы поступило 1500 человек арестованных поляков, большинство из них вскоре были также умерщвлены в газокамере.

В газокамере уничтожались без разбора молодые и старые, мужчины, женщины, дети всех национальностей.

Истребление заключенных производилось и посредством массовых расстрелов, для чего намеченных лиц приводили под конвоем к зданию крематория, куда впускали по 1 человеку; как только человек входил в раскрытую дверь крематория, стоявшие за дверью «СС» обершарфюрер ФОТТ, гауптшарфюрер[8] «СС» КЕМНИЦ[4*] поочередно стреляли вошедшему в затылок, после чего труп убирался в другую комнату, где находились печи, и сжигался.

Одним из методов уничтожения заключенных являлось впрыскивание им в вену специальных жидкостей, от которых наступала быстрая смерть.

Таким образом, можно сказать, что расстрелы, удушения в газокамере и шприцевание носили массовый характер. Это была тщательно придуманная система уничтожения заключенных лагеря.

ГИТЛЕРОВСКИЕ БАНДИТЫ ИСТРЕБИЛИ В ЛАГЕРЕ ОКОЛО 100 000 ЧЕЛОВЕК

Боясь ответственности за совершенное преступление в Штуттгофском концлагере, немецкие палачи перед своим отступлением старательно уничтожали следы своих злодеяний — документы, могущие показать всему миру их подлую работу по уничтожению заключенных лагеря и точное количество людей, уничтоженных ими с начала существования концлагеря.

Но благодаря стремительному наступлению Красной Армии немцам не удалось полностью замести следы своих кровавых злодеяний, хотя ими и была оставлена при лагере специальная команда с задачей подорвать крематорий, газовую камеру, сжечь бараки, где содержались больные и обреченные на смерть заключенные. Указанной команде удалось лишь подорвать крематорий, газовую камеру и сжечь 10 бараков с заключенными. Никакие ухищрения не помогли гитлеровцам. Показания оставшихся в живых заключенных, найденные отдельные документы и другие вещественные доказательства убедительно изобличают немецких палачей в том, что в Штуттгофском концлагере ими уничтожено, отравлено, расстреляно и сожжено в крематории и на кострах около 100 000 человек заключенных, главным образом, поляков, русских и евреев.

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ НЕГОДЯЕВ

Чудовищные злодеяния, совершенные немецко-фашистскими извергами в Штуттгофском лагере, проводились по директивам бывшего гитлеровского правительства Герма-

нии и под руководством рейхсфюрера «СС»[9] и полиции Генриха Гиммлера, генерал-лейтенанта «СС» Кацман, обергруппенфюрера[10] Хельфинг, гауляйтера[11] Форстер Альберта.

Непосредственными исполнителями злодеяний являлись:

Комендант лагеря «СС» штурмбанфюрер[12] Хоппе Пауль, заместитель коменданта лагерей гауптштурмфюрер[13] Майер, помощник коменданта лагерей гауптштурмфюрер фон Бонн, начальник полиции лагерей обершарфюрер Фотт, старший врач лагеря гауптштурмфюрер Хойдель, старшина лагерей Зелонка Франц, командир 1 и 2 рот батальона «СС» «Мертвая голова» гауптштурмфюрер Редих, командир 3 роты батальона «СС гауптштурмфюрер Элле Пауль, руководитель абвергруппы[14] гауптштурмфюрер Кемниц, помощник руководителя абвергруппы унтершарфюрер Цублиц, руководитель политического отдела лагерей обершарфюрер Литке, начальник строительного отдела лагерей шарфюрер[15] Люц, руководитель охраны лагерей главный штурмфюрер[16] Трауготт Майер, начальник газокамеры крематория лагерей Рах и штурмфюрер Шмидт.

Все вышеуказанные лица, руководившие лагерем и принимавшие личное участие в убийствах и истязаниях над заключенными лагеря смерти «Штуттгоф», должны предстать перед судом народа и понести заслуженную кару.

П. п. ГЕНЕРАЛ-МАЙОР – ИСТОМИН
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР – МИХАЛЬЧУК
ПОЛКОВНИК – БРЕЗГИН
ПОЛКОВНИК м/с – ФИРСОВ
ПОМ[ОЩНИК] ВОЕН[НОГО] ПРОКУРОРА
МАЙОР ЮСТИЦИИ – СВИНАРЕВ
АРМЕЙСКИЙ ХИРУРГ ПОЛКОВНИК
МЕДСЛУЖБЫ ПРОФЕССОР – ДОБЫЧИН
СУДМЕДЭКСПЕРТ КАПИТАН м/с – БРАЦЛАВСКАЯ
НАЧ[АЛЬНИК]ПАТОЛОГО-АНАТОМ[ИЧЕСКОЙ]
ЛАБОР[АТОРИИ]
МАЙОР м/с ДОЦЕНТ – ПОПОВ
ИНЖЕНЕРЫ: ИНЖЕНЕР-МАЙОР – ФЕДОРОВ
КАПИТАН – КАПУСТИН
Верно: Начальник отделения информации
Политуправления 3 Белорусского фронта
майор *[А.П.] ГРЕБНЕВ*

*Помета: «Читал. Кушелев /VIII-[19]45 г.»[5]**

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 224. Л. 47–57. Копия. Машинопись.

---

* В документе «Брацлавская С.П.». Отчество установлено по наградным документам.

** Так в документе.

[3]* Так в документе, то же что Скшипковская.

[4]* Выше в документе назван «гауптштурмфюрер».

[5]* Число неразборчиво.

2. Территория концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1939–1944 гг.

3. Здание комендатуры концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1941 г.

4. Ворота концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1939–1944 гг.

2–4. Фотокопии из Музея концлагеря Штуттгоф (п. Штутово, Эльблонгское воеводство, Польша).

5. Из протокола допроса заключенного и работника крематория концентрационного лагеря «Штуттгоф» Вильгельма Паша (Wilhelm Pasch)

Гамбург *24–26 января 1963 г.*

[...] Мы, заключенные, обратили внимание на проводимые Кноттом в крематории умерщвления при помощи инъекции благодаря эсэсовцу Раху [Rach]. Именно он давал нам в те дни, когда совершались инъекции, указание подвести платформу с того места, где мы располагались, в помещение для расстрелов. Рах инструктировал нас следующими словами: «Прибудут снова женщины, которым сделают инъекции». Потом пришел Кнотт [Knott] с двумя поляками, которые работали санитарами в санчасти для заключенных. Как Кнотт делал инъекции, я не видел. Умерщвленных смертельной инъекцией женщин после этого сбрасывали в предбанник топочной камеры эти два поляка. Оттуда мы принимали трупы и укладывали их перед печами. У убитых женщин лица синели, если они лежали долго. И те трупы, которые долго лежали в крематории перед сжиганием, также меняли цвет лица на синий. Рах называл таких убитых лиц «неграми» из-за их темно-синего цвета.

В этой связи я вспоминаю о случае, который я никак не могу забыть. Однажды поляк Зигмунд Гравчик [Sigmund Grawczik] обратил мое внимание на то, что одна из женщин после инъекции была вовсе не мертва, а ходила из угла в угол в предбан-

нике топочной камеры. Я не поверил, однако сам убедился в этом: молодая женщина примерно 20 лет, которой Кнотт только что сделал инъекцию, ходила по помещению. Гравчик в моем присутствии обратился к ней на польском языке, но она на это никак не отреагировала. Она смотрела как бы сквозь нас. Тогда Гравчик постучался в двери к эсэсовцам и обратил их внимание на это. Рах сразу же пришел, посмотрел на женщину. Но ничего не предприняв, тут же ушел. Затем оттуда вышел Людтке [Lüdtke], который в тот день находился в крематории, подошел к женщине и с близкого расстояния выстрелил ей в висок. Женщина упала замертво, после чего ее тело снова бросили на гору трупов. Этот инцидент случился летом 1944 года. Людтке тогда стал упрекать Раха в том, почему тот не пристрелил «эту сволочь». Рах на это сказал Людтке, что он должен был сначала известить о случившемся Отто. При этом имелся в виду эсэсовец Отто Кнотт.

Я нарисовал схему помещений крематория и газовых камер. В ходе моего допроса с помощью этой схемы я буду сверять свои показания и поэтому прошу, чтобы эта схема была приобщена к делу.

Мне дали возможность ознакомиться с той схемой, которую нарисовал свидетель Шефтер [Schefter]. Шефтер нарисовал тут сторожевую вышку. По его сведениям, в этой вышке якобы располагались еврейские женщины, которых приговаривали к расстрелу. Это представление неверно. Вне крематория не было ни одной подобной сторожевой вышки. Были вообще-то сторожевые вышки, в том числе близ крематория, которые использовались эсэсовцами для охраны лагеря. Но на месте, указанном Шефтером, была огромная гора опилок. За этой горой находились еврейские женщины, которых приводили расстреливать. С этого места их по одной вызывали в бюро Раха. После короткого расспроса со стороны Раха им предлагали с целью трудоустройства пройти в помещение для казни. В помещении для казни находились преимущественно эсэсовцы Хемниц [Chemnitz], Фогт или Фот [Vogt], иногда появлялся Людтке. Там женщин по одной подводили к ростомеру, а дальше эсэсовец, который стоял за ростомером, стрелял в затылок. После выстрела женщины падали вперед, точнее говоря, на пол. Нам, заключенным крематория, было дано указание сразу после производства выстрела идти в помещение для расстрелов и переносить тело оттуда в помещение для сжигания. Один из нас, заключенных, должен был при этом с помощью шланга смывать следы крови. Там был бетонный пол, и прямо у ростомера был сток.

Для расстрела использовался автоматический пистолет. Магазин располагался в рукоятке оружия. Из пистолета в основном стрелял Хемниц. Я точно знаю, что дело было именно так, потому что однажды Людтке — это было весной 1944 года — хотел произвести расстрел своим служебным пистолетом. Это был первый раз, когда я видел в тот день Людтке в деле в помещении для расстрелов. Хемниц сказал ему, что не стоит этого делать. По его словам, после выстрела из служебного пистолета Людтке женщинам оторвет все лицо. Кроме того, звук выстрела от этого пистолета будет таким сильным, что выстрел могут услышать женщины, построенные перед бараком. Далее Хемниц дал указание Людтке стрелять не слишком высоко и не слишком низко. В моем присутствии он показал ему в точности, как следует держать оружие. Хемниц сказал, что стрелять следует несколько наискосок, чтобы пуля через глаз застревала в голове. Я мог слышать этот разговор потому, что как раз в эту минуту смывал остатки крови водяным шлангом около устройства для расстрелов в затылок. В тот день Людтке сам производил дальнейшие расстрелы. После производства выстрела мы должны были резко открыть дверь и как можно быстрее вытащить расстрелянных из помещения. После состоявшегося разговора Людтке действительно таким способом сам расстрелял следующие 40–50 женщин. Мы тогда дверь в помещение для расстре-

лов даже не закрывали на защелку, чтобы как можно скорее попасть в помещение — Хемниц строго следил за тем, чтобы мы незамедлительно выносили расстрелянных из помещения. Из-за того, что дверь была только притворена, мы могли видеть не только женщину, которую подводили к ростомеру, но и самого Людтке, который в тот день производил дальнейшие расстрелы. Расстрелянные женщины иногда и на пол не успевали опускаться, как мы уже врывались в помещение. При этом мы видели Людтке с оружием в руке, как он стоял за расстрелянными. В тот день в помещении для расстрелов были также эсэсовцы Фогт и Хемниц. Они стояли несколько в глубине у окна, где беседовали с другими эсэсовцами, которые стояли с другой стороны окна у барака. Фогт и Хемниц не могли сами стрелять в тот день, насколько я мог оценить ситуацию.

Почему в тот день впервые стрелял Людтке, я не знаю. После первой казни, которую он провел лично, в последующее время он стал чаще появляться в крематории. Там он расстреливал описанным мною образом как женщин, так и мужчин. Мужчин расстреливали меньше. Часть этих мужчин прибывали в лагерь в гражданской одежде. По поводу этих расстрелянных мужчин я однажды разговаривал с Рахом и слышал от него, что это люди, доставленные в лагерь данцигским гестапо.

Меня спрашивают, сколько человек в общей сложности расстрелял Людтке. Разумеется, я не могу назвать точную цифру. Но их было по меньшей мере 500 человек, большей частью женщины, которых таким вот образом расстрелял Людтке. Людтке, насколько я помню, проводил такие расстрелы в крематории с промежутками вплоть до зимы 1944 года.

Вопрос:

Сколько человек, по Вашему мнению и согласно Вашей памяти, было всего расстреляно?

Ответ:

При каждой казни расстреливалось 20–40 человек. Однажды было расстреляно сразу 100 человек. Посередине недели регулярно расстреливали мужчин поодиночке. Но в основном это были женщины, которых расстреливали. До моего убытия из лагеря в январе 1945 года было расстреляно по меньшей мере 4000–5000 человек. Часто расстреливалось столько человек, что мы просто не успевали их сжигать. Однажды — это было летом 1944 года — я в буквальном смысле слова шагал по колено в крови [im Blut waten] в помещении для расстрелов. Из-за жары стоял ужасный запах. Мы тогда сняли обувь и нам пришлось закатать брюки. Из-за забившихся стоков кровь расстрелянных не смогла стечь. Мне тогда при этом виде стало очень дурно, и с тех пор я постоянно чувствовал себя неважно.

Из-за своей деятельности в крематории я жил в постоянном страхе, что однажды меня самого ликвидируют — слишком много знаю. Однажды всех заключенных, что работали в крематории, вызвали среди ночи из их блоков. Я тогда подумал, что нас вскоре самих расстреляют. На самом деле под надзором Людтке нам пришлось за ночь сжечь 1 или 2 грузовика с трупами. Людтке тогда оставался в крематории, пока мы не сожгли все трупы. Они были странным образом полностью с головы до ног обмотаны бумажными бинтами, и Людтке следил за тем, чтобы мы не сорвали эту бумагу. Но однажды у одного из трупов бумага была сорвана. Он был темно-синего цвета. Поэтому мы сделали вывод, что, вероятно, в Данциге осуществлялись умерщвления инъекциями, и об этом нам не следовало знать. Трупы привезли в лагерь из Данцига.

Весной 1944 года — точный момент назвать не могу — однажды в крематорий привели 6 или 7 заключенных мужчин, русских и, кроме того, одну русскую женщину. Эти люди были из певческого хора, который очень уважали заключенные в лагере. Сначала этих заключенных выстроили у барака перед окном помещения для казней. Они мог-

ли смотреть и видеть, что происходит в помещении. Мужчины, вероятно, шли слишком быстро, поэтому женщина чуть-чуть отстала. Людтке увидел это и распорядился, чтобы она стояла в первом ряду у окна. Эти заключенные были русскими врачами, включая женщину. В этой акции, кроме Людтке, участвовали поначалу также Хемниц и Фогт. Хемниц, который говорил по-русски, поначалу устроил себе развлечение с этой русской, отдавая команды по-русски. По команде женщина должна была поворачиваться налево, направо, кругом и так далее. После этого Хемниц еще и посмеялся над ней. Другие мужчины-заключенные должны были смотреть на все это. После этого заключенных заводили по одному в помещение для казни и расстреливали у приспособления для расстрелов в затылок [Genickschußanlage]. Мы должны были каждый раз нести расстрелянных в помещение для сжигания. Расстрелы проводил Хемниц. Под конец в помещение завели женщину. Хемниц заговорил с ней и спросил: «Зачем ты это сделала» Что она сделала, я не узнал. Она ему ответила, что сделала это ради своей родины. На это Хемниц дал ей пощечину и сказал, что это тебе за твою родину. В ответ на это русская плюнула Хемницу в глаза и сказала ему, что «это тебе за твою родину». Из-за этого возникла суматоха. Сначала ее схватил Хемниц. Фогт и Людтке тут же подскочили. Дверь распахнули, и эсэсовцы затащили русскую в помещение для сжигания. Так как она яростно сопротивлялась, подскочили и другие эсэсовцы, находившиеся поблизости. Женщину дотащили до одной из печей. Хемниц при этом орал: «В печь ее!» Фогт держал свой пистолет в руке и хотел застрелить женщину, но не решился, потому что, очевидно, боялся ранить своих товарищей.

Подойдя к печи, они рывком распахнули ее дверь и обнаружили, что исходящий от печи жар не позволил бы затолкнуть женщину в печь. В результате этой возни у женщины обгорели волосы на голове. Одному эсэсовцу, кто это был, я уже не помню, пришла в голову идея еще живую и яростно сопротивляющуюся женщину положить на так называемый поддон, на котором обычно трупы задвигались в печь. Было решено так и сделать. Людтке подошел к печи I и подтащил поддон к печи II. Лишь после больших усилий им удалось положить женщину на поддон, а Людтке сзади вместе с другими эсэсовцами толкал поддон в печь, что спустя некоторое время им удалось. Во время попыток задвинуть поддон в печь женщина постоянно поднимала голову. Под конец эсэсовцы взяли длинный шест, обмотанный спереди, и этим шестом затолкали женщину в печь. Мы использовали этот шест для того, чтобы затолкать трупы как можно глубже в печь. Потом дверь печи закрыли, и женщину сожгли заживо. Мы, заключенные, работавшие в крематории, могли все видеть и слышать, так как дверь в наше помещение оставалась открытой.

Однажды я видел лежавшую в помещении для казней женщину, которую расстрелял Хемниц. Она была, очевидно, слишком маленькой и с помощью ростомера расстрелять ее было нельзя. Хотя нет, я тут сделаю поправку, Хемниц, вероятно, выстрелил у ростомера, но не убил ее. Она сопротивлялась, и Хемницу пришлось выстрелить в нее еще три раза. Людтке в тот день также был в помещении для казней, и я видел, что он держал женщину.

Я еще могу вспомнить о другом происшествии, случившемся в крематории зимой 1944 года. В то время крематорий уже сгорел. Дело в том, что мы, заключенные, работавшие в крематории, легкомысленно подожгли крематорий, так как полагали, что после этого прекратятся расстрелы и сжигание трупов. Мы не доверяли другим заключенным, работавшим в крематории. Поэтому однажды я и Гравчик подожгли крематорий. Мы тогда не думали, что во время пожара печи не сгорят. По этой причине сжигание трупов продолжалось и после пожара. Так как СС тогда не смогло узнать, каким образом мы подожгли крематорий, ничего плохого с нами не произошло.

Однажды той зимой эсэсовец Гаупт [Haupt] и санитар привезли из больничного участка в крематорий на передвижных носилках живого заключенного. У заключенного были ампутированы ноги по туловище. Почему ему их ампутировали, я так и не узнал.

Гаупт и санитар подогнали носилки к горе трупов в крематории и с усилием забросили заключенного на самую вершину. Рах и Людтке в тот момент находились в крематории. Людтке, очевидно, был здесь именно из-за этого заключенного. Когда Гаупт и санитар с усилием забросили заключенного на гору трупов, Людтке вытащил пистолет и выстрелил в заключенного. Однако он промахнулся. И только со второго раза он попал ему в лицо, убив его. В тот момент я находился у горы трупов и мог все это видеть с самого близкого расстояния. Я и сейчас вижу перед собой изумленные глаза этого заключенного. У него было очень худое лицо и черные, как смоль, волосы, постриженные очень коротко. Почему Людтке застрелил его, я так и не узнал. Людтке вообще не разговаривал с заключенными, работавшими в крематории. Мы его страшно боялись.

Мне дали возможность ознакомиться с показаниями свидетеля Шефтера на этот счет.

Верно, что тогда Шефтер меня часто посещал в крематории. Ему кое-что перепадало от меня из продуктов. В свое время Гравчик имел возможность доставать ценные вещи благодаря связям с другими заключенными. Эти ценные вещи он обменивал у эсэсовца, командовавшего на кухне,— это был фольксдойче — на продукты. Поэтому у меня всегда было немного больше продуктов, чем у других заключенных, и я отдавал часть из них Шефтеру. Также верно, что тогда я показал Шефтеру приспособление для казней. Но в следующих пунктах Шефтер заблуждается:

1) Он упоминает сторожевую башню, в которой заключенные якобы ожидали расстрела. Он ошибается. Заключенных просто заставляли ждать за упомянутой кучей опилок. Неподалеку от этой кучи опилок была сторожевая башня, используемая эсэсовцами. Вероятно, Шефтер перепутал эти объекты.

2) Женщины-заключенные перед расстрелом сначала вызывались эсэсовцем по одной в бюро Раха. Позднее этим занимался чех Фриц [Fritz], занятый в крематории. Это происходило только в отдельных случаях.

3) Вход в комнату Раха был возможен только снаружи. Чтобы зайти к нему, не надо было заходить сначала в крематорий. После короткого допроса заключенных отправляли в помещение для казней. Между бюро Раха и помещением для казней была дверь, через которую заключенные непосредственно попадали в помещение для казней.

4) Заключенные, которые входили в помещение для казней, поначалу видели второго присутствовавшего там эсэсовца. Эсэсовец, который стоял около ростомера и занимался расстрелом, в зависимости от настроения обращался к женщинам, говорил с ними некоторое время. Но жертвы не могли видеть эсэсовца, который стрелял, в момент выстрела.

5) Как я уже показал, выстрел, как правило, производился так, что видимых повреждений не было.

6) Трупы не доставлялись в то помещение, о котором говорит Шефтер. Мы их сразу доставляли в помещение для сжигания и бросали на кучу трупов.

Я также полагаю, что лица, которых приводили на расстрел, предчувствовали свою судьбу. По моим наблюдениям, эти люди, очевидно, уже знали, что им предстояло.

Вопрос: Что вы знаете об убийствах евреев в Штуттгофе при помощи железнодорожного вагона?

Когда поздней осенью 1943 года меня распределили в команду крематория, вблизи от крематория стоял на одном из путей железнодорожный вагон, который исполь-

зовался как газовая камера для умерщвления еврейских женщин. О приготовлениях, прежде всего о том, как отбирали еврейских женщин в женском лагере, я ничего сказать не могу, я не имел к этому отношения. Я не могу сказать также, каким образом еврейские заключенные попадали в вагон. В задачу команды заключенных из крематория входила доставка трупов из вагона в крематорий. Мы несли трупы в крематорий. После разгрузки вагона мы должны были также отмыть его. На крыше вагона было круглое отверстие, в которое была вставлена печная труба. Сверху труба была закрыта крышкой. В эту трубу, после того как вагон заполняли людьми и закрывали, — вагон был герметичен, — эсэсовец бросал газ, который доставлялся в жестяных банках. Я слышал также крики жертв, которые длились только 2–3 минуты. Потом в вагоне становилось тихо. Я видел сам эти умерщвления газом максимум 2–3 раза, то есть мы, заключенные, максимум три раза должны были освобождать вагон от трупов. Каждый раз убивали 20–30 заключенных. Мне показывают в этой связи на показания свидетеля Зелонке [Zelonke], который указывает на то, что эти казни происходили поздней осенью 1944 года. Зелонке ошибается в дате. В это время в железнодорожном вагоне больше не убивали заключенных газом. Он, должно быть, ошибся годом, эти умерщвления газом проводились поздней осенью 1943 года. В них преимущественно участвовали Хемниц, Рах, Кнотт и другие эсэсовцы, имена которых мне неизвестны. Во время этих казней я не видел Людтке и Гаупта. Однако я не хочу этим сказать, что эти оба не участвовали в умерщвлениях газом, потому как я туда приходил только для очищения вагона. Среди убитых газом женщин были и дети.

Мне говорят о показаниях Шефтера. Верно, что я говорил Шефтеру об этом железнодорожном вагоне. Но неверно то, что я якобы говорил ему, что вагон нагружали евреями и везли в Освенцим. Туда евреи прибывали мертвыми. В Освенциме вагон снова нагружали евреями и везли в Штуттгоф. Насколько я знаю, вагон, набитый евреями, не возили никуда. Вполне возможно, что для обмана жертв вагон таскали туда-сюда на небольшое расстояние. Я, правда, не могу представить, кто бы сумел это воплотить в жизнь, потому что локомотива я там не видел.

Вопрос: Какие эсэсовцы занимались в Штуттгофе отбором евреев для умерщвления газом и самим умерщвлением?

В период моей работы в крематории где-то 10–15 раз я частично видел с близкого расстояния такой отбор в женском лагере. Эта селекция производилась следующим образом:

В зависимости от настроения участвовавших эсэсовцев давали команду выйти на построение перед бараком целому блоку. Обычно в таких отборах участвовали, как я мог наблюдать, главным образом Фогт и Гаупт. Они были главными действующими лицами. Иногда рядом был Хемниц. Кроме того, в этих отборах участвовала женщина из СС, фамилию которой я не помню. Иногда я видел также эсэсовца, который якобы приезжал из Берлина.

Я тогда так и не узнал, что это был за человек. Но я знаю, что этот человек из Берлина тщательно отбирал по состоянию здоровья выстроенных евреев. В отличие от него, Фогт и Гаупт в большинстве случаев вообще не делали настоящей селекции, а просто приказывали блоку рассчитаться по порядку, а потом определяли, что с какого-то определенного числа заключенные должны выйти налево или направо и пойти в газовые камеры. Заключенные должны были построиться в пять рядов. И если Гаупту и Фогту надо было, например, для умерщвления газом 100 евреев, то они приказывали рассчитаться до 20, а остальные евреи могли расходиться. Выбранных для казни евреев Фогт и Гаупт заводили между бараков, где они дожидались, пока их не отправят в газовые камеры. Женщин к газовым камерам отводили уже названные

эсэсовцы Фогт и Гаупт. Иногда при этом присутствовали Хемниц и другие эсэсовцы. Я хочу добавить, что отобранных человеком из Берлина заключенных, само собой, также отправляли в газовые камеры.

У меня в женском лагере — как я упоминал — была девушка, и я поэтому часто туда приходил. Условия жизни в полностью переполненных блоках были настолько катастрофическими, что они с трудом поддаются описанию. Запах разложения был настолько сильным в блоках, что я, будучи из крематория, не мог вообще находиться в таком блоке. Те отборы, которые проводили Фогт и Гаупт, я мог видеть с близкого расстояния. Когда оба эсэсовца видели меня тогда в женском лагере, что случалось довольно часто, мне приходилось придумывать соответствующую причину для нахождения там. В основном я брал целую охапку шерстяных одеял с собой в лагерь.

Меня спрашивают, сколько тогда приблизительно заключенных было отобрано и умерщвлено газом. На это я должен сказать, что не в состоянии назвать даже приблизительное число. Речь идет о тысячах заключенных. Летом 1944 года было умерщвлено газом так много заключенных, что мы вообще не успевали сжигать трупы. Поэтому в другой части лагеря соорудили гигантский костер, в котором сожгли очень много трупов. А из-за начавшихся авианалетов вскоре от такого метода сжигания трупов пришлось отказаться.

Отобранных женщин чаще всего Фогт и Гаупт вместе с другими эсэсовцами, проходя мимо лагерных огородов, загоняли в газовые камеры. Газовая камера располагалась вблизи крематория. Я отметил ее на моем чертеже. Заключенных без промедления отправляли в газовые камеры. Иногда эсэсовцы подгоняли их, избивая палками. Шефтер говорил, что видел, как эсэсовцы иногда били заключенных прикладами ружей. Я этого не видел. Но я должен заявить, что ни разу не видел, каким образом эсэсовцы загоняли заключенных в газовую камеру. Наблюдать за этим нам было запрещено. Тем не менее мы, конечно, слышали крики заключенных, когда их загоняли в камеру. Эти крики были часто сильнее тех, которые доносились из газовой камеры, когда туда Кнотт бросал кристаллы газа. Иногда некоторые еврейки пытались убежать обратно в лагерь. Всех их без исключения преследовали фольксдойче из СС — так называемые хорваты, которые забивали их до смерти при поимке. В таких случаях нам приказывали забирать трупы и приносить их в крематорий. Газ складировался в крематории, распоряжался им Рах. Кнотт должен был забирать газ у Раха. Где-то через 2–4 минуты после того как в камеру бросали кристаллы газа, там становилось тихо.

Примерно через 5 минут после забрасывания газа дверь газовой камеры открывали, чаще всего сами эсэсовцы, а мы, заключенные из крематория, должны были освобождать газовую камеру. Заключенные были судорожно сцеплены друг с другом, и у большинства убитых уже наступало трупное окоченение. Газовая камера часто была настолько забита, что мертвые тела даже не оседали на пол. Они стояли там внутри, плотно прижавшись и вцепившись друг в друга ногтями. Эсэсовцы всегда подгоняли нас, заключенных, чтобы мы быстрее освобождали газовую камеру. Это приводило к тому, что я часто слишком рано заходил в газовую камеру и испытывал приступы головокружения от остатков газа. Для каждого заключенного был предусмотрен противогаз. Но я не мог работать с надетым противогазом.

В крематории у заключенных чех Фриц с помощью кусачек вырывал золотые зубы изо рта у трупов. Очевидно, эти золотые зубы должен был вырвать еще Рах. В любом случае, эти золотые зубы поставлялись Раху. В лагере была так называемая станция по переработке золота. И мне пришлось дважды нести две сумки золотых зубов по заданию Раха к Хемницу. Что происходило с добытым таким образом золотом, я не знаю. Это золото, прежде всего украшения, снятые с трупов, — а их было большое количе-

ство — доставлялись на станцию по переработке, потом эти вещи, очевидно, отправлялись дальше в Берлин. А что делал Хемниц с теми золотыми вещами и ценностями, которые ему доставлялись, я не знаю.

Вопрос:

Имел ли отношение Людтке к уничтожению в газовых камерах? Если да, то в какой форме?

Мне неизвестно, чтобы Людтке занимался этим.

Относительно деятельности эсэсовца Гаупта по умерщвлению газом, я могу вспомнить об уничтожении покалеченных польских военнопленных. Речь идет о польских офицерах. Откуда прибыли эти заключенные, я уже не знаю. В Штуттгофе они находились по меньшей мере 14 суток под открытым небом. При этом очень многие из них умерли. Оставшихся 35–40 человек Гаупт однажды привел в газовую камеру, где их умертвили. Я вспоминаю об этом происшествии потому, что некоторые из этих заключенных отказывались идти в газовую камеру. При этом возникла стрельба. Когда же этих заключенных загнали в камеру, они, я думаю, каким-то предметом одежды заткнули трубу изнутри. Поэтому поначалу газ не мог проникнуть в камеру. Кнотт, который тогда бросил кристаллы газа в трубу, заметил это только через несколько минут. Ему подали на крышу газовой камеры длинную палку, при помощи которой он устранил препятствие в трубе. И в этом случае после отравления газом мы, заключенные, очищали камеру. Некоторые из этих заключенных получили очень тяжелые ранения на войне. У некоторых были ампутированы руки или ноги.

Во время этого умерщвления газом в крематории начальник лагеря Хоппе [Hoppe] лично расстрелял одну женщину. Я сам видел этот расстрел. Хоппе пришел с женщиной в крематорий. Он еще спросил ее, на каком месяце она беременности, и она сказала, что она на восьмом месяце. Якобы из вежливости он позволил ей войти в крематорий первой, открыв ей прежде дверь туда. Когда женщина таким образом прошла мимо него, он убил ее выстрелом в затылок. Я не могу точно сказать, в какой именно момент Хоппе застрелил эту женщину. Несколько лет назад, когда в Рурской области проходил процесс против Хоппе, которого осудили на 3,5 года тюрьмы, я написал в прокуратуру Гамбурга относительно этого расстрела. По этому поводу меня должны были несколько раз допросить в уголовной полиции. Но я так ни разу не смог явиться на допрос, так как в то время постоянно ходил в море. Потом я больше ничего не слышал об этом деле.

Вопрос: Относился ли к команде заключенных в крематории тогдашний арестант Бруно Барч [Bruno Bartsch]?

Даже после того, как мне показали соответствующие протоколы показаний свидетеля Барча, я не могу представить себе ни одного человека с такой фамилией. Без сомнения, судя по тому, как свидетель описывает крематорий, он должен был там работать, и, пожалуй, именно в то время, когда и я там работал. Все же я не помню ни одного заключенного с такой фамилией. Мне уже приходила мысль, что Барчем мог быть уже упоминавшийся Киттер [Kitter]. Мне надо посмотреть на фотографию Барча, тогда я бы смог больше сказать о нем. И Шефтер тоже хорошо знал упоминаемого мною Киттера. Примечательно, что Шефтер на допросе, очевидно, ничего не смог сказать о заключенном по фамилии Барч.

Также меня спрашивают, что я знаю о том случае, когда на пути в крематорий примерно 20 связанных друг с другом русских попытались бежать, и были при этом расстреляны украинскими эсэсовцами. Я помню этот случай. Я сам был свидетелем этого. Почему русские решили бежать и сделали ли они это всерьез, об этом я могу судить по тому, что наблюдал лично.

Русские не были связаны. На пути в крематорий 10–12-летний парень, — это был чех, я с этим парнем прежде очень часто разговаривал, — не захотел идти дальше. Он плакал и говорил, что его хотят убить. Возникла заминка, в которой оказалось 20 русских, а затем эсэсовцы открыли с башни, а именно с трех различных башен, заградительный огонь, большая часть этих заключенных была убита. Остальные бросились врассыпную и действительно обратились в бегство. Они побежали обратно в лагерь. Других заключенных всех отловили и забили до смерти, а именно каждого на том месте, где его поймали. Я хочу еще добавить, что я тогда думал, что эти заключенные были не русскими, а чехами. Огонь по этим заключенным тогда открыл Хемниц. Людтке при этом не было. О других эсэсовцах я вспомнить не могу.

В ответ на специальный вопрос я вспоминаю, что при санчасти для заключенных был морг. Оставленные там трупы мы, могильная команда, на телеге отвозили в крематорий. От польских заключенных я узнал, что по указанию Гаупта в морге при санчасти оставляли также еще живых заключенных. Этих заключенных привозили в санчасть как больных. Но Гаупт, очевидно, отказывался принимать такого рода заключенных в санчасть и распоряжался, чтобы их помещали в морг, где они и умирали. Поначалу я не мог в это поверить, и поэтому сам пошел однажды в санчасть и на месте осмотрел морг. Я действительно обнаружил мужчину и женщину, которые еще живыми были оставлены там по указанию Гаупта, где они и умерли.

Вопрос: Что вы знаете о публичных повешениях и казнях путем повешения, и как часто их проводили?

Я принимал участие в публичных повешениях три раза. Такого рода повешения проводились вечером на перекличке, при этом все заключенные должны были смотреть на казнь. Так, весной или летом 1944 года был повешен «красный Тони». Когда был повешен таким образом заключенный Пабст [Pabst], я точно не знаю. Наверно, это было уже осенью 1944 года. Кроме того, я вспоминаю случай, когда был повешен французский эсэсовец-доброволец, который якобы совершил какой-то проступок. Его повесили публично, а его французские товарищи должны были смотреть на это. Во время этих публичных казней присутствовало руководство лагеря, а именно Хоппе, Майер [Meier], Хемниц, Фогт, Людтке и другие неизвестные мне эсэсовцы. Эсэсовца Гаупта я при этом не видел. Кто затягивал петлю на шее приговоренного, я не помню. Людтке особо не выделялся на повешениях, насколько я помню.

Повешения, которые проходили вблизи крематория, я наблюдал по той причине, что команде заключенных из крематория надлежало сразу же после повешения снять заключенного и принести его в крематорий. Обычно, как я помню, вешали сразу трех заключенных. На земле лежала доска, нет, доска крепилась к косяку виселицы и состояла из двух частей. Во время повешения эти доски поднимали и стопорили посередине, так что жертвы находились примерно в одном метре над землей.

Сначала петлю вокруг шеи укладывал старший по лагерю Зелонке; потом он отказался это делать, и поэтому это действие пришлось совершать эсэсовцам. Это были Рах и другие, фамилий их я уже не помню. Как только жертвы оказывались на доске, и петлю надевали на шею, по сигналу Людтке стопорное устройство обеих досок приподнималось, и заключенные падали в петлю. Если вешали немного, то повешенные висели некоторое время. Но если в очередь на казнь стояла большая колонна, то эсэсовцы так торопились, что некоторых из повешенных мы обнаруживали живыми в крематории. По окончании казни участвовавшие в ней эсэсовцы приходили в крематорий, где затем Людтке каждый раз лично расстреливал еще живых заключенных.

Такие казни проводились публично два или три раза, при этом число жертв было довольно различным. Я хорошо помню, что казни совершались по меньшей мере три

раза в неделю, при этом вешали от 12 до 15 заключенных. Выходило, что и раз в неделю Людтке уже описанным способом расстреливал 2–3 заключенных потом в крематории. Эти казни проводились в такой форме с начала моей работы в крематории до моей эвакуации.

Причину, почему этих заключенных вешали, мне так и не довелось узнать, и от других я также ничего не узнал. Большей частью жертвы были не из нашего лагеря, а их привозили. Откуда, я не знаю.

При этом я не видел там эсэсовца Гаупта.

Я не помню никакого обершарфюрера СС Вульфа [Wulf], который якобы руководил всеми строительными командами в Штуттгофе. В этой связи мне показывают высказывание Шефтера. Я припоминаю, что в Гамбурге вроде бы живет бывший заключенный Штуттгофа, по профессии он плотник. Но вот его фамилии я вспомнить не могу.

Я также не могу сказать, что Гаупт и Людтке убивали выстрелами в затылок тех заключенных, которые совершали незначительные нарушения лагерного порядка. Таких заключенных, насколько я знаю, доставляли под арест и там — как я слышал — их в большинстве своем забивали до смерти. Трупы этих заключенных поступали в крематорий. По повреждениям на этих телах я мог сделать вывод о причине смерти. Кто руководил бункером для арестантов, я сказать не могу.

От женщины-еврейки, руководившей палатой для больных заключенных в новом женском лагере, я слышал несколько раз, что после того, как разразилась эпидемия тифа, Гаупт приказал перевести больных тифом женщин в блоки для здоровых, чтобы и там началась эпидемия. Не могу сказать, что из-за этого мероприятия Гаупта в лагере стал распространяться тиф. Я знаю только, что тиф на самом деле стал распространяться.

Мне подсказывают, и я вспоминаю, что одного из заключенных, который работал в санчасти, звали Ганс Брайт [Hans Breit]. Этот Брайт, насколько я знаю, несет главную ответственность в высокой смертности в санчасти. Гаупт и Брайт оба были садистами.

Я не знаю, действительно ли Людтке забил до смерти в еврейском женском лагере двух польских девушек. Я ничего об этом не слышал. Самого Людтке я ни разу не видел с оружием. Я не очень верю этому обвинению, поскольку я неплохо знаком с лагерными порядками. Кроме того, я ничего не знаю относительно участия Людтке в то время, когда я был в лагере, в организации транспортов заключенных из Штуттгофа и в Штуттгоф.

Примечание:

Допрос был прерван в 17:00. Допрос был продолжен 25.01.1963 в 8:45.

Вопрос: Шефтер указывает, что он часто посещал Вас в крематории. Во время этих визитов он через тонкие стенки барака мог слышать допрос еврейских женщин, проводимый Рахом и другими эсэсовцами. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Ответ: Показания Шефтера правильные. Как я уже упоминал, он часто посещал меня в крематории. Он мог также слышать и допросы еврейских женщин в помещении. Как я уже упоминал, он не совсем точно пересказал расположение помещений в крематории. Я еще хочу добавить, что эсэсовцы, которые проводили допросы женщин, часто надевали очки с оправой без стекол. Вероятно, вместе с белым врачебным халатом, который они надевали, это должно было укрепить впечатление того, что они якобы врачи. Вероятно, опрашиваемые еврейские женщины из-за волнения вообще при этом не замечали, что в очках нет стекол.

Вопрос: В крематории должно было накопиться определенное количество вещей заключенных, одежды, других предметов жертв. Что случилось с их вещами?

Ответ: По сути в крематории оставалось совсем немного вещей заключенных. Дело обстояло так, что в раздевалку, точнее, в помещение для обработки от вшей, заклю-

ченные приходили только с самыми необходимыми вещами, поскольку Кнотт, имеется в виду старший Кнотт, требовал от заключенных, чтобы они сдавали ценные вещи, такие как пальто, обувь и прочее. Поэтому в крематорий заключенные прибывали только с самыми необходимыми предметами одежды. Вообще говоря, у нас было указание сжигать трупы только в обнаженном состоянии. Но мы сжигали трупы в одежде, поскольку у нас и времени-то не было снимать ее. Я припоминаю, что более мелкие вещи заключенных прибывали в крематорий на вагонетке, где мы должны были их отбирать. Это были удостоверения личности, помада, кошельки, бумажники и прочее. Однажды Рах во время этой сортировки нашел менструальную повязку и хотел ее выкинуть. Людтке увидел это и исследовал повязку поближе. В ней он обнаружил несколько колец с камнями и браслет. При этом он обратил внимание Раха на то, что как раз в таких вещах ценные вещи и прячут.

Вопрос: Вы что-нибудь знаете об отборах заключенных-евреек, которые проводил Людтке?

Ответ: Людтке, как мне рассказывали заключенные, да и Рах тоже, отобрал несколько сот таких заключенных, которые находились в отдельном блоке, для каких-то медицинских исследований, проводимых в главной санчасти старого лагеря. При этом он отбирал только сильных и симпатичных женщин. О судьбе этих отобранных женщин я ничего сказать не могу.

Вопрос: Евреев тоже вешали в Штуттгофе?

Ответ: Я не могу определенно ответить на этот вопрос.

Вопрос: Вам известны случаи каннибализма в Штуттгофе?

Ответ: Да. Я могу вспомнить, как однажды в крематорий доставили трупы, у которых были типичные повреждения мягких частей тела. Я обратил внимание Раха на это. А однажды было так, что мы никак не справлялись со сжиганием доставляемых трупов. Рах сильно нервничал и распорядился доставать прежде времени из печи трупы, даже те, которые не до конца сгорели, и закапывать их в ямы в земле близ крематория. Эти ямы образовались после выкорчевывания пней. И как раз поблизости от этих ям работала группа заключенных на постройке дороги. И когда мы положили в них трупы, я заметил, что заключенные из бригады дорожных строителей набросились на эти трупы и съели части обугленной плоти. Я рассказал об этому Раху, он отогнал заключенных в сторону.

А еще я помню, как заключенный вытащил из трупа печень и съел ее. Его обнаружили за этим занятием и поставили у входа в лагерь перед блоком № 1 на табуретку на колени с табличкой на спине. Там ему пришлось стоять так долго, пока он не свалился с табуретки и не умер на месте. Мы его сожгли затем в крематории. На табличке была надпись: «Я — людоед».

Вопрос: Что Вы помните о многочисленных транспортных колоннах евреев в Штуттгоф, в особенности в 1944 году?

Ответ: Я уже тогда работал в крематории, когда с какого-то момента, — когда точно это было, я вспомнить не могу, — в Штуттгоф через регулярные промежутки времени стали поступать евреи. Первая партия состояла, наверное, из 2000 или 3000 человек. Последующие были, как я помню, уже меньше. Это были евреи, большей частью женщины, среди них были и дети.

Сначала евреев заводили на плац под открытым небом в лагере. И потом, в зависимости от того, сколько было места, их распределяли по блокам. Евреев поступало много, и лагерь был катастрофически переполнен. Очень много евреев умерло уже прямо на этом плацу под открытым небом. Трупы доставляли в крематорий. Мы легко могли отличить таких евреев от других: у них в волосах было просто несметное коли-

чество вшей. Из-за такой переполненности ситуация со снабжением, особенно в лагере для евреев, была совершенно неудовлетворительной, что приводило к большой смертности среди евреев. Тот плац под открытым небом, куда поступали все вновь прибывшие евреи, курировал лично эсэсовец Гаупт. Причина была в том, что евреи там находились, как бы это выразиться, под карантином.

В моем подробном допросе, длившемся несколько дней, я попытался передать все то, что я помню из того ужасного для меня времени в концлагере «Штуттгоф». Объективно и беспристрастно.

Когда я давал показания, мною ни в коем случае не руководили ненависть или какие-либо иные чувства. На вопросы, которые мне задавали, я отвечал соответственно моему знанию и совести. О многом я уже не могу вспомнить. И только в ходе допроса я смог вспомнить заново некоторые события, о которых я совершенно забыл. Если в ходе процесса станет необходим еще один допрос, я буду в Вашем распоряжении. Относительно даты допроса я прошу учесть уже сейчас, что после восстановления своего здоровья я вновь буду ходить в море, поэтому в Гамбурге буду бывать редко. Я наймусь на работу на английское судно, которое раз в четыре недели заходит в Гамбург. Я согласен участвовать в очной ставке с Людтке и Гауптом. Пожалуй, было бы целесообразно провести эту очную ставку в ближайшее время, так как весной я непременно уйду в море.

Относительно тех показаний, которые я сначала дал на судне в Дакаре, я хочу еще упомянуть, что с момента возвращения в Гамбург у меня была мысль пойти в суд и дополнить там свои показания. Но меня удерживал от этого тот нехороший опыт, который я получил, когда дал показания против Хоппе. Теперь в ходе этого допроса у меня, наконец, появилась возможность восстановить правильность тех первых показаний.

При ответе на вопрос, сколько евреев и других лиц было убито в Штуттгофе или умерло, я назвал самые минимальные цифры. Я могу в любое время поклясться относительно верности этих цифр. Несомненно, там умерло или было убито намного больше людей.

Я сейчас вспоминаю о следующем случае:

Очень часто Рах давал нам указание разобрать виселицу, стоявшую перед крематорием, и погрузить ее на грузовик. Кроме того, кто-нибудь из нас должен был в таких случаях идти к арестантскому строению и там брать наручники, которые загружались в грузовик вместе с веревкой для виселицы. Всякий раз Рах говорил нам, когда приказывал это делать, что Людтке снова надо кое-кого повесить. И вот на этом грузовике Людтке с Рахом и водителем уезжали по окончании рабочего дня и возвращались обратно в лагерь только на следующий день. В грузовике тогда находилось от 1 до 3 повешенных, которых надо было сжигать в крематории.

На трупах была гражданская одежда, а на заднем отвороте часто стояла буква «П». Это были поляки, которых загоняли на работы, как мне рассказывал Рах. Из-за каких-то провинностей или же просто для устрашения поляков на принудительных работах их и вешал в деревнях в окрестностях лагеря Людтке – так мне Рах об этом сказал. Сколько людей было убито таким образом, мне трудно сказать. Но их было как минимум 50 человек, которых Людтке повесил.

Я дал свои показания добровольно и без принуждения. Я во всякое время понимал суть допроса. Я внимательно следил за ведением протокола. Если было необходимо что-нибудь поменять, я немедленно указывал на это, и эти изменения тогда делались так, как я говорил. Я не делал оговорок.

Я подтверждаю правильность всего протокола после его прочтения и подтверждаю его своей подписью.

Дополнение:

Мои показания на странице 16 протокола о сжигании трупов после моего отъезда из Штуттгофа неточны. Как я описывал на странице 34 протокола, вместе с Гравчиком зимой 1944 года мы подожгли крематорий. При этом крематорий сгорел. Только печи остались в полном порядке. До нашего отъезда в январе 1945 года мы и дальше сжигали трупы. Печи, правда, стояли под открытым небом. Мне ничего неизвестно о еще одном пожаре после нашего отъезда. Верно, что после нашего отъезда, как я слышал, сжигание продолжалось заключенными, которые раньше служили в военно-морском флоте. [...]

ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 11. Микрофиша 2. Машинопись.

6. Из воспоминаний бывшей заключенной концентрационного лагеря «Штуттгоф» Н.Н. Амзаевой*

21 ноября 1988 г.

[...] Я попала в этот концлагерь в начале июня. И очень хорошо помню, как привезли партию военнопленных, это было еще в старом лагере, их сжигали в вагоне, который был прицеплен к «Кукушке», т[о] е[сть] маленький паровоз с большой трубой, была газовая камера. Паровоз с вагоном ходил вокруг лагеря и доезжал до крематория. Труба от крематория дымила день и ночь, этот запах преследовал меня всю жизнь. Еще хорошо помню, что из трубы вечером был виден язык пламени, как в свече. Так вот, этих военнопленных сожгли, а мы после них стирали белье, и, простите, белье было некоторое испачкано. Люди, видно, это с перепугу. Хорошо помню наши аппели[17], на которых мы стояли, утром и вечером, часами, невзирая на погоду. Еще я хорошо помню, как привезли партию евреев... Так вот, нас, несколько девушек, посадили смотреть в вещах, в мыле, обуви, искать золото, и за каждой стоял эсэсовец с автоматом, и не дай бог если ему покажется, что мы золото прячем или еще что-то. Тут же прикончит без разговоров. Наверное, в августе, точно не помню, нас привели в 29 блок, новый. За нашим блоком был блок 30 – медицинский, а 31 был еврейский, и каждый день евреев выстраивали и отбирали слабых в крематорий, за ними приезжала телега, вернее, военнопленные мужчины на большой телеге с большими резиновыми колесами; телега похожа на кузов автомашины, но впереди оглобля, и их везли человек 10 или больше. На эту телегу почти каждый день грузили евреев, и мимо нас проходили эти мужчины. Вокруг лагеря была колючая проволока с током, и каждый день утром висели на ней заключенные по 2 и 3 человека, которые не выдерживали такой жизни. Когда немцы отступали, то нас стали эвакуировать в Германию, но мы с одной женщиной, остановка была в Костеле, бежали ночью, попросившись на улицу сходить, и разбежались в разные стороны. Немец пострелял, пострелял и перестал. Это было в Польше, мы боялись, что на другой день будем в Германии, а оттуда тяжелее бежать. Нас освободили наши у поляков. Вот моя история [...]

ФКОИХМ. КГОМ2–11621. Подлинник. Рукопись.

* Из письма Н.Н. Амзаевой в адрес директора Калининградского областного историко-художественного музея Е.И. Пенкиной от 21.11.1988 г.

Уважаемая Елена Шаховна!

Получила ваше письмо и страшно расстроилась я всю жизнь помнила, этот номер 55555 и вдруг такое. Дело еще вот в чем. Т. к я бежала из г. Бобруйска, в г. Кёльн. Откуда затесалась, вернее меня запихнули вместе в эшелон, который ехал из Кёльна в Кёнигсберг, конечно особый и строго укрепленный (я пересела в муж. костюм) в пути, не доезжая реки Вислы, мы 7 человек из эшелона бежали, но утром полиция нас выдали и нас с собаками обратно и привезли в Данциг. Т/б, я очень боялась сказать свою фамилию т.к из г. Бобруйска я бежала от полиции и меня могли разыскивать. История тоже длинная. Я не сказала фамилию, но вместо сказала знакомую. Я уже не помню. Наверное и меня спутала. Но, что-то близко к этой цифре. Но, то, что я там была могу пополнить ваши данные, которые вы получили от поляков. Я, попала в этот концлагерь в начале июня. И очень хорошо помню, как привезли партию военнопленных, это было еще в старом лагере, их сгоняли в вагоне, которой был прицеплен к „Кукушке", т.е маленький паровоз с большой трубой, была газовая камера. Паровоз с вагоном ходил вокруг лагеря и доезжал до крематория. Труба от крематория дымила день и ночь, этот запах преследовал меня всю жизнь. Еще хорошо помню, что из трубы ночью был виден язык пламени, как в печке. Так вот этих военнопленных сожгли, а мы после них стирали белье,

и простите, больше было некогда, исправлюсь. Люди видно, это, с пересыпу. Хорошо помню наши аппели, на которых мы стояли, утром и вечером часами, не взирая на погоду. Еще у хорошо помню, как привезли партию евреев (я у вас прочитала, что евреи из Венгрии или Болгарии). Тогда бог, нас построили девушек, посадили в бани (смотреть) в бане, в мыле, обуви, искать золото, и за каждой стояли эсесовец с автоматом, и не дай бог, если, что-то ему покажется, что мы золото прячем или еще-что. Тут не прекращей без разговоров. Наверное в августе, точно не помню, нас перевели в 29 блок новый. За нашим блоком был блок 30 - медицинский, а 31 был еврейский и каждый день, евреев выстраивали и отбирали слабых в крематорий, за нами приезжала (телега) телега, евреев, военнопленных - мужчины на большой телеге с большими резиновыми колесами, телега похожа на кузов автомашины, но в длину больше и их везли человек 10 или больше. На эту телегу, почти каждый день, грузили евреев и мимо нас, проходили эти мужчины. Вокруг лагеря была колючая проволока с током и каждый день, утром всех (на нас) заключенных по 2 и 3 человека, которые не выдерживали такой жизни. Когда немцы отступали, то нас стали эвакуировать в Германию, но мы с одной женщиной, Остановка была в Костеле, бежали, ночью, попрощались на улицу сходить, и разбежались в разные стороны. Немцы постреляли, постреляли и перестали. Это было в полночь, мы боялись

Архив 4/5 11621

что на другой день будем в Германии, а от туда труднее бежать. Нас освободили наши у пасов. Вот моя исто

Я поэтому не очень и настаивала, на поездку в этот лагерь. Я ни где не могу, доказать, что я там была. Но, ведь была же я там, когда я услышала, по телевизору, что поляки нам сделали выставку, этого концлагеря, я все бросила и на следующий день примчалась к вам и я так расстроилась, что ужас, прочитав и посмотрев, все, что пережила.

Как вам доказать не знаю. Хотите верьте, хотите нет.

с уважением к вам Анзаева Нина Ивановна

P.S: Извените, что плохо написано, я очень разволновалась

7. Специальный приказ коменданта концентрационного лагеря «Штуттгоф» штурмбанфюрера СС Пауля Хоппе (Paul Hoppe) об устройстве внешнего трудового лагеря в Кёнигсберге

18 августа 1944 г.

Комендатура
концентрационного лагеря
«Штуттгоф»

Штуттгоф, 18 августа 1944 г.

Специальный приказ
об устройстве внешнего трудового лагеря
в Кёнигсберге (Пруссия)
Лагерь иностранных рабочих начинает функционировать с 19 августа 1944 г.

Приказываю:

1. Караульная команда. Для караульной команды II-й караульный батальон СС откомандировывает 15 человек, которые будут охранять лагерь в Кёнигсберге. Рядовой состав неоднократно подробно инструктируется об организации всей службы в контрационном лагере. При этом их особенное внимание обращается на сохранение тайны об использовании рабочей силы на предприятиях по производству вооружений.

Командиром отряда «Кёнигсберг» и ответственным начальником внешнего трудового лагеря назначается обершарфюрер СС Тенцер [Tänzer] из II-го караульного батальона СС концлагеря «Штуттгоф». Тенцер подчиняется мне непосредственно. Медицинский осмотр проводится 3 раза в неделю лагерным врачом. Кроме того, штатный врач санчасти СС откомандировывает старшего стрелка (обершютце) Акса [Achs], как SDG[18] для медицинского снабжения караульной команды и заключенных. Рядовой состав караульной команды сначала питается за свой счет. Питание заключенных берет на себя общественная столовая предприятия*.

2. Отряд заключенных.

Для внешнего трудового лагеря в настоящий момент выделено 500 заключенных мужчин-евреев. Для их отбора достаточно устного обсуждения между первым шутцхафтлагерфюрером[19], врачом медсанчасти СС и арбайтсайнзатцфюрером[20]. К этим заключенным придаются 2 врача.

3. Лагерное устройство.

Я поручаю устройство внешнего трудового лагеря в Кёнигсберге (Восточная Пруссия) гауптштурмфюреру СС Шванке [Schwanke] из II-го караульного батальона СС.

Гауптштурмфюрер СС Шванке выезжает со всем транспортом в Кёнигсберг. Командировка гауптштурмфюрера СС Шванке действительна до 25.08.[19]44 года. Он должен в течение 26.08. [19]44 г. вернуться назад в Штуттгоф.

4. Вооружение и боеприпасы.

Солдаты караульной команды вооружаются итальянскими винтовками и штыками. Дополнительно через оружейный склад II-го караульного батальона СС будет поставлено:

2 пулемета МГ
2 пистолета
1 карманный фонарь
1000 патронов к винтовкам пехотного образца
1000 патронов к пулеметам МГ
100 патронов к пистолетам

5. Выплата денежного довольствия военнослужащим:

Денежное довольствие служащих караульной команды «Кёнигсберг» отправляется почтой своевременно каждую декаду через ротных счетоводов.

6. Передача донесений.

Необходимые донесения, информация об особых происшествиях сообщаются командиром по телеграфному аппарату управления гестапо Кёнигсберга или устно по телефону 291 Штуттгоф.

7. Почтовый адрес.

Почтовый адрес внешнего трудового лагеря «Кёнигсберг»

Например: Роттенфюрер[21] СС Ганс Мюллер

Кёнигсберг, Пруссия.

Вагонный завод «Штайнфурт»

8. Отправка отряда заключенных.

Приготовлениями к отправке должны немедленно заняться соответствующие службы. Посадка производится на корабль у причала моста Штуттгоф на Кёнигсберг, причал Шихау 19.08.1944 г.

Отправка из Штуттгофа в 6 часов. Посадка заключенных производится с 4:45 до 6 часов.

Для посадки в распоряжение предоставляется баржа «Рут».

Начальником транспорта я назначаю гауптштурмфюрера СС Шванке из II-го караульного батальона концлагеря «Штуттгоф». Для охраны транспорта придаются 15 солдат II-го караульного батальона СС.

Руководитель администрации должен выдать для конвойной команды и заключенных походный паек на 1 день.

Кроме того, руководитель администрации должен позаботиться, о том, чтобы заключенным выдали соответствующее снаряжение, мыло, моющие средства, полотенца, одеяла и т[ак]д[алее].

Проездные документы получить у гауптштурмфюрера СС Шванке 18.08.[19]44 г. в 18.00 в кабинете адъютанта.

О прибытии транспорта в Кёнигсберг немедленно сообщить в Штуттгоф по телеграфу управления гестапо Кёнигсберга.

Хоппе, штурмбанфюрер СС и комендант
Обершарфюрер СС и адъютант

Получатели (число копий):
Подразделение СС «Мертвая голова» 1, 2 и 3 роты – 3
Штаб II-го караульного батальона СС, 5, 6, 7, 8 роты – 5
Заместитель коменданта – 2
Врач санчасти – 1
Руководитель администрации – 2
Начальник трудового отряда – 1
Начальник отдела перевозок – 1
Начальник караульной команды – 1
Комендатура – 4
Резерв – 3
Всего 23

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 63–65. Перевод с копии документа на немецком языке. 1977 г. Машинопись.

* Вагоностроительный завод «Штайнфурт».

8. Из специального приказа коменданта концентрационного лагеря «Штуттгоф» штурмбанфюрера СС Пауля Хоппе (Paul Hoppe) об устройстве внешних трудовых лагерей в Гердауэне, Шиппенбайле, Йесау, Хайлигенбайле и Зееграппене*

21 сентября 1944 г.

Комендатура
концентрационного
лагеря «Штуттгоф»

Штуттгоф
21 сентября 1944 г.

С 21.09.1944 г.** приступить к устройству внешних трудовых лагерей в Гердауэне, Шиппенбайле, Йесау, Хайлигенбайле и Зееграппене.

В связи с этим приказываю:

1. Караульная команда.

Караульные команды для внешних трудовых лагерей Гердауэн, Шиппенбайль, Йесау, Хайлигенбайль и Зееграппен численностью 46 человек каждая предоставляет люфтваффе[22]. Из них для охраны собственно лагеря размещения или внешнего трудового лагеря назначается 6 постов. Служащие люфтваффе обстоятельно инструктируются соответствующими командирами караульных подразделений об общем порядке лагерной службы. При этом следует особо обращать внимание этих служащих на обязанность сохранения тайны в связи с использованием рабочей силы на военном предприятии, а также на запрет разговоров с заключенными.

В качестве командиров караульных подразделений и одновременно ответственных руководителей лагеря я назначаю:

Гердауэн – унтершарфюрер СС Марцан [Marzan]
Шиппенбайль – унтершарфюрер СС Вайнерт [Weinert]
Йесау – унтершарфюрер СС Шток [Stock]
Хайлигенбайль – унтершарфюрер СС Клейсс [Kleiβ]
Зееграппен – унтершарфюрер СС Дитрих [Dietrich]

Медицинское обслуживание командиров караульных подразделений и их рядового состава берет на себя соответствующий войсковой врач люфтваффе.

2. Отряд заключенных:

Для внешних трудовых лагерей Гердауэн, Шиппенбайль, Йесау, Хайлигенбайль и Зееграппен предоставляются заключенные 900 женщин и 100 мужчин. Для отбора достаточно устного обсуждения между первым заместителем коменданта лагеря, штатным врачом санчасти СС и руководителем трудового отряда. Врачи и младший медицинский обслуживающий персонал назначаются для каждого внешнего трудового лагеря. Также, в каждый внешний трудовой лагерь назначаются несколько заключенных, знакомых с работой повара.

3. Одежда и снаряжение арестантов:

Руководитель администрации, оберштурмфюрер[23] СС фон Бонин несет персональную ответственность передо мной за то, чтобы заключенным выдавали безупречную зимнюю одежду, хорошую обувь, полотенца и мыло [...].

Посадка в Тигенхофе производится с 18 до 19 часов. Для этого имперская железная дорога предоставляет 21 С-вагон. Отправление из Тигенхофа – в 19 часов 17 минут. Об отправке во внешние трудовые лагеря Гердауэн, Шиппенбайль, Йесау будет отдельный приказ. Предполагаемый срок отправки в лагеря Гердауэн и Шиппен-

байль – 22.09.1944 г., Йесау – 23.09.1944 г. Соответствующих руководителей трудовых отрядов я назначаю одновременно начальниками перевозки. Для охраны отходящего 21.09.1944 г. в Хайлигенбайль и Зееграппен транспорта назначается 41 солдат из оперативной группы ОТ Танненберг[24].

Конвойные команды для остальных транспортов прибудут сюда своевременно.

Командирам конвойных подразделений, сопровождающему персоналу и заключенным руководителем администрации выдается походный паек на один день; заключенным 20.09.1944 г. в трудовые лагеря Хайлигенбайль и Зееграппен – на 3 дня.

Проездные документы получают командиры конвойных подразделений перед отправкой транспорта в кабинете адъютанта. О прибытии транспорта командиры конвойных подразделений немедленно сообщают сюда по телефону.

Хоппе
штурмбанфюрер СС
и комендант

Обершарфюрер СС
и адъютант[3]*
Получатели (копии):
Подразделение СС «Мертвая голова», для 1, 2 и 3 рот = 3
Заместитель коменданта лагеря = 2
Штатный врач санчасти СС = 1
Руководитель администрации = 2
Руководитель трудового отряда = 1
Коммандофюрер[25] по 1 = 5
Комендантура = 4
Резерв = 2
Всего 20

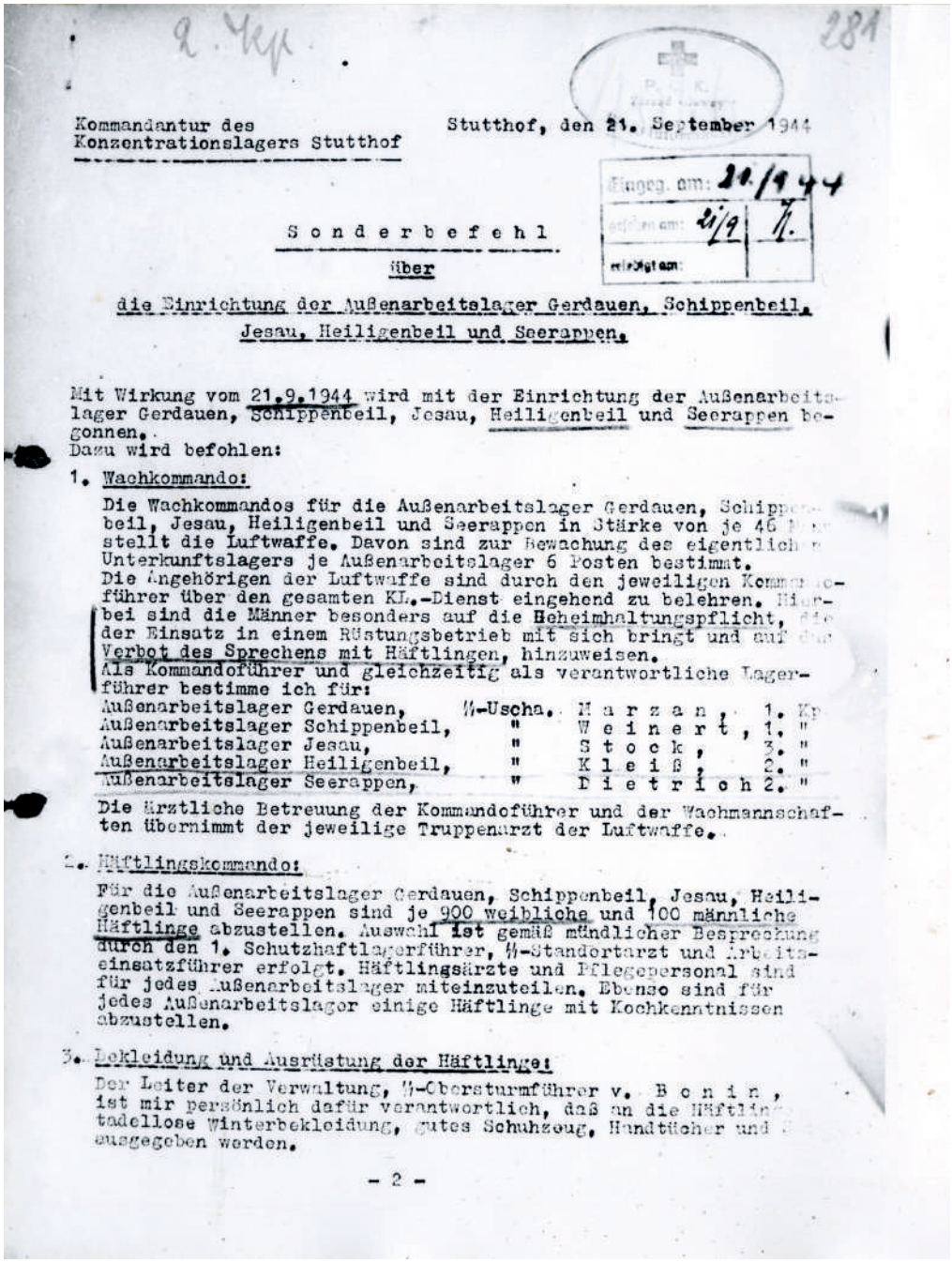
АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 69–70. Перевод с копии документа на немецком языке. Машинопись.

---

* Полностью документ опубл.: Blitz M. Endzeit in Ostpreussen. Ein beschwiegenes Kapitel des Holocaust. Bautzen, 2010. S. 79–81.

** Здесь и далее в документе подчеркивания от руки. См. С. 73–74.

3* Подпись неразборчива.



2. Kop.

281

Kommandantur des
Konzentrationslagers Stutthof

Stutthof, den 21. September 1944

Eingeg. am: 22.9.44
erledigt am: 21/9 N.
wiedervorl. am:

S o n d e r b e f e h l

über

die Einrichtung der Außenarbeitslager Gerdauen, Schippenbeil, Jesau, Heiligenbeil und Seerappen.

Mit Wirkung vom 21.9.1944 wird mit der Einrichtung der Außenarbeitslager Gerdauen, Schippenbeil, Jesau, Heiligenbeil und Seerappen begonnen.
Dazu wird befohlen:

1. Wachkommando:

Die Wachkommandos für die Außenarbeitslager Gerdauen, Schippenbeil, Jesau, Heiligenbeil und Seerappen in Stärke von je 46 [illegible] stellt die Luftwaffe. Davon sind zur Bewachung des eigentlichen Unterkunftslagers je Außenarbeitslager 6 Posten bestimmt.
Die Angehörigen der Luftwaffe sind durch den jeweiligen Kommandoführer über den gesamten KL.-Dienst eingehend zu belehren. Hierbei sind die Männer besonders auf die Geheimhaltungspflicht, die der Einsatz in einem Rüstungsbetrieb mit sich bringt und auf das Verbot des Sprechens mit Häftlingen, hinzuweisen.
Als Kommandoführer und gleichzeitig als verantwortliche Lagerführer bestimme ich für:

Außenarbeitslager Gerdauen,	₩-Uscha.	M a r z a n ,	1. Kp
Außenarbeitslager Schippenbeil,	"	W e i n e r t ,	1. "
Außenarbeitslager Jesau,	"	S t o c k ,	3. "
Außenarbeitslager Heiligenbeil,	"	K l e i ß ,	2. "
Außenarbeitslager Seerappen,	"	D i e t r i c h	2. "

Die ärztliche Betreuung der Kommandoführer und der Wachmannschaften übernimmt der jeweilige Truppenarzt der Luftwaffe.

2. Häftlingskommando:

Für die Außenarbeitslager Gerdauen, Schippenbeil, Jesau, Heiligenbeil und Seerappen sind je 900 weibliche und 100 männliche Häftlinge abzustellen. Auswahl ist gemäß mündlicher Besprechung durch den 1. Schutzhaftlagerführer, ₩-Standortarzt und Arbeitseinsatzführer erfolgt. Häftlingsärzte und Pflegepersonal sind für jedes Außenarbeitslager miteinzuteilen. Ebenso sind für jedes Außenarbeitslager einige Häftlinge mit Kochkenntnissen abzustellen.

3. Bekleidung und Ausrüstung der Häftlinge:

Der Leiter der Verwaltung, ₩-Obersturmführer v. B o n i n , ist mir persönlich dafür verantwortlich, daß an die Häftlinge tadellose Winterbekleidung, gutes Schuhzeug, Handtücher und [illegible] ausgegeben werden.

- 2 -

284

- 3 -

Verladung in Tiegenhof erfolgt in der Zeit von 18,00 - 19,00 Uhr. Hierzu stehen 21 C-Wagen der Reichsbahn zur Verfügung. Abfahrt Tiegenhof 19,17 Uhr. Der Abtransport für die Außenarbeitslager Gerdauen, Schippenbeil und Jesau wird noch gesondert befohlen. Voraussichtlicher Termin für den Abtransport der Außenarbeitslager Gerdauen +Schippenbeil ist der 22.9.1944, für Jesau 23.9.1944. Die jeweiligen Kommandoführer bestimme ich gleichzeitig als Transportführer. Zur Bewachung des am 21.9.1944 abgehenden Transportes nach Heiligenbeil und Seerappen, sind die von der OT-Einsatzgruppe Tannenberg nach hier in Marsch gesetzten 41 OT-Männer einzusetzen. Die Begleitmannschaften für die übrigen Transporte treffen noch rechtzeitig hier ein.
Für die Kommandoführer, Begleitmannschaften und die Häftlinge ist durch den Leiter der Verwaltung für 1 Tag Marschverpflegung auszugeben, für die am 20.9.1944 zum Außenarbeitslager Heiligenbeil und Seerappen zu überstellenden Häftlinge ist für 3 Tage Marschverpflegung auszugeben.
Fahrtpapiere sind durch die Kommandoführer vor Abgang der Transporte auf der Adjutantur in Empfang zu nehmen.
Ankunft der Transporte ist durch die Kommandoführer sofort fernmündlich nach hier zu melden.

F.d.R.

gez. H o p p e

SS - Sturmbannführer
und Kommandant

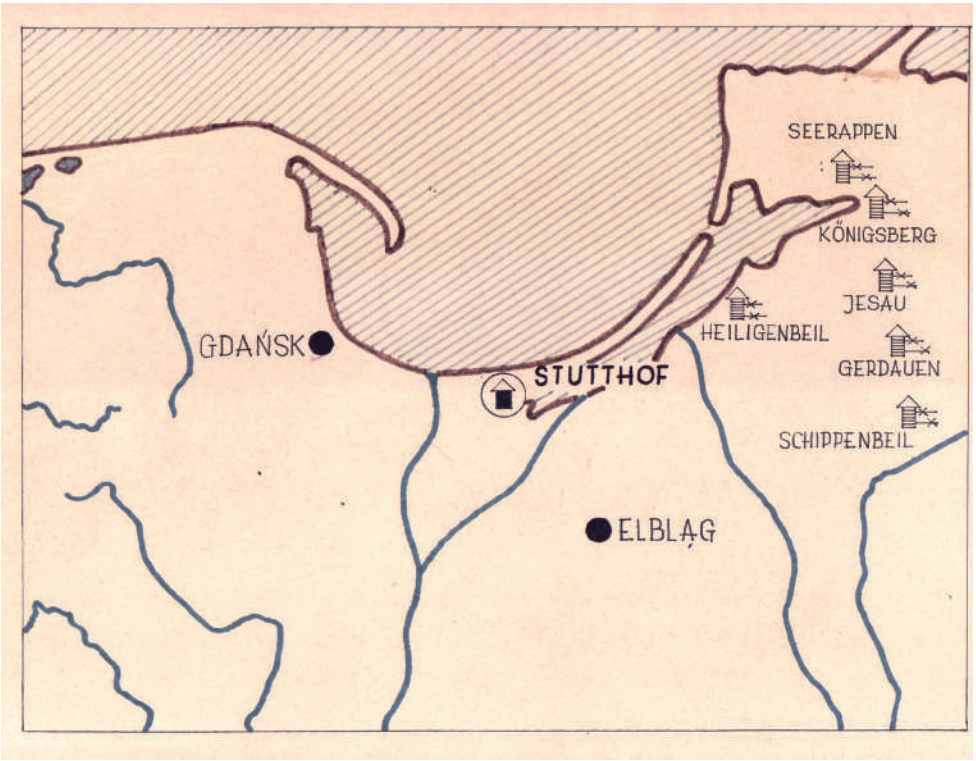
SS - Oberscharführer
und A d j u t a n t

Verteiler:

SS-Totenkopfsturmbann für 1., 2. und 3. Kompanie	je	1	= 3
Schutzhaftlagerführer			2
SS-Standortarzt			1
Leiter der Verwaltung			2
Arbeitseinsatzführer			1
Kommandoführer	je	1	= 5
Kommandantur			2
Reserve			4
zusammen			20

9. Схема размещения внешних трудовых лагерей концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1988 г.



ФКОИХМ. КГОМ2–11560/89. Бумага, фломастер, ручка. 21х29,5 см. Передана в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея концлагеря Штуттгоф (п. Штутово, Эльблонгское воеводство, Польша) в мае 1988 г. на открытии выставки «Узники и борьба» в Калининграде.

10. Приказ № 68 по комендатуре концентрационного лагеря «Штуттгоф»

9 октября 1944 г.

Комендатура
концентрационного
лагеря «Штуттгоф» Штуттгоф, 9.10.1944 года

Приказ по комендатуре № 68

1. Перевод по службе:

Согласно распоряжению начальника отдела D главного хозяйственного управления[26] СС A V/4 от 01.10.1944 г., 21c16/10.44/Sche./G., вступающего в силу с 06.10.1944 г., унтерштурмфюрер в резерве СС Фридрих Вальтер [Friedrich Walter], родившийся 18.01.1891 г., переводится из концлагеря «Рига» в концлагерь «Штуттгоф».

2. Откомандирования:

а) Согласно приказу по комендатуре № 60 от 06.09.1944 г. откомандирования гауптштурмфюрера СС Якоби [Jacobi] из концентрационного лагеря «Штуттгоф» в строительный отряд «Висла» отменяется. Вместо гауптштурмфюрера СС Якоби из штаба комендатуры концлагеря «Штуттгоф» в строительный отряд «Висла» откомандировывается штурмшарфюрер СС Вильгельм Антон [Wilhelm Anton], родился 22.10.1889 г.

Антон должен 9.10.1944 г. отправится в Торн в строительный отряд «Висла».

б) С 11.10.1944 г. нижеследующие надзирательницы откомандировываются из концлагеря «Штуттгоф» во внешние трудовые лагеря при аэродромах:

Во внешний трудовой лагерь «Хайлигенбайль»:
Эрна Нойман [Erna Neumann]
Эрна Бейлхардт [Erna Beilhardt]
Во внешний трудовой лагерь «Йесау»:
Эрна Бётхер [Erna Böttcher]
Аннелиза Грав [Anneliese Graw]
Во внешний трудовой лагерь «Шиппенбайль»:
Анна-Лотта Шмидт [Anny-Lotte Schmidt]
Гертруда Рейнгольд [Gertrud Reinhold]
Во внешний трудовой лагерь «Зеерапен»:
Шарлотта Фрегин [Charlotte Fregin]
Герда Кунат [Gerda Kunath]
Во внешний трудовой лагерь «Гердауэн»:
Кристель Банкевиц [Christel Bankewitz]
Маргарета Окон [Margarete Okon]

3. Доставка заключенных во внешние трудовые лагеря «Хайлигенбайль», «Йесау», «Шиппенбайль» и «Зеерапен»:

Согласно телеграмме № 10579 от 27.09.1944 г. начальника отдела Д главного хозяйственного управления СС 900 женщин и 100 мужчин-заключенных передаются во внешние трудовые лагеря «Хайлигенбайль», «Йесау», «Шиппенбайль» и «Зеерапен».

Они разделяются следующим образом:
Хайлигенбайль – 200 женщин-заключенных
Йесау – 256 женщин-заключенных и 100 мужчин-заключенных
Шиппенбайль – 250 женщин-заключенных

Зеерапен – 200 женщин-заключенных

Отбор этих заключенных производится согласно устному обсуждению первым заместителем коменданта лагеря, штатным врачом санчасти СС и руководителем трудового отряда.

Руководитель администрации, оберштурмфюрер СС фон Бонин [von Bonin] несет передо мной персональную ответственность за то, чтобы заключенным была выдана безупречная одежда, хорошая обувь, полотенца и мыло. Облачение мужчин-заключенных должно быть в полоску.

Отправка заключенных производится 09.10.1944 г. примерно в 14:30 от лесного лагеря «Штуттгоф» по узкоколейной железной дороге на Тигенхоф. О точном времени отправления еще будет дополнительный приказ. Дальнейшая транспортировка в Тигенхоф следует по государственной железной дороге в 11 С-вагонах в 19 часов 17 минут. Посадка заключенных в Тигенхофе будет происходить между 17:00 и 19:00. Транспорт получает рейсовый номер 3888.

Руководителями перевозки я назначаю унтерфюреров из оперативной группы ОТ Танненберг, а именно:

Для транспорта в Хайлигенбайль:
камерадшафтсфюрер[27] Хой [Hoy] с 9 солдатами
Для транспорта в Йесау:
труппфюрер[28] Ахатц [Achatz] и 17 солдат
Для транспорта в Шиппенбайль:
камерадшафтсфюрер Дефилли [Defilli] и 10 солдат
Для транспорта в Зеерапен:
обертруппфюрер[29] Родофф [Rodoff] и 8 солдат

Руководители администрации должны выдать конвойным командам и заключенным походный паек на 1 день.

Партии заключенных передаются на аэродромах ответственными руководителями перевозки в соответствии с заведенным порядком. О передаче немедленно сообщить по телефону или телеграфу.

Проездные документы руководители транспорта получают в 13:00 в кабинете адъютанта.

Подписи: Хоппе
штурмбанфюрер СС
и комендант

Обершарфюрер СС
и адъютант

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 66–68. Перевод с копии документа на немецком языке. Машинопись.

11. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Йесау» Блумы Лоницки (Брониславы Кракауэр) (Bluma Lonicki; Bronislava Krakauer)*

22 декабря 1963 г.

Прежняя фамилия: Ландгартен [Landgarten] [...]
Дата: 22.12.1963. Время: 15:00. Место: Тель-Авив [...]

23 сентября 1944 года я попала в состав транспорта из 3000 польских и венгерских евреек, шедший в Штуттгоф – Вальдлагер. В Штуттгофе каждую неделю происходили депортации по 1000 женщин в трудовые лагеря. Я была в третьем транспорте, который отправился примерно во второй половине октября. В закрытых вагонах нас перевезли до трудового лагеря «Йесау». Когда мы прибыли, то не обнаружили там заключенных. Тогда меня звали Бронислава Кракауэр – по фамилии моего первого мужа. Сначала нас там было 1000 женщин, вскоре сразу же прибыли 500 мужчин из вильнюсского гетто. В лагере Йесау нас сопровождали надсмотрщики из организации ТОДТ[30], главным образом бельгийцы. Командиром лагеря был также эсэсовец, прибывший из Штуттгофа – его звание я не знаю. Он был молод, примерно 30 лет, блондин, стройный, высокий. И там были другие эсэсовцы, но женщин-надзирательниц из СС не было. Мы занимались корчеванием леса для подготовки строительства аэродрома. Бытовые условия в лагере были очень тяжелые. Каждый вечер мы получали немного супа, так называемой бурды или водянистой похлебки, примерно 250 грамм хлеба и немного маргарина. Путь до работы составлял около 5–10 км. В 5 утра мы должны были идти на работу, в 3 утра строились для переклички. Назад возвращались около 19 часов. Истязания заключенных были обычным явлением. В Йесау я пробыла до 21 января 1945 года. Потом нас погнали в Кёнигсберг, в 22 км от Йесау. Пеший марш длился с раннего утра до вечера. Наша группа первой прибыла в Кёнигсберг, потом пришли колонны из других лагерей, а именно из Хайлигенбайля и Зееранпена. Я помню, что также подъезжали несколько самосвалов с окоченевшими трупами, которые сгружались на лагерном дворе в Кёнигсберге. [...]

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1. Машинопись.

* Часть документа публикуется под номером № 113.

12. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Йесау» Дины Херцберг (Dina Herzberg)

13 января 1964 г.

Прежняя фамилия: Блахманн [Blachmann] [...]
Дата: 13.01.1964. Время: 11:25. Место: Тель-Авив [...]

В октябре 1944-го меня перевели из Лодзи в Освенцим. Через три дня меня увезли в концлагерь «Штуттгоф» под Данцигом. Через месяц я попала в транспорт еврейских женщин (свыше 1000) и евреев-мужчин (100) из Вильно; местом назначения был Йесау. Деталей я больше не помню, а именно, кто сопровождал транспорт, и на ка-

ком транспортном средстве (по железной дороге или на грузовике) нас везли. Йесау располагался где-то в 20 км от Кёнигсберга и 60 км от Пальмникена. Первым комендантом лагеря Йесау был функционер СС в звании унтершарфюрера. Не помню его имени, узнала бы его на фотографии. Он был довольно молод, около 30 лет, высокий, стройный, смуглый, вытянутое лицо. Этот начальник лагеря был приличным человеком, он никого не избивал. Он относился к нам очень хорошо; даже не разрешал идти на работу в поврежденной обуви. К сожалению, он пробыл в должности коменданта нашего лагеря совсем недолго, на смену ему пришел обершарфюрер СС в возрасте около 40 лет – высокий, стройный, темноволосый (он всегда водил с собой собаку).

С его вступлением в должность, условия жизни в лагере стали ухудшаться. Пока он был в должности, нас страшным образом избивали, также питание и другие условия жизни стали существенно хуже. Кроме коменданта, там заправляли всем надзирательницы из СС, фамилий которых я уже не помню. Они были еще молоды, где-то 22–23 года, и обращались с нами хуже всего. Во второй половине января 1945 года лагерь Йесау был упразднен, а заключенных погнали в Кёнигсберг. Там был сборный пункт для всех заключенных из соседних лагерей, которых потом всех погнали в Пальмникен. [...]

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12–1. Микрофиша 1. Машинопись.

13. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Зееаппен» Фриды Клайнман (Fryda Klajnman)*

29 ноября 1963 г.

Прежние имена: Гаврилевич [Gawrylewicz] [...]
Дата: 29.11.1963, время: 8:30, место: Тель-Авив

[...] Все, кого депортировали в Освенцим, сразу же по прибытии подверглись сортировке. Я сама попала в лагерь, а вот мои мать и сестры с братьями – в газовые камеры. Нас остригли, и мы должны были отдать все, что у нас еще с собой было; нас отправили в баню, дали старую рваную одежду и привели в лагерь «Биркенау».

Через две недели пребывания в Биркенау меня по железной дороге перевезли в концлагерь «Штуттгоф» у Данцига. Пребывание в Штуттгофе длилось всего несколько дней. Нам дали понять, что мы отправимся в различные трудовые лагеря, которые, как подчеркивалось, являются очень хорошими трудовыми лагерями. Через несколько дней в Штуттгофе появилось несколько высокопоставленных чинов СС для проведения отбора; нас заставили пробежать около 100 метров, исследовали наши мускулы на руках и ногах. Нам выдали хорошую одежду, даже пальто, и на товарных поездах нас увезли в различные трудовые лагеря Восточной Пруссии.

Мы – примерно 2000 девушек – попали в лагерь Зееаппен! Я не могу сообщить, где точно находился этот лагерь, но без сомнения в Восточной Пруссии. Мы ехали туда два дня и две ночи, но поезд часто останавливался на длительное время. Грузовые вагоны были закрыты таким образом, что мы не могли видеть, какие станции проезжаем. Лагерь находился в полной глуши. В поле стоял ряд бараков, обнесенных колючей проволокой. Мы там были единственными заключенными. Возможно, и перед нами там держали заключенных. Об этом говорили мешки с соломой, прохудившиеся из-за долгого использования. Они лежали в бараках, где мы должны были спать. Комендантом лагеря был обершарфюрер СС, имени которого я не помню. Вот как он выглядел:

42–43 года, высокий, стройный, голубые глаза, блондин, всегда носил униформу СС. Нас охраняли так называемые надзирательницы из СС, которые, очевидно прибыли в Зееранпен из Штуттгофа. Думаю, что Зееранпен был вспомогательным лагерем Штуттгофа.

Из нашего лагеря на сравнительно небольшом расстоянии можно было видеть поселение. Мы видели также крестьян, работавших на пашне. Мы должны были подготовить место для строящегося участка дороги. После этого военнопленные, французы и бельгийцы, сыпали гравий, распределяли его и утрамбовывали. Эти военнопленные, очевидно, были размещены в другом лагере; вероятно, их лагерь был поблизости от нашего, но точно не могу сказать, где он был. Нам было запрещено с ними разговаривать. За нашей работой присматривали вооруженные функционеры из организации ТОДТ, которые большей частью состояли из французов, бельгийцев, голландцев и других. Условия жизни в лагере были очень тяжелые. Не было почти никакого санитарно-технического оборудования, помыться можно было с большим трудом.

Недоставало медицинского ухода. Нас страшно доставали вши, многие девушки заболели. Но, опасаясь руководства лагеря, никто из них не отважился прийти в «комнату для больных», так что смертность была высокой. В самом лагере почти не было расстрелов, за исключением одного: когда одна из девушек отошла от рабочего места, надсмотрщик застрелил ее. На работу мы шли несколько километров; перед работой мы получали немного хлеба и кофе, а после возвращения – водянистую похлебку, и больше ничего. Надзиратели мучили нас во время работы. Однажды в лагерь приехала комиссия, которая распорядилась сжечь солому из соломенных мешков, и на этом забота о нас и закончилась.

Среди надсмотрщиков из организации ТОДТ был также француз из Парижа по имени Денис (я забыла его фамилию). Ему тогда было больше 20 лет, темноволосый, у него были выразительные ясные коричневые глаза. Он был очень благородным человеком и всегда старался нам помочь. Он также нас подбадривал, что скоро вся эта горестная ситуация закончится. Где-то за сутки до эвакуации лагеря (в январе 1945-го) во время переклички (после работы) выкрикнули мой номер. Я выступила вперед, и комендант лагеря, упомянутый выше обершарфюрер, взял меня с собой в один из административных бараков. Другим девушкам он приказал оставаться на плацу для переклички. В помещении, куда меня завел обершарфюрер, было два огромных пса. Обершарфюрер упрекнул меня в том, что я брала хлеб у Дениса, в то время как в лагере были такие «превосходные» условия для жизни. Чтобы не навредить Денису и моим товарищам по несчастью, я отрицала это. За это обершарфюрер и одна из надзирательниц сильно избили меня и швырнули в угол. Через несколько часов привели Дениса, и обершарфюрер сказал ему: «Вот она»; потом он повернулся ко мне со словами: «Это он». Я закричала, что это не так, что он никогда не давал мне хлеб. Тогда Денис сказал: «Не надо отрицать, я давал тебе хлеб», и обершарфюреру он сказал: «Да, я давал им хлеб, просто потому что я не могу смотреть на то, как тут обращаются с людьми». После этого пояснения на меня снова посыпались удары, а Денис попал в одиночную камеру. Меня выпустили только рано утром, в то время как все мои подруги по несчастью все это время должны были стоять на плацу для переклички. Хотя в этот день мы и пошли на работу, но после возвращения заметили, что что-то готовится; мы понимали, что предстоит эвакуация лагеря. Так как обершарфюрер пригрозил отправить меня в Освенцим в крематорий, эвакуация представлялась мне более привлекательной. На следующее утро девушек построили рядами для марша и погнали в неизвестном направлении. Их сопровождали надсмотрщики ОТ, наш обершарфюрер и надзирательницы. Среди них был и Денис, по его мнению, эвакуация в другой лагерь происходила из-за приближения фронта. Где-то два дня мы были в пути. Это была очень трудная-

дорога, без еды и на сильном морозе. Кроме того, много заключенных (девушек) расстреляли по пути, так как на наши деревянные башмаки налипал снег, а на подошвах образовывались ледяные наросты, которые мешали идти. Тех из девушек, кто немного отставал, расстреливали на месте. Через два дня мы наконец дошли до Кёнигсберга, где в одном лагере содержалось примерно 500 мужчин-евреев из Вильно. Лагерь находился где-то за городом Кёнигсберг, потому что там не было зданий. В этом лагере нам впервые дали пропитание; нам также разрешили помыться. Отношение лагерного руководства в Кёнигсберге к нам было сносным, а бытовые условия сравнительно хорошими. Говорили, что там мы будем оставаться только до прибытия тех заключенных девушек, которые были доставлены два месяца назад – одновременно с нашей депортацией в Зееранпен, в три другие лагеря, а именно Йесау, Шиппенбайль и Хайлигенбайль. И действительно через 3 дня эти заключенные прибыли в Кёнигсберг. [...]

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1. Машинопись.

* Часть текста документа публикуется под № 105.

14. Из показаний бывшей заключенной лагеря «Хайлигенбайль» Полы Цвардон (Pola Zwardon)

7 января 1964 г.

Прежняя фамилия: Мондшейн [Mondschein] [...]
Дата: 07.01.1964. Время: 8:15. Место: Тель-Авив

До войны я жила в Кракове. Оттуда 6 августа 1944 года меня депортировали в Освенцим. В лагере «Освенцим» я пробыла около 4–5 недель. Вместе с перевозкой еврейских женщин я попала затем в концлагерь «Штуттгоф» под Данцигом. После 3–4 недельного пребывания в Штуттгофе меня с другими женщинами перевели в так называемую внешнюю команду Штуттгоф – Хайлигенбайль. Мы ехали туда несколько часов. В лагере «Хайлигенбайль» мы не встретили заключенных – лагерь был безлюдным. Вокруг было поле, поблизости проходили рельсы узкоколейки. Немец, одетый в гражданское, сопровождал наш конвой, других каких-либо охранников в нашем поезде не было. Этот сопровождающий был поначалу единственным в пункте назначения, кто надзирал за нами. А на следующий день на плацу для перекличек появилась надзирательница из СС Эрна Нойман [Erna Neumann]. Также появились надзиратели из организации ТОДТ, украинского происхождения, которые плохо говорили по-немецки. Они носили желтую униформу ОТ и были вооружены ружьями. На плацу для переклички объявился также и наш сопровождающий; в пути он производил впечатление порядочного и спокойного человека, здесь же, в сопровождении Эрны Нойман, он начал издеваться над нами на плацу.

В тот день во время переклички нам дали другую одежду, а сопровождающий раздал нам номера, напечатанные на льняной ткани, которые я должна была пришивать к рукавам заключенных. Когда у одной беременной венгерки, которая по моему совету закуталась в одеяло, часть одеяла стала выступать из-под платья, немец спросил, кто надоумил сделать это. Я призналась, что это я ей посоветовала. Немец ударил меня по лицу так сильно, что я лишилась нескольких передних зубов. Я не могу вспомнить его имени. Ему тогда было около 40–50 лет, высокий, широкоплечий, темноволосый. В ла-

гере он находился очень недолго. Его потом перевели по службе. Его сменил другой начальник лагеря, пожилой мужчина в возрасте 50-55 лет; он был маленького роста, худой, лысый, носил униформу вермахта без знаков различия. Он тоже был в лагере недолго. Обращался с нами сравнительно мягко. Он сдружился с еврейкой из Кракова, за что на него донесла Эрна Нойман. В тот же день, когда этого немца забрали из лагеря, Эрна Нойман лично отвезла его подругу в концлагерь «Штуттгоф». По возвращении она выразилась примерно так: «Слава Богу, с грязью покончено, с обоими разобрались до конца». В то время я работала у нее (чинила одежду). На следующий день прибыл новый начальник лагеря по имени Ганс Глюк или Глюкман [Hans Glück oder Glückmann]; он был шарфюрером СС или обершарфюрером СС. С собой он привез большую немецкую овчарку и очень много пил. Тогда ему было лет 28–30. Где-то два метра ростом, темноволосый, черные глаза, узкие усы, вытянутое бледное лицо, симпатичный. С Эрной Нойман он поддерживал крепкие дружеские отношения; он подолгу находился в ее комнате. Спустя несколько дней после приезда нового коменданта появилась еще одна надзирательница, ее тоже звали Эрна. Фамилии ее я не знала. Тогда ей было лет 35, невысокая, черноволосая, нормального телосложения, привлекательная, замкнутая, очень скромная; она носила зеленую униформу и черный форменный галстук. Она обращалась с нами, заключенными, очень хорошо.

Эрна Нойман — 28–30 лет, примерно 180 см рост, стройная, блондинка, хорошая фигура, замужем, ее муж был на фронте. К Эрне Нойман часто приезжали сын и мать. Сыну было 10–11 лет; в моем присутствии он однажды сказал своей матери: «Мамочка, мне стыдно за твое поведение». Эрна Нойман попыталась успокоить своего сына объяснением, сказав, что мы, заключенные, свиньи и военные преступники, которых следует полностью истребить.

В Хайлигенбайле было размещено примерно 1000 заключенных, среди них около 100 мужчин из Польши, преимущественно из Вильны. Санитарные условия в лагере были сносные. Официально Эрной Нойман мне была поставлена задача раздавать пропитание заключенным, неофициально я производила ту работу, которую она мне приказывала делать, например, убираться в уборных и бараках, шить одежду для ее нужд; также я должна была срезать пуговицы с одежды заключенных и передавать их ей. Она однажды даже послала меня под надзором конвойного в Хайлигенбайль, где я должна была выполнять портновскую работу у ее знакомых.

Пропитание заключенных состояло из 240 граммов хлеба (черный хлеб), небольшого кусочка мармелада, супа и кофе. Лучшие продукты питания Эрна Нойман брала себе. Однажды она забрала у меня хлеб, сказав, что уладит это с Гансом Глюкманом. Когда Глюкман проверял запасы хлеба и обнаружил недостачу, мне все равно досталось от него несколько ударов по спине, причем таких сильных, что я до сих пор жалуюсь на боли.

Все заключенные, кроме тех, которые сами были заняты внутри лагеря, шли в 6 утра на работу на строительство дорог и возвращались в лагерь в 16 часов. Из-за различных незначительных нарушений установленного порядка большое число заключенных во время работы было расстреляно на месте охранниками из ОТ. Обычным явлением во время перекличек были жестокие издевательства со стороны Ганса Глюкмана и Эрны Нойман. Когда фронт стал ближе, в лагере разразилась эпидемия тифа, а именно из-за того, что в одном из помещений нашего лагеря разместили заболевших тифом солдат, и она распространилась на весь лагерь. Тогда зафиксировали 12 смертей от тифа среди заключенных. В конце января 1945 началась эвакуация. Это известие разразилось как гром среди ясного неба. Вечером во время раздачи супа я услышала выстрелы из так называемого «блока выздоравливающих заключенных». Когда я туда пришла, то уви-

дела, как Ганс Глюк (Глюкман) расстреливает из пистолета размещенных в этом блоке больных, одного за другим, то есть 15–20 человек. В ту же ночь командир лагеря на особой перекличке уведомил нас о том, что нас эвакуируют. Я раздала заключенным одежду со склада, продукты питания и т[ому] п[одобное], после чего нас построили в походные колонны по 5 человек. Охранники из ОТ во главе с комендантом лагеря Гансом Глюком (Глюкман) погнали нас в направлении Кёнигсберга. Пеший марш длился около 18 часов. Ганс и люди из ОТ в пути расстреляли всех тех заключенных, которые не могли из-за изнеможения поспевать за колонной. По прибытии в Кёнигсберг нас разместили в подвале, производившем впечатление демонтированного фабричного цеха. Многие заключенные подозревали, что там внутри газовые камеры и поначалу отказывались спускаться туда. Ганс и охранники, однако, применили к ним розги. В Кёнигсберге нас уже ожидали надзирательницы Эрна Нойман и другая Эрна. В Кёнигсберге мы пробыли где-то два дня, пока не согнали вместе заключенных (женщин) из других лагерей, Шиппенбайля, Зееграппена и Йесау. [...]

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1. Машинопись.

15. Из воспоминаний Л.Г. Удовенко, бывшей заключенной лагерей «Шихау» и «Метгетен» (г. Кёнигсберг)*

28 ноября 1988 г.

[...] В 1943 г. меня, 14-летнюю, угнали на окопы, когда со стороны Харькова приближались наши войска. Всех без исключения немцы гнали на запад, а дома, постройки, все сжигали. Даже большие деревья спиливали электрическими пилами, т[о] е[сть] оставляли после себя голое место. Затем нас, молодежь, немцы посадили в товарные вагоны и увезли на запад. Куда везли, сколько везли, не помню. Знаю только, что привезли нас в очень большой город, позже узнали, что это Кёнигсберг, а оттуда отправили в лагерь. Узнали, что лагерь называется Шихау (или может быть это была улица Шихау)**. Но все так называли это место. В лагере было несколько бараков (не помню сколько), здесь были и семьи, и одинокие, и мужчины пленные. Каждый день после построения группами отправляли на разные работы. Везло больше всего тому, кого отправляли на работу на кладбище. Немки давали карточки на продукты или даже сами давали продукты. А это было самое главное, т[ак] к[ак] в лагере давали только вареную брюкву и кофе эрзац.

Рядом с нашими бараками были бараки (отгороженные колючей проволокой), где жили французы. Они получали из дома продукты через Красный Крест[31]. Когда не видела охрана, они бросали через ограду кое-что из продуктов нам. Когда через несколько месяцев нам разрешили пойти в город, мы первым делом пошли на кладбище. Конечно, таких кладбищ мы никогда раньше не видели, поэтому мы там плакали и хотели умереть и быть там похороненными (наивность), чем жить в лагере.

Помню, в лагере среди пленных было много грузин, и они всегда пели очень грустные, тягучие песни, а мы плакали. Потом в этом бараке (или бараках) началась эпидемия тифа. Их от нас изолировали, а немки из общества милосердия приходили к ним, приносили одежду и продукты. Мы были все очень удивлены этому. Потом часть людей, в том числе и меня, перевели в лагерь на [улицу] Хаммервег. Лагерь только построили, бараки были сырые, нары мокрые от сырости. Я там очень болела. И в первом, и во втором лагере я работала прислугой в городе у старой немки на улице Хинтерломзе

штрассе. Утром я ехала к ней, а вечером возвращалась в лагерь. Она была очень старая и ее муж тоже. У них было 2 дочери, квартира состояла из 5 комнат. Надо было все убрать, натопить комнаты, постирать. Я была очень высокая для своих лет и очень худая. Может быть, хозяйка жалела меня за мою худобу и за то, что я успевала все сделать. Но она меня днем подкармливала, иногда давала с собой, что оставалось от обеда. Я ей была очень благодарна, из-за нее я, может быть, и выжила.

Недалеко от бараков на Хаммервег, был стадион, куда ежедневно приходила молодежь (гитлерюгенд)[32] для тренировок. Мы видели сытых, откормленных девочек и мальчиков, а сами шатались от слабости и голода. Я это хорошо помню. Когда нам изредка разрешали выходить из лагеря, мы шли в лес (был недалеко), собирали ягоды и грибы. Тогда мы были счастливы, утоляли голод. А потом часть людей снова перевели в Метгетен. Почему немцы это делали, мы тогда, да и сейчас я не знаю. Может быть, чтобы не было организации подпольной в лагере. Не знаю.

Итак, я в лагере в Метгетене. Лагерь прямо в центре поселка. Мужчины работали на заводе, помню, они говорили, что это военный завод. А женщины, те, кто постарше, у немок на огороде, прислугами в доме, а молодежь возили в город в швейное ателье. Я лично пришивала пуговицы на шинели, как и другие девушки. Так продолжалось до первых бомбежек. А потом, однажды, после построения, нас всех погнали, не знаю куда даже, сегодня не могу понять, куда нас гнали. Помню только, что гнали по льду, а лед был тонкий, и много погибло наших и немцев на повозках — пошли под лед. Помню, все повторяли «коса», помню слово «Пиллау», помню слева и справа была вода, вернее лед, сзади — канонада (фронт), а нас гнали все вперед и вперед. Наверное, надеялись, что им нужна еще будет рабочая сила. Догнали нас до Грюнвальда и оставили там. Не было, наверное, времени расстрелять нас. А местное население уже снимало портреты Гитлера и выбрасывало на улицу, их топтали ногами. Это я хорошо помню.

А числа 7 марта (точно не помню) нас освободили наши. [...]

ФКОИХМ. КГОМ2–11622. Л. 1–3. Подлинник. Рукопись.

---

* Из письма Л.Г. Удовенко в адрес директора Калининградского областного историко-художественного музея Е.И. Пенкиной от 28.11.1988 г.

** Лагерь при судостроительной верфи «Шихау».

16. Воспоминания Н.Б. Швыковой[33], бывшей заключенной лагерей «Шихау» и «Метгетен» (г. Кёнигсберг)

февраль 1971 г.

В 1943 г. она была вывезена вместе с матерью Никифоровой Еленой Павловной из Севастополя на работы в Восточную Пруссию. Из фашистской неволи их освободили советские войска в январе 1945 г. С тех пор они так и остались здесь, в этом крае. Уже нет в живых Елены Павловны, Нина Борисовна сейчас на заслуженном отдыхе, проживает в г. Калининграде*

Как попали на территорию Восточной Пруссии? Шел 1942 год.

На юге наступали немецко-фашистские войска. 3 июля 1942 г. после ожесточенных боев, упорного сопротивления Севастополь все-таки временно был оставлен нашими войсками. Мы оказались в оккупированном захватчиками городе. Тогда я работала медицинской сестрой в одной из больниц. Устроиться на работу в оккупированном городе было очень тяжело. И здесь мне помог врач Шевалев Владимир Евгеньевич.

Некоторое время удавалось избегать отправки на работы в Германию.

Но в 1943 г. нас с матерью все-таки вывезли. Ехали через Перемышль-Познань. Привезли в Кёнигсберг. Первый лагерь, куда мы попали, был при заводе «Шихау» и располагался, где ныне территория рыбного порта. Немцы называли его «Ausländer» (для иностранцев). Лагерь был многонациональным: здесь были и русские, и бельгийцы, французы, итальянцы, поляки.

Территория лагеря распределялась именно по национальностям.

Условия работы на заводе были тяжелыми. За малейшую провинность избивали до полусмерти. Помню, как был сильно избит Геннадий Якушев. Спина представляла сплошной синяк. Вторично я его встретила в Эльблонге, когда он уже снова был в рядах Советской Армии.

Жили в бараках, которые были разделены на большие отсеки (комнаты). В них стояли двухъярусные нары. Все бараки были ограждены проволокой. За пределы лагеря можно было выходить, имея пропуск. И обязательно на груди лацкана пиджака должен быть лоскуток с отметкой «Восточные рабочие».

Питание было плохое: основная пища — вареная брюква. Кормили 2 раза в сутки. По пятницам давали больше — даже кусочек масла и «батистовый» кусочек мяса. Несколько лучше обстояло дело с питанием у французов, бельгийцев и др[угих] национальностей, кроме русских, потому что они получали посылки через Красный Крест. Рабочие Шихау, в том числе русские, имели право на паек, одежду по специальным документам. Но этого они почти не получали, потому что отбирала немецкая администрация.

Я работала медсестрой при здравпункте для русских. Тогда каждая национальность имела свой здравпункт. Из русских докторов, работавших со мной, помню только врача Бурдени. Говорили, что он из Белоруссии.

Среди русских были часты случаи заболевания туберкулезом, у многих наблюдался авитаминоз, истощение. Несмотря на это, немцы в жестоком порядке заставляли сдавать кровь. Брали примерно по 400 грамм.

Заведовал всей лечебной сетью и донорским пунктом немецкий доктор Крюнерт, который особенно отличался жестокостью. Все медицинские сестры его очень боялись.

Кроме нас, угнанных с временно оккупированной части СССР, рабочих других стран, на заводе «Шихау» работали военнопленные, в том числе и советские. Лагеря их располагались ближе к морю. Территория была опоясана колючей проволокой и хорошо охранялась. На работу и с работы они ходили в сопровождении конвоя. Иногда их строем водили на прогулку. Помню, шел сильный дождь. А группа наших военнопленных, вышагивая под дождем, причем некоторые были в своей советской форме, пели громко «Кипучая, могучая, никем непобедимая...».

Отношения среди русских были дружественные. Старались помогать друг другу. Не знаю, что было бы со мной, если бы не помощь товарищей.

Здравпунктом, где я работала, заведовал фельдшер Каттер (человек спившийся, морфинист).

Однажды у меня с ним произошла ссора и я его назвала «вогобундузом» — вором, за что он мне пригрозил страшными карами.

Когда об этом узнали товарищи по лагерю, они посоветовали мне добиться перевода в другой лагерь. Без их помощи вряд ли это можно было сделать. В результате,

нас с мамой в ноябре 1943 г. перевели в трудовой лагерь пос. Метгетен (ныне территория опытного завода бумагоделательного оборудования).

На этом предприятии также использовался труд заключенных разных национальностей. Особенно трудно было советским военнопленным.

В общем условия жизни в лагере «Ostlandwerke» были несколько лучше, чем в Шихау. Работала я там уже не по специальности, а в инструментальном цехе, на фрезерном станке.

Надо сказать, что как в Шихау, так на Ostlandwerke, к нам, русским, дружественно, сочувственно относились иностранные рабочие, особенно французы. Например, получая посылки через Красный Крест, они делились, чем могли и с нами. А когда в январе 1945 г. нас освобождали советские войска, французы встречали их пением «Интернационала».

Находясь в лагерях, я заметила: отношение немцев было разное к нам. Например, в Шихау было много молодежи. И девушки-немки, которые тоже там работали, сочувственно относились к своим сверстницам из России, Франции, Бельгии и др[угих] стран. Приносили из дома продукты, хлеб. Запомнила я и пожилого немца — полицейского по имени Георгий Карлович. Он в совершенстве владел русским языком. Оказывается, в 1914 г. был в плену в России. К нам этот немец относился тоже сочувственно. А потом вдруг исчез. Однажды мне довелось его встретить у Королевского замка и я спросила, почему его не видно на работе. На что он мне ответил: «Я был недостаточно строг с пленными. Не мог бить по костям».

Наши люди старались войти в контакт с немцами, которые относились сочувственно.

Другие же немцы обращались с нами жестоко. Избивали дубинкой, по малейшему поводу доносили начальству. Память сохранила ужасное отношение к нам, русским, в Ostlandwerke немца Пуфке, который во время штурма города был убит.

Освобождение нам принесли войска Советской Красной Армии в конце января 1945 года.

После, на пересыльном пункте, я получила назначение в гор. Эльбинг (сейчас польский город Эльблонг) в строительную бригаду. Там работала начальником санитарной части, снабжал нас медикаментами 3-й Белорусский фронт.

Затем меня направили в Кёнигсберг работать по специальности в здравпункте при СМУ-2.

Спустя некоторое время перешла в СЭС Балтийского района, где трудилась свыше 20-ти лет. А в феврале 1970 г. вышла на пенсию.

Февраль 1971 год.

Февраль. Швыкова

АКОИХМ. Ф.1. Оп. 6. Д. 61. Подлинник. Машинопись.
Опубл.: Назовем поименно: т. 13, дополнительный. (Сведения о павших без вести на фронтах Великой Отечественной войны и погибших в немецком плену).— Калининград: Янтарный сказ, 2000.— С. 35–36.

---

* Пояснение сделано сотрудниками Калининградского областного краеведческого музея в 1971 г. С 1977 г.— Калининградский областной историко-художественный музей.

17. Е.П. Никифорова, бывшая заключенная лагерей «Шихау», «Метгетен» (г. Кёнигсберг). Место съемки – Кёнигсберг, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8985/2. Подлинник.

18. Н.Б. Швыкова, бывшая заключенная лагерей «Шихау», «Метгетен» (г. Кёнигсберг). Место съемки – Калининград

1956 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8985/1. Подлинник.

19. Территория бывшего лагеря «Метгетен» в пос. им. А. Космодемьянского в Калининграде. Н.Б. Швыкова с сотрудниками Калининградского областного краеведческого музея. Автор съемки — В.В. Разумовский

Январь 1971 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8985/4. Подлинник.

20. Воспоминания Н.Н. Антоненко, малолетней заключенной лагеря под Кёнигсбергом

Не позднее 2006 г.

Когда началась война, отец ушел на фронт, мама ждала ребенка. Мы жили в городе Дятьково Брянской области, а мамина сестра в деревне Никитинка Калужской области. Маме было боязно оставаться одной, и она уехала со мной к сестре, где 17 сентября родила сына. Казалось, нам удастся избежать ужасов войны, но, когда фашисты стали отступать, начался кромешный ад. На своем пути они все сжигали, живность съедали, а все население грузили в «телячьи» вагоны и отправляли в Литву. Было это в апреле 1943 года. Стояла жара, до тридцати градусов доходило. Вагоны были заполнены людьми так, что сидеть было невозможно, все стояли. Целый месяц добирались до Литвы, ехали только ночью, днем стояли где-нибудь в лесу. Жара была невыносимая, пить не давали, самых слабых добивали штыком и выбрасывали из вагонов. Все железнодорожное полотно было устлано трупами. Не доехали до Литвы несколько тысяч, поэтому в вагонах стало свободнее и можно было сидеть.

В Литве всех переодели в униформу и отправили в деревню под Кёнигсбергом, где разместили в огромных бараках. Все работали в поле у хозяина с утра до позднего вечера. С детьми оставалась свекровь маминой сестры. Условия были ужасные. В огромном бараке горела всего одна лампочка, часовой постоянно ходил взад-вперед. Все опасались говорить громко, произносили слова только шепотом. Еду давали про-

тухшую, все время хотелось есть. На территории лагеря была вырыта огромная яма, каждый день в нее сбрасывали трупы. Зимой, чтобы не умереть с голоду, мама и ее сестра по очереди лазали через колючую проволоку за промерзлой картошкой, колосьями пшеницы и ржи. Бабушка колосья тщательно разделывала, каждое зернышко было на вес золота, детям выдавали по пять-десять зернышек, это казалось лучшей в мире вкуснятиной. Многие родители погибли, дети остались сиротами. Часовые издевались над детьми, бросали своим собакам куски мяса, а дети пытались забрать оставшуюся кость у собак. Мы чудом выжили.

Опубл.: Детство в смертоносной неволе: воспоминания малолетних узников фашизма / Н. Авраменко, Н. Дейнеко, В. Цупикова [и др.]; сост. Э. Трущенков; послесл. О. Панасенко; лит. обраб. О. Глушкин.— Калининград: Кладезь, 2006.— С. 18–19.

21. Из воспоминаний Т.С. Окороковой (Давидовой), малолетней заключенной лагеря в г. Кёнигсберге

2010 г.

Отец, Давидов Сергей Артемович, работал артистом (музыкантом) в Театре оперетты г. Минска. Перед началом войны труппу театра отправили на гастроли в г. Брест. Поехали всей семьей: мама, папа и годовалый брат. Остановились в г. Брест-Литовске недалеко от речки Буг. За пару недель до начала войны жители города заметили появление «странных», подозрительных военных: «чистеньких», в новой форме, которые сидели на телеграфных столбах и что-то делали с проводами. (Вероятно, диверсионная немецкая группа)*. Однажды отец вернулся со спектакля, а через пару часов началась война. Театральной группе уехать из Бреста не удалось, город оккупировали. Родители вспоминали, что немецкие самолеты на бреющем полете обстреливали толпу жителей, пытавшихся покинуть город. Мать, Давидова Александра Филипповна, была сильно ранена в ногу. Она неохотно вспоминала: было очень страшно, и некоторые русские солдаты кончали жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен. Семья Давидовых попала в плен. Их погнали в Белосток, где они находились в лагере с 1943 по 1944 г. В 1944 г. их семью принудительно вывезли в Восточную Пруссию, в г. Кёнигсберг и поместили в трудовой лагерь для перемещенных лиц. В лагере они занимались земляными работами, копали очень глубокие рвы и ямы. Лагерь был интернациональный, были мужчины, женщины, дети, но военнопленных на его территории не было, только рабочие. Кормили похлебкой из брюквы, еды было мало, узники ночью тайком таскали мороженую картошку с поля за лагерем. Тех, кого ловили,— расстреливали. Маленького брата мама все время прятала. Часто происходили облавы, искали евреев. Отца семьи, армянина по национальности, заподозрили в том, что он еврей. Увели и проверили, обрезан ли он. Брат вспоминал, что отца тоже мама прятала, переодевала в старушечьи тряпки и выдавала за свою мать. В феврале 1945 г. матери пришло время рожать, в это время начались обстрелы. Красная армия подходила к Кёнигсбергу. Лагерь попал под обстрел, немецкий персонал лагеря спрятался в бункерах, отец с братом попрощались с мамой, думали, что больше не увидят ее и тоже убежали прятаться. Женщина (осталась наверху, двухэтажное здание?)** родила сама, но, обессилев от родовых мук, не могла двигаться. Помог молоденький немецкий солдат, лет 16–17 на вид. Он пробегал мимо, увидел новорожденного ребенка, отрезал ножом пуповину, отдал ребенка матери и протянул стеклянную баночку с лекарством (порошок, пред-

положительно, стрептоцид). Сказал присыпать пуповину. Когда он ушел, в барак попал снаряд, здание обрушилось, угол, в котором лежала Александра Филипповна с ребенком, чудом уцелел. Малышку мать кормила грудью, тряпки-«пеленки» сушила на себе. Вспоминала: многие женщины, рожавшие в лагере, детей бросали, а она не бросила.

В апреле пришли советские солдаты и освободили лагерь. Женщинам с детьми раздавали вещи из домов богатых немцев: одежду, коляски. Семью отправили в фильтрационный пункт – Кибартай. Отец после проверки ушел на фронт. Мать с детьми отправили к его родителям, проживавшим в Грузии (г. Тбилиси), и уже там на новорожденную выдали метрику. [...]

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 227. Л. 9–10. Подлинник. Машинопись.

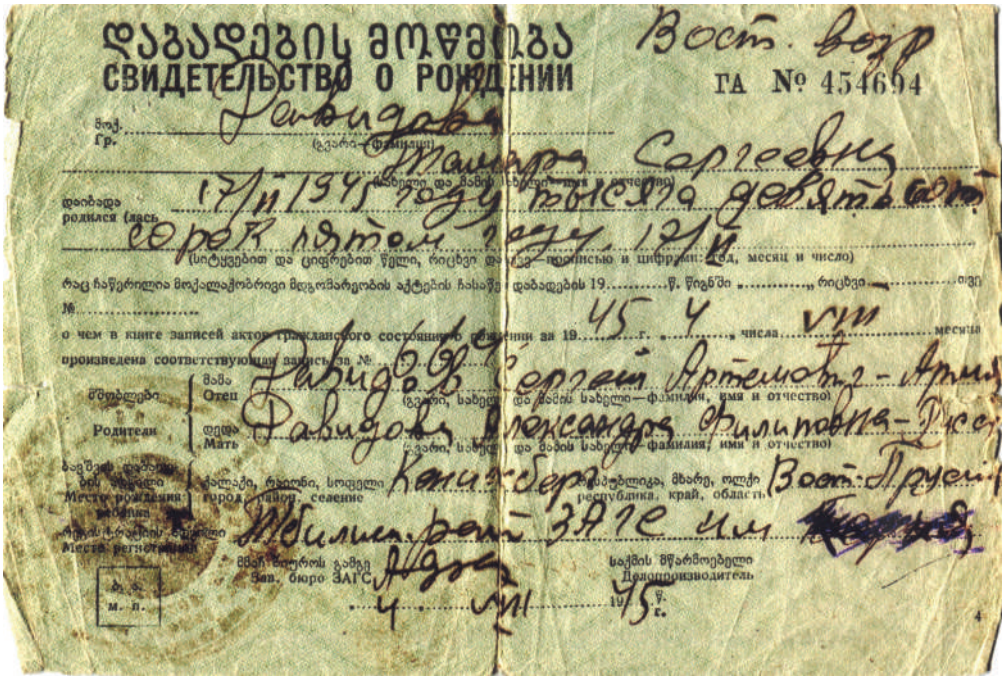
---

* Так в документе.

** Так в документе.

22. Свидетельство о рождении Т.С. Давидовой (Окороковой). Место рождения – г. Кёнигсберг, Восточная Пруссия; дата рождения – 17.02.1945 г.

Выдано 4 августа 1945 г.



АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 227. Л. 14. Фотокопия. Типографский бланк, рукопись.

23. Политдонесение начальника политотдела 11-й гвардейской армии полковника Д. Ф. Романова начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С. Б. Казбинцеву об обнаружении лагеря советских военнопленных

28 января 1945 г.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 3 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
тов. Казбинцеву

В фольварке Царген обнаружены следы небольшого лагеря советских военнопленных. На стене барака, в котором жили пленные, имеется надпись следующего содержания: «Здесь жили 14 человек. Из прибывших 25 одиннадцать были жертвой болезни от мучений плена. Плен — ад. Ад — самое худшее, что может вообразить человек. Хуже плена ничего вообразить нельзя. Ждем! ... но нас гонят!».

Там же на стене висел список 14 советских военнопленных, живших в лагере и нормы их довольствия. Против фамилии каждого советского пленного имеется его личный номер, присвоенный немцами. Например, Мозалюк Иван № 114, Георгиев Леонор № 1622, Сердюков Тимофей № 28737, Борах Фёдор № 29138 и т[ак]д[алее].

По показаниям освобожденных советских людей, находившихся на работах в Восточной Пруссии, установлено, что в гор. Инстербург был большой лагерь военнопленных, своевременно эвакуированный немцами. В Остероде находился «лагерь смерти».

Отбитый нашими войсками советский военнопленный Пичальчук Андрей, 1922 года рождения, уроженец Каменец-Подольской области, показал, что до последнего времени он в числе более 100 советских пленных производил окопные работы. Пленные содержались в неотапливаемом бараке, недоедали, работали по 14–16 часов в сутки. За невыполнение нормы работы пленным постоянно угрожали расстрелом. От непосильной работы и истощения многие умирали. За последние три месяца было несколько случаев расстрелов советских пленных.

Отступая, немцы насильно угоняют пленных и вывезенных из СССР, Польши, Франции людей. Причем среди них ведется усиленная пропаганда, что Красная Армия будет пытать и расстреливать всех, кто работал у немцев.

Освобожденные нашими властями русские, белорусы, поляки, французы выражают свою радость и благодарят Красную Армию за свое вызволение из рабства. Многие из них предлагают свои услуги по оказанию помощи в сборе брошенного немцами скота для эвакуации его в тыл.

Поляки и французы интересуются, как они смогут добраться к себе на родину. Этот же вопрос интересует и освобожденных советских граждан.

Романов [Д. Ф.]

Пометы: «Ознакомить корреспондентов [...] 5. II.[19]45. майор [...] 7.1.[19]45.** [...]».*

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 189. Л.32–32об. Подлинник. Машинопись.

---

* Здесь и далее подписи неразборчиво.

** Так в документе. Вероятно, 7.II.1945.

Организация корреспондентов

321

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 3 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
тов.КАЗБИНЦЕВУ.-

В фольварке Царген обнаружены следы небольшого лагеря советских военнопленных. На стене барака, в котором жили пленные, имеется надпись следующего содержания: "Здесь жили 14 человек. Из прибывших 25 одиннадцать были жертвой болезни от мучений плена. Плен - ад. Ад - самое худшее, что может вообразить человек. Хуже плена ничего вообразить нельзя. Ждем! ... но нас гонят!".

Там же на стене висел список 14 советских военнопленных живших в лагере и нормы их довольствия. Против фамилии каждого советского пленного имеется его личный номер, присвоенный немцами. Например, Мозалюк Иван № 114, Георгиев Леонор № 1622, Сердюков Тимофей № 28737, Борах Федор № 29138 и т.д.

По показаниям освобожденных советских людей, находившихся на работах в Восточной Пруссии, установлено, что в гор.Инстербург был большой лагерь военнопленных своевременно эвакуированный немцами. В Остероде находился "лагерь смерти".

Отбитый нашими войсками советский военнопленный Пичальчук Андрей, 1923 года рождения, уроженец Каменец-Подольской области, показал, что до последнего времени он в числе более 100 советских пленных производил окопные работы. Пленные содержались в не отапливаемом бараке, недоедали, работали по 14-16 часов в сутки. За невыполнение нормы работы пленным постоянно угрожали расстрелом. От непосильной работы и истощения многие умирали. За последние три месяца было несколько случаев расстрелов советских пленных.

Отступая немцы насильно угоняют пленных и вывезенных из СССР, Польши, Франции людей. Причем среди них ведется усиленная про-

патанда, что Красная Армия будет пытать и расстреливать всех кто работал у немцев.

Освобожденные нашими властями русские, белоруссы, поляки, французы выражают свою радость и благодарят Красную Армию за свое. вызволение из рабства. Многие из них предлагают свои услуги по оказанию помощи в сборе брошенного немцами скота для эвакуации его в тыл.

Поляки и французы интересуются, как они смогут добраться к себе на родину. Этот же вопрос интересует и освобожденных советских граждан.

РОМАНОВ

Политотдел армии
28.I-45г.
пк

24. Политдонесение начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С.Б. Казбинцеву о состоянии госпиталя бывших военнопленных советских граждан и граждан союзных стран в м. Домтау

26 февраля 1945 г.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 3-го
БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
Генерал-майору тов. КАЗБИНЦЕВУ

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ
О состоянии госпиталя бывших военнопленных
советских и союзных граждан в городе ДОМТАУ

После взятия частями [28-й] армии города ДОМТАУ на окраине его был обнаружен госпиталь лагеря военнопленных. В госпитале находилось 664 человека, в том числе русских – 415 человек, французов – 115 человек, бельгийцев – 25 человек, итальянцев – 36 человек и поляков – 73 человека.

Из общего числа 415 русских военнопленных значительная часть попала в плен к немцам в период октябрь–ноябрь месяцы 1944 года в районе МЕМЕЛЯ, ГОЛЬДАПА и на ряде других участков 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Освобожденные военнопленные ранее служили, главным образом, в частях 39, 11, 5 армии нашего фронта и некоторых армий 1-го Прибалтийского фронта.

В числе освобожденных военнопленных имеется также часть и из соединений 28 армии /61, 130 С[трелковых] Д[ивизий], 96 Г[вардейской] С[трелковой] Д[ивизии]/.

Военнопленные Красной Армии в лагере содержались отдельно от военнопленных других армий, им был создан более жесткий режим. Бараки, где находились русские военнопленные, были обнесены высоким проволочным заграждением, в целях предупреждения «русской заразы», как выражалась немецкая охрана.

Все бывшие военнослужащие Красной Армии, как в лагере, так и в госпитале, находились в жутких, нечеловеческих условиях, в грязи, тесноте, имелась 100% завшивленность. Питание было исключительно плохое: кормили один раз в сутки супом, приготовленным из бурака[34], хлеб давали далеко не каждый день по 200–250 грамм. Хлеб был, как правило, с примесью опилок. В лагере по сути дела не было никакого медицинского обслуживания.

По существу, немецко-фашистские мерзавцы в госпитале лагеря всячески калечили наших людей, добивались их смерти. Об издевательствах над военнопленными свидетельствует то состояние, в котором находились раненые и больные бойцы и офицеры при занятии нашими войсками лагеря.

Бывшие военнопленные в своих рассказах приводят массу фактов издевательства, невиданных мучений, которые они перенесли в этом лагере от немцев.

Бывший красноармеец ФЕДОРОВСКИЙ Михаил Андрианович, 1926 года рождения, беспартийный, уроженец города ОМСКА, рассказывает:

> «23 октября я был тяжело ранен и в таком состоянии попал в плен. Немцы в течение 10 суток возили меня по Восточной Пруссии, не оказывая никакой медицинской помощи и почти ничего не давая есть. На одиннадцатые

сутки меня привезли в госпиталь и вместо лечения, с целью увечья, отрезали обе ноги, хотя одна нога была совершенно здорова и невредима, а вторую можно было вылечить. После этого меня бросили в этот лагерь смерти».

Бывший красноармеец ПОПОВ Федор Иванович, в плену с октября 1944 года, уроженец города ЧЕЛЯБИНСКА, в своем рассказе заявил, что немцы натравливали на больных и раненых собак, забавляясь мучениями людей. Так на его глазах были разорваны собаками три наших бойца.

Бывший военнопленный ЕРШОВ Александр Федорович, уроженец ст. ВЯЗНИКИ Ивановской обл., со слезами на глазах рассказал:

«Нас в палате тяжело раненых находилось 25 человек, в то время как туда с трудом можно было поместить только 15. Медицинского обслуживания никакого не было, никто за нами не ухаживал. Естественно, приходилось оправляться под себя. Можете представить, что творилось в помещении, где кроме вони от ран была другая вонь. Кормили одним супом из бураков, часто и этого супа не приносили, тогда ели, как кролики, сырой бурак. Вши ползали по нас, как муравьи в своем муравейнике. Все, что пережили здесь, мы никогда не забудем».

Пометы: «Донесение в ГлавПУРККА [...]**
28.2.[19]45[...][3] Исполнено, донесено в ГлавПУРККА. А. Гребнев».*

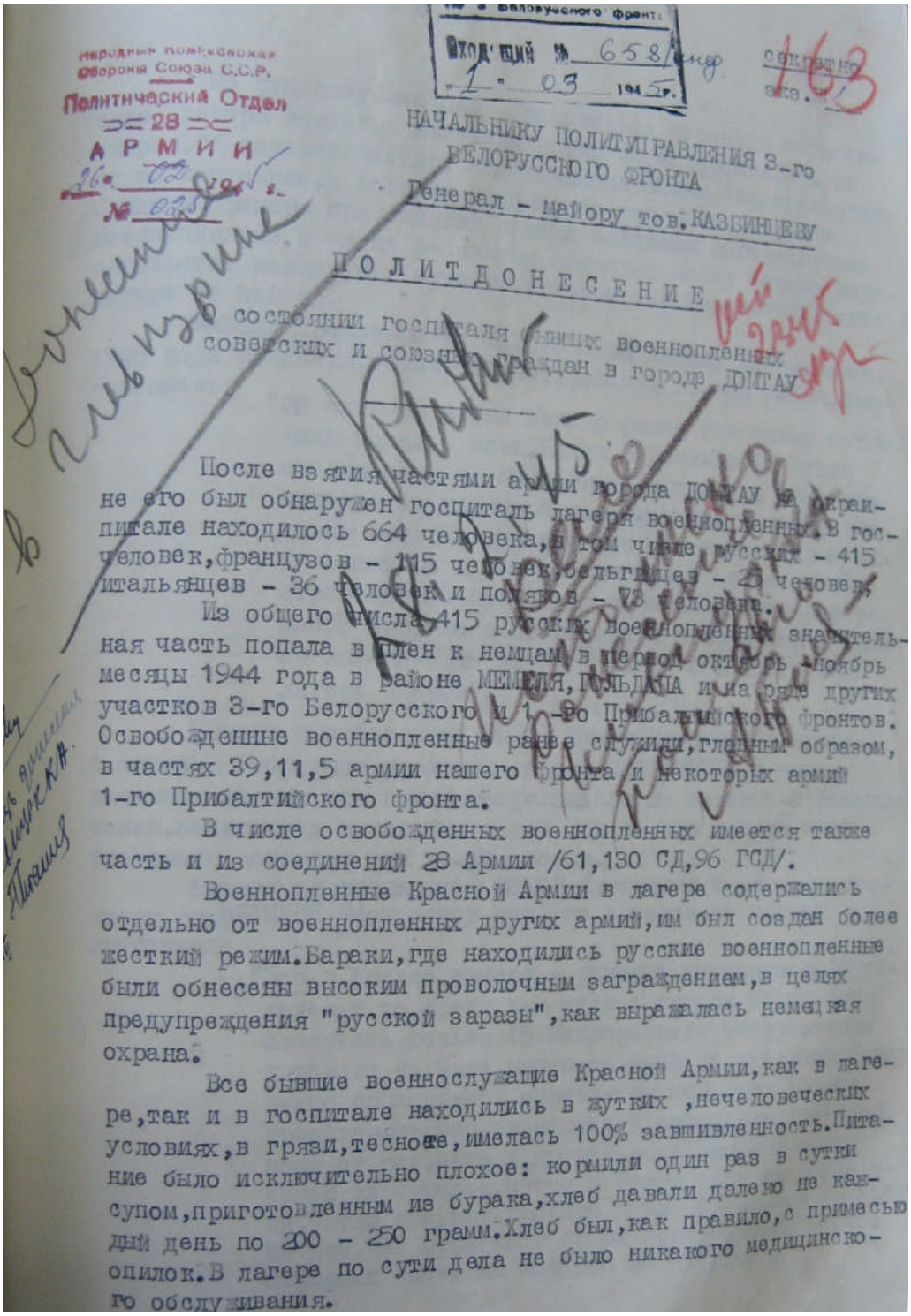
ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 188. Л. 163–164. Подлинник. Машинопись.

---

* Подпись неразборчива.

** Неразборчиво.

3* Главное политическое управление РККА.



Народный Комиссариат Обороны Союза С.С.Р.
Политический Отдел
28
АРМИИ
№ 035

Вх. № 658 Опер
1. 03 1945 г.

секретно
экз. № 3

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 3-го
БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
Генерал - майору тов. КАЗБИНЦЕВУ

П О Л И Т Д О Н Е С Е Н И Е

о состоянии госпиталя бывших военнопленных советских и союзных граждан в городе ДИТАУ

После взятия частями армии города ДИТАУ на окраине его был обнаружен госпиталь лагеря военнопленных. В госпитале находилось 664 человека, в том числе русских - 415 человек, французов - 115 человек, бельгийцев - 25 человек, итальянцев - 36 человек и поляков - 73 человека.

Из общего числа 415 русских военнопленных значительная часть попала в плен к немцам в период октябрь - ноябрь месяцы 1944 года в районе МЕМЕЛЯ, ГОЛЬДАПА и на ряде других участков 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Освобожденные военнопленные ранее служили, главным образом, в частях 39, 11, 5 армии нашего фронта и некоторых армий 1-го Прибалтийского фронта.

В числе освобожденных военнопленных имеется также часть и из соединений 28 Армии /61, 130 СД, 96 ГСД/.

Военнопленные Красной Армии в лагере содержались отдельно от военнопленных других армий, им был создан более жесткий режим. Бараки, где находились русские военнопленные были обнесены высоким проволочным заграждением, в целях предупреждения "русской заразы", как выражалась немецкая охрана.

Все бывшие военнослужащие Красной Армии, как в лагере, так и в госпитале находились в жутких, нечеловеческих условиях, в грязи, тесноте, имелась 100% завшивленность. Питание было исключительно плохое: кормили один раз в сутки супом, приготовленным из бурака, хлеб давали далеко не каждый день по 200 - 250 грамм. Хлеб был, как правило, с примесью опилок. В лагере по сути дела не было никакого медицинского обслуживания.

По существу немецко - фашистские мерзавцы в госпитале лагеря всячески калечили наших людей, добивались их смерти. Об издевательствах над военнопленными свидетельствует то состояние, в котором находились раненые и больные бойцы и офицеры при занятии нашими войсками лагеря. Бывшие военнопленные в своих рассказах приводят массу фактов издевательства, невиданных мучений, которые они перенесли в этом лагере от немцев.

Бывший красноармеец ФЕДОРОВСКИЙ Михаил Андрианович, 1926 года рождения, беспартийный, уроженец города ОМСКА, рассказывает:

"28 октября я был тяжело ранен и в таком состоянии попал в плен. Немцы в течение 10 суток возили меня по Восточной Пруссии, не оказывая никакой медицинской помощи и почти ничего не давая есть. На одинадцатые сутки меня привезли в госпиталь и вместо лечения, с целью увечья отрезали обе ноги, хотя одна нога была совершенно здорова и невредима, а вторую можно было бы вылечить. После этого меня бросили в этот лагерь смерти".

Бывший красноармеец ПОПОВ Федор Иванович, в плену с октября 1944 года, уроженец города ЧЕЛЯБИНСКА, в своем рассказе заявил, что немцы натравливали на больных и раненых собак, забавляясь мучениями людей. Так на его глазах были разорваны собаками три наших бойца.

Бывший военнопленный ЕРШОВ Александр Федорович, уроженец ст. ВЯЗНИКИ Ивановской обл. со слезами на глазах рассказал:

"Нас в палате тяжело - раненых находилось 25 человек, в то время как туда с трудом можно было поместить только 15. Медицинского обслуживания никакого не было, никто за нами не ухаживал. Естественно приходилось оправлятся под себя. Можете представить, что творилось в помещении, где кроме вони от ран, была и другая вонь. Кормили одним супом из бураков, часто и этого супа не приносили, тогда ели, как кролики сырой бурак. Вши ползали по нас, как муравьи в своем муравейнике. Все, что пережили здесь мы никогда не забудем".

25. Акт об установленных специальной комиссией злодеяниях в отношении заключенных лагеря военнопленных в м. Домтау

16 марта 1945 г.

Копия с копии.

АКТ

1945 г. марта 16 дня мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: председателя подполковника КОТОВА Д.И. и членов, армейского судебно-медицинского эксперта майора м/с СОРОКО С.П., армейского патологоанатома майора м/с САВОСТЕНКО Г.В., полковника ПЕТРОВА, майора ХЛУСОВА, майора ГОНЧАРЕНКО, лейтенанта ПЛОНСКОГО, ст[аршего] лейтенанта КОРОБЕЙНИКОВА, лейтенанта ЧЕЧИНА, ст[аршего] сержанта ИВАНОВОЙ, красноармейцев КОРНИЕНКО, СИДОРОВА и СТЕПАНОВА составили настоящий акт в следующем:

После занятия частями Красной Армии населенного пункта Домтау в Восточной Пруссии, в 9 км северо-западнее гор. Прейсиш-Эйлау, обнаружен немецкий лагерь для военнопленных, в котором содержались военнопленные – русские, поляки, французы, бельгийцы и итальянцы. Территория лагеря огорожена колючей проволокой в два ряда 2-х метровой высоты; между рядами расположены спирали колючей проволоки Бруно[35].

В юго-восточной части лагеря, возле проволочной ограды, располагались ямы-овощехранилища длиной около 35 метров и шириной 1,5–2 метра. После того как стаял снег, было обнаружено, что в трех ближайших к ограде ямах верхний слой земли, смешанной с прогнившей соломой, разрыхлен и легко проваливается. При детальном осмотре этих мест замечено, что из-под тонкого слоя соломы виднеются конечности двух человеческих трупов. По снятии верхнего слоя земли на глубину 20 см обнаружены трупы людей в разнообразных позах и положениях. Это дало основание для детального исследования ям. При осторожном снятии земли оказалось, что ямы наполнены трупами людей, лежащих в 2–3 ряда друг на друге, некоторые лицом вверх, другие ниц, третьи в полусогнутом положении, с вытянутыми или подобранными под себя руками. Трупы одеты в шинели, гимнастерки и шаровары военного образца советских, польских и французских войск, а некоторые в одном нательном белье. Всего в ямах оказалось 307 трупов, все взрослые, мужского пола.

Трупы были извлечены из ям на поверхность земли и 63 из них подвергнуты детальному исследованию. При этом установлено:

1. Все трупы в состоянии небольшого гнилостного разложения с сохранившимися кожными покровами.

2. Одежда в подавляющем большинстве случаев не прогнившая, с пятнами крови и отверстиями; документов, удостоверяющих личность, при трупах не обнаружено.

3. Все трупы сильно истощены: на теле трупов имеются ясно выраженные следы физических насилий: кровоподтеки, колотые раны, в 7 случаях переломы конечностей, в 12 случаях переломы костей лицевого черепа с изуродованием лица, в 17 случаях – размозжение костей затылочной области черепа, в 3-х случаях – переломы ребер. Остальные трупы следов повреждений мягких тканей, костей и внутренних органов не имеют.

На основании исследования трупов комиссия пришла к выводам:

1. Судя по состоянию трупных изменений, давность смерти равна 2–3 месяцам.

2. В большей части случаев причиной смерти явилось физическое насилие, истязания в совокупности с резким истощением, в остальных случаях – резкое истощение.

3. Судя по одежде следует полагать, что все погибшие являются военнопленными разных национальностей, заключенными в указанном лагере.

П. п. Председатель комиссии
Подполковник – КОТОВ
Арм[ейский] судебно-медицинский
эксперт майор м/с – СОРОКО
Арм[ейский] патологоанатом
кандидат медицинских наук
майор м/с – САВОСТЕНКО
Члены: Полковник м/с – ПЕТРОВ
Майор – ХЛУСТОВ
Майор – ГОНЧАРЕНКО
Ст[арший] л[ейтена]нт м/с – КОРОБЕЙНИКОВ
Лейтенант – ПЛОНСКИЙ
Лейтенант – ЧЕЧИН
Ст[арший] сержант – ИВАНОВА
Красноармеец – КОРНИЕНКО
Красноармеец – СИДОРОВ
Красноармеец – СТЕПАНОВ

Верно: Ст[арший] инструктор по информации
политотдела 28 армии гв[ардии] майор – Скрыпник
Верно: Начальник отделения информации
Политуправления 3 Белорусского фронта
майор *[А.П.] Гребнев*

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 224. Л. 40–41. Копия с копии. Машинопись.

26. Спецсообщение отдела контрразведки «СМЕРШ» 28-й армии о немецком лагере военнопленных «Шталаг IA»

23 февраля 1945 г.

Н К О - С С С Р

ОТДЕЛ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ» 28 АРМИИ

«23» февраля 1943 г. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ 4/1786

товарищу [...]*

С П Е Ц С О О Б Щ Е Н И Е

О немецком лагере военнопленных Ш т а л а г IA

10 февраля с[его] г[ода] в результате наступательных операций частей 28 армии в районе железнодорожной станции Штаблак Кёнигсбергского округа (Восточная Пруссия) освобожден лагерь военнопленных «Шталаг IA».

При занятии частями армии лагеря было освобождено до 5 000 человек военнопленных, содержавшихся в указанном лагере, где были заключены русские, латыши, эстонцы, поляки, французы и военнопленные других стран.

В связи с тем, что все освобожденные из плена проходят через сборно-пересыльный пункт, перед оперативным составом, работающим на этом пункте, была поставлена задача:

Выявить среди бывших военнопленных, содержавшихся в «Шталаге IA» агентуру противника, предателей, изменников Родины, активных пособников немецким оккупантам и др[угой] к-р** элемент.

Устанавливать, какие разведывательные и контрразведывательные органы противника дислоцировались в районе данного лагеря, деятельность этих органов среди военнопленных, официальных работников и их агентуру.

Режим содержания военнопленных в лагере, а также факты издевательств, чинимых немцами над военнопленными.

В результате проведенных агентурно-оперативных и следственных мероприятий, установлено:

Общие данные

На территории Восточной Пруссии функционировали два лагеря военнопленных, т[ак] н[азываемые] «Шталаг IA» и «IB» – первый был расположен в районе ж[елезно] д[орожной] станции Штаблак, второй – в районе гор. Хоэнштайн.

«Шталаг IA» существует с 1939 г., т[о] е[сть] с начала германско-польской войны. Данный лагерь состоит из 40 бараков общей вместимостью до 30 тысяч человек, который снаружи обнесен колючей проволокой два раза, высотой до 3 метров. Лагерь охранялся одной из воинских частей СС.

С 1939 г. в лагере содержались военнопленные только польской национальности, с 1941 г. в лагерь начали прибывать военнопленные французы, бельгийцы, а с начала войны Германии с СССР в лагерь поступили военнопленные Красной Армии, которые содержались в отдельных бараках внутри лагеря, дополнительно обнесенных колючей проволокой, и усиленно охранялись.

Каждый русский военнопленный имел на груди и на спине отличительный знак – «SU» (Советский Союз).

В бараках № 24, 25 и 26 жили (обособленно) военнопленные, завербованные немцами для специальных работ на военных заводах.

В 3-м бараке жили бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно записавшиеся в «РОА»[36]. Указанные лица пользовались доверием у немцев и получали улучшенный паек.

Администрация лагеря

Комендантом лагеря являлся полковник немецкой армии – фон ПАРШ. Административное управление лагерем осуществлялось через общелагерные отделы, а именно:

а). Рабочий

б). Пропаганды

в). Вещевого снабжения

г). Продснабжения и др[угие].

Все руководящие должности в административном аппарате лагеря занимали немцы.

Лагерь военнопленных «Шталаг IA» разбивался на участки военнопленных по национальностям, как-то: русских, французов, поляков и др[угих]. Участками руководи-

ли унтер-офицеры немецкой армии, которые непосредственно подчинялись лагерному офицеру (помощнику начальника лагеря).

Кроме этого, в каждом бараке назначался комендант барака, который подчинялся старшему участка.

Комендантами бараков назначались особо доверенные у немцев лица из контингента военнопленных, находившихся в лагере.

Как видно из показаний арестованного коменданта лазарета при «Шталаг IA» ЧЕРНОМОР, административно-хозяйственное руководство на участках (склады, столовая, баня и др[угое]) осуществлялось преимущественно поляками, находившимися в лагере с 1939 г., которые своей активной работой в пользу немцев завоевали у последних особое доверие.

Режим содержания военнопленных в лагере

На 1 февраля с[его] г[ода] в лагере содержалось около 30 тысяч военнопленных, в основном бывшие военнослужащие Красной Армии.

Выход за пределы лагеря военнопленным строго воспрещался. Однако этот режим распространялся не на всех.

Так, например, французы, поляки, бельгийцы и др[угие] национальности, за исключением русских, беспрепятственно ходили по всему лагерю, а некоторые из них за пределами его.

По отношению к русским эти требования соблюдались со всей строгостью, каждый случай самовольного ухода за пределы участка русских военнопленных квалифицировался как побег из лагеря, совершившие его жестоко наказывались.

Питание русских военнопленных в лагере было исключительно плохое. В сутки военнопленный получал 200–250 гр[амм] хлеба [из] суррогата, испеченного наполовину с опилками, и 1 литр горячей жидкости, приготовленной из брюквы.

Из показаний свидетеля, врача лагерного лазарета АНТЫДЗЕ, усматривается, что калорийность пищи доходила максимум до 900 калорий.

В связи с плохим питанием истощение советских военнопленных доходило до пределов. Вследствие этого военнопленные во избежание голодной смерти летом 1944 г. взломали продуктовые склады лагеря, после чего участники взлома складов гестаповцами были подвергнуты жестокой расправе — 30 человек было расстреляно, 3 человека приговорены к смертной казни через повешение. О чем в лагере было объявлено официально.

Размещение военнопленных (русских) было чрезвычайно скученно. Так, например, в одном бараке вместо 100 человек размещалось до 500 человек и более. Антисанитарное состояние бараков на участке наших военнопленных немцами считалось за правило.

Указанные обстоятельства привели к тому, что среди военнопленных распространялись эпидемические заболевания: тиф, туберкулез, дизентерия и другие болезни.

Администрация лагеря никаких мер к излечению больных военнопленных Красной Армии не принимало, а, наоборот, всеми мерами способствовало распространению этой болезни. Для чего сознательно размещали в одном бараке здоровых с больными тифом и туберкулезом.

Необходимо отметить, что при «Шталаге IA» был смертный лазарет, назывался «смертельным», потому что из него ни один живым не возвращался.

Из общего количества больных советских военнопленных 500 человек, находившихся в указанном «лазарете», ежедневно умирало 10–12 человек. Видя свое безвыходное положение и неминуемую смерть, военнопленные (больные) не выдерживали и кончали жизнь самоубийством.

«... В течение последних 3 месяцев из числа больных имело место два случая самоубийства...»

(из показаний врача лазарета «Шталаг IA» — АНТЫДЗЕ).

Имел место такой случай, когда у военнопленных (русских) при возвращении с работы в барак во время обыска находили картофель или какие-либо другие продукты, за что последних избивали, в качестве наказания ставили на 12 часов в яму, причем «провинившийся» должен был стоять 12 часов в яме не шевелясь. За нарушение установленного «порядка» военнопленный часовым подвергался избиению.

Вербовка добровольцев в т[ак] н[азываемую] «РОА» и в немецкую армию

В лагере военнопленных существовал отдел пропаганды, который вместе с представителями «Власовского комитета»[37] ежедневно занимался вербовкой военнопленных в т[ак] н[азываемую] «РОА» и немецкие части СС.

Военнопленные, изъявившие желание служить немецким захватчикам, из общих бараков переводились в барак № 3, где из них формировали команды и отправляли в действующие немецкие части для борьбы против Красной Армии.

Необходимо отметить, что вербовка в «РОА» и войска «СС» часто сопровождалась репрессиями, и зачисление на службу как в «РОА», [так] и [в] войска «СС» проходило в принудительном порядке. В вербовке добровольцев активное участие принимали официальные сотрудники гестапо.

Часть военнопленных с целью уклонения от принудительной мобилизации в «РОА» и немецкие войска «СС» совершали акты членовредительства (повреждение конечностей рук, искусственные ожоги и др[угое]).

Деятельность разведывательных и контрразведывательных органов противника в лагере военнопленных «Шталаг IA»

По показаниям арестованного коменданта лазарета при «Шталаг IA» ЧЕРНОМОР, установлено, что при лагере функционировало отделение гестапо, возглавляемое майором немецкой армии ЦИС.

Кроме него в качестве официальных сотрудников гестапо при лагере работали:

1. Зондерфюрер[38] фон БРЕМ, бывший офицер царской армии, в 1918 г. эмигрировал в Германию, где принял германское подданство.

2. Обер-ефрейтор[39] немецкой армии — МАЙЕР.

Каких-либо данных о других работниках гестапо, работавших при лагере, не добыто.

Начальник отделения гестапо при лагере майор ЦИС и его сотрудники через своих агентов из числа изменников и предателей Родины выявляли и арестовывали среди военнопленных лиц, проводивших антифашистскую агитацию в лагере и высказывающих недовольство немецким режимом.

Кроме того, майор ЦИС и другие сотрудники гестапо систематически производили личные обыски военнопленных и бараков, а также расстрелы.

Данных о деятельности в районе «Шталаг IA» немецкой военной разведки не добыто. Однако арестованный ЧЕРНОМОР показывает, что в лагерный лазарет часто приезжали два неизвестных в форме лейтенантов немецкой армии, один из них по национальности русский, другой армянин, которые у вновь прибывших в лазарет военнопленных Красной Армии запрашивали данные о заводах, расположенных в советском тылу, о расположении частей Красной Армии на том или другом участке фронта.

Военнопленные, давшие ценные сведения, через некоторое время из лагеря вызывались, причем вызванные обратно в лазарет больше не возвращались.

Указанные выше обстоятельства дают основание полагать, что в лице двух неизвестных, одетых в форму лейтенантов немецкой армии, при лагере действовала одна из «Абверкоманд», которая, видимо, занималась подбором агентуры для подготовки и следующей заброски в тыл советских войск.

При наступлении Красной Армии вглубь Восточной Пруссии немцы с января с[его] г[ода] поспешно начали собирать в лагерь всех военнопленных, занятых на работах у помещиков, на фабриках, заводах и эвакуировать в направлении гор. Кёнигсберга. Эвакуация военнопленных также проводилась и отступавшими частями немецкой армии.

Всего из «Шталаг IA» было эвакуировано до 25 тысяч человек, около 5 тысяч человек больных, не могущих передвигаться, немцами оставлены в лагере и освобождены частями Красной Армии.

Имеются данные (требуют проверки), что немцы всех угнанных военнопленных из «Шталаг IA» посадили на мелкие суда в Балтийском море якобы с целью эвакуации вглубь Германии, после чего [они были] вывезены в открытое море и потоплены.

В процессе работы среди бывших военнопленных «Шталаг IA» нами арестован комендант «Смертельного лазарета» —

ЧЕРНОМОР Григорий Михайлович, 1921 г. рождения, уроженец д. Пантазиевка, Кировоградской области, русский, бывший член ВКП (б), образование высшее.

Будучи допрошен, ЧЕРНОМОР на допросе показал, что он в течение последних 2 месяцев работал в должности коменданта «смертельного лазарета», выполнял все распоряжения администрации лагеря.

В период своей работы комендантом ЧЕРНОМОР был знаком с сотрудниками гестапо обер-ефрейтором МАЙЕР и зондерфюрером фон БРЕМ, причем последний предлагал ему поступить на службу в гестапо, но он якобы отказался.

По агентурным данным, ЧЕРНОМОР, будучи в Германии, окончил школу агентов-диверсантов и готовился для переброски в тыл Красной Армии.

По делу ЧЕРНОМОР ведем следствие, в разрезе разоблачения его как агента немецкой военной разведки.

Подробно о ЧЕРНОМОР донесу дополнительно [...][3]*

Пометы: «Петров, переговорите со мной. 24.2.[19]45 [...][4]
Петров, напишите спецсообщение т. Абакумову и Военному совету. 28.2. [19]45 [...][5]*
Тов. Грачеву*
Отработайте спецсообщение для тов. Абакумова. По лагерю составьте справку для ориентировки [...][6]».*

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 11. Л. 62–68. Подлинник. Машинопись.

---

* Закрашено.

** Вероятно, «контрреволюционный».

[3]* Закрашено.

[4]* Подпись неразборчива.

[5]* Подпись неразборчива.

[6]* Дальше неразборчиво.

РАССЕКРЕЧЕНО

Н К О - С С С Р

ОТДЕЛ КОНТРРАЗВЕДКИ "СМЕРШ" 28 А Р М И И

"23" февраля 1945г. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ 41/1786.

[redacted]

товарищу [redacted]

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

О немецком лагере военнопленных "Шталаг-I"а"

10 февраля с.г.в результате наступательных операций частей 28 армии в районе железнодорожной станции Шталлак, Кенигсбергского округа (Восточная Пруссия) освобожден лагерь военнопленных "Шталаг-I"а".

При занятии частями армии лагеря, было освобождено до 5000 чел.военнопленных, содержавшихся в указанном лагере, где были заключены- русские, латыши, эстонцы, поляки, французы и военнопленные других стран.

В связи с тем, что все освобожденные из плена проходят через сборно-пересыльный пункт, перед оперативным составом работающем на этом пункте была поставлена задача:

Выявлять среди бывших военнопленных, содержавшихся в "Шталаге-I"а" агентуру противника, предателей, изменников Родине, активных пособников немецким оккупантам и др.к-р элемент.

Устанавливать какие разведывательные и контрразведывательные органы противника дислоцировались в районе данного лагеря, деятельность этих органов среди военнопленных, официальных работников и их агентуру.

Режим содержания военнопленных в лагере, а также факты издевательства чинимых немцами над военнопленными.

В результате проведенных агентурно-оперативных и следственных мероприятий, установлено:

Общие данные:-

На территории Восточной Пруссии функционировали два лагеря военнопленных, т.н. "Шталаг"I"а" и I "б" - первый был расположен в районе ж.д.станции Штаблак, второй в районе гор. Гогештейн.

"Шталаг-I"а" существует с 1939г., т.е. с начала германско-польской войны. Данный лагерь состоит из 40 бараков, с общей вместимостью до 30 тысяч человек, которые с наружи обнесен колючей проволокой в два ряда, высотой до 3 метров. Лагерь охранялся одной из воинских частей "СС".

С 1939г. в лагере содержались военнопленные только польской национальности, с 1941г. в лагерь начали прибывать военнопленные французы, бельгийцы, а с начала войны Германии с СССР в лагерь поступили военнопленные Красной Армии, которые содержались в отдельных бараках внутри лагеря, дополнительно обнесенных колючей проволокой и усиленно охранялись.

Каждый русский военнопленный имел на груди и на спине отличительный знак -"SU" (Советский Союз")

В бараках№№ 24,25 и 26 жили (обособленно) военнопленные завербованные немцами для специальных работ на военных заводах.

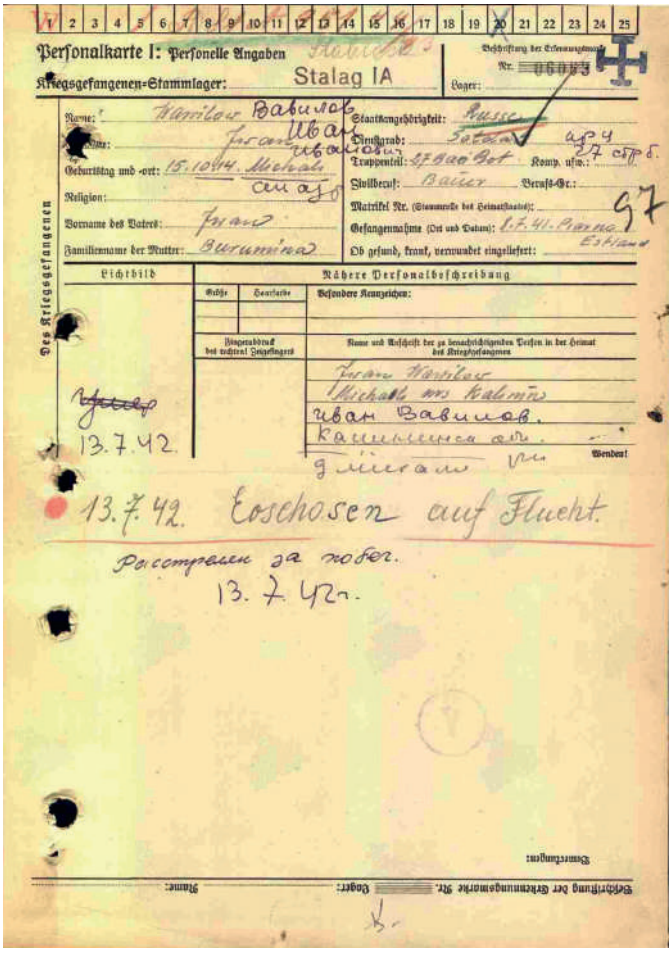
В 3-м бараке жили бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно записавшиеся в "РОА". Указанные лица пользовались доверием у немцев и получали улучшенный паек.

Администрация лагеря:-

Комендантом лагеря являлся полковник немецкой армии-фон-ПАРШ. Административное Управление лагерем осуществлялось через общелагерные отделы, а именно:

27. Карточка военнопленного лагеря «Шталаг IA» И.И. Вавилова

13 июля 1942 г.



Personalkarte I: Personelle Angaben

Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag IA

Name: Wawilow Вавилов

Vorname: Iwan Иван

Geburtstag und -ort: 15.10.14 Michals

Religion:

Vorname des Vaters: Iwan

Familienname der Mutter: Burumina

Staatsangehörigkeit: Russe

Dienstgrad: Soldat

Truppenteil: 47 Bau Bat

Zivilberuf: Bauer

Gefangennahme (Ort und Datum): 8.7.41. Parna Estland

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Des Kriegsgefangenen

Lichtbild

Nähere Personalbeschreibung

Größe | Haarfarbe | Besondere Kennzeichen:

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Иван Вавилов.

Калининская обл.

13.7.42.

13.7.42. Erschossen auf Flucht.

Расстрелян за побег.

13.7.42г.

Bemerkungen:

Stamm: Gefangenennummer:

На карточке указано: «Расстрелян за побег. 13.7.42 г.» (на немецком языке с русским подстрочным переводом).

Электронный ресурс: Память народа. https://pamyat-naroda.ru Вавилов Иван Иванович, 15.10.1914 г. рождения, Калининская обл.

28. Спецсообщение о лагере военнопленных и иностранных рабочих в г. Пиллау

Июль 1945 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
[...]* ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
тов. **
На № 3/17726 от 19/УІ-45 года.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ.

О зверствах немецких фашистов над советскими гражданами в гор. Пиллау /Восточная Пруссия/.

Доношу, что из лиц, находившихся в городе Пиллау и знающих о злодеяниях немцев над советскими гражданами в этом городе, нами установлены только два человека – жительницы города Смоленска – ГУРЬЯНОВА Александра Дмитриевна и ее дочь ГУРЬЯНОВА Валентина Денисовна, которые находились в лагере, где немцами было уничтожено около 8000 человек.

ГУРЬЯНОВЫ показали, что в октябре 1943 года они из города Смоленска немцами были вывезены в Восточную Пруссию в город Фишхаузен, откуда биржей труда вместе с другими советскими гражданами были направлены в гор. Пиллау в лагерь.

Лагерь носил название форт «Штиле»[3]* и располагался в 3-х километрах от гор. Пиллау[40]. Как показали ГУРЬЯНОВЫ, всего в лагере насчитывалось до 100 бараков, обнесенных в несколько рядов колючей проволокой, в каждом из них содержалось не менее 200 человек. Среди содержавшихся в лагере лиц были советские военнопленные, советские граждане, военнопленные и мирные граждане французской и польской национальностей.

Советские военнопленные от остальных заключенных содержались изолированно в отдельных бараках, обгороженных внутри лагеря дополнительными рядами колючей проволоки. На работу и с работы в лагерь водились под усиленным конвоем. Гражданские лица имели пропуска, по которым выходили на работу и после работы возвращались в лагерь в бараки.

Заключенные в лагере находились в тяжелых условиях. Рабочий день длился с 6 часов утра до 5 часов вечера, а из питания давалось: утром и вечером несладкий кофе, в обед по одному литру жидкого супа, приготовленного из перловой крупы, и по 200 граммов хлеба.

Лагерная охрана, состоявшая из солдат морской немецкой воинской части, издевалась над заключенными, систематически избивая их за малейшие нарушения лагерного режима и устраивая повальные обыски с целью изъятия у заключенных вещей и ценностей.

В ночь на 26 января 1945 года путем одновременного взрыва всех бараков лагеря, большинство заключенных, содержавшихся в этом лагере, немцами было уничтожено.

Как показывают ГУРЬЯНОВЫ, вечером 25 января 1945 года в лагере были сняты все посты и вся охрана. В связи с чем это было сделано – заключенные ничего не знали.

Приблизительно в 2 часа ночи, когда люди в бараках спали, произошел сильный взрыв, и все бараки вместе с людьми были разрушены.

Вскоре после взрыва в расположении лагеря появились немецкие охранники и всех заключенных, которые остались в живых [и] пытались убежать в лес, стали ловить и расстреливать.

Какое количество людей было уничтожено немцами в лагере путем взрыва ГУРЬЯНОВЫ точно не знают, но показывают, что из заключенных спаслось всего лишь несколько десятков человек, и большинство из них были искалеченные.

ГУРЬЯНОВЫ лично сами после взрыва из лагеря бежали и перебрались в прачечную при немецком военном госпитале, в которой они ранее работали и продолжали там находиться до апреля 1945 года, по день освобождения частями Красной Армии.

Из администрации лагеря, охранников и участников указанных зверств над советскими гражданами в этом лагере ГУРЬЯНОВЫ по фамилиям никого не знают.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Протоколы допросов свидетелей ГУРЬЯНОВЫХ на 6 листах[4]*.

[...][5]*

« » июля 1945 г.

*Пометы: «т. [...][6]**

*Пр[осьба] переговорить по существу. 6.7.[19]45 [...][7]** к переписке»

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 104–105. Подлинник. Машинопись.

---

* Закрашено.

** Имя закрашено.

3* В документе «фортштилле».

4* Опубликованы под №№ 29, 30.

5* Имя, должность, подпись закрашены.

6* Неразборчиво.

7* Неразборчиво.

Вх №25187 РАССЕКРЕЧЕНО

57. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

[redacted]

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ

тов. [redacted]

№ № 3/I7726 от I9/VI-45 года.

С П Е Ц С О О Б Щ Е Н И Е.-

О зверствах немецких фашистов над советскими гражданами в гор. Пиллау /Восточная Пруссия/.

Доношу, что из лиц находившихся в городе Пиллау и знающих о злодеяниях немцев над советскими гражданами в этом городе, нами установлены только два человека - жительницы города Смоленска - ГУРЬЯНОВА Александра Дмитриевна и ее дочь ГУРЬЯНОВА Валентина Денисовна, которые находились в лагере, где немцами было уничтожено около 8.000 человек.

ГУРЬЯНОВЫ показали, что в октябре 1943 года они из города Смоленска немцами были вывезены в Восточную Пруссию в город Бишхаузен, откуда биржей труда вместе с другими советскими гражданами были направлены в гор. Пиллау в лагерь.

Лагерь носил название "форштилле" и располагался в 3-х киллометрах от гор. Пиллау, как показали ГУРЬЯНОВЫ, всего в лагере насчитывалось до 100 бараков, обнесенных в несколько рядов колючей проволокой, в каждом из них содержалось не менее 200 человек. Среди содержавшихся в лагере лиц, были советские военнопленные, советские граждане, военнопленные и мирные граждане французской и польской национальностей.

Советские в/пленные от остальных заключенных содержались изолировано в отдельных бараках, обгороженных внутри лагеря дополнительными рядами колючей проволоки. На работу и с работы в лагерь водились под усиленным конвоем. Гражданские лица имели пропуска, по которым выходили на работу и после работы возвращались в лагерь в бараки.

Заключенные в лагере находились в тяжелых условиях. Рабочий день длился с 6 часов утра до 5 часов вечера, а из питания давалось: утром и вечером несладкое кофе, в обед по одному литру

РАССЕКРЕЧЕНО

- 2 -

жидкого супа, приготовленного из перловой крупы и по 200 граммов хлеба.

Лагерная охрана, состоявшая из солдат морской немецкой воинской части, издевалась над заключенными, систематически, избивая их за малейшие нарушения лагерного режима и устраивая повальные обыски, с целью изъятия у заключенных вещей и ценностей.

В ночь на 26 января 1945 года, путем одновременного взрыва всех бараков лагеря, большенство заключенных, содержавшихся в этом лагере немцами было уничтожено.

Как показывают ГУРЬЯНОВЫ, вечером, 25 января 1945 года в лагере были сняты все посты и вся охрана. В связи с чем это было сделано, заключенные ничего не знали.

Приблизительно в 2 часа ночи, когда люди в бараках спали, произошел сильный взрыв и все бараки вместе с людьми были разрушены.

Вскоре после взрыва, в расположении лагеря появились немецкие охранники и всех заключенных, которые оставшись в живых пытались убежать в лес, стали ловить и расстреливать.

Какое количество людей было уничтожено немцами в этом лагере путем взрыва, ГУРЬЯНОВЫ точно не знают, но показывают, что из заключенных спаслось всего лишь несколько десятков и большенство из них были искалеченные.

ГУРЬЯНОВЫ лично сами после взрыва из лагеря бежали и перебрались в прачечную при немецком военном госпитале в которой они ранее работали и продолжали там находится до апреля 1945 года, по день освобождения частями Красной Армии.

Из администрации лагеря, охранников и участников указанных зверств над советскими гражданами в этом лагере ГУРЬЯНОВЫ по фамилиям никого не знают.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Протоколы допросов свидетелей ГУРЬЯНОВЫХ на 6 листах.

[redacted]

" " июля 1945 г.

№ 5158/СО

Гв.РП.

29. Свидетельские показания бывшей заключенной лагеря в г. Пиллау А.Д. Гурьяновой

26 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

26 июня 1945 года город Пальмникен

Я* — гвардии старший лейтенант [...]**, допросил в качестве свидетеля гражданку, ГУРЬЯНОВУ Александру Дмитриевну, 47 лет, уроженка села Базарный Карабулак, того же района, Саратовской губернии, с 1925 г. проживала в гор. Смоленске, [...] русская, образование — неграмотная, беспартийная, вдова.

Свидетельница за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждена. / неграмотная/.

ВОПРОС: Где Вы проживали и чем занимались до и в период оккупации немцами Смоленской области?

ОТВЕТ: С 1925 года с момента переезда на жительство в Смоленскую область и до 1943 года я безвыездно проживала в гор. Смоленске по ул. 1-е мая, дом № 15.

До оккупации немцами гор. Смоленска я работала технической работницей сапожной мастерской артели «Труд», а при немцах выполняла различные черновые работы и последний год работала на хлебозаводе подносчицей.

В августе или сентябре 1943 года меня совместно с дочерью Валентиной 1926 года рождения в числе других местных жителей немцы эвакуировали в Восточную Пруссию на Земландский полуостров, где мы и проживали до апреля 1945 года до момента освобождения нас частями Красной Армии.

ВОПРОС: Расскажите подробнее, где Вы проживали и чем занимались, будучи эвакуированными немцами в Восточную Пруссию?

ОТВЕТ: Примерно в октябре 1943 года нас немцы товарным поездом из Смоленска привезли в Фишхаузен на биржу труда. Примерно через один-два дня всех эвакуированных немцы отправили в гор. Пиллау, где поместили в лагерях со множеством бараков.

Весь лагерь был обнесен в несколько рядов колючей проволокой и располагался в 3 км от города. В этом лагере я совместно с дочерью Валентиной содержалась с октября 1943 года до февраля 1945 г., до момента взрыва этих бараков немецко-фашистскими извергами.

Весь период моего содержания я использовалась на работах в прачечной, обслуживающей немецкие военные госпиталя.

ВОПРОС: Кто содержался вместе с Вами в указанном лагере и их количественный состав?

ОТВЕТ: Был разговор, что в этом лагере содержалось около 5 000 человек, но в действительности было больше.

По грубым подсчетам, в этом лагере было не менее 100 бараков, в каждом бараке размещалось до 200 человек. Все бараки были переполнены людьми.

В этом лагере содержалось множество эвакуированных немцами советских граждан, много было военнопленных Красной Армии. Кроме того, там содержались военнопленные и гражданские поляки и французы.

ВОПРОС: Какое положение было заключенных граждан в Пилавском лагере?

ОТВЕТ: Все заключенные в Пилавском лагере находились в очень тяжелых условиях. Большинство были полураздетые, обутые в деревянные колодки.

Военнопленных под конвоем выводили из лагеря на тяжелые работы, при том работы производились круглосуточно в две смены. Питание было плохое. Один раз в сутки давали по котелку на двоих невкусного супа из перловки, грамм 200–250 хлеба, утром и вечером выдавали несладкий кофе. Лично я работала в прачечной с 7 часов утра до 5 часов вечера.

Были случаи, когда лагерная охрана подвергала заключенных избиению.

ВОПРОС: Из кого состояла лагерная охрана и лагерная администрация и кого Вы знаете из них по фамилиям?

ОТВЕТ: Лагерная охрана и лагерная администрация состояла исключительно из моряков. По фамилиям их, а также название этой части я не знаю.

ВОПРОС: Выше Вы показали, что в Пилавском лагере Вы содержались до момента взрыва бараков немецко-фашистскими извергами. Расскажите подробно по этому вопросу.

ОТВЕТ: Взрыв бараков лагеря произошел в ночь с 26 на 27 февраля 1945 г.[3*], примерно в 2 часа ночи.

26 февраля с[его] г[ода] часов в 5 вечера я возвратилась с работы в лагерь. Меня поразило то, что в тот момент вокруг лагеря никакой охраны не было. Некоторые заключенные объясняли это, что немцы из Пиллау, очевидно, бегут и поснимали всю охрану.

На этом все успокоились и легли спать.

Часа в 2 ночи на 27 февраля я очнулась от сильного взрыва и какого-то толчка, от которого все бараки развалились, часть из них загорелись, всюду были стоны и крики искалеченных раненых. Когда я очнулась, то находилась уже под открытым небом, барак наш, а также и остальные, были развалены, стены бараков разлетелись по сторонам. Все смешалось с пылью, грязью.

Отчего это произошло, я сама объяснить не могу. Был разговор, что в лесу, расположенном в 300–400 метрах от наших бараков, были большие склады с боеприпасами – с минами, которые якобы и были взорваны. Насколько это верно, я не знаю. Но заявляю, что все это произошло в одно мгновение, и после никакого взрыва, стрельбы не было.

ВОПРОС: Куда делись заключенные, содержавшиеся в лагере?

ОТВЕТ: Явное большинство заключенных, содержавшихся в лагере, погибли убитыми от взрыва. Нескольким десяткам удалось спастись, ранеными и искалеченными, и лично я видела до 10 человек заключенных, спасшихся, невредимых, если не считать их легких ушибов. Эти спасшиеся были [из] различных бараков.

ВОПРОС: После производства взрыва бараков в расположении лагеря появлялась лагерная охрана и администрация?

ОТВЕТ: После производства взрыва в расположении лагеря я лично никого из лагерной охраны и администрации не видела и не встречала. В то время я была сильно перепугана и не помню, как вместе с дочерью Валентиной убегала в лес, где скрывалась до утра, а утром ушли в прачечную, где мы работали, располагавшуюся в 3 км от лагеря в самом городе, где мы и жили до апреля 1945 г., до момента вступления в Пиллау частей Красной Армии.

В тот же день после взрыва между спасшимися, – фамилии их никого не знаю, – был разговор, что в ту же ночь возле лагеря появились какие-то немецкие вооруженные солдаты и расстреливали бежавших заключенных, спасшихся от взрыва.

ВОПРОС: Что еще имеете дополнить к своим показаниям по существу массового истребления немцами советских граждан?

ОТВЕТ: Дополнить свои показания по существу массового истребления немцами советских граждан, заключенных в лагерях в гор. Пиллау, больше ничем не имею.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и мне прочитан. /неграмотная/

Допросил:[4*]

гвардии старший лейтенант

Верно: [...][5*].

Архив УФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 109–111. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Закрашено.

[3*] А. Д. Гурьянова ошибается. Взрыв произошел в конце января 1945 г.

[4*] Имя закрашено.

[5*] Закрашено.

30. Свидетельские показания бывшей заключенной лагеря в г. Пиллау В. Д. Гурьяновой

26 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

26 июня 1945 года город Пальмникен

Я* – гвардии младший лейтенант [...]**, допросил в качестве свидетеля,–

ГУРЬЯНОВУ Валентину Денисовну, 1926 года рождения, уроженка и жительница гор. Смоленска, [...] из семьи рабочих, русская, образование 6 классов, беспартийная, незамужняя.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждена. /Гурьянова/

ВОПРОС: Где Вы проживали и чем занимались до и в период оккупации немцами Смоленской области.

ОТВЕТ: До и в период оккупации немцами Смоленской области вместе с матерью в гор. Смоленске я проживала по улице 1 мая, дом 15, до войны училась в школе, окончила 6 классов, а при немцах работала в лазарете и последнее время в хлебопекарне на различных подсобных работах.

19 сентября 1943 года меня вместе с матерью ГУРЬЯНОВОЙ Александрой в числе многих других мирных советских граждан немцы эвакуировали пешим строем в гор. Орша, откуда в товарном поезде отправили в Восточную Пруссию, сначала в Фишхаузен на биржу труда, а затем в гор. Пиллау в лагерь форт «Штиле»[3*], где мы находились до апреля 1945 года, до момента освобождения нас частями Красной Армии.

ВОПРОС: Что за лагерь был в гор. Пиллау, где Вы содержались, где он располагался, и кто еще там содержался?

ОТВЕТ: Лагерь форт «Штиле» состоял из множества деревянных бараков, вся территория лагеря была обнесена проволочным заграждением, располагался на окраине гор. Пиллау. В этом лагере содержалось несколько тысяч различных заключенных [принудительного] труда, эвакуированных советских граждан, военнопленных Красной Армии, много там содержалось пленных и гражданских поляков и французов.

Определить точное количество людей, содержащихся в лагере, было невозможно, и я сказать это затрудняюсь, люди туда часто прибывали и куда-то выбывали, но все это время бараки лагеря были переполнены.

Военнопленных Красной Армии немцы изолировали еще внутри лагеря от остальной массы содержащихся там людей путем ограждения их бараков колючей проволокой.

ВОПРОС: Какой режим был создан немцами в лагере форта «Штиле»?

ОТВЕТ: Военнопленные Красной Армии содержались под усиленной охраной, на работу выводились под конвоем. Гражданские лица имели пропуска, по которым выходили на работу и после работы возвращались в лагерь в бараки. Лично я совместно с матерью работала в прачечной, располагавшейся в городе в 2 км от лагеря.

Эта прачечная обслуживала, главным образом, немецкие военные госпиталя.

Работать начинали в 6 часов 30 минут утра до 5 часов вечера, а иногда и дольше. Питание было плохое. Выдавали несладкий кофе, в обед давали жидкого супа и перловки по одному литру на человека и по 200 грамм хлеба, вечером только кофе.

Лагерная охрана очень плохо относилась к заключенным в лагере лицам, за малейшие проступки избивали, водили в жандармерию, производили поголовные обыски с целью обнаружения ворованных якобы вещей.

ВОПРОС: Кого Вы знаете по фамилии из лагерной охраны и лагерной администрации Вашего лагеря?

ОТВЕТ: Наш лагерь охраняли солдаты морской немецкой части, и последние дни стали охранять солдаты пехотной части. Фамилий кого-либо из лагерной охраны и лагерной администрации я никого не знаю.

ВОПРОС: Были ли случаи истребления немцами советских граждан, содержавшихся в лагере в гор. Пиллау?

ОТВЕТ: В ночь [с] 25 на 26 января 1945 года немецко-фашистские изверги взорвали все бараки нашего лагеря, в результате которого явное большинство заключенных были уничтожены, несколько десятков остались искалечены, ранены, и единицам, в том числе мне и моей матери, удалось спастись невредимыми, если не считать полученных легких ударов.

Взрыв бараков лагеря произошел при следующих обстоятельствах: вечером 25 января 1945 года в лагере были сняты все посты, вся охрана, но никто из содержащихся в лагере не мог объяснить, с какой целью это было сделано. Сам взрыв произошел во 2 часу ночи на 26 января 1945 года.

Лично я очнулась в тот момент, когда стал рушиться наш барак, разваливались стены, сыпались доски и бревна, и это произошло в один миг, и мы оказались под открытым небом. Будучи в испуганном состоянии, я схватила свое пальто и в нижнем белье совместно с матерью убежала в лес.

В тот момент, когда я очнулась от произошедшего взрыва, ни одного уцелевшего барака не было. Всюду были пожары, слышались ужасающие крики людей искалеченных, раненых, придавленных стенами и бревнами бараков.

Вскоре в расположении лагеря появились немецкие солдаты, которые стали расстреливать спасшихся от взрыва и убегавших из лагеря людей.

При помощи устроенного немцами взрыва лагерных бараков немецко-фашистские изверги и произвели умышленное массовое истребление советских граждан и военнопленных Красной Армии, а также поляков и французов, заключенных и содержавшихся к тому времени в данном лагере в гор. Пиллау.

Сколько тысяч погибло в то время от устроенного немцами-фашистами взрыва ни в чем не повинных советских людей, трудно сказать, но я заявляю, что к тому времени все бараки лагеря были переполнены заключенными, а спаслись из них всего лишь несколько десятков, из которых большинство искалеченные.

Как подготовили и производили немцы этот взрыв трудно сказать, так как все это произошло в ночное время, когда все спали.

ВОПРОС: Ваша мать ГУРЬЯНОВА Александра на допросе показала, что взрыв бараков произошел в ночь на 27 февраля 1945 г. Уточните этот вопрос?

ОТВЕТ: Я хорошо помню, что взрыв бараков был произведен немцами в ночь с 25 на 26 января 1945 года.

Моя мать ГУРЬЯНОВА Александра ввиду неграмотности могла перепутать время произведенного взрыва, поэтому и назвала вместо января — февраль месяц, притом она эти месяцы часто путает вообще.

ВОПРОС: Где Вы находились после того, как Вам удалось спастись от взрыва бараков?

ОТВЕТ: После того, как нам удалось спастись от взрыва нашего барака, я совместно с матерью перебралась в прачечную, где мы с ней работали, там нас поместили в бараки и продолжали работать до апреля 1945 г.

Последние две недели перед приходом Красной Армии нам пришлось скрываться в лесу и в крепости на окраине гор. Пиллау.

В настоящее время я совместно с матерью работаю дояркой в гуртскоте воинской части полевая почта 42711.

ВОПРОС: Что еще имеете дополнить к своим показаниям по существу массового истребления немцами советских граждан в лагере форта «Штиле»?

ОТВЕТ: Дополнить свои показания больше ничем не имею.

Протокол допроса с моих слов записан правильно и мне прочитан.

/ГУРЬЯНОВА/

Допросил: [4*]

гвардии старший лейтенант

Верно: [...][5*]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 106–108. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Закрашено.

3* Здесь и далее в документе «форштиле».

4* Имя и подпись закрашены.

5* Закрашено.

31. Из воспоминаний К.И. Игошева[41], бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), «Мы смерти смотрели в лицо»

31 июля 1967 г.

Из ада в пекло

[...] Каким же было наше разочарование, когда нас привезли в Германию, вернее, в Восточную Пруссию, в город Шталлупёнен или, как его немцы еще называли, Эбенроде* (ныне этот город переименован в город Нестеров. Там увековечено имя Героя Советского Союза, полковника Степана Кузьмича Нестерова, погибшего на подступах к городу).

Сам городишко небольшой, напоминающий наши районные центры; здания жилых домов и государственных учреждений выложены из красного кирпича; остроконечные, красной черепицей покрытые крыши и узкие улицы во многом напоминали старый город Ригу.

Примерно в двух-трех километрах восточнее города и был расположен лагерь для русских военнопленных, недалеко от которого (400–500 метров) пролегало хорошее асфальтовое шоссе: по обе стороны вдоль всей трассы, насколько охватывал человеческий взгляд, ровными рядами тянулись ввысь массивные деревья. Все это — и сам город, и асфальтовое шоссе, по обе стороны которого тут и там были раскиданы отдельные хутора «бауэров»[42], а иногда и целые деревни — говорило о его древности с сельскохозяйственным уклоном развития. Никаких фабрик и заводов не было и в помине.

Сам лагерь смерти — новорожденный. Никаких строений или построек на территории лагеря не было. Чистое поле, засеянное не то пшеницей, не то ячменем или овсом, общей площадью примерно 750–800 квадратных метров, обнесено двумя рядами колючей проволоки высотой три метра с пропущенным по ним током высокого напряжения. Расстояние между первым и вторым проволочными заграждениями переплеталось тоже проволокой в виде спирали или паутинки, но так густо, что пролезть через нее никак нельзя. Кроме того, между ними был выкопан ров шириной 2,5 и глубиной 1,5 метра. Сразу чувствовался опыт в постройке концентрационных лагерей фашистами. Они не жалели колючей проволоки для этих целей. Вдоль всех этих укреплений с обеих сторон, как и в Двинске, на расстоянии 5 метров от основного проволочного ограждения тоже была натянута колючая проволока в один ряд, что означало — запретная зона. Пересечь ее означало верную смерть. Внешняя охрана лагеря — восемь пулеметных вышек со станковыми пулеметами, дзоты и окопы на случай бунта или нападения на лагерь. Кроме всего этого, через каждые 100–150 метров за изгородью прогуливались часовые. Внешнюю охрану лагеря немцы не доверяли никому, и здесь преимущественно стояли войска «СД». При такой охране и проволочных укреплениях всякую мысль о побеге нужно было выкинуть из головы.

Вся территория внутри лагеря была разбита на 10 блоков без каких бы то ни было построек. Исключение составляли проходные, они же выходные будки, построенные из красного кирпича около ворот каждого блока. Административное руководство в каждом таком блоке возглавлял фашистский унтер-офицер с десятком подчиненных ему солдат, которых в скором времени заменила лагерная полиция.

Блоки между собой были разделены колючей проволокой высотой в человеческий рост, в пространстве между которыми стояли немецкие часовые с автоматами. Таким образом, перебежка из одного блока в другой исключалась. Не разрешалось также разговаривать жителям одного блока с другим, не говоря уже об обмене вещами или что-нибудь в этом роде. Каждый блок был под номером и имел свое прямое назначение. Нумерация блоков была произведена с левой стороны блока № 1, шла по кругу часовой стрелки и заканчивалась 10-м блоком, который был расположен против первого через дорогу. Никаких вывесок или трафаретов на блоках не было, да и кому они нужны. Кроме немецкой внутренней охраны и нас, обреченных на смерть, никого не было, а мы все отлично знали расположение лагеря, хотя 90 процентов его узников и не имели права передвижения по лагерю. Прямое назначение каждый из этих блоков имел следующее. Первый блок — этапный: здесь людей собирали только для подготовки на этап или по прибытии в лагерь для расформировки по блокам. Всякое другое время он пустовал. Второй — офицерский: в нем содержались офицеры с рангом от младшего лейтенанта до полковника всех родов войск и национальностей. Третий — рабочий: здесь была лагерная обслуга (пекари, повара, дворники, похоронная команда и т[ак]

д[алее]). В четвертом — латыши, эстонцы, литовцы. Пятый — крымские татары и потом лагерная полиция. Шестой — штрафной, карцер или блок смерти, откуда почти никто не выходил живым. Седьмой — украинцы. Восьмой и девятый — русские. И десятый — санчасть, где в скором времени натянули две большие брезентовые палатки — единственное место, где можно было спрятаться от дождя или ветра.

По осевой линии лагеря между блоками, начиная от выходных ворот и до задней его стенки, где были расположены кухни под номером 3,4, проложена шоссейная дорога из круглых бревен и жердей. Рядом с ней по обе ее стороны выложены дощатые тротуары. В самой центральной точке лагеря была сооружена массивная сторожевая вышка, вооруженная двумя станковыми пулеметами, автоматами и ручными гранатами.

На всех сторожевых вышках, включая и внутрилагерную, были установлены мощные прожектора. При входе в лагерь около их массивных, широких ворот была сооружена деревянная достаточно просторная сторожевая казарма, где могло размещаться до взвода солдат.

С левой и правой сторон от выхода из лагеря были расположены лагерные кухни № 1 и № 2. На каждой из четырех кухонь лагеря, которые готовили баланду для нас, командовали по отделению немецких солдат во главе с унтер-офицером, так же, как и в жилых блоках. Впоследствии, через месяц, в левом крайнем углу лагерной территории рядом с кухней № 2, отгороженной густой сеткой из колючей проволоки высотой в три метра, была построена лагерная хлебопекарня, которую даже с внутренней стороны лагеря постоянно охраняли фашистские солдаты. Сюда никто не мог войти, даже лагерные полицейские, которым вскоре была передана вся власть внутри лагеря, кроме рабочих пекарей, приводимых сюда под конвоем, и немецких офицеров интендантской службы.

По всему было видно, что фашистские изверги построили этот лагерь в течение последнего месяца и сделали его временно-пересыльным, поэтому и не было здесь, как в других лагерях, стационарных капитальных построек. Даже вся немецкая сторожевая охрана жила в наскоро собранных бараках финского типа. Только комендант лагеря — старый фашистский майор — со всей сворой эсэсовских живодеров размещались в старом капитально построенном просторном доме, по-видимому, изъятом у местного жителя.

Вот сюда-то, в такой лагерь и попали мы. Можете себе представить наше настроение и вид, на кого мы были похожи после двух дней давки в вагонах без воды и пищи, при этом не досчитались около тридцати своих товарищей, умерших в дороге. Мы рады были свежему воздуху, хотя на всем пути от станции до лагеря нас били плетками и прикладами, но человек наконец привыкает и к этому. Того, кто не мог идти своими ногами, попросту пристреливали на месте. В то время это казалось в порядке вещей, как обыденное явление.

Если многие из нас не выдерживали всех этих истязаний и, как попросту говорят, «отдавали душу богу», то фашистские палачи органически не могли жить без этих проводимых ими телесных издевательств над пленными, так же как мы без воды и хлеба. Мне кажется, если бы в то суровое время самых отъявленных фашистских убийц лишить возможности издеваться над беззащитным народом, предоставив им спокойную, тихую, сытую жизнь, то они отказались бы от нее. Ведь их кровь, мозг, все их существо жаждали крови. Они убивали людей по праву силы «высшей расы» направо и налево, то с равнодушием, то с садистским наслаждением, испытывая при этом особое, высшее удовлетворение от людских мучений.

Мы были привезены сюда одними из первых. Об этом красноречиво говорила окружающая обстановка — посевы в блоках не были полностью вытоптаны, свежие выструганные доски на тротуарах, сохранившаяся кора на бревнах мостовой, — все говорило о новоселье. Хотя в дальних блоках от нас виднелись толпы людей.

Весь наш этап в полторы тысячи человек, как диких сайгаков, загнали в клетку первого блока. Никто на нас не обращал никакого внимания, как будто мы действительно были не людьми, а дикими животными. На обширной территории под открытым небом мы сбились в кучки, знакомый к знакомому, и расположились на голой земле кто как мог. Единственное, что не могли у нас отнять фашисты – солнце и воздух. Все остальное они взяли.

Совсем рядом в ста метрах от нашего блока дымились кухни. Правда, никакого одурманивающего запаха на наш «волчий аппетит» не было, но там была пища, вода. Какая бы она ни была, пусть самая невкусная, но она дает жизнь человеку, и, приняв ее, вы даете нагрузку пищеводу, всему человеческому организму, у вас повышается импульс жизни. У русского человека бытует поговорка: «сейчас бы собаку с шерстью съел». Но это только поговорка, в действительности в нашей мирной жизни все бывает наоборот. Дай этому человеку миску самого вкусного борща и кинь туда муху или таракана, он, конечно, откажется. А как вы думаете, дорогой читатель, если бы к нам в блок в это время действительно забежала собака или кошка, что бы от нее осталось? Ничего! Это я вас могу заверить хоть под присягой. Впоследствии, месяцев через 5–6, когда лагерь уже был на карантине, меня самого угощали свежим тушеным мясом. Я тогда тоже удивлялся находчивости пленных, не зная истины, думал, откуда же может взяться у них свежее мясо в лагере? Лагерь на карантине, в него не пускали даже лошадь, которая до ворот лагеря доставляла мерзлую брюкву для нашей кухни, не то, что человека, пусть даже он в фашистском мундире. И вдруг свежее мясо.

Оказывается, задача решалась просто. У умерших от голода товарищей (а таких трупов в то время было вдоволь, и никто на них не обращал внимания) вырезали почки, сердце, печенку. Все это варили в армейском котелке и потом обменивали на баланду, хлеб и прочее. Попросту это называется людоедство, но тот, кто ел это мясо, и не догадывался, что ест. А тот, кто сам вырезал и приготавливал эту пищу, он, как правило, сам не ел ее. Ведь он знал, что это такое. Вы не верите? Скажете, что автор «сгущает краски». Тогда спросите тех, кто пережил это суровое время и остался жив, он вам скажет: правда это или нет.

Мнимые украинцы

Часа через 3-4 в наш блок явилась группа немецких офицеров, сопровождаемая солдатами и переводчиком. Нам объявили, что сейчас нас накормят и разведут по другим блокам согласно нашей национальности.

– А как же нам быть? – сказал Аркаша Боровиков.

– Мы же русские и пойдем в русский блок. Не будешь же ты выдавать себя за грузина или татарина,– пытался доказать я.

– Вы что, забыли про Двинск? – продолжал настойчиво Аркаша.– Ведь русских на работу не берут, а без работы – верная смерть. Тогда прощай мечта о побеге.

– Ты прав. Обязательно нужно попасть на работу, хоть куда-нибудь. В этом все наше спасение,– подтвердил Саша Маленький.

– Тогда давайте назовемся украинцами и весь конец, – ведь они же их берут на работу.

– Согласен, но, а как быть с фамилиями, они у нас чисто русские,– упорствовал я.

– Кто нас будет спрашивать? Ведь немцы переписи не ведут, а если спросят, назовись каким-нибудь «Отченашем» или «Займидаром», и все будет хорошо,– советовал Аркаша,– главное, не разлучаться и попасть в рабочую команду, а там видно будет.

Так мы и договорились условно «переродиться» в украинцев. После отправки мелкими партиями крымских татар, офицеров дошла очередь и до нас. К великому нашему удивлению, «украинцев» было большинство. По-видимому, замаскировались под

эту личину не одни мы. Подгоняя все теми же палками и плетками, нас пропускали по одному в затылок через узкие проходы, специально сделанные немцами наподобие как у железнодорожных билетных касс в довоенное время. В конце каждого такого прохода стоял большой котел с баландой, и кухонный рабочий под наблюдением унтер-офицера каждому наливал по одному черпаку в подставленную посуду. В большинстве своем пленные не имели никакой посуды, тогда они лишались заветной горячей пищи или брали ее в свои пилотки. Наблюдающие солдаты с дубинками не разрешали задерживаться около котла и били нерасторопных. Повар, орудовавший черпаком, был такой же пленный, как и мы, но он не мог налить нам больше, чем положено, иначе он бы попал к нам в блок и был избит. А ведь каждый хотел жить. И как мы завидовали тогда этому повару, имеющему возможность есть эту баланду в неограниченном количестве.

Наша «троица» получила свой паек баланды полностью потому, что у нас на троих было два объемистых котелка. Хлеб, нарезанный специальными порциями грамм по 500–600, выдавали тут же, это за два дня. Рядом с кухней по деревянному желобу текла холодная прозрачная вода, и все пили наперебой, кто чем и как мог.

Немецкие солдаты и тут не давали задерживаться, их дубинки то и дело опускались на наши спины. Об умывании или мытье посуды не могло быть и речи.

В седьмом украинском блоке, куда нас привели, было так же голо и пусто, как во всех остальных блоках, если не считать уже «старых» здесь жителей, которые прибыли сюда двумя днями раньше.

Знакомясь с жителями этого блока, а их было уже человек 700, я пришел к выводу, что большинство из них были чистокровными русскими людьми, ничего не имеющего общего с Украиной, а подчас и вовсе не бывавших там, но все они старались говорить с украинским акцентом и в большинстве своем изменили свои фамилии с русской на украинскую. По этой причине добрая половина пленных жила под вымышленными фамилиями. Этот метод оправдал многих, особенно политработников, которые проживали во втором блоке, выдавая себя за строевых командиров Красной армии. Много таких политработников было и среди нас, рядовых, но их никто не выдавал, наоборот, они пользовались каким-то неписаным авторитетом.

Я же не считал нужным менять свою фамилию, тем более что редко кто ее называл, да и называет сейчас правильно. В большинстве случаев я слышу вместо Игошев – Игошин, Игишев и даже Негишев. А вот имя пришлось изменить – и не потому, что я хотел замаскироваться, а только потому, что мое настоящее имя Кузьма труднопроизносимое, и с моего согласия все стали меня называть Александр с добавлением Большой, а для немцев я превратился просто в «Гросс Александр».

К вечеру начал накрапывать дождь, подул северный ветер, и ночью разразился ливень. Давно уже не было дождей. Мы всю ночь сидели спина к спине, укрывшись шинелью и бушлатом. Вся одежда на нас промокла, но были спасены от ветра, хотя сидели в луже неприятно грязной воды. У других пленных положение было куда хуже нашего. Большинство кроме гимнастерок не имели ничего, а многие вообще были в одном нательном белье.

Утром, когда выглянуло солнце и дождь прекратился, мы увидели по всему лагерю пестрые бугорки – это люди голыми руками рыли себе в рыхлой земле убежища. Ведь не было абсолютно никакого инструмента, не только лопаты, но хотя бы палки или железяки, которой можно долбить землю.

По лагерю виднелись тут и там натянутые плащ-палатки, но где люди для этого взяли колышки? Оказывается, при строительстве зоны остались все же кое-какие дровяные отходы и куски колючей проволоки. Все пошло в ход. Люди боролись за жизнь. Решили и мы выкопать себе нору. Но чем? В ход были пущены наши котелки и ложка,

которые нам сослужили большую службу не только как кастрюли, тарелки, кружки, но и как землеройные орудия производства. Саша Маленький, на наше счастье, раздобыл где-то пару палок якобы в обмен на газету (которых у нас было много). К вечеру наше логово, в круговую обнесенное небольшим земляным валом, было готово.

Подобных «волчьих нор» в ту пору было нарыто очень много. Согнав нас в блоки, немцы не интересовались нашей жизнью. Каждый пленный отдан был сам себе. В обязанность фашистов входило, по-видимому, только охрана и два раза в день выводить по очереди всех жителей блока на кухню для приема пищи. Наш разовый рацион оставался прежним: 200 грамм хлеба и черпак баланды примерно в 700–750 грамм. Вот и все. И так изо дня в день. Чем дальше, тем хуже. Если первое время баланду варили из каких-то концентратов, и даже попадались куски мяса, по-видимому, с убитых лошадей, то впоследствии перешли только на одну кормовую брюкву (кормовой бурак**). В баланду добавляли также шелуху гречихи и проса, а иногда — неочищенный гнилой картофель.

Жизнь в лагере шла без перемен, односложно. Каждый только и думал каждую минуту как бы достать кусок хлеба или махорки на цигарку. Немцы, в свою очередь, на первых порах не надоедали нам своими посещениями и расспросами, но в то же время они и не думали налаживать вопрос с питанием пленных. Это их меньше всего интересовало. Ради потехи и забавы немцы иногда приносили с кухни несколько буханок хлеба и кидали их прямо в толпу.

Начиналась «игра в волейбол». Сотни людей кидались за этой буханкой и давили друг друга. А то возьмет какой-нибудь немец сигарету, положит на землю и объясняет, что ее получит тот, кто проползет на четвереньках метров 50 и будет лаять по-собачьи. Таких «охотников», подонков человечества, находилось очень мало, но, к великому сожалению, они были, и нам за них было очень стыдно. Немцы же при этом ржали во все глотки, довольные своей выдумкой.

В один из таких обычных дней наш блок навестил «Гауптман»[43] — капитан интендантской службы, заместитель коменданта лагеря по снабжению. Переводчик, пришедший вместе с ним, объявил:

— Кто среди вас есть мастера хлебопечения, выходите строиться.

Мы переглянулись, понимая, что будут отбирать людей для пекарни, и не успели открыть рта, чтобы обменяться мнениями, как наш Аркаша ухватил нас под руки и потащил в строй.

— Но мы же с Сашей не умели печь хлеб,— пытался было я доказывать ему, но он прервал.

— Научу! Дураки, держитесь за меня.

Вскоре таких пекарей, как мы, выстроилось человек двести. Офицер со своей свитой громко засмеялись, поняв наше желание быть пекарями, и переводчик объявил:

— Запомните, что немцы презирают тех, кто обманывает. Предупреждаю, пока не поздно — покиньте этот строй все, кто не работал пекарем раньше. Нас не проведете, вы будете держать экзамен, и если не выдержите, будете расстреляны.

Видя серьезность положения после такой внушительной речи офицера, человек 30 пленных тут же покинули строй.

Начался персональный опрос каждого. Всем задавался один трафаретный вопрос: «Сколько лет работал пекарем?». Такие же короткие и трафаретные ответы давали мы: два, три, пять, шесть лет. Большую роль играл и возраст. «Гауптман» больше смотрел на внешность, чем слушал ответы, и показывал пальцем направо или налево. В итоге было отобрано 52 человека. В числе счастливчиков оказались и мы. Аркаша, имея преклонный возраст и лысину на голове, прошел отборочную комиссию без задержки. Мой ответ «пять лет» и высокая стройная фигура тоже не вызвала сомнения, но хуже было

с Сашей Маленьким. Пришлось нам с Аркашей дать за него поручительство, и немцы, поверив, оставили его с нами.

Под охраной четырех конвоиров-немцев нас всех привели в городскую баню. Какое это было счастье! Народ воспрянул духом, его нельзя было узнать. Только от одной мысли, что мы попадем в пекарню, а, значит, и будем сыты, люди смеялись, шутили, обнимались. Тут же, в бане нам разрешили постирать свое нательное белье и гимнастерки, побрить заросшие бороды, и главное – пожарили в дезкамерах все наши немудреные пожитки, избавив нас от вшей, которых развелось к тому времени довольно много.

Это, насколько я помню, единственный раз за два года плена у немцев, когда мне с таким удовольствием и наслаждением удалось помыться в бане, хотя вместо мыла нам дали какую-то серую вонючую пасту.

Судьба коварна. Рано мы радовались нашему счастью, так неожиданно выпавшему на нашу долю из многих и многих тысяч лагерных узников. По возвращению в лагерь мы были помещены в совершенно пустой первый блок, и все тот же «Гауптман», выстроив нас в одну шеренгу, без всяких вопросов просматривая каждого своим пристальным взглядом, как бы пронизывая насквозь лучами рентгена, разделил нас всех на две равные партии по 26 человек в каждой.

Мы с Аркашей попали в одну группу, а Саша Маленький – в другую. Нам очень жаль было расставаться с ним, но мы были бессильны и, к счастью, скоро встретились и помогали ему продуктами питания, что было в наших силах.

Отделенную от нас первую партию сразу же отправили в третий блок. К нам явился «художник» с трафаретами и масляной краской. Большими буквами “SU” он быстро раскрасил наши гимнастерки, кителя, шинели спереди и сзади, как это сейчас делают хозяйственники на бортах грузовых автомобилей. Буквы “SU” обозначали «Совет Унион», что в переводе на русский – Советский Союз.

Кроме этих больших букв, нанесенных на спину и грудь белой масляной краской в левом углу груди, где и сейчас носят гвардейские значки, нам поставили уже желтой масляной краской букву «В».

«В» – латинская буква «Б» означала «Беккер», или по-нашему – пекарь. Таким образом, мы первые в том лагере были заклеймены немцами их опознавательными знаками и носили их до последнего дня.

В скором времени такие клейма носили все жители лагеря, только без маленькой буквы «В». В этом лагере, о котором идет речь, других видов клеймения не проводилось. Однако впоследствии я встречался с людьми, прибывшими из других лагерей, которым клеймение производили непосредственно на теле, на ягодице – в 4–5 сантиметрах от заднего прохода – путем поверхностного пореза натянутой кожи с помощью раскаленного ланцета, смоченного китайской тушью.

Мирное население евреев носило на груди и спине пришитые желтые многоугольные звезды и называлось только Иудами.

Нас так же, как и первую партию, перевели в третий блок. К тому времени здесь уже стояли наскоро изготовленные две громадные землянки без окон и дверей, сооруженные из старых железнодорожных шпал. Нам объявили также, что утром за нами придет конвой и поведет на работу.

Эрзац-брот – искусственный хлеб

У каждого человека в жизни бывают такие явления, когда он, придя с работы и хорошо поужинав, ложится в мягкую постель, но сон не идет к нему. Его тяготят какие-то мысли, и он всю ночь, ворочаясь с боку на бок, никак не может заснуть. Так и у нас прошла эта первая ночь на новом месте, хотя и без постели, но на сухих шпа-

лах. Знаешь, что дождь не будет лить тебе на голову, не кусают вши, которых только что уничтожили, но спать мы не могли.

Нам не верилось, что утром мы сами будем делать хлеб: месить, катать, сажать в печки и, наконец, есть. Есть столько, сколько захочется. Нет, не может этого быть. Это какой-то сон или бред, когда перед глазами все время маячит пайка хлеба.

Всю ночь мы вели разговоры только о хлебе. Мы, все двадцать шесть человек, с боем занявшие себе место в землянке, сбились в одну кучу и, не зная друг друга, как бы сроднились. Каждый высказывал свои предположения о завтрашнем дне, о работе, о том, будут ли там немцы-мастера, как устроиться хотя бы дровоколом или водоносом. К утру выяснилось, что кроме Аркадия Боровикова во всей нашей компании нет ни одного настоящего пекаря, знающего свое дело. Было решено, что наш Аркаша будет у нас старшим пекарем и учителем, и все прониклись к нему уважением. Да и годами он был старше всех нас. Неудивительно поэтому, что чуть свет, когда весь лагерь спал, мы уже толпились около выхода из блока, ожидая свой конвой. Ох, как длинно тянутся эти минуты ожидания – они кажутся вечностью. Вот уже и начался развод рабочих по своим местам. За каждой партией рабочих приходили немецкие вооруженные солдаты. Ушли на работу повара, дворники, «Капутчики»[44]. Опустел наш блок, а мы все стояли и смотрели в даль, не покажется ли еще конвой за нами. И только когда солнце встало в зенит, когда наши повара уже успели сготовить и раздать свою баланду всем жителям лагеря, пришел наконец и наш конвой.

Они пересчитали нас, как овец или свиней, и проверили у каждого на груди наличие заветной буквы «В» (ведь никаких списков не существовало. Стоило заменить гимнастерку, и любой мог выйти вместо тебя). Расписавшись у унтер-офицера в каком-то журнале, мы двинулись в путь. Надо ли говорить о том, как мы были счастливы, и какими завистливыми глазами провожали нас товарищи, оставшиеся в блоке, в том числе и наш Саша Маленький.

Минут через сорок мы были в городе. Около первых же домов с остроконечными крышами и булыжной мостовой конвой остановил нас и, взяв трех человек, идущих впереди колонны, увел в дом, на фасаде которого висела вывеска «Беккерай», что значило – пекарня.

Нам стало ясно, что мы будем работать не в одной большой пекарне, а на их частных, маленьких по несколько человек. Так оно и вышло. Поняв серьезность положения, я невольно ухватил за руку Аркашу, как бы давая понять, что нужно попасть к одному хозяину. Он мне ответил рукопожатием в знак согласия.

Ситуация не в нашу пользу. Все искали сочувствия у Аркаши, но что он мог один сделать. Да и раздумывать конвой не дал, разделив нас на мелкие группы, повел нас в разные концы города.

Так мы оказались втроем с Аркадием и Борей Рыжим (такая кличка была присвоена ему за неудачный цвет волос. Надо сказать, что в лагере очень редко кого называли по фамилиям, особенно первый год в большинстве случаев называли людей уменьшительными именами: Миша, Боря, Ваня и т[ак] д[алее]. И очень часто людям присваивались клички вроде «беспалый», «воробышек», «рыжий», «пипа» и др[угие]). Оказались на частной пекарне, хозяином которой был старый, очень вредный толстый немец Отто Балтрушат. Здесь мы прежде всего встретили двух пленных французов, которые так же, как и мы, работали пекарями в первой смене.

Кому они пекли хлеб? Где их лагерь? Почему они ходят без конвоя? Мы так и не смогли уяснить. Они не знали нашего языка, мы не знали их. В то суровое время международным языком на территории Германии считался немецкий язык, но мы не знали его, хотя я ежедневно сидел с учебником и старался запомнить все услышан-

ное, но это не так быстро давалось. По-видимому, причиной служила пища. Все думы постоянно были заняты ей.

Не зная языка, мы никак не могли договориться с новым «Господином» (черт бы ему рад) насчет работы — что и как делать. Выручила его супруга (старая ведьма), привела откуда-то старого немца, кое-что понимающего по-русски (он в период Первой мировой войны был в плену у русских).

С его помощью Отто Балтрушат разъяснил нам как нужно месить тесто, выкатывать его, обслуживать паровую печь, взвешивать тесто для каждой буханки и т[ак] д[алее]. Аркаша все принял на себя и начал нами командовать. Борю Рыжего заставил месить тесто, меня — таскать муку со второго этажа склада, готовить дрова и уголь. Как только первый замес теста был готов, мы опять столкнулись с трудностями — как его выкатывать. Даже наш «Профессор» Аркаша тут оказался бессилен. У нас в Советском Союзе хлеб выпекается в формах заливной. У немцев же подовой такого же формата — «кирпич», но выкатывается руками на столе нужной формы, очень аккуратно складывается рядами и так садится в печь. У нас если хозяйка делает свое тесто, то она месит его двумя руками. У немцев наоборот — две буханки одновременно выкатываются двумя руками. Для этого нужен большой физический труд и, главное, уменье.

Первое время я не мог за день выкатать 50 буханок, а потом начал катать по 800.

Если бы кто со стороны посмотрел на нас в это время, как мы в первый день выкатывали хлеб, то насмеялся бы вдоволь. Представьте себе такую картину. Стоим все трое около стола, у каждого по два куска теста в руках. Мнем это тесто, а у нас ничего не получается. Старый немец бегает сзади нас и что-то громко кричит. Пот градом льется с наших лиц, но все-равно не получается. Наконец немец подбегает по очереди к каждому из нас сзади, берет руками наши лотки и начинает двигать наши руки, приговаривая «зу, зу, зу», что означало «так, так, так».

С большим трудом и опозданием мы посадили первые две печи хлеба. Нужно было готовить новый замес, но не было сил. Хозяин решил подбодрить нас и дал нам одну буханку хлеба. Нет надобности описывать, с какой жадностью мы проглотили этот хлеб, посыпав сверху солью и запив холодной водой. Мы попросили еще хлеба, но немец отказал.

— Вот это да! — сказал Аркаша,— хлеб печь и голодными быть, кто же нам поверит? Да и Саше Маленькому что-то надо принести. Но как же быть? Немец не уходит, да и буханки все пересчитаны, которые в печке.

— Подождите кидаться в панику, все равно что-нибудь придумаем,— парировал я и пошел на склад за очередным мешком муки. Убедившись, что немец не следует за мной, я решил осмотреть весь его склад. В левом дальнем углу на массивных полках стояли разные склянки и бутыли с жидкостями, порошками, вареньем и прочей снедью. На полу лежали аккуратно сложенные в штабель бумажные мешки с нарисованными на них петухами. Как я позднее узнал, это была костная мука, изготовленная из костей животных и предназначающаяся для добавления в корм для несушек, у которых якобы улучшается яйценоскость. Но мы убедились, что хозяин эту муку добавляет в тесто при выпечке хлеба. В другой куче тоже бумажные мешки, весом примерно 40 кг каждый, лежала мука, как гласила надпись «Шпецмель», или в переводе на русский язык — мука из мякины. Так вот, оказывается, из чего они пекут хлеб. Это открытие для меня было потрясающим.

В одном из больших деревянных ящиков я нашел что-то наподобие крупы; быстро взяв пару горстей в карман и прихватив мешок муки, за которым я, собственно, сюда и пришел, я возвратился в пекарню. Показал содержимое своего кармана Аркаше, он воскликнул:

— Отлично! Где это ты взял? А много его там?

Оказывается, у немцев ничего не пропадает. Недаром говорят, что «немцы из кала спирт вырабатывают», а это была белая крошка сухарей, очень питательная и калорийная.

К вечеру мы сильно устали. Сказывалось длительное голодание и большая физическая нагрузка. Немец дал нам еще одну буханку хлеба и заставил тут же съесть ее. С собой мы не могли захватить ни одного кусочка хлеба. В последующие дни мы стали попросту обманывать своего «господина». Имея каждый по большому армейскому котелку с крышками, мы заталкивали в них по буханке горячего хлеба и уносили незаметно с собой.

С каждым прошедшим днем наша личная жизнь входила в нормальную колею по сравнению с теми, кто постоянно жил в блоках лагеря. Если мы и не имели качественной горячей пищи, то, во всяком случае, этого «эрзац-брота» мы могли есть в неограниченном количестве и даже приносили с собой по 3–4 буханки хлеба каждый, этим самым поддерживая своих товарищей, постоянно проживающих в лагере, и в первую очередь своих личных друзей вроде Саши Маленького, и особенно больных людей, истощенных до крайности. Но разве могли мы, маленькая горстка людей, помочь всем жителям лагеря, в который ежедневно прибывали все новые и новые эшелоны с пленными.

Исходя из количества выпекаемого нами хлеба за день и зная норму суточного рациона пленного — 250 грамм хлеба, — мы могли, хотя и приблизительно, подсчитать общее количество людей в лагере. Так, в первых числах сентября 1941 года оно равнялось примерно 45–50 тысяч человек. Десять частных хлебопекарен работало в две смены на нужды лагеря. Были отдельные дни, когда мы выпекали по 12 тысяч буханок в день. Если учесть, что каждая буханка предназначена для 6 человек, значит, в лагере иногда было до 70 тысяч человек.

Я уже говорил выше, что данный лагерь имел свое назначение пересыльного лагеря. Сюда ежедневно прибывало и убывало по несколько тысяч человек. В нашем лагере не было ни газовых камер, ни печей крематориев для массового уничтожения людей, поэтому он не относился к категории лагерей с ужасным названием «Фабрика смерти». Здесь, по-видимому, только готовилось «сырье» для таких крупных лагерей смерти, как Бухенвальд, Освенцим, Майданек, Треблинка, Гросс-Розен, Маутхаузен, Дахау, Гарделеген, Штуттгоф, Аугсбург и другие, но тем не менее только в период с августа 1941 года по май 1942 года здесь умерло от голода и сыпного тифа, а также было замучено в карцере гестаповцами много тысяч советских военнопленных.

Работая в течение полутора месяцев у своего хозяина, я уже сравнительно сносно мог объясняться с ним на немецком языке, что он очень ценил. И впоследствии знание немецкого языка сыграло для меня очень хорошую службу. Неплохо мною был освоен и процесс хлебопечения. В этом я отдаю большую заслугу нашему Аркаше.

Хлеб, который мы пекли, а немцы называли «эрзац-бротом», действительно был искусственным. Искусно приготовленные древесные опилки, на первый взгляд, похожи были на обыкновенные мучные отруби, которые на первых порах служили в основном для наружного обката еще сырых буханок хлеба, чтобы в процессе печения они слипались одна с другой. Однако с самого начала их начали добавлять в муку как заменители, и с каждым днем все больше и больше. Особенной популярностью пользовался такой заменитель, как «шпельцмель», то есть мякинная мука.

Уже в первых числах сентября мы пекли хлеб из муки такого состава: ржаная мука — 25–30%, «шпельцмель» — 50%, «гольцмель». Процент добавления в хлеб заменителей резко колебался в зависимости от их наличия на складе.

Впоследствии, уже после войны, официально стало известно, что в Германском министерстве снабжения 24 ноября 1941 года состоялось официальное совещание, на котором было принято решение: «попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% от-

жимок сахарной свеклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев» (Нюрнбергский процесс, том I стр. 446. Документ СССР – 117).

Насколько искусно немцы могли пользоваться такими заменителями даже при изготовлении кондитерских изделий и деликатесов, говорит такой факт: для того, чтобы изготовить, скажем, пирожное «Наполеон», необходимо, прежде всего, кроме муки высшего сорта, еще сливочное масло, яйца, сахар. На моих глазах наш «господин» Отто Балтрушат делал «Наполеоны» из одних заменителей. Для этих целей он месил тесто трех сортов из разной муки (в том числе и из заменителей, солидно сдабривая его какими-то химикалиями: вместо сахара добавлял сахарин, сливочное масло заменял маргарином и сверху все это посыпал белой сухой крошкой сухарей. Не могу ручаться за то, какой был вкус его «Наполеонов», но по внешнему виду они очень мало отличались от настоящих наших, русских. Отто Балтрушат очень гордился, но каково было нам, русским военнопленным, есть такой суррогат, который по своим питательным качествам не представлял никакой ценности. Теми же официальными документами было установлено, что, например, в муке «шпельцмель» содержание крахмала составляло только 1,7%.

Питание таким «хлебом», приготовленным из сплошных заменителей, влекло за собой голодание, алиментарную дистрофию в ее кахексической и отечной формах (голодный отек)[45]. И усугубляло положение военнопленных, страдающих тяжелыми желудочно-кишечными заболеваниями, обычно приводящими к смерти.

Вот почему в нашем лагере уже в конце августа 1941 года началась массовая смертность среди военнопленных. С каждым днем увеличиваясь, она достигла колоссальных размеров.

Через полтора месяца, в середине сентября, на территории лагеря была построена примитивная временная хлебопекарня на шесть подовых печей с дровяным отоплением общей производительностью до 12 тысяч буханок в сутки. Штат пекарей в эту пекарню был набран новый, куда попал и наш Саша Маленький. За время работы в городских пекарнях нас часто навещал уже знакомый нам «Гауптман», интересовался у наших хозяев тем, как мы работаем и умеем ли печь хлеб, при этом что-то записывая в свой блокнот. За это время он знал нас уже многих по именам и в лицо.

С открытием лагерной пекарни и закрытием городских мы опять остались безработными, но помещались все в том же третьем блоке. Настроение резко упало, ведь опять грозила смерть, но помог случай. Сырые печи в новой лагерной пекарне и новый штат пекарей, по-видимому, таких же, как и мы, на первых порах не могли обеспечить весь лагерь хлебом. И вот к нам в третий блок пришел все тот же «Гауптман». Заглянув в свой блокнот, он приказал вызвать «Гросс Александра» и «Аркадия – гросс мастера». Мы не замедлили явиться. При выходе из лагеря нас сопровождал конвоир, незнакомый, самый обыкновенный на вид немецкий солдат Вилли Бруннер. Впоследствии мы звали его просто Вилли.

Странный немец

Вилли нам показался странным потому, что в отличие от других немцев-конвоиров, в обязанности которых входило не только охранять нас, чтобы мы не убежали, но и смотреть, чтобы мы не воровали хлеб, у него все было наоборот. Не зная нас до этого, он привел нас в город в какую-то заброшенную бесхозную пекарню, похожую по внутреннему устройству на пекарню Отто Балтрушата. Достав связку ключей из кармана и открыв все замки, он поставил винтовку в угол пекарни (что им категорически запрещалось делать), ознакомил нас с содержимым кладовой, показал, где брать уголь, дрова, необходимый нам инструмент и предупредил, что сегодня нужно испечь толь-

ко 400 буханок. И изрек: «Их геен нах хаузен! Ферштейн?», что значило: «Я иду домой. Поняли?». И с этими словами, весело нам улыбнувшись, вышел, по-видимому, забыв и про винтовку. Мы долго стояли, все шесть человек, в оцепенении и не могли понять, что происходит. В военное время бросить пост и к тому же оставить винтовку своему врагу грозило ему смертью. На что он надеется? Или просто решил нас испытать? Мы терялись в догадках и не знали, что делать. Все мы — люди, и всем нам присущи минуты сомнения. Ведь обстановка для побега настолько реальная, а мысль так и одолевает: «беги, беги, лучшего случая не будет», но разум взял верх. Белый день, мы — в советской форме, расписанной сзади и спереди буквами «SU», не зная города, местности, языка, дорог, и куда делся этот загадочный немец — решили подождать, разведать, узнать, подготовить какую-то почву, чтобы была гарантия в целях этого побега. Не злоупотребляя доверием, мы горячо взялись за работу. Все было знакомо, и работа спорилась. Часов через 5–6 задание было выполнено.

Уже начало вечереть, когда пришел наш конвоир. Немного навеселе от выпитого пива, как он сам сказал, и так же весело улыбаясь, похвалил нас за работу и приказал идти в лагерь. Мы быстро собрали свои немудреные пожитки и двинулись к выходу, но Вилли остановил нас. Он проверил все содержимое наших котелков, карманов и, не найдя у нас ни одного куска хлеба, с возмущением покачал головой и заговорил:

— Как же вам не стыдно? Ваши товарищи в лагере помирают от голода, а вы набили свои животы и считаете — так надо. Надо же помогать им. Наберите хлеба, и как можно побольше.

— Простите, но ведь нас при входе в лагерь будут обыскивать, и тогда нам несдобровать,— начал оправдываться я, исполняя обязанности переводчика.

— Значит, вы боитесь палок, которыми бьют пленных, а товарищи пускай погибают,— продолжал Вилли,— не бойтесь, я за вас отвечаю. Берите хлеб.

Мы нагрузили хлеба куда только могли. Разламывая буханки на куски, мы толкали их повсюду: в котелки, карманы, рукава шинелей, голенища сапог, за пояса брюк, в кальсоны, словом, во все, где только можно было пронести хоть малюсенький кусочек хлеба. Вилли сам осматривал каждого и, убедившись в полной нагрузке, повел нас в лагерь.

Честно сказать, мы очень боялись в таком виде появляться на лагерной проходной, но находчивый Вилли и тут нашел выход. Перед приближением к проходной он приказал нам перейти на строевой шаг, а потом уже, поравнявшись с будкой, скомандовал: «Абтейлюнг хальт! Абтейлюнг рехст!», то есть: «Отделение стой! Направо!».

Мы точно выполняли его команду. Вилли четко отрапортовал стоящему унтер-офицеру о нашем прибытии, тот, в свою очередь довольный такой муштровкой русских пленных, улыбнулся и приказал открыть ворота.

Долго мы вечером обсуждали поведение Вилли. Нам было непонятно, как это немецкий солдат в фашистской форме может пойти на такие действия. Кто он? Можно ли ему верить? Все наши сомнения в последующем быстро рассеялись. Уже на следующий день Вилли так же, как и накануне возвратившись вечером из города, задал нам вопрос:

— Почему вы не бежите? Ведь я ухожу на целый день и оставляю вам свою винтовку,— и тут же сам ответил,— отсюда бежать бесполезно. У нас каждый школьник поймает вас. Не забывайте, здесь Германия и окружающая обстановка не в вашу пользу.

— Почему вы не такой, как все немецкие солдаты? — не вытерпел я и задал ему вопрос в упор.

— Лучше спросите, почему я не на фронте,— и поспешил ответить,— я совершенно здоровый и сильный человек. Мои сверстники давно на фронте, а меня туда не посылают потому, что я коммунист и уже три года отсидел в тюрьме. Я — враг фашистам, и они знают, что если я попаду на передовую, то воевать не буду, а сразу перейду линию фронта.

Как бы в подтверждение своих слов он достал серебряный портсигар и показал нам. На его лицевой стороне был бюст В.И. Ленина.

Так вот какие они, антифашисты! Значит правду говорят: не все немцы — фашисты.

Дней через десять, как только дела в лагерной пекарне стали улучшаться, городскую пекарню закрыли, и нас с Аркашей по рекомендации Вилли и приказу «Гауптмана» назначили старшими пекарями на лагерной пекарне, предоставив по три подовых печи и по 18 человек штата пекарей на каждую половину. Таким образом разделив пекарню на две части, «Гауптман» поставил старшим над нами своих «мастеров» — немецких солдат. Это были Ганс и Фридрих. Последний был обрюзглый толстый немец, очень спокойный, ничем не интересующийся, кроме своего туалета и живота.

Фридрих был мастером на половине Аркаши, а на мою долю достался Ганс, по своей натуре противоположность Фридриха, который все время бегал по пекарне, считал буханки, кричал, бил нас за малейшую провинность и снискал себе кличку «Шебутной». Нашим постоянным «телохранителем» был тот же добрый Вилли. В его обязанность входило каждое утро приходить за нами в третий блок и вечером уводить обратно. Целыми днями Вилли сидел на своем любимом стуле и читал книги. Ведь пекарня находилась внутри лагеря и дополнительно была обнесена колючей проволокой, с внешней стороны которой все время ходил часовой. Вилли очень боялся наших «мастеров», особенно Ганса. С нашей стороны знали его «подноготную» только мы с Аркашей, так как из той шестерки, что работали в городе, мы только двое попали в лагерную пекарню. Вилли был прекрасным нашим осведомителем по всем вопросам, что делается за зоной. За это мы очень были ему благодарны и дали кличку «Наше Совинформбюро». Был у нас в пекарне и штатный переводчик — Костя Эйхман, наш военнопленный, отрекомендовавшийся немцем с Поволжья, или как их называли — «фольксдойч», отлично владеющий немецким языком, молодой, симпатичный и очень веселого нрава.

Мы до последнего дня не подозревали, что Костя Эйхман — еврей по национальности. Чисто женственные русские черты лица не давали повода думать об этом. Но вот однажды к нам в пекарню явился немецкий гестаповский офицер, сопровождаемый лагерным полицейским — Ильей Чудиновым. Подозвав Костю и приказав спустить брюки, гестаповский палач осмотрел его внешность и увел в шестой блок. Вскоре мы получили известие, что его после пыток расстреляли. К нам же назначили переводчиком эстонского полковника, тоже из числа военнопленных, но немецкого холуя, давшего подписку работать на немцев. Полковник был одет в полную форму эстонского офицера: хромовые сапоги, костюм отличнейшего сукна, шинель на шелковой подкладке. Бывший полковник сразу же всю власть в пекарне взял в свои руки. Он так же, как когда-то Отто Балтрушат, считал еще сырые буханки и после выпечки сдавал их на склад.

Положение сложилось критическое. Нас начали наказывать, отправлять в штрафной шестой блок за малейшее нарушение. Если раньше мы с помощью Вилли могли обвести вокруг пальца своих немцев-мастеров и воровать хлеб, передавая его своим больным товарищам в санчасть и офицерский блок, то теперь сами не могли съесть без разрешения «полковника» лишний кусок хлеба. Дальше терпеть было нельзя, нужно было что-то предпринимать, но что? И тут к нам на помощь пришел Вилли. Он отозвал меня в сторону и объяснил, что нужно делать.

Немцы-мастера почти ежедневно готовили для себя кушать прямо тут же, в пекарне. Пекли какие-то замысловатые сдобы, коврижку, бисквиты. Для этой цели они приносили с собой маргарин, сахар, варенье и даже мед. Все это, как правило, держали они у себя в столе, за которым, кроме них самих, мог сидеть только «полковник».

Выбрав удобный момент, мы украли у них две пачки маргарина и пол-литровую банку варенья. Все это мы на глазах у Вилли (который делал вид, что ничего не замечает) вложили в карманы полковничьей шинели. Вскоре пришли немцы-мастера с полковником и, обнаружив пропажу, набросились прежде всего на Вилли, ведь он был ответственным за нас и за все имущество пекарни.

Вилли, в свою очередь, «очень разгневался», крича и ругаясь на нас. Началась суматоха и поголовный обыск.

Усерднее всех искали «полковник» и Вилли. Конечно, ничего найти они не смогли, и вот тогда-то Вилли пошел к шинели полковника, которая висела около стола, где сидели немцы, и, вытащив содержимое карманов на стол, схватил винтовку и начал избивать прикладом «полковника». Наверное, Вилли убил бы этого выродка, не вступись за него Макс с Фридрихом, но из пекарни он его все же выгнал. Вечером к нам явился «Гауптман» и, расспросив у наших мастеров и Вилли о том, что случилось, удалился. Конечно, «Гауптман» обязан был верить своим немцам, хотя Макс и Фридрих не знали истинного положения вещей, но больше мы этого «полковника» в лагере не видели. Куда его немцы дели — неизвестно, но больше к нам переводчиков не присылали. Мы обходились и без них. Зато жить стало куда легче. Вот так этот истинный патриот немецкого народа Вилли Бруннер, несмотря на свою форму фашистского солдата, много-много раз спасал нас от неминуемой катастрофы. Это по его инициативе и с его помощью наши больные и раненые товарищи, находящиеся в санчасти, и наши бывшие командиры Красной армии, истязаемые побоями и пытками за отказ от службы в помощь немцам, получали дополнительный паек хлеба через связных, этим спасая свою жизнь. Разве мог кто-нибудь подумать, что это все делает один из немецких солдат, в которых мы привыкли видеть только врагов.

По совету Вилли мы вскоре избрали в пекарне товарищеский суд, который был нашим «верховным органом власти» в том маленьком коллективе. Суд, конечно, не имел никаких уставов или законов, но был вполне демократичен, с правом защиты и обвинения, и его решение было окончательным. Высшей мерой наказания было исключение из коллектива. В таких случаях Вилли наш приговор приводил в исполнение сам.

На следующее утро он не брал осужденного на работу, вместо него заранее подбирали надежного человека, в большинстве случаев спасая жизнь тех людей, которых нам рекомендовали наши связные. Так, в октябре 1941 года к нам попали два наших советских летчика, недавно сбитые на германской территории, измученные пытками и очень сильно изнуренные голодом. Их фамилии я не помню, но звали их Валерием и Павлом. Правда, Павел не послушал нашего совета — взял буханку горячего хлеба и сразу съел ее всю. Умер он на второй день от заворота кишок. Валерий был нашим председателем суда, не вмешиваясь, однако, в административные функции, исполнял обязанности водоноса и связного от нашего коллектива со всем лагерем. Он был образованным человеком, пользовался общим уважением и вел большую политико-воспитательную работу.

Через 25 лет я пытался разыскать Вилли Бруннера, но все попытки мои не увенчались успехом. Из официальных документов известно, что город Тильзит, где раньше проживал Вилли Бруннер, переименован в город Советск, а бывшая улица Шульштассе — в улицу Пушкина. Все немецкое население переселено из этого города еще в 1947 году.

«Зеленые»

Такую кличку мы установили лагерной полиции, которая появилась у нас в лагере в конце августа 1941 года. Немцы же назвали их «Кампфполицией». Это люди с темным прошлым, уголовные преступники, кулацкие сынки, малодушные люди, испугавшие-

ся страха перед голодной смертью и потерявшие веру в победу Красной армии, поддавшись на крючок пресловутой фашистской пропаганды о завоеваниях Германской армией чуть ли не всей Европы и России. Под натиском допросов сотрудников «СД» и «СС» они променяли свою гражданскую совесть на дубинку полицейского.

Правду говорят: «подлые и трусы не могут быль великодушными и справедливыми». Они способны на все, в том числе и на жестокость. Их даже людьми назвать нельзя. Вот такие-то выродки, надев на левый рукав белую повязку полицейского, безнаказанно расправлялись с несчастными пленными.

В число полицейских немцы назначали любого пленного, давшего согласие и подписку служить на пользу «Великой Германии», но желающих было немного. Преимущественно в полицию шли крымские татары, эстонцы, латыши, литовцы, западные украинцы и даже наши командиры Красной армии, не выдержавшие мучительных пыток на допросах.

Последних немцы всеми усилиями старались принудить к службе в полиции, подчеркивая этим всему личному составу лагеря: «Смотрите, ваши командиры вас же избивают, а вы не хотите нам служить. Тогда подыхайте от голода». Нам было очень обидно переносить все те зверские расправы, которые чинили фашисты над нами и, главное, не своими руками, а руками наших же бывших товарищей, даже бывших командиров Красной армии. Люди плакали горькими слезами, подчас не от тех телесных наказаний, а от нанесенной обиды, несправедливости, унижения.

Лагерные полицейские одевались хорошо, в большинстве своем в нашу русскую офицерскую форму, снимая ее с других пленных. Огнестрельного оружия им немцы не доверяли, зато все они были вооружены специальными дубинками и плетками, нередко с вшитыми в их концы металлическими предметами. Бывали случаи, что одного удара по голове такой плеткой было достаточно, чтобы отправить [человека] на кладбище. Жили они в специально отведенном месте на территории пятого блока, а потом им установили финского типа барак недалеко от ворот лагеря. Все они носили белые нарукавные повязки. Старшие полицейские блоков имели знаки отличия в виде черной узкой палочки на белой повязке, пришитые по ее длине. Оберполицай, который командовал всей полицией лагеря, имел отличие на повязке в виде большого черного креста. Эту мерзкую должность Оберпалача исполнял некто Илья Чудинов. По его рассказам, он был родом из Смоленской области, сыном крупного помещика в прошлом, отсидевшего пять лет в тюрьме. Если верить его словам, то у него были «особые счеты» с Советской властью. Этот садист имел 95 кг веса и обладал громадной физической силой, бычьей шеей, большими, всегда красными на выкате глазами и массивными руками, обросшими черными волосами. Он и помощников подбирал под стать себе, таких же садистов.

В этот период лагерной полиции насчитывалось до 150 человек. В каждом блоке было по десять полицейских и одному немецкому унтер-офицеру или ефрейтору. Вся власть была в их руках.

В обязанность полицейских входило соблюдение лагерного порядка в блоках. Они же производили вылавливание евреев и политработников, которых передавали в руки гестапо. В каждом блоке имелись специальные скамейки, на которых проводились «мелкие» экзекуции. Суть этих экзекуций состояла в следующем: не встал в строй, не поприветствовал или не отдал честь, близко подошел к запретной зоне, разговаривал с жителями другого блока и т[ак] д[алее], — наказание плетками (количество ударов назначал старший блока: минимальное количество — 25, максимальное — 50 ударов). Для этой цели человека клали животом на скамейку, на грудь и ноги садились два полицейских, а третий бил изо всех сил с присвистом и протяжкой. Бывали случаи,

когда от первого удара рвались брюки и кровь текла ручьем. Такая экзекуция проводилась ежедневно и по всем блокам. Считалось это как бы в порядке вещей, и на это никто не обращал внимания. Еще хуже было, когда в это дело вмешивались гестаповцы. Они не устанавливали точного количества ударов, а приказывали бить до тех пор, пока наказуемый еще дышит, а потом его выбрасывали в карцер или пристреливали на месте.

Получил двадцать пять плеток по заднему месту и автор этих строк. Вот как это произошло. Я уже говорил, что мы передавали хлеб в санчасть и офицерский блок через связных. Это делалось следующим образом: между кухнями № 1, № 2 и пекарней стояла водонапорная колонка наподобие наших городских, откуда носили воду на кухни и в пекарню. В то время у нас были стандартные ведра — кастрюли с крышками емкостью 30 литров. Наш водонос, летчик Валерий, выносил ведра, закрытые крышками и наполненные буханками хлеба к колонке, там обменивался с поварами на такие же пустые ведра, наливал в них воды и шел в пекарню. Работа чистая, и не только наши немцы-мастера, но и часовой, который стоял недалеко от колонки, ничего не мог заподозрить. Повара, в свою очередь, хлеб перекладывали в сорокалитровые фляги, в которых обычно разносили баланду в лазарет и офицерский блок. Подпольные группы, созданные в этих блоках, искусно извлекали хлеб из фляг и делили его между теми товарищами, которым они считали нужным помочь.

В один из декабрьских дней 1941 года лагерь был закрыт на карантин, и мы работали в пекарне самостоятельно, без немцев-мастеров, только время от времени к нам наведывался постоянно живущий в лагере унтер-офицер, отвечающий за работу кухни и пекарни. Вход в пекарню также запрещался всем, в том числе и полицейским. И вот в это такое напряженное и ответственное время оберполицай Илья Чудинов обнаружил в санчасти флягу, наполненную буханками хлеба вместо воды или баланды. Фляга с хлебом немедленно была доставлена вначале на кухню, потом на склад. Оберфашист или «Зеленый», как принято было их называть, Чудинов явился к нам в пекарню, и вылупив свои глаза, постукивая плеткой по голенищу ярко начищенного хромового сапога, изрек:

— Кто из вас передал в санчасть флягу с хлебом? Сволочи! Признавайтесь. Теперь я буду над вами хозяином. Я вам покажу, как воровать немецкий хлеб! Кто из вас старший?

Пока он говорил эти грязные слова, мы, все 36 человек, стояли посреди пекарни со сжатыми кулаками и в любую минуту готовы были растерзать его, но это грозило большими опасностями. Нам было известно, что Чудинов — ставленник гестапо, а с ним шутить очень опасно, хотя их так же в период карантина не пускали в зону лагеря. Нужно быть благоразумными. Некому за нас было заступиться. Вот если бы в это время с нами был Вилли, он наверняка бы всадил ему штык в грудь, но его не было, а нужно было принимать решение. Официально за старшего, по распоряжению «Гауптмана», у нас был Аркаша, но фактически он скорей исполнял функции техрука, не вмешиваясь в административное управление. Как-то само по себе так получилось, что администратором был я. Хотя я был лишен права отдавать какие-либо распоряжения без ведома товарищеского суда, но это укоренилось, по-видимому, потому что я оформлял все бумаги, исполняя функции завхоза и неофициального переводчика. Поэтому, когда Чудинов закончил гнусную речь, я, не отдавая себе отчета и не думая о последствиях, вышел вперед; приблизившись вплотную к нему и сжав еще сильнее кулаки, сопровождаемый одобрительными взглядами своих товарищей, грозно произнес:

— Если ты, фашистский выродок, пикнешь еще хоть одно слово, и если ты, гад ползучий, еще хоть раз вздумаешь явиться сюда, то помни: живым ты отсюда не уйдешь, мы испечем в этих печах из тебя отличное жаркое.

После моих слов Чудинов выбежал из пекарни как ошпаренный и побежал на кухню. Мы стояли молча и думали: что же нас ожидает?

Через четверть часа к нам явился унтер-офицер и без лишних слов приказал мне идти вместе с ним. Какими сочувственными взглядами провожали меня мои товарищи! Перед входом на кухню я услышал душераздирающие крики. Там происходила очередная экзекуция: избивали поваров за передачу хлеба в санчасть. Человек пять полицейских стояли с плетками. Дошла и моя очередь ложиться на скамью.

«Только бы не закричать и не потерять сознание», – думал я, когда Илья Чудинов сам выбрал плетку и приготовился наносить удары. Я, сжав зубы и ухватившись за скамейку, на которой лежал, ждал первого удара. Каждая секунда казалась вечностью. Я старался не смотреть на своих палачей. Да и какая разница, кто будет бить – все они, сволочи, хороши, «с одного дерева ягоды».

Первые удары показались очень жгучими, как будто кто-то прикоснулся к моему телу раскаленным куском железа, но вот счет стал: пять, восемь, десять и боль как-то притупилась, а над ухом кто-то настойчиво твердил:

– Кричи, кричи, легче будет.

Не знаю, то ли от невыносимой боли, то ли послушав этот совет, но, как потом утверждали товарищи, я начал кричать.

– Двадцать один, двадцать три, двадцать пять,– слышал я чей-то голос человека, считавшего удары, и вдруг все стихло.

Кто-то помог мне выйти из помещения кухни, кто-то привел меня в пекарню, где я долго лежал на животе, и слезы давили мне спазмы. Не столько от боли, сколько от обиды, что подобные издевательства производят не фашисты, а наши же русские люди, еще вчера сражавшиеся с немецкими оккупантами вместе с тобой, а сегодня – пошедшие на службу к гитлеровским извергам, глумясь над твоими чувствами, твоим телом только за то, что ты помогаешь своим товарищам по несчастью куском суррогатного хлеба.

Трудно сказать, сколько бы я еще пролежал в забытье, но голос Валерия заставил меня опомниться.

– Послушай, Александр, мы все очень сожалеем и не меньше тебя переживаем эту трагедию. Но что сделать – сегодня их власть, они считают себя хозяевами положения. Поверь мне, что будет еще то время, когда мы с них за все эти издевательства получим сполна. Тогда уж пускай не просят пощады. Мы им вспомним все. А сейчас давай будем лечиться.

К моему великому удивлению, в руках Валерия был чистый стерилизованный бинт и бутылочка с йодом. Ведь никаких медикаментов немцы в лагерь не давали, и это считалось предметом роскоши. Закончив с перевязкой, Валерий пояснил:

– Во-первых, нет ничего страшного. Кости целы, а мясо нарастет – так гласит пословица. Можешь не сомневаться, через 2–3 недели уже будешь полноценным человеком, в этом я тебе даю гарантию. А теперь послушай, что я тебе скажу, и, как говорят, мотай на ус. В лагере создана подпольная организация. В каждом блоке имеются группы сопротивления, которые подчинены единому центру. Кто возглавляет все это, я сейчас тебе не скажу, но в том, что это все существует, можешь не сомневаться. Они о тебе знают, и ты зачислен в их группу вместе со мной. Наша задача, прежде всего, состоит в том, чтобы как можно больше помогать им хлебом и в то же время вести массово-политическую работу в своем коллективе, вселять веру в людей в неминуемый крах фашизма, выявлять нытиков, потерявших веру в победу Красной Армии.

Все это было сказано таким убедительным тоном, что правдивость сказанного была безупречна. Я не стал расспрашивать о подробностях, однако подумал: в таких кабаль-

ных условиях, при таком наличии пособников гитлеровскому режиму, в момент, когда пресловутая фашистская пропаганда трубила о скором взятии Москвы и Ленинграда, в момент, когда кажется, что все погибло и нет никаких шансов на спасение, в это самое жестокое время, как набат колокола, звучат слова наших стойких товарищей, нашедших в себе силу мужества объединиться в какую-то организацию, пытавшуюся оказать хоть какое-то сопротивление врагу через свои рукописные листки, устно. Через доверенных людей доходил их голос:

«Товарищи! Не падайте духом, не поддавайтесь на провокации немецких подонков. Красная армия рано или поздно, но обязательно победит. Наши войска Москвы и Ленинграда не сдадут».

На второй день после описанной экзекуции я получил записку такого содержания: «Товарищ Александр! Нам известно о случившемся вчера. Будьте стойки и не падайте духом. Мы знаем, что вы мужественно выдержали процедуру экзекуции и не просили у них пощады. Вы вели себя, как и подобает большевикам. Илье Чудинову вынесен смертный приговор. Надеемся, что в скором времени он будет приведен в исполнение. Три его приспешника уже нашли себе могилу в выгребных ямах третьего и восьмого блоков. Меч возмездия навис и над ним. Будьте благоразумны и не делайте опрометчивых поступков. Слушайте совета старших товарищей. "Комитет"»[3]*.

Я лежал, читал и плакал. Теперь уже от радости.

Значит, есть такие люди, которые верят в нашу победу, призывают верить и других, и даже выносят и претворяют в жизнь смертные приговоры фашистским холуям. В таких условиях, когда жизнь каждого пленного, в каком бы блоке он ни был, кем бы ни работал, висела на волоске, и люди находили в себе силы бороться против существующего режима. Это же здорово, черт возьми! Меня уже не интересовало, кто это писал: врач или санитар, полковник или рядовой солдат. Слово «Комитет» говорило, что это наши, советские люди, любящие свою Красную армию и наш советский строй.

Трагедия продолжается

В нашем лагере, Шталлупёнен, творилось что-то трудноописуемое. Этапы с новыми военнопленными продолжали прибывать и прибывать. Людей скопилось очень много, хотя немецкое командование принимало меры: после соответствующей фильтрации пленных отправляли большими партиями по 1500–3000 человек в другие лагеря смерти, специально оборудованные для массового уничтожения живых людей.

Мы в это время работали круглыми сутками.

Среди вновь прибывающих были люди, которые попали в плен под Вязьмой, Смоленском, Ельней. Они, как правило, привозили с собой неутешительные вести о положении на фронте. Наша Красная армия в то время продолжала отступать в глубь страны, оставляя один за другим наши советские города и села на разграбление и уничтожение фашистским варварам.

Нам в фашистской неволе очень тяжело приходилось переживать эти временные неудачи нашей Красной армии. Тяжелым грузом они ложились на сознание всех пленных. Слыша кругом, что немцы под Москвой и Ленинградом, и что вот-вот падут наши столичные города, мы невольно падали духом.

Каждый из нас мучительно переживал военные успехи немцев. Даже в эти самые тяжелые минуты нашей жизни подавляющее большинство русских военнопленных не верило в разгром Красной армии, что русских людей можно поставить на колени, но тяжесть на сердце была так мучительна, что порой и свет казался не мил.

Уже в сентябре 1941 года начались дожди, заморозки, а десятки тысяч полураздетых людей размещались на голой земле. В каждом блоке существовали лагерные базары.

Основным мерилом была пайка хлеба или порция баланды. За них можно было купить шинель, сапоги, часы и т[ак] д[алее]. В то время еще пара тысяч пленных ходили на работу в город на железнодорожную станцию к крупным «бауэрам» — помещикам — на уборку урожая. И они выносили с собой эти вещи, обменивая их на продукты питания. Особенно немцы ценили русские часы и кожаную обувь. Следовательно, пока было тепло, народ «распродал» свое обмундирование и обувь.

Ударили первые заморозки, согреться было негде. Раздетые и разутые, к тому же голодные, больные на голой земле, они прижимались друг к другу, чтобы хоть как-нибудь согреться.

Немецкая армия, как известно, теплой одежды не имела. Их мундиры и шинели были изготовлены без подкладок, из искусственной ткани, которая мало сохраняла тепло. Поэтому немецкое командование отдало официальный приказ, в котором говорилось: «На снабжение одеждой не рассчитывать. Не задумываясь, снимать с русских военнопленных обувь, одежду, белье, носки и т.д.» (Нюрнбергский процесс, Том I, стр. 435).

Поэтому-то в лагерь начали приезжать на машинах воинские подразделения; они выводили пленных из блоков под видом на работу, раздевали их, все вещи грузили в кузова машин, а пленных загоняли обратно в блоки. Надо отдать справедливость, что взамен кожаной обуви лагерная администрация выдавала деревянные колодки, в которых никак нельзя было ходить, тем более без портянок. Взамен обмундирования иногда давали обыкновенную старую, списанную мешкотару.

Теперь представьте себе человека за колючей проволокой, на голой земле, одетого в мешок (для головы в мешке прорезали специальное отверстие, мешок надевали на плечи) и обутого в деревянные колодки, голодного, грязного, без какой бы то ни было медицинской помощи. Какой закалки должен быть человеческий организм, чтобы выдержать и пережить все эти мытарства и невзгоды?

Медицинская наука неопровержимо доказывает, что здоровый человек может перенести голодовку без какого-то ни было принятия пищи не более чем 14 суток. Систематическое недоедание истощает организм и приводит к заболеванию туберкулезом. Его внутренние органы при голодании сокращаются до одной третьей (1/3) нормального размера.

Вследствие всех этих причин началась массовая смертность пленных. Была создана похоронная команда из числа таких же военнопленных, но способных двигаться и даже носить небольшие тяжести.

Мы их прозвали «капутчиками». В команде «капутчиков» вначале было человек 30, потом по мере увеличения смертности ее состав достиг больше 100 человек. В их обязанности входило: каждое утро из блоков выносить умерших за ночь, раздевать их догола, укладывать штабелями на повозки, потом, впрягаясь в эти повозки по 15–20 человек в каждую, под конвоем немецкого солдата везти их на кладбище.

Кладбище было расположено примерно в одном километре от лагеря с восточной его стороны, но в объезд вокруг всего лагеря и по шоссе эта траурная процессия покрывала расстояние в 3–4 км в один конец. Там трупы сваливали в большие, специально выкопанные для этой цели рвы – общие могилы, укладывая их рядами. Каждая такая могила вмещала до нескольких тысяч трупов[4*].

Перед тем, как укладывать трупы в яму, немцы штыками и прикладами выбивали золотые зубы и коронки у трупов. Вид этих мертвецов был таким, что он пугал даже ко всему привыкших узников из похоронной команды. Скелеты, туго обтянутые тонкой пленкой кожи, покрытой сплошными язвами, болячками, синяками от побоев и даже огнестрельными ранами, казались давно высохшими мумиями. Можно предположить, что те, кто остался еще там, в блоках лагеря, почти ничем

не отличаются от этих страшных мертвецов, но они еще двигаются, живут, страдают и даже борются.

Когда я пишу эти строки, восстанавливая в памяти события тех дней: кровавую расправу над пленными, нечеловеческие мучения, перенесенные ими, плетки, голод, холод, эпидемии, могилы неизвестных имен захороненных товарищей, родственники которых в то время получили коротенькие извещения от военкоматов: «Ваш такой-то пропал без вести», — и сейчас все это мне снится во сне, а иногда мурашки ползут по телу.

Страшный гость

Нельзя сказать, что он пришел неожиданно, этот страшный гость — сыпной тиф. Он неизбежно приходит в таких случаях туда, где голод, грязь и вши, а их у нас было столько, что трудно описать. Никаких бань, дезкамер или чего-то в этом роде у нас и в помине не было. Единственная борьба со вшивостью — это уничтожение ее с помощью рук. Ведь даже не было возможности развести костер и просушить на нем свое белье.

Массовая эпидемия тифа разразилась в лагере в начале ноября 1941 года. К тому времени немцам удалось значительно разгрузить лагерь от людей. К моменту закрытия лагеря на карантин в нем насчитывалось примерно 18–20 тысяч пленных. Исчезла куда-то и большая часть полицейских.

Лагерь закрыли на карантин без предварительного предупреждения. Не только мы, но и немцы ничего не знали об этом. К тому времени для поваров и пекарей немцы построили специальный барак вне блоков, между пекарней и продовольственным складом, так что мы теперь ходили на работу, когда хотели, и без конвоя. В один из таких морозных дней в первых числах ноября, выйдя из барака, мы увидели замок на дверях пекарни. Ключи были у немецких мастеров-пекарей. Возвратившись обратно в барак, мы предположили, что немцев больше не пускают в зону лагеря.

Вскоре меня вызвали к проходной лагеря, и я увидел через проволочное заграждение своего мастера Фридриха, который кинул мне связку ключей от пекарни и объяснил, что лагерь закрыт на карантин, больше их в зону не пустят, и что мы должны подчиняться только унтер-офицеру, который будет находиться на кухне. По просьбе Фридриха я принес его сумку с разным хламом, которая была у нас в пекарне, и мы стали полными хозяевами в своем маленьком «царстве». Никто не вмешивался в нашу жизнь. Мы каждый день пекли хлеб в том количестве, которое говорил нам унтер-офицер в тот момент, когда мы сдавали хлеб на склад. Муки у нас было завезено несколько вагонов еще с осени, и она хранилась у нас в пекарне. Все свободное время мы также проводили в пекарне: занимались стиркой, кипячением своего белья, играли в шашки, шахматы, домино, которые сами сделали из хлеба.

Мы были рады тому, что в лагере немцы больше не появлялись, в особенности гестаповцы, приход которых каждый раз приносил смерть нескольким нашим товарищам. Теперь вся власть в лагере была сосредоточена в руках лагерной полиции, напуганной исчезновениями своих сподвижников, с которыми народ расправлялся при всяком удобном случае. Они превратились просто в самых заурядных трусов, боявшихся лишний раз зайти на территорию блоков.

На территории лагеря, в специальном помещении около проходной, без права выхода на все время карантина проживали четыре немца в чине унтер-офицеров и один лейтенант, прозванный нами «оберкапутчиком», в обязанность которого входило не лечить (хотя официально он числился врачом), а вывозить трупы из лагеря. Но он явно не справлялся со своими обязанностями, хотя команда «капутчиков» работала ежедневно с полной нагрузкой, но всех умерших они вывозить не успевали. Поэтому горы трупов, сложенные в виде штабелей до трех метров в высоту и насчитываю-

щие несколько тысяч человек, всю зиму лежали на территории блока № 10, где размещалась санчасть.

Разразившаяся эпидемия сыпного тифа каждый день приносила все новые и новые сотни жертв. Отведенные под санчасть два финских барака едва ли могли вместить хоть одну сотую часть тех людей, которые болели тифом. Этот страшный гость не обошел стороной и ненавистных нам фашистских полицейских, которые, почувствовав недомогание, сразу же шли в санчасть. Работавшие там наши военврачи, истинные патриоты своей родины и своего народа, всегда находили место на нарах для «блюстителей порядка», но ни один их них больше уже не смог взять в руки ту плетку или палку, которыми они расправлялись с нами. Все они с заключением наших врачей – «Умер от тифа» – находили себе место в штабелях трупов.

Как потом стало известно, это была работа рук «Комитета», который всячески помогал честным советским людям избавиться от этих негодяев. К великому нашему сожалению, оберполицай Илья Чудинов не попал в санчасть и спас свою жизнь. А вот я, как это ни странно, один из 36 пекарей, к тому же в детстве переболевший сыпным тифом, снова заболел им и попал в санчасть. Я не знал ни в лицо, ни по фамилиям врачей, работающих там, но мне были обеспечены какие-то льготные условия. Во-первых, меня поместили на нижнюю полку нар-вагонок, недалеко от печки-голландки, и так как я все время замерзал, укрыли меня тремя или четырьмя шинелями. Ни о каких матрацах, одеялах, тем более постельном белье не могло быть и речи.

Больше недели я лежал без сознания. Помню только, что около меня постоянно дежурил санитар с бородой – дядя Костя (в то время бороды носили очень многие, да и чем их было брить), и в самом начале болезни ко мне пришел врач и долго беседовал со мной.

– Откуда родом? Где служил, чин, звание? – задавал он мне вопросы, и когда я ему честно, как у попа на исповеди, рассказал все о себе, сказал:

– А мы думали, ты политрук или командир. Молодец, что даешь отпор этим негодяям-полицейским. Люди в тебя верят. Знаешь, что мы с тобой земляки? Я сам из Свердловска, ну, а раз так, то постараемся тебя спасти – и потом, когда у меня прошел уже кризис и я пришел в сознание, старик-санитар рассказывал:

– Благодари не Бога, а Николая Ивановича. Это он тебя спас. Каждый день он тебе делал по два укола. И откуда только он медикаменты берет? Ведь немцы ничего не дают.

До сих пор я не знаю, кто он – мой спаситель. Ведь я обязан ему жизнью, а отблагодарить не могу.

Маленькое возмездие

Шли месяцы. Зима была уже на исходе. По-весеннему ярко припекало солнце, а людей в лагере становилось все меньше и меньше.

У нас в пекарне вместо шести печей работало уже только две, а иногда и одна. Вместо 12 тысяч буханок выпекали по 300–400 в сутки. Вместо четырех кухонь работала одна.

По всему чувствовалось, что скоро нам нечего будет делать. Мы заранее решили сделать себе запас хлеба под полом барака. Такая предосторожность не оказалась излишней. Действительно, в апреле 1942 года у нас отобрали ключи и пекарню закрыли. Мы оказались не у дел, но хлеб у нас был, и к тому же мы жили вместе с поварами, которые готовили пищу в два раза больше, чем было нужно. Но вся беда в том, что некому почти было есть ту паршивую баланду, приготовленную из одной мерзкой брюквы – люди померли. Остались считанные сотни людей из десятков тысяч, преимущественно обслуживающий персонал лагеря, имеющие возможность достать лишний кусок хлеба или черпак баланды.

В один из таких дней Иван Семенович Михайлин, старший повар лагерной кухни, принес мне мелко исписанный листок наподобие листовки, подписанный все тем же загадочным «Комитетом». В ней говорилось: «Красная армия под Москвой наголову разбила немецкие войска. Враг с каждым днем откатывается на запад. Советское правительство обратилось ко всем государствам с нотой «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных».

Я с удивлением смотрел на Ивана Семеновича, не зная верить или нет написанному, и все же спросил:

— Что это, сорока на хвосте принесла такие вести? Ведь лагерь закрыт. Никаких связей с внешним миром нет, и вдруг...не понимаю.

— Надо верить. Достоверный источник информации. Очень надежный, уверяю тебя. Ты знаешь, что я друзей не обману.

Я не выдержал, обнял и расцеловал Ивана Семеновича. Ведь это праздник! Наконец-то свершилось то, что мы так долго ждали. Эх, как хотелось сейчас быть там, среди своих красноармейцев с оружием в руках и бить, бить этих фашистских гадов, столько погубивших ни в чем не повинных людей, мстить за наши мучения, за слезы наших матерей.

Мы долго в тот день беседовали с Иваном Семеновичем на эту тему и поклялись друг другу, что при первой возможности убежим из лагеря. Эта весть быстро облетела весь хоть и немногочисленный лагерь.

Люди повеселели, заулыбались, начали бриться и даже некоторые стали пришивать подворотнички. Вот что значит поднять моральный дух народа, вернуть ему на время утерянную веру в нашу Красную армию.

Только немцы что-то присмирели, стали какими-то замкнутыми, еще больше озверели, по-видимому, предчувствуя расплату.

Через несколько дней в лагере произошел, можно сказать, парадоксальный случай. Около барака, где жили полицейские, собрались все немецкие стражи лагеря — четыре унтер-офицера и «лейтенант-оберкапутчик». Тут же стояли несколько полицейских с видом «нашкодивших котят», и среди них Илья Чудинов. Немцы что-то кричали, махали кулаками, а мы наблюдали всю эту картину издалека. Наконец тот самый унтер-офицер, который был нашим «хозяином» и который когда-то приказал Чудинову бить меня, вдруг выхватил из кобуры пистолет и, направив в сторону своего первого лакея — оберполицейского Чудинова, приказал ему идти на кухню. Через несколько минут к нам прибежал Иван Семенович и быстро выпалил: «Немедленно на кухню, унтер приказал. Чудинова будут бить».

Мы, человек пять пекарей, отправились на кухню. Унтер стоял с пистолетом в руке, а на скамье со спущенными штанами лежал здоровенный Илья Чудинов. Унтер, показывая мне на палку, которой совершают подобные экзекуции, приказал: «Фьюнф. Ун цванцик штык!», что значило: «Бей двадцать пять раз».

Я растерялся и стоял какое-то время в нерешительности, но времени для размышлений не было. И тут меня выручил дровокол Антон Земницкий — поляк по национальности, боксер по специальности.

— Разрешите, я ему всыплю. У меня рука не дрогнет,— обратился он ко мне, и я смущенно дал ему понять: «Давай, рубай, Антон, не жалей!».

Первого удара Чудинов не выдержал. Тело его подпрыгнуло на скамейке и упало на пол. Унтер-офицер наставил на него пистолет и что-то крикнул. Дальнейшее происходило как во сне. Антон опускал свою палку с какой-то особенной злостью, делая сильные удары с протяжкой, не спеша, по-видимому, испытывая какую-то особую злость или удовольствие от каждого произведенного удара.

Когда все было кончено, отсчитан последний двадцать пятый удар, Чудинов тихо стонал и, не в силах двигаться, остался лежать на скамейке. Впоследствии полицейские отнесли его в пятый блок, откуда он не показывался почти два месяца, пока не был снят карантин с лагеря.

Так решение «Комитета», хотя и частично, но было выполнено. Оберхолуй получил по заслугам. Присмирели и его приспешники. Кто бы ни встретился мне из числа пленных после этого случая, все задавали один и тот же надоевший мне вопрос: «Почему ты не стал бить Чудинова сам, ведь он же тебя бил?». Я и сейчас не могу точно ответить на этот вопрос. По-видимому, потому что мы воспитаны в другом духе. Например, судил бы этого гада народный суд и приговорил именем закона к расстрелу, я, не задумываясь, привел бы приговор в исполнение, но там же ведь приказывает гитлеровский фашист.

А может быть, просто не хотел пачкать руки об этого выродка. Как бы то ни было, справедливость восторжествовала. Я да и вся общественность лагеря получили моральное удовлетворение, а полицейские – урок в виде наглядной агитации как ценят их фашисты.

В мае 1942 года карантин с лагеря сняли. Опять по лагерю замелькали черные шинели эсэсовских головорезов, производивших очередную «чистку» среди пленных. Собственно «чистить» тут было некого, все отвезены на кладбище. Осталось в лагере меньше 500 человек.

Уже после войны стало официально известно, что на основании приказа рейхсканцлера Гиммлера № 8 от 17 июля 1941 года уничтожение советских военнопленных в концентрационных лагерях производилось планомерно под видом фильтрации, очистительных мероприятий, чистки, особых мер, особого режима, ликвидации, экзекуции и т[ак]д[алее], что обошлось нам только в лагере Шталлупёнен почти в 30 тысяч человек, погибших от рук фашистов.

А сколько было таких лагерей? Вся Европа была окутана лагерями колючей проволоки. Виселица, расстрелы, пытки, разные эксперименты над живыми людьми в виде впрыскивания под кожу фенола, эвипана, бензина, умышленное распространение эпидемий сыпного тифа, парохолеры[46], которые придумывали фашистские медики, газовые камеры, печи крематориев – излюбленные методы гитлеровских фашистов по уничтожению живых беззащитных людей [...]

Вместо эпилога

Все дальнейшее пребывание в лагере мною было посвящено единственной цели – побегу. Уже в июне 1942 года начали отправлять этап пленных якобы на Украину. Людей подбирали здоровых, это наводило на мысль о том, что едут куда-то на работу. А из рабочей команды всегда легче убежать, чем из лагеря. Мы решили ехать. Иван Семенович Михайлин прихватил с собой добрый десяток поваров и нас, человек 15 пекарей. Тем более, немцы не препятствовали этому. В этом лагере мы и так натерпелись всяких ужасов, и делать тут было нечего. Всегда человек ищет где лучше. С нами ехали и наши три военврача.

Огорчало нас единственное – полицейские, которые так же ехали с нами, но в отдельном вагоне. Их было человек 15 и среди них уже оправившийся после «болезни» Илья Чудинов. Вместо Украины привезли нас в местечко Пайзе, ныне переименованный в город Светлый. Пайзе расположен на полуострове в 35 километрах от Кёнигсберга (ныне город Калининград), куда нас раз в месяц на барже возили в баню.

Лагерь русских военнопленных был небольшим. Все работали на рытье котлованов, траншей, канав для какой-то вновь строящейся фабрики концентратов. Жили в бара-

ках финского типа, хотя и без постельных принадлежностей и на ночь под замком, но кормили лучше, чем в предыдущем лагере.

По-прежнему в моде была плетка полицейского и «парабеллум» коменданта лагеря — пьяницы и наркомана — фельдфебеля Курта.

Бежать отсюда было невозможно — кругом море. Был один случай побега семи пленных на лодке, но их поймали и казнили.

Иван Семенович Михайлин, как и раньше, работал старшим поваром на лагерной кухне. Мы с ним жили вместе и очень дружили. Он много рассказывал о себе. Сам он — закоренелый[5]* москвич, работал поваром в ресторане «Москва». Жил в Москве недалеко от Белорусского вокзала по Среднедьяковскому переулку, дом 10, квартира 12 (или дом 12, квартира 10). Жена — Анна Семеновна, домохозяйка. Дочь Вера и сын Юрий учились в школе. Жили хорошо и счастливо. На фронт пошел добровольцем. Я работал слесарем, сантехником. Бригада наша из шести человек была очень дружной. Неразлучен был со мной и Саша Маленький. Аркаша остался в старом лагере Шталлупёнен.

Каждое утро брал нас на работу один и тот же немецкий солдат. По своей натуре очень замкнутый и неразговорчивый фриц. Его дело было охранять нас. Лишний раз он не кричал на нас без надобности, и за это мы ему были признательны и не приставали с расспросами, которые он очень не любил.

В противоположность ему был старый, сухощавый, в гражданской форме местный житель — наш мастер, специалист по сантехнике.

Он очень ценил меня за то, что я был как бы бригадиром этой группы (официально у нас бригадира не было) и за знание немецкого языка. Из всей группы только один я мог объясняться с ними на немецком языке, поэтому все распоряжения он отдавал через меня. Так прошел почти год обыкновенной, нудной лагерной жизни. Работали мы от зари до темна по 14–16 часов в сутки. Никаких изменений в нашей лагерной и личной жизни за это время не произошло, если не считать двух маленьких инцидентов.

Однажды, сидя в канаве, где я только что закончил чеканку очередного стыка труб, от нечего делать открыл свой учебник немецкого языка и начал учить «Интернационал», читая по строкам и напевая вполголоса его мотив. Я так увлекся, что не заметил, как наш часовой, уперев сверху штык винтовки в мою спину, закричал: «Вас, вас, интернационал! Большевик, комиссар!», а потом отобрал у меня книгу. Я так напугался, что думал это мои последние минуты жизни. Выручил меня мастер. Они долго спорили между собой о чем-то и наконец вернули мне книгу, только вырвали лист, где был напечатан «Интернационал». Эта книга была дорога мне не только как учебник, но и как подарок в память о товарище еще по Двинскому лагерю — Алексее Брынзине. На этот раз все обошлось благополучно, но часовой стал смотреть на нас зверскими глазами.

Второй инцидент произошел у меня с нашим мастером, который был, как видно, хорошо начитанным и образованным. Мастер любил поболтать, иногда освобождая меня от работы для этой цели, и не прочь был поиграть в шахматы.

Однажды в таком разговоре он задал мне вопрос:

— Как ты мыслишь, Германия победит Советский Союз?

— Конечно, нет! — ответил я.

— Почему? — настаивал он.

— Да хотя бы потому, что ваш план «Барбаросса», рассчитанный на молниеносную войну, провалился. Линия фронта — растянута, людские резервы — исчерпаны и т[ак] д[алее],— доказывал я.

Но он так легко не хотел сдаваться, начал приводить свои доводы, доказательства о завоевании всей Европы и прочее. Разговор принял затяжной характер. Спорили мы долго и настойчиво в течение целого месяца и, наконец, он признал:

— Да, ты прав! Нашей армии не выстоять, Россия победит.

— Ваш Гитлер — дурак! Он захотел покорить весь мир, но кончит виселицей,— не унимался я.— Советский Союз — орешек не по его зубам. Вспомните хотя бы Наполеона, чем он кончил? — Островом Святой Елены. Дон Кихот тоже когда-то задавался целью перевернуть весь мир, но кончил тем, что стал посмешищем для людей.

Окончательно убежденный мастер проникся к нам еще большим дружелюбием. Начал приносить нам хлеб, а иногда и кастрюлю неплохого супа.

Уже в марте 1943 года мастер однажды отозвал меня в сторону и под большим секретом сказал мне, что скоро будут отправлять этап в Белоруссию, но только одних больных. И что если мы думаем бежать, то он рекомендует ехать.

В тот же вечер мы обсудили это предложение между собой и решили ехать, но как попасть в списки этапа? Решили обратиться за поддержкой к глав[ному] врачу Полякову. Тем более, что жили мы с ним, как говорят, «на одной ноге» — дружно. Немецких медиков в этом лагере не было. Все зависело от Полякова, и он пообещал нам помочь.

Через два дня у Ивана Семеновича была сделана искусственная грыжа, а я лежал на нарах в санчасти с распухшей пяткой левой ноги после укола, сделанного нашим милым доктором, с помощью которого в скором времени мы в числе 150 человек оказались в городе Волковыске ныне Гродненской области БССР. [...]

К. Игошев

ФКОИХМ. КГОМ1–5125/3. С. 51–99. Подлинник. Машинопись.

---

* Так назывался до 1938 г.

** Так в документе.

3* Запись от руки: «Кто был руководителем этого "Комитета", мне достоверно неизвестно, но я часто слышал имя дяди Кости, и что все указания происходили из 10-го блока, где размещалась санчасть. Сейчас, когда я имею несколько писем от людей, бывших в этом лагере, могу утверждать, что "дядя Костя" — это Мессарош Константин Николаевич, который в то время был санитаром в санчасти, топил печку».

4* Запись от руки: «До сих пор на этой братской могиле, где захоронено примерно 20–30 тысяч человек, нет никакого памятника или обелиска. Почему?»

5* Вероятно, «коренной».

К. И Г О Ш Е В

МЫ СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО.

Воспоминания бывшего военного-узника
в фашистких лагерях смерти, и партизана
2й отечественной войны.

ОТ АВТОРА

Не будучи литературным профессионалом, я взялся за написание этого повествования с единственной целью показать молодому поколению, звериное лицо фашизма во 2-й Мировой войне, призвать всех соотечественников "люди-будьте бдительны", и не допускайте повторения новой войны и создания подобных лагерей смерти.

Когда наша молодежь будет еще более подробно знать, о зверствах фашистких палачей, гнев удесятерит их силы, и наши люди будут с еще большей настойчивостью строить свое прекрасное будущее.

Да простит мне читатель, за те литературные погрешности, которые допущены в моем повествовании, за отсутствие достаточного количества имен героев и палачей этих лагерей смерти, так как описываемые события происходили четверть века тому назад, и мне не представилось возможности побывать там, а значит воспользоваться архивными документами или показаниями очевидцев. Исключение составляет гор. Волковыск, где я после войны долгое время работал, и где до настоящего времени живут и работают мои товарищи по описываемым событиям и партизанскому отряду.

За достоверность описываемых событий и фактов, я целиком и полностью гарантирую, здесь нет ничего вымышленного.

А в т о р

32. К.И. Игошев, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

1960-е гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–8942. Подлинник.

33. Барак на территории бывшего лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района

Сентябрь 1971 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9495/7. Подлинник.

34. Внутренний вид барака бывшего лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района

Сентябрь 1971 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9495/5. Подлинник.

35. Окна барака в бывшем лагере военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») в пос. Пригородное Нестеровского района

Сентябрь 1971 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9495/17. Подлинник.

36. Окно барака лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

1941–1944 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–9248. Фото БФУ им. И. Канта.

37. В.В. Барыков «Барак в лагере военнопленных под Шталлупёненом»

1973 г.

ФКОИХМ. КГОМ2–11264. Бумага, акварель, фломастер. 20х28,7 см.

38. Из воспоминаний С.И. Зайцева[47], бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)*

7 июня 1982 г.

[...] Лагерь был расположен, по-моему, восточнее Эбенроде, ныне гор. Нестерова, километров 4,5 до станции по шоссе нас гоняли туда разгружать вагоны. Лагерь был обнесен забором из колючей проволоки. Он был разбит на десять клеток. В каждой клетке помещалось 8–7 тыс[яч] человек. Всего насчитывалось 66–70 тыс[яч] человек. Спали под открытым небом и в дождь, и в грязь. Многие, чем придется, рыли себе норы, ямы и там спали, а утром охрана проверяла штыком, жив или нет. Вечером проезжал верхом на белом коне комендант. Ему подавалась команда «смирно».

В октябре стали заморозки, стали ночью примерзать к земле и тогда стали строить бараки в каждой клетке, но их не хватало. Каждый стремился туда. Получалась давка, 2-х ярусные норы рушились, давили людей.

Пошла вошь, голод, 150 гр[амм] хлеба на человека, картошку нечищеную, грязную клали в суп. Суп был черный от грязи, совсем несоленый.

Пошла дизентерия, люди стали умирать от голода, болезни и непосильного труда, по 100–150 чел[овек] в день. Рыли могилы за лагерем, 3–4 км от него, глубиной не больше метра, 10 м на 10 м и клали туда умерших на бок, чтобы меньше рыть. Это было в 1941 г. По выздоровлению через год в 1942 году, 22 июня удалось бежать с работы из Литвы из г. Кибартай. Ранен был в боях в начале войны. Пуля попала в правую щеку с вылетом в левый глаз. Из-за тяжелого ранения попал в плен. [...]

Время прошло уже, но эти кошмарные дни, пережитые в лагере для военнопленных, незабываемы. Это самые мрачные и черные дни в моей жизни. Вы спрашиваете о фамилиях. Игошев и Зозуля, к сожалению, нет. Ведь нас было десятки тысяч, и лагерь разделен на десять клеток, немцы их называли — блоки, и отгорожен колючей проволокой, а сам лагерь забором из колючей проволоки, П-образно, высотой около пяти метров. Бежать было почти невозможно, но все-таки побеги были, часть ловили, возвращали и жестоко наказывали. Вот фамилия Иванов запомнилась, потому что он ходил с белой повязкой на рукаве. Он бил резиновой дубинкой. Ему давали лишнюю пайку хлеба. Он когда бил, наводя порядок в кавычках, приговаривал: «Я вам покажу Советскую власть». Но были и герои. Памятен был младший сержант Фролов, пулеметчик. Его привезли в лагерь обгорелым. Это был высокий, худощавый парень, застенчивый, смирный. Очень скромный, но бился до последнего патрона и стал отбиваться гранатами «лимонками», так называли ребристые гранаты. Пулемет установил на чердаке одной хаты. Его немцы окружили, но не могли взять живым. Помощник его, второй номер, был убит, и немцы подожгли дом и взяли обгоревшего без сознания. Мы уважали этого парня и приносили ему баланду, пока он поправлялся. Помню одного парня по фамилии Федорович Иосиф Антонович, легко ранен, художник. Окончил Витебский художественный техникум, 1919 года рождения, белорус. С ним мы и совершили побег с работы со станции Вирбалис, Литва, г. Кибартай. Туда нас привезли из лагеря на автомашине разгружать вагоны на ж[елезной] д[ороге].

О питании:

Давали нам 180 гр[амм] хлеба, какой-то суррогат, сильно крошился. Привезут на машине, свалят прямо на землю, построят по пять человек в ряд в колонну, крайний берет буханку и делит на пять человек, а когда среда и пятница, то строят ряды по семь человек — это значит делить на семь человек, постные дни. Столовая была на открытом воздухе, прямо на земле раздавали обед из большой колоды, по краям колоды

стоят солдаты с черпаками и палками. Кто сумеет получить у одного солдата и у другого, то его бьют палками по спине или по голове. Он разливает суп и остается голодным. Голод был неописуем. Как писал поэт Некрасов: «есть в мире царь, голод название ему, Боже во сне не видишь себя святым»**. А как с водой? Жажда неимоверная. Возили воду в деревянной бочке, на лошади. Как въезжает в блок, толпа устремляется к бочке, возчик убегает, иначе раздавят. Воду расплескивают, мало, кто напивается, смятение, драка. Конвой открывает стрельбу, и даже бывают раненые. В некоторые дни воды не было. Пользовались на работах, где придется. Вечером давали чай, один стакан, иногда молоко, чем-то разбавленное.

Лечение:

Была санчасть, перевязывали раненых, смазывая реванолью, бинтовали, от грязных клещей болели дизентерией, их лечили голоданием, два дня не давали совсем пищи и люди, и так голодные, многие умирали, загоняли, делали уколы. Пленных палками били прямо как скотину по голому телу, привлекали и пленных врачей.

Похороны:

Я, наверное, уже Вам писал, умирали от ран, болезней, непосильной работы, голода, издевательства. Были самоубийства, не выдерживали ужасного режима. Умирали от 50 до 200 человек. Носили умерших на санитарных носилках, грязных от крови. Нести было очень тяжело, двоих клали головами в разные стороны, они болтались. Палками носилок резало плечи. Нести было за черту лагеря, 3–4 км. Эта похоронная профессия была трагична и на настроение действовала угнетающе. Приезжал офицер на велосипеде, отмечал номер на спине гимнастерок, написанные масляной краской по трафарету, и закапывали без вести пропавших.

Работа:

На работу почти угоняли и увозили на машинах, бричках, на казенные работы и к фермерам, на с/хоз[озяйственные] работы на день и увозили обратно. Особенно было тяжело на карьерах, земляных камнях и гравийных. Подгонят работать палкой, отдохнуть не дают, все время кричат: «Шнель, шнель!». Ноги не идут, сил нет, от голода ноги опухают. В баню нас не водили и не мылись все время.

Пропаганда:

Выпускали газету небольшой лист малотиражки для русских «Клич» под названием, для украинцев «Украинская деби»[3]*. Спрашивали украинцев, что за название, никто не знал. Писали, что партизаны – это бандиты, и все они переловлены. Якобы [сын] Сталина находится в плену, командир полка артиллерийского, и дает корреспонденту интервью, что отец напрасно ведет войну, Германия все равно победит Россию, и Гитлер покорит Сталина. Строили нас в строй и читали антимарксистские брошюры: Маркс – еврей, Энгельс – еврей, Ленин тоже. Я засмеялся, меня солдаты вывели из строя, ударили палкой и увели в комендатуру, там повесили табличку с моим номером и сфотографировали. Сделали оттиск пальцев и отпустили в блок-клетку.

Я был в течение года в плену и ни разу не мылся в бане. Один раз из лагеря водили в г. Эбенроде, в душе вода была очень холодная, и я не стал мыться, только белье пропустил через дезокамеру. Загоняли нас в душ шомполами и ударами по голому телу.

40 лет прошло, а я не могу забыть «нового порядка Гитлера». Мысли в голове роятся, не дают покоя, и тянет все рассказать детям. Тянет в эти места на могилу павших, склонить голову и уронить слезу. На моей прогнившей от пота спине было написано: «2537 Совет юнион», что значит – Советский Союз. И я гордился этим знаком. Только когда убежал, зашил заплаткой этот знак и прошел я от Восточной Пруссии, ее границ с Литвой, до белорусских партизан в отряд им[ени] Сергеева в одежде нищего, босой,

запоминая только в памяти расположение немецких войск и эти разведданные передал, когда переходил линию фронта. [...]

ФКОИХМ. КГОМ1–11201, 11203. Подлинник. Рукопись.

---

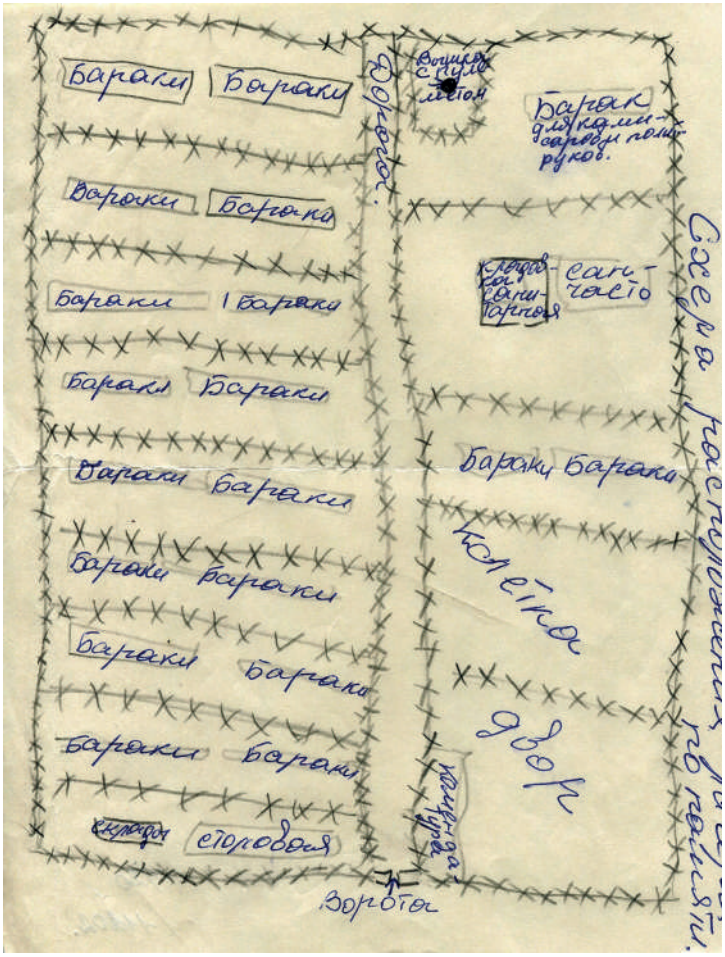
* Из писем С.И. Зайцева в адрес директора Калининградского областного историко-художественного музея Л.Г. Зайчиковой, 27.04. и 07.06.1982 г.

** Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Железная дорога». Правильно: «В мире есть царь: этот царь беспощаден, Голод – названье ему».

3* Возможно, «Українська доба» – «Украинское время».

39. Схема территории лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), начерченная по памяти бывшим заключенным С.И. Зайцевым

1982 г.


Бараки
Бараки
Бараки

40. Из воспоминаний В. В Зозули[48], бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

6 мая 1970 г.

[...] К концу второго дня пути мы прибыли к месту нашего назначения. Это был небольшой городишко – возле старой немецко-литовской границы.

С трудом выбираемся из своего вагона. Одновременно извлекаются и трупы. После полумрака вагона смотрим друг на друга и видим, как мы осунулись, согнулись, от грязи почернели, руки грязные, заскорузлые, только глаза имеют какой-то лихорадочный блеск.

С помощью окриков, пинков, прикладов и собак конвоиры нас построили, и мы двинулись по направлению к новому лагерю.

Новый для нас лагерь с внешней стороны был вполне «благоустроен». Он был окружен двойной, в несколько метров, высокой колючей проволочной изгородью с козырьками. Между двумя проволочными стенками пространство около 4-х метров было заполнено витками из колючей проволоки. Со всех сторон стояли высокие вышки для немецких солдат с автоматами. Для того, чтобы «господствующей расе» было удобно и быстро передвигаться, вокруг лагеря с внешней стороны, лежали трапы из досок.

Колючей проволокой лагерь был разделен на отдельные блоки. Внутри лагеря для пленных были сделаны землянки с дверьми, но без окон и лишь несколько деревянных бараков. Длинные землянки имели земляной пол, земляные стены, крышу, покрытую землей, и, конечно, сырой, удушливый воздух.

В некотором роде это действительно было благоустройство, т[ак] к[ак] до этих землянок пленные жили просто на голой земле, под открытым небом, а для защиты от ветра копали себе ямы. Но во время дождя в ямах было не лучше.

Нас, вновь прибывших, загнали в какой-то загон, отделенный колючей проволокой. Среди нас появились лица в гражданской одежде. Эти лица в гражданской одежде старались завязывать с пленными беседы, вызывая на откровенность.

При мне молодой парень, видимо, по простоте и неопытности, признался, что он еврей. Ему сразу же было сказано, что пленные группируются по национальному признаку и он будет переведен в другой лагерь – лагерь, откуда возврата уже не было.

Потом, умудренные опытом, мы знали, что появление в лагерях немцев в гражданской одежде и говорящих по-русски всегда связано с серьезными неприятностями для пленных, т[ак] к[ак] эти гражданские – агенты гестапо.

В числе других медицинских работников я был водворен в деревянный барак с двухъярусными койками, и началась наша лагерная жизнь.

Мы были, так сказать, неработающие медики, но наш барак стоял на территории ревира /санчасти/, мы видели, что работающие врачи были бессильны оказать помощь больным. Ведь помощь, прежде всего, требовалась в виде питания, а питание было такое: утром «чай», т[о] е[сть] тепловатая жидкость, заваренная какой-то травой, заменителем чая. Эту жидкость никто не пил, т[ак] к[ак] без хлеба и сахара она никому не требовалась, но за этим чаем санитары всегда ходили и употребляли его для мытья полов. Потому что ледяной водой мыть полы плохо. Причем после мытья полы, не успев просохнуть, покрывались тонкой ледяной корочкой.

На обед выдавался «зуппе» /суп/, по лагерному – баланда. Супы бывали разными. Вот некоторые рецепты: вода и неочищенная брюква, а когда суп был готов, он заправлялся комбижиром. В узкогорлых «тюбелях» – бидонах – жир собирался сверху и производил впечатление хорошего жирного супа. Соль в супе не полагалась.

В другой разновидности супа была вода с неочищенным картофелем и брюквой и тоже без соли. Здесь кусочки грязной картошки казались большим лакомством.

Хлеба выдавали в количестве одной буханки на шесть — восемь человек. Действительного веса буханки мы не знали, но в ней было, вероятно, не более 800 граммов.

Перед выдачей хлеба все обитатели изгонялись из барака или землянки, строились по шесть-восемь человек в шеренгу, и на шеренгу выдавалась буханка.

Тяжелую картину представляла дележка хлеба. Ведь делили ее люди, измученные смертельным голодом. Делили хлеб дрожащими руками с голодным блеском воспаленных глаз. Кто не выходил из барака, тот хлеба не получал, а не выходили вконец ослабленные. Некоторых выводили их товарищи.

Идут двое изголодавшихся людей, а между ними висит, держась за шеи товарищей, еще более слабый... Каким вкусным казался этот хлеб с опилками, выдаваемый пленным!

Все наши теоретические подсчеты калорийности дневного пайка военнопленного неизменно кончались выводом, что лагерный паек должен, в конце концов, привести к неминуемой смерти, с той только разницей, что одни более истощенные и измученные, умирают раньше, а другие позже, но когда наступит это позже, мы установить не могли. Для многих этот срок наступал ежедневно, ежечасно.

Утром в лагере появлялась пароконная большая фура, вроде таких, как у нас на Дону или на Кубани. В эту фуру складывались трупы умерших, вконец исхудалых и уже раздетых людей. Ведь одежда согревала и в какой-то степени поддерживала тепливший жизнь. Поэтому одежду с умерших военнопленные снимали и напяливали на себя или сжигали в печах, как топливо.

Фура наполнялась голыми трупами с верхом. Трупы были худые, как будто высохшие. При погрузке иногда труп падал и его без особого усилия снова, как хворост, бросали на воз. Воз удалялся, а потом телега возвращалась и наполнялась снова. Этим похоронным делом занималась специальная команда военнопленных — «Капут командо».

В мертвецкой, т[о] е[сть] в бараке, куда сносили мертвых, несколько раз обнаруживались трупы с вырезанными икрами и печенью. Несомненно, это были случаи трупоедства, но немцы об этом не знали. Иначе без кровавой расправы не обошлось бы.

Вшивость в лагере была сплошная и обильная. Ни бани, ни дезкамеры, ни других средств для уничтожения вшей не было. Единственным способом уничтожения вшей был свой «инструмент», т[о] е[сть] ногти.

Ежедневно после поглощения баланды, т[о] е[сть] после обеда, объявлялся обязательный час по уничтожению вшей. Каждый снимал с себя одежду и занимался уничтожением паразитов.

Вскоре на лагерь обрушилось новое бедствие — в лагере начался сыпной тиф. В связи с этим смертность в лагере увеличилась. Заболевших сыпным тифом изолировали — складывали в отдельных бараках.

На территории лагеря немцы стали появляться в специальных защитных комбинезонах с завязками у кистей рук и у стопы. При встрече с немцем на лагерной дорожке пленный должен был отходить в сторону на несколько метров, чтобы драгоценное здоровье немецкого солдата не оказалось бы в опасности.

Принимались меры для защиты немецких солдат от сыпного тифа, а завшивленность пленных не уменьшалась. Ослабленный, уже не способный заниматься уничтожением вшей, в течение последних нескольких дней жизни буквально покрывался вшами.

Пришла моя очередь. Сыпняк свалил и меня. Сыпной тиф начинается быстро, и поэтому вскоре я оказался в сыпнотифозном бараке.

Бессознательно состояние тянулось более недели. Как-то придя в себя, я потянулся за кружкой, чтобы напиться, но в кружке вода превратилась в лед. Был конец декабря, а зима 1941–1942 гг. была лютой. Ноги мои отекли и мучительно болели.

Всячески старался помогать больным фельдшер барака ленинградец-фармацевт Василий Васильевич – фамилию его забыл. Многие своей жизнью обязаны ему.

Я не помню, как был переведен в другой барак, где вечером под 1-е января 1942 г. ко мне окончательно возвратилось сознание. Вскоре я понял, что вместо хлеба были розданы галеты. Я пошарил рукой у изголовья и не найдя галет, начал тянуть: «галеты, галеты». Ко мне подошел старший барака, ударил меня дважды по голове, и я умолк.

Утром в барак зашел военнопленный врач, пожилой человек с седыми усиками, москвич, фамилию не помню. Ему больные сообщили, что вместо галет я получил удары по голове. В ответ на это, врач еще больше втянул в плечи свою голову. Видимо он больше думал не о моей голове, а о своей. Я уже находился в бараке для выздоравливающих, где роль врача еще больше была ограничена.

Несколько позже лагерное начальство, по-видимому, решило, что процент выздоравливающих все же большой, а поэтому выздоравливающих от сыпного тифа стали переводить в барак без коек, с не прикрывающими дверями. В них наметало снегу, и люди, перенесшие сыпной тиф, погибали в бараке для выздоравливающих от мороза и голода.

Выздоровление после сыпного тифа идет медленно и даже при хороших условиях и усиленном питании. Можно представить, как трудно было поправляться военнопленным на голодном пайке. У выздоравливающих после сыпняка всегда повышенный аппетит, а у нас, в том числе, конечно, и у меня, был больше, чем волчий голод.

Мысль о еде преследовала постоянно. Причем эти мысли, например, у меня, начинались с откармливания свиньи. Затем я ее сам забивал, обычно штыком, надетым на палку, или еще каким-либо хитроумным способом, потом обрабатывал, разделывал, мысленно все делал один. Соображал, как использовать не только мясо, но и кровь, кишечник и т[ак] д[алее]. Только после долгой мысленной обработки я приступал к поджариванию и, наконец, разрешил себе приступить к долгожданной еде. Обычно до мысленной еды дело не доходило, [так] к[ак] чей-либо приход, разговор, шум и пр[очее] мои кулинарные упражнения обрывали, а затем начиналось снова с откармливания, забоя и разделки.

Другой темой были блины. С чем и как их можно есть: со сметаной, с творогом, с маслом, с вареньем, с повидлом, сахаром, медом, со сгущенным молоком, с рисом, с грибами, с рыбой, с икрой, с яйцами и т[ак] д[алее]. По пальцам пересчитывал, а потом рассуждал, что и после чего применять.

Комбинаций получалось множество, и думать на эту тему можно было без конца.

Таким психозом были одержимы все или почти все. Среди пленных обнаруживались повара, кондитеры, и вот их постоянно просили рассказывать о приготовлении разных изысканных блюд, в том числе разных пирожных, тортов и т[ак] д[алее]. Усадят такого повара или кондитера, коллективно соберут ему на закрутку табаку или махорки, слушатели располагаются поближе и с большим вниманием слушают все мельчайшие подробности, чего сколько и когда закладывать и пр[очее]. И, если кто-либо помешает, на него, как по команде, все нервно зашикают, чтобы он не мешал.

Во время выздоровления меня навещал Рубашкин Борис Владимирович – доцент Харьковского медицинского института. Один раз он принес мне вареной картошки, но [так] к[ак] его возможности были ограничены, то он больше поддерживал меня, так сказать, морально. Он любил говорить: «Когда плохо, радуйся, потому что могло быть еще хуже».

После сыпного тифа, когда я вполне осмысливал окружающую действительность, я обратил внимание на то, что зима вполне вступила в свои права и стоят морозы.

Другие перемены произошли с пленными. Безнадежное настроение сменилось какой-то надеждой. Разговоры пленных о нашей плохой подготовленности и превосходстве немцев сменилось ругательствами и злыми насмешками в адрес немцев.

Когда я на это обратил внимание Рубашкина, он сообщил мне о разгроме немцев под Москвой.

Таким образом, уже первая ощутимая победа не замедлила благотворно отразиться на пленных.

Шла зима. Мы, не работающие врачи и фельдшера, жили в отдельном бараке. От холода похлопывали руками и пританцовывали, как делают люди в сильные морозы на трамвайных остановках. Но я пританцовывать не мог из-за сильной слабости и болей в ногах. Я становился коленями на табуретку и держался руками за столб. Так было легче. Лежать — холодно. Послеобеденное битье вшей было в силе. На ночь одевали на себя все, что есть, завязывали на уши шапки — ушанки, обматывали ноги обмотками, одевали рукавицы, поднимали воротники шинелей и так ложились спать. А ночью от мороза барак трещал.

Табак в лагере считался драгоценностью. В разное время в разных лагерях он котировался по-разному. В описанное мною время в нашем лагере за дневной паек хлеба можно было прибрести не больше четырех «закруток», т[о] е[сть] на 4 папиросы. Некоторые заядлые курильщики часть хлебного пайка расходовали на курево.

Борис Владимирович как-то сагитировал меня, и мы вдвоем за четверть пайка, по осьмушке каждый, приобрели одну папиросу. Путем измерения разделили пополам и отметили карандашом середину. Курили по очереди. Так делали и другие.

На другой день, когда был выдан хлеб, Борис Владимирович обратился ко мне с тем же предложением о приобретении папирос.

— Не хочу больше менять жизнь на смерть,— заявил я.

— Это правильно — менять жизнь на смерть,— сказал Рубашкин.

Меня он больше не агитировал, но искал компаньонов среди других. Такие «компании» на приобретение одной «закрутки» обычно создавались потому, что для приобретения целой закрутки требовалось большое количество валюты, т[о] е[сть] хлеба. Иные курильщики, потеряв надежду на возможность сохранить свою жизнь, тратили на курение полпайка и даже больше. Такие [их] безрассудные поступки встречали протест у друзей.

Иногда удавалось восстановить веру в жизнь у такого упавшего духом курильщика, но не всегда. Кругом была смерть. На смерть смотрели просто. Умер рядом лежавший человек, и на окружающих это действует почти так же, как если бы он только уснул.

Однажды пришлось быть свидетелем такой картины. Человек собрал свои пожитки, расческу, кусочек мыла, какие-то лоскутки и пр[очее] в пищевой мешок. Мешок прижал к груди, принял полусидячее положение. Глаза его уставились вдаль и начали принимать какой-то стеклянный вид. Один из пленных тихо потянул его за вещмешок. Руки судорожно сжали мешок, а глаза приняли обычные вид.— Ого, еще живой,— заявил кто-то, а через несколько минут он был уже окончательно мертвым. И такой же спокойный голос сказал: — Уже готов... После этого следовал спокойный раздел имущества умершего. Один брал в руки, например, расческу и спрашивал:

— Кому?

Кто-либо заявлял:

— Дай мне, у меня нет.— И он становился обладателем расчески.

Зима кончалась. Немцы радовались вероломству японцев за их нападение на американцев в Пёрл-Харборе без объявления войны, но молчали о своих потерях на восточном фронте в лютую зиму 1941–1942 гг.

За зиму количество пленных в лагере резко уменьшилось. Голод и сыпной тиф сделали свое дело. Наш лагерь не был лагерем какого-либо «повышенного» типа, но здесь за зиму 1941–42 годов без специальных мер уничтожения погибло 70–80% военнопленных.

В начале весны на оставшихся пленных гитлеровцы завели карточки, сделали отпечатки с наших пальцев, сфотографировали нас с дощечкой на груди, а на ней номер пленного.

Я стал военнопленный № 1301 и получил металлическую пластинку с присвоенным мне номером. Эти пластинки обязали нас носить со шнурком на шее. Такую «заслугу» носить на шее было противно, и большинство носило в карманах.

Как только стал сходить снег, остатки пленных начали усиленно использовать на разных работах.

Мы, медики, смотрели в окно и видели, как наши товарищи из среднеазиатских советских республик очищали лагерные уборные. Ковшами с длинными ручками они черпали содержимое уборных и наливали в бочки. Бочки были вставлены в клетки из досок, клетки имели четыре ручки.

После наполнения все это содержимое поднималось четырьмя пленными на плечи, и процессия, состоявшая из двух-трех десятков бочек, двигалась из лагеря.

Дул ветер, было холодно, и мы сочувственно всматривались в посиневшие, обветренные лица носильщиков.

Весь день мы жили в ожидании баланды и раздачи хлеба, и все время занимались склонением немцев на все лады. Вероятно, такое наше занятие стало известно лагерному начальству, и в один холодный ветреный день мы сменили наших среднеазиатских товарищей.

Борис Владимирович, поднимая нечистоты на плечи, опять рекомендовал радоваться, так как могло быть еще хуже. Долго мы очищали нечистоты, накопившиеся за зиму, а когда эта работа кончилась, мы стали разнорабочими по лагерю: очищали дорожки, копали канавы, носили доски, строили бараки и таскали землю. Землю таскали в железных тазиках с двумя ручками. Вдвоем таскать такой тазик было легче, но нас заставляли таскать тазики с землей по одному. Носить перед собой тяжесть было трудно, а если мало насыпать – будет грубый окрик или удар приклада в спину. Носить тазики вдвоем строго запрещалось. В связи с этим вспомнили мы Достоевского и его «Записки из Мертвого дома», где он, как известно, описывал ужасы царской каторги. Там арестанты переносили тяжести с одного места на другое, а потом переносили тяжести обратно.

Когда подсохла земля, мы стали копать землю. Копать и ждать обеденного перерыва, а затем ждать конца рабочего дня. И так каждый день... Очень тяжел подневольный труд. Такой труд безрадостен, мучителен, противен.

В лагере становилось совсем мало людей. Большинство вымерло, многих разослали на работы. Оставшихся гоняли на работу вне лагеря, и только группа медиков использовалась на работах внутри лагеря. Мы не знали, что это, привилегия для нас, как медицинских работников, или это наказание за нашу строптивость?

Нам хотелось, хотя бы под конвоем, на несколько часов, выйти за пределы нацистского лагеря.

Дело не только в созерцательных устремлениях. Пленные во время работы вне лагеря часто добывали что-либо для питания. Например, если они сами не грузили картофель, капусту или другое, то рядом кто-либо был занят этим делом и пленные ухитрялись при этом извлечь пользу для себя, а если не удавалось добыть что-либо из съестного, то пленные приносили с собой в лагерь хотя бы дровишки, чтобы сварить картофель на кооперативных началах с другими пленными.

Наконец, и нас, медиков, погнали на работу за пределы лагеря. Но, по странной ли случайности или преднамеренно, получилось как-то так, если французы, например, разгружают сахар, мы разгружаем уголь. Если пленные какой-либо национальности разгру-

жали картофель, мы разгружаем камни, доски, цемент, но только не съестное. И все-таки, если близко был вагон с полезным для нас грузом, мы все же оказывались с добычей.

Запомнился день, когда мы разгружали уголь, а рядом французы разгружали капусту. И мы вдоволь поели капусты. Капуста была свежая и, как нам тогда казалось, была очень вкусной.

Потом французы стали разгружать сахар-песок в мешках. Благодаря их искусству, сахаром был засыпан пол вагонов и под вагоном через дырку сахар сыпался в наши пилотки. Вторую половину дня мы наслаждались свежей капустой с сахаром и сахар принесли в лагерь.

Конечно, это не так просто делалось. Делалось это с оглядкой, осторожно, когда постовой смотрел в противоположную сторону или когда постового удавалось отвлечь разговором.

В бессильной злобе хотелось что-либо сделать вредное для немцев, а что можно сделать, если над тобой автомат? И вот, например, когда мы разгружали мебель, то здесь ножки цеплялись за разные неровности и ломались, у шкафов продавливались стенки. Конечно, все это делалось осторожно, иначе затрещат собственные ребра.

Иногда для работы нас возили на другую станцию в Эйдкау — Эйдткунен по-литовски. Место нашей работы находилось далеко от места приготовления баланды, и потому баланду мы получали только после работы, т[о] е[сть] в 6-м часу вечера. Если не удавалось что-либо «спикировать», то весь день работали голодными.

Как-то в один такой тяжелый день, когда не удалось ничего раздобыть, потому что разгружали мебель, к нам подошел человек в гражданской одежде и на чистом русском языке участливо спросил, как наши дела, как жизнь. Польщенные его участливым тоном, мы сообщили ему о том, что день уже клонится к вечеру, а нам еще не давали есть. Вдруг добродушное выражение лица этого человека рассвирепело, и он выпалил: «А в вашем ГПУ лучше кормят?». Мы поняли, с кем разговариваем, прикусили языки и свою злость постарались сорвать на мебельных ножках.

В другой раз на этой же станции мы разгружали крупные глыбы строительного камня. Глыбы тяжелые, а для нас, ослабленных, голодных людей, это была адская работа. Некоторым из нас камни отдавили ноги. Если бы не долбленые колодки на ногах, было бы еще хуже.

К концу дня мы окончательно обессилили. В это время к месту работы подошел пьяный немецкий полицейский. Наш конвоир обратился к нему за помощью. Полицейский немедленно выхватил из кобуры пистолет и, тыча дулом в наши спины, начал кричать, что мы ленивые русские свиньи и что мы «цвайте юде», т[о] е[сть] вторые евреи.

Разгрузка камня была наконец закончена, а когда привезли нас в лагерь, то большинство из нас легли и не смогли сразу съесть паек хлеба и баланду. Настолько мы были изнурены.

Побеги, вернее попытки к побегу, из этого лагеря были редки.

Проволочные заграждения вокруг лагеря преодолеть было невозможно, т[ак] к[ак] они все время находились под постоянным наблюдением и ночью хорошо освещались. В то же время в бараках свет не полагался.

Во время налетов нашей авиации объявлялась тревога, свет гас и через какой-то короткий промежуток времени бежали дополнительные постовые. Они занимали места близко друг от друга. Вот в такой момент один пленный был убит у изгороди. В другой раз несколько пленных успели просунуть дощатый трап через проволоку, но побег не удался, т[ак] к[ак] прибежали постовые.

Потом, значительно позже, с помощью доски удалось преодолеть изгородь, но его, обессиленного, нашли в нескольких километрах от лагеря. Привезли его в лагерь и дали 25 палочных ударов. Сначала держали в карцере, а потом куда-то взяли из лагеря.

После описанных попыток выход ночью из бараков был запрещен, а в бараках на ночь устанавливали параши, те же железные тазики, в каких мы носили землю.

Во второй половине зимы наши поработители, наконец, стали проводить в лагере гигиенические мероприятия – нас стали водить в баню в город.

Это издевательство тоже достойно описания. Банный день начинался с утра. Нас строили и большой группой гнали к бане. Пропускная способность бани была небольшая, а потому надо ждать три-четыре часа, а в это время дует ветер, моросит дождь или морозит. Стоишь и дуешь в замерзшие кисти рук, да постукиваешь деревянными колодками. Кто мог что-то рассказывать, уже рассказал, а время, как назло, ползет очень медленно.

Многие мысли в это время посещали наши головы. Все, что казалось раньше, там, на Родине, тяжелым или неприятным, теперь кажется сплошным счастьем. То, что когда-то было тягостным, теперь вызывает удивление, как ты мог этим тяготиться. И среди мыслей о семье, свободе, Родине, как навязчивая идея, мысли о еде.

Наконец пришла очередь войти в баню. Под лающий крик постовых спешим раздеться и сдать свою одежду в дезкамеру. Заходим в душевую, стоим под сосками душа и опасливо поглядываем вверх туда, откуда польется вода. Пускается душ, и нас окатывает холодной водой. Каждый старался уклониться от холодной струи, а присутствовавший при этом немец проявлял о нашей чистоте заботу и с палкой в руках заставлял мыться.

Долго потом обнаженным людям в холодном помещении приходилось ожидать свою одежду. Когда, наконец, из дезкамеры получили и одели теплую одежду – это был приятный момент. Но последующее новое ожидание на морозе сводило на нет наше временное благополучие.

На баню уходил весь день. В лагерь мы возвращались к пяти-шести часам и жадно проглатывали свой паек.

Только к началу лета лагерное начальство удосужилось, конечно, руками пленных, построить баню при нашем лагере. После этого баня уже перестала быть причиной наших дополнительных страданий.

Во вторую половину зимы баланду начали солить, и она, в какой-то мере, улучшилась, но весной запас брюквы и картофеля кончился, и теперь баланда стала совсем жидкой. В нее закладывалась лебеда и еще какая-то трава.

В связи с этим голод снова усилился, и пленные еще энергичнее должны были «пикировать», чтобы сохранить себе жизнь.

Мы, не работающие по специальности медики, использовались в это время на работах внутри лагеря. Пленные должны были везде изыскивать пропитание.

К концу дня внутри лагеря немцев не было – они уходили на отдых, а мы отправлялись к землянкам. Теперь землянки были пустые, и на их земляных крышах обильно росла лебеда. Вот эту лебеду мы собирали и варили в котелках. Варили без соли и ели без хлеба. Отвратительная еда, но что-то необходимо было есть.

Как-то во время сбора лебеды у землянки появился немецкий офицер. Он спросил нас, что мы делаем? Бывший со мной РУБАШКИН Б. В. сказал: «Мы собираем траву». «Кто вы?» – спросил офицер. «Русские врачи»,—ответил Рубашкин. «Не видел таких врачей», – брезгливо заявил офицер.

Действительно, если мы собирали лебеду, чтобы есть ее без жиров, без соли, без хлеба, можно представить на кого мы были похожи. Общему нашему состоянию соответствовала и наша одежда.

Когда офицер отошел, теперь я уже сказал: «Надо радоваться – могло быть хуже».

Наконец в лагерь привезли молодой картофель. Это было встречено нами как радостное событие. Несколько дней мы получали сравнительно хороший суп. Рецепт

тот же: вода и неочищенный картофель. Картофель неочищенный, но он ведь молодой и после лебеды для изголодавшихся людей это было лакомством.

Радость наша оказалась непродолжительной. Молодой картофель, ссыпанный в кучу, начал гнить. В связи с порчей картофеля, норма выдачи картофеля была увеличена, и теперь готовился не суп, а картофельное пюре.

Неочищенный картофель вместе со сгнившими клубнями закладывался в котел. Здоровые и гнилые клубни разваривались и превращались в дурно пахнувшую серую массу. Часть клубней не подвергалась обычному гниению с размягчением и не разваривалась, как не разваривается мерзлый картофель. Такое пюре выдавалось вместо обычной баланды. По сравнению с этим зловонным блюдом, баланда из брюквы казалась хорошим блюдом.

О том, что можно готовить такую пищу для людей, раньше мы даже предполагать не могли, а теперь ели. Зажимали носы, отплевывались, зло ругались, но ели.

В этот же период нас порадовали еще одним деликатесом: в теплой воде необрушенное просо.

От долгого хранения хлеб на складе пророс плесенью. Из этого хлеба был приготовлен для нас суп – в горячей воде, раскрошенный, заплесневелый хлеб.

Я ел этот суп из полугнилого хлеба с опилками с явным наслаждением и думал: почему до войны дома не делался вот такой вкусный суп из черствого хлеба? Как его приятно есть! И здесь же сам себя ловил. Я задавал себе вопрос: а разве была необходимость дома варить такой суп? Почему не варили дома суп из черного черствого хлеба?

Это был своеобразный психоз изголодавшегося человека.

Иногда пленных гоняли на работу к крестьянам. Это считалось хорошей работой, потому что пленные с их уже развитыми навыками «пользоваться подножным кормом», у крестьян были относительно сыты за счет картофеля и молочного обрата, а также за счет разных овощей, пшеницы в зерне, гороха и т[ак] д[алее].

Картофель мы усиленно старались проносить в лагерь. Для этого картофель раскладывался по карманам, в рукава шинелей, в разрешенном виде за отвороты пилотки и под обмотки. Мелочь клалась во флягу и т[ак] д[алее].

За счет вот такого питания в нашем лагере смертность от голода временно прекратилась, но голод все время был мучителен, и мысли о пище нас никогда не покидали.

По каким-то соображениям всех пленных, оставшихся в нашем лагере, немцы перевезли в новый для нас лагерь «Хайдекруг». Это было в сентябре 1942 года.

Заслуженный врач Абхазской АССР
ЗОЗУЛЯ В. В.

6 мая 1970 г.

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 61. Л. 5–18. Подлинник. Машинопись.

41. В. В. Зозуля, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

1941 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9051. Подлинник.

42. Из автобиографии К. Н. Мессароша[49], бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

*Не ранее 10 октября 1956 г.**

[...] Август 1940 – июнь 1941 г.– командир 337 отдельного стрелкового батальона Прибалтийского военного округа, г. Вирбалис Литовская ССР.

22 июня 1941 г.– первый, в 4.00, бой.

22 июня 1941 г. в 18.00 часов ранен под Каунасом. Подобрали, отвезли и сдали в 1 Советскую [...]** больницу г. Каунас.

Партбилет сдал доктору Винценту – секретарю парторгорганизации больницы. 27 июня – он сказал мне: «Город занят немцами, партдокументы сожжены». Больше я его не видел. Я оказался в плену.

Потом нас перевезли в военный госпиталь. В палате госпиталя я оказался старшим и по возрасту, и по званию, и по партстажу, и ко мне обратились с вопросом: «Что делать, как быть»? Я ответил товарищам: «Врагу самое приятное видеть наши трупы, поэтому все наши мысли, силы и возможности направим на нанесение вреда врагу».

По рентгену у меня насчитали до 200 осколков. Несколько есть и сейчас.

11 сентября 1941 г. немцы нас перевезли в платформах для угля в лагерь Эбенроде в Восточной Пруссии. Из 800 погруженных, более 200 чел[овек] сняли трупами. Это за путь около 100 км.

В Эбенроде было пленных около 20 000 человек. Лагерь был без зданий. Для раненых – палатки, а для остальных – песок.

Ровно через год, II/IX-1942 г., 1000 чел[овек], оставшихся в живых, перевезли в лагерь «Хайдекруг» под Кёнигсбергом, остальных сыпняк, голод и холод, и немцы уложили на месте.

Я же, благодаря врачам Чернову Н.И., Демину и фельдшеру Василию Васильевичу (ленинградец — фамилии не знаю), остался жив. Тифом болел в 1920 году. И меня перевели в санитары.

Летом в Эбенроде в 1942 году удалось создать, как называли, «клуб дяди Кости» и в нем участвовали: доцент Харьковского мединститута Рубашкин Б.В., фельдшер Ваня Генералов и др[угие]. Рубашкин, по слухам, в 1944 г. был повешен немцами.

В этом же лагере был доктор Зозуля (сейчас работает в г. Гудаута (Абхазия)). В лагере «Хайдекруг» нас долго не держали, 5/XII-1942 г. ночью собрали 30 чел[овек], привели в сарай и приказали раздеться догола. Для нас стало ясно — конец. Оказалось — нет. Голых повели в другой сарай и приказали одеться. Мне попались красноармейские брюки и рубаха, пальто мальчика 14–15 лет, какой-то «блин» на голову и колодки. Свели на полустанок и погрузили в вагон, и мы очутились в лагере Хаммерштейн (II-B), в котором я пробыл до 18/VI-1944 г.

Опять благодаря советским врачам, в первую очередь Брянскому В.Г. (сейчас работает в Рыбнице, Молдавия), Зозуле В.В. (Гудаута, Абхазия), Сопрунову Ф.Ф. (профессор, г. Москва), сейчас доктор биологических наук.

Сперва в тифозном отделении (доктор Зозуля), там и зародилась моя кличка «Борода», а называли меня среди своих «политрук команды выздоравливающих».

В туберкулезном отделении д[окто]р Брянский меня поставил в 5 палату, в которой отбирались открытые формы туберкулеза от закрытых, и заодно держали тех, кого нужно было скрыть от немцев, таких как: политрук соединения Ковпак Чаловец, сотрудник особого отдела армии Тюкашкин, политрук Череп, военком полка Михайлов и др[угие]. Использовали и такой прием: умирал больной — его номер отдавался тому, кого нужно было скрыть, а его номер одевался трупу, а половину номеров сдавали в капитуляцию. Таким образом, в картотеке снимались карточки товарищей, которые были на примете у немцев.

Там же, в туберкулезном отделении, при помощи доктора Брянского устраивались собрания, так, например: в Ленинские дни, в День Красной Армии, 1 мая и др[угие].

Причем в день годовщины Октября 1943 г. собрания были в двух местах: в бараке у врачей и в туботделении. В бараке врачей побывал предатель Яков Зенин и II/XI — по его указанию были арестованы немцами до 100 чел[овек] и отправлены в лагерь особого режима.

В этот период у нас была попытка создать патриотическую группу. Первый раз собрались: я, Соломонов (тогда Михайлов), Симоненко Н.П.

Я предложил создать систему пятерок, изолированных друг от друга (на случай провала), с задачей прощупывать товарищей, морально подготовить их и информации. В мою пятерку входили Литвиненко (ст[арший] лейтенант, работал в мастерской), Олейник (сержант, работал на дезкамерах), Троекуров (разведчик, 3-х орденов Славы), Тюкашкин и Череп (политруки), а они подбирали себе группы.

На втором совещании мы разобрали для проведения бесед о трех возможных исходах войны:

- 1 — по типу 1918 г. и польских событий в Германии, Баварской советской республики, Венгерской республики.
- 2 — отход германских войск с территории занятых государств и мир.
- 3 — разгром фашизма и мир в Берлине.

Теперь это выглядит несколько «по-детски», но в те дни, после Московского разгрома немцев и во время борьбы за Сталинград, для нас в плену, со страшнейшей дезинформацией, это было очень важно.

Надо было готовить людей для помощи нашей армии. Но организовать серьезной работы не удалось.

Третье собрание было посвящено отношению к итальянцам, с целью предупредить формирование муссолиновской — за немцев, Бодалевской гвардии — против немцев. И надо сказать, эта работа с разных сторон и разных источников с немалым нашим участием дала неплохие результаты. Из 33000 итальянцев в лагере, им удалось подобрать в гвардию муссолиновцев только 400 чел.

Арест II/XI-1943 г. прервал нашу работу. Потом начали ее снова и попали в новые трудности. Из лагеря стали отправлять в разные концы, а больше на север по 500, 1000, 1500 чел[овек]. [...]

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 28–30. Копия. Машинопись.

---

* Датируется по содержанию документа.

** В тексте опечатка. Вероятно, «армейскую».

43. К.Н. Мессарош, бывший заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)

1965 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9496/3. Подлинник.

44. Из воспоминаний А.Н. Олейника, бывшего заключенного лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»)*

1971 г.

[...]** нас привезли с Харьковской тюрьмы, с Холодной Горы[50]. Прямо с вагонов и в лагерь. Это примерно сентябрь или октябрь 1942 г. [...] я попал к доктору Заремба Ромуальду Викторовичу с перебитым позвоночником, и он меня выходил, несмотря на то, что он по специальности терапевт. Но он не только ко мне так [...] относился, ко всем русским военнопленным. Хороший врач, помогал [...]

Весь наш коллектив, который участвовал в борьбе [...] с фашизмом. Руководителем был К.Н. Мессарош. Лагерная кличка была «Борода» [...] после счетной проверки он взял меня связным [...]. Моя работа была распространение листовок. Я был как санитар, носил белую повязку с красным крестом [...] и гору бутылочек с какой-нибудь жидкостью, и таким образом я проходил в зону других секций, даже проходил к итальянцам [...] потом встретил я (друга) фашиста по фамилии Красовский Гаврил, и он [...] меня и выдал, где я попал в карцер [...] потом в скорости после собрания партийного врачей [...] 7–8 ноября и среди врачей оказался враг и предал – с нашей группы расстреляли – хороших людей и часть отправили в режимный лагерь «Штуттгоф», где были крематории.

Это тов. Супрунов[3]* Федор Федорович, проживает в Москве.

[...] Леон Борисович, Москва [...][4]*

Солибан Дмитрий [...]

Беспалко Роман Михайлович, г. Харьков [...]

Соломонов Михаил Иванович, майор, комиссар дивизии, проживает в г. Красногорске [...]

Рогожа Семен Яковлевич, г. Чернигов [...]

Симоненко Николай Петрович, Черниговская обл., Минский р[айо]н

Петухов Иван Антонович, гор. Витебск [...]

Брянский Владимир Григорьевич

И многих других отправили и меня, и «Бороду» [...] отправили в Норвегию, как политически ненадежных. [...]

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 60. Л. 55–57об. Подлинник. Рукопись.

---

* Из писем А.Н. Олейника в адрес сотрудника Калининградского областного краеведческого музея Г.Г. Якубенко, 1971 г. С 1977 г.– Калининградский областной историко-художественный музей.

** Здесь и дальше текст трудночитаем. Сохранена стилистика документа.

3* Так в документе. Имеется ввиду Сопрунов.

4* Опущены адреса проживания.

45. Пересыльный лагерь для военнопленных. Оккупированная территория СССР. Автор снимка – немецкий фотограф

1941 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19210/51. Подлинник.

46. Из воспоминаний И.Г. Новикова[51], бывшего заключенного лагерей в Эбенроде, Хоэнштайне и Метгетене

14 июня 1966 г.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

В плен я попал на реке Оредеж в окружении в Лужских болотах Ленинградской области.

Сначала военнопленные были собраны в сборный лагерь, расположенный в г. Луге, а затем, погрузив в эшелоны товарных вагонов, нас оправили на запад. Не помню, сколько суток мы были в пути, т[ак] к[ак] мы потеряли счет дням и ночам, будучи закрытыми в вагонах, где нельзя было всем даже присесть. Тут же были и раненые.

Многие в пути от ран и голода погибли. Через определенное время на узловых станциях открывали вагоны, чтобы убрать трупы умерших, от которых исходил зловонный трупный запах. Наконец /не помню, на какие сутки/ эшелон остановился, открыли вагоны и нас, подталкиваемых прикладами, стали выгонять из вагонов. На вокзале мы увидели вывеску на немецком языке «Эбенроде». Проходившие пленные поляки /они были без конвоиров/ на наш вопрос: «Где мы находимся?» сообщили, что это Восточная Пруссия. Так мы оказались в большом распределительном лагере военнопленных г. Эбенроде. Собственно, это был не лагерь, а огромное поле, огражденное в несколько рядов колючей проволокой. Внутри лагеря была наспех построенная

кухня и несколько сборных бараков, где размещалась лагерная полиция, состоящая исключительно из латышей.

В двух брезентовых длинных палатках размещались раненые военнопленные, девушки-медсестры и др[угой] мед[ицинский] персонал, видимо, попавшие в плен в первые дни войны. Все остальные военнопленные размещались, как скот, на земле. Отдельные выкопали небольшие ямы, напоминающие небольших размеров воронку от бомбы. Это делалось, чтобы, лежа в этой яме вплотную друг к другу, согревать себя, т[ак] к[ак] стояла осень, шли сильные дожди и дули беспрерывные ветры. За малейшее нарушение лагерного порядка /опоздание на «аппель» — проверку, попытку получить лишнюю порцию брюквенной похлебки, не приветствие немца и латыша-полицая и др[угое]/ пленных наказывали розгами, положив вниз лицом на скамейку. Пришлось и мне получить в те дни 20 ударов резиновым шлангом с песком за попытку получить лишнюю порцию супа.

В этом лагере мы пробыли недолго. Вскоре в числе др[угих] военнопленных я был отправлен по железной дороге и попал в самый большой лагерь военнопленных «Шталаг IB» в г. Хоэнштайне. В одной из книг об освобождении Восточной Пруссии нашими войсками этот лагерь автором назван «Восточная Пруссия», с чем я не согласен. Этот лагерь сначала был построен для пленных поляков, французов и бельгийцев, а затем, начав войну с СССР, его расширили, более усовершенствовали, в смысле предупреждения возможных побегов, и стали помещать туда русских военнопленных. Поляки, французы и бельгийцы к этому времени были уже расконвоированы и размещены в деревянных бараках, построенных тут же за чертой лагеря. Лагерь внутри был разбит на так называемые «блоки», которых было в то время примерно около двадцати. Каждый такой «блок» внутри лагеря отделялся друг от друга проволочным заграждением, к которому подходить запрещалось в пределах запретной полосы, в свою очередь огороженной также колючей проволокой, но меньшей высоты. Между блоками стояли небольшие вышки для часовых, вооруженных пулеметом и электросветом с отражателем типа «Юпитер».

Подошедший близко к проволочному заграждению, чтобы перекинуться несколькими словами с товарищем соседнего блока, пристреливался с вышки часовым.

В каждом блоке было по три барака, длиной примерно 15–200 метров, сделанных из тонкого теса и плотной термоплиты. Внутри бараков посредине были двухсторонние в два этажа нары.

В каждом блоке размещалось более двух тысяч человек, спали на нарах впритирку друг к другу на истертой в пыль древесной стружке, оставшейся после пленных французов, бельгийцев и поляков. В ней было очень много вшей и казалось, что она от них шевелится.

По ночам мы вставали и при тусклом свете электролампочек собирали с одежды вшей, что повторялось по 2–3 раза в ночь. Многие уже, будучи больными, стонали, бредили. В лагере был «ревир» вроде медицинской части, где в нескольких бараках размещались раненые и часть больных, чудом попавших туда с помощью наших медиков. Медработники подчинялись немецким санитарам, которые большими шприцами, /что для скота/ делали уколы раненым, после которых они через несколько дней умирали.

При прибытии в этот лагерь новичков помещали в так называемые карантинные блоки. Оттуда они небольшими группами приводились в спец[иальное] здание при лагере, где проходили спец[иальную] проверку. Немцы в эсэсовской форме заполняли карточки, спрашивая Ф.И.О., год рождения, место рождения, был ли партийным или комсомольцем, где служил, в каких войсках, где попал в плен и при каких обстоятельствах и т[ак] д[алее]. Мне кажется, что большинство пленных на эти вопросы врали.

Были в бараках, по-видимому, доносчики, т[ак] к[ак] часто случалось, что вызывали кого-либо из пленных уже по номеру, присвоенному каждому военнопленному, и он не возвращался. Позже сообщали полицаи, что он был комиссар или коммунист и его расстреляли.

Кормили нас очень плохо. Утром мутный чай, в обед литр брюквенной похлебки, вечером буханка /примерно кг полтора не больше/ на 20 человек хлеба-суррогата. На работу не гоняли. Если случалось, приезжал кто-либо от «Гроссбауэра» – помещика за рабочей силой, все старались попасть туда. Там им поесть дадут, да и с собой кто как сможет, прихватит что-либо из овощей.

Но не каждому выпадало это «счастье». Иногда гоняли работать в карьер, где добывали песок. Это была изнурительная работа. Из глубокого карьера по ступенькам носили песок наверх, который куда-то на машинах отправлялся. Пришлось две недели поработать там и мне. Кто работал в этом карьере, тому давали полтора литра похлебки и уже буханку хлеба не на 20, а на 15 человек. Но вся эта «надбавка» не компенсировала затраченную энергию. Многие тут же падали, а затем в бараке умирали.

В начале зимы 1941–1942 гг. открылась эпидемия сыпного тифа. К этому времени в лагере было более 80 000 человек. Всюду на нарах лежали больные сыпным тифом. Немцы уже внутрь лагеря не заходили. Вся власть в лагере сосредоточилась в руках полиции. Они раздавали хлеб, водили за супом, наводили дубинками порядок. Из лагеря прекратили брать пленных на работы, боясь видимо распространения тифа среди немцев. Умирали тысячами, а к вечеру трупы умерших штабелями, как дрова, складывали на плацу, увозили за лагерь и, уложив в 7–8 рядов в глубокие длинные могилы, закапывали. Только за эту зиму в этом лагере умерло более 50 тысяч военнопленных. Мне кажется, по прибытии в Калининград, я могу найти это поле захоронения десятков тысяч моих соотечественников.

Недалеко от лагеря был памятник Гинденбургу[52]. Памятник-крепость из красного кирпича. Ровно в 12.00 часов ежедневно в небе над этим памятником-крепостью появлялся самолет и, низко опустившись, делал три почетных круга.

В лагере были случаи людоедства. Находили в уборной убитого пленного со вскрытой грудной и брюшной полостью, откуда извлечены печень, сердце, почки. Немцы нескольких товарищей раскрыли и тут же в лагере повесили [...]

В этом лагере переболел сыпным тифом и я, но, к счастью, выжил. Переболевших сыпным тифом немцы размещали /предварительно произведя сан[итарную] обработку/ в отдельные бараки. Немного увеличили дневной паек питания, а затем отправляли в рабочие лагеря. Кто еще был здоров и не болел, на работу все равно не отправляли. Нужно было заболеть сыпным тифом, выжить и только тогда можно было попасть или на с/хоз[яйственные] работы к помещику или в рабочие лагеря.

После болезни меня отправили в рабочий лагерь г. Ангербург, но по прибытии туда я на третий день заболел вновь, поднялась высокая температура. Польский врач, как смог, пытался помочь мне и не допустить вновь в шталаг, но это ему не удалось. И вот я вновь попал в этот проклятый «Шталаг IB». Все, кто заболевал в рабочих лагерях Восточной Пруссии, отправлялись как бы на «лечение» в этот лагерь. Но мы, пленные, знали, никакого лечения там не будет. Пленного-больного не хотят даром кормить хозяева тех предприятий или имений, где работают пленные в рабочих лагерях. Большинство отправленных товарищей больных в этот шталаг уже не возвращались обратно: они умирали, но через 1–2 недели я почувствовал себя лучше. Во время болезни в отношении питания меня поддерживал один пленный, работающий на разных работах с французами и бельгийцами и подрабатывавший кое-что из продуктов у них показом фокусов и акробатических номеров. Он говорил, что артист одной из

трупп... Мосэстрады, фамилию, к сожалению, забыл. Оправившись от болезни, я попал в рабочий лагерь летом 1942 года в м. Метгетен при заводе «Остландверке». Там делали расточку артиллерийских стволов для противотанковых пушек и сборку пушек из доставляемых частей других заводов.

Сначала в этом лагере было не более 200 человек, а затем его расширили, было примерно к 1943 году более 600 человек. Многие работали внутри завода. А большинство на территории завода, погрузке-разгрузке и на работах при железнодорожной станции. Здесь дневной паек питания был увеличен и бытовые условия немного лучше. Из этого лагеря прямо с завода убегали военнопленные группами 3–5–7 человек. Некоторых, км [в] 10–15 от Метгетена ловили и убивали. О других нам было не известно.

И вот наступило лето 1944 года.

Точно не могу сказать, но примерно в июле месяце англо-американцы стали совершать налеты на Кёнигсберг и бомбить его. Как выяснилось, после первых налетов их авиации, лагеря военнопленных не подвергались бомбежке. Поэтому при очередных налетах немцы-рабочие завода «Остландверке» при согласии охраны лагеря приходили на территорию лагеря. Охрана как-то в часы бомбежек выгоняла нас из бараков, плохо следила за движением людей из лагеря и обратно. В это время можно было ночью совершить побег.

Многие пленные небольшими группами стали готовиться к побегу.

Установили связь с французами и бельгийцами, украинцами и белорусами, работавшими на патронном заводе. Через них была приобретена одежда и часть питания, заготовлены ножи, железнодорожные карты Восточной Пруссии.

Например, нашей группе, состоящей из 7-ми человек, большую помощь в приобретении питания и одежды помог немец Эмиль Кристелайт [...]

Некоторыми медикаментами снабдила меня русская женщина Зина — жена немца, бывшего военнопленного в России в первую империалистическую войну. Все это было с помощью девушек–украинок спрятано в условном месте, а мы ожидали очередного номера англо-американской авиации. И вот такая ночь наступила /к сожалению, не помню числа/.

Руководил побегом, как нам сказал он, подполковник, пленный Косенко.

В нашу группу входили, кроме него, Сашка Попов, Ваня Зенкин, я и еще три товарища, фамилии, к сожалению, не помню.

Во время бомбежки с завода стали в лагерь в панике прибывать рабочие немцы, а также пригнали наших пленных, работающих в ночную смену. Сразу открыли заводские ворота, расположенные напротив ворот лагерных /это метров 100–200 примерно расстояние между ними/. Пленных не считали, свет был погашен, и мы в это время в сутолоке прошмыгнули из лагеря в ворота. Хотя пленные, идущие с завода навстречу и видели, но это был не первый побег, и никто не выдал, а наоборот радовались этому, что хотя кто-либо уйдет, останется жив и расскажет о жизни пленных в Германии.

Недалеко от лагеря было, в сторону поля, два домика в которых жил крестьянин немец, работающий с семьей на подсобном хозяйстве завода. Ему давали на с/х работы несколько пленных. Второй был, как говорили, русский эмигрант. Это говорил мне Эмиль Кристелайт, но сам он, этот крестьянин, отрицал при разговоре наших ребят, работавших на поле. Но по-русски говорил он хорошо. Вот мы и подались в эту сторону т.к. идти в сторону немецких бараков было рискованно. Этим полем мы добрались до леса, там нашли запрятанные вещи и продукты, переоделись, свое закопали хорошо, замаскировали и тронулись в путь в обход Кёнигсберга.

Вел нашу группу наш старший КОСЕНКО. В пути были большие трудности в отношении ориентировки, снабжения продуктами, отдыха. Приходилось ночью /а мы двигались только ночью/ натыкаться, если так можно выразится, на охрану зенит-

ных установок, которая после слова «хальт» открывала стрельбу. В пути приходилось встречать небольшие группы поляков, русских гражданских, бежавших от крестьян-немцев, где они работали.

У некоторых рождалась мысль продолжать путь вместе, но наш старший Косенко отвергал это, на том основании, что небольшими группами легче пройти.

На одном мосту пришлось убрать часового немца, второй открыл стрельбу, но мы, к счастью, сумели уйти от них.

Все подробности пути описывать не буду, т[ак]к[ак] это займет много места. Скажу только, что так мы блуждали более 3-х месяцев. Хорошо было, что август-сентябрь, уже могли не заходить мы близко к домам для пополнения запаса продуктов. Довольствовались картофелем, овощами и молоком, которое немцы с вечера ставили во флягах на ночь около дома, чтобы утром обслуживающая сбор молока машина, увозила на маслозаводы.

В октябре месяце мы при переходе Восточно-Прусской границы с Литвой неожиданно наткнулись на наш разведдозор. Они нас на рассвете и доставили в воинскую часть. Но нас уже было не 7 человек, а 6. Один из нас был убит еще в середине нашего пути в то время, когда он пошел за продуктами в один крестьянский дом. Точно сказать не могу, убит он или убежал и не смог найти, но мы слышали крик и выстрелы. Подождав, как было условлено, один час, мы решили продолжать свой путь, чтобы не навести на след возможную погоню.

Из воинской части нас отправили в неизвестное нам литовское местечко, поместили в один из домов, где было уже более сотни беглецов, таких как мы. Нам выдавали регулярно солдатский паек, но мы находились под охраной. Дня через 3–4 нас отправили в гор. Таураге в контрольно-фильтр[ационный] пункт, где я пробыл до начала ноября 1944 года и проходил проверку [...]

После прохождения проверки я, уже один из нашей группы, с опечатанным пакетом при себе явился в военно-полевой военкомат, расположенный километрах в 20–25 от Таураге. Оттуда с группой таких же, как я, был направлен в Каунас в 55 запас[ной] стр[елковый] полк в должности фельдшера. И только в январе я был вызван к командиру части. В присутствии майора спрашивали меня: где я был в плену, сколько времени и хорошо ли я знаю пригороды гор. Кёнигсберга. Я ответил, что знаю хорошо Метгетен и немного Юдиттен. Т[ак] к[ак] в последнем был несколько раз на работах в числе военнопленных. Вскоре я в сопровождении старшины прибыл в 49 отд. танковый батальон* (как мне сказали), расположенный уже на территории Восточной Пруссии.

Примерно числа 20–21 января в составе разведгруппы я перешел линию фронта (командовал группой мл[адший] лейтенант Носов), и мы направились пешком к Кёнигсбергу.

Примерно в ночь на 27 или 28 января командир нашей группы вывел нас к месту недалеко от шоссе, проходящем вблизи патронного завода, что в м. Метгетен. Мы укрылись в небольшой основной посадке. С нами был радист. Я получил задание разведать, имеются ли войска в Метгетене, по возможности какие, сколько, где расположены и т[ак] д[алее]. Узнать так же о лагерных пленных, лагерях рабочих украинцев, белорусов, поляков. Работает ли «Фойерверкшуле» — пожарная школа в Метгетене, не эвакуировалась ли она, много др[угих] вопросов. Вся группа осталась для наблюдения за шоссе, идущего на Кёнигсберг. Ночью я проник к лагерю гражданских рабочих, угнанных из СССР. Самое безопасное было — зайти в бараки-землянки, где проживали семейные и от них узнать обстановку. Это я и сделал. Там я с помощью двух русских до рассвета по возможности собрал необходимые сведения и к рассвету возвратился обратно к своей группе.

Примерно в утренние часы в Метгетен ворвались неожиданно наши танковые колонны с автоматчиками, десантниками и открыли стрельбу. Но к этому часу немецких войск в Метгетене уже не было. Видимо, они покинули его на рассвете. Только отдель-

ные пулеметчики расположились на чердаках, простреливали улицы поселка. Их быстро накрывали из танковых пушек.

К вечеру 30 или 31 января немец, видимо, узнав, что наши силы были малочисленные, стал наступать на Метгетен со стороны вокзала. Всю ночь длился бой. Мы в это время передвинулись в сторону Пиллау км на 2–3 от Метгетена и продолжали наблюдение за движением войск и военной техники со стороны Пиллау.

В течение последующих суток Метгетен был надежно закреплен нашими подоспевшими подкреплениями.

Видимо, наша задача была выполнена, и мы по ВАД на попутных машинах возвратились уже в Тильзит.

Отдохнув три дня, я вновь был откомандирован в город Каунас в 55 запасной стрелковый полк на свою должность и больше уже не принимал непосредственного участия в боях за Кёнигсберг. [...]

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 61. Л. 26–33. Копия. Машинопись.
Опубл.: Назовем поименно: т. 13, дополнительный. (Сведения о павших без вести на фронтах Великой Отечественной войны и погибших в немецком плену).– Калининград: Янтарный сказ, 2000.– С. 32–34.

---

* Речь идет о 89-й танковой бригаде 1-го танкового корпуса, которая 28.01.1945 г. получила приказ овладеть Метгетеном.

47. Лагерь «Шталаг IA». Театральная труппа, образованная из французских военнопленных

1940–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–12159/9. Фотокопия передана в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея Вармии и Мазур (г. Ольштын, Польша) в мае 1985 г.

48. Лагерь «Шталаг IA». Музыкальный ансамбль, образованный из французских военнопленных

1940–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–12159/10. Фотокопия передана в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея Вармии и Мазур (г. Ольштын, Польша) в мае 1985 г.

49. Лагерь «Шталаг IA». Французские военнопленные идут на работу

1940–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–12159/8. Фотокопия передана в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея Вармии и Мазур (г. Ольштын, Польша) в мае 1985 г.

50. Лагерь «Шталаг IA». Польские военнопленные перед лазаретом

1939–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–12159/7. Фотокопия передана в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея Вармии и Мазур (г. Ольштын, Польша) в мае 1985 г.

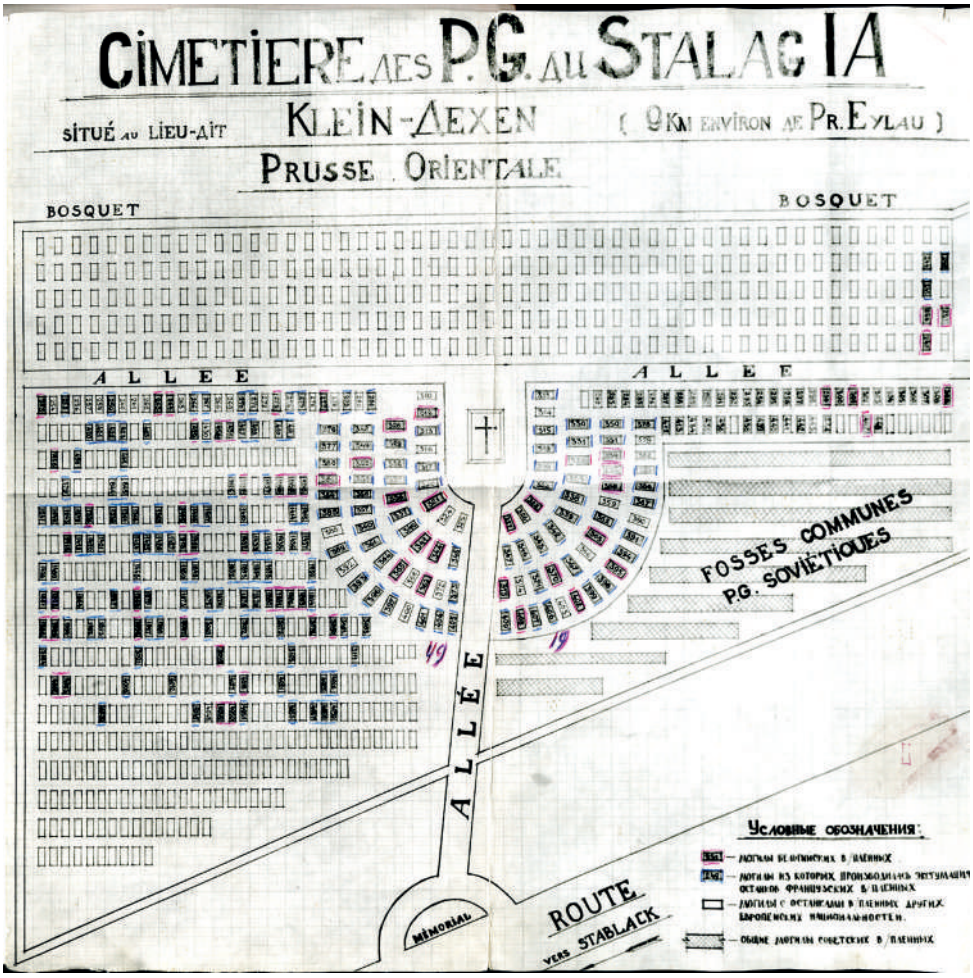
51. Номерные жетоны заключенных лагеря «Шталаг IA» (№№ 25943, 65932)

1939–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–12159/12, 13. Переданы в Калининградский областной историко-художественный музей из Музея Вармии и Мазур (г. Ольштын, Польша) в мае 1985 г. Фото: Е.И. Чепинога.

52. Схема интернационального кладбища лагеря «Шталаг IA» в м. Кляйн-Дексен

1972 г.



АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 14. Фотокопия.

В 1972 г. Калининградский областной краеведческий музей (ныне – КОИХМ) получил данные о кладбище в м. Кляйн Дексен от французского пастора, бывшего в годы войны среди пленных. На схеме обозначены 4172 единичные могилы, в которых захоронены бельгийские, французские военнопленные и военнопленные других европейских национальностей. В девяти рвах, идущих друг за другом, захоронены советские военнопленные. Из 164 могил в 1971 г. была произведена эксгумация останков французских военнопленных. В аннотации к схеме кладбища пастор сообщал, что французы и поляки после внесения определенной платы могли получить отпущение грехов у него и место на специально построенном кладбище. Советских военнопленных, по его словам, после естественной смерти или карательных акций сбрасывали во рвы с правой стороны от входа на кладбище. Захоронения производились с 1939 по 1944 г. (АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 59. Л. 13, 15).

53. Группа французских и английских военнопленных, освобожденных частями Красной Армии. Восточная Пруссия. Автор съемки – Веньятов

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/11. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР (ныне – Российский государственный архив кинофотодокументов) в 1971 г.

54. Группа французских и английских военнопленных, освобожденных частями Красной Армии. Восточная Пруссия. Автор съемки – Веньятов

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/6. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР в 1971 г.

55. Французские военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия, г. Инстербург. Кинокадр

февраль 1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–5744. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным музеем Советской Армии (ныне – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации) в 1950 г.

56. Французские военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/19. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР в 1971 г.

57. Иностранные военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/9. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР в 1971 г.

58. Иностранные военнопленные, освобожденные частями Красной Армии. Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/10. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР в 1971 г

[1] «Циклон Б» (*нем.* Zyklon B) — ядовитый газ, прекращающий клеточное дыхание. Использовался нацистами для массового уничтожения людей в газовых камерах.

[2] Обершарфюрер (*нем.* SS-Oberscharführer) — звание в СС. Соответствовало званию фельдфебеля.

[3] Вахман (*нем.* Wachmann)– охранник.

[4] Штурмманн СС (*нем.* SS-Sturmmann) — звание в СС. Соответствовало званию ефрейтор.

[5] Унтершарфюрер (*нем.* Unterscharführer) — звание в СС. Соответствовало званию унтерофицера.

[6] «Мертвая голова», батальон СС (*нем.* SS–Totenkopfverbände SS — TV) — подразделение СС, отвечавшее за охрану концентрационных лагерей Третьего рейха.

[7] Штубовой (от *нем.* Stube, комната) — староста «штубы», комнаты в бараке.

[8] Гауптшарфюрер (*нем.* Hauptscharführer — главный шарфюрер) — звание в СС. Соответствовало званию оберефрейтора.

[9] Рейхсфюрер (*нем.* Reichsführer) — первоначально специальная должность, а затем и высшее звание СС. С 1929 г. по 1945 г. должность занимал Генрих Гиммлер.

[10] Обергруппенфюрер (*нем.* Obergruppenrführer)– звание в СС и СА, соответствующее званию генерала рода войск в вермахте.

[11] Гауляйтер (*нем.* Gauleiter) — высший партийный функционер национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП), возглавлявший ее окружную организацию.

[12] Штурмбанфюрер (*нем.* Sturmbannführer) — звание в СС и СА. Соответствовало званию майора.

[13] Гауптштурмфюрер (*нем.* SS–Hauptsturmführer) — специальное звание в СС. Соответствовало званию капитана (гауптмана) в вермахте.

[14] Абвергруппа — специальное формирование абвера (*нем.* Abwehr), органа военной разведки и контрразведки Германии в 1921–1944 гг.

[15] Шарфюрер (*нем.* Scharführer) — звание в СС и СА. Соответствовало званию унтер-фельдфебеля в вермахте.

[16] Штурмфюрер (*нем.* Sturmführer) — звание в штурмовых отрядах СА. Соответствовало званию лейтенанта.

[17] Аппель (*нем.* Appell) — перекличка.

[18] SDG (*нем.* Sanitatsdienstgefreiter) — санитар в составе «медицинского корпуса» (нем. Sanitatswezen) в концентрационном лагере.

[19] Шутцхафтлагерфюрер (*нем.* Schutzhaftlagerführer) — заместитель коменданта концентрационного лагеря, осуществляющий надзор за заключенными.

[20] Арбайтсайнзатцфюрер (*нем.* Arbeitseinsatzführer) — надсмотрщик за исполнением работ в концентрационном лагере.

[21] Роттенфюрер (*нем.* Rottenführer, начальник отряда) — звание рядового состава в СС и СА. Роттенфюрер командовал отрядом (*нем.* Rotte) и подчинялся шарфюреру (СА) или унтершарфюреру (СС).

[22] Люфтваффе (*нем.* Luftwaffe) — название военно-воздушных сил в составе вооруженных сил Германии.

[23] Оберштурмфюрер (*нем.* SS-Obersturmführer) — звание в СА и СС, соответствовало званию обер-лейтенанта.

[24] ОТ Танненберг — территориальное подразделение «Организации Тодта». *(См. прим. 30.)*

[25] Коммандофюрер (*нем.* Kommandoführer) — руководитель группы (команды) заключенных лагеря, сопровождавший их к месту работы и отвечавший за их охрану.

[26] Отдел D главного хозяйственного управления СС (*нем.* Amtsgruppe D «Konzentrationslager») — подразделение (управленческая группа) Главного административно-хозяйственного управления СС, осуществлявшее руководство концентрационными лагерями.

[27] Камерадшафтсфюрер (*нем.* Kameradschaftsführer) — руководитель группы (товарищества) из 10 членов гитлерюгенд. *(См. прим. 32).*

[28] Труппфюрер (*нем.* Truppführer) — звание в СА, существовало с 1930 по 1945 г. Труппфюрер обычно занимал должность унтер-офицера взвода СА в составе роты.

[29] Обертруппфюрер (*нем.* Obertruppführer) — звание в СА, существовало с 1932 по 1945 г.

[30] Организация ТОДТ (*нем.* Organisation Todt, аббр. ОТ) — военно-строительная организация в Германии во времена Третьего рейха. Названа по имени возглавлявшего ее Фрица Тодта.

[31] Международный комитет Красного Креста — гуманитарная организация, предоставляющая защиту и помощь пострадавшим в вооруженных конфликтах и внутренних беспорядках, исходя из принципов нейтральности и беспристрастности. Существует с 1863 г.

[32] Гитлерюгенд (*нем.* Hitlerjugend) — молодежная организация НСДАП (1926–1945 гг.). Охватывала немецкую молодежь в возрасте от 10 до 18 лет. Делилась по возрастным категориям: 10–14 лет — югендфольк; от 14 до 18 лет — собственно гитлерюгенд. Членами организации были только юноши. *(См. прим. 27.)*

[33] Швыкова Нина Борисовна. Род. в 1909 г. Образование: среднее медицинское. В 1943 г. была вывезена вместе с матерью Никифоровой Еленой Павловной из Севастополя на работы в Восточную Пруссию. Бывшая узница трудовых лагерей «Шихау», «Метгетен» (при заводе «Остландверке»). Освобождена войсками Красной армии в январе 1945 г. После войны осталась в Кёнигсберге — Калининграде. Работала старшей медицинской сестрой в Управлении начальника работ № 230 (1945–1947), помощником эпидемиолога в городской санэпидстанции (1947–1950), в санэпидстанции Балтийского района (1950–1969).

[34] Бурак (буряк) — свекла.

[35] Проволока (спираль) Бруно — заграждение в виде винтовой линии (спирали), свитой из нескольких пересекающихся нитей колючей или обычной проволоки.

[36] Русская освободительная армия (РОА) — вооруженное добровольческое формирование, созданное в нацистской Германии из коллаборационистов во главе с А.А. Власовым.

[37] «Власовский комитет» *(жарг.)* — политическое объединение советских коллаборационистов во главе с А.А. Власовым. Первоначально создан как «Русский комитет», в ноябре 1944 г. преобразован в «Комитет освобождения народов России». *(См. прим. 36.)*

[38] Зондерфюрер (*нем.* Sonderführer — особый руководитель) — временно (на период войны) назначенный в качестве специалиста в той

или иной сфере чиновник с правом ношения военной формы.

[39] Обер-ефрейтор (*нем.* Obergefreiter) — воинское звание в немецкой армии. Соответствует званию младшего сержанта.

[40] Форт «Штиле» — построен в 1889 г., входил в комплекс фортификационных сооружений города-крепости Пиллау. Назван в честь генерал-адъютанта Фридриха Вильгельма Густава фон Штиле (1823–1899), начальника военно-инженерного корпуса и Генерального инспектора крепостных сооружений.

[41] Игошев Кузьма Иванович. Род. в г. Акмолинск (Казахская ССР, ныне — Нур-Султан, Казахстан) в 1918 г. Дата поступления на службу: 1937 г. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 г. Воинское звание: воентехник 2 ранга. Орден Отечественной войны II степени (1985 г.). Попал в плен в июне 1941 г. До июля 1943 г. находился в лагерях для военнопленных: в Двинске (июнь–август 1941); «Офлаг-52» (Эбенроде, Восточная Пруссия); «Пайзе» (Восточная Пруссия); в Волковыске (Белоруссия). После побега в июне 1943 г. воевал в составе партизанского отряда на территории Белоруссии. После войны проживал в г. Целиноград (Казахская ССР, ныне — Нур-Султан, Казахстан). Автор воспоминаний «Мы смерти смотрели в лицо. Воспоминания бывшего узника фашистских лагерей смерти» (1967 г.).

[42] Бауэр (*нем.* Bauer) — крестьянин, фермер.

[43] Гауптман (*нем.* Hauptmann) — в немецкоязычных странах воинское звание капитана.

[44] «Капутчики» (от *нем.* kaputt — гибель, конец, *жарг.*) — похоронная команда из заключенных.

[45] Кахексическая стадия — одна из стадий дистрофии алиментарной, болезни, обусловленной длительной недостаточностью питания. Проявляется отеками, желудочно-кишечными расстройствами, сердечной и печеночной недостаточностью.

[46] Парохолера — кишечная инфекция, вызываемая холерными вибрионами. В нацистских лагерях «парохолерой» называли вспышки инфекций неизвестной этиологии, характеризовавшиеся высокой смертностью заключенных (до 80%).

[47] Зайцев Семен Иванович. Бежал из лагеря «Офлаг-52» (Эбенроде), партизан в отряде им. Сергеева в Белоруссии.

[48] Зозуля Виктор Владимирович. Род. в 1906 г. в г. Гудаута Сухумского округа (Абхазия). Образование: санитарный врач. Бывший узник лагеря «Офлаг-52» (Эбенроде). После войны работал райэпидемиологом в Гудаутской районной санитарно-эпидемиологической станции (1946–1971). Заслуженный врач Абхазской АССР. Ум. 11.06.1975 в Могилевской области (Белоруссия).

[49] Мессарош Константин Николаевич. Род. 2 июня 1896 г. в г. Санкт-Петербурге. Участник Первой мировой войны. Член РКП(б) с мая 1919 г. Капитан. С августа 1940 г.— командир 337 отдельного стрелкового батальона Прибалтийского военного округа (г. Вирбалис, Литовская ССР). 22 июня 1941 г.— первый бой. 23 июня 1941 г.— ранен под Каунасом. 27 июня после занятия города немцами попал в плен. С сентября 1941 г. по сентябрь 1942 г.— узник лагеря «Офлаг-52» (Эбенроде, Восточная Пруссия), санитар; до июня 1944 г.— лагеря «Шталаг IIB Хаммерштейн»; до мая 1945 г.— лагерей в Северной Норвегии. Летом 1942 г. в «Офлаг-52» создал патриотическую группу «Комитет» («клуб дяди Кости»). Прозвище: «Борода», «Дядя Костя», «политрук команды выздоравливающих». После войны работал инспектором госдоходов, бухгалтером в г. Ромны Сумской области (Украинская ССР).

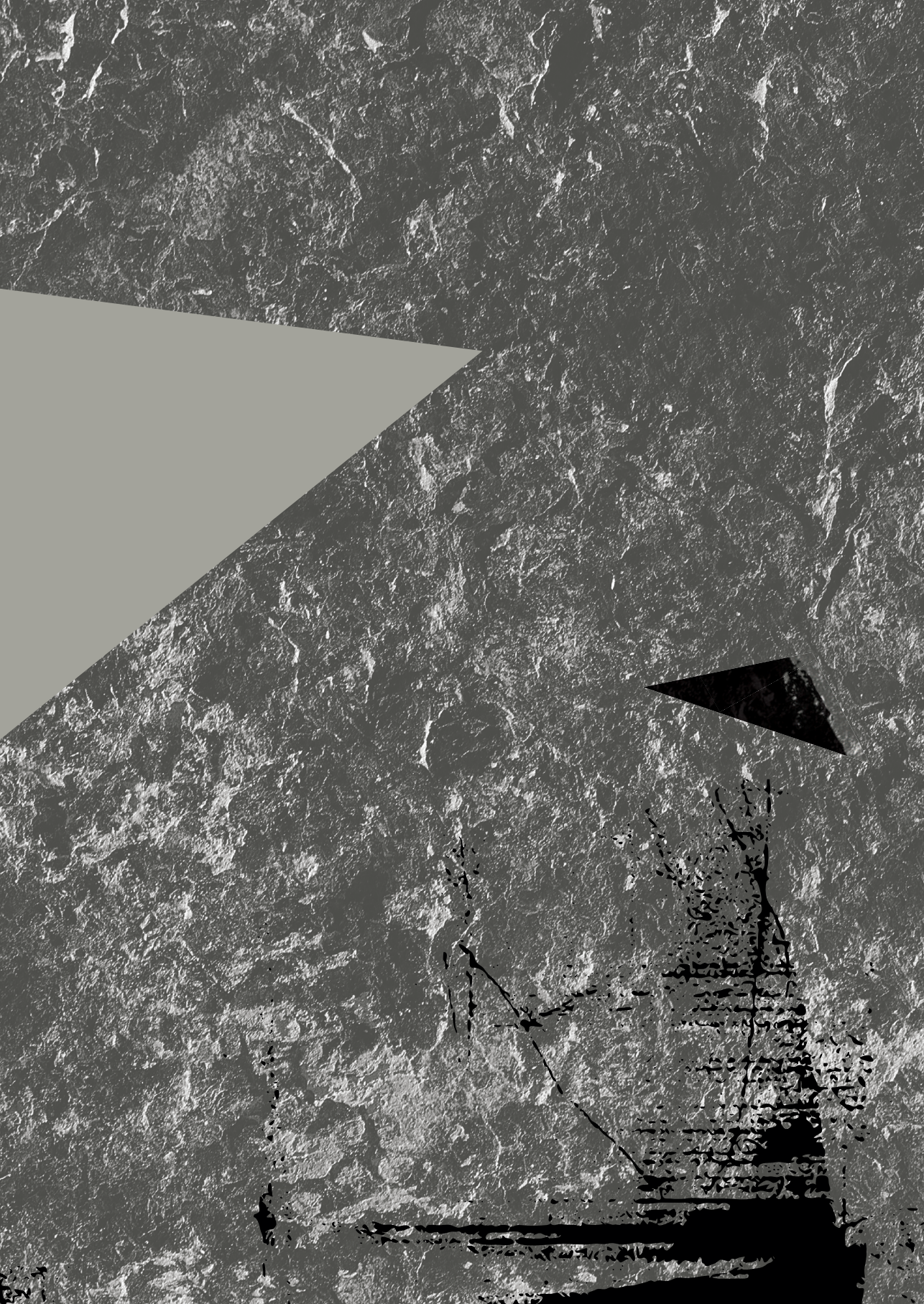
[50] В 1941–1943 гг. в историческом районе Харькова Холодная Гора был расположен один из крупнейших на оккупированной территории Украины лагерей советских военнопленных.

[51] Новиков Иван Григорьевич. Бывший узник лагерей «Офлаг-52» (Эбенроде), «Шталаг IB», «Метгетен» (при заводе «Остландверке»). Бежал из лагеря «Метгетен» летом 1944 г. В составе разведроты участвовал во взятии Метгетена в январе 1945 г. После войны проживал в пос. Старь Дятьковского р-на Брянской обл. Работал фельдшером при поселковой больнице. Автор рукописи о нахождении в плену «Мои воспоминания» (июнь 1966 г.).

[52] Национальный памятник в Танненберге, в склепе которого был похоронен Пауль фон Гинденбург, рейхспрезидент Германии.

РАЗДЕЛ 2

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НАСЕЛЕНИЯ, УГНАННОГО В ГЕРМАНИЮ



59. Постановление Министерского совета по обороне рейха об условиях эксплуатации восточных рабочих

30 июня 1942 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об условиях эксплуатации
восточных рабочих

От 30 июня 1942 г. Имперский Вестник Законов I. С. 419

Министерский совет по обороне рейха[1]

издает постановление, имеющее силу закона:

Раздел I

Понятие «остарбайтер» [восточный рабочий]

§ 1

Под остарбайтерами понимаются рабочие ненемецкой национальной принадлежности в рейхскомиссариате Украина[2], в генеральном комиссариате Белая Рутения[3] или в восточных районах, граничащих с бывшими республиками Латвия и Эстония, которые после занятия этих территорий германским вермахтом перемещены в Германский рейх, включая протекторат Богемию и Моравию, и задействованы здесь на работах.

Раздел II

Условия эксплуатации

§ 2

Общие условия

Находящиеся в рейхе на работах остарбайтеры подчиняются особым условиям занятости. Немецкие административно-трудовые и охранно-трудовые нормы применяются к ним только в той степени, в какой это особо оговорено.

§ 3

Оплата труда

(1) Задействованные в рейхе восточные рабочие получают дифференцированную плату за труд в зависимости от выполненной работы.

(2) Размер этой оплаты рассчитывается согласно таблице, которая приложена к настоящему постановлению.

(3) При определении этой оплаты, которая выплачивается отдельному остарбайтеру согласно приложенной таблице, следует исходить из сравнимых ставок заработной платы (повременная оплата труда, сдельная оплата труда, премиальная оплата труда) немецких рабочих. Если часть сравнимой заработной платы состоит в вещном

исполнении, то оно при определении этой оплаты оценивается по соответствующим тарифам перерасчета, применяющихся к немецким рабочим на предприятии в случае компенсации.

Любые социальные надбавки и социальные выплаты, которые полагаются немецким рабочим, не учитываются при расчете сравнимой оплаты труда.

Надбавки к окладу включаются в сопоставимую оплату труда в одинаковом размере, в каком они выплачиваются немецким рабочим на предприятии за аналогичную работу. Если остарбайтер в производительности труда не достигает среднего показателя немецкого рабочего, то при расчете полагающегося ему вознаграждения следует исходить из соответственно уменьшенной оплаты труда.

Надбавки за трудную и грязную работу, помимо прочего, следует учитывать при расчете основной оплаты труда отдельного остарбайтера.

(4) Остарбайтеру обеспечивается оплата труда только за фактически выполненную работу; однако в соответствующих случаях применяются положения о невыходе на работу вследствие неблагоприятной погоды.

(5) Более высокая оплата труда, чем это предписано данной инструкцией, не может предоставляться остарбайтеру.

§ 4

Надбавки и прочие дотации

Остарбайтеры не имеют права, если иное не установлено Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, на надбавки к заработной плате за сверхурочные, работу в воскресные и праздничные дни и ночное время. Компенсация расходов на проезд, проживание и питание, а также расчет при увольнении не выплачиваются.

§ 5

Неденежные выплаты

(1) Согласно приложенной к этому постановлению таблице полагающееся вознаграждение за труд отдельному остарбайтеру выплачивается наличными в конце принятого на предприятии расчетного периода после вычета возмещения за произведенные неденежные выплаты. Обеспечиваемые хозяином предприятия проживание и питание выставляются в счет по тарифам, которые следуют из прилагаемой к этому постановлению таблицы. Прочие неденежные выплаты, такие как одежда, обувь и так далее, ставятся в счет по соответствующим ценам.

(2) Руководители предприятий могут перекладывать транспортные расходы остарбайтеров к месту работы и от него на всех занятых у них остарбайтеров и сокращать на эту распределенную сумму полагающуюся к выплате наличными сумму каждому работнику согласно таблице.

§ 6

Выплата вознаграждения в случае болезни

В те дни, когда остарбайтер вследствие болезни или несчастного случая не может работать, при отсутствии стационарного ухода, хозяин предприятия обеспечивает бесплатно только проживание и питание. В остальном медицинское обеспечение восточных рабочих регулируется предписаниями, которые издает имперский министр труда.

§ 7

Отпуск и поездки на родину к семье

Отпуск и поездки к семье на родину в настоящий момент не предоставляются. Более подробные инструкции о введении отпуска и поездок на родину к семье издает Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

§ 8

Расчетные листы

Расчетные листы остарбайтерам не предоставляются.

§ 9

Исключения

Имперские уполномоченные или Особые имперские уполномоченные по труду имеют право допускать исключения от предписаний данного постановления в отношении расчета оплаты труда.

Раздел III

Налог на остарбайтеров

§ 10

Обязанность уплаты сборов

(1) Работодатели, которые предоставляют работу в Германском рейхе, включая протекторат Богемию и Моравию, должны отчислять налог согласно приложенной к этому постановлению таблице (налог на остарбайтеров).

(2) Сельские работодатели должны вносить только половину этого налога.

§ 11

Право на налог

Налог на остарбайтеров поступает исключительно в распоряжение Германского рейха.

§ 12

Освобождение от уплаты налогов на остарбайтеров

Остарбайтеры не должны платить подоходный и гражданские налоги в период своей работы в Германском рейхе.

Раздел IV

Накопления (сбережения)

§ 13

Остарбайтеры могут свое вознаграждение за труд полностью или частично копить под проценты; накопленная сумма переводится на родину и находится в распоряжении

накопителя или членов его семьи согласно подробным инструкциям рейхсминистра по оккупированным восточным районам или командования вермахта.

Раздел V

Полномочия

§ 14

(1) Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы уполномочен, в согласии с заинтересованными рейхсминистрами, издавать предписания для реализации, дополнения или изменения разделов I и II этого постановления.

(2) Рейхсминистр финансов уполномочен в согласии с Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, рейхсминистром внутренних дел, рейхсминистром по оккупированным восточным районам и, поскольку речь идет об остарбайтерах, занятых в сельском хозяйстве, с рейхсминистром продовольствия и сельского хозяйства, издавать предписания для реализации, дополнения или изменения раздела III этого постановления.

(3) Рейхсминистр финансов может в согласии с Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы изменять размер налога на остарбайтеров, следующего из приложенной таблицы.

(4) Рейхсминистр экономики, рейхсминистр по оккупированным восточным районам и верховное командование вермахта уполномочены, в согласии с Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, издавать предписания для реализации и дополнения раздела IV этого постановления.

Раздел VI

Вступление в силу и область действия

§ 15

(1) Это постановление вступает в силу с 15 июня 1942 года. Предписания разделов II и III применяются впервые в отношении вознаграждения за труд, выплачиваемого после 15 июня 1942 года.

(2) § § 1–5 и § 7 разд. I постановления о налогообложении и административно-трудовом регулировании рабочей силы из новых оккупированных районов (StVAOst) от 20 января 1942 года (Имперский Вестник Законов I с. 41), а также распоряжение имперского министра труда об административно-трудовом регулировании рабочей силы из новых оккупированных районов от 9 февраля 1942 года (Немецкий Имперский Бюллетень № 37 от 13 февраля 1942 года) недействительны со дня вступления в законную силу этого постановления.

(3) Это постановление распространяет свое действие также на протекторат Богемию и Моравию и присоединенные восточные районы.

Берлин, 30 июня 1942 г.

Председатель

Министерского Совета по обороне рейха

и Уполномоченный по Четырехлетнему плану[4]

Геринг

Рейхсмаршал

Генеральный Уполномоченный

Имперского Управления

Исполняющий обязанности:

Д[окто]р Штукарт

Рейхсминистр и начальник рейхсканцелярии

Д[окто]р Ламмерс

Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.—9 об. Подлинник. Типографская печать.

§ 5

(1) Diese Anordnung tritt am 1. Juli 1942 in Kraft. Zu diesem Zeitpunkt verlieren alle bisher von den Reichstreuhändern der Arbeit erlassenen Lohngestaltungsanordnungen zur Verhinderung einer besseren Entlohnung der ausländischen Arbeitskräfte gegenüber vergleichbaren deutschen Arbeitskräften ihre Geltung; die auf Grund der bisher bestehenden Lohngestaltungsanordnungen der Reichstreuhänder der Arbeit eingeleiteten Strafverfahren können jedoch weiter durchgeführt werden.

(2) Zwischenstaatliche Vereinbarungen und sonstige Sondervorschriften für ausländische Arbeitskräfte bleiben durch diese Anordnung unberührt.

Berlin, den 11. Juni 1942

Der Beauftragte für den Vierjahresplan
Der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz
Sauckel

VERORDNUNG

über die Einsatzbedingungen der Ostarbeiter.

Vom 30. Juni 1942. RGBl. I. Seite 419

Der Ministerrat für die Reichsverteidigung verordnet mit Gesetzeskraft:

Abschnitt I

Begriff des Ostarbeiters

§ 1

Ostarbeiter sind diejenigen Arbeitskräfte nichtdeutscher Volkszugehörigkeit, die im Reichskommissariat Ukraine, im Generalkommissariat Weißruthenien oder in Gebieten, die östlich an diese Gebiete und an die früheren Freistaaten Lettland und Estland angrenzen, erfaßt und nach der Besetzung durch die deutsche Wehrmacht in das Deutsche Reich einschließlich des Protektorats Böhmen und Mähren gebracht und hier eingesetzt werden.

Abschnitt II

Beschäftigungsbedingungen

§ 2

Allgemeine Bedingungen

Die im Reich eingesetzten Ostarbeiter stehen in einem Beschäftigungsverhältnis eigener Art. Die deutschen arbeitsrechtlichen und arbeitsschutzrechtlichen Vorschriften finden auf sie nur insoweit Anwendung, als dies besonders bestimmt wird.

§ 3

Arbeitsentgelt

(1) Die im Reich eingesetzten Ostarbeiter erhalten ein nach ihrer Leistung abgestuftes Arbeitsentgelt.

(2) Die Höhe dieses Entgelts bemißt sich nach der Tabelle, die dieser Verordnung als Anlage beigefügt ist (siehe Seiten 35—37).

(3) Bei der Feststellung des Entgelts, das dem einzelnen Ostarbeiter nach der beigefügten Tabelle zu zahlen ist, ist von den Lohnsätzen (Zeitlohn-, Akkord-, Prämiensätzen) vergleichbarer deutscher Arbeiter (Vergleichslohn) auszugehen.

Besteht ein Teil des Vergleichslohnes in Sachleistungen, so sind diese bei der Ermittlung dieses Lohnes zu den Sätzen zu bewerten, zu denen sie deutschen Arbeitern im Betriebe für den Fall einer Abgeltung in bar in Rechnung gestellt werden.

Sozialzulagen und Sozialleistungen aller Art, die deutschen Arbeitern zustehen, sind bei der Ermittlung des Vergleichslohnes nicht zu berücksichtigen.

Leistungszulagen sind in der gleichen Höhe in den Vergleichslohn einzubeziehen, in der sie bei gleichen Leistungen deutschen Arbeitern im Betriebe gegeben werden. Bleibt der Ostarbeiter in seiner Arbeitsleistung hinter der Durchschnittsleistung eines deutschen Arbeiters zurück, so ist bei der Feststellung des ihm zu zahlenden Entgelts von einem entsprechend verringerten Vergleichslohn auszugehen.

Erschwernis-, Schmutzzulagen u. ä. sind bei der Ermittlung des für das Arbeitsentgelt des einzelnen Ostarbeiters maßgebenden Vergleichslohnes zu berücksichtigen.

(4) Dem Ostarbeiter ist ein Arbeitsentgelt nur für die tatsächlich geleistete Arbeit zu gewähren; doch sind die Bestimmungen über Arbeitsausfall infolge ungünstiger Witterung entsprechend anzuwenden.

(5) Höhere Entgelte, als sich nach diesen Vorschriften ergeben, dürfen dem Ostarbeiter nicht gewährt werden.

§ 4

Zuschläge und sonstige Zuwendungen

Die Ostarbeiter haben, soweit vom Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz nichts anderes bestimmt wird, keinen Anspruch auf Zuschläge zum Arbeitsentgelt für Mehrarbeit, Sonntags-, Feiertags- und Nachtarbeit. Trennungs- und Unterkunftsgelder sowie Auslösungen und Zehrgelder dürfen nicht gezahlt werden.

§ 5

Sachleistungen

(1) Das dem einzelnen Ostarbeiter nach der dieser Verordnung beigefügten Tabelle zustehende Arbeitsentgelt ist am Ende des im Betriebe üblichen Lohnabrechnungszeitraumes nach Abzug des Gegenwertes für gewährte Sachleistungen in bar auszuzahlen. Die vom Unternehmer gewährte Unterkunft und Verpflegung sind nach den Sätzen in Rechnung zu stellen, die sich aus der dieser Verordnung beigefügten Tabelle ergeben. Sonstige Sachleistungen, wie Bekleidung, Schuhwerk usw., sind zu angemessenen Preisen zu verrechnen.

(2) Die Betriebsführer können Fahrtkosten der Ostarbeiter von und zur Arbeitsstätte auf die Gesamtheit der bei ihnen beschäftigten Ostarbeiter umlegen und den in bar nach der Tabelle auszuzahlenden Betrag um diese Umlage kürzen.

§ 6

Entgeltzahlung im Krankheitsfalle

Für die Tage, an denen der Ostarbeiter wegen Krankheit oder Unfall nicht arbeiten kann, ist, soweit nicht Krankenhauspflege gegeben wird, lediglich freie Unterkunft und Verpflegung vom Unternehmer zu stellen. Im übrigen regelt sich die Krankenversorgung dieser Arbeitskräfte nach den Vorschriften, die der Reichsarbeitsminister erläßt.

§ 7

Urlaub und Familienheimfahrten

Urlaub und Familienheimfahrten werden zunächst nicht gewährt. Die näheren Vorschriften über eine Einführung von Urlaub und Familienheimfahrten erläßt der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz.

§ 8

Entgeltabrechnungen

Entgeltabrechnungen sind den Ostarbeitern nicht zu erteilen.

§ 9

Ausnahmen

Die Reichstreuhänder oder Sondertreuhänder der Arbeit können in bezug auf die Berechnung des Arbeitsentgelts Ausnahmen von den Vorschriften dieser Verordnung zulassen.

Abschnitt III

Ostarbeiterabgabe

§ 10

Abgabepflicht

(1) Arbeitgeber, die Ostarbeiter innerhalb des Deutschen Reichs einschließlich des Protektorats Böhmen und Mähren beschäftigen, haben eine Abgabe nach Maßgabe der dieser Verordnung beigefügten Tabelle zu entrichten (Ostarbeiterabgabe).

(2) Landwirtschaftliche Arbeitgeber haben nur die Hälfte dieser Abgabe zu zahlen.

§ 11

Abgabeberechtigung

Die Ostarbeiterabgabe fließt ausschließlich dem Deutschen Reich zu.

§ 12

Steuerfreiheit der Ostarbeiter

Die Ostarbeiter haben keine Lohnsteuer und keine Bürgersteuer während ihrer Beschäftigung innerhalb des Deutschen Reichs zu zahlen.

Abschnitt IV

Sparen

§ 13

Die Ostarbeiter können ihr Arbeitsentgelt ganz oder zum Teil verzinslich sparen; der ersparte Betrag wird in die Heimat überwiesen und steht dort dem Sparer oder dessen Familienangehörigen nach näheren Vorschriften des Reichsministers für die besetzten Ostgebiete oder des Oberkommandos der Wehrmacht zur Verfügung.

Abschnitt V

Ermächtigung

§ 14

(1) Der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz ist ermächtigt, im Einvernehmen mit den beteiligten Reichsministern Vorschriften zur Durchführung, Ergänzung und Abänderung der Abschnitte I und II dieser Verordnung zu erlassen.

(2) Der Reichsminister der Finanzen ist ermächtigt, im Einvernehmen mit dem Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz, dem Reichsminister des Innern, dem Reichsminister für die besetzten Ostgebiete und, soweit es sich um Ostarbeiter handelt, die in der Landwirtschaft eingesetzt sind, mit dem Reichsminister für Ernährung und Landwirtschaft Vorschriften zur Durchführung, Ergänzung und Abänderung des Abschnitts III dieser Verordnung zu erlassen.

(3) Der Reichsminister der Finanzen kann im Einvernehmen mit dem Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz im Verordnungswege die Höhe der sich aus der beigefügten Tabelle ergebenden Ostarbeiterabgabe ändern.

(4) Der Reichswirtschaftsminister, der Reichsminister für die besetzten Ostgebiete und das Oberkommando der Wehrmacht sind ermächtigt, im Einvernehmen mit dem Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz Vorschriften zur Durchführung und Ergänzung des Abschnitts IV dieser Verordnung zu erlassen.

Abschnitt VI

Inkrafttreten Geltungsbereich

§ 15

(1) Diese Verordnung tritt mit Wirkung ab 15. Juni 1942 in Kraft. Die Vorschriften der Abschnitte II und III sind erstmalig auf das Arbeitsentgelt anzuwenden, das nach dem 15. Juni 1942 ausgezahlt wird.

(2) Die §§ 1 bis 5 und § 7 Abs. 1 der Verordnung über die Besteuerung und die arbeitsrechtliche Behandlung der Arbeitskräfte aus den neu besetzten Ostgebieten (StVAOst) vom 20. Januar 1942 (Reichsgesetzbl. I S. 41) sowie die Anordnung des Reichsarbeitsministers über die arbeitsrechtliche Behandlung der Arbeitskräfte aus den neu besetzten Ostgebieten vom 9. Februar 1942 (Deutscher Reichsanz. Nr. 37 vom 13. Februar 1942) treten mit dem Tage des Inkrafttretens dieser Verordnung außer Kraft.

(3) Diese Verordnung gilt auch im Protektorat Böhmen und Mähren und in den eingegliederten Ostgebieten.

Berlin, den 30. Juni 1942.

Der Vorsitzende
des Ministerrats für die Reichsverteidigung
und Beauftragte für den Vierjahresplan
Göring
Reichsmarschall

Der Generalbevollmächtigte
für die Reichsverwaltung
In Vertretung:
Dr. Stuckart

Der Reichsminister und Chef der Reichskanzlei
Dr. Lammers

60. Манифест Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, адресованный всем учреждениям по использованию рабочей силы и Имперскому управлению доверенных лиц в Великогерманском рейхе, дружественных государствах и всех занятых немецкими войсками областях Европы

20 апреля 1943 г.

*Совершенно секретно!**

ИЗВЕСТИЯ
Уполномоченного по Четырехлетнему плану
Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы[5]
Берлин W8, Моренштрассе 65
Выходят по необходимости
№ 4 Берлин, 1 мая 1943 г.

МАНИФЕСТ

Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, адресованный всем учреждениям по использованию рабочей силы и Имперскому управлению доверенных лиц в Великогерманском рейхе, дружественных государствах и всех занятых немецкими войсками областях Европы.

Немецкие мужчины и женщины всех ведомств по использованию труда и Имперского управления доверенных лиц[6] в Великогерманском рейхе, в дружественных государствах и в занятых европейских областях!

Добросовестное исполнение долга в национал-социализме

В безграничной любви и любви к нашему фюреру Адольфу Гитлеру мы торжественно клянемся в его нынешний день рождения полностью напрячь все наши силы, чтобы быть в состоянии выполнить порученные нам важные, решающие для исхода войны задачи использования труда и справедливого регулирования оплаты самым быстрым и сознательным образом в духе требований фюрера в это тяжелое военное время**.

Лишь когда мы подходим к нашим задачам как верные и безоговорочные национал-социалисты и верные последователи фюрера, мы действительно можем полностью справиться с ними.

Я ожидаю поэтому, что ни один чиновник или служащий подчиненных мне инстанций Имперского министерства труда и всех относящихся к нему зарубежных учреждений не будет превзойден кем-либо в исполнении долга, отношении, пунктуальности, рвении, честности в национал-социалистическом духе и уверенности в победе.

Наши ведомства и инстанции на родине и во всех занятых областях еще больше, чем прежде, должны стать выразителями безусловной воли к победе нашего народа, средоточием самой убедительной пропаганды, нашего национал-социалистического мировоззрения, а также культурными центрами подлинной и искренней национал-социалистической народной общности.

Предубеждения против честных компетентных представителей рабочего класса и последние тенденции классовой борьбы должны быть окончательно истреблены в наших учреждениях. Я нигде больше не буду с этим мириться, даже в самой скрытой форме, и равным образом с любым сопротивлением.

Нам предоставлена честь выполнить в отношении нашего бесконечно любимого всеми нами дорогого народа одну из важнейших, ответственнейших, а также прекраснейших и священнейших задач, а именно безупречно руководить его трудоустройством во время войны для сохранения, организации и более высокого развития его жизненных сил. Кроме того, мы должны гарантировать ему лучшие и соответствующие условия труда и справедливое вознаграждение, несмотря на длительную войну и ее суровые будни. Следовательно, наша социальная ответственность сейчас во время войны особенно велика.

В гордом самосознании и безоговорочном сотрудничестве со всеми инстанциями рейха, экономики и особенно военной промышленности, а также нашего вермахта и германской полиции, без какого-либо тщеславия и соображений престижа, мы желаем совместно работать, избегая ненужных трений и конфликтов, для достижения нашей общей военной цели.

Мы всегда фанатично, и в то же время разумно и хладнокровно, желаем внести свой вклад в победу фюрера и нашего народа.

Я требую от каждого чиновника и каждого служащего безусловного повиновения и железной дисциплины. В приемных наших ведомств я требую абсолютной вежливости и доброго отношения к каждому, особенно к женщинам и девушкам.

Грубость и плохие манеры я ни в коем случае не потерплю. Подлостью является издевательское отношение к людям, которым мы предоставляем работу.

Преступления против безупречного поведения наших соотечественников и соотечественниц я буду неустанно расследовать в будущем и наказывать. *Не народ для нас, а мы здесь для народа!*

Я требую впредь, чтобы все мои указы, предписания и распоряжения всегда внимательно читались, добросовестно и максимально быстро выполнялись, а их воздействие постоянно контролировалось. Только в такой дисциплине и единстве всего нашего аппарата лежит залог полного успеха наших усилий. В противном случае они будут напрасны.

Это не имеет совершенно ничего общего с бумажной войной или бюрократией. Руководство же должно быть упорным и постоянно содействовать всему полезному и необходимому, чтобы быть в состоянии обеспечить выполнение все более сложных задач по использованию труда, а также соответствующие условия труда и справедливую его оплату. Поэтому я ожидаю от вас, наконец, чтобы все ведомства для нашей будущей работы внимательно восприняли мою информацию и принципы и с железной последовательностью руководствовались ими во всем рейхе и в занятых нами областях Европы.

Мы фанатично, упорно и решительно желаем, вопреки всем трудностям и препятствиям, привести самую мощную, но в то же время по-человечески морально безупречную и самую справедливую организацию по использованию труда в мировой истории привести в совершеннейшее состояние.

Нашими напряженными усилиями мы хотим обеспечить горячо любимому фюреру, нашему уникальному и прекрасному народу окончательную победу, которая соответствует его праву, его чести и его свободе!

Последующие информацию и принципы, следовательно, все ведомства в будущем должны принять к сведению и наискорейшим образом осуществлять:

1. Тотальное использование рабочей силы

Все без исключения пригодные к труду немецкие рабочие мужского и женского пола в полном объеме ставятся на учет в соответствии с реализацией моего предписания об обязательной регистрации для немецких мужчин и женщин от 27 января 1943 года.

В будущем ни при каких обстоятельствах больше не будет доступных немецких трудовых резервов.

2. Ограничение резервов

Напротив, при продолжающейся войне число немецких рабочих, благодаря необходимым призывам на военную службу солдат из оборонной промышленности в вермахт — с целью восполнения потерь на фронте — будет постоянно сокращаться.

3. Привлечение выздоравливающих солдат

Восполнение для военной промышленности, прежде всего немецкого надзирающего и охранного персонала, в небольшом объеме возможно благодаря привлечению выздоравливающих солдат и офицеров, получивших увечья на войне.

Это необходимо выполнить как можно быстрее и масштабнее (с широким размахом).

4. Тотальная мобилизация трудовых резервов в оккупированных областях

Однако в результате абсолютной необходимости сохранить немецкую промышленную мощь во время войны и существенно приумножить ее, необходимо тотальное использование населения всех занятых в Восточной и Западной Европе областей всецело в пользу немецкой военной промышленности!

Все противостоящие этой императивной необходимости препятствия и трудности до́лжно преодолевать с величайшей энергией.

5. Экономное и рациональное использование этих резервов

Несомненно, что в обозримом времени эти резервы для трудового использования на службе ведения войны Германией будут полностью учтены. Поэтому уже сейчас их необходимо использовать самым рациональным и экономным образом.

6. Научные данные и принципы оптимального использования труда

Из этого необходимо возникают следующие выводы, которым немедленно и постоянно должно уделяться самое пристальное внимание.

а) Немецкий кадровый состав

Все немецкие рабочие и работницы умственного и физического труда, т[о] е[сть] от руководителя предприятия, инженера, мастера, прораба до молодых немецких рабочих, должны на всех предприятиях и рабочих местах использоваться осмотрительно и рационально, т[о] е[сть] на важнейших и соответствующих рабочих местах.

Они образуют корень и основу немецких предприятий в рейхе, в сельском хозяйстве, а также в целом военно-промышленном комплексе.

Как в отношении обеспечения максимального выпуска продукции, так и особенно касательно необходимости поддержания порядка на предприятии и безупречного морального и политического поведения иностранцев, немецкие рабочие и работницы являются решающими и единственно надежными факторами. Это имеет значение также для безопасности предприятий и хода производства. Они незаменимы в целях обучения и наставничества, а также мотивирования иностранцев. Одной из их важнейших задач является также постоянный тщательный, но при этом тактичный надзор за ними. Таким образом, этот крепкий костяк из немецких рабочих на предприятии чрезвычайно важен.

б) Политическое воспитание немцев

Чтобы добиться этой великой цели, необходимо, чтобы все немецкие мужчины и женщины регулярно проходили политическое воспитание. Эта задача лучше всего решается взаимопониманием между НСДАП, Германским трудовым фронтом (DAF)[7] и Национал-социалистическим женским союзом[8] в постоянном взаимодействии с учреждениями по использованию труда. Систематическое просвещение и воспитание наших немецких соотечественников, следовательно, также приобретает решающее значение.

В совместной работе с имперским министерством пропаганды всем предприятиям в рейхе и всем оккупированным областям постоянно предоставляется просветительский и пропагандистский материал.

в) Разработка мероприятий по тотальному переобучению

Однако следует немедленно приступить не только к политическому обучению и воспитанию всех немецких рабочих и работниц, но в той же степени к профессиональному и специальному наставничеству и обучению до той степени совершенства, которую только можно помыслить. Следовательно, тотальная ориентация как политического, так и одновременно профессионального обучения должна быть согласованно направлена на военные нужды.

Мероприятия по переобучению на важные военные специальности должны осуществляться масштабно и самым интенсивным образом.

Эти усилия и затраты обязательно окупятся и уже в скором времени будут щедро вознаграждены.

Главной целью должно быть следующее: ввиду необходимости огромного и связанного с риском привлечения миллионов иностранцев для работы в немецкой военной экономике все имеющиеся в наличии немецкие мужчины и женщины должны воспитываться исключительно как руководящие кадры в политическом и профессиональном плане. Они должны на основе собственного образцового поведения быть гарантами победы на поле трудовой битвы за производительность.

г) Привлечение рабочей силы в оккупированных областях

Поскольку, как было установлено под пунктом 5, людские резервы в оккупированных областях в обозримом будущем также будут учтены в полном объеме, привлечение этих людей к труду должно полностью следовать принципу максимально достижимого экономического полезного эффекта и разума, т[о] е[сть], прежде всего, максимально возможной производительности.

Поэтому необходимо:

1. *При распределении заказов в оккупированных областях с немецкими или иностранными фирмами заключаются только хозяйственные договоры.*
2. *Оплата труда рабочих ненемецкого происхождения в оккупированных районах должна производиться только на основе принципа сдельной оплаты труда. Также при их питании должен применяться принцип выполненной работы, как и при их размещении и прочих услугах.*

Учитывая эти неизбежно необходимые принципы, подлежат проверке в отношении трудовой повинности все имеющиеся и работающие на рейх предприятия в оккупированных областях, и постоянно осуществляется надзор за количеством необходимых для них рабочих и их правильным и экономным привлечением к труду.

д) Создание контрольных комиссий

Для этой цели повсеместно создаются совместные контрольные комиссии из непосредственных участников производства и заинтересованных инстанций.

При всех обстоятельствах следует избегать излишнего привлечения этих контрольных комиссий.

Только бережное использование труда гарантирует эффективную производительность. Было бы принципиальной ошибкой достигать более крупного успеха чрезмерным использованием рабочей силы. Там, где рабочие встречаются в излишнем количестве, они мешают друг другу и оказывают также негативное воздействие на производительность других рабочих, снижая тем самым сознание своей ценности и незаменимости.

е) Последствия для использования труда в рейхе

Только при полном учете вышеупомянутых принципов в оккупированных районах могут быть обеспечены как выполнение трудовой и экономической необходимости для военного производства и сельского хозяйства, так и неминуемо необходимое приобретение или высвобождение достаточного числа рабочих для самого рейха.

ж) Усиленное обучение и переобучение в оккупированных районах

Поскольку наличный состав имеющихся в Европе резервов квалифицированных рабочих востребован полностью, одновременно необходимо приступить к решению задачи обучения и переобучения кадров для металлургических заводов, особенно неквалифицированных и не связанных с соответствующими профессиями рабочих и работниц оккупированных районов. Им необходимо с величайшей энергией прививать навыки профессий, важных для ведения войны. Простого профессионального и механического переобучения, например, иностранных сельскохозяйственных рабочих в рабочих-металлистов, недостаточно. Они должны при привлечении на работу в рейхе или принуждении к ней быть политически грамотными и преданными Германии. Эта волевая подготовка, правда, бесконечно трудна и требует упорной выдержки и трудной воспитательной работы. *Однако она также имеет решающее значение.*

Недостаточно, чтобы такое обучение и просвещение коллективов иностранных рабочих предпринималось только единожды, напротив, это обучение и просвещение должны быть постоянными, и благодаря этому оказывать на них длительное воздействие.

з) Ограничение текучести среди иностранных рабочих

Текучесть рабочих кадров на предприятиях в рейхе и на германских военных заводах в оккупированных районах необходимо всеми средствами предотвращать.

У благонадежных по своей природе рабочих это происходит путем выполнения всех предписаний и директив по поводу обращения с ними.

Эти предписания и директивы, а также дополнения к ним, земельные ведомства по труду и отделы труда должны настоятельно, по меньшей мере раз в квартал, доводить до сведения предприятий и руководителей лагерей иностранных рабочих, а также их персонала. Их фактическое соблюдение должно находиться под постоянным контролем.

Несомненно, получалось так, что там, где иностранцы показывают низкую производительность или совсем оставляют предприятия и лагеря и обращаются в бегство, на эти предписания обращается недостаточное внимание.

Напротив, бесчисленные примеры, несомненно, доказывают, что на всех предприятиях, где к иностранцам относятся корректно и где обеспечивается реализация их прав, достигаются весьма хорошие результаты, и что там меньше всего встречаются нарушения на производстве и недовольство.

Повсеместно там, где учитываются мои предписания и директивы, не только оправданно, но также и необходимо самым строгим образом и без промедления наказывать дурные элементы среди иностранцев, предоставленных в таком громадном количестве в распоряжение немецкой экономики, если они пытаются посеять раздор, омрачить настроение, снизить производительность предприятия или вообще навредить ему. Подобное вмешательство следует безусловно обеспечивать в каждом случае, однако только с помощью ответственных за это сотрудников полиции.

и) Осуществление принципа результативности

Как уже отмечено, предотвращение текучести рабочих кадров на всех предприятиях, также в оккупированных областях, особенно на строительных объектах разного вида и фортификационных сооружениях, имеет решающее значение.

При всех обстоятельствах, также в восточных районах, должен реализовываться принцип результативности, а при использовании труда военнопленных и гражданских рабочих необходимо искоренить то дурное обыкновение, что из целой группы только один плохо работает, а семеро остальных стоят без дела, глазеют и бездельничают.

Часто можно наблюдать такую картину, что назначенные для надзора немецкие рабочие, которые, собственно, должны побуждать и поощрять иностранных рабочих, сами выполняют за них работу.

Этому нетерпимому положению, т[о] е[сть] расточительному использованию рабочей силы, необходимо положить конец посредством систематического контроля за работой военнопленных и иностранных рабочих со стороны караульных команд, как рейхе, так и в оккупированных областях. Весьма важно, чтобы начальствующие военные инстанции постоянно разъясняли караульным командам обусловленные войной и важные для ее исхода необходимые мероприятия, дабы военнопленные приучались к высокой производительности труда. Если мы относимся к ним справедливо и подобающе, мы имеем право в общих интересах сохранения нашей западной культуры и наших условий жизни в отношении борьбы за уничтожение еврейского большевизма требовать от них высокой производительности труда.

Только благодаря энергичному устранению таких недостатков и дурных явлений, мешающих производительности и вредящих морали, в будущем могут быть решены

задачи использования труда в интересах всей военной экономики в рейхе, а также в оккупированных областях Запада и Востока. Поскольку только благодаря привлечению всей рабочей силы и при надлежащем обращении с ней во всех находящихся под защитой Германии областях Европы, только благодаря ее полной эксплуатации, мы можем в длительной перспективе гарантировать выполнение программы фюрера относительно использования трудовых ресурсов и справляться с требованиями Центрального Планирования, имперского министерства по вооружениям и боеприпасам, Четырехлетнего плана, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства и т[ак] д[алее] в рейхе. Только тогда расположенные в оккупированных областях Востока и Запада предприятия сельского хозяйства, дополнительного вооружения, верфей, железнодорожного и дорожного строительства и т[ак] д[алее] могут быть обеспечены рабочей силой в достаточном объеме.

к) Приведение отношения к иностранцам в оккупированных областях в соответствие принципам попечения об иностранцах в рейхе с целью повышения производительности труда

Я приказываю поэтому, чтобы для всех оккупированных областей относительно обращения, питания, размещения и оплаты труда иностранных рабочих издавались соответствующие предписания и директивы, так же, как они действуют для иностранцев в рейхе. Они должны в каждом конкретном случае согласовываться с местными условиями и применяться осмысленно.

В ряде восточных областей местные гражданские рабочие (мужчины и женчины), которые трудятся на немецких военных предприятиях или обслуживают части немецкого вермахта, страдают от недоедания. В настоятельных интересах германского военного хозяйства устранить в этих областях подобное опасное и мешающее производительности положение. Необходимо поэтому добиваться всеми средствами дополнительного питания этих рабочих и членов их семей. Это дополнительное питание необходимо обеспечивать исключительно согласно принципу выполненной работы.

Текучесть рабочей силы в рейхе и в оккупированных областях может быть сведена к минимуму только благодаря бережному обращению и сохранению всех наличных европейских производственных мощностей с одной стороны, и самому строгому сосредоточению, управлению и руководству с другой стороны. Тем самым достигается также стабильная, длительная и надежная производительность труда.

При этом иностранные рабочие, которые работают в рейхе, и население в оккупированных областях, которое привлекается к несению немецкой военной повинности, должны утвердиться в чувстве, что в их интересах честно трудиться для Германии, и что только в этом они могут видеть единственную гарантию страхования их жизни.

Они должны получить абсолютную уверенность в справедливости немецких учреждений и своих немецких работодателей. В то же время они должны знать, что на их низкую производительность труда, дурное поведение и т[ак] д[алее] не будут закрывать глаза, но что их будут неумолимо и сурово наказывать.

7. Принципы работы служебных инстанций Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы

За прошедший 1942/43 год удалось своевременно поставить несколько миллионов новых иностранных рабочих для немецкой экономики. Кроме того, из само́й немецкой хозяйственной жизни, благодаря внутризаводскому, межпроизводственному и межрайонному выравниванию, профилактическим мерам, переподготовке и обучению,

а также выполнению постановления об обязательной постановке на учет от 27 января 1943 года, в распоряжение было предоставлено много миллионов новых рабочих.

Изложенные в моей программе от 20 апреля 1942 года принципы и принятые с тех пор распоряжения и директивы зарекомендовали себя в лучшем виде.

Даже если сейчас численность поддающейся учету рабочей силы в Европе для немецкой военной экономики сильно сократилась, то в будущем, несмотря на это, задачи использования труда должны быть безусловно выполнены.

На основании поручения, данного мне фюрером и его Уполномоченным по Четырехлетнему плану, господином рейхсмаршалом Великого германского рейха, и моих полномочий я требую от всех служащих учреждений по использованию труда и Управления доверенных лиц беззаветной преданности нашей общей, становящейся все более трудной, задаче, решающей для исхода войны.

Все мужчины и женщины в наших ведомствах должны с несокрушимой волей и скрупулезной тщательностью исполнять свой долг. Обнародованные мною принципы и обязательные для исполнения предписания должны точнейшим образом соблюдаться и безоговорочно проводиться в жизнь. Поскольку только благодаря тотальной концентрации всех доступных нам, но весьма ограниченных сил, только благодаря крайнему напряжению нашего умения и воли, возможно справиться с кажущимися почти невозможными задачами, которые поставлены перед нами.

Время теоретических размышлений и дискуссий об использовании труда и его методов окончательно прошло. Лишь общая твердая воля и согласованная, напряженная работа ведут нас к намеченной цели.

Я вновь требую безусловного исполнения всех задач и обязанностей, которые вменяются переданным в мое распоряжение учреждениям имперского министерства труда и его заграничных филиалов. *Я повторяю поэтому еще раз в конце этого манифеста: Решающий момент для решения наших задач заключается в понятном и правильном заботливом отношении ко всем немецким соотечественникам и соотечественницам, которые входят в контакт с нашими учреждениями. Произвол, необъективные придирки, грубость и невежливость или даже оскорбительные выражения совершенно недостойны чиновников и служащих немецких трудовых и социальных учреждений.*

Помимо этого, каждый чиновник и служащий немецкого ведомства по труду, как внутри страны, так и вне ее, особенно в период войны, должен заботиться о безупречном и образцовом поведении. Мы должны относиться к немцам из всех слоев народа, с которыми мы контактируем в официальном и неофициальном порядке, с полной учтивостью. Мы должны любезно и доброжелательно предоставлять себя в распоряжение всех соотечественников, которые обращаются к нам с просьбой или за советом. Даже к визитам неприятных просителей следует относиться абсолютно корректно. Таким образом, Управление по использованию труда окажет большую неоценимую услугу немецкому народу и его великому фюреру не только выполнением чисто профессиональных задач, но и укреплением всеобщего доверия к социальной справедливости в Великом германском рейхе. Это всеобщее доверие нашего народа к служебным инстанциям ведомства по труду также является предпосылкой победы.

8. Будущие задачи использования труда

Перед нами лежит недвусмысленная и ясная цель:

1. Немецкой военной промышленности рейха в целом и всем оккупированным областям должна предоставляться вся необходимая рабочая сила, т[о] е[сть]

необходимо компенсировать не только естественное сокращение рабочей силы вследствие смерти, болезни или призыва в вермахт, а новые заводы и требуемые фюрером программы расширения должны постоянно обеспечиваться новой рабочей силой.

2. Производительность труда немецких и иностранных рабочих должна быть доведена до максимально возможного уровня и сохраняться на нем.
3. Предпосылками для достижения этого являются рациональная забота, твердое воспитание, тщательное обучение немецких и иностранных рабочих, а также их бережное, осмысленное и целесообразное использование.

Справедливость, разум, дисциплина и порядок, а также собственное образцовое поведение являются теми трудно поддающимися учету факторами, которые должны постоянно осознаваться учреждениями и службами по использованию труда при выполнении своих неимоверно трудных и ответственнейших задач.

Все наши ведомства по труду и служебные инстанции должны быть и оставаться твердынями фанатичной веры и воли к победе

В завершение я ожидаю, что все чиновники и служащие вверенных мне служебных инстанций в рейхе и в оккупированных областях *осознаю́т неизменную верность нашему единственному фюреру и любовь к нашему великому Адольфу Гитлеру и служат ему верно и ревностно как во времена величайшего успеха, так и особенно в период тяжелейших испытаний с напряжением всех сил, ибо он воплощает в себе смысл и судьбу нашего превыше всего любимого немецкого народа.*

В самолете над оккупированными советско-русскими территориями, 20 апреля 1943 г.

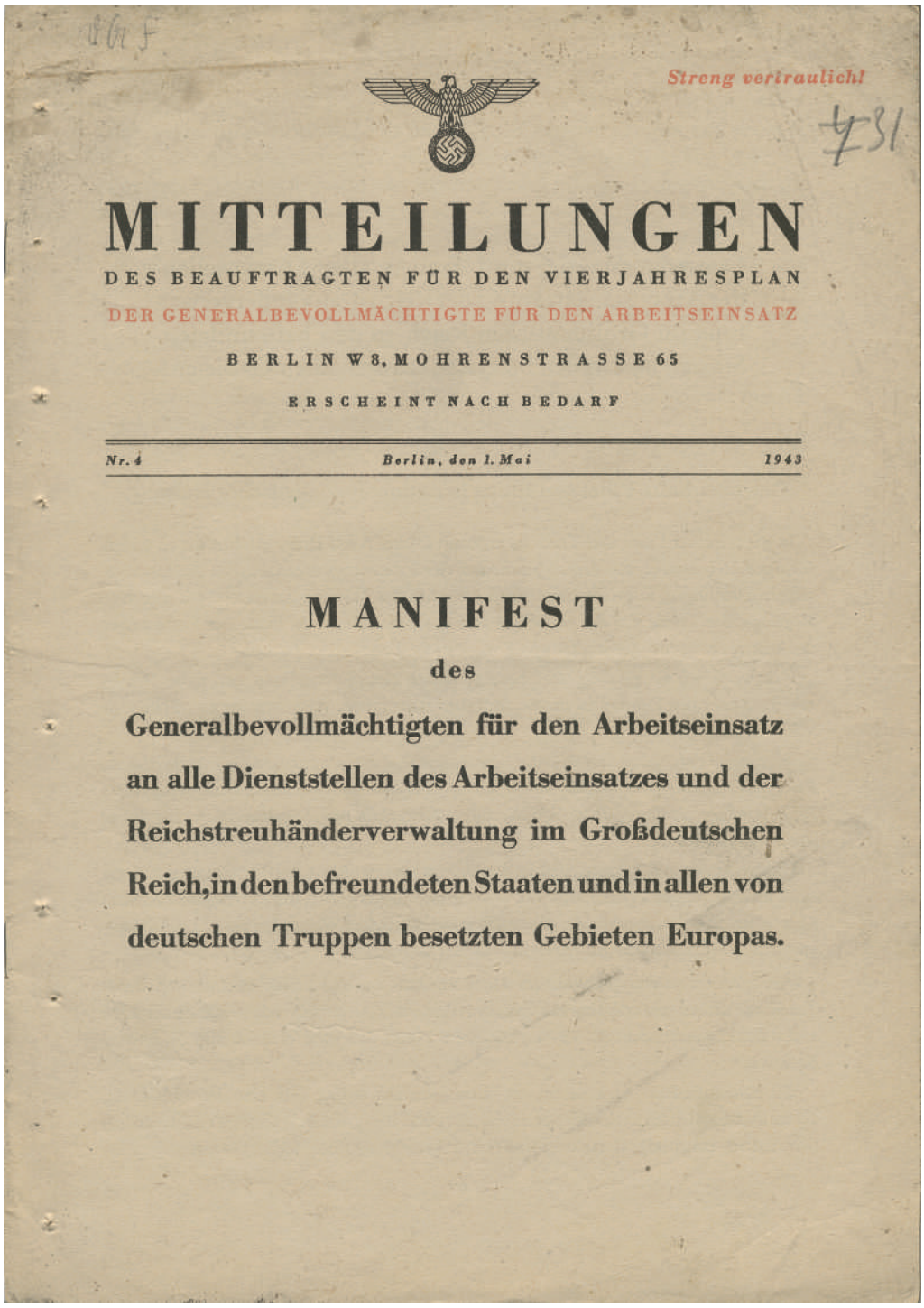
Фриц Заукель,
Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–36. Подлинник. Типографская печать.

---

* Выделение курсивом и полужирным шрифтом в соответствии с документом.

** Сохранена стилистика документа.



Streng vertraulich!

4731

MITTEILUNGEN

DES BEAUFTRAGTEN FÜR DEN VIERJAHRESPLAN

DER GENERALBEVOLLMÄCHTIGTE FÜR DEN ARBEITSEINSATZ

BERLIN W 8, MOHRENSTRASSE 65

ERSCHEINT NACH BEDARF

Nr. 4 — Berlin, den 1. Mai — 1943

MANIFEST

des

Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz an alle Dienststellen des Arbeitseinsatzes und der Reichstreuhänderverwaltung im Großdeutschen Reich, in den befreundeten Staaten und in allen von deutschen Truppen besetzten Gebieten Europas.

61. Циркулярное письмо Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы гауляйтерам НСДАП

*Не ранее 5 февраля 1943 г.**

Циркулярное письмо
всем гауляйтерам НСДАП как
уполномоченным по использованию рабочей силы

По поводу: Обращение с иностранными рабочими и рабочими-инородцами и попечение о них.

1. Одной из самых трудных задач, которой я должен был заниматься почти год после возложения на меня обязанностей по поручению фюрера относительно использования рабочей силы, было обращение с иностранными рабочими и рабочими-инородцами и попечение о них.

Несколько миллионов из них тем временем прибыли в рейх и заняты на работах.

Большая часть из них освоилась на новом месте и прибрела трудовые навыки. Производительность их труда составляет от 65 до 100% производительности труда немецких рабочих.

В связи с само собой разумеющимся еще большим ростом производственной программы нашей военной экономики и особенно вооружений, я обязан, согласно поручению, привлечь и принять на работу еще большее количество иностранных рабочих и работниц с востока и запада Европы для рейха.

2. Относительно обращения, питания, размещения, обеспечения одеждой, гигиенического ухода, предотвращея вспышек эпидемий мною безотлагательно совместно с компетентными службами рейха издаются необходимые предписания и директивы.

О них постоянно информируются соответствующие государственные, партийные, военные и хозяйственные учреждения.

Они содержатся, помимо прочего, в официальных «Известиях Уполномоченного по Четырехлетнему плану — Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы» № 1, 2 и 3. Отдельно они изложены в Распоряжении № 4 от 7 мая 1942 года о привлечении, размещении, питании иностранных рабочих и работниц и попечении о них; кроме того, в Распоряжении № 9 от 15 июля 1942 года о проверке жилых помещений, питания, отопления и содержания в исправном состоянии лагеря прикрепленными к нему ремесленниками. Они содержатся также в «Памятке № 1 для руководителей предприятий» об эксплуатации остарбайтеров с приложением норм продовольственного рациона рабочих и работниц, занятых в военной промышленности, гражданской экономике и сельском хозяйстве и, кроме того, в «Памятке № 1 для остарбайтеров».

Настоящим я обращаю внимание на безусловную необходимость и дальше разъяснять на предприятиях важность этих распоряжений и директив, и настойчиво проводить их в жизнь там, где им не уделяется достаточное внимание или где о них забывают.**

Следует, прежде всего, отметить тот радостный факт, что благодаря широкому соблюдению этих предписаний общая производительность иностранных рабочих может считаться удовлетворительной, и что эпидемии, как, например, сыпной тиф, не возникают в большем масштабе.

3. Благодаря принятым принципам и предписаниям использование рабочей силы Германией полностью отличается как от преступных методов использования труда как

плутократических государств, так и от большевистской системы массового террора. В выходящей скоро массовым тиражом брошюре «Европа работает в Германии», которая снабжена богатым наглядным материалом, этот факт будет представлен миру с документальным подтверждением.

После того как я, будучи Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, сделал все для обеспечения обращения с иностранной рабочей силой, соответствующего авторитету и достоинству нашего национал-социалистического рейха, то, с другой стороны, равным образом обязательно, чтобы все компетентные политические, государственные и экономические инстанции неукоснительно следили за тем, чтобы иностранные рабочие и рабочие-инородцы также оказались достойными такого обращения и попечения, и не могли причинить какой-либо ущерб нашему производству, трудовой дисциплине, спокойствию и порядку.

Я настоятельно прошу обращать внимание на такие инциденты и предотвращать их благодаря тесному сотрудничеству соответствующих инстанций и иностранных рабочих.

4. Свою точку зрения об обращении и попечении относительно иностранных рабочих и рабочих-инородцев я резюмирую здесь еще раз, соответствующие тезисы моего выступления перед рейхсляйтерами[9] и гауляйтерами НСДАП в Позене 5 февраля 1943 года:

«...Я особо прошу, однако, рейхсляйтеров и гауляйтеров о понимании того, что я как уполномоченный Адольфа Гитлера и Германа Геринга, все свои силы отдаю за то, чтобы сейчас, когда мы ведем самую суровую и безжалостную решающую борьбу в мировой истории и наши солдаты под руководством Адольфа Гитлера покрывают свои знамена славой и честью, использование труда Германией при всех военных невзгодах и вопреки неслыханным ограничениям, которые должен возложить на себя наш собственный любимый народ, принципиально отличалось от той бесстыдной и жестокой эксплуатации, практикуемой плутократическим, капиталистическим мировым зверем, благодаря которой наши противники наживали свое проклятое богатство, используемое ими сегодня для нашего уничтожения.

Немецкий труд должен быть достойным чести нашей нации, принципов нашего мировоззрения и, прежде всего, нашего фюрера **своими высокими стандартами.**

Вы должны быть убеждены, что ни сентиментальность, ни романтика не руководят моими мероприятиями и распоряжениями, а только трезвое размышление и чистый разум. Первой и исключительной целью моей деятельности должен быть максимально возможный успех использования труда.

Первой предпосылкой для этого, однако, является осознание нашими немецкими соотечественниками и соотечественницами необходимости всемерного личного участия в труде ради военных задач и их твердая вера в то, что национал-социализм предоставляет единственно возможную гарантию того, чтобы немецкому работнику умственного и физического труда была обеспечена социальная справедливость как единственное мерило всех усилий на ниве труда. Немецкий труженик должен быть непоколебимым гарантом производительности и безопасности на всех немецких предприятиях и примером для рабочих-инородцев. Для этого, рейхсляйтеры и гауляйтеры, мне необходимы ваша помощь и поддержка в организациях и гау партии. Без них я обречен на неудачу.

Не только честь и авторитет, еще более наше национал-социалистическое мировоззрение требует, в противоположность методам плутократов и большевиков, разумного и **бережного отношения к иностранным – а также даже к русско-советским – рабочим. Истощенные, болезненные, недовольные, отчаявшиеся и исполненные ненави-**

сти рабы никогда не сделают возможным максимальное использование их достижимой при нормальных условиях производительности.

Мое стремление, следовательно, состоит в том, чтобы освободить рабочих-инородцев от всех затрудняющих эффективный труд помех, обеспечив им такие условия труда, чтобы они, сравнив их с условиями, которые они имели дома, были бы в состоянии в определенной степени внутренне примириться с их эксплуатацией у нас.

Людей нельзя сравнивать даже с самой сложной машиной, которая, помимо источника энергии или горючего, нуждается также в смазочном масле, и за которой я должен организовать тщательный уход. Даже самый примитивный человек имеет психическую жизнь, свой характер, без учета которых немыслима удовлетворительная, максимально длительная работоспособность. Поскольку мы долгие годы будем нуждаться в иностранных рабочих, а возможности их замены весьма ограничены, я не могу их эксплуатировать в краткосрочном порядке и растрачивать впустую их трудоспособность...».

Фриц Заукель

Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 38 об.—39 об. Подлинник. Типографская печать.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

** Выделение полужирным шрифтом в соответствии с документом.

62. Постановление Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы о трудовой книжке для иностранных рабочих

1 мая 1943 г.

На основе закона о введении трудовой книжки от 26 февраля 1935 г. (Имперский Вестник Законов I с. 311) § § 1 и 5 вместе с постановлением об издании правовых актов Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы от 25 мая 1942 г. (Имперский Вестник Законов I с. 347) предписывается:

§ 1

(1) Занятые на территории рейха, за пределами протектората Богемия и Моравия, иностранные рабочие (работники и служащие) подчиняются предписаниям постановления о трудовой книжке от 22 апреля 1939 г.— ArbVO.— (Имперский Вестник Зак. I с. 824) в соответствии со следующими определениями.

(2) Иностранцами по смыслу этого постановления считаются все лица ненемецкого гражданства, кроме того, граждане протектората, подзащитные граждане (Schutzangehörigen — т[о] е[сть] граждане оккупированных районов), лица без гражданства и лица с неопределенным гражданством.

§ 2

(1) Иностранные рабочие получают “Трудовую книжку иностранца” особого образца.

(2) Трудовая книжка иностранца официально выдается ведомством по труду.

§ 3

(1) Иностранный рабочий или служащий обязан при приеме на работу незамедлительно передавать трудовую книжку владельцу предприятия. До приема на работу и после ее окончания он обязан добросовестно хранить трудовую книжку и носить ее с собой.

(2) По требованию отдела труда ему также в любое время предъявляется или пересылается трудовая книжка.

(3) Другим служебным инстанциям по запросу обеспечивается ознакомление с данными трудовой книжки.

§ 4

При прекращении работы владелец предприятия после внесения необходимой отметки в трудовую книжку до возвращения владельцу предъявляет ее в отдел труда для внесения официальной записи о прекращении трудовых отношений.

§ 5

Другие, нежели предписанные или разрешенные в особом порядке Генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы записи, не должны вноситься в трудовые книжки для иностранцев. Служебные записи о работе и личном поведении работника или служащего допускаются по особому распоряжению Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы.

§ 6

Провоз трудовой книжки иностранца за границу запрещен. Владелец трудовой книжки обязан вернуть ее в ведомство по труду, если он покидает территорию рейха.

§ 7

Для учета занятых на территории рейха иностранных рабочих на основе картотеки трудовых книжек в Берлине учреждается и непрерывно ведется центральная картотека. Центральная картотека содержит основные данные трудовой книжки иностранца о личности и занятии ее владельца.

§ 8

(1) Кто нарушает предписания § § 3–6 умышленно или по халатности, наказывается денежным штрафом до 150 рейхсмарок или арестом, если уголовным кодексом не предусмотрено более суровое наказание.

(2) Ведомство по труду может принуждать владельцев предприятий и ответственных за ведение трудовых книжек к соблюдению предписаний § § 3 или 4 посредством штрафа до 150 рейхсмарок.

(3) В остальном действуют санкции уголовно-правовых норм § § 27–29 ArbVO.

§ 9

(1) Это постановление вступает в силу на восьмой день после опубликования. Оно действует также в присоединенных восточных областях.

(2) Предписания этого постановления о ведении трудовой книжки иностранца применяются, если ему выдана трудовая книжка иностранного рабочего или служащего.

Берлин, 1 мая 1943 г.

Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы

Фриц Заукель

Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 39 об.–40. Подлинник. Типографская печать.

satzes für die Kriegsaufgaben durchdrungen sind, und daß sie fest und unerschütterlich daran glauben, daß der Nationalsozialismus die einzig mögliche Garantie dafür bietet, daß dem schaffenden deutschen Menschen der Stirn und der Faust die soziale Gerechtigkeit als alleiniger Maßstab aller Maßnahmen auf dem Gebiet des Arbeitseinsatzes verbürgt bleibt. Der schaffende deutsche Mensch muß der unerschütterliche Garant der Leistung und der Sicherheit, Vorbild und Ansporn in allen deutschen Betrieben gegenüber den fremdvölkischen Arbeitskräften sein. Dazu, Reichsleiter und Gauleiter, ist mir Ihre Hilfe und Unterstützung in den Organisationen und Gauen der Partei unerläßlich. Ohne sie müßte ich scheitern.

Nicht nur die Ehre und das Ansehen und noch viel mehr unsere nationalsozialistische Weltanschauung verlangen im Gegensatz zu den Methoden der Plutokraten und Bolschewisten **eine pflegliche Behandlung der fremden — also auch selbst der sowjetrussischen — Arbeitskräfte, sondern vor allem auch die kalte Vernunft. Unterernährte, dahinsiechende, unwillige, verzweifelte und haßerfüllte Sklaven ermöglichen niemals eine höchste Ausnutzung ihrer unter normalen Bedingungen erzielbaren Leistungen.**

Mein Bestreben besteht daher darin, bei den fremdvölkischen Arbeitern alle leistungshemmenden Momente dadurch zu beseitigen, daß ich ihnen solche Arbeitsbedingungen gewährleiste, daß sie bei einem Vergleich mit den Bedingungen, die sie bei sich zu Hause hatten, sich mit ihrem Einsatz bei uns einigermaßen innerlich auszusöhnen in der Lage sind.

Menschen sind nun einmal nicht selbst der kompliziertesten Maschine vergleichbar, die ja neben der Energiequelle oder dem Betriebsstoff auch Schmieröl braucht, und der ich eine sorgfältige Pflege angedeihen lassen muß. Auch der primitivste Mensch besitzt ein Gemütsleben, einen Eigenwillen, ohne dessen Berücksichtigung eben eine zufriedenstellende, ja beste Dauerleistung undenkbar ist. Da wir aber die fremden Arbeitskräfte jahrelang brauchen und auch deren Ersatz sogar sehr begrenzt ist, kann ich sie nicht kurzfristig ausbeuten und ihr Arbeitsvermögen nicht verwirtschaften lassen. Ich muß sie vielmehr zu erhalten und ihre Leistung dauernd zu verbessern trachten. . . .“

Fritz Sauckel

Im Anschluß an meinem Erlaß
vom 9.11.1942 - Va 5600/69/42

VERORDNUNG
über das Arbeitsbuch für ausländische Arbeitskräfte vom 1. Mai 1943

Auf Grund des Gesetzes über die Einführung eines Arbeitsbuches vom 26. Februar 1935 (Reichsgesetzbl. I S. 311) §§ 1 und 5 in Verbindung mit der Verordnung über die Rechtsetzung durch den Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz vom 25. Mai 1942 (Reichsgesetzbl. I S. 347) wird verordnet:

§ 1

(1) Die im Reichsgebiet außerhalb des Protektorats Böhmen und Mähren eingesetzten ausländischen Arbeitskräfte (Arbeiter und Angestellten) unterliegen den Vorschriften der Verordnung über das Arbeitsbuch vom 22. April 1939 — ArbVO. — (Reichsgesetzbl. I S. 824) nach Maßgabe der folgenden Bestimmungen.

(2) Als Ausländer im Sinne dieser Verordnung gelten alle Personen nichtdeutscher Staatsangehörigkeit, ferner die Protektoratsangehörigen, die Schutzangehörigen, die Staatenlosen und die Personen mit ungeklärter Staatsangehörigkeit.

§ 2

(1) Die ausländischen Arbeitskräfte erhalten ein „Arbeitsbuch für Ausländer“ nach besonderem Muster.

(2) Das Arbeitsbuch für Ausländer wird von Amts wegen durch das Arbeitsamt ausgestellt.

§ 3

(1) Der ausländische Arbeiter oder Angestellte hat das Arbeitsbuch bei der Aufnahme der Beschäftigung unverzüglich dem Unternehmer zu übergeben. Vor Beginn und nach Beendigung der Beschäftigung hat er selbst das Arbeitsbuch sorgfältig aufzubewahren und bei sich zu führen.

(2) Auf Verlangen eines Arbeitsamtes ist das Arbeitsbuch auch diesem jederzeit vorzulegen oder zu übersenden.

(3) Anderen amtlichen Stellen ist auf Verlangen Einsicht in das Arbeitsbuch zu gewähren.

§ 4

Bei Beendigung der Beschäftigung hat der Unternehmer das Arbeitsbuch nach Vornahme der vorgeschriebenen Eintragung vor der Rückgabe an den Inhaber dem Arbeitsamt zur Ein-

40

tragung einer amtlichen Bescheinigung über die Beendigung der Beschäftigung vorzulegen.

§ 5

Andere als die vorgeschriebenen oder vom Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz besonders zugelassenen Eintragungen dürfen im Arbeitsbuch für Ausländer nicht gemacht werden. Amtliche Eintragungen über die Leistungen und das persönliche Verhalten des Arbeiters oder Angestellten sind auf besondere Anordnung des Generalbevollmächtigten für den Arbeitseinsatz zulässig.

§ 6

Die Mitnahme des Arbeitsbuches für Ausländer in das Ausland ist nicht gestattet. Der Inhaber hat das Arbeitsbuch dem Arbeitsamt zurückzugeben, wenn er das Reichsgebiet verläßt.

§ 7

Über die im Reichsgebiet eingesetzten ausländischen Arbeitskräfte wird auf der Grundlage der Arbeitsbuchkartei eine zentrale Kartei in Berlin eingerichtet und laufend geführt. Die zentrale Kartei enthält die wesentlichen Angaben im Arbeitsbuch für Ausländer über die Person und die Beschäftigung des Inhabers.

§ 8

(1) Wer den Vorschriften der §§ 3 bis 6 vorsätzlich oder fahrlässig zuwiderhandelt, wird mit Geldstrafe bis zu 150 RM. oder mit Haft bestraft, sofern nicht nach anderen Strafgesetzen eine schwerere Strafe verwirkt ist.

(2) Das Arbeitsamt kann von Unternehmern und Arbeitsbuchpflichtigen die Einhaltung der Vorschriften der §§ 3 oder 4 durch Zwangsgeld bis zu 150 RM. erzwingen.

(3) Im übrigen gelten die Strafbestimmungen der §§ 27 bis 29 ArbVO.

§ 9

(1) Diese Verordnung tritt am achten Tage nach der Verkündung in Kraft. Sie gilt auch in den eingegliederten Ostgebieten.

(2) Die Vorschriften dieser Verordnung über die Führung des Arbeitsbuches für Ausländer finden Anwendung, sobald das Arbeitsbuch für den ausländischen Arbeiter oder Angestellten ausgegeben ist.

Berlin, den 1. Mai 1943.

Der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz
Fritz Sauckel

VERORDNUNG
zur Durchführung und Änderung der Verordnung über die Einsatzbedingungen der Ostarbeiter.

Vom 5. April 1943.

Auf Grund des § 14 der Verordnung über die Einsatzbedingungen der Ostarbeiter vom 30. Juni 1942 (Reichsgesetzbl. I S. 419) wird im Einvernehmen mit dem Reichsminister der Finanzen folgendes verordnet:

§ 1

Allgemeine Beschäftigungsbedingungen

Der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz kann im Erlaßwege bestimmen, in welchem Umfange und mit welchen Maßgaben die deutschen arbeitsrechtlichen und arbeitsschutzrechtlichen Vorschriften auf die Ostarbeiter Anwendung finden sollen.

§ 2

Entgeltabrechnungen

Dem Ostarbeiter sind von dem Lohnabrechnungszeitraum ab, der nach dem 1. Mai 1943 endet, Entgeltabrechnungen zu erteilen, aus denen sich neben den Berechnungsgrundlagen (Vergleichslohn im Sinne des § 3 Abs. 3 der Verordnung über die Einsatzbedingungen der Ostarbeiter vom 30. Juni 1942) das Gesamtentgelt des Ostarbeiters (Spalte 2 der Entgelttabelle), die Abzüge für Unterkunft und Verpflegung und die Abzüge für sonstige Sachleistungen ergeben.

§ 3

Entgelttabelle

(1) Die der Verordnung über die Einsatzbedingungen der Ostarbeiter vom 30. Juni 1942 beigefügte Tabelle, aus der sich die Höhe des dem Ostarbeiter zustehenden Entgelts und die Höhe der vom Arbeitgeber zu entrichtenden Ostarbeiterabgabe ergibt, wird durch die dieser Verordnung beigefügten Tabelle ersetzt. Die neue Tabelle ist erstmalig für die Berechnung des Entgelts anzuwenden, das für den nach dem 1. Mai 1943 endenden Lohnabrechnungszeitraum ausgezahlt wird.

(2) Der Generalbevollmächtigte für den Arbeitseinsatz oder die von ihm beauftragten Stel-

63. Трудовая книжка иностранца на имя украинца Василия Дякула. (Deutsches Reich. Arbeitsbuch für Ausländer). Германский Рейх

1941 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/47. Подлинник.

64. Памятный листок № 1 для восточных рабочих

*1942 г.**

Уполномоченный по четырехлетнему плану.
Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы.
К № 5780. 28/2068

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОК № 1

Для восточных рабочих

Рабочие! Работницы!

Германская армия освободила вас от сталинского террора и от большевистских еврейских комиссаров.

Большевики, где только могли, разрушили ваши фабрики, уничтожили продовольствие, сожгли ваши усадьбы и дома, лишили вас основ вашей жизни.

Германия может и хочет вам помочь!

В Германии вы получите работу и хлеб, мы гарантируем вам достойное, справедливое и гуманное обращение, если вы будете аккуратно и прилежно работать, и безупречно вести себя.

Следуйте поэтому нижеследующим указаниям:

1. Уважайте нравы и обычаи немцев.
2. С пониманием относитесь к мероприятиям немецких учреждений и руководителей предприятий. Тем самым вы приобретете доверие ваших начальников и облегчите себе пребывание в Германии.
3. Будьте удовлетворены тем, что вам предоставляет Германия. Обращайтесь доверчиво с вашими пожеланиями к вышестоящим над вами начальникам. Они помогут вам наилучшим образом.
4. Охотно выполняйте вашу работу, будьте точными, надежными, тогда Германский рейх поможет вам и позаботится о вас. От того, как вы поведете себя в Германии, будет зависеть обращение с вами.
5. Вы должны быть прилежными, чтобы немец не презирал вас.
6. Германия – страна порядка, чистоты и прилежания. Поэтому подчините себя немецкому порядку, будьте опрятными и следите за своим здоровьем.
7. Поддерживайте порядок в своей среде, избегайте ссор и споров. Выполняйте указания ваших лагерных начальников.
8. Немецкая женщина и немецкая девушка находятся под защитой строгого немецкого законодательства, охраняющего их от посягательств иностранцев. Они для вас неприкосновенны.
9. Не забывайте, что идет война, учитывайте это во всех ваших претензиях.

В отдельности для обеспечения условий вашего труда приняты следующие меры:

Рабочее время в Германии регулируется законом. Однако во время войны обычное рабочее время может быть удлинено. Исходным показателем для установления вашей зарплаты служат сравнительные данные о заработке немецких рабочих. Так как ваши семьи на родине получают пособие, а вы получаете жилье и питание, то вам выпла-

чивают соответственно меньшую зарплату. Но с этой зарплаты вы не платите больше никаких налогов и отчислений. Вы можете откладывать, копить заработки и получать по ним проценты. Сбереженные суммы поступают в ваше распоряжение или пересылаются вашим родным. Накопление заработка происходит посредством наклеивания особых марок на сберегательных карточках, выписанных на фамилии тех или иных рабочих, и выданных им на руки. Таким образом, вы всегда можете знать сумму своих сбережений. По возвращении на родину вы можете в любом удобном филиале соответствующего банковского учреждения обменять эту сберегательную карточку на деньги, получив при этом и причитающиеся вам проценты, но можете через четверть года, или в другие сроки позднее, если пожелаете, переслать сберегательную карточку на родину, где по этой карточке деньги, включая проценты, будут выплачены вашим семьям. Для дальнейших сбережений вам выдадут в Германском рейхе сразу же новую карточку, в случае необходимости несколько. Таким образом, вы можете сделать накопления, которые после возвращения домой послужат основой для различных хозяйственных начинаний, как то: приобретение инвентаря, инструментов, налаживание своего сельскохозяйственного производства и т[ому] п[одобное].

Нецелесообразно брать с собой из своей страны денежные суммы. При этом следует указать, что немецкие денежные знаки, имеющие обращение на оккупированных территориях, в рейхе недействительны, вы не найдете возможности использовать в рейхе и денежные суммы в рублях.

Размещение рабочих обусловлено ограничениями военного времени. Жилье соответствует требованиям уюта и гигиены, имеются помещения для умывания и уборные. Не терпите у себя никаких насекомых, также и в вашем белье /постельном белье/, также и в одежде, и в вещах. Насекомые могут распространять заразные болезни. В результате нечистоплотности вы подвергаете и себя, и своих товарищей опасности заболеть. Прежде всего, опасайтесь вшей. Немедленно сообщайте о вшивости. Никто не будет оштрафован за это! Дезинфекция не повредит ни вам, ни вашим вещам.

Питание, как правило, происходит в специальных, отведенных для этого общих помещениях. В основу рациона питания положены нормы, установленные для гражданского населения Германии. Особые добавки полагаются лицам, выполняющим тяжелую и особо тяжелую работу, а также работающим в рудниках и шахтах. Насколько позволяют военные условия, при составлении меню будут учитывать ваши домашние привычки. Чтобы облегчить переход на немецкое питание, рекомендуется при отъезде в Германию брать с собой по возможности продукты длительного хранения из дома.

Одежду, соответствующую вашей работе, зимнюю и летнюю, обувь, белье, по возможности, также и одеяла, вы должны брать с собой. Возможности обзавестись одеждой в Германии, как и во всех других странах, в связи с войной, ограничены.

В случае заболевания, руководитель производства обеспечит вам помещение и уход. Лечебная помощь представляется больничной кассой бесплатно.

Свободное время вы можете проводить по собственному усмотрению в лагере. Возьмите, поэтому, с собой из дома музыкальные инструменты, игры, ручной инструмент для поделок и т[ак] д[алее].

Для того, чтобы всегда быть готовым к проверке документов, каждый прибывающий в Германию рабочий или работница, должны иметь при себе удостоверения, в которых указаны национальность, имя, место жительства, семейное положение, профессия и т[ак] д[алее]. Владея хорошим удостоверением, вы защищаете себя от путаницы и дополнительных вопросов. Удостоверение с фотокарточкой не обязательно должно быть выдано немецким военным или гражданским учреждением, достаточно

и удостоверения, выданного на русском, украинском или другом языке, содержащего все необходимые данные.

Провоз других печатных изданий всякого рода /книги, русские учебники, газеты, брошюры и т[ак] д[алее]/, а также знаков различия из вашей родной местности, например, частей униформы, нарукавных повязок, кокард и т[ому] п[одобного], не разрешается.

Вы можете постоянно, один-два раза в месяц, писать домой и получать из дома письма. Отправление посылок в настоящее время из-за транспортных затруднений невозможно.

Вы можете – каждый на своем языке – получать специально для вас выходящую еженедельную газету, из которой вы узнаете о самых важных событиях на вашей родине и в мире, дополнительно к радиопередачам, которые передаются специально для вас в обеденный перерыв.

При соответствующем поведении вы можете при длительном свободном времени, в воскресные дни, совершать коллективные прогулки, осмотры или небольшие экскурсии под руководством немцев. Такие экскурсии позволят вам познакомиться с окружающей местностью вблизи от места вашей работы.

Работая в Германии, вы и ваши семьи получите льготы при наделении землей у вас на родине. Для таких льгот и привилегий необходимо будет перед отъездом домой получить справку от ведомства труда о вашей работе в Германии.

Германия старается сделать ваше существование сносным. Будьте благодарны за это и ведите себя в соответствии с вышеизложенными указаниями!

ЗАУКЕЛЬ

Перевел с немецкого Л. Цыпин

ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–11. Подлинник. Машинопись. Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–16. Подлинник. Типографская печать.

---

* Документ датирован по содержанию.

65. Советские граждане, согнанные немцами для отправки в трудовые лагеря. Оккупированная территория СССР. Автор снимка — немецкий фотограф

1941 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19210/15. Подлинник.

66. Отчет руководителя районного отдела Германского трудового фронта (DAF) об использовании иностранных рабочих в феврале 1943 г.

2 марта 1943 г.

Кёнигсберг /Пруссия/
2 марта 1943 г.

/Ко 2 пункту/ Особые задачи

В отчетном месяце в рабочий процесс были вовлечены 216 польских и 225 французских гражданских рабочих. Их размещение не вызвало трудностей. Французские рабочие были определены в ремонтные мастерские завода Шихау, польские рабочие — на медицинский склад военного округа и в заводские лагеря.

/К 3 пункту/ Использование иностранцев

Назначенные часы приема иностранцев были определены во всех районных управлениях. Последние события на Восточном фронте заставили насторожиться поляков, восточных рабочих и украинцев. На основе личных наблюдений я установил, что в част-

ных домах, а также в кафе, которые посещаются иностранцами, эти оборванцы хорошо осведомлены о ходе военных действий на востоке. Мною установлено следующее. Подобные известия приходят из частных домовладений, поскольку наши домохозяйки, у которых работают женщины-иностранки, часами оставляют их одних в домах, а эти работницы определенно пытаются тайком прослушивать какую-либо вражескую радиостанцию. Было бы уместно на собрании домохозяек указать на это обстоятельство.

В воскресенье, 21.02.1943 г., я, совместно с полицией и руководительницей районного отдела миграционной службы фрау Хеккер [Hecker], устроил облаву в клубе для иностранцев на украинца Лапшиса [Lapschies]. Информатор полиции украинец Столарек [Stolarec] раздал в большом количестве всем иностранцам удостоверения на право посещения вышеназванного клуба. Я установил, что этот клуб посещают до 70% восточных работниц. Столарек показал, *что получил от сотрудника гестапо и члена партии Зонненшайна [Sonnenschein]** разрешение на посещение клуба для 50 восточных работников. Контролем установлено, что число посетителей существенно превышает указную цифру. Удостоверения выданы не только находящимся в черте города, но и на территории *района.* /См[отри] удостоверение/. Речь в данном случае идет не об украинце, а и о восточном рабочем, который был задержан в 23 часа на Северном вокзале. И это не единичный случай. В любом случае *выдача этих удостоверений информатором полиции гау должна быть запрещена.*

/К 4 пункту/ Лагерное обслуживание

В отчетном месяце в целом было обследовано 48 лагерей. Перемещения иностранцев из частных квартир в лагеря Германского трудового фронта (DAF) осуществить было невозможно. Лагерь на Диршауэрштрассе заполняется по мере подготовки бараков к заселению. Работы по подготовке лагеря на Ловис-Коринтштрассе частично приостановлены. Только через несколько месяцев лагерь будет готов для заселению. Архитектор, ведущий это строительство, не справляется со своей задачей и, по моему мнению, должен быть заменен другим, более подходящим. Если посмотреть в какой короткий срок подготовили бараки другие ведомства, то можно говорить даже о некоем злонамеренном умысле, тем более что речь идет о бараках, которые нужны самому Германскому трудовому фронту. Так как все больше годных к военной службе мужчин призывается в армию, необходимо срочно размещать иностранных рабочих в больших лагерях и здесь строго контролировать их свободное время.

/К 5 пункту/ Культурное обслуживание

Культурное обслуживание украинцев, восточных рабочих и белорусов возобновлено. В отчетном месяце были показаны 3 комедии и 1 фильм — «Высочайший приказ».

Подпись: Вольф [Wolff]
Руководитель районного управления

Перевел с немецкого Л. Цыпин

ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–14. Подлинник. Машинопись. Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 51–51 об. Подлинник. Машинопись.

* Здесь и далее выделение курсивом в соответствии с документом.

67. По поводу отчета руководителя районного отдела Германского трудового фронта (DAF) об использовании иностранных рабочих в феврале 1943 г.

12 марта 1943 г.

Использование рабочей силы
В Окружное Управление Германского трудового фронта

Кёнигсберг

По поводу отчета об использовании иностранных рабочих в феврале 1943 г.

В Вашем рабочем отчете Вы сообщили мне, что член НСДАП Вольф [Wolff] 21.02.43 г. провел мероприятие в клубе для украинцев в связи с делом Лапшиса [Lapschies]. Установленные Вами факты были для меня более чем интересными. Я сам при случае посещу это заведение, однако прошу Вас взять под постоянный надзор и украинский клуб, и другие подобные заведения.

В приложении пересылаю Вам копию списка лиц, которым наш информатор выдал контрольные карточки на право посещения украинского клуба, так что Вы сразу можете установить, внесен ли пропуск в список.

Присланное Вами удостоверение украинца № 75/43 в списке содержится. Однако здесь речь идет не о восточном рабочем, поскольку данный иностранец прибыл из Генерал-губернаторства.

Приложение

Хайль Гитлер!

Подпись
КВЕДА [Queda], руководитель отдела Германского трудового фронта.

Перевел с немецкого Л. Цыпин

ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 15. Подлинник. Машинопись. Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 52. Подлинник. Машинопись.

68. Пропуск Владимира Лукавецкого на право посещения кафе, отведенного для украинцев

7 февраля 1943 г.

75/43 ПРОПУСК

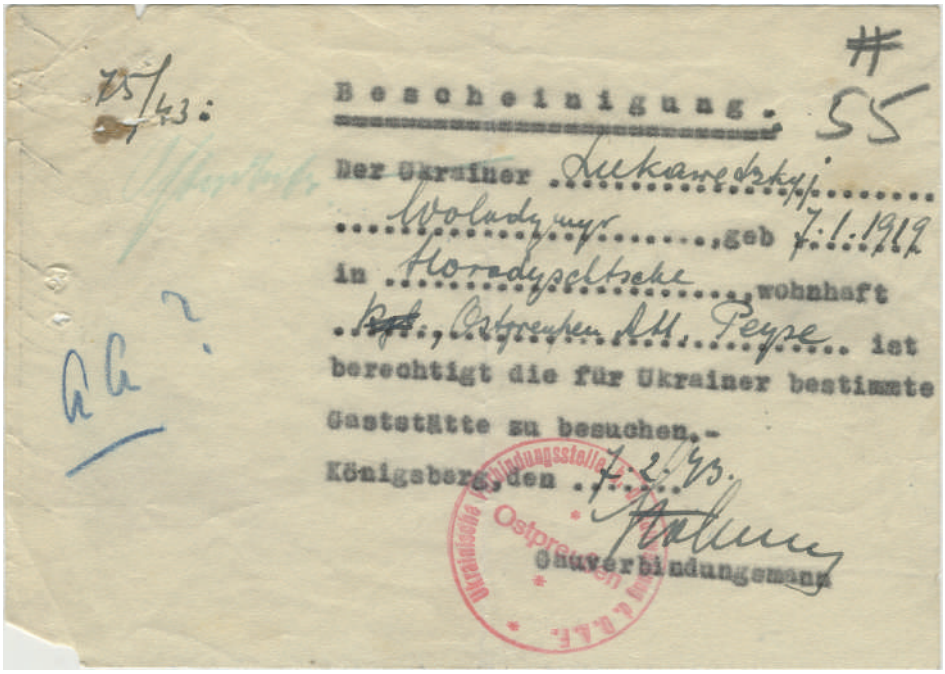
Украинец ЛУКАВЕЦКИЙ Владимир, родившийся 07.01.1919 г. в Городище, в настоящее время проживающий в Пайзе, Восточная Пруссия, имеет право посещать кафе, отведенное для украинцев.

Кёнигсберг. 07.02.1943 г.

Связной гау (украинское бюро)*

Перевел с немецкого Л. Цыпин

ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 20. Подлинник. Машинопись, рукопись. Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.


75/43:

Bescheinigung. # 55

Der Ukrainer Lukawetzky

Wolodymyr, geb 7.1.1919

in Horodyschtsche, wohnhaft

Bez., Ostpreußen Kl. Peyse ist

berechtigt die für Ukrainer bestimmte

Gaststätte zu besuchen.-

Königsberg, den 7.2.43.

Ohnverbindlich

Ukrainische Werbungsstelle Ostpreußen

* Подпись неразборчива.

69. Список задействованной в гау Восточная Пруссия иностранной рабочей силы на 30.09.1944 г.*

30 сентября 1944 г.

Список задействованной в гау Восточная Пруссия иностранной рабочей силы на 30.09.1944 г.

Окружные отделы труда с районами DAF**	Иностранцы в целом, мужчины и женщины	Из них восточные рабочие	Иностранцы – мужчины	Иностранцы – женщины	Из них восточные рабочие (мужчины)	Из них восточные рабочие (женщины)
Алленштайн Найденбург Остероде	20.283	7.734	12.680	7.603	4.003	3.731
Гольдап Ангербург Тройбург	13.407	3.515	8.143	1.834	1.681	1.834
30.06.44 Гумбиннен Эбенроде Шлоссберг	11.653	1.335	6.861	4.792	622	713
Инстербург Ангерапп Гердауэн	15.986	3.065	9.558	6.428	1.231	1.834
Кёнигсберг Замланд Хайлигенбайль Лабиау Велау	68.917	11.588	47.446	21.471	5.492	6.096
Лик Йоханнисбург Лётцен	20.569	8.768	12.299	8.270	4.469	4.299
30.06.44 Мемель Хайдекруг	13.862	1.487	8.052	5.810	630	857
Ортельсбург Рёссель Зенсбург	17.750	5.247	10.917	6.833	2.800	2.447
Пр. Холланд Морунген	8.702	1.150	4.891	3.811	464	686
Растенбург Бартенштайн Пр. Эйлау	16.236	3.945	10.155	6.081	1.768	2.177
Тильзит-Рагнит Эльхнидерунг	19.697	1.663	12.297	7.400	751	912
Хайльсберг Браунсберг	10.167	3.409	5.380	4.787	1.304	2.105
Итого:	237.229	52.906	148.679	88.550	25.215	27.691

Перевод документа: ГАКО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 2. Л. 58. Подлинник. Машинопись.

* Заголовок документа

** Германский трудовой фронт

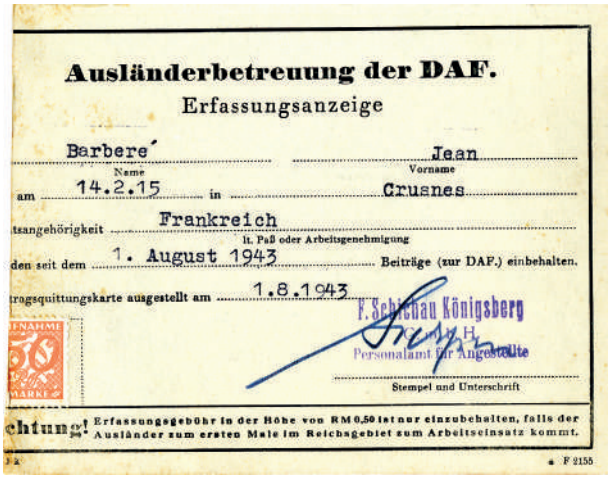
58 #

Liste der im Gaugebiet Ostpr.eingesetzten ausländ.Arbeitskräfte
(Stichtag 30.9.1944)

Arbeitsamtsbezirke mit folgenden DAF-Kreisen:	Ausländer insges. Männer u. Frauen:	davon Ostarbeiter	Ausländer		davon Ostarbeiter	
			m.	w.	m.	w.
Allenstein Neidenburg Osterode Ostpr.	20.283	7.734	12.680	7.603	4.003	3.731
Goldap Angerburg Treuburg	13.407	3.515	8.143	1.834	1.681	1.834
30.6.44 Gumbinnen Ebenrode Schlossberg	11.653	1.335	6.861	4.792	622	713
Insterburg Angerapp Gerdauen	15.986	3.065	9.558	6.428	1.231	1.834
Königsberg Pr. Samland Heiligenbeil Labiau Wehlau	68.917	11.588	47.446	21.471	5.492	6.096
Lyck Johannisburg Lötzen	20.569	8.768	12.299	8.270	4.469	4.299
30.6.44 Memel Heydekrug	13.862	1.487	8.052	5.810	630	857
Oletzko Rossel Sensburg	17.750	5.247	10.917	6.833	2.800	2.447
Pr.Holland Mohrungen	8.702	1.150	4.891	3.811	464	686
Rastenburg Bartenstein Pr.Eylau	16.236	3.945	10.155	6.081	1.768	2.177
Tilsit-Ragnit Elchniederung	19.697	1.663	12.297	7.400	751	912
Heilsberg Braunsberg	10.167	3.409	5.380	4.787	1.304	2.105
Sa:	237.229	52.906	148.679	88.550	25.215	27.691

70. Учетная карточка на Жана Барбере [Jean Barberé], француза, родившегося 14.02.1915 г., завод «Ф. Шихау Кёнигсберг». Управление по использованию иностранной рабочей силы Германского трудового фронта (DAF)

1943 г.



Ausländerbetreuung der DAF.

Erfassungsanzeige

Barbere — Name — Jean — Vorname

am 14.2.15 — in Crusnes

Staatsangehörigkeit Frankreich

lt. Paß oder Arbeitsgenehmigung

den seit dem 1. August 1943 Beiträge (zur DAF.) einbehalten.

Beitragsquittungskarte ausgestellt am 1.8.1943

F. Schichau Königsberg

Personalamt für Angestellte

Stempel und Unterschrift

Achtung! Erfassungsgebühr in der Höhe von RM 0,50 ist nur einzubehalten, falls der Ausländer zum ersten Male im Reichsgebiet zum Arbeitseinsatz kommt.

F 2155

ФКОИХМ. КГОМ 1/51–19400/1. Подлинник.

71. Учетная карточка на Павла Канцмита [Pawel Kanzmit], белоруса, родившегося 10.10.1914 г., фабрика «Крагес и Крите». Управление по использованию иностранной рабочей силы Германского трудового фронта (DAF)

1942–1943 гг.

1 Werke

...der Deutschen Arbeitsfront

Beitragsquittungskarte

Kanzmit — Name — Pawel — Vorname

10.10.14. in Radzimowo

...gehörigkeit Weißruthenen

lt. Paß oder Arbeitsgenehmigung

...abzug ab 1. November 41

Krages & Kriete

Gefolgschaftsabteilung

Stempel und Unterschrift

...scheiden des Ausländers aus dem Betrieb ist die Beitragsquittungskarte zuständige Verwaltungsstelle der Deutschen Arbeitsfront weiterzuleiten!

F 2155

ФКОИХМ. КГОМ 1/51–19400/2. Подлинник.

72. Политдонесение начальника политотдела 11-й гвардейской армии гвардии полковника Д.Ф. Романова начальнику Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майору С.Б. Казбинцеву о положении и настроениях советских граждан, находившихся в Восточной Пруссии

2 февраля 1945 г.

Секретно.

Начальнику Политуправления 3-го
Белорусского фронта
Генерал-майору

тов. Казбинцеву.

Политдонесение

о положении и настроениях советских граждан, находившихся в Восточной Пруссии.

В ходе нашего наступления в Восточной Пруссии освобождено большое количество советских граждан, которые в свое время были угнаны или добровольно уехали на работу в Германию, а также много советских военнопленных.

Из бесед, проведенных с этими людьми, и из документов, захваченных нами, видно, что много советских людей, работавших в сельском хозяйстве в Пруссии, находились в тяжелых условиях и всячески стремились к себе на родину.

23 января в имении помещика Фрица Тисса в Альменхаузене было встречено семь русских семей, которые в августе 1941 года были угнаны немцами из Ленинградской области. Мария Михайловна Тавгина и Евдокия Васильевна Никитина рассказали представителям Красной Армии, что у помещика Тисса, владевшего более 2000 моргенов[10] земли, кроме них работали также две польских семьи и десять советских военнопленных. Работали все от восхода до захода солнца, питание было плохое. За всякие незначительные проступки помещик избивал своих рабочих. Однажды во время укладки сена военнопленный Коробкин помедлил с подачей сена на воз, это увидел хозяин, он подошел к Коробкину и ударил его по спине вожжами и после этого он создал такие невыносимые условия для жизни Коробкина, в результате чего он вскоре умер, и его похоронили в лесу одного, вдали от кладбища.

По рассказам этих женщин в имении соседнего помещика в Пушдорфе русские военнопленные жили еще хуже. Военнопленные, которые теряли трудоспособность, направлялись в лагерь в Остероде, который назывался «лагерем смерти», т[ак] к[ак] оттуда никто не возвращался [...]

Фекла Фоминишна Гаврилова из Витебской области рассказала представителям Красной Армии:

> «Меня с дочкой, с племянником 8 лет и сестру с двумя ребятишками весной 1944 года немцы насильно угнали в Германию. Ехали около месяца, вагоны были переполнены людьми. В пути нам не давали воды и многие от голода и болезней умерли. После приезда нас распределяли как скот по помещикам. Я попала работать к помещику Смайлюс. Работала от зари до зари, но нам ничего не платили.

Получали мы на неделю 1,5–2 кг хлеба, кроме водяной
похлебки нам не варили другой пищи. Помещик бил нас чем попало.
Моя сестра и племянник умерли от этих мук, а мы едва дожили до
вашего прихода».

В деревне Викбольд найдены письма, адресованные советской девушке Лидии Адамюк, работавшей у прусского кулака. Эти письма раскрывают настроения отдельных категорий советских людей, вывезенных на работы в Германию.

В 1943 г. Лидия получила письмо от своей сестры с Украины, в котором та пишет:

«Сестричка, не печалься, может скоро увидимся, так как у нас
говорят, что будут брать в Германию 1927 и 1928 гг. рождения.
Вот такие дела».

Вскоре эта сестра — Мария — тоже попала в Пруссию и в письме от 17 июля 1944 года она пишет:

«Началась большая свадьба и очень слышно, как барабанят в
барабаны. Наверное, Коля Федоров недалеко от нас» / речь
идет о наступлении Красной Армии в Белоруссии/.

В другом письме от 18 августа 1944 года она пишет:

«... но я-то никакого веселья в жизни не имею и только все
работа да работа, и даже в воскресенье я никуда не хожу, и ко мне
тоже никто не приходит».

Мария Михалюк, тоже находившаяся в Пруссии, пишет много трагичных писем своей подруге Лидии Адамюк. 12.03.[19]44 г. она пишет:

«Желаю всего наилучшего в твоей молодой и разбитой жизни в
чужой стороне, где так тяжело живется. Я эту жизнь буду помнить до смерти».

В другом письме она пишет:

«Дорогая подруга, не скучай и не горюй так много, все равно
домой не пустят. Может быть, мы когда и дождемся своего и
на них, на немцев, будет какая погибель».

«... Работу тут, подружка, никогда не переработаешь. Я с одним
украинцем дрова режу и колю, молочу, брюкву и бураки из
погреба таскаю, все, все делаю и все думаю, когда мы выберемся
из этого пекла. Если бы теперь удалось попасть домой, то я отцу
с матерью ничего бы не дала работать, а все сама делала бы за
них. Ведь раньше дома так родителей не слушалась, как тут
проклятого немца».

«... Вот какое Петру счастье, что удрал. Теперь он вольный, как
соловей польный. А мы когда вызволимся из этого пекла?! А
может быть, всю свою жизнь придется мучиться здесь. Бог знает,
как все это будет».

Украинец Григорий Сац работал в Кёнигсберге у портного. В своем письме к Лиде Адамюк от 17.02.[19]44 г. он писал:

«Каждую субботу получаю по 12 марок. Работу имею только
одну портняжную. Начинаю работать в 7 часов утра и кончаю
вечером тоже в 7 часов. В субботу работаю только до 3 часов,
потом вольный. В воскресенье тоже целый день вольный.
Гармошки я из дому не брал, на что она мне здесь сдалась.
Сама знаешь, было бы хоть самому хорошо. Здесь только
прожить надо, больше ничего. Если воротимся счастливо домой,
то опять будет все то, что надо».

В деревне Грюнхайде был найден небольшой дневник русской девушки и сделанные ею зарисовки. Эта девушка, как видно из дневника, отправилась в Германию добровольно. 2 ноября 1942 г. она пишет:

«В среду будет три недели моего пребывания в восточно-прусской деревне Грюнхайде. Попала я сюда неслучайно. Хотелось заглянуть в жизнь других людей, узнать другую политику, противоположную сталинской, так, как она выглядит на деле».

Попав в чужую страну, эта девушка часто грустит о родине, о своих близких. Она пишет в дневнике:

«Ох, родина мать. Неужели не вступлю на твою пропитанную слезами матерей и кровью сыновей и братьев землю?!»

Никакого удовлетворения своих материальных потребностей она в Германии также, видимо, не получила. Об этом свидетельствует рисунок деревянных бот и подпись к ним:

«Получу я большую зарплату и обновок себе накуплю: юбку из разного рода заплаток и белые клумпы на скором ходу. Осиновая обновка с получки к новому году».

Сделанные этой девушкой зарисовки преимущественно отражают ее настроения грусти: «сторож могилы» – /кот на могильной плите/, «Поляк в пруссаках» – /пленный поляк на работе в Германии/, «памятник погибшим в мировую войну» – и т[ак] д[алее]. И среди этих зарисовок имеется четко нарисованный мавзолей В.И. Ленина.

Наряду с этим, среди советских людей, находившихся в Германии, имеется много таких, которые там скрывались от тягот войны, активно служили немцам и судьбы своей страны, своего народа их не волновали. Эти люди сейчас, попадая к нам, вольно или невольно восхваляют немецкие порядки и не высказывают особой радости по поводу своего освобождения.

Так, 20.01.[19]45 г. нашими войсками была освобождена группа женщин, которые обслуживали в доме отдыха немецких солдат. Бывшая учительница Мценского района Орловской области Парахина Наталья ушла с немцами во время их отступления из-под Москвы в 1941 году. Рассказывая о своей жизни в Германии, Парахина незаметно для себя восхваляла порядки у немцев и хорошее питание, которое она получала там. Описывая свою работу в доме отдыха, Парахина всячески подчеркивала «культуру» немецких солдат, которых она обслуживала.

У Парахиной обнаружено письмо, датированное августом 1944 г., от русского Николая Парфенкова, находящегося также в Германии, который цинично пишет Парахиной о своей хорошей и разгульной жизни у немцев, «... а там дураки пусть воюют».

Все это свидетельствует о том, что при решении многочисленных вопросов, связанных с репатриацией советских граждан из Германии, нужно подходить дифференцированно. Нужно на пересыльных пунктах, где концентрируются в настоящее время все освобожденные граждане СССР, а также подданные других государств, проводить серьезную работу по изучению различных категорий людей.

Начальник Политотдела 11 гв[ардейской] армии
Гвардии полковник *РОМАНОВ [Д.Ф.]*

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 189. Л. 36–40. Подлинник. Машинопись.

73. Копия письма русской девушки, написанного на стене дома помещика в м. Кляйн Батчен (Восточная Пруссия)*

20 января 1945 г.

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ НА СТЕНЕ ДОМА ПОМЕЩИКА В д. КЛАЙН БАТЧЕН.

Здравствуйте, дорогие братья. Как Вы на своей Родине поживаете.

Здесь жила одна русская девушка, работала рабой 2 года в Германии, нам здесь очень плохо, но отсюда никаким путем не вырваться, кто здесь остается, того расстреливают**.

Милые братья, выпустите быстрей нас на волю. Нам здесь очень плохо, задавили работой.

... Это дело делала 1944 год, 22 октября. Кто будет читать это, пошлет моим родным, что я пока жива, но здесь очень тяжело.

АДРЕС: Смоленская область, Батуринский район, Старосельский сельсовет, деревня ПОЧИНОК, ЛУКЬЯНЧЕНКОВА Александра Матвеевна.

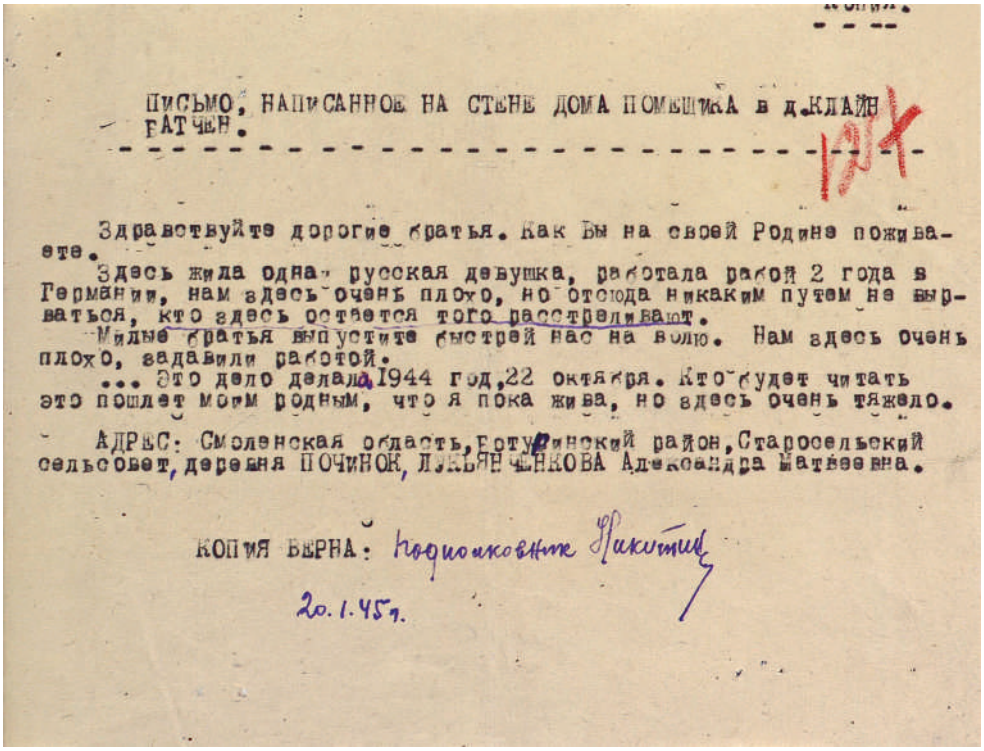
КОПИЯ ВЕРНА: *подполковник Никитин*
20.01.45 г.

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 215. Л. 127. Заверенная копия. Машинопись.

---

* В документе «Клайн Батчен».

** Подчеркнуто в копии от руки.


ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ НА СТЕНЕ ДОМА ПОМЕЩИКА в д.КЛАЙН БАТЧЕН.

127

Здравствуйте дорогие братья. Как Вы на своей Родине поживаете.

Здесь жила одна русская девушка, работала рабой 2 года в Германии, нам здесь очень плохо, но отсюда никаким путем не вырваться, кто здесь остается того расстреливают.

Милые братья выпустите быстрей нас на волю. Нам здесь очень плохо, задавили работой.

... Это дело делала 1944 год, 22 октября. Кто будет читать это пошлет моим родным, что я пока жива, но здесь очень тяжело.

АДРЕС: Смоленская область, Батуринский район, Старосельский сельсовет, деревня ПОЧИНОК, ЛУКЬЯНЧЕНКОВА Александра Матвеевна.

КОПИЯ ВЕРНА: подполковник Никитин

20.1.45 г.

74. Интервью с Л.М. Голиковой, бывшей работницей принудительного труда*

3 февраля 1991 г.

Интервью с Голиковой Людмилой Михайловной, 1920 года рождения, русской, беспартийной, проживающей по адресу: г. Калининград [...]

«Я сама из Ярославля. Город в оккупации не был, а я вот попала в плен в начале сентября 1941 г. С началом войны я пошла на курсы сандружинниц (где-то в конце июня). Как-то раз вызвали в райком, спросили, умею ли я пользоваться санитарной сумкой. Сказали, что отправляют на месяц. Посадили нас в товарняки (от нашего района было 700 человек), привезли на Валдай. Надо было строить противотанковые рвы. Бомбили — страшное дело. Мужики бомбежек боялись больше, чем женщины. Отстроили эти укрепления дней за двадцать. Часть людей отправили назад, а часть поехала дальше. Куда — никто не знает, по-видимому, в Калининскую или Великолукскую область. Вот там мы на второй день в плен и попали.

Поезд остановился где-то без станции, нам для больных подали грузовую машину. Приехали в какую-то деревню на большаке. Шофер какой-то мимо проезжал, нам говорит: «куда вы приехали, здесь через 2 часа будут немцы». Какая-то деревня пустая... потом вторая машина проезжает. Тоже нас предупреждают. Странно как-то все это. Мы к начальнику, а тот: «на провокации не поддаваться».

Мы успокоились, пошли за пайком. Только я встала в очередь, вдруг пулеметная стрельба. Я спряталась в картошку. Вдруг слышу: «Стой! Кто идет?». Да голос какой-то не русский. Идет какая-то бабка. Она говорит: «Я, батюшка, домой иду». Идет и оглядывается. Он спрашивает: «Чего ты оглядываешься?» — «Боюсь, ты стрелять будешь».— «Нет, не буду. Я в бою, а ты в плену».

Как он это сказал, у меня все оборвалось. Ну, думаю, все. Народу откуда-то набежало... с нашей стороны и сопротивления-то, по сути, не было. Был один только пулеметчик. Его, конечно, убили. Танки идут и идут, без конца. Самолет сожженный видела.

Немцы шли, нас даже конфетами угощали.

Так мы попали в окружение.

Потом мы с девчонками встретились. Проголодались, стали готовить (даже помню, что — брюквенную кашу с пшеном. Очень было вкусно). И тут наши стали бомбить. От фугасок и зажигалок все в деревне выгорело. Мы решили уходить к фронту.

Сколько мы ходили!.. Один раз на минное поле зашли. Патрули немецкие нам кричат: «Мины! Мины!» Обстреливали нас.

Ходили мы так, пока заморозки не начались. Все хотели пробраться к своим.

Один раз немцев обманули. Попросились на машину, сказали, что мы из Холмска. Они нас довезли и сдали в комендатуру. Сидели там, немцы нас кормили (300 г хлеба в день и пахта). Вместе с нами были беженцы. Нас иногда использовали как рабочих (снег расчищали и прочее).

Ближе к лету 1942 года нас вывезли, поместили всех в товарняки и повезли до Пскова. В Пскове пересадили в пассажирские вагоны. Доехали до границы. Там высадили, заставили пройти дезинфекцию. Потом опять в вагоны, и повезли дальше. Кого куда.

Нас привезли в Кёнигсберг, на нынешний Южный вокзал. Все немки такие нарядные ходят, в горжетках, а мы... стоим, за этого немца держимся, который нас привез. Потом сидели в общем зале, под крышей на перроне. Сидим (нас человек 20), плачем. Страшно, все чужое. Фрау эти ходят такие напыщенные. Последнее, что осталось от

России,— это вот этот немецкий солдат, который нас привез и который скоро от нас уйдет. Какая-то старушка, помню, подошла к нашему солдату, о чем-то спросила. Наверное, думала, что он нас обижает.

Потом нас привезли в арбайтсамт (рабочий отдел), где-то в центре города он размещался. Выдали нашивки голубого цвета, белым было написано «Ost». Вскоре меня вызвали, показали хозяйке. Ей лет 35–36 было. Улыбнулась она мне.

Сели мы в трамвай. Я там увидела девочку, с которой вместе ехала в поезде, обрадовалась, стала говорить. Хозяйка мне: «Нельзя!». Оказывается, нам в трамваях ездить было запрещено. Если бы кто увидел, у хозяйки были бы неприятности.

Поехали мы. Наш «Штрассе дер СА» (нынешняя улица Фрунзе)[11], под аркой был дом № 10 (я потом ходила смотреть, дом этот не сохранился, осталась телефонная будка, я по ней место узнала). Дом пятиэтажный был, квартира находилась на 4 этаже. Три комнаты. Богатая была семья. Хозяина звали *Алоиз*** Зайтц, он служил где-то в Литве. Хозяйку звали Эрне. Трое детей: сын Йохим, 16 лет (он жил где-то отдельно, был трубочистом), дочка Кэтхен, 12 лет и самый младший — мальчик Ганс Йориген, лет 2, 5, Буце.

В честь моего приезда был накрыт стол в большой комнате, хозяйка положила столовые приборы. Я с перепугу взяла нож и вилку наоборот. Девочка заметила, а я расплакалась, все оставила и убежала.

Хозяйка относилась ко мне очень хорошо. Она учила меня языку. И у меня был небольшой такой словарь. Мои обязанности: утром, когда хозяйка еще спит, я бегу за молоком. На мальчика полагалось 1 л цельного молока, на взрослых — по 0,5 л пахты. Все это было по талонам. Затем варю девочке кофе, готовлю ей завтрак, и она отправляется в школу.

Потом поднимаю шторы темные (для светомаскировки). Ежедневно была влажная уборка. Хозяйка сама показала, как нужно убирать, как застилать постель. Она мне платила 10 марок 20 пфеннигов. Потратить же я их ни на что не могла, кроме лимонада, так как все абсолютно было по карточкам.

Готовила она сама. Ели в кухне все вместе, и я тоже. Фактически я была как член семьи.

В мои обязанности также входило одевать малыша. Поначалу он капризничал, вырывался. Потом привык и даже полюбил меня. Это я его лимонадом приворожила. Деньги ведь мне все равно тратить не на что было.

Мы с ним ходили гулять на Литовский вал[12]. До чего там было красиво! Вроде бульвара что-то. Помню какой-то бюст. Люди прогуливались. На Литовском валу было гнездо аиста. Я помню песенку, которую я пела маленькому Буце:

«Störch, Störch, du lüder
Pringht du mir ein Bruder.
Störch, Störch, du nester
Pringht du mir ein Schwester».

Буквально это переводится так:

«Аист, аист, ты
Принеси мне братика.
Аист, аист, ты
Принеси мне сестричку».

Ходили мы с ним в зоопарк («Тиргартен»). Там мало что изменилось. Сейчас даже стало красивее, наши надстроили.

Фрау Эрне сочувствовала нашим. Приходит она как-то раз и говорит: «Люци! Я дала вашим талончики на хлеб. Только ты скажи им, чтобы получали хлеб, когда в булочной никого нет». Это она нашим военнопленным карточки дала.

Муж хозяйки был сволочь.

Когда он приезжал, в доме исчезал мир и покой. Тут уже, конечно, ни о какой идиллии за обеденным столом не могло быть и речи. Я видела, что он и фрау Эрне обижает. Она часто плакала, а я за это готова была его убить.

Как правило, к приезду хозяина звали гостей. Тогда накрывали стол в большой комнате. Хозяйка очень хорошо готовила, всегда что-нибудь пекла. Разумеется, что в этом случае меня также за столом не было. Но фрау Эрне никогда не оставляла меня без угощения. Помню, один раз она испекла какой-то необыкновенный пирог. Разрезала его, отложила мне два больших куска и говорит: «Люци, это тебе». Я говорю: «Найн, фрау Эрне, это же вы сделали, ведь теперь видно, что пирог не целый». Она засмеялась, рукой махнула, уложила куски на блюде красиво — вроде так и надо. Из гостей я помню солидного господина — герра Шверендта, владельца фабрики-прачечной. Также приходила сестра фрау Эрне. Ее муж погиб на Украине, осталось двое детей.

Кроме того, что я ненавидела мужа хозяйки, я ненавидела, когда он уезжал. Потому что в этом случае он заставлял меня нести его чемодан на вокзал. В трамвай он мне не разрешал садиться, я вынуждена была тащить этот неподъемный чемоданище, да еще не отставать от него, мужчины обычно ведь быстрее ходят.

А вообще, когда его не было, я ездила в трамвае. Нашивку я не носила. Какой-то значок прицепила (кажется, «Освобожденная Украина»), с ним можно было ходить в кино. Танцев не было. Хотя и выходной у меня был только один, в воскресенье.

Интересно сравнить бытовые хозяйственные приспособления немецких хозяек и наши, теперешние.

Для мытья посуды выдвигался из стола, кажется, каркас с укрепленными в нем двумя тазами. Тазы эти легко вынимались, чтобы можно было вылить воду и тому подобное. В одном тазу посуду мыли, во втором полоскали. Ведра для мусора были с педалью. На кухне стояла газовая плита. Два раза в год выбивались все ковры. Для этого на глухой стене каждого дома располагались привинчивающиеся штанги. Надо — отвинтил, отодвинул от стены. Выбил — поставил штангу на место. Короче говоря, очень продуманно и удобно. Да, ванны в квартире не было.

Всю одежду мне дала хозяйка. Мое только пальто было. Вечерами штопали чулки. У хозяйки их был целый ворох. Работаем, а хозяйка рассказывает, какие раньше были карнавалы. Про поклонников своих рассказывала. Интересно было. Частенько бывало, что сидим, штопаем, а по радио: «Флигер аларм!» («Воздушная тревога!»). Надо идти в убежище.

Соседи ко мне относились хорошо. Одна даже в церковь меня водила. Надо сказать, что мне часто приходилось сталкиваться с критическими настроениями в среде жителей Кёнигсберга. Как правило, это было недовольство на бытовой почве (карточки, возникший дефицит продуктов и товаров), а также бытовые анекдоты, которые знакомые и родственники моей хозяйки рассказывали даже при мне.

Вскоре восточных рабочих стали гонять рыть бомбоубежище (после обеда до вечера). С нами работали еще полячки, они носили букву «P» на желтом фоне. Старшим над ними был герр Лёш [Lösch], он хромал на обе ноги. Говорил, что это его казаки плетками в 1-ю мировую. Он был неплохой, заступился даже за одну девушку, которую била хозяйка: добился, что эту девчушку передали другой хозяйке.

На строительстве бомбоубежища я и познакомилась с нашими ребятами с Украины и из Белоруссии.

Они, в основном, работали, как и я,— в услужении. На заводе «Шихау» (нынешний «Янтарь») было очень много подпольщиков из числа вывезенных на работы. Из волковысских лесов — партизанского края — прибыл человек для организации подполья.

(Правда, это все я узнала уже в гестапо). Им удалось отправить первую партию людей. Дело было поставлено серьезно, потому что ехали на машинах, с пропуском. На границе задержали с проверкой, они вынуждены были принять бой. Оттуда ниточка привела в Кёнигсберг. Гестапо не дремало.

Один из военнопленных, с которым я познакомилась на строительстве бомбоубежища (его звали Лёша), попросил меня достать компас. Я взяла с окна, хозяйский. А компас, как потом выяснилось, оказался детский. Потом этот компас привел гестапо ко мне.

Дали мне задание: организовать группу радистов. Я только одну девчонку и организовала.

Лёша работал у пекаря. Он меня и выдал. Но я его не виню. Его очень сильно избили.

Когда за мной приехало гестапо (февраль 1943 г.), было утро. Я относила посылку. Иду обратно, тороплюсь. Незадолго до этого я познакомилась с двумя чехами, они меня пригласили в оперу. Хозяйка не разрешала, чтобы они приходили (могли ведь подумать, что это к ней мужчины ходят). А они должны утром прийти и сказать, взяли ли они билеты. Поэтому и тороплюсь. А впереди идут двое в штатском, на номера домов смотрят. Из-за них я не могу идти быстро. Я спросила: «Сюда?». А у меня ведь ключи. Они говорят: «Да, сюда». Хозяйка как увидела их — побелела, как потолок. Один показал ей какую-то бляху из кармана.

Хозяйка меня часто предупреждала: «Люци, я тебя прошу, не ввязывайся никуда. Это очень опасно». Я ей обещала.

Гестапо устроило обыск в моих вещах. Я не боялась, потому что никаких улик у меня не было. Я хозяйку успокаиваю, говорю, что это недоразумение, все выяснится и все будет хорошо. Я и сама не верила, что это все всерьез.

Когда меня уводили, малыш сказал: «Я пойду с Люци». Он же ничего не понимал. Хозяйка мне дала свое теплое белье.

Только свернули за угол — машина. Меня предупредили, что разговаривать не разрешается. В машине сидел Лёша, руки его были в кандалах. Вот тут-то во мне что-то оборвалось.

Привезли нас в гестапо. Оно находилось в здании КТИ, вход был с боковой улицы. Меня сразу на допрос. Его куда-то увели.

Допрос, личный обыск. Потом повели на второй этаж, в женское отделение. Сначала поместили в общую камеру. Народу напихано много, нары на полкомнаты. Тут же рядом больные лежат. Окошечко небольшое вверху, под потолком. Душно, тесно. Принесли обед, кусок хлеба с повидлом (немцы называли его мармелад). Всю ночь просидела, заснуть не могла.

Утром меня вызвали на допрос. Одну руку приковали к какому-то парню нашему. Привели в гестапо. Ничего они от меня добиться не могли, потому что я не знала ничего. Подполье было хорошо законспирировано, я знала только Лёшу.

Потом перевели меня на третий этаж, к политическим. В одиночной камере сидело нас 6 человек. Больше меня на допросы не вызывали. На прогулку не выпускали (политическим не положено). Кормили 3 раза в день: на завтрак — хлеб и кофе (суррогат), в обед — суп с брюквой, ужин — хлеб с мармеладом. Спасала нас только соль.

Держали меня там около 1,5 месяцев. Потом отправили в концлагерь. Сначала в Данциг (там мы несколько дней провели в тюрьме); помню остановку в Штеттине, такая бомбежка страшная была, от фосфорных бомб все горело. Конечная остановка — Равенсбрюк.

Машину набивали под завязку, не шелохнуться. Привезли, построили в ряд. Стригли наголо, выдавали полосатые платья, нашивки. Заставили мыться холодной водой. Нашивки были на рукавах и на груди.

Женщины-заключенные сложили песню про этот лагерь, я ее немного помню:

Я живу близ большого Берлина,
Островок, окруженный водой. Там стоит
Небольшая равнина
И концлагерь стоит за спиной.
Тридцать три деревянных барака,
Кухня, лагерь, кацет и ревир.
Наши девушки ходят без яков,
Хоть погода холодной стоит.

Як — это куртка по-немецки. Громко говорить нельзя, иначе били. Были европейские и цыганские бараки с маленькими детьми. Работа наша: уголь разгружали, возили мусор.

Поднимали в 4 утра. «Чай» (просто вода) без хлеба, без ничего. Потом линейка (аппель). Потом санчасть. Но мы знали, что туда обращаться нельзя. Если положат в ревир (санчасть, лазарет), то живым оттуда уже не выйдешь. Врачи лагерные над заключенными всяческие опыты ставили, заражение заносили, вакцины проверяли.

В Равенсбрюке я была не больше месяца. Страшно. Но кормили лучше, чем в других лагерях: суп давали горячий и соль.

Отправили меня в Чехословакию (городок назывался Фалькенау, а концлагерь — Цводау). Там было очень много разных национальностей. Много француженок было, даже были еврейки, но их перед самым приходом наших расстреляли. Как они плакали, как они хотели жить!

В последние дни кормили ужасно: в день давали по 70 г[рамм] хлеба, и все. Соли в пище не было совсем. А ведь я в этом концлагере находилась больше года.

Нас освободили 7 мая 1945 г. англо-американские войска. Одна француженка встретила своего мужа. Чешек отпустили домой, немок тоже. Остались только француженки, польки и мы. Говорили, что будут какие-то уколы делать. Встретила я там Марфушку, с которой сидела в тюрьме в Кёнигсберге.

Вообще это был сумасшедший день. Помню, женщины поймали надзирательниц и обстригли их наголо. Мы хохотали над ними как сумасшедшие. По-моему, это одно из самых сильных средств унижения, тем более женщины.

Позднее пришли русские. Мы их не узнали вначале: погоны, петлицы. Наши повесили лозунг: «Родина-мать ждет вас!». Потом отправили нас в советскую зону оккупации, в городок Бунцлау. Там находился лагерь для репатриированных лиц. В нем мы пробыли до февраля 1946 г. Я работала там в медпункте. Потом Бунцлау передали полякам, и нас отпустили.

Я вернулась в Ярославль. Паспорт на 1946 г. выдали с ограничениями (нельзя было выезжать из города). НКВД следил за мной, проверял с пристрастием. Даже знакомые мне говорили, чтобы я не откровенничала, потому что их расспрашивают, о чем они со мной говорят. Меня вся эта возня обижала до глубины души. Я всю войну мечтала вернуться на родину. В лагере я познакомилась с одной француженкой, так она все меня звала после войны поехать с ней во Францию. Я же мечтала только о доме. А теперь выходит, что после стольких мучений, выпавших на мою долю, меня подозревают как завербованную иностранной разведкой! Это был, конечно, бред, но мне это было больно. Поэтому, когда я получила паспорт на 1947 г., уже без ограничений, я тут же уехала в Ригу к сестре.

В Калининград я переехала в 1959 г. Работала в трамвайно-троллейбусном управлении. В настоящее время на пенсии.

— Скажите, Людмила Михайловна, какие еще у вас остались впечатления от Кёнигсберга? Удалось ли вам попасть в оперу?

— Да, один раз я сходила, с теми самыми знакомыми чехами. Сидели на галерке. Смотрели оперу Бетховена (название я не помню, но знаю, это единственная опера, которую он написал)[3]*. Голоса были слабые (я в этом разбираюсь, у меня ведь сестра тоже в опере пела). Но само здание оперного театра понравилось.

Как-то все культурно было. Трамвай остановится — никогда мужчины вперед не пройдут, обязательно женщин вперед пропустят.

— Людмила Михайловна, я знаю, что Вы пишете стихи. Не осталось ли у вас что-нибудь с военной поры?

— У меня есть стихотворение о концлагере «Равенсбрюк», которое я написала в 1944 г. Вот, послушайте.

КОНЦЛАГЕРЬ РАВЕНСБРЮК
И это тоже жизнь,
Иль это просто сон,
Сон полный ужасов, томления и муки?
Нас здесь страдает целый миллион
В фашистском лагере-кацете[13] Равенсбрюке.
Здесь нет пощады старикам иль детям.
Здесь с молодого станешь стариком.
Плевки, пощечины, пинки и куми-плети —
Все приготовлено фашистским палачом.
И все для нас.
Еще 4 ночи. Еще темно –
Уже кричат: «Аппель!»
В минуту будь готов,
И, что есть мочи, беги на выход,
Где открыта дверь.
В дверях народу нет конца и края,
Стремится каждый пробежать вперед.
Застрянешь — по щеке ударит блоковая:
«Беги скорей, проклятый идиот!»
На улице и холодно, и темно.
В колодках на босую, без чулок
И с непокрытой бритой головою
В ряды становится измученный народ.
Аппель окончен — гонят на работы.
Дают лопаты, и хоть снег, хоть град,
Ведут копать нас ямы на болотах,
Чтобы другим их завтра закопать.
Работай, не зевай, не вздумай оглянуться,
Хоть сил уже нет, хоть потом истекай.
Ведь над тобой патруль,
Он не дает очнуться,
Рычит, как зверь: «Копай, копай, копай!»
И так весь день. Минуты нет покоя.

Ты еле на обед придешь, а там
Покормят несоленою баландою,
Пока несешь — толкают, разольешь.
И только вечером, как прогудит сирена
И блоковая крикнет: «Лагеррюе!»
Ты тихо склонишься к подруге на колени
И разрыдаешься, кляня свою судьбу.
И нежно, словно теплый ветер юга
Она обнимет ласковой рукой
И тихо скажет: «Верь, моя подруга,
Придет расплата скоро с немчурой.
Ведь нет в истории,
Чтоб русских побеждали,
И наши хлопцы, братья и отцы,
Что так отважно Сталинград уж отстояли,
Сейчас в боях как смелые бойцы.
Настанет день в кацете Равенсбрюке,
И всех проклятых палачей СС
Поднимут на штыки могучих братьев руки
Верь, друг мой, скоро
Им придет конец».
И в мыслях снова дом родной на Волге,
Старушка-мать, знакомые места,
И тихий вечер, нежной ласки полный,
Свобода, мир и счастье без конца.

— Да, я обязательно должна сказать, что когда я уже была в лагере, моя хозяйка присылала мне туда посылки, причем старалась положить именно то, что я любила. А я очень любила яблоки. И вот в одной посылке лежит ее письмо, в котором написано примерно следующее: «Милая Люци! Посылаю тебе яблоки. Извини, что там есть подпорченные. Это Буцэ настоял, он сказал, что ты любишь именно такие». Меня это очень тронуло, что малыш помнит меня и помнит, что именно я люблю.

Фрау Эрне писала мне некоторое время. Позднее за мной уже была слежка, а после допроса в НКВД и ночи, проведенной там в камере, без каких бы то ни было оснований, я отвечать ей не могла. Об этом я жалею всю жизнь. Как сложилась ее жизнь дальше — я не знаю. Когда стали бомбить Кёнигсберг, она писала мне, что переехала в город Маркнойкирхен. Видимо, он находился неподалеку от концлагеря Цводау, в котором я находилась после Равенсбрюка, потому что фрау Эрне писала, что, если бы ей разрешили, то она приехала бы меня навестить. Ее и маленького Буце я помню все это время, всю жизнь.

3 февраля 1991 г.

ФКОИХМ. КГОМ2–11898/1. Интервью первых переселенцев, прибывших в Калининградскую /Кёнигсбергскую/ область в 1945–1946 годах. Том 15. Подлинник. Машинопись.
Интервьюирование проводилось членами Калининградского отделения Советской ассоциации молодых историков по заказу Калининградского областного историко-художественного музея в 1991 г.

Частично опубл.: Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб., 2002. С. 9-11.

---

* Интервью взяла научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея Л.Н. Ткачик.

** Курсивом выделено слово, вписанное от руки.

3* «Фиделио».

75. Восточная рабочая Зоя Ивановна Годяева (Бодревская)*. Снимок сделан весной 1943 г. во время принудительных работ в Германии, г. Бохольт, Вестфалия

Весна 1943 г.

ФКОИХМ. КГОМ2–11880/1. Подлинник.

---

* З.И. Годяева прибыла в Кёнигсберг в 1945 г. и осталась в Кёнигсбергской (Калининградской) области.

76. Восточная рабочая, Германия

1942–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/27. Подлинник.

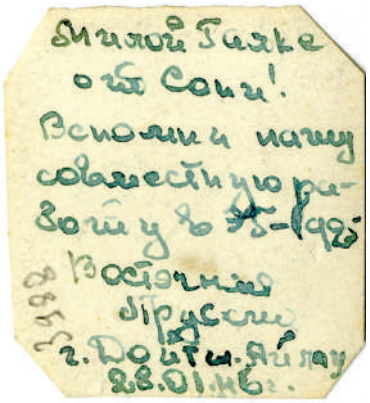
77. Восточный рабочий, Германия

1942–1945 гг.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/11. Подлинник.

78. Бывшая восточная рабочая, г. Дойч-Эйлау, Восточная Пруссия

28 января 1946 г.



ФКОИХМ. КГОМ1–19340/4. Подлинник.

Надпись на обороте: «Милой Галке от Сони! Вспомни нашу совместную работу в Э5-1925. Восточная Пруссия. г. Дойч-Эйлау. 28.01.[19]46 г.».*

* В документе «Дойтш-Айлау».

79. Восточные рабочие из Украины, Германия

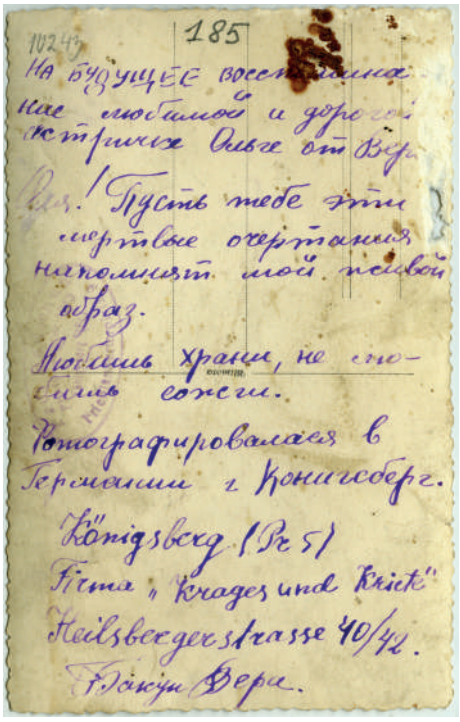
2 апреля 1944 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/5. Подлинник.

Надпись на обороте: «На добрую долгую память другу Саше от Поли во время пребывания в цветущей Германии. 2/IV – [19]44 года».

80. Восточная рабочая Вера Бакун из г. Жабинка (Белоруссия), г. Кёнигсберг, Восточная Пруссия

1942–1945 гг.



ФКОИХМ. КГОМ1–19340/2. Подлинник.

Надпись на обороте: «На будущее воспоминание любимой и дорогой сестричке Ольге от Веры. Оля! Пусть тебе эти мертвые очертания напомнят мой живой образ. Любишь храни, не любишь сожги. Фотографировалась в Германии г. Конигсберг.*

*Königsberg (Pr 5) Firma «Krages und Kriete» Heilsbergerstrasse** 40/42. Бакун Вера».*

---

* Так в документе.

** Кёнигсберг (Пруссия 5) Фирма «Крагес и Крите» Хайльсбергерштрассе.

81. Из русско-немецкого словаря, предназначенного для восточных рабочих*

*1942–1945 гг.***

Ausgabe E 1 b

Словарь картинок

для обоюдного понимания без знания языка для работающих в Рейхе [illegible] рабочих

русско-немецкий

(третья строчка указывает произношение немецкого слова, написанного русскими буквами)

Bilder-Wörterbuch

zur Verständigung ohne Sprachkenntnisse für den im Reiche tätigen

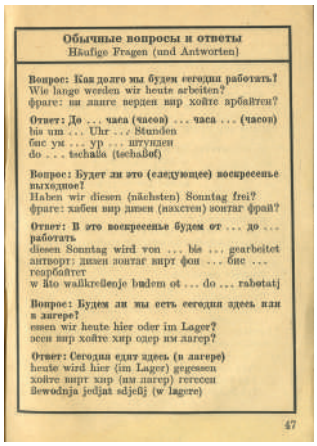
Ostarbeiter

russisch-deutsch

(die dritte Zeile der Unterschrift zeigt die Aussprache des deutschen Wortes in russischer Sprachweise)

стол	стул	шкаф	кровать
Tisch	Stuhl	Schrank	Bett
тиш	штуль	шранк	бет

Herausgegeben von C. Steinberg
unter Mitarbeit von Eugenie Roemmich
Verlag: Frankes Verlag und Druckerei Breslau I



Обычные вопросы и ответы
Häufige Fragen (und Antworten)

Вопрос: Как долго мы будем сегодня работать?
Wie lange werden wir heute arbeiten?
фраге: ви ланге верден вир хойте арбайтен?

Ответ: До ... часа (часов) ... часа ... (часов)
bis um ... Uhr ... Stunden
бис ум ... ур ... штунден
do ... tschasa (tschasow)

Вопрос: Будет ли это (следующее) воскресенье выходное?
Haben wir diesen (nächsten) Sonntag frei?
фраге: хабен вир дизен (нахстен) зонтаг фрай?

Ответ: В это воскресенье будем от ... до ... работать
diesen Sonntag wird von ... bis ... gearbeitet
антворт: дизен зонтаг вирт фон ... бис ... геарбайтет
w ito waßkreßenje budem ot ... do ... rabotatj

Вопрос: Будем ли мы есть сегодня здесь или в лагере?
essen wir heute hier oder im Lager?
эсен вир хойте хир одер им лагер?

Ответ: Сегодня едят здесь (в лагере)
heute wird hier (im Lager) gegessen
хойте вирт хир (им лагер) гегесен
lewodnja jedjat sdjeßj (w lagere)

47

ФКОИХМ. КГОМ1–19373/23. Подлинник.

---

* «Словарь картинок для обоюдного понимания без знания языка для работающих в Рейхе восточных рабочих» ("Bilder-Worterbue zur Verständigung ohne Sprachkenntnisse für den im Reiche tatigen").

** Датируется по содержанию.

82. Восточные рабочие из Украины, г. Лейпциг, Германия

13 августа 1944 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/22. Подлинник.

Надпись на обороте: «Этот фотоснимок напоминает страшную эпоху в Лейпциге — время бомбардировок. Все эти земляки работали со мной у одного немца Роберта Кучера [Robert Kutscher], [...], Лейпциг. [19]44 — VIII-13»*

---

* Неразборчиво.

83. Восточные рабочие из Украины, г. Штутгарт, Германия

13 ноября 1943 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–19101/46. Подлинник.

Надпись на обороте: «Фотографировались 13/XI – 19]43 г. в г. Штутгарте. Это будет большая память на всю жизнь, память этой тяжелой жизни в штрайхеровские[14] дни. Часто мы спорили, но чаще – вместе тосковали по родному краю. Конечно, споров было много, но это, как известно, бывает всегда там, где совместно проживают.*

Кроме того, это доказательство нашей тяжелой жизни.

Стоят: Жоржет, Соня, Вера, Таня, Вера, Галина, Ганя (слева направо).
Сидят: Настася, Маруся, Оля и я (справа налево)
– это остается напоминанием».

* Спорили или ссорились – неразборчиво.

84. Из воспоминаний Е.Д. Сигаревич[15], бывшей заключенной лагеря «Б-1», г. Кёнигсберг

16 марта 1971 г.

«Было это так. Стояла осень. Шел 1943 г. Жили мы в Запорожье. В этом году немцы особенно много людей вывозили на принудительные работы в Германию. Не миновало это и нас: меня, мужа и матери. В 1941 г. в г. Запорожье фашисты открыли биржу труда. В анкете, которую следовало заполнить, был и такой вопрос – не хотите ли побывать за границей? Некоторых молодых людей интересовало это. Их сразу же отправ-

ляли в Германию. Все прелести «заграничной поездки» они познавали скоро. Немногие вернулись из них домой. Но для обеспечения рабочей силой германской военной экономики «добровольного» набора явно было недостаточно. С 1942 г. в принудительном порядке стали вывозить молодежь, а потом людей и старшего возраста.

Везли нас в товарных вагонах. По дороге в Германию людей разбирали в другие трудовые лагеря. Мы попали в г. Кёнигсберг и были определены в лагерь Б-1, который находился за современным заводом «Стройдормаш». Поместили вместе с французами, так как сектор русских «восточных рабочих» был переполнен. Через дорогу находился лагерь советских военнопленных. Было их человек 300. Охрана у них была строгая, поэтому практической связи с ними не было. Правда, иногда наши пленные развозили по лагерям овощи. Кое-что перепадало и нам. В районе, где находились мы, были лагеря французских военнопленных, бельгийцев, поляков, итальянцев. У них режим был намного слабее, чем у наших пленных. Они могли ходить даже без конвоя. Работали все на паровозоремонтном заводе. Мой муж работал там чертежником. Он по специальности был инженером.

Я работала на кухне во французском лагере военнопленных. Их было 600 человек. Всего иностранцев на заводе работало примерно 3500. Непосредственно об условиях работы на заводе я не знаю, потому что не имела туда допуска. Скажу, что французы питались и одевались лучше наших. Им помогали посылками через Красный Крест. И я имела возможность подкармливаться немного у них. А вообще питание для нас было скудное: немного хлеба (правда, настоящей выпечки), жидкая похлебка.

По городу ходили мало. Что можно сказать об отношении жителей к нам — «восточным рабочим»? Менялись события на фронте, менялось и отношение к нам. Особенно это было заметно в конце войны.

Побегов из лагеря не было. О событиях на фронте узнавали от немцев, слушая их радио. Я хорошо понимала по-немецки. Безусловно, фашисты не сразу сообщали о своих делах, но через какой-то период времени они вынуждены были говорить о фронтовой обстановке.

Была ли подпольная антифашистская организация — мне неизвестно. Но знаю, что на заводе портили детали, старались работать непроизводительно. Немцы давали французам плакаты, которые своим содержанием были направлены против Советской Красной Армии; разжигали национальную рознь и т[ак] д[алее]. Французы же их вывешивали только на туалете и то, через некоторое время кто-то срывал их.

Вообще, надо заметить, что в годы неволи в лагере люди были дружны между собой, старались помогать друг другу, поддерживать. Это намного облегчало наше состояние невольников. Особенно хорошо относились к нам французы, да и между собой они были очень дружны.

Когда увозили наших пленных куда-нибудь, на помощь, по возможности, приходили французы. Известны случаи переодевания советских пленных в одежду французских. О них, французских пленных, у меня в памяти сохранилось только хорошее.

В этом лагере я встретила штурм Кёнигсберга нашими советскими войсками. К этому времени мой муж умер, остались мы вдвоем с мамой. [...]»

АКОИХМ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 62. Л. 36–37. Копия. Машинопись.

85. Фрагмент штукатурки с надписью «1945 года после огромной бомбардировки производился ремонт дома украинскими 6 человек. 13/3 1945 года», г. Кёнигсберг

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–9249. Подлинник. Поступление по итогам экспедиции сотрудников музея 1971 г. Штукатурка из здания бывшей фондовой биржи Кёнигсберга (ныне — Калининградский областной музей изобразительных искусств).
Фото: Е.И. Чепинога.

86. Из докладов политотделов армий 3-го Белорусского фронта об опыте партийно-политической работы в наступательных боях

*Не ранее 10 марта 1945 г.**

[...] Перенос военных действий на территорию Восточной Пруссии во многом изменил и содержание дивизионных газет. В газетах появились новые вопросы и темы, по-новому ставились и те вопросы, которые поднимались не в первый раз.

Дивизионные газеты хорошо отразили настроения бойцов и офицеров, перешедших границу Восточной Пруссии.

Газета 88 с[трелковой] д[ивизии] «За Родину» /редактор капитан ЛАБУДИН/ напечатала много корреспонденций бойцов и офицеров в связи с переходом границы Германии. В заметке «Пришло время расплаты» мл[адший] лейтенант ВОРОБЬЕВ писал:

«На всю жизнь запомнится мне декабрь 1942 года.

Тогда гитлеровцы расстреляли мою мать, отца и трех

сестер. Много месяцев я лелеял мечту о мщении, о

том дне, когда я приду на землю, откуда вышли
убийцы моей семьи.
Этот день настал. Вчера мы перешли немецкую
границу. Я сказал своим бойцам:
— Товарищ Сталин приказал нам добить немецкого
зверя в его берлоге. Много горя принесли нам
фашисты. Теперь пришло время расплаты. Впереди
нас земля убийц, грабителей и насильников. И на эту
землю мы вступаем как беспощадные мстители и
грозные судьи».

Примерно так же отразили момент перехода границы Восточной Пруссии и другие дивизионные газеты.

За время боев в Восточной Пруссии дивизионные газеты непрерывно воспитывали чувство ненависти советских воинов к немецко-фашистским захватчикам. В качестве материалов часто используются рассказы освобожденных с фашистской каторги советских людей. Эти материалы были особенно доходчивы, ибо бойцы сами каждый день видели большие толпы советских людей, работавших на прусских кулаков и помещиков.

Газета «За Родину» 5 февраля [1945 г.] напечатала письмо группы советских людей, освобожденных из фашистской неволи, к воинам-освободителям. В этом письме советские люди рассказали, что они пережили в немецкой неволе и благодарили своих освободителей. Поместив в этом же номере 3 красноармейских заметки о ненависти к немецким рабовладельцам, редакция призвала личный состав дивизии к мщению.

Газета 62 с[трелковой] д[ивизии] «На разгром врага» /редактор майор ЛИСИН/ 3 февраля [1945 г.] поместила письмо советской девушки Любы КАЗАЧОК, освобожденной нашими воинами из фашистской неволи. Она писала:

«Товарищи бойцы, дорогие! Спасибо вам горячее.
Вырвали вы меня, мою мать и много подруг из немецкой
кабалы. Счастливые дни вновь вернулись к нам.
Как страшный кошмар встают передо мною
месяцы, проведенные в усадьбе помещика-пруссака.
Он считал нас рабынями, называл свиньями, заставлял
Работать чуть ли не все сутки напролет.
Не все выдерживали эти издевательства. Катя
ПЕТРОЧУК, доведенная до отчаяния, повесилась в
конюшне.
Таня ПЕТРОВА утопилась. От побоев, непосильного
труда и от жизни впроголодь многие из нас заболели, стали инвалидами.
Фашист, у которого мы мучились, старался всячески
унизить нас. Все восхвалял немцев, говорил, что другие
народы должны служить им. Нестерпимо было это
слушать. Не выдержала я, резко заявила, что так не будет,
что придут наши и освободят нас, а ему придется
отвечать за все. С тех пор мне стало жить еще хуже».

Газета 54 с[трелковой] д[ивизии] «На боевом посту» /редактор капитан КУЗЕНКО/ 10 февраля [1945 г.] напечатала письмо украинской девушки Ганны ЛЕВИЦКОЙ, вместе с другими советскими гражданами освобожденной нашими войсками из фашистской неволи. В этом письме она рассказывает:

«Родом я из села Яруга Могилёв-Подольского района
Винницкой области. В сентябре 1941 года немцы сожгли

наше село, расстреляли более 100 человек колхозников и колхозниц, а нас, молодых девушек и парней, загнали в вагоны и увезли в проклятую неметчину...
В Гольдапе всех девушек и парней загнали в бараки. Здесь был рынок рабов. Никогда не забыть нам тех страшных дней. Чуть ли не каждый день съезжались немцы и немки. Нас, девушек, выводили из бараков и приказывали раздеваться донага. Нам заглядывали в зубы, щупали тело. Особенно издевались немки. Они больно щипали за тело, били по лицу, дергали за волосы. Меня и еще 6 девушек купил прусский помещик Альберт ВЕЙС по 15 марок за душу. Не дав возможности
одеться, нас так и погнали через весь город раздетыми. Немцы стояли на тротуарах, хохотали от удовольствия, плевали и бросали в нас камнями...
Спешите вперед, товарищи! Вас ждут еще тысячи наших русских людей, спасите их от смерти, вырвите из рук подлых пруссаков».

Эта же газета поместила заметку сержанта СЛОБОДЦЕВА, в которой он рассказал о встрече со знакомой девушкой, также работавшей у прусского кулака. Девушка просила СЛОБОДЦЕВА безжалостно истреблять немцев, чтобы они своей кровью отплатили за страдания советских людей.

«Я дал ей слово,— пишет в этой заметке сержант,— что просьба ее будет выполнена, и когда мы столкнулись с немцами, я вспомнил, что что мне говорила знакомая девушка. Только в одном бою я уничтожил из своего пулемета до 20 гитлеровцев, но все это мало. Хочется как можно больше и больше уничтожать этих палачей».

Подобные статьи и заметки печатали газеты всех дивизий. Кроме этого, они печатали заметки бойцов, обнаруживавших на немецких хуторах большое количество сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода, украденных немцами в Советском Союзе. Газеты печатали также надписи, которые оставляли на стенах зданий советские люди, угоняемые немцами вглубь Германии. В этих надписях советские люди обращались к бойцам с просьбой вызволить из фашистского рабства. Газета 331 с[трелковой] д[ивизии] «В бой за Родину» /редактор майор ЛЕБЕДЕВ/ напечатала надпись, обнаруженную на стенках одного из домов в Гольдапе:

«Здесь жили и мучились на чужбине русские девушки из Смоленщины Татьяна Г., Валентина С., Галина Т., Вера К., нас заставляли работать по 16 часов в сутки. Проклятые немецкие палачи били нас плетьми и палками, издевались над нами, как могли. Дорогие братья наши, мы знаем, что Красная Армия близко. Спасите наши молодые жизни, освободите нас из фашистской неволи. Нас угоняют вглубь Пруссии, там мы совсем пропадем. Надзиратели стали такие злые, избивают до крови за каждый пустяк. А так не хочется

умирать на чужой земле в наши юные годы.
Товарищи бойцы, миленькие, родные наши!
Спешите вперед, спасите нас».

Некоторые дивизионные газеты печатали корреспонденции о фашистских тюрьмах, на стенах камер которых советские граждане оставили надписи. В частности, такие надписи были обнаружены в камерах гестапо гор. Ландсберг. В этих надписях советские граждане рассказывают, каким страшным пыткам подвергались они в застенках гестапо.

Газета 220 с[трелковой] д[ивизии] «За Родину» /редактор майор БИТЮКОВ/ 25 февраля [1945 г.] напечатала статью «Надписи на стенах». В этой статье газета воспроизвела надписи, обнаруженные на стенах камер гестапо гор. Ландсберг. Вот некоторые из этих надписей:

«Здесь, в этом застенке, сидела я, Женя
ЛЕОНТЬЕВА, 1924 г[ода] рождения. Я из
Ленинградской области. Как тяжело здесь».
«Страшные мучения и пытки переживаю я в этом
застенке, наверное, умру. А как хочется жить. Петя
НИКИФОРОВ».
«Я – гордая русская девушка, скорее умру, чем буду
рабыней у проклятых палачей. Написала бы много, но
нет карандаша, пишу ногтем. Русская девушка АНЯ». [...]

ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2656. Д. 175. Л. 81–84. Подлинник. Машинопись.

---

* Документ датирован по смежным документам дела.

87. Освобожденные женщины и дети, жители Лужского района Ленинградской области, угнанные в Германию, беседуют с помощником командира 3-го мотострелкового батальона по хозяйственной части 44-й мотострелковой бригады капитаном интендантской службы Е.Д. Черномазовым, г. Шталлупёнен, Восточная Пруссия. Автор съемки — Ф. Кислов

27 ноября 1944 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–5708. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов СССР (ныне — Российский государственный архив кинофотодокументов) в 1950 г.

88. Беседа бойцов с освобожденными советскими гражданами, Восточная Пруссия. Кинокадр

Март 1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–5757. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным музеем Советской Армии (ныне — Центральный музей Вооруженных сил РФ) в 1950 г.

89. Освобожденные работники принудительного труда разных национальностей, г. Прейсиш-Эйлау, Восточная Пруссия. Автор съемки — В.И. Аркашев

Февраль 1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–10222/49. Подлинник.

90. Освобожденные советские граждане возвращаются на Родину, Восточная Пруссия

Февраль 1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–5714. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным музеем Советской Армии в 1950 г.

91. Советские граждане, освобожденные из мест принудительного труда, возвращаются домой, Восточная Пруссия

Апрель 1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–11487/6. Фотокопия.

92. Советские граждане, освобожденные из мест принудительного труда, возвращаются домой, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–11217/25. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным музеем Советской Армии в 1950 г.

93. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–11217/26. Фотокопия.

94. Освобожденные из трудовых лагерей, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/13. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов г. Ленинграда в 1971 г.

95. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, возвращаются на Родину, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/25. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов г. Ленинграда в 1971 г.

96. Советские граждане, освобожденные из трудовых лагерей, возвращаются на Родину, Восточная Пруссия

1945 г.

ФКОИХМ. КГОМ1–8994/23. Фотокопия передана Калининградскому областному краеведческому музею Центральным государственным архивом кинофотодокументов г. Ленинграда в 1971 г.

97. Из опросного листа для возвратившихся на Родину из германской неволи на Е. Ф. Скулову

Не ранее мая 1945 г.

Опросный лист
для возвратившихся на Родину из германской неволи

Скулова Елизавета Федоровна, 1906 г[ода] р[ождения], заведующая врачебным участком № 4 Новокубанского района

[...] Отправлены были эшелоном до гор. Варшавы. [В дороге] не кормили ни одного раза в течение 7 суток. В [г.] Варшаве впервые были открыты двери вагона, где нас пропустили через баню и накормили [от] организации Красного Креста, [это была] похлебка с житной мукой и 100 гр[амм] хлеба.

[После чего были] направлены под конвоем в рабочий лагерь № 1 [в г. Кёнигсберг, Восточная Пруссия]. [Лагерь] был огорожен проволокой и охранялся часовыми.

[...] Оттуда были переброшены во Францию, в рабочий лагерь по восстановлению железнодорожного транспорта. После чего, были отправлены в Бельгию на шахты.

[В лагере в г. Кёнигсберге] работала под охраной. Рабочий день начинался с 5 часов утра и до 8 ч. вечера. Работа заключалась в земляных работах, главным образом по мелиорации болот, устройством насыпей и бараков, шоссейных дорог, бензохранилищ, оплаты не было, кроме питания, которое заключалось: 250 гр[амм] хлеба, утром кофе, не сладкий, и обед – баланда с брюквой, вечером – кофе. Обувью и одеждой не снабжали. Охрана находилась [рядом с нами] постоянно.

За время пребывания в германской неволе три раза находилась в тюремном заключении. Первый раз сидела в Пруссии, в г. Кёнигсберге, при лагере, 5 суток за саботаж. Второй раз находилась во Франции, в г. Лион, в тюрьме, в течение 7 суток за оскорбление немецкого офицера, и третий раз находилась в тюрьме гор. Кувен, [в] Бельгии, в течение 10 дней за побег из лагеря, оттуда и была освобождена союзными войсками.

Начальник лагеря Зурков, и Чагин, его помощник, систематически избивали [нас] плетьми. Чагин Дмитрий, носит бороду, брюнет среднего роста, лысый шатен* [...]

ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 7. Л. 367–368 об. Подлинник.

Опубл.: Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Краснодарский край: Сборник архивных документов.– М.: Фонд «Связь эпох», 2020.– С. 469.

---

* Так в документе.

98. Опросный лист для возвратившихся на Родину из германской неволи на Е. С. Буглееву*

1946 г.**

1. Фамилия, имя и отчество
   Буглеева Евдокия Степановна

2. Год рождения
   1887 г.
3. Место рождения
   дер. Урывково Березовского с/с[овета] Невельского р[айо]на
4. Домашний адрес
   дер. Урывково Березовского с/с[овета] Невельского р[айо]на
5. Где и кем работал до угона в германскую неволю
   *в сельском хозяйстве в дер. Урывково Березовского с/с[овет*а]
6. Когда был угнан (год и месяц), из какого города, района, села
   5 октября 1943 г. из дер. Урывково Березовского с/с[овета] Невельского р[айо]на
7. Кто из немцев (венгров, румын и др[угих]) руководил насильственным угоном, кто им помогал:
   комендант немецкого гарнизона располагавшийся в дер. Урывково Березовского с/с[овета]
8. Куда был направлен (страна, город, район)
   г. Кёнигсберг Восточная Пруссия
9. Краткое изложение обстоятельств в пути в германскую каторгу:
   Везли под конвоем в товарных вагонах. Дорогой питанием не обеспечивали
10. Как происходило на месте (купля–продажа, осмотр на бирже труда, направление под конвоем, заключение в концлагеря и т[ому] п[одобное]
    По прибытию в Кёнигсберг была заключена в концлагерь
11. Где работал (подробное название предприятия, фамилия и имя владельца, хозяина, хозяйки, их личные приметы)
    Железнодорожное депо БВ, фамилию и имя владельца не знаю
12. Адрес предприятия (страна, город, район, улица, № дома)
    Восточная Пруссия, г. Кёнигсберг, улицу не знаю
13. Адрес местожительства хозяев (город, район, улица, № дома) *Не знаю*
14. Краткое изложение условий работы и жизни в неволе, род работы, число часов работы, оплата, питание, жилище, снабжение необходимыми предметами — обувью, одеждой и др., охрана и т[ак]д[алее])
    Работала на уборке помещений по 10 час[ов] в сутки. Платили по 10–14 марок, в месяц хлеба давали 200–300 г[рамм] в сутки, продуктов почти не давали. Жили в холодных бараках. Обувью, одеждой не снабжали, находились под охраной. Лагерь был окружен колючей проволокой
15. Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев, хозяек и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю
    Работавших в депо русских граждан и военнопленных очень часто избивали немецкие солдаты и полицейские. Всячески издевались, заставляли ползать на животе и т[ак]д[алее]
16. Перечисление лиц администрации предприятия, лагеря, общежития, полицейских и других лиц, виновных в эксплуатации и истязаниях советских граждан (фамилии и имена, должности, по возможности адреса их, приметы), а также членов семьи хозяев с характеристикой их отношения
    Фамилии не знаю
17. Особые замечания[3*]

Подписи опрашиваемого за Косарева
и опрашивающего[4*]

ВЛО ГАПО. Ф. Р-894. Оп. 4. Д. 2. Л. 108–109 об. Подлинник. Заполненный от руки типографский бланк.

Опубл.: Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: Сборник архивных документов.— М.: Фонд «Связь эпох»: Кучково поле Музеон, 2020.— С. 431–432.

---

* Заголовок документа.

** Датируется по смежным документам дела.

3* Данный пункт не заполнен.

4* Подпись опрашивающего в документе отсутствует.

Опросный лист

для возвратившихся на родину из германской неволи

1. Фамилия, имя и отчество Бумова Евдокия Степановна

2. Год рождения 1887 г.

3. Место рождения дер. Урывково Березовского с/с Невельского р-она

4. Домашний адрес дер. Урывково Березовского с/с Невельского р-она

5. Где и кем работал до угона в германскую неволю в личном хозяйстве в дер. Урывково Березовского с/с

6. Когда был угнан (год и месяц), из какого города, района, села 5 октября 1943 г. из дер. Урывково Березовского с/с Невельского р-она

7. Кто из немцев (венгров, румын и др.) руководил насильственным угоном, кто им помогал: Комендант немецкого гарнизона расположившийся в дер. Урывково Березовского с/с

8. Куда был направлен (страна, город, район) г. Кенигсберг Восточная Пруссия

9. Краткое изложение обстоятельств в пути в германскую каторгу: Взят под конвоем в товарных вагонах. Дорогой питанием не обеспечивали

10. Как происходило на месте (купля—продажа, осмотр на бирже труда, направление под конвоем, заключение в концлагери и т. п.)

По прибытию в г. Кенигсберг была заключена в концлагерь

11. Где работал (подробное название предприятия, фамилия и имя владельца, хозяина, хозяйки, их личные приметы).

Железнодорожное депо Б.В фамилию и имя владельца депо не знаю

12. Адрес предприятия (страна, город, район, улица, № дома) Восточная Пруссия

1. Кенигсберг улицу не знаю

13. Адрес местожительства хозяев (город, район, улица, № дома) не знаю

14. Краткое изложение условий работы и жизни в неволе, род работы, число часов работы, оплата, питание, жилище, снабжение необходимыми предметами—обувью, одеждой и др., охрана и т. д.)

Работала на уборке помещений по 10 час. в сутки платили по 10-14 марок в месяц хлеба давали 200-300 гр. в сутки, продуктов почти не давали. Жили в холодных бараках. Обувью, одеждой не снабжали, находились под охраной. Лагерь был окружен колючей проволокой

15. Краткое изложение фактов издевательств, насилий, истязаний, побоев и других преступных действий владельцев предприятий, их служащих, хозяев, хозяек и других лиц по отношению к угнанным в германскую неволю.

Работавших в депо русских граждан и военнопленных очень часто избивали немецкие солдаты и полицейские. Всячески издевались, заставляли ползать на животе и т. п.

[1] Министерский совет по обороне рейха (*нем.* Ministerrat für Reichsverteidigung) — утверждал общие решения по вопросам обороны и вооружения Германии. В состав совета входили Генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану, рейхсминистр внутренних дел, рейхминистр экономики, начальник штаба Верховного командования вермахта, начальник рейхсканцелярии.

[2] Рейхскомиссариат «Украина» (*нем.* Reichskommissariat Ukraine) — административно-территориальная единица, созданная немецкими оккупационными властями в ходе Второй мировой войны. Включал в себя значительную часть оккупированной территории Украинской ССР.

[3] Генеральный комиссариат «Белоруссия» (*нем.* Generalkommissariat Weißruthenien) — высший орган оккупационной гражданской администрации генерального округа «Белоруссия» (административно-территориальной единицы нацистской Германии на оккупированных советских территориях). Генеральный округ «Белоруссия» входил в состав рейхскомиссариата Остланд (гражданского оккупационного режима в Прибалтике).

[4] «Четырехлетний план» (*нем.* Vierjahresplan) — план создания замкнутой (автаркической) экономики и перевооружения немецкой промышленности. Официально провозглашен на съезде НСДАП в 1936 г. Генеральным уполномоченным по его выполнению был назначен Г. Геринг. В 1940 г. план был продлен еще на 4 года.

[5] Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы (*нем.* Generalbevollmächtigter für den Arbeitseinsatz)— должностное лицо, назначаемое Генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану для координации и централизации действий по использованию рабочей силы в интересах экономики Третьего рейха. С 1942 по 1945 г. эту должность занимал Фриц Заукель. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

[6] Имперское управление доверенных лиц *(нем.* Reichstreuhänderverwaltung) — особый орган для разрешения спорных ситуаций между предпринимателями или администрацией предприятия, с одной стороны, и рабочими, с другой. В том числе занимался вопросами предотвращения экономического саботажа и борьбы с ним.

[7] Германский трудовой фронт (Немецкий трудовой фронт) (*нем.* Deutsche Arbeitsfront, DAF) — объединенный профсоюз работников и работодателей в нацистской Германии.

[8] Национал-социалистический женский союз (*нем.* Nationalsozialistische Frauenschaft) — общественная женская организация, одно из подразделений НСДАП. Существовала с 1931 по 1945 г.

[9] Рейхсляйтер (*нем.* Reichsleiter) — высший партийный функционер, руководивший одной из главных сфер деятельности НСДАП.

[10] Морген (*нем.* Morgen) — единица измерения площади, равная приблизительно 0,56 гектара.

[11] Штрассе дер СА (*нем.* Strasse der SA) — улица названа в честь нацистских штурмовых отрядов. Сейчас ул. Фрунзе в Калининграде.

[12] Литовский вал (*нем.* Litauer Wallstrasse, Литауер Вальштрассе) — улица в г. Кёнигсберге.

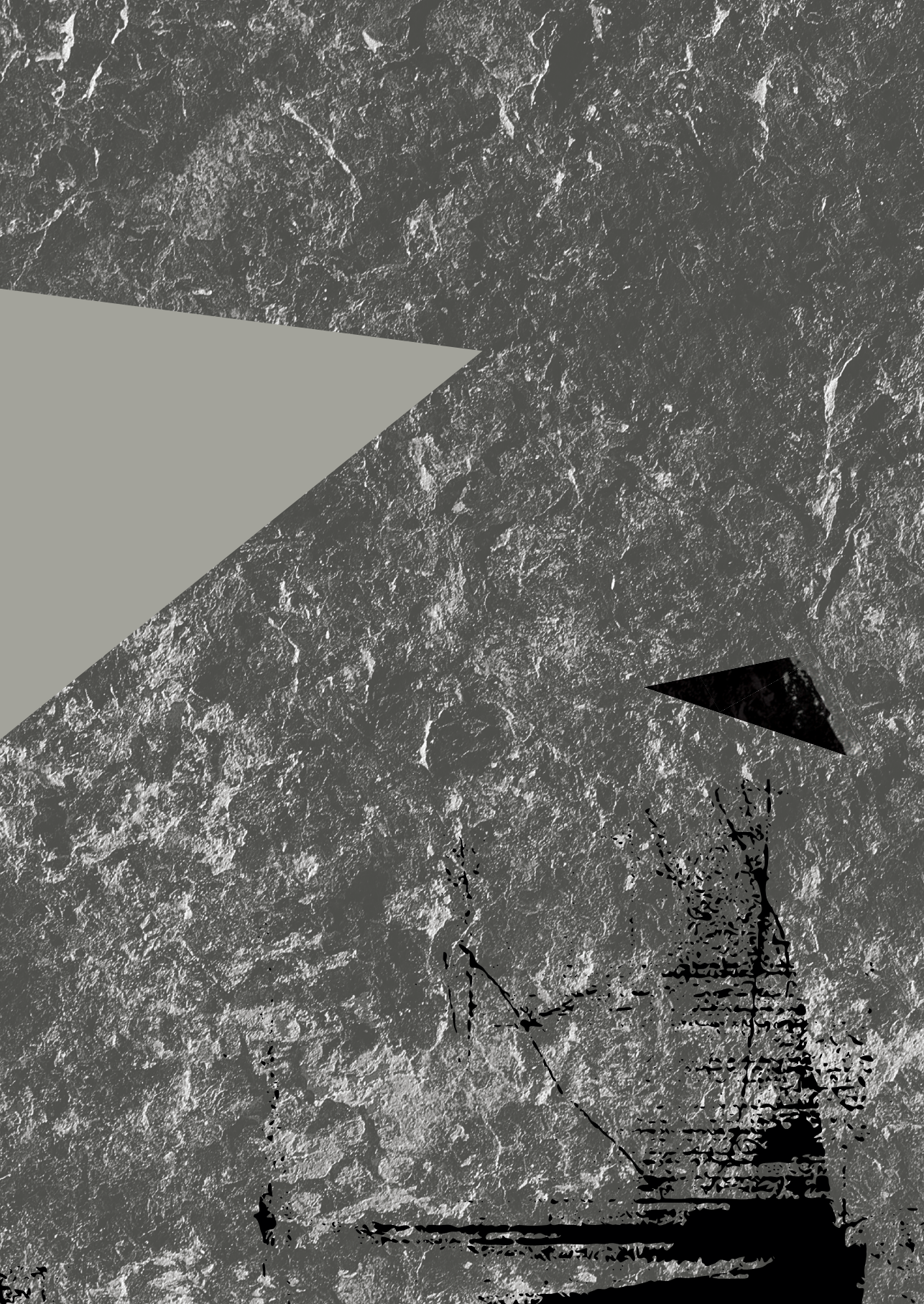
[13] «Кацет» *(сокр.)* — концентрационный лагерь (*нем.* Konzentrationslager, а*ббр.* KZ).

[14] Штрайхер Юлиус — группенфюрер СС, гауляйтер Франконии, идеолог расизма. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

[15] Сигаревич Екатерина Дмитриевна. Род. в 1909 г. Образование: 7 классов. Осенью 1943 г. вместе с супругом и матерью вывезена из Запорожья на работы в Восточную Пруссию в г. Кёнигсберг. Бывшая заключенная лагеря «Б-1» (Кёнигсберг). Освобождена войсками Красной армии в апреле 1945 г. После войны с 1947 по 1975 г. работала в Отделенческой больнице станции «Калининград» Прибалтийской железной дороги в должности медицинского регистратора.

РАЗДЕЛ 3

ОПЕРАЦИИ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ



99. Спецсообщение уполномоченного НКВД СССР по 43-й армии полковника И.Л. Иофиса уполномоченному НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому фронту комиссару государственной безопасности И.М. Ткаченко о факте зверского истребления граждан СССР, Франции и Румынии

23 февраля 1945 г.

Совершенно секретно

УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКВД СССР по 1-му ПРИБАЛТИЙСКОМУ ФРОНТУ – КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ –

товарищу ТКАЧЕНКО

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

О факте зверского истребления
граждан СССР, Франции и Румынии

15-го февраля 1945 года при проческе населенных пунктов и лесных массивов в районе дислокации частей 319-й стрелковой дивизии /в 1,5 км северо-восточнее местечка Куменен, Восточная Пруссия/ в лесном овраге было обнаружено свыше 100 трупов гражданского населения, зверски замученных и расстрелянных немцами.

Специальной комиссией по расследованию данного факта установлено, что среди замученных и расстрелянных имеются: русские, евреи, французы, румыны, из которых большинство женщин в возрасте от 18-ти до 35-ти лет.

Расстрел производился на близком расстоянии – в затылок. Все люди сильно истощены, одеты в разнообразную рваную одежду, на ногах деревянные колодки, а часть – разутые. На одежде расстрелянных на левом рукаве и на груди имеются нашивки с изображением шестиконечной звезды и пятиконечных номеров.

В карманах некоторых убитых найдены продукты их питания:

мелкий картофель, брюква, овес, зерна пшеницы, к поясам привязана посуда: кружки, чашки, деревянные ложки и т[ак] д[алее].

На основании трупных изменений можно предполагать, что расстрел был произведен в конце января месяца 1945 года при отступлении немцев из районов Восточной Пруссии. Об изложенном сообщаю для сведения.

Акт комиссии прилагаю.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ НКВД СССР по
43 АРМИИ – ПОЛКОВНИК – *ИОФИС [И.Л.]*

«23» февраля 1945 года.

Пометы в верхнем левом углу: «[...]* Написать сообщение т. Берия, приложить копии акта. 24/II – Ткаченко».
«Исполнено № 52 от 28/II».

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

* Фамилия неразборчива.

нт/2 Вх № 65-24/II Совершенно секретно

80

УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКВД СССР по 1-му ПРИБАЛТИЙСКОМУ ФРОНТУ - КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ -

товарищу ТКАЧЕНКО

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

О факте зверского истребления граждан СССР, Франции и Румынии.

15-го февраля 1945 года при проческе населенных пунктов и лесных массивов в районе дислокации частей 319-й стрелковой дивизии /в 1,5 км. северо-восточнее местечка Куменен, Восточная Пруссия/ в лесном овраге было обнаружено свыше 100 трупов гражданского населения зверски замученных и расстрелянных немцами.

Специальной комиссией по расследованию данного факта установлено, что среди замученных и расстрелянных имеются: русские, евреи, французы, румыны, из которых большинство женщин в возрасте от 18-ти до 35-ти лет.

Расстрел производился на близком расстоянии - в затылок. Все люди сильно истощены, одеты в разнообразную рваную одежду, на ногах деревянные колодки, а часть - разутые. На одежде расстрелянных на левом рукаве и на груди имеются нашивки с изображением шестиконечной звезды и пятизначных номеров.

В карманах некоторых убитых найдены продукты их питания: мелкий картофель, брюква, овес, зерна пшеницы, к поясам привязана посуда: кружки, чашки, деревянные ложки и т.д.

На основании трупных изменений можно предполагать, что расстрел был произведен в конце января месяца 1945 года при отступлении немцев из районов Восточной Пруссии.

Об изложенном сообщаю для сведения.

Акт комиссии прилагаю.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ НКВД СССР по 43 АРМИИ - ПОЛКОВНИК - /И О Ф И С/

"23" февраля 1945 года.

№ 1061

100. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков (приложение к спецсообщению уполномоченного НКВД СССР по 43-й армии полковника И.Л. Иофиса уполномоченному НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому фронту комиссару государственной безопасности И.М. Ткаченко о факте зверского истребления граждан СССР, Франции и Румынии)

15 февраля 1945 г.

Копия.

А К Т

15 февраля 1945 года — Действующая Армия

Мы, нижеподписавшиеся — майор м/с Л.О. СПАССКИЙ, военврач 2-го ранга Н.И. ТИТАЕВ, гвардии майор И.С. КОНОНОВ, гвардии капитан юстиции Я.С. ДУДКИН, капитан юстиции И.С. ШАПОВАЛОВ, майор КУДЯШЕВ, сержант[ы] ТКАЧЕНКО и КОЛБИН, кр[асноармей]цы ЩЕПОЧКИН и ФРОЛОВ составили настоящий акт в нижеследующем:

Сего числа северо-восточнее в полутора километрах от местечка Куменен /Восточная Пруссия/ в лесном овраге было обнаружено свыше 100 трупов из гражданского населения, зверски замученных и расстрелянных немцами. Трупы находились в трех местах на снегу. Среди них русские, евреи, французы, румыны. Большинство замученных женщин в возрасте от 18 до 35 лет.

При осмотре трупов установлено, что расстрел всех лиц был произведен методически на близком расстоянии известным немецким способом уничтожения людей — в затылок. Все люди сильно истощены, а некоторые разутые. На одежде расстрелянных на левом рукаве и на груди имеются нашивки с изображением шестиконечной звезды и пятизначного номера, например, №№ 6566, 85373, 85254, 73123 и т[ак] д[алее].

На основании трупных изменений установлено, что расстрел был произведен в конце января 1945 года при поспешном отступлении немцев под натиском Красной Армии. В карманах некоторых убитых найдены продукты их питания: мелкий картофель, брюква, овес, зерна пшеницы и т[ак] д[алее]. Среди убитых найден труп медицинского работника с повязкой красного креста на рукаве.

Считаем, что зверства — единая цель политики немецко-фашистского правительства и его командования, имеющей целью истребление прогрессивного человечества.

Акт подписали *:

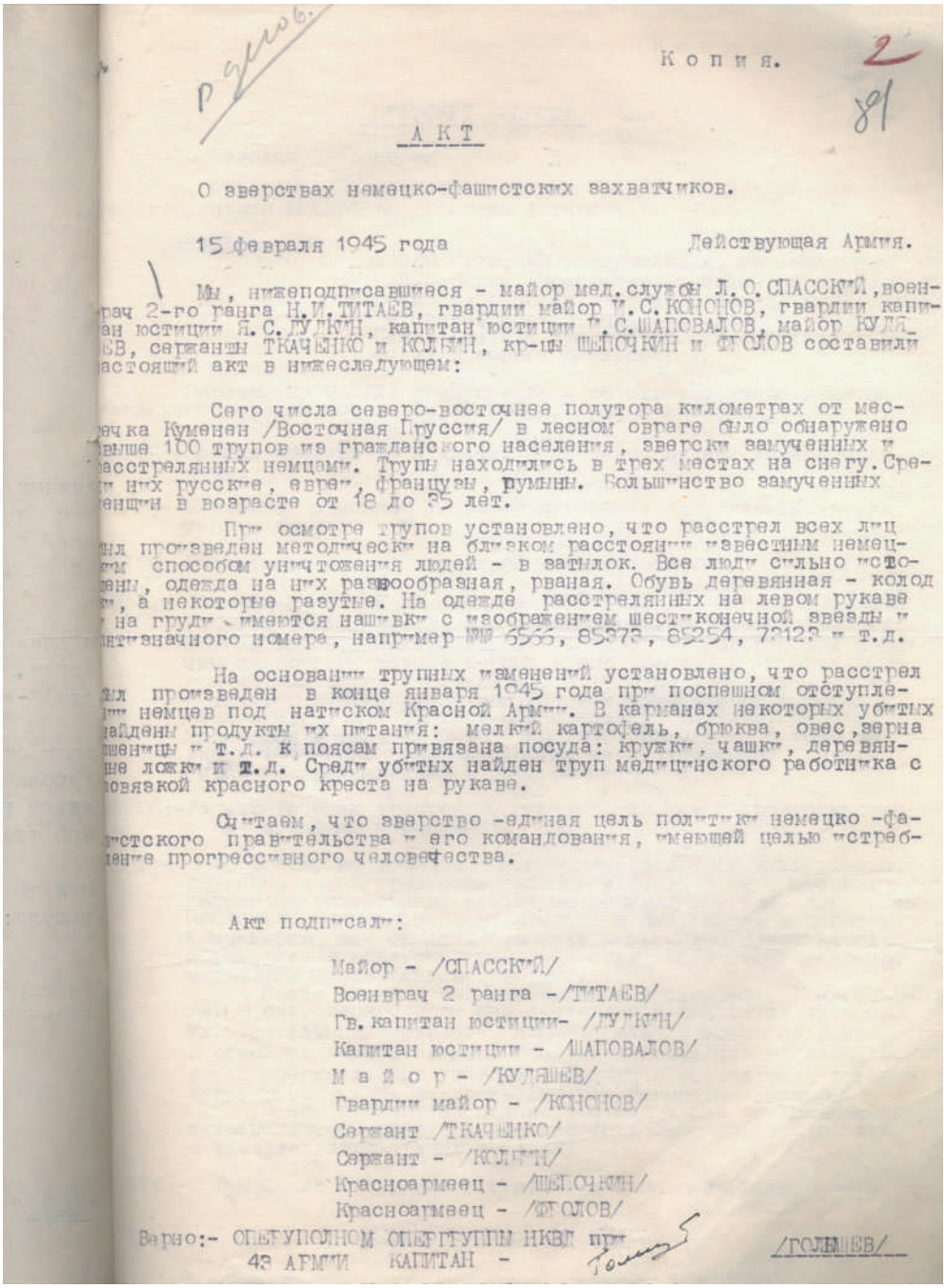
Майор — /СПАССКИЙ/
Военврач 2 ранга — /ТИТАЕВ/
Гв[ардии] капитан юстиции — /ДУДКИН/
Капитан юстиции — /ШАПОВАЛОВ/
Майор — /КУДЯШЕВ/
Гвардии майор — /КОНОНОВ/
Сержант — /ТКАЧЕНКО/
Сержант — /КОЛБИН/
Красноармеец — /ЩЕПОЧКИН/
Красноармеец — /ФРОЛОВ/

Верно: – ОПЕРУПОЛНОМ[ОЧЕННЫЙ] ОПЕРГРУППЫ НКВД при
43 АРМИИ КАПИТАН – */ГОЛЫШЕВ/*

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 2. Копия. Машинопись.

---

* Лично подписано только Голышевым.



Копия.

2

81

АКТ

О зверствах немецко-фашистских захватчиков.

15 февраля 1945 года Действующая Армия.

Мы, нижеподписавшиеся - майор мед. службы Л. С. СПАССКИЙ, военврач 2-го ранга Н. И. ТИТАЕВ, гвардии майор И. С. КОНОНОВ, гвардии капитан юстиции Я. С. ГУЛКИН, капитан юстиции Г. С. ШАПОВАЛОВ, майор КУДЯШЕВ, сержанты ТКАЧЕНКО и КОЛКИН, кр-цы ШЕПОЧКИН и ФРОЛОВ составили настоящий акт в нижеследующем:

Сего числа северо-восточнее полутора километрах от местечка Кумемен /Восточная Пруссия/ в лесном овраге было обнаружено больше 100 трупов мирного гражданского населения, зверски замученных и расстрелянных немцами. Трупы находились в трех местах на снегу. Среди них русские, евреи, французы, румыны. Большинство замученных женщин в возрасте от 18 до 35 лет.

При осмотре трупов установлено, что расстрел всех лиц был произведен методически на близком расстоянии известным немецким способом уничтожения людей - в затылок. Все люди сильно истощены, одежда на них разнообразная, рваная. Обувь деревянная - колодки, а некоторые разутые. На одежде расстрелянных на левом рукаве и на груди имеются нашивки с изображением шестиконечной звезды и пятизначного номера, например №№ 6566, 85373, 85254, 72123 и т.д.

На основании трупных изменений установлено, что расстрел был произведен в конце января 1945 года при поспешном отступлении немцев под натиском Красной Армии. В карманах некоторых убитых найдены продукты их питания: мелкий картофель, брюква, овес, зерна пшеницы и т.д. к поясам привязана посуда: кружки, чашки, деревянные ложки и т.д. Среди убитых найден труп медицинского работника с повязкой красного креста на рукаве.

Считаем, что зверство - единая цель политики немецко-фашистского правительства и его командования, имеющей целью истребление прогрессивного человечества.

Акт подписали:

Майор - /СПАССКИЙ/
Военврач 2 ранга -/ТИТАЕВ/
Гв. капитан юстиции- /ГУЛКИН/
Капитан юстиции - /ШАПОВАЛОВ/
Майор - /КУДЯШЕВ/
Гвардии майор - /КОНОНОВ/
Сержант /ТКАЧЕНКО/
Сержант - /КОЛКИН/
Красноармеец - /ШЕПОЧКИН/
Красноармеец - /ФРОЛОВ/

Верно:- ОПЕРУПОЛНОМ ОПЕРГРУППЫ НКВД при
43 АРМИИ КАПИТАН - /ГОЛЫШЕВ/

101. Доклад военного прокурора тыла 2-го Белорусского фронта о расследовании военной прокуратурой фронта дела о производстве мыла из человеческих трупов в немецком анатомическом институте г. Данцига

Сов[ершенно] секретно

экз[емпляр] № 2

2 июня 1945 г.

ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
тов. РУССКИХ.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА ТЫЛОВЫХ ЧАСТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
тов. ПОДГАЕЦКОМУ.

Военной прокуратурой тыла 2 Белорусского фронта произведено расследование по делу о производстве мыла из человеческих трупов в немецком анатомическом институте г. Данциг.

Расследованием установлено:

Директор анатомического института г. Данциг профессор Рудольф ШПАННЕР в 1943 году выработал рецепт изготовления мыла из человеческого жира.

Во дворе анатомического института в этом же 1943 году было построено кирпичное одноэтажное здание 5 х 12 метров со специальным оборудованием для производства мыла из человеческого жира и для сжигания остатков мяса и других частей трупов.

С ноября 1943 г. профессор ШПАННЕР отдал приказание своим препараторам ван БЕРГЕНУ, МАЗУРУ, РАЙХЕРТУ и ОПИНСКОМУ собирать человеческий жир при обработке трупов.

Начальником лаборатории мыловарения был назначен старший препаратор ван БАРГЕН*.

Профессор ШПАННЕР вел обширную переписку с немецкими тюрьмами и концентрационными лагерями, из которых брал в анатомический институт убитых и замученных людей.

Трупы брались из тюрем и лагерей гг. Кёнигсберг, Данциг, Эльбинг, Штуттгоф, Быдгощ.

В чанах подвального помещения обнаружено 148 человеческих трупов, из них женских 18, детских 4, мужских 126 и один труп обезьяны.

Осмотром трупов установлено, что 82 из них обезглавлены. Казнь посредством отсечения головы производилась гильотинами, установленными в Данцигской и Кёнигсбергской тюрьмах. Препаратор анатомического института МАЗУР показал:

> «Когда я приезжал в тюрьму за трупами, то трупы были свежие, только что после казни и брали мы их в комнате соседней с той, где находилась гильотина, трупы были еще теплые».

В чанах и железных баках подвального помещения анатомического института обнаружено 89 отсеченных человеческих голов.

На некоторых трупах на коже в области груди, плеча и предплечья обнаружены различные татуировки – изображающие пятиконечную звезду, польские национальные флаги и другие.

Произведенным судебно-медицинским исследованием 18 трупов установлено, что в 15 случаях была обнаружена насильственная смерть и в 3-х случаях смерть от заболевания. Так, в 8 случаях обезглавленных трупов установлено, что отсечение головы от туловища производилось прижизненно, о чем свидетельствует наличие обескровленности трупов, мелких кровоизлияний в ткани на месте разреза и обильные засохшие лучеобразно-расходящиеся по груди, спине и плечам потеки крови и сгустки в дыхательных путях.

«В 4-х случаях смерть наступила от асфиксии, в результате удавления петлей, о чем свидетельствует наличие горизонтально-расположенных, ниже щитовидного хряща, странгуляционных борозд с мелкоточечными кровоизлияниями в коже и подкожной клетчатке шеи».

«В 3-х случаях смерть наступила от повреждения черепа, нанесенного твердым тупым предметом».

10 трупов исследованы профессором кафедры судебной медицины Варшавского университета, доктором медицинских наук [Виктором] ГЖИВО-ДОМБРОВСКИМ, причем установлено: прижизненное обезглавление – 4 случая, смерть от повреждения костей черепа – 1 случай, смерть от заболевания 3 случая.

По поводу варки мыла препаратор МАЗУР показал:

«Мыло я варил из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней, от 3 до 7 дней. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограмм, причем для этих варок было собрано 70–80 килограмм человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору ШПАННЕР, который его хранил у себя лично. Сам я лично для своих потребностей – для туалета и стирки – употреблял это мыло из человеческого жира и взял для себя лично этого мыла 4 килограмма. Также брали для себя мыло РАЙХЕРТ, БОРКМАН, ван БЕРГЕН и наш шеф профессор ШПАННЕР, а также все остальные сотрудники».

Осмотром помещения, где производилось мыловарение, установлено: в первой комнате котел для выварки частей тела, в котором находился человеческий торс, и рядом с ним автоклав, заполненный человеческими костями. Во второй комнате на столе 4 куска мыла-полуфабриката, металлический ящик, заполненный 165 вырезками человеческой кожи, прибор для обезжиривания и шкафы, заполненные мелкими костями стоп и кистей и банками с каустической содой.

В третьей комнате три эмалированных ведра с остатками мыла и чугунная печь, среди золы которой обгоревшие кости человеческих позвонков и ребер.

На чердаке фабрики мыла обнаружено большое количество очищенных человеческих костей, среди которых свыше 100 черепов.

Работами анатомического института по мыловарению из человеческих трупов и выделке человеческих кож интересовалось гитлеровское правительство.

В институт приезжали министр просвещения РУСТ, министр здравоохранения КОНТИ, гауляйтер Данцигского округа Альберт ФОРСТЕР и другие.

Материал расследования передается Чрезвычайной комиссии.

Докладываю об изложенном в порядке информации.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ТЫЛА
2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ ГЕТМАН

*Пометы после текста: «Верно» [...]**».*
*«Для политотдела тыла пакет получил. 2/VI-[19]45 г. [...][3]**».*

ЦАМО РФ. Ф. 46. Оп. 2422. Д. 53. Л. 63–65. Подлинник. Машинопись.

---

* Выше «ван БЕРГЕН».

** Подпись неразборчива.

[3]* Подпись неразборчива.

РАССЕКРЕЧЕНО Сов. секретно

экз. № 2

ЧЛЕНУ ВОЕННОГО СОВЕТА 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
тов. РУССКИХ.

НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА ТЫЛОВЫХ ЧАСТЕЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ
2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ПОЛКОВНИКУ
Тов. ПОДГАЕЦКОМУ.

Военной прокуратурой тыла 2 Белорусского фронта произведено расследование по делу о производстве мыла из человеческих трупов в немецком анатомическом институте г. Данциг.

Расследованием установлено:

Директор анатомического института г. Данциг профессор Рудольф ШТАННЕР в 1943 году выработал рецепт изготовления мыла из человеческого жира.

Во дворе анатомического института в этом же 1943 году было построено кирпичное одноэтажное здание 5 х 12 метров со специальным оборудованием для производства мыла из человеческого жира и для сжигания остатков мяса и других частей трупов.

С ноября 1943 г. профессор ШТАННЕР отдал приказание своим препараторам Ван БЕРГЕНУ, МАЗУРУ, РАЛХЕРТУ и ОЛИНСКОМУ собирать человеческий жир при обработке трупов.

Начальником лаборатории мыловарения был назначен старший препаратор Ван БАРГЕН.

Профессор ШТАННЕР вел обширную переписку с немецкими тюрьмами и концентрационными лагерями, из которых брал в анатомический институт усопших и замученных людей.

Трупы брались из тюрем и лагерей г.г. Кенигсберг, Данциг, Эльбинг, Штутгоф, Быдгощь.

В чанах подвального помещения обнаружено 148 человеческих трупов, из них женских 18, детских 4, мужских 126 и один труп обезьяны.

Осмотром трупов установлено, что 82 из них обезглавлены. Казнь посредством отсечения головы производилась гильотинами установленными в Данцигской и Кенигсбергской тюрьмах.

64

Препаратор анатомического института МАЗУР показал:

"Когда я приезжал в тюрьму за трупами, то трупы были свежие, только, что после казни и брали мы их в комнате соседней с той, где находилась гильотина, трупы были еще теплые".

В чанах и железных баках подвального помещения анатомического института обнаружено 89 отсеченных человеческих голов.

На некоторых трупах на коже в области груди, плеча и предплечья обнаружены различные татуировки-изображающие пятиконечную звезду, польские национальные флаги и другие.

Произведенным судебно-медицинским исследованием 18 трупов установлено, что в 15 случаях была обнаружена насильственная смерть и в 3-х случаях смерть от заболевания. Так в 8 случаях обезглавленных трупов установлено, что отсечение головы от туловища производилось прижизненно, о чем свидетельствует наличие обескровленности трупов, мелких кровоизлияний в ткани на месте разреза и обильные засохшие лучеобразно-расходящиеся по груди, спине и плечам потеки крови и сгустки крови в дыхательных путях.

"В 4-х случаях смерть наступила от асфиксии, в результате удавления петлей, о чем свидетельствует наличие горизонтально-расположенных, ниже щитовидного хряща, странсуляционных борозд с мелко-точечными кровоизлияниями в коже и подкожной клетчатке шеи".

" В 3-х случаях смерть наступила от повреждения черепа, нанесенного твердым тупым предметом".

10 трупов исследованы профессором кафедры судебной медицины Варшавского университета доктором медицинских наук гитлер- ДОМБРОВСКИМ причем установлено-прижизненное обезглавление 4 случая, смерть от повреждения костей черепа 1 случай, смерть от заболевания 3 случая.

По поводу варки мыла препаратор МАЗУР показал:

"Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней, от 3 до 7 дней. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие вышло готовой продукции мыла более 25 килограмм, причем для этих варок было собрано 70-80 килограмм человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору ШАПЕР, который его хранил у себя лично.

65

Сам я лично для своих потребностей для туалета и стирки употреблял это мыло из человеческого тира и взял для себя лично этого мыла 4 килограмма. Также брали для себя мыло РАЙХЕРТ, БОРКМАН, Ван-ВАРТЕН и наш шеф профессор ШАННЕР, а также все остальные сотрудники".

Осмотром помещения, где производилось мыловарение установлено: в первой комнате котел для выварки частей тела, в котором находился человеческий торс и рядом с ним автоклав заполненный человеческими костями. Во второй комнате на столе 4 куска мыла-полуфабриката, металлический ящик заполненный 165 вырезками человеческой кожи, прибор для обезжиривания и шкафы заполненные мелкими костями стоп и кистей и банками с каустической содой.

В третьей комнате три эмалированных ведра с остатками мыла и чугунная печь среди золы, которой сгоревшие кости человеческих позвонков и ребер.

На чердаке фабрики мыла обнаружено большое количество очищенных человеческих костей, среди которых свыше 100 черепов.

Работами анатомического института по мыловарению из человеческих трупов и выделке человеческих кож интересовалось гитлеровское правительство.

В институт приезжали министр просвещения РУСТ, министр здравоохранения КОНТИ, гаулейтер Данцигского округа Альберт ФОРСТЕР и другие.

Материал расследования передается Чрезвычайной комиссии.

Докладываю об изложенном в порядке информации.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ТЫЛА
2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ:- /ГЕЛЬТМАН/

Верно.

Для машинописного текста пакет получен 2/V-45 г.

Отп.3 -экз.
№ 1-2- адрес
№ 3-в наряд
Исп.Каденский

2.У1.45 г.АБ.

102. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков в районе Гермау (Восточная Пруссия) (приложение к докладу заместителя начальника Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майора И.М. Андреева начальнику Главного Политического Управления Красной Армии генерал-полковнику А.С. Щербакову)

17 апреля 1945 г.

АКТ

17 апреля 1945 года. Комиссия в составе гвардии генерал-майора ДАНИЛОВА В.В., полковника ВАСЯГИНА С.П., гвардии полковника юстиции БЕРЕЗОВСКОГО А.М., гвардии подполковника м/с ВАСЮТА Д.К., подполковника КРУГЛОВА В.К., армейского патологоанатома майора м/с ГЕВОРКЯН Г.Г., армейского судебно-медицинского эксперта гвардии капитана м/с СВЯТСКОГО М.А., гвардии капитана ПОЛЯКОВА А.В., гвардии капитана юстиции ДОЛГОПЯТОВА Г.М., гвардии лейтенанта ПИСКАРЕВА В.И., гвардии ст[аршего] сержанта КУЗЬМИНА В.И., гвардии рядового БУРДИНСКОГО Н.К., гвардии ст[аршего] сержанта РЫЖАКОВА Н.Е.— составила настоящий акт в следующем:

При освобождении частями Красной Армии 15 апреля 1945 г. района ГЕРМАУ (ЗЕМЛАНДСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ), на южной опушке леса ЭЛЛЕРХАУЗ, что 4 км юго-вост[очнее] населенного пункта ГЕРМАУ, были обнаружены полузарытые трупы.

Осмотром выявлены 4 могилы, расположенные в заболоченном участке леса. 3 могилы представляют из себя котлованы, глубиной 1–1,5 м; 4-я могила имеет форму траншеи длиной в 3 м, шириной в 2 м, и глубиной — 1,5 м.

Из указанных могил извлечено 86 трупов, из коих 80 — женских и 6 мужских, в возрасте 20–40 лет.

Трупы одеты в рваное, завшивленное тряпье, мешкотару, бумагу, разбитую обувь с деревянными подошвами.

На левом рукаве одежды каждого трупа имеются номер и шестиконечная звезда.

Все эти номера, за исключением одного,— 82113, стерлись и разобрать их не представилось возможным.

На одежде трупов, в области спины, также имеются шестиконечные звезды.

Все трупы оказались подпоясанными обрывками телефонных проводов с прикрепленными к ним мисками или кружками из консервных банок.

В карманах одежды некоторых трупов обнаружены кусочки рыбы, картофеля, брюквы.

При тщательном осмотре всех трупов никаких документов и вещей не обнаружено.

Все трупы исключительно истощены, завшивлены, с резко выраженными признаками пеллагры (голодание).

В области головы каждого трупа имеются следы огнестрельных повреждений с обширным раздроблением частей черепа.

На трупах множественные повреждения конечностей и грудной клетки, что указывает на расстрел в упор из автоматов.

Гнилостные изменения на трупах, а также состояние внутренних органов указывают, что умерщвление произведено в декабре 1944 года — январе 1945 года.

На основании изложенных материалов комиссия установила:

1. Состояние одежды трупов, нарукавные знаки с номерами, истощенность, отсутствие документов указывают на принадлежность расстрелянных к лагерному контингенту.

2. Все жертвы, обнаруженные в могилах, зверски замучены и расстреляны немецко-фашистскими захватчиками.

КОМИССИЯ*

Гвардии генерал-майор: –	*ДАНИЛОВ*
Полковник: –	*ВАСЯГИН*
Гвардии полковник юстиции –	*БЕРЕЗОВСКИЙ*
Гвардии полковник м/с: –	*ВАСЮТА*
Подполковник –	*КРУГЛОВ*
Майор м/с: –	*ГЕВОРКЯН*
Капитан м/с: –	*СВЯТСКИЙ*
Гвардии капитан: –	*ПОЛЯКОВ*
Гвардии капитана юстиции: –	*ДОЛГОПЯТОВ*
Гвардии лейтенант: –	*ПИСКАРЕВ*
Гвардии ст[арший] сержант: –	*КУЗЬМИН*
Гвардии рядовой: –	*БУРДИНСКИЙ*
Гв[ардии] ст[арший] сержант: –	*РЫЖАКОВ*

ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11032. Д. 284. Л. 46–47. Подлинник. Машинопись.

---

* Печать Политотдела 2-й гвардейской армии.

К 64 1280/инф 46

А К Т

17 апреля 1945 года. Комиссия в составе Гвардии генерал-майора ДАНИЛОВА В.В., полковника ВАСЯГИНА С.П., гвардии полковника юстиции БЕРЕЗОВСКОГО А.М., гвардии подполковника м/с ВАСОТА Д.К., подполковника КРУГЛОВА В.К., Армейского паталога-анатома майора м/с ГЕВОРКЯН Г.Г., армейского судебно-медицинского эксперта гвардии капитана м/с СВЯТСКОГО М.А., гвардии капитана ПОЛЯКОВА А.В., гвардии капитана юстиции ДОЛГОПЯТОВА Г.М., гвардии лейтенанта ПИСКАРЕВА В.И., гвардии ст.сержанта КУЗЬМИНА В.И., гвардии рядового БУРДИНСКОГО Н.К., гвардии ст.сержанта РЫЖАКОВА П.Е.-составила настоящий акт в следующем:

При освобождении частями Красной Армии 15 апреля 1945 г. района ГЕРМАУ (ЗЕМЛАНДСКИЙ ПОЛУОСТРОВ, ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ), на южной опушке леса ЭЛЛЕРВАУЗ, что 4 км. юго-вост. населенного пункта ГЕРМАУ были обнаружены полузарытые трупы.

Осмотром выявлено 4 могилы, расположенные в заболоченном участке леса. 3 могилы представляют из себя котлованы, глубиной 1-1.5 м.; 4-я могила имеет форму траншеи длинной в 3 м., шириной в 2 м. и глубиной - 1.5 м..

Из указанных могил извлечено 86 трупов, из коих 80 - женских и 6 мужских, в возрасте 20-40 лет.

Трупы одеты в рваное, завшивленное тряпье, мешкотару, бумагу, разбитую обувь с деревянными подошвами.

На левом рукаве одежды каждого трупа имеются номер и шестиконечная звезда.

Все эти номера, за исключением одного,- 82113, стерлись и разобрать их не представилось возможным.

На одежде трупов, в области спины, также имеются шестиконечные звезды.

Все трупы оказались подпоясанными обрывками телефонных проводов с прикрепленными к ним мисками или кружками из консервных банок.

В карманах одежды некоторых трупов обнаружены кусочки рыбы, картофеля, брюквы.

При тщательном осмотре всех трупов никаких документов и вещей не обнаружено.

Все трупы исключительно истощены, завшивлены, с резко выраженными признаками пилагра (голодание).

44

В области головы каждого трупа имеются следы огнестрельных повреждений с обширным раздроблением частей черепа. На трупах множественные повреждения конечностей и грудной клетки, что указывает на расстрел в упор из автоматов.

Гнилостные изменения на трупах, а также состояние внутренних органов указывают, что умерщвление произведено в декабре 1944 года - январе 1945 года.

На основании изложенных материалов комиссия установила:

1. Состояние одежды трупов, нарукавные знаки с номерами, истощенность, отсутствие документов указывают на принадлежность расстрелянных к лагерному контингенту.

2. Все жертвы, обнаруженные в могилах, зверски замучены и расстреляны немецко-фашистскими захватчиками.

КОМИССИЯ:

Гвардии Генерал-Майор:- (ДАНИЛОВ)
Полковник:- (ВАСЯГИН)
Гвардии полковник юстиции (БЕРЕЗОВСКИЙ)
Гвардии подполковник м/с:- (В А С И Т А)
П о д п о л к о в н и к §- (КРУГЛОВ)
М а й о р м/с:- (ГЕВОРКЯН)
Капитан м/с :- (СВЯТСКИЙ)
Гвардии капитан:- (ПОЛЯКОВ-)
Гвардии капитан юстиции:- (ДОЛГОПЯТОВ)
Гвардии лейтенант:- (ПИСКАРЕВ)
Гвардии ст. сержант:- (КУЗЬМИН)
Гвардии рядовой:- (КУРДИНСКИЙ)
Гв. ст. сержант:- (РЯЗАКОВ)

103. Акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков, составленный представителями частей 2-й гвардейской армии в районе м. Кракстепеллен, Земландский полуостров (приложение к докладу начальника Политуправления 3-го Белорусского фронта генерал-майора С.Б. Казбинцева заместителю начальника Главного Политического Управления Красной Армии генерал-лейтенанту И.В. Шикину)

21 мая 1945 г.

Копия

АКТ

Комиссия по установлению зверств, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в местечке Кракстепеллен /Восточная Пруссия/.

1945 г. 21 мая. Комиссия под председательством зам[естителя] начальника политотдела армии гвардии полковника тов. ХАБРОВИЦКОГО и членов: гвардии подполковника тов. СУГЛОБОВА, гвардии майора тов. ЛИЗБАНОВА, судебно-медицинского эксперта армии гвардии капитана СВЯТСКОГО, судебно-медицинского эксперта гвардии капитана ЯСКЕВИЧА, начальника немецкого гражданского госпиталя КУРТ РИДЕЛЬ /немец/, начальника инфекционного отдела гражданского госпиталя ЭРВИН ШРУДЕЛЬ /немец/, гвардии капитана-инженера ЖДАНОВИЧ, гвардии капитана КРАСНОПОЛЬСКОГО, коменданта города Пальмникен гвардии капитана ДОРОГИНА, гвардии капитана МАХЛЯК, гвардии рядового ШУМЧЕНКО, гвардии сержанта ВОЛКОВА, составили настоящий акт в том, что при осмотре мест зверского истребления и захоронения советских граждан немецко-фашистскими захватчиками в р[айо]не сев[еверо]-зап[адной] окраины м. Кракстепеллен, что в 300 метрах южнее янтарного завода, установили следующее:

Немецко-фашистские захватчики в период между 27–29 января 1945 г. привели в р[айо]н карьера 5000 советских граждан, которые по показаниям немцев-жителей города Пальмникен /Голь* Франс, Фрида Люта, Фрида Цеммель и др[угие]/, были расстреляны на льду и опущены под лед. Часть из наиболее истощенных и наиболее обессиленных, которые не смогли дойти до места назначения их истребления — были расстреляны и добиты прикладами по дороге, идущей между Гермау и Кракстепеллен.

263 трупа были обнаружены во рву размерами 30х2х1,6 м в районе янтарного завода при инженерных работах. Во рву, где обнаружены замученные и расстрелянные граждане, оказалось трупов мужчин — 59 и трупов женщин — 204, по возрасту трупы принадлежат от 16 до 35 лет. Трупы находились сложенными в 3–4 слоя рядами, а местами сброшены в беспорядке. Над верхним слоем трупов насыпь от 50 см до 1 метра.

Верхний слой трупов представляли мужчины, сложенные в беспорядке, а последующие слои — женщины, сложенные тесными рядами. Одежда трупов представляла собой рваные лохмотья лагерного образца, полосатая с нашитыми номерами на груди — шестиконечными звездами на спине и на рукаве.

Приводим два таких номера — 372228 и 98988.

У большинства трупов обувь деревянная /колодки/, у [...]** трупов ноги завернуты в тряпки. Все трупы завшивлены и крайне истощены. У всех трупов мужчин имеется, как правило, огнестрельное повреждение черепа с раздроблением костей, что указывает на выстрел с близкого расстояния; у части трупов имеются по несколько дополнительных огнестрельных повреждений, что указывает на то, что расстрелы произведены из автоматического оружия разрывными пулями. У большинства трупов женщин раздроблены черепа и перебиты кости конечностей, что указывает на зверское уничтожение

ударами тупым оружием. У части трупов молодых женщин были разорваны и сняты с бедер трусы, а часть трупов женщин обнаружена в цинически-издевательских позах с заложенными за голову ногами и со снятым бельем.

Основными виновниками зверского истребления советских граждан являются немецко-фашистские захватчики, а непосредственным виновником истребления данных 5000 советских граждан является бывший комендант гор. Кёнигсберга генерал ЛЯШ, который не успел истребить советских граждан в гор. Кёнигсберге, направил их в количестве 5000 в Кракстепеллен и передал местной полевой жандармерии для истребления.

Кроме вышеуказанных уничтоженных советских граждан, по показаниям двух русских женщин /Гурьяновой Валентины, 29 лет и ее матери Александры, 47 лет/, ранее проживавших в гор. Смоленске по ул. 1-го Мая, дом 25 и насильно увезенных в Германию, 27 января 1945 года немецко-фашистские изверги собрали в бараки порта Пиллау 8000 советских граждан и ночью взорвали бараки вместе со спавшими в них заключенными гражданами, а также, по показаниям местных жителей, подобные места уничтожения и захоронения советских граждан имеются в районе Гермау, Зоргенау и Янтарного завода.

В связи с изложенным комиссия считает необходимым продолжать раскопки в р[айо]не Гермау, Зоргенау, Янтарном заводе и Пиллау. Трупы из рва извлечены и похоронены в братской могиле со всеми воинскими почестями, у братской могилы до захоронения проведен митинг. На братской могиле поставлен памятник.

П. п. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК – ХАБРОВИЦКИЙ.

Члены комиссии:

Гвардии подполковник – СУГЛОБОВ.

Гвардии майор – ЛИЗБАНОВ.

Суд[удебно]-мед[ицинский] эксперт [2-й гвардейской] армии гв[ардии] капитан – СВЯТСКИЙ.

Суд[удебно]-мед[ицинский] эксперт гв[ардии] капитан – ЯСКЕВИЧ.

Нач[альник] нем[ецкого] гражд[анского] госпиталя – немец – Курт РИДЕЛЬ.

Нач [альник] инфекц [екционного] госпиталя – немец – Эрвин ШРУДЕЛЬ.

Гвардии капитан-инженер – ЖДАНОВИЧ.

Гвардии капитан – КРАСНОПОЛЬСКИЙ.

Комендант гор. Пальмникен гв[ардии] капитан – ДОРОГИН.

Гвардии капитан – МАХЛЯК.

Гвардии рядовой – ШУМЧЕНКО.

Гвардии сержант – ВОЛКОВ.

1945 г. мая 21 дня.
м. Кракстепеллен.
/Восточная Пруссия/.

Верно: Начальник отделения информации
Политуправления 3 Белорусского фронта
майор Гребнев [А.П.]

ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 334. Л. 110–110 об. Копия. Машинопись.

* Фамилия неразборчива.

** Слово неразборчиво.

104. Из показаний бывшей заключенной Ф. А. Гаврилевич (Клайнман)* (Gawrilewicz; Frida Klajnman)

29 апреля 1945 г.

29 апреля 1945 г. Действующая Армия

Я, ** – гвардии капитан [...][3*] допросил в качестве свидетеля –
ГАБРИЛОВИЧ[4*] Фриду Абрамовну, 1922 г[ода] р[ождения], уроженка гор. Лодзь /Польша/, еврейка, учащаяся, образование 8 классов, из рабочих, в настоящее время находится на СПП Армии.

Об ответственности за дачу ложных показаний, предупреждена по ст. 95 УК РСФСР. /Подпись/

Допрос произведен на польском языке, через переводчика АРСАКОВА Агубе Губадиевича, ур[оженца] дер. Галиат Сев[еро]-Осетинской Автономной Республики, 1918 г[ода] р[ождения], находящегося на СПП Армии, который об ответственности за неправильный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР /Подпись/.

[...] Вопрос: – Сколько времени вы содержались в лагерях?

Ответ: – В лагере гор. Аушвиц я находилась 4 дня, затем меня, в группе с другими, направили в специальные рабочие лагеря, которые располагались в мест. Зееранпен /Восточная Пруссия/. Там изнемогали от непосильной работы, от издевательств, чинимых немецким командованием лагеря над нами.

В холодные зимние дни нас принуждали одеваться в старую рваную одежду и сгоняли в холодные бараки, где находились до ночи, а затем выгоняли на дорогу. Многие заболевали и умирали.

В лагере работали с раннего утра до позднего вечера. Питание было совсем ничтожным: 250 гр[амм] хлеба и 0,5 литра супа на сутки.

С приближением Красной армии гитлеровская свора решила окончательно расправиться с оставшимися в лагере людьми.

В морозную ночь с 31 января на 1 февраля 1945 г. нас погнали вначале в гор. Кёнигсберг, затем в Пальмникен. Гнали быстрым шагом, и кто не мог бежать – расстреливали. Дорога от Кёнигсберга до Пальмникена выглядела очень жутко. На каждые 3 км на протяжении 50 км лежал человек, убитый эсэсовцами.

Пригнав нас в Пальмникен, заключили в лагерь, где содержались в течение 5 суток, не получая никакого питания. На 6-е сутки нас вывели на берег моря для последней расправы. Эсэсовцы вывели поочередно группы в 10 человек к морю и расстреливали их. Была холодная, темная ночь. Крики, стоны детей и женщин, стрельба эсэсовцев сливались в одну страшную картину, которую творила гитлеровская озверелая сволочь.

Мечущиеся в панике люди бросались из стороны в сторону, падали от пуль, проламывали тонкий лед, и морская вода поглощала их. Оставшихся в живых или раненых пристреливали. Меня в группе 10 человек вывели на расстрел к морю. Потеряв сознание, я упала на лед. В это же время раздались выстрелы. Многие были убиты. Я была ранена в живот и в ногу.

Через несколько часов после ухода эсэсовцев я пришла в сознание, собралась с силами и выползла на берег. Чудом остались в живых еще 10 человек из 5-ти тысяч евреев, которых немцы гнали из Кёнигсберга до г. Пальмникен.

Все 11 человек в ту же ночь добрались до населенного пункта Зоргенау и, выдавая себя за полячек, прожили там до занятия этой деревни частями Красной Армии

Вопрос: – Назовите известных вам лиц из администрации указанных выше лагерей?

Ответ: – Из их числа я никого по фамилиям не знаю.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан.

/Подпись/.

Переводчик – /Подпись/.

Допросил[5*]
Гв[ардии] капитан –
[...][6*]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 74–76. Копия. Машинопись.

---

* Показания Ф. Гаврилевич (Клайнман) публикуются также под №№ 13, 105.

** Имя закрашено.

3* Закрашено.

4* Правильно Гаврилевич (Gawrylewicz).

5* Имя закрашено.

6* Закрашено.

105. Из показаний бывшей заключенной Фриды Клайнман (Гаврилевич) (Frida Klajnman; Gawrilewicz)*

29 ноября 1963 г.

[...] Там было несколько тысяч заключенных, мужчин и женщин – без детей, в возрасте около 30 лет. Девушек подвергли дезинфекции, а на следующий день их построили в колонну длиной в несколько сот метров и погнали дальше. И снова в пути мы не получали питания. Нас сопровождали охранники из нашего и других лагерей, а также надзирательницы. Нашей единственной пищей в пути был снег, но хватать снег было также опасно, так как охранники расстреливали на месте девушек, которые чуть отставали. Денис, о котором я говорила, посоветовал нам попытаться убежать, так как, по его словам, нас гонят на истребление. Куда, однако, мы могли бежать? В ряду из 5 человек, в котором мы шли, осталось только трое. Через несколько суток марша мы в конце концов попали в населенный пункт, где нас разместили в большом фабричном цехе. Выяснилось, что мы находимся в Пальмникене. В этом цехе нам дали поесть, даже местное население приносило еду. По поведению немцев мы почувствовали, что они не знали, что с нами делать. Приходило много немцев, они советовались, переговаривались друг с другом и, вероятно, ожидали указания. Спустя несколько дней мы были выведены из этого цеха; говорили, что нас погрузят на корабль, который доставит в безопасное место. Нас вели ночью, кругом была пустынная местность, были видны только снежные поля. Оказалось, что мы идем по прибрежному льду Балтийского моря. И только потом я узнала, что поблизости располагались такие курорты, как Зоргенау и другие. Внезапно кто-то открыл огонь, выпустив ракету. Стало светло, и мы услышали стрельбу. Девушка, пробегавшая мимо моей маршевой колонны, со-

общила, что немцы начали расстреливать мужчин-заключенных, шедших в конце колонны, а именно так, что они отсекали группы по 50 человек, заставляли их ложиться на лед и стреляли из автоматов. Сначала мы подумали, что эта девушка просто сошла с ума. Но потом очередь дошла и до нас, девушек. Из колонны отделили 50 девушек, приказали лечь на лед; по нам стали стрелять. Мы — я и девушка, лежавшая рядом — даже не были ранены. Один немец закричал: «Быстрее вставайте и бегите!» Ведомая инстинктами, я попыталась встать, но моя подруга по имени Лола прижала меня ко льду. Шаги удалялись, но спустя какое-то время немцы снова вернулись и открыли огонь. Меня ранило дважды: в живот и в ногу.

После войны в медицинской академии в Данциге извлекли пулю из моей ноги. Я ее до сих пор храню (это пуля калибра 9 мм, использовавшаяся немецким вермахтом для автоматов и пистолетов «Вальтер» и «Парабеллум» — как заметил ведший допрос Й. Палушевский). У меня также есть сделанный после войны рентгеновский снимок. После ранения я потеряла сознание и не знаю, сколько там пролежала. Я очнулась на рассвете; моя спутница была уже мертва. Я находилась на льдине. Встать не могла, так как ноги не двигались, они были в воде. С большим напряжением мне удалось приподняться, я сняла с одного трупа деревянные башмаки и осмотрелась. На берегу никого не было видно, почти ни одного трупа, бросались в глаза только кровавые следы. Надо полагать, что лед треснул под тяжестью такого количества еще теплых человеческих тел, трупы опустились на дно, а раненные люди утонули. Во время расстрела мне запомнился человек, который отдавал приказы: высокий, стройный, примерно 40 лет, он также говорил по-украински. Мне кажется, его звали Шток [Stock] или что-то в этом роде. Я доползла до берега, где встретила двух девушек, которых по имени не знаю. Мы дошли до какого-то села и зашли в сарай. Через щель я увидела девушку у колодца. Выйдя из сарая, я рассказала ей, что с нами произошло. Выяснилось, что она — полька из района Люблина, а тут на принудительных работах. Ее звали Ванда Гроховска [Wanda Grochowska] и она работала у немки по имени Хертль [Hertl]. Эта девушка отвела меня к своей хозяйке, которая перевязала мне раны, дала поесть и спрятала. Она заботилась обо мне как мать. Те две девушки, которые остались в сарае, вероятно, были кем-то найдены и расстреляны, после того как я вышла из сарая. Я слышала выстрелы, и Ванда Гроховска больше не могла их найти. Спустя несколько дней это село — Зоргенау — было занято русскими парашютистами, которых, однако, на следующий день снова вытеснили немцы. Комендантом района в этом населенном пункте был пожилой человек в ранге фельдфебеля. Спустя какое-то время Зоргенау вновь заняли русские. Выяснилось, что в этом же селе, а именно у госпожи Лони Хардер [Loni Harder], которая сейчас живет в Хемнице /Верхняя Бавария, Хауптштрассе [...] спаслись еще три еврейки, а именно Геня Бидерман [Genia Biederman], сейчас живет в США, Циля Маневич [Cyla Maniewicz], живет в Иерусалиме, Маня Глайман [Mania Glaiman], так же живет в США.

С госпожой Хардер я и сейчас переписываюсь. Я дала показания на польском языке, который очень хорошо знаю. Я готова повторить эти показания в немецком суде.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1. Машинопись.

---

* Часть документа публикуется под № 13.

106. Из показаний бывшей заключенной П.Э. Гринбаум

*Не ранее 15 апреля 1945 г.**

4 апреля 1945 года** Действующая армия

Я, [3]* — гвардии майор[4]* допросил в качестве свидетеля:

ГРИНБАУМ Перл Эльяшовну, 1928 г[ода] рожд[ения], урож[енка] г. Белжице, Люблинского р[айо]на /Польша/, еврейка, образование 5 кл[ассов], б/п, в настоящее время находится на СПП при 2 гв[ардейской] армии.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР.

Допрос произведен через переводчика РОТШИЛЬД Моисея Иосифовича /при СПП 2 Гв[ардейской Армии]/, который об ответственности за неправильный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР.

[...] В период, когда части Красной Армии начали наступление на район г. Люблина, немцы умертвили, а затем сожгли в крематории [концентрационного лагеря «Майданек»] до 15 000 евреев. Вся эта картина совершалась на наших глазах. При отступлении немцев из г. Люблин, немцы увели с собой около 2 000 евреев в гор. Плешев, а оттуда в г. Аушвиц /Верхняя Силезия/. Условия жизни в лагерях этих городов ничем не отличалась от жизни в лагере «Майданек». В г. Плешев каждой женщине-еврейке была сделана татуировка «ИЗ», в г. Аушвиц — татуировка «А», после литеры шел соответствующий номер. У меня, например, был номер: «А-23203», его еще и сейчас легко прочесть. Возле лагеря в г. Аушвиц немцы сжигали евреев на кострах. Делалось это так: рядом с лагерем солдаты «СС» разжигали костры, затем подвозили на автомашинах людей, раздевали их и сбрасывали в огонь. Люди умирали в страшных мучениях. Делалось это и ночью, и днем. Я лично видела очень много таких случаев. При виде таких картин многие женщины теряли рассудок. Из лагеря в г. Аушвиц нас отправили в лагерь в г. Данциг. Всего я прошла 11 лагерей и везде одно и то же: расстрелы, костры, побои, болезни и голод. В январе 1945 г. в г. Кёнигсберг было собрано в лагерь 5 000 евреев, набранных из 5 лагерей Восточной Пруссии. 25 января 1945 г. из Кёнигсбергского лагеря всю колонну из 5 000 человек направили по направлению к г. Пальмникен. На пути из г. Кёнигсберга в гор. Пальмникен было убито до 1200 евреев, а остальные заключены в спецлагерь в г. Пальмникен.

В ночь на 1 февраля 1945 г. всех евреев из спецлагеря в г. Пальмникен вывели на берег моря, загнали в море и начали массовый расстрел. Стреляли солдаты войск «СС» из автоматов. Воздух содрогался от стонов и криков людей, а эсэсовцы громко смеялись. Раненые тонули, звали на помощь, но помощи никто подать не мог. Солдаты без конца бросали раненых и стреляли по толпе. Я получила ранение в ногу, упала в воду, но волной была выброшена на берег. Благодаря туману, я не была замечена солдатами. Отдохнув, я поднялась и добралась в д. Зоргенау, где и скрывалась в группе евреев до дня освобождения Красной Армией — 15 апреля 1945 года. Сестра же моя была убита на берегу моря во время массового еврейского расстрела под 1 февраля 1945 года. [...]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 71–73. Копия. Машинопись.

---

* Дата установлена по содержанию документа.

** Дата ошибочна.

[3]* Имя закрашено.

[4]* Закрашено.

107. Спецсообщение № 4014/3 от 26 мая 1945 г. о результатах расследования специальной комиссией факта массового расстрела советских граждан в Пальмникене

26 мая 1945 г.

Совершенно секретно
[...]*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Об учиненных зверствах над Советскими гражданами в м. Пальмникен

18 мая с[его] г[ода] [в] 1 км севернее м. Пальмникен /Восточная Пруссия/, в районе расположения 1 Стр[елкового] батальона, 82 Гв[ардейского] С[трелкового] П[олка], 32 Гв[ардейской] С[трелковой] Д[ивизии], при оборудовании огневых позиций для минометной роты над берегом моря, у полотна железной дороги была обнаружена яма с трупами гражданских лиц, зарытых в беспорядке, которые были зверски расстреляны немцами в январе месяце 1945 года.

Для определения злодеяний, учиненных немцами над советскими гражданами, 19 мая с[его] г[ода] была создана комиссия из представителей политотдела, ОКР «СМЕРШ», прокуратуры, Военного Трибунала и работников Медсанбата 32 Гв[ардейской] СТ[релковой] Д[ивизии], которая произвела раскопку трупов и расследование по данному вопросу.

Комиссией по установлению фактов зверского расстрела советских граждан в м. Пальмникен, установлено следующее:

В январе м[еся]це 1945 г. немецкое командование войск «СС» из лагеря г. Кёнигсберга пригнало в р[айо]н м. Пальмникен до 5000 человек гражданского населения из числа граждан разных национальностей, которые были размещены на побережье Балтийского моря и, из-за отсутствия питания, были обречены на голодную смерть.

Пригнанные из лагеря советские граждане, здесь же, в м. Пальмникен, группами расстреливались немцами и беспорядочно зарывались в ямы.

В конце января с[его] г[ода] немцы согнали оставшихся в живых, более одной тысячи человек советских граждан этого лагеря, на лед и подвергли их расстрелу из пулеметов и винтовок. Трупы расстрелянных были сброшены под лед в море.

По показаниям жителей м. Пальмникен, все лица из Кёнигсбергского лагеря являлись советскими гражданами и все они были расстреляны на побережье Балтийского моря, севернее 1–2 км м. Пальмникен.

Производя раскопки в районе расстрела советских граждан установлено 5 ям, из которых извлечено 250 трупов, из них свыше 100 женщин.

Судебно-медицинским экспертом установлено, что расстрел гражданского населения производился огнестрельным оружием, в упор, сзади, в мягкие ткани, как-то в полость живота и грудной клетки.

Расстрелянные советские граждане были в беспорядке зарыты в ямы в 2–3 ряда, на глубине 2–3 метров.

[...]**
гвардии генерал-майор
[...]3*

«26» мая 1945 г.

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 69–70. Подлинник. Машинопись.

---

* Закрашено.

** Имя закрашено

3* Подпись закрашена.

108. Дополнение к спецсообщению № 4014/3 от 26 мая 1945 г. о результатах расследования специальной комиссией факта массового расстрела советских граждан в Пальмникене

Сов[ершенно] секретно
[...]*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

О зверствах немцев над советскими гражданами в мест. Пальмникен

6 июня 1945 г.

В дополнение к спецсообщению № 4014 от 26. У.45 г. о злодеяниях немцев в отношении советских граждан в местечке Пальмникен доношу, что выездом на место в процессе дальнейшего расследования указанных злодеяний установлено следующее:

Массовые расстрелы заключенных советских граждан в местечке Пальмникен и его окрестностях производились охранниками команды «СС», которые вели колонну заключенных советских мирных граждан из Кёнигсберга на Пиллау. Названная команда «СС» состояла примерно из 100–135 чел[овек], номер этой части пока не установлен.

Допросом свидетелей из числа немцев, местных жителей, из участников указанных злодеяний, состоявших в этой команде, выявлены:

1. Начальник команды – оберштурмфюрер ВЕБЕР, имя не установлено, лет 30, высокий, плотного телосложения, волосы черные, лицо круглое, говорит на наречии немцев Рейнской области.
2. Роттенфюрер ВИЛЬГЕЛЬМ Ян, лет 23, немец, житель города Эссен-Рур, Диннендальштрассе [...], где живут мать и отец, сын торговца, среднего роста, блондин, худощавый, лицо продолговатое, нос широкий, губы толстые, волосы носит с пробором направо, походка быстрая, стройный.

Допрошенная в качестве свидетеля сожительница ВИЛЬГЕЛЬМА Ян – ЦИММЕР Карла, показала, что после массовых расстрелов мирных граждан ВИЛЬГЕЛЬМ в течение 3-х – 5-ти недель проживал в местечке Пальмникен и на ее расспросы о цели его проживания говорил, что оставлен для поимки бежавших евреев и расстрела их.

В расстрелах мирных граждан, среди которых было большое количество евреев, принимали участие также и лица из числа гражданского населения местечка Пальмникен, из них нами задержаны:

1. ФРИШКИЗЕЛЬ Герман, 1883 года рождения, уроженец города Фишхаузен, житель деревни Ильникен, Фишхаузенского р[айо]на, Кёнигсбергского округа, немец, б/п, образование 7 классов, женат, торговец.

На допросе ФРИШКИЗЕЛЬ о своей деятельности показал:

«Лично я, вместе с вахмистром жандармерии ГЕРИТКЕ, начиная с 25 февраля 1945 г. до апреля м[еся]ца с[его] г[ода], т[о] е[сть] до прихода частей Красной армии, занимались изъятием всех иностранцев, включая женщин и детей, которые находились по деревням в районе Гросс Курен, Хайлигенкройц, Вайденен-Шрайберг и заключением их в концлагеря в мест. Гросс Шрайберг и Гросс Диршкайм.

28 января 1945 г. по приказанию начальника жандармерии ФРАЕНГАГЕЛЯ**, на янтарном заводе в Пальмникене я взял две парных повозки с кучерами и послал в сторону Зоргенау собирать трупы расстрелянных советских граждан. По дороге мною было собрано 240 трупов расстрелянных войсками «СС», которые были доставлены на восточную окраину мест. Пальмникен.

Во время сбора трупов мною было задержано 4 женщины еврейской национальности, бежавших из-под расстрела. Этих женщин я доставил бургомистру местечка и по его распоряжению взял их под стражу».

2. АУКШУН Антон, 1890 г[ода] рождения, уроженец дер. Гросс Лядткайм Земландского р[айо]на, Кёнигсбергского округа, из крестьян, кулаков, немец, образование 8 классов, б/п, житель м. Пальмникен, работал вспомогательным полицейским и сам лично принимал участие в расстрелах и задержаниях евреев, уклонившихся от расстрелов путем побега.

Свидетельница БЕТТИ Отто, жительница м. Пальмникен, на допросе показала, что она является очевидцем расстрела Антоном АУКШУН одной женщины, скрывавшейся в лесу после побега из-под расстрела.

«АУКШУН Антон пришел в лес, где была эта женщина, и прогнал нас от нее. Когда мы все отошли метров на 50 от этой девушки, то АУКШУН два раза выстрелил, что произошло там, мы не знаем. Помню, в это же время один немец, беженец, спросил у АУКШУН, что он сделал с девушкой, найденной в лесу, АУКШУН ответил, что расстрелял по приказу бургомистра Пальмникена».

Показания БЕТТИ Отто о расстреле Антоном АУКШУН указанной женщины подтвердили свидетели РЕЙЗЕ Эльза и Цильке ГЕЛЬМУТ, последний по этому факту показал, что он, как член организации «гитлерюгендфольк», был обязан доносить властям обо всех скрывающихся лицах, и когда он обнаружил в лесу скрывающуюся женщину, доложил об этом АУКШУН Антону.

«АУКШУН, придя в лес, прогнал нас всех от женщины, а сам остался с ней. Отойдя метров 50 от АУКШУН, я спрятался за дом и наблюдал за его действами и видел, как он двумя выстрелами из ружья в упор расстрелял эту женщину еврейку, после чего возвратился домой.

После того, как АУКШУН ушел, я подошел к лежащей женщине и увидел, что она убита одним выстрелом в голову и другим в грудь».

В облавах, проводившихся в целях задержания лиц, бежавших из-под расстрела, принимали участие и члены местных организаций «гитлерюгенд» и «гитлерюгендфольк»,[3]* из которых нами задержано 3 человека:

1. ХАРДЕЛЬ Хорст, 1930 г[ода] рождения, уроженец и житель м. Пальмникен, из семьи рабочего, немец, образование 8 классов.
2. ЛИЛИЕНТАЛЬ Георг, 1929 года рождения, уроженец и житель м. Пальмникен, из семьи рабочего, немец, образование 8 классов, в организации «гитлерюгенд» с 1939 г.

3. ВЕССЕЛЬ Герхард, 1929 г[ода] рождения, уроженец д. Зоргенау, Земландского р[айо]на, Кёнигсбергского округа, из семьи рабочего, немец, образование 6 классов, в организации «гитлерюгенд» с 1942 г.

ХАРДЕЛЬ Хорст об участии «гитлерюнговцев» в задержании бежавших из-под расстрела лиц на допросе 3 июня 1945 г. показал:

> «Во время проведения розыска лиц, бежавших из-под расстрелов, в распоряжении местной управы имелась вооруженная группа членов местной организации «гитлерюгенд», которая проводила облавы и проческу леса, где скрывались лица, спасшиеся от расстрелов.
>
> «Гитлерюгендовцы» всех задержанных доставляли в местную управу, откуда их выводили в местечко к противотанковому рву и там расстреливали.
>
> Кроме «гитлерюгендовцев» в указанную группу входили еще несколько человек членов организации «Гитлер-Югенд-Фольк». Лично я сам являюсь «Гитлер-Югенд-Фольковцем» и вместе с другими юношами принимал непосредственное участие в задержании лиц, бежавших из-под расстрела».

Следствие ведем в направлении установления и документации всех фактов злодеяний гитлеровцев в отношении советских граждан, совершенных в Пальмникене, выявления и розыска участников этих злодеяний и организаторов массовых расстрелов — эсэсовцев.

Имея ввиду, что часть эсэсовцев могла остаться на Земландском полуострове и была пленена частями Красной армии, в лагеря военнопленных направляю оперативную группу с использованием в качестве опознавателей задержанного нами ЛИЛИЕНТАЛЬ, свидетелей: ЦИММЕР, ФОЛЬГЕР и пострадавшей, спасшейся от расстрелов ГАУПТМАН. [...]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 82–85. Подлинник. Машинопись.

---

* Должность, имя и подпись закрашены.

** Вероятно, Пауль Фрайенхаген.

3* Т.е. «юнгфольк».

109. Из материалов следственного дела по обвинению лиц, причастных к расстрелу гражданского населения в Пальмникене в январе 1945 г. (г. Берлин, 1965 г.)

24 марта 1965 г.

[...] I. Заключенные, которые были жертвами марша смерти, состояли не только из (преимущественно женского пола) заключенных внешних лагерей Хайлигенбайль, Шиппенбайль, Зееранпен и Йесау, но также среди них было 400 заключенных-евреев мужского пола, которые размещались в самом Кёнигсберге во внешнем лагере (на территории верфи «Шихау»). Они — до роспуска лагеря — работали на Кёнигсбергском вагоностроительном заводе «Штайнфурт». Последним комендантом этого лагеря был обвиняемый Фриц Вебер [Fritz Weber], который покончил с собой в камере предварительного заключения. На той же территории находились несколько бараков и закон-

сервированное фабричное здание. В этом здании и бараках размещались сначала, по мере поступления, заключенные из четырех названных внешних лагерей, которые через несколько дней после их прибытия должны были двинуться маршем на Пальмникен вместе с заключенными внешнего лагеря в Кёнигсберге (примерно 25 или 26 января 1945 года).

В соответствии с показаниями до сего момента допрошенных бывших заключенных, которые в существенной части сходятся друг с другом, как в отдельных внешних лагерях, так и на марше оттуда в Кёнигсберг, происходили расстрелы и другие действия, направленные на совершение убийства. Так, свидетель Клайнман, как бывшая заключенная внешнего лагеря Зееграппен, свидетельствует, что девушка, которая отошла от рабочего места, была застрелена надзирателем. Кроме того, по ее показаниям, на марше из Зееграппена в Кёнигсберг было застрелено много заключенных. Свидетели Ойзерович [Ojzerowicz], Хайтлер [Haitler] и Федер [Feder], которые были заключенными в лагере «Шиппенбайль», описывают, что при роспуске лагеря был взорван барак с больными заключенными (ок[оло] 100–150 человек). Кроме того, свидетельница Ойзерович указывает, что одна из надзирательниц забила насмерть многих заключенных в лагере. И тогдашний руководитель лагеря Эрих Майзель [Erich Meisel] (или Майслер [Meisler]), по свидетельству Хайтлер и Федер, до такой степени избивал заключенных, что они умирали вследствие полученных ран. Кроме того, Майзель (или Майслер), незадолго до роспуска лагеря, несколько раз загружал заключенных на грузовики (в общей сложности около 700 человек), чтобы везти их к Балтийскому морю и там расстреливать. Свидетельница Цвардон [Zwardon] говорит, что в лагере «Хайлигенбайль» множество заключенных были застрелены во время работы людьми из ОТ. Тогдашний руководитель лагеря Ганс Глюк [Hans Glück] (или Глюкман [Glückmann]) незадолго до эвакуации лагеря расстрелял около 15–20 больных человек в так называемом «блоке для выздоравливающих», а также 100 женщин, которые не могли идти. Другие расстрелы происходили во время марша из Хайлигенбайля в Кёнигсберг. Также свидетельница Херцберг [Herzberg] говорит о том, что и на марше из Йесау в Кёнигсберг расстреливались заключенные, которые по состоянию здоровья не могли идти дальше. В этой связи надо отметить, что, помимо этого, обвиняемый Отто Кнотт [Otto Knott] упоминает о расстреле 7–10 женщин в подвале фабричного здания на территории верфи «Шихау», произведенном двумя гестаповцами.

II. Касательно вопроса о том, по чьей инициативе состоялся марш в Пальмникен согласно первоначальному плану уничтожения заключенных в штольне шахты «Анна», и кто по этой причине должен рассматриваться как главное ответственное лицо, в этот вопрос не внес ожидаемой ясности и допрос обвиняемого Вебера. В этой связи Вебер только указывает на то, что гауптштурмфюрер Зонненшайн [Sonnenschein] в Кёнигсберге только передал ему приказ привести заключенных в Пальмникен, где якобы должна была быть наготове группа СС с задачей уничтожения заключенных. Инспектор уголовного розыска Вильгельм Зонненшайн, род[ился] 15 июля 1909 в Эссене-Катернберге, в соответствии с записью в книге ЗАГСа Бохум-Митте, погиб в Кёнигсберге 9 апреля 1945 года, называется двумя свидетелями как бывший служащий учреждения государственной полиции («стапо») в Кёнигсберге. Кроме того, он упоминает штурмбанфюрера Краузе [Krause] из гестапо в Кёнигсберге, с которым он, по его словам, обсуждал ситуацию в руководимом им лагере после поступления туда заключенных из других внешних лагерей. При обсуждении, по словам Вебера, Краузе объявил тому, что он – Вебер – теперь не подчиняется Хоппе [Hoppe] (как тогдашнему руководителю концлагеря «Штуттгоф»), а подчиняется ему – Краузе, и он должен быть в его распоряжении. Это же Веберу по телефону, вскоре после разговора с Краузе, подтвердил

и Хоппе. Обвиняемый Кнотт в этой связи вспоминает, что Вебер ему сказал, что приказ на марш поступил от «стапо» (государственной полиции). (Но он, правда, не знает, имел ли в виду Вебер «стапо» в Кёнигсберге или в Пиллау).

III. В отношении обвиняемого Герхарда Раша [Gerhard Rasch], как возможного источника советов в акции уничтожения, до настоящего времени не стали известны дальнейшие отягчающие обстоятельства. Большая часть всех свидетелей, которые упоминают его имя, могут только свидетельствовать, что они, по слухам, слышали о том, что Раш сообщил ответственным учреждениям в Кёнигсберге о заброшенной штольне в Пальмникене. Единственные свидетели, которые, помимо этого, дали более конкретные показания, это Хорх [Horch] и Фольгер [Folger]. Хорх объясняет, что после прихода русских один из русских следователей по уголовным делам сообщил ему о том, что они ищут Раша, который ответственен за всю акцию. Фольгер говорит о беседе Вебера и Файерабенда [Feyerabend], во время которой Вебер якобы сказал, что в ходе совещания в Кёнигсберге, на котором шла речь что делать с заключенными-евреями, Раш подключился к обсуждению с инициативой, чтобы евреи «исчезли» в этой штольне. В этой связи может представлять интерес тот факт, что Раш был очень хорошо знаком с тогдашним руководителем уголовной полиции Кёнигсберга Хельмутом Мюллером [Hellmuth Müller], по словам последнего же.

IV. Относительно расстрелов в ходе марша из Кёнигсберга в Пальмникен, исходя из нынешнего состояния расследования, можно установить следующее: обвиняемый Вебер, который, впрочем, по именам может назвать только двух охранников из конвоя, а именно санитарного врача Отто Кнотта и гауптшарфюрера Кауфельдта [Kaufeldt], в то время как имена других – если даже они и были ему известны – он, по его заверениям, забыл, хотя и соглашается с тем, что во время всего марша стреляли, однако утверждает, что никого лично не расстреливал. Он, однако, не только не отдавал приказов расстреливать, но, напротив,– хотя и безуспешно – другим старшим из конвоя делал выговоры в связи со стрельбой.

Эти расстрелы он называет эксцессами, которые объясняются пьянством конвойных команд, которые «в подпитии стреляли во время всей этой истории». Обвиняемый Кнотт, который утверждает, что во время марша постоянно ехал на санях в конце колонны, и сам не участвовал в расстрелах, упоминает о разговоре, который состоялся между ним и Вебером на одной из остановок. На его – Кнотта – указание на бесчисленные расстрелы Вебер, по его словам, возразил ему: «А что мне прикажешь делать с этой оравой?» (под которой он, очевидно, имел в виду конвойные команды). У Кнотта, по его словам, возникло впечатление, что эти расстрелы были для Вебера «совсем некстати». С другой стороны, Кнотт дает понять, что он видит движущей силой их деяний, в отличие от Вебера, не пьянство конвоиров, а, скорее, их стремление как можно быстрее идти на марше, чтобы не попасть в руки надвигающимся русским. Но даже если не принимать во внимание высказывания обоих непосредственных участников марша – обвиняемых, то, удостаивая вниманием все прочие обстоятельства преступления, можно прийти к выводу, что расстрелы во время марша ни в коем случае не были исполнением, в соответствии с приказом, указаний лиц или лица, отвечавшим (отвечавшего) за проведение всей акции. Инициаторы марша были заинтересованы в том, чтобы исполнение их приказов на убийства происходило без лишнего шума и огласки, в особенности с учетом чувств и настроения населения, а также безусловно ожидаемых акций возмездия со стороны русских, дальнейшее продвижение которых в район Кёнигсберга, учитывая тогдашнюю военную обстановку, можно было ожидать в ближайшее время. В пользу правильности такого понимания говорит уже тот факт, что в основу плана были положены отданные в Кёнигсберге ответственными лица-

ми приказы загнать заключенных в штольню, лежавшую за пределами Пальмникена и там — незаметно от населения — умертвить. Если бы — по каким бы то ни было причинам — публичности деяния не опасались, то трудно объяснить, почему тогда не был отдан приказ уничтожить 5–6 тысяч заключенных прямо на месте, либо во внешних лагерях, либо — согнав их вместе, в Кёнигсберге. К тому же, по довольно правдоподобным показаниям обвиняемого Вебера, последнему было четко приказано следовать определенным путем с колонной из Кёнигсберга в Пальмникен. Зонненшайн как человек, передавший приказ, передал ему карту генерального штаба, на которой был указан путь, а именно маршрут, который шел исключительно окольными путями. В то время, как самое короткое расстояние по дорогам между обоими населенными пунктами составляет около 50 км, выбранным путем колонна, прежде чем достичь цели, шла 80–85 км. И из этого факта следует, что ответственные лица делали все, чтобы уже само передвижение к запланированному месту уничтожения провести как можно незаметней. И было бы совершенно непримиримым противоречием по отношению ко всему запланированному образу действий, если бы, с другой стороны, был издан приказ уже во время марша расстреливать больных или отставших заключенных. Потому как тогда бы — как ведь, впрочем, на самом деле и произошло — акцию нельзя бы было скрыть, поскольку население должно было бы услышать выстрелы и увидеть на снегу следы расстрелов, даже при том, если бы одновременно были приняты меры к транспортировке трупов, расстрелянных на санях, чего как раз и не произошло, потому что трупы остались лежать у дороги и их видели свидетели даже на следующий день!. Поэтому вполне правдоподобным и понятным звучит высказывание Кнотта о том, что Вебер как раз по этой причине набросился на одного из сопровождающих, которые начали расстреливать еще в пределах городской черты Кёнигсберга (потому что из-за этого — вопреки намерению тех, кто отдал приказ, намерению, о котором знал Вебер — жители города узнали о происходящем и по праву возмущались этим). Другим, в данном случае, правда, ценным только для общего понимания указанием на то, что в последние месяцы войны старались воздерживаться от расстрелов больных и неспособных идти заключенных концлагерей во время эвакуации, является приказ (Einsatzbefehl) № 3 от 25 января 1945 года (пункт 9 aa0), в котором тогдашний комендант концлагеря «Штуттгоф» в связи с эвакуацией лагеря определенно распорядился, чтобы во время марша заключенных, не способных идти дальше, везли на санях.

Делая вывод из всего этого, можно установить, что расстрелы на марше не были исполнением отданных ответственными лицами приказов, а скорее эксцессами отдельных членов конвойных команд, которые — если здраво учитывать все обстоятельства — противоречили намерениям тех, кто отдавал приказы.

С I. Из состава конвойных — после того как Вебер выбыл вследствие самоубийства — на настоящий момент найден только живущий в этом судебном округе обвиняемый Отто Кнотт. Кроме простого участия в марше смерти до настоящего времени ни одной стороной не выдвинуто конкретного обвинения против него. Никто не указал на него как на преступника, а его имя всплыло только в ходе общего расследования в данном деле при просмотре актов дела 17 Ks 1/55 окружного суда в Бохуме. Там он — вместе с Хоппе — обвинялся в соучастии в уничтожении газом в концлагере «Штуттгоф» и был приговорен к 3 годам и 3 месяцам каторжной тюрьмы. Учитывая представленные им возражения, изобличить его личное участие в расстрелах не представляется возможным. Даже если в ходе дальнейшего расследования представится возможность доказать его вину, Кнотт, в сравнении с установленными обвиняемыми, ни в коем случае не может рассматриваться в качестве главного обвиняемого в этом комплексном процессе, так как он, как унтершарфюрер и санитар, действовал как на-

ходящийся в подчиненном положении, не имея при этом даже малейшего влияния на весь ход событий в целом.

II. Гораздо большая степень ответственности и вины касается обвиняемого Курта Фридрикса [Kurt Friedrichs] как тогдашнего бургомистра и руководителя районной ячейки НСДАП в Пальмникене, который – по его собственным показаниям – своим поведением внес существенный вклад в завершение акции уничтожения. После того, как, в связи с энергичным вмешательством директора имений Файерабенда, был сорван первоначальный план загнать заключенных сразу по прибытии в Пальмникен в штольню шахты «Анна» и там убить, Вебер поначалу не знал, что ему делать. На вопрос свидетеля Фольгера о том, что он думает теперь предпринять, он отвечает, что в данный момент вообще ничего не может сделать, поскольку Файерабенд взял на себя ответственность; и он хочет подождать до получения новых приказов. В последующие дни Фридрикс многократно разыскивал Вебера, чтобы склонить его к выводу заключенных из Пальмникена «каким-либо образом». Кроме того, в Пальмникене распространился слух о том, что Фридрикс вместе с Вебером и другими эсэсовцами осматривали Катценгрюнде, местность у Диршкайма со множеством оврагов и ущелий, чтобы оценить ее пригодность для проведения акции уничтожения. Когда потом Файерабенд, как руководитель пальмникенского фольксштурма, отбыл со своими людьми по приказу и, таким образом, более не было на месте именно того человека, который – как прежде – мог бы противостоять любым акциям с целью уничтожения заключенных, Фридрикс еще раз пошел к Веберу, чтобы склонить его к тому, чтобы, наконец, позаботиться о том, чтобы евреи «исчезли» из Пальмникена. При этом он (Фридрикс) осознавал, что он создает решающую предпосылку для последующего уничтожения примерно 3000 заключенных, потому как ему было ясно, что Вебер, если он поддастся на его уговоры, решение проблемы будет искать и находить в уничтожении евреев. Непосредственно после проведения акции уничтожения Фридрикс поставил нескольким членам пальмникенского гитлерюгенда, которых он же снабдил карабинами, задачу обыскать окружные леса и здания в пределах населенного пункта, чтобы отловить выживших участников марша. При этом он оставил на их усмотрение возможность в случае поимки сбежавших заключенных либо расстреливать последних на месте, либо вести их в Дом церковной общины, где они потом перепоручались оставшемуся от конвоя «комиссару по выстрелам в затылок» «Вилли» [“Willy”], который их, в свою очередь, и расстреливал. Однако, Фридрикс использовал также и взрослых для преследования сбежавших заключенных. Так, свидетель Плау [Plau] сообщает о том, что Антон Аукшун [Anton Aukschun] ему сказал, что Фридрикс поставил ему задачу найти сбежавших евреев и, вообще, «валить» каждого, кто будет мешать выполнению поставленной задачи. Как раз этот Аукшун, по наблюдению свидетеля Фенора [Venohr], вместе со своими двумя сыновьями застрелил еврейку.

III. При таком результате произведенного ранее расследования нет оснований сомневаться в том, что в ряду до сих пор установленных по имени и фамилии и еще живущих обвиняемых основной упор в процессе надо делать не на Кнотта, а, скорее, на Фридрикса. И если Кнотт, в лучшем случае, может быть привлечен к ответственности как случайный преступник (из-за расстрелов во время марша) или как так называемый получатель приказов (из-за расстрелов на пляже у Пальмникена), то Фридрикс уже сейчас находится под сильным подозрением в том, что по его инициативе был произведен расстрел примерно 3000 заключенных на побережье у Пальмникена, а также убиты позднее схваченные, избежавшие поначалу расстрела заключенные.

D. Для дальнейшей работы над делом важны следующие данные: уголовная полиция, до сих пор занимавшаяся проведением следственных действий, составила карто-

теку по лицам и деяниям, а также тома дела по свидетелям и обвиняемым. Кроме того, составлена копия акта расследования, которая должна быть в распоряжении представителя прокуратуры на главном процессе. Также до настоящего времени выдано 5 приказов на розыск. Было бы предпочтительно – во избежание ненужной двойной работы – привлечь эти данные. В связи с другой перспективной возможностью установить имена охранников из концлагеря «Штуттгоф» и внешних лагерей, которые, возможно, участвовали в марше смерти, указываем на л. IX /1818a, л. X/1981 в деле.

5. Другие распоряжения – отдельно.

Берлин, 24 марта 1965 года,

Грайнер [Greiner], прокурор

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 4. Микрофиша 1. Машинопись.

110. Из материалов следственного дела по обвинению лиц, причастных к расстрелу гражданского населения в Пальмникене в январе 1945 г. (гг. Берлин, Люнебург, 1967–1973 гг.)

29 мая 1967 г.– 22 октября 1973 г.

2 a Js 405/65 Лист дела 1204, 22.10.1973

1. Примечание:

Предметом расследований были:

A. Расстрел 22 заключенных в бывшем штрафном трудовом лагере «Пальмникен» в период с января по март 1945 года

и

B. убийство примерно 5000 заключенных-евреев в ходе ликвидации концлагеря «Штуттгоф» и его внешних лагерей с середины до конца января и в начале февраля 1945 года. Из внешних лагерей Хайлигенбайль, Шиппенбайль, Зееранпен, Йесау и Кёнигсберг в середине января 1945 года в Кёнигсберг было согнано примерно 5000 заключенных, которые были выведены в Пальмникен. На марше и в Пальмникене почти все они были убиты.

Предварительное расследование велось Центральной надзорной инстанцией Земельных органов юстиции, которая передала дело в прокуратуру Киля, так как там проживал главный обвиняемый, бывший обершарфюрер СС Фриц Вебер (Fritz Weber].

После того, как Вебер покончил в январе 1965 года жизнь самоубийством в предварительном заключении, дело передали в прокуратуру Берлина, где проживает бывший унтершарфюрер СС Отто Кнотт [Otto Knott]. Так как в отношении него нет конкретных отягчающих показаний, прокуратура Берлина передала дело в прокуратуру Люнебурга, в округе которой проживает бывший бургомистр Пальмникена Курт Фридрикс [Kurt Friedrichs], в отношении которого имеется подозрение в содействии убийствам в Пальмникене.

A. Убийства в штрафном трудовом лагере «Пальмникен».

[...] С 1942 года на территории янтарного комбината располагался штрафной трудовой лагерь, главным образом, для польских заключенных. Лагерь подчинялся управлению юстиции и, очевидно, управлялся тюрьмой Земельного суда Кёнигсберга. Персонал состоял из чиновников министерства юстиции, которым были приданы

в поддержку сотрудники янтарного комбината в качестве надзирателей. Заключенные работали на открытой добыче и в мастерских янтарного комбината.

Последним руководителем этого трудового штрафного лагеря, в который с конца 1944 года переводили также немецких заключенных, был тогдашний старший чиновник юстиции Герман Юлиус Янц [Hermann Julius Janz], род[ился] 12.02.1890 в Позенберге, который 12.03.1950 был объявлен умершим. Считается, что он умер в Кёнигсберге или Пальмникене в советском плену.

Среди немецких заключенных в Пальмникене был и свидетель Альфред Крэмбринг [Alfred Krämbring], который указал, что в период с конца января по начало февраля 1945 года Янц вместе с «директором тюрьмы Кёнигсберга» и «в присутствии президента верховного земельного суда Кёнигсберга» убил выстрелами в затылок 22 заключенных, в их числе трех евреев и двух поляков. Он, Крэмбринг, видел все расстрелы сам, за исключением четырех случаев, все трупы он должен был закапывать. Очевидно, по его словам, что расстрелы проводились по указанию двух эсэсовцев, которые стояли рядом во время экзекуций. Сами эсэсовцы не стреляли, только раз один из них добил выстрелом одну из жертв.

В своих деталях эти показания, однако, должны оцениваться с осторожностью, поскольку Крэмбринг был ранее наказан за клевету, а при последующей попытке его допроса объявил, что больше ничего не хочет говорить. По своей сути, впрочем, его описание правдоподобно. Расстрелы евреев, поляков и других заключенных по указанию СС были к моменту деяния не редкими. К тому же и другой свидетель – Лаач [Laatsch] – слышал о расстрелах в штрафном трудовом лагере в Пальмникене, хотя, правда, не смог привести каких-либо подробностей. Крэмбринг, хотя и утверждал, что бывший добровольный помощник полицейского Функ [Funk] мог бы сказать больше, так как, по мнению Крэмбринга, он участвовал в расстрелах евреев, однако Крэмбринг не смог обосновать свое подозрение. Рассматривается участие в этом экспедитора Вальтера Функа, род[ился] 03.08.1904 в Кёнигсберге, проживает в Евере, Тильзитер Штрассе [...], который во время войны был помощником полицейского в Кёнигсберге. Функ, однако, утверждает, что ничего не знает о расстрелах в Пальмникене. Других отягчающих обстоятельств против него выявлено не было.

Последний президент верховного земельного суда Кёнигсберга, как известно, был казнен в последние дни войны, что, впрочем, упоминает Крэмбринг.

Установить личность «директора тюрьмы Кёнигсберга» не удалось. Поиски эсэсовцев бесперспективны, так как Крэмбринг не указал ни званий, ни имен [...]

II. Концентрационный лагерь «Штуттгоф» и его соседние лагеря.

1) Концлагерь «Штуттгоф».

Штуттгоф – маленькая деревня в 36 км к востоку от Данцига у начала косы Фрише Нерунг. В 1940 году там был построен особый лагерь СС, который в феврале 1942 года преобразован в «Государственный Концентрационный Лагерь». Это был трудовой лагерь, к которому присоединили многочисленные производственные предприятия и мастерские, в которых заключенных принуждали к труду. Конвойные команды и административный персонал относились к подразделению СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф». В этом соединении были также немцы из Венгрии, что подтверждается документально «Приказом комендатуры № 81» от 04.12.1944.

Как и все большие концлагеря, «Штуттгоф» должен был обслуживать большой регион дешевыми рабами-рабочими, которые частично размещались в расположенных далеко от главного лагеря внешних лагерях. Такими внешними лагерями для Штуттгофа были лагеря в Померании, Вартегау и Восточной Пруссии. К концу 1944 года в концлагере «Штуттгоф» и его внешних лагерях содержалось около 100 000 заключенных.

Такое большое число заключенных стало следствием того, что летом 1944 года началась ликвидация концентрационных и трудовых лагерей в прибалтийских государствах, особенно в районе Риги, и заключенных, преимущественно евреев, переводили в Штуттгоф, а оттуда в другие внешние лагеря. С другой стороны, большое число заключенных было переведено в концлагерь «Штуттгоф» и соседние лагеря из концлагеря «Освенцим», который в конце 1944 года был оставлен в связи с приближающимся фронтом.

Последним комендантом лагеря «Штуттгоф» и его внешних лагерей был тогдашний штурмбанфюрер СС Пауль-Вернер Хоппе, которому уже вынесен приговор по другому делу. В настоящем деле нас интересуют только внешние лагеря «Хайлигенбайль», «Шиппенбайль», «Зееграппен», «Йесау» и «Кёнигсберг».

2) Внешний лагерь «Хайлигенбайль».

Хайлигенбайль расположен в 45 км к юго-западу от Кёнигсберга, на полпути шоссейной и железной дороги на Эльбинг, примыкает к побережью залива Фришес-Хафф. В тамошнем внешнем лагере было от 1000 до 1500 заключенных, преимущественно женщин, которые работали на строительстве дорог и на аэродроме.

3) Внешний лагерь «Шиппенбайль».

Шиппенбайль, в 55 км к юго-востоку от Кёнигсберга. В нем содержалось также около 1500 заключенных, работавших на расширении аэродрома. И здесь большинство заключенных — женщины. Условия там были настолько плохими, а смертность такой высокой, что при ликвидации лагеря в середине января оставалось всего 700 заключенных.

4) Внешний лагерь «Зееграппен».

В лагере «Зееграппен», примерно в 14 км к северо-западу от Кёнигсберга, находилось около 2000 заключенных, также большей частью женщины, которые были заняты на строительстве дорог.

5) Внешний лагерь «Йесау».

На аэродроме «Йесау», в 18 км к югу от Кёнигсберга, был лагерь с 1000 женщинами-заключенными из Освенцима и примерно 500 мужчинами-евреями из вильнюсского гетто. Заключенные здесь также должны были работать на аэродроме.

В этих четырех лагерях за заключенными следили несколько низших чинов СС, которым подчинялись надзирательницы СС и сотрудники ОТ (Организации Тодта).

6) Внешний лагерь «Кёнигсберг».

В городе Кёнигсберг, на территории верфи «Шихау», в городском районе Континен был внешний лагерь, в котором содержалось примерно 400 евреев. Каждый день на паромах их перевозили через Прегель и направляли на работы в вагоностроительную фабрику «Штайнфурт АГ». Руководителем этого лагеря был уже упомянутый Фриц Вебер, в то время обершарфюрер СС.

III. Ликвидация внешних лагерей и марш в Кёнигсберг.

В середине января 1945 года внешние лагеря «Хайлигенбайль», «Шиппенбайль», «Зееграппен» и «Йесау» были распущены, а заключенных пешим порядком направили в Кёнигсберг. Заключенные были сильно ослаблены нечеловеческими условиями содержания в трудовых лагерях, на них не было соответствующей зимним погодным условиям одежды, их выносливость была незначительной. Уже на марше в Кёнигсберг многих слабых и обессиленных заключенных, которые не выдерживали темпа марша, расстреливали конвойные команды, состоявшие из лагерного персонала СС и охранников ОТ.

В Кёнигсберге евреев распределили в нескольких накопителях. Одна группа попала во внешний лагерь верфи «Шихау», другая — в прядильную фабрику на Рейхсштрассе 1, в которой ранее располагался лагерь цыган, а третья группа расположилась в казар-

мах в городском районе Кальтхоф вблизи от аэродрома. В общей сложности там было около 5000 заключенных-евреев, около 4000 женщин и 1000 мужчин.

IV. Марш в Пальмникен.

Примерно 23.01.1945 эти 5000 заключенных двинулись в пеший путь в Пальмникен. Руководителем этой колонны был, предположительно, обершарфюрер СС Вебер, который прошел со своей группой через Кёнигсберг. Другие группы присоединились к нему вне города.

В Кёнигсберге часть заключенных не кормили, поэтому они не были готовы к испытаниям длительного пешего марша. Еще в городе Кёнигсберг многих из них расстреляли, а трупы просто оставили лежать на улице.

Маршрут вел исключительно окольными путями мимо населенных пунктов Метгетен, Другенен, Куменен, Поленен, Кирпенен, Гермау, Пальмникен.

Здесь в пути также было расстреляно много заключенных или они оставались лежать на дороге, став жертвами истощения, голода или 20-градусного мороза. Как еврейские, так и немецкие свидетели рассказывали о продолжавшихся на всем пути расстрелах и усеивавших путь трупах.

Число погибших по пути заключенных составило примерно 2000, так как из 5000 имевшихся в Кёнигсберге евреев только 3000 дошли до Пальмникена.

V. Пребывание в Пальмникене.

В ночь на 26 или 27 января 1945 года колонна заключенных вошла в Пальмникен. Испуганное население проснулось от выстрелов конвоиров и поначалу подумало, что русские уже вошли в город. Несколько свидетелей наблюдали ночью во время входа колонны евреев, как заключенных расстреливали сопровождающие конвойные, однако никто из свидетелей не мог ничего сказать о преступниках.

Этой же ночью евреев разместили в большом зале слесарных мастерских янтарного комбината.

На следующее утро население пришло в сильное возбуждение. Только теперь стал виден размах расстрелов. На улицах города и на дороге за ним лежали многочисленные трупы. Между Пальмникеном и Зоргенау на пути длиной 2 км было найдено около 200–300 трупов, один свидетель насчитал около 400 трупов. Руководство янтарного комбината отрядило несколько телег и саней для вывоза трупов. Их похоронили в братской могиле на территории шахты «Анна». Один только свидетель Отто Воттке [Otto Wottke], бывший в ту пору извозчиком, по его словам, вывез к братской могиле от 200 до 300 трупов.

Помимо этого, конвой еще и потому вызвал переполох, что Пальмникен и без этого был переполнен беженцами и воинскими частями. В конце концов, население подозревало, как потом выяснилось, что с евреями случится что-то ужасное, и опасалось актов возмездия со стороны находившихся в непосредственной близости советских войск. Конвоиры мало что рассказывали, однако некоторые из них объявили, что в конвое евреи, «с которыми здесь будут расправляться (или расстреливать)».

Руководитель конвоя, обершарфюрер СС Вебер, объявил также директору янтарного комбината Ландману [Landmann], что его прислали из Кёнигсберга в Пальмникен, чтобы завести евреев в заброшенную штольню и там убить. Ландман, однако, воспротивился этому и сказал, что об этом не может быть и речи даже хотя бы потому, что штольни используются для водоснабжения. Ландмана энергично поддержал директор имений янтарного комбината Файерабенд [Feyerabend]. Файерабенд был майором в запасе и одновременно командиром местного фольксштурма. Он отверг всякую возможность убивать евреев и объявил в беседе с Вебером, что не позволит сделать из Пальмникена второй Катыни, как сообщают свидетели этого разговора. Он проявил

очень деятельную заботу о евреях, достал сено и пропитание для них, предоставил им кухню комбината и выдал из запасов большое количество гороха, хлеба и мяса. Часть населения при этом его поддерживала.

Однако 30 января его, вместе с отделением фольксштурма, внезапно отправили на фронт, проходивший всего в 20 км к востоку, где он в тот же день погиб при невыясненных обстоятельствах. Погиб ли он, или совершил самоубийство, или был убит по заданию полиции безопасности, это выяснить не удалось.

VI. Убийства в ночь с 31 января на 1 февраля 1945 и позднее.

1) В ночь с 31 января на 1 февраля 1945 года евреев, разместившихся в слесарной мастерской янтарного комбината, снова отправили на марш. Им сказали, что их приведут к Балтийскому морю, чтобы там погрузить на корабли и отвезти в безопасное место. На самом деле, их должны были убить. Вебер распорядился, чтобы в конце колонны маршировали мужчины. Колонну повели к берегу в направлении Зоргенау (на юг). Дорога шла вдоль берега обледеневшего Балтийского моря. Начиная с конца колонны, образовывались группы по 50–100 заключенных, которые должны были остановиться, и потом они расстреливались конвойными командами или загонялись в ледяное море. Таким способом были убиты почти все заключенные. Только немногие, примерно 200 человек, смогли убежать из колонны, причем отдельные конвойные им в этом помогали, или же им удавалось, хотя и раненым, той же ночью или на следующее утро выбраться из плавающих в море льдин. За расстрелами на побережье наблюдали свидетели, другие в последующие дни видели трупы. Показаний против конкретных преступников при этом они дать не смогли.

Убежавшие и выжившие пытались найти защиту и помощь у населения. Некоторым это удалось, они были приняты немецкими жителями Пальмникена и близлежащих деревень и имений, которые ухаживали за ними и прятали их до прихода русских, что показали не только немецкие, но еврейские свидетели, которые частично еще до сих пор поддерживают контакт со своими спасителями. В одном из случаев немецкий врач Шрёдер [Schröder] не только оказал врачебную помощь раненой еврейке из Освенцима, но и удалил у нее также концлагерную татуировку с номером с локтя.

2) После расправы конвойная команда покинула Пальмникен, за исключением одного эсэсовца неизвестного звания, которого все называли «комиссаром по выстрелам в затылок». Под его руководством или по его указанию были образованы поисковые команды, которые частично состояли из членов гитлерюгенда. Эти команды искали убежавших евреев и некоторых из них поймали. Пойманных сначала вели в служебные помещения бургомистра и руководителя местной ячейки НСДАП Курта Фридрикса, а потом передавали «комиссару по выстрелам в затылок». Либо он, либо члены гитлерюгенда расстреливали пойманных у шахты «Анна».

Об этих эпизодах сообщали не только непосредственные свидетели, но и бывшие жители Пальмникена, которые слышали ночью выстрелы у моря и позднее узнали о том, что евреев загнали в море, и которым также рассказывали, как охотились за сумевшими убежать заключенными. Эти эпизоды были у всех на слуху в Пальмникене.

После занятия советскими войсками 15.04.1945 Пальмникена они на Троицу 1945 года приказали немецким женщинам собственноручно вскрыть братские могилы и торжественно похоронить трупы, при этом был сооружен памятник. Таким образом были перезахоронены примерно 500 трупов.

Они также провели расследование случившегося и казнили нескольких жителей Пальмникена, в их числе Леша [Lesch] и Эмиля Эгерта [Emil Egert], имена которых в документах дела вообще не фигурируют.

VII. Персоны, которые могут попасть под подозрение в совершении преступлений.

В качестве обвиняемых могут выступить следующие группы лиц:

1) Отдававшие приказ на ликвидацию внешних лагерей.

2) Отдававшие приказ на марш в Пальмникен.

3) Конвойные команды, если возможно доказать их участие в расстрелах по дороге или в Пальмникене.

4) Все другие лица, которые предлагали или помогали убивать евреев в Пальмникене.

1) Отдававшие приказы на ликвидацию внешних лагерей.

Вопрос о том, кто отдал приказы на роспуск находившихся на востоке концлагерей в конце войны в достаточной степени ясен. Как на Нюрнбергском процессе против Геринга и других, так и на процессе против высокопоставленных функционеров административно-хозяйственного управления СС было сказано, что рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ высшим руководителям СС и полиции, в соответствии с которым при приближении фронта они должны были ликвидировать лежащие в зоне их ответственности концлагеря. При этом надо учитывать, что такого рода высказывания свидетелей и обвиняемых надо оценивать с осторожностью, так как каждый, кого это как-то затрагивало, старался и старается снять с себя ответственность. Ни в Институте современной истории, ни в Федеральном архиве по этому вопросу не имеется документальных данных. Однако, в отношении лагеря «Штуттгоф» сохранился документ. Речь идет об «Оперативном приказе № 3» от 25.01.1945, который издал тогдашний командир лагеря штурмбанфюрер СС Хоппе [Hoppe]. Этот приказ начинается так:

«Согласно приказу руководителя соединения СС и полиции «Висла» группенфюрера СС и генерал-лейтенанта Ваффен-СС Кацмана [Katzmann], все заключенные мужского и женского пола, начиная с 25.01.1945 6:00, пешим порядком ведутся обратно...»

Далее следуют детальные указания о разделении на маршевые колонны, охрану, маршрут и так далее. В качестве цели марша называется Лауэнбург/Померания. Во время марша надлежало постоянно отправлять донесения высшему руководителю СС и полиции «Висла», а по достижении округа Данциг – Западная Пруссия, ответственному за него высшему руководителю соединения полиции и СС «Север». Из этого можно сделать вывод, что по меньшей мере о роспуске концлагеря «Штуттгоф» соответствующим высшим руководителем СС и полиции был отдан приказ.

Для настоящего дела имеет значение следующий пункт приказа:

«Во время марша полностью выбывающие марширующие должны быть в отдельных населенных пунктах переданы полицейской охране, а позднее забраны на сани последней проходящей там колонной.

Для захоронения мертвых на марше командир конвоя должен выделить особую группу захоронения. Захоронение должно происходить по устному указанию. Инструмент для захоронения должен быть выдан лагерем заключения и привезен на санях».

О роспуске подчиненных лагерей приказ ничего не говорит. Сам Хоппе дал показания о том, что по вопросу роспуска Штуттгофа он обратился к Катцману и получил от последнего приказ как можно быстрее ликвидировать главный и внешние лагеря. Сначала он распорядился о роспуске главного лагеря, чего нельзя сказать о внешних лагерях, так как у него не было с ними связи. Однако, он предполагает, что внешние лагеря получили приказ на ликвидацию от высшего руководителя СС и полиции в Кёнигсберге. То, что Хоппе не занимался ликвидацией лагерей, фигурирующих в этом деле, которые все были к востоку от Эльбинга, представляется правдоподобным; ведь когда он издал свой «Оперативный приказ № 3», бои шли уже за Эльбинг, так что связь с внешними лагерями была по меньшей мере затруднена.

Вебер дал показания о том, что после поступления заключенных из других внешних лагерей он обсудил их положение в руководимом им внешнем лагере на верфи «Шихау» в Кёнигсберге с штурмбанфюрером СС Краузе из гестапо Кёнигсберга. При этом Краузе [Krause] объявил ему, что он, Вебер, больше не подчиняется командиру концлагеря «Штуттгоф», а подчиняется ему, Краузе, и он теперь должен быть в его распоряжении. Что он больше не подчинялся Хоппе, сам Хоппе вскоре ему подтвердил по телефону.

По этой логике надо полагать, что указания на ликвидацию внешних лагерей концлагеря «Штуттгоф», фигурирующих в этом деле, а также ликвидацию основного лагеря были даны высшим руководителем соединения СС и полиции «Висла». Получили ли коменданты внешних лагерей теперь соответствующие приказы непосредственно из учреждения высшего руководителя СС и полиции или по должностному порядку через начальника полиции безопасности и соответствующие подразделения гестапо, не поддается установлению. Также не выявилось указаний на лица, которые передали такого рода приказы.

Высшим руководителем СС и полиции являлся в то время группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Фридрих Кацман [Katzmann], род[ился] 6.5.1906, который умер 19.09.1957.

Названного только Вебером майора Краузе установить не удалось, так как отсутствуют детальные указания на лицо и должностное положение.

Другие входящие в круг подозреваемых лица также не смогли быть установлены.

Дальнейшее расследование по этому пункту не обещает успеха.

2) Лица, отдавшие приказ на марш в Пальмникен.

Вебер дал следующие показания относительно повода для своего марша в Пальмникен:

Утром в его лагерь пришли два руководителя СС и приказали ему со своими людьми явиться маршем к полицай-президиуму, где его будет ждать гауптштурмфюрер СС Зонненшайн [Sonnenschein]. Он вышел маршем и встретил Зонненшайна, который дал ему генеральную карту, на которой был нанесен маршрут движения в Пальмникен. Зонненшайн сказал, что в Пальмникене ожидает команда СС. Ему, Веберу, стало при этом ясно, что евреев в Пальмникене должны были убить.

Зонненшайн также сказал, что он должен в Пальмникене обратиться к руководителю тамошнего янтарного комбината, тот в курсе дела. На основании этого приказа он вышел со своими 400 заключенными. В пути к нему присоединились другие колонны, среди них одна, которой руководил неизвестный ему старший командир из ОТ, и еще одна колонна, которой руководил гауптшарфюрер СС Кауфельдт [Kaufeldt]. В пути дважды появлялся автомобиль (кюбельваген), в котором находилось несколько младших командиров СД. Один из них, в звании гауптшарфюрера, объявил ему, что он должен надзирать за колонной и следить, чтобы она не попала на главную дорогу, а он, Вебер, должен следить за тем, чтобы шедшие в колонне держались вместе.

Изложение Вебера ошибочно, когда он говорит, что только после выхода из лагеря узнал о том, что заключенных надо будет вести в Пальмникен. Для такого марша требовалась организационная подготовка, которая, однако, на самом деле и была проведена уже в лагере. Вебер сам дал показания о том, что в конце его колонны ехал на санях санитар Кнотт, присматривавший за больными. Тогдашний унтершарфюрер СС Отто Кнотт, который прибыл во внешний лагерь Кёнигсберг на верфи «Шихау» за несколько дней до ухода из лагеря, по сути дела дал похожее и более правдоподобное описание случившихся событий, разнящееся лишь в деталях. По его воспоминаниям, он был переведен во внешний лагерь как санитар 20.01.1945. Он, как говорит

Кнотт, представился Веберу, который сообщил ему, что скоро лагерь будет распущен. Вебер много звонил и рассказал ему, что евреи пойдут в Пальмникен, так ему, Веберу, приказало гестапо, при этом он, Кнотт, не помнит теперь, имелось ли в виду гестапо в Кёнигсберге или в Фишхаузене. В день выхода колонны появились люди из гестапо и стали стрелять по заключенным. Еще в лагере Вебер распорядился, чтобы он, Кнотт, ехал на санях в конце колонны и присматривал за больными. Все остальные события Кнотт описал примерно так же, как и Вебер, однако указал, что Вебер был руководителем всей колонны.

По показаниям вдовы Файерабенда и вдовы Ландмана, Ландман незадолго до прибытия заключенных в Пальмникен принял телефонный звонок из Кёнигсберга, при этом ему сообщили, что прибывает колонна заключенных, и евреев должны убить в одной из штолен. Кто звонил, установить не удалось.

Тогдашний руководитель Государственной Янтарной Мануфактуры в Кёнигсберге Герхард Раш [Rasch] дал показания о том, что о возможностях размещения в Пальмникене у него интересовался руководитель СС Розенбаум [Rosenbaum] или Розеншток [Rosenstock].

Вебер сам рассказал в Пальмникене свидетелю Фольгеру [Folger], что он в Кёнигсберге получил приказ привести евреев в Пальмникен. После того, как Файерабенд и Ландман воспротивились уничтожению евреев, Вебер сказал Фольгеру, что ждет теперь дальнейших приказов «из Кёнигсберга».

Командир лагеря «Штуттгоф» Хоппе вспоминает, что в феврале или марте 1945 года у Штуттгофа на берег моря вынесло трупы с огнестрельными ранениями. Хоппе тогда по разговорам узнал, что у Пальмникена были расстрелы, и он предполагает, что эти экзекуции исходили из руководящего отдела государственной полиции Кёнигсберга. Из показаний Вебера в связи с другими высказываниями следует вывод, что приказ на марш в Пальмникен он получил от руководящего отдела гестапо Кёнигсберга. Названный им гауптштурмфюрер Зонненшайн, очевидно, идентичен с тогдашним уголовным комиссаром Вильгельмом Зонненшайном, род[ился] 15.07.1909 в Эссене-Катернберге, который погиб в Кёнигсберге 09.04.1945. Он руководил отделом гестапо Кёнигсберга как начальник отделения IV 2 а (еврейский вопрос).

С лета 1944 года руководителем отдела гестапо Кёнигсберга был советник правительства и штурмбанфюрер СС Курт Горниг [Kurt Gornig], род[ился] 15.11.1912 в Леобшютце, погибший при взятии Кёнигсберга и позднее признанный умершим. По показанию бывшего штурмбанфюрера СС Рюберга [Rühberg], в конце войны Горниг однажды лично занимался отправкой заключенных одного из внешних лагерей концлагеря «Штуттгоф» в Пальмникен. Значительным влиянием на Горнига в то время якобы обладал тогдашний секретарь полиции Йоахим Зиберт [Joachim Siebert], который также добровольно участвовал в неизвестном расстреле. Зиберт погиб во время боев за Кёнигсберг.

Руководитель СС Розенбаум или Розеншток, о котором упоминал только свидетель Раш, не был найден. Был установлен только бывший унтерштурмфюрер СС Вильгельм Розенбаум [Wilhelm Rosenbaum], который, однако, до конца войны находился в Зальцбурге и поэтому исключается из этого дела, также, как и его пропавший брат, который был всего лишь шарфюрером СС. Дальнейшее расследование не обещает успеха.

3) Конвойные команды.

О конвойных командах не удалось установить ничего точного. По высказываниям множества свидетелей из Пальмникена, это были три эсэсовца нижних офицерских рангов, 22 солдата СС и примерно 120–125 охранников из ОТ. То, что в их числе были и сотрудники из ОТ, кажется, соответствует действительности, потому как об этом

говорили многочисленные свидетели, и Кнотт говорит о людях ОТ как сопровождающих лицах. Другие свидетели, однако, указывают, что конвоиры были «солдатами Власова» или украинцами и белорусами, иностранцами, венгерскими, бельгийскими или румынскими солдатами СС и литовцами, латышами или эстонцами. Вебер сказал, что одну из колонн сопровождало 60–80 казаков, другую колонну – валлонские, фламандские и бельгийские члены ОТ.

Одно вовсе не исключает другого. Если принять во внимание, что к моменту деяния все возможные народы были в самых различных униформах, и что по «Приказу коменданта № 81» концлагеря «Штуттгоф» также и немцы из Венгрии служили в СС, то следует исходить из того, что среди конвойных команд было некоторое число иностранных членов ОТ, эсэсовцы и члены других так называемых иностранных соединений.

Точно установлено только, что руководителем конвоя был уже названный обершарфюрер СС Фриц Вебер, покончивший жизнь самоубийством в предварительном заключении, и что к числу конвойной команды принадлежал также унтершарфюрер СС Отто Кнотт. Вебер, правда, отрицал, что сам расстреливал евреев, но, по меньшей мере, он может быть ответственным за массовые расстрелы на побережье Пальмникена и расстрелы заключенных на марше. Однако, он мертв.

В отношении Кнотта, с другой стороны, нет отягчающих пунктов. Хоть он и отрицал на первом допросе, что вообще был на марше в Пальмникене, однако на втором допросе дал показания, которые в существенной части совпадают с уже полученными ранее сведениями и представляются правдоподобными. Кнотт указал, что в Кёнигсберге получил приказ от Вебера ехать за колонной на санях и присматривать за больными. Вебер это подтвердил. Кнотт, как он говорит, в Пальмникене погрузил на несколько саней больных евреев и добрался с ними до Пиллау, где у него евреев забрали. И это подтвердил Вебер. Однако, Кнотта ни еврейские, ни немецкие свидетели не называют по имени или по исполнявшейся им функции (санитар, водитель повозки). Участие в деяниях, связанных с убийствами и преследуемых по закону, не может быть доказано в его отношении.

Вебер и Кнотт один в один указали, что кроме них было также 8 солдат СС, кроме того, было около 100 людей из ОТ и «казаки».

Неизвестный руководитель ОТ, который мог быть сотрудником имперской службы труда, в Кёнигсберге или под Кёнигсбергом скрылся с санями, полными продовольствия.

По словам Вебера, у него было 5–7 эсэсовцев в подчинении, среди них Кнотт, которого он назвал по имени, других имен своих людей он назвать не смог, и Кнотт не назвал больше ни одного имени людей из своей команды. Оба также не характеризовали каких-либо названных другими свидетелями сотрудников СС как участников марша смерти, им эти имена неизвестны.

Вебер, однако, при этом указал, что руководителем одной из женских колонн был гауптшарфюрер СС Кауфельдт [Kaufeldt]. Кауфельдт рассказал ему, что ранее он был со своими евреями в Метгетене и там участвовал в постройке укреплений. Так как Зееранпен расположен всего в 4 км от Метгетена, напрашивается заключение из слов Вебера о том, что Кауфельдт был руководителем тамошнего внешнего лагеря. Фамилия Кауфельдт более не упоминается ни одним из свидетелей. В качестве начальника лагеря «Зееранпен» одной из свидетельниц, напротив, называется обершарфюрер СС Шэфер.

По словам Вебера, Кауфельдт вместе с ним из Пальмникена прибыл в Пиллау, где он потерял его из виду. Отягчающих показаний против Кауфельдта Вебер не дал. Однако он сообщил, что в Пальмникене внезапно появился гауптшарфюрер СД, которого он уже видел в пути в автомобиле (Kübelwagen), и потребовал уничтожить евреев

в штольне. Он, Вебер, отказался это делать и был поддержан Кауфельдтом. После этого гауптшарфюрер СД вел разговоры только с Кауфельдтом.

На вопрос, стрелял ли Кауфельдт в пути и в самом Пальмникене, Вебер пояснил, что по этому поводу не желает говорить.

Расследование в отношении Кауфельдта было безрезультатным.

Кнотт также указал, что на марше был также не упоминаемый в документах дела обершарфюрер СС Йохан Майер [Johann Meyer], руководитель внешнего лагеря «Хайлигенбайль». Если Вебер указал, что неизвестный руководитель ОТ был в группе Кауфельдта, Кнотт считает, что этот руководитель ОТ находился в группе Майера. О возможном участии Майера в убийствах Кнотт ничего не сказал. Он также не знает, куда делся Майер. Майера в звании обершарфюрера СС в ходе следствия не удалось установить. И прочие заключенные лагеря «Хайлигенбайль» не называли имени Майер. Комендантом внешнего лагеря «Хайлигенбайль» называется шарфюрер СС или обершарфюрер СС «Ганс» Глюк [Glük] или Глюкман [Glükmann], у которого была собака, и который еще в Хайлигенбайле, непосредственно перед маршем в Кёнигсберг, как говорят, расстрелял 15–20 больных. По показаниям нескольких еврейских свидетельниц, он шел с ними на марше в Пальмникен, и как по пути, так и на побережье расстрелял большое число заключенных. Его поиски остались безуспешными.

Во внешнем лагере Хайлигенбайль была также надзирательница СС Эрна Нойман [Erna Neumann], которая также сопровождала колонну заключенных в Пальмникен, и участвовала в расстрелах на побережье. Ее также не удалось найти. Кнотт сказал, что он помнит, что в конвойных командах было 1–2 надзирательницы, но более подробных деталей привести не смог.

Другая фамилия, которую называют,— Шэфер [Schäfer], служащий СС. Свидетельница Армс [Arms], которая тогда жила в Пальмникене, полагает, что так звали руководителя конвоя. Возможно, имеет место путаница с Вебером. Свидетельница Пола Цвардон [Pola Zwardon], заключенная внешнего лагеря «Хайлигенбайль», во время второго допроса назвала фамилию Шэфер как временного коменданта лагеря «Хайлигенбайль», который через 4 недели был заменен Глюком/Глюкманом. Отягчающих показаний против Шэфера она не дала. Во время первого допроса она не называла Шэфера.

Свидетель Фрида Клайнман [Fryda Klajnman] на втором допросе называла обершарфюрера СС Шэфера командиром лагеря «Зееграппен», которого на первом допросе она не называла.

И хотя в документационном центре в Берлине было просмотрено более 500 дел по фамилии «Шэфер», не удалось обнаружить никаких весомых улик. Не исключено, что имеет место путаница с названным Кноттом Йоханном Майером.

В качестве руководителя внешнего лагеря «Йесау» называется обершарфюрер СС Шток [Stock] или Розеншток [Rosenstock] «или человек со сходной фамилией», который, по показаниям, в ночь убийства в Пальмникене приказал расстреливать убегающих. Было проверено множество актов документационного центра с фамилией «Шток», однако не были установлены достаточные основания для идентификации разыскиваемого. Дальнейшие расследование также не обещает здесь успеха, в частности, потому, что правильная фамилия не установлена.

О персонале лагеря «Шиппенбайль» бывшие заключенные лагеря сказали, что комендантом был сначала пожилой эсэсовец, который вел себя достойно по отношению к заключенным. Его преемником был обершарфюрер СС Эрих Майзель [Erich Meisel] или Майслер [Meisler], которому было 50 лет, и он был мясником из Берлина. Он был жесток с заключенными, нагружал их тяжелой работой, и под его начальством возросла смертность. Он вел заключенных своего лагеря в Кёнигсберг, однако потом вер-

нулся в Шиппенбайль, и не называется в качестве члена конвойной команды на марше в Пальмникен. Сам он пояснил, что он из Прибалтики, где он участвовал в «окончательном решении вопроса».

В Шиппенбайле он так избил еврейку Мэри, что она вскоре умерла. Потом он избил Эстер Берлинска [Esther Berlinska] и Лейю Нейман [Leja Nejman], которые также умерли от побоев. Свидетелем избиения была Альта Федер [Alta Feder].

В книге Макса Кауфмана [Max Kaufmann] «Уничтожение евреев Латвии» упоминается — правда, только один раз коротко — эсэсовец Майзель [Meisel], который был в числе персонала концлагеря «Кайзервальд» под Ригой. В гамбургском процессе против Майвальда [Maywald] и других (латышский процесс) свидетель Эсра Юрман [Esra Jurmann] сообщала о гауптшарфюрере Майзельсе [Meisels] из Кайзервальда, который 25 или 28 июля 1944 руководил акцией в лагере «Штрасденхоф».

Из более 150 установленных «Майсселей» и прочих, вероятно, можно считать этим лицом тогдашнего гауптшарфюрера СС

Эриха Майселя [Erich Meissel],

род[ился] 22.1.1912 в Данциге-Лангфуре, ныне проживающим по адресу Штапельмоорвайде [...], округ Леер.

Он был в различных концлагерях и в последнее время (с начала 1944 года до капитуляции) был членом охранного батальона СС Кацман в Данциге-Матцкау.

Так как нет никаких улик, подтверждающих, что Эрих Майсель участвовал в марше смерти и в экзекуциях на побережье, и в отношении его есть отягчающие показания «только» в связи с тремя убийствами во внешнем лагере «Шиппенбайль», дело против него выделяется в отдельное и ведется в особом порядке, поскольку дальнейшее расследование представляется перспективным.

В качестве надзирающего персонала из внешнего лагеря «Шиппенбайль» называются также две надзирательницы СС, одна по имени «Труде» (“Trude”), которая вела себя гуманно и умерла еще в лагере, и другая по имени Аннилотте Шмидт [Annilotte Schmidt], которая, как говорили, забила насмерть нескольких заключенных в лагере. Однако, по показаниям свидетелей, она осталась в лагере и не была в составе конвоя на марше в Пальмникен. Других зацепок по ее установлению не выявлено.

В числе других сотрудников конвойных команд по имени называется только французский служащий ОТ «Денис» (“Denis”), который состоял в штате лагеря «Зееаппен», однако характеризуется как человек, приходивший на помощь. Разыскать его также не удалось.

Хотя в ходе расследования было допрошено более 150 человек, некоторые повторно, установить больше о конвойных командах не удалось. Это объясняется тем, что конвой не был частью какого-то конкретного соединения, а состоял из частей различного происхождения. Свидетели часто видели конвойных, из которых большая часть либо с трудом, а то и вообще не знала немецкого языка, только короткое время, часто всего лишь раз. Документальный материал не представлен и, пожалуй, не существует, если принять во внимание, что соответствующие приказы в то бурное время в основном отдавались устно. Поэтому дальнейшие поиски конвойных не имеют перспективы.

4) Другие лица, которые предлагали или помогали убивать евреев в Пальмникене.

Как описано выше, после 01.02.1945 в Пальмникене пойманных вновь евреев расстреливал эсэсовец, обозначаемый как «комиссар по выстрелам в затылок». По данным некоторых свидетелей, это был человек, отбившийся от своей части, шарфюрер или обершарфюрер СС, который не относился к конвою. Его звали «Вальтер» (“Walter”) или «Вилли» (“Willi”), и он вроде из Кёльна. У него была связь с умершей 09.09.1945 Карлой Циммер [Karla Zimmer]. По данным других свидетелей, он был членом конвоя. Сам он

якобы говорил, что был охранником в концлагере «Штуттгоф». В последний раз его также видели в Штуттгофе. Его поиски были безрезультатными, хотя в этой связи были проанализированы другие судебные дела по Штуттгофу. За отсутствием более подробных сведений об этом неизвестном эсэсовце, в отношении него отсутствуют возможности для дальнейшего расследования.

Многочисленные свидетели указывают на тогдашний слух в Пальмникене, что тогдашний коммерческий директор Государственной Янтарной Мануфактуры в Кёнигсберге, Герхард Раш [Gerhard Rasch], род[ился] 27.05.1905 в Рюдесхайме, ныне проживает в Гамбурге 13, Миттельвег [...], предложил привести евреев в Пальмникен, а там загнать их в заброшенную штольню, чтобы убить газом или взрывом, или же закрыть за ними штольню. И, дескать, только из-за этого предложения заключенных привели в Пальмникен. Однако большинство свидетелей не смогло указать ни одного конкретного факта.

Тогдашняя секретарша янтарного комбината в Пальмникене, Мария Армс [Maria Arms], сказала, что она узнала в то время от госпожи Ландман, что ее мужу позвонили из Кёнигсберга и сообщили о приходе партии заключенных, а об этом разговоре сообщил Раш. Вдова Ландмана хотя и припоминает, что ее мужу как-то ночью позвонили из Кёнигсберга, и она даже сначала сама сняла трубку, однако не помнит теперь, было ли при этом названа фамилия Раш,— она знала Раша лично и помнит его в другой связи.

Секретарша директора имений Файерабенда [Feyerabend] Гертруда Конке [Gertrud Kohnke], по ее словам, слышала разговор между Ландманом и Файерабендом после прихода конвоя. При этом, как она сообщает, Ландман сказал Файерабенду, что Раш позаботился о том, чтобы евреи пришли в Пальмникен, и что он сказал гауляйтеру Коху или его штабу, что на комбинате в Пальмникене есть старые штольни, в которых евреи могут исчезнуть. Как Ландман, так и Файерабенд, по ее словам, были из-за этого страшно злы на Раша.

Вдова Файерабенд помнит, что Ландману звонили и спрашивали про старые штольни. Однако только после войны она узнала, что Раш подсказал СД доставить евреев в Пальмникен.

Тогдашний бургомистр Пальмникена Фридрикс сказал, что Ландман позвонил ему и сообщил, что пришло несколько тысяч евреев. Ландман был очень рассержен и упомянул, что так распорядился Раш. В ходе последовавшего затем разговора Ландман рассказал ему, что позвонил Раш, чтобы проинформировать о приходе евреев. И в другом разговоре, в котором кроме него участвовали Ландман и Файерабенд, а также эсэсовец, руководитель конвоя, было упомянуто, что Раш был тем самым, которого надо «благодарить» за это обстоятельство.

И свидетель Фольгер высказался в том же духе. Он был тогда бухгалтером на янтарном комбинате в Пальмникене и слышал беседу между Файерабендом и руководителем конвоя. При этом, по словам Фольгера, руководитель-эсэсовец сказал, что господин по фамилии Раш подсказал о наличии пустых штолен в Пальмникене.

Обвиняемый Вебер не упоминал фамилии Раш и не вспомнил об этом при предъявлении ему других показаний. Сам Раш следующим образом описал то, что происходило: ночью в Кёнигсберге ему позвонил руководитель одного из учреждений СС, имя которого он сейчас точно вспомнить не может, то ли Розенбаум, то ли Розеншток. Он и сказал ему, что по пути в Пальмникен находится примерно 5000 евреев. Нельзя, чтобы они оказались в руках у русских, и спросил, нет ли в Пальмникене возможностей для размещения. Сам он ответил, что там есть большой цех, а над шахтой «Анна» расположены домики, которые используются курортниками. В конце концов, он сослался в беседе с руководителем СС на Ландмана, который является в Пальмникене

влиятельным лицом. О других деталях беседы он вспомнить не может. Что дальше произошло, он узнал только позднее. Однако он, по его словам, не только не предлагал убить евреев в штольне в Пальмникене, но и не звонил Ландману. 16.02 и 01.03.1945 он еще раз был в Пальмникене и беседовал там с Ландманом, который в этом отношении ни в чем его не упрекал. Он, пожалуй, знал о слухах, по которым он, Раш, отвечает за «похоронный марш», однако это не соответствует положению дел.

При этом результате расследования, который нужно рассматривать как окончательный, не может быть в достаточной степени доказана причастность Раша к участию или помощи в деяниях, связанных с убийствами в Пальмникене. То, что он ссылается на неустановленного руководителя СС Розенбаума или др[угих], не является отягчающим обстоятельством, вполне возможно, что он не может помнить фамилию человека, который позвонил ему всего лишь раз. Выражение, которое использовал Раш в своих показаниях — «нельзя, чтобы евреи оказались в руках русских», правда, вызывает подозрение в том, что он должен был сделать из этого вывод о планируемом мероприятии по уничтожению. Однако его возражение, что он говорил только о местах размещения и домах над шахтой, а не о штольнях, не может быть опровергнуто. Может быть и так, что неизвестный позвонивший в беседе с Ландманом ссылался на Раша, а Ландман подумал, что Раш имел решающее влияние на приход колонны евреев в уже и без того переполненный Пальмникен. Также можно себе представить, что Ландман и Файерабенд выговаривались в своем негодовании относительно виновного, по их мнению, Раша. И если в отношении Раша остается определенное подозрение в участии в массовых убийствах, то обвинение в пособничестве убийству при недостатке веских доказательств не обещает успеха.

По существу, свидетели в своих показаниях, основанных на том, что они слышали от других, обвиняют

пенсионера Курта Фридрикса, род[ился] 8.07.1883 в Кёнигсберге,

проживает в Винзене/Луэ, Шустерваль Schusterwall, под Марквардтом Marquardt,

в том, что он на момент деяния был бургомистром и руководителем местной ячейки НСДАП в Пальмникене. Фридрикс считался исконным национал-социалистом, которого мало любили. Часто он находился под влиянием алкоголя. После прибытия заключенных, он якобы сказал, что все евреи должны сдохнуть и их не надо кормить. Другие же свидетели, напротив, говорят, что слышали о том, что Фридриксу сам вопрос с евреями был неприятен, и он не хотел иметь к этому никакого отношения, и что он был против расстрелов. Многочисленные свидетели показали, что после массового расстрела он образовал или распорядился сформировать поисковые команды из вооруженных членов гитлерюгенда, которые отлавливали сбежавших евреев и вели их в служебные помещения Фридрикса, откуда их забирал «комиссар по выстрелам в затылок».

Все это известно свидетелям только по слухам. Только по последнему пункту имеется два свидетеля, давших показания на основе собственных наблюдений. Бруно Шрёдер [Bruno Schrüder], которому тогда исполнилось 16 лет, сам был членом одной такой поисковой команды гитлерюгенда.

15-летний Франц Зур [Franz Suhr] получил карабин из рук Фридрикса и был назначен в патруль, чтобы следить за возможными русскими парашютистами.

Наконец, свидетель Фольгер упоминает, что руководитель конвоя спрашивал у Фридрикса о подходящем месте в округе для незаметного уничтожения евреев.

Вебер показал, что он только один раз встречался с руководителем местной партийной ячейки в его квартире, когда в Пальмникене был неизвестный гауптшарфюрер СД. Этот гауптшарфюрер спрашивал у местного руководителя партии о наличии нескольких лодок, на которых можно было бы вывезти евреев. Но руководитель мест-

ной партийной ячейки не предоставил никаких лодок в его распоряжение. Он, Вебер, не вступал в контакт с руководителем местной партийной ячейки для поиска подходящего места для расстрела.

Во время первой дачи показаний сам Фридрикс сказал, что он только знает, что в пути было расстреляно много людей из колонны заключенных. Во время второго допроса в июне 1961 года он сказал, что утром Ландман сообщил ему о том, что ночью из Кёнигсберга пришли евреи. Он, Фридрикс, связался с Файерабендом, который заботился о снабжении евреев. Он сам видел расстрелянных евреев на улице. Он дал указания свезти трупы к шахте «Анна». Он и Ландман многократно обращались к руководителю конвоя из СС и просили, чтобы евреев «каким-либо образом» убрали из Пальмникена. Ему, по его словам, было ясно, что при такой суровой зимней погоде и недостаточном снабжении это означало смерть заключенных, он не имел, однако, в виду другие меры насилия.

Однажды руководитель конвоя спросил его насчет низины или бухты, где можно было бы незаметно расстрелять евреев, он, однако, возразил, что ничего такого нет. В течение многих обсуждений ему стало известно, что изначально евреев должны были загнать в штольню и там убить, против этого, как он узнал, категорически воспротивился Файерабенд и предотвратил такой ход событий. Он не имел к этому никакого отношения, все отягчающие высказывания свидетелей против него, по его словам, неправда. По результатам данного расследования, хотя и нельзя доказать в отношении обвиняемого Фридрикса, что он сам причастен к расстрелам на побережье в уголовно-правовом смысле, однако он находится под сильным подозрением в том, что позднее дал указания к созданию поисковых команд из членов гитлерюгенда и организовал поиск убежавших евреев. Знал ли он при этом или рассчитывал на то, что эти пойманные евреи также будут расстреляны, так как «комиссар по выстрелам в затылок» уже расстрелял около 50 евреев, сейчас нельзя с точностью установить, даже если предшествующие события заставляют весьма вероятным предполагать такой сценарий развития событий относительно повторной поимки евреев. Дальнейшее расследование, однако, представляется излишним, так как в настоящее время 83-летний обвиняемый Фридрикс, в соответствии с официальным медицинским заключением, после многократных инсультов парализован на правую сторону, страдает церебральным склерозом и другими заболеваниями и не может предстать в суде.

В поисках сбежавших евреев, кроме членов гитлерюгенда, по показаниям, участвовали также другие лица. Кузнец Антон Аукшун [Anton Aukschuhn] якобы не только участвовал в расстреле у моря, но и со своими двумя сыновьями — позднее пропавшими без вести — лично расстрелял двух сбежавших девушек-евреек.

Аукшун умер в 1947 году в Зоргенау.

Тогдашний обервахмистр жандармерии Пауль Фрайенхаген [Paul Freyenhagen], род[ился] 29.10.1890,

по показаниям свидетелей, также участвовал в поисках и в расстрелах на территории янтарного комбината. Однако, он умер в Кальве 27.10.1960.

О бывших членах гитлерюгенда было установлено следующее:

а) Больген Гюнтер [Bolgen Günter], род[ился] 6.01.1928, якобы был в поисковой команде, однако против него не выдвинуто никаких конкретных обвинений. Он сам отрицает всякое участие в преследовании евреев.

б) Больгён Карл-Хайнц [Bollgönn Karl-Heinz], род[ился] 10.02.1929, против него нет улик, сам якобы ничего не знает.

в) Больгён Ганс-Гюнтер [Bollgönn Hans-Günther], командир отряда гитлеровской молодежной организации юнгфольк, умер 26.03.1947.

г) Бартке [Bartke], якобы был в поисковой команде, более о нем ничего не установлено.

д) Хардер Хорст [Harder Horst], якобы гнал евреев к шахте «Анна», умер в советском плену.

е) Хайл Экехардт [Heil Eckehardt], род[ился] 06.07.1928, называется только в качестве члена гитлерюгенда, сообщает о мертвых, которых сам видел. Против него обвинений нет.

ж) Каршау Хайнц [Karcshau Heinz], свидетели Витке [Wittke] и Лаач [Laatsch] показали, что слышали от Фольгера, что Каршау и Зур участвовали в расстрелах. Фольгер это не подтвердил. Вероятно, было два человека с фамилией Каршау, один из них к моменту деяния уже был в армии, другой якобы умер в Зоргенау. Ни об одном из них более ничего не установлено.

з) Кекер Лотар [Kecker Lothar], род[ился] 12.05.1929, называется только членом гитлерюгенда. Сам сообщил о расстрелах на побережье.

и) Лилиенталь Георг [Lilienthal Georg], якобы гнал евреев к шахте «Анна», умер в советском плену.

к) Магат Макс [Magath Max], род[ился] 28.02.1929, называется только членом гитлерюгенда, против него нет показаний, был приговорен советской властью якобы из-за участия в расстрелах к 25 годам каторжных работ и освобожден в 1956 году.

л) Насс Лотар [Nass Lothar], умер в советском плену.

м) Рэзе Герхард [Räse Gerhard], умер в советском плену.

н) Шарнофски Хорст [Scharnofski Horst], род[ился] 20.10.1928, называется только членом гитлерюгенда, также приговорен к 25 годам и в 1953 году отпущен. Против него нет обвинений.

о) Шрёдер Бруно [Schröder Bruno], род[ился] 18.10.1928, по собственным словам, был в поисковой команде, ловившей евреев и сдававшей их в администрацию. Всем остальным занимался, по его словам, неизвестный эсэсовец. Этих данных — а других показаний против него нет — недостаточно, чтобы доказать в отношении тогда 16-летнего Шрёдера преследуемое по закону участие в расстрелах. Доставка сбежавших евреев, которые по тогдашним условиям считались заключенными, сама по себе не наказуема. Знал ли обвиняемый, что должно было произойти с заключенными, сейчас будет невозможно с точностью установить. Ни в коем случае, однако, с учетом его тогдашнего юного возраста и обстоятельств, не удастся доказать, что он мог воспринимать или воспринимал возможное умерщвление как убийство. Можно было бы, в лучшем случае, доказать пособничество в умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств, срок давности преследования которого уже истек.

п) Шрёдер Лотар [Schröder Lothar], род[ился] 13.09.1930, называется только членом гитлерюгенда, против него нет обвинений.

р) Зон Хельмут [Sohn Helmut], умер в плену.

с) Зур Франц [Suhr Franz], род[ился] 19.10.1929, признает, что был вооружен карабином и направлен в патрулирование для защиты от парашютистов, однако отрицает участие в расстрелах. Был также приговорен к 25 годам принудительных работ, освобожден в 1955 году. Достаточных улик в отношении совершенных им деяний нет.

т) Вессель [Wessel] Хорст [Horst] или Герхард [Gerhard], было несколько Весселей, которые состояли в гитлерюгенде. Ни одного установить не удалось.

2. Дело против Фридрикса в соответствии с параграфом 205 УПК временно, а также параграфа 170, абзац II, УПК прекращается.

Люнебург, 29.05.1967, Хёниш, прокурор.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 4. Микрофиша 1. Машинопись.

111. Из показаний бывшей заключенной Л.Э. Гауптман

31 мая 1945 г.

Я* гвардии майор [...]** сего числа допросил в качестве свидетеля гражданку –

ГАУПТМАН Лору Эммануиловну, 1919 года рождения, уроженка гор. Борислав, Львовской области, ул. Костюшко, [...], жительница этой же местности, по национальности еврейка, образование среднее, по соцпроисхождению из служащих, отец работал бухгалтером, учащаяся, б/п, подданства СССР, под судом и следствием не была, замужняя, девичья фамилия БАХМАН.

Свидетель гр[аждан]ка ГАУПТМАН об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по ст. 95 УК. РСФСР. Гауптман

[...]

ВОПРОС: – В каком концлагере Вы находились последнее время перед освобождением Вас из немецкого плена?

ОТВЕТ: – Из концлагеря гор. Освенцим меня в составе колонны около 2[000]–3000 чел[овек] направили в лагерь «Штуттгоф» около Гданьска, откуда нас перевели в лагерь д. Езов[3*] в 25 км от г. Кёнигсберга. Тут мы строили асфальтированную дорогу на аэродром. Из лагеря дер. Езов нас этапом в январе м[еся]це 1945 года погнали через город Кёнигсберг в г. Пальмникен.

В дороге от сильных морозов много заключенных померзло, а лиц, которые не могли идти, сопровождавшая нас охрана расстреливали прямо на дорогах.

За время движения этапом сопровождавшая нас охрана «СС» по дороге расстреляла около 500 человек, которые не в состоянии были двигаться пешим строем, так как поморозили ноги, руки и ослабли.

ВОПРОС: – Когда Вы прибыли в г. Пальмникен и куда Вас направили немцы?

ОТВЕТ: – В город Пальмникен наша колонна заключенных, оставшихся в живых, прибыла в конце января м[еся]ца 1945 г. В городе Пальмникен нас собрали в слесарных мастерских, которые расположены на берегу моря. Тут нам объявили, что нас больше кормить не будут. В Пальмникене нас продержали два дня, а 1 или 2 февраля 1945 года всех заключенных вечером, примерно часов в 10, вывели на дорогу над берегом моря и повели в направлении г. Пиллау и объявили, что нас эвакуируют вглубь Германии.

Когда мы двигались по берегу моря, немцы неожиданно стали нас расстреливать, сначала расстреляли мужчин, а потом женщин, расстреливали нас постепенно по 5 человек прямо на берегу моря, на льду, в темноте. Стреляли в спину, а некоторых, кого замечали еще живыми, добивали прикладами карабинов.

ВОПРОС: – Каким путем Вам удалось избежать смерти во время расстрела?

ОТВЕТ: – Когда дошла очередь расстрела до нашей пятерки, охранявшие нас немцы, 3 солдата, взяли нас, как и всех других, отвели в сторону к самому берегу, поставили лицом к морю и стали стрелять в спину. Мне пуля попала в правую руку, ниже локтевого сустава, пуля прошла на вылет. Я сразу же упала вместе с остальными четырьмя женщинами и старалась не кричать и не плакать.

По-видимому, немцы, которые нас расстреливали, посчитали, что все мы мертвые и к нам не подошли, а пошли за остальной колонной, которая двигалась дальше.

ВОПРОС: — Можете ли Вы опознать в лицо тех немцев, которые Вас расстреливали?

ОТВЕТ: — Нет, их опознать я не могу, так как это было ночью и, кроме того, они стреляли в спину.

ВОПРОС: — Кто Вам помог выбраться из места расстрела и у кого Вы впоследствии скрывались?

ОТВЕТ: — С места расстрела я выбралась еще с одной гражданкой, которая получила ранение в правое легкое, ее фамилия Стелла АРТ. С этого места мы с ней ушли только через 3–4 часа, когда немцы, расстрелявшие нас, ушли далеко. После этого мы со Стеллой пошли в город. Я подошла к одному зданию в населенном пункте Зоргенау в 1,5–2 км от города Пальмникен, постучала в окно и попросила разрешения погреться и что-нибудь покушать. Меня в квартиру впустила одна немка, которая, узнав мою историю, дала мне покушать и предложила из ее квартиры уйти, так как она боялась ответственности за меня. Я от нее ушла и направилась в город Пальмникен, решив пойти туда к врачу. Когда я двигалась в гор. Пальмникен, на окраине мне встретилась одна немка, которая, увидев мою раненую руку, сразу меня спросила — «ты из тех женщин, которых ночью расстреливали», когда я ответила ей утвердительно, она забрала меня к себе и с тех пор я у нее скрывалась до самого прихода в Пальмникен частей Красной Армии.

АРТ жила в городе Пальмникен, я не знаю, так как я за все время скрывания никуда не выходила. О ее месте нахождения, по-видимому, должна знать моя хозяйка, у которой я скрывалась, т[о] е[сть], ПУЛЬВЕР Берта[4*].

ВОПРОС: — Спаслись ли еще какие-нибудь женщины или мужчины из числа подвергавшихся расстрелу вместе с Вами?

ОТВЕТ: — Я знаю из рассказа ПУЛЬВЕР Берты, что у ее сестры скрывались еще 3 женщины, но они, якобы, сразу же, как вступила Красная армия, эвакуировалась в тыл Советского Союза, фамилии их я не знаю.

ВОПРОС: — Сколько примерно человек расстреляли немцы в тот день, когда расстреливали Вас?

ОТВЕТ: — Я этого сказать точно не могу, но я думаю, что ту колонну, в которой была я, примерно 3000 чел[овек], они расстреляли всех. Мне рассказывала ПУЛЬВЕР Берта, что охранники «СС» на следующий день занимались розыском спасшихся и, кого находили, расстреливали.

ВОПРОС: — Кого Вы можете указать или назвать из охранников и офицерского состава «СС», которые проводили расстрелы и издевательства над заключенными в лагере «Пальмникен», не видели ли Вы кого-либо из них после прихода частей Красной армии в Пальмникене?

ОТВЕТ: — Нет, указать и назвать фамилии таких лиц я не могу, ибо никого не знаю ни по фамилии, ни по званию. Какие-либо приметы привести также не могу, так как в Пальмникене я была до момента расстрела всего двое суток.

После прихода частей Красной армии в г. Пальмникен из охранников лагеря я никого не видела, т[ак] к[ак] нигде не ходила, ибо в день прихода Красной армии в Пальмникен я была ранена осколком снаряда в левое плечо и снова легла в постель, а в последствии меня направили в этот госпиталь, где я нахожусь и в данное время.

ВОПРОС: — Что Вы можете добавить еще к своим показаниям, касающимся учиненных зверств немцев против мирного гражданского населения или военнопленных?

ОТВЕТ: — К моим показаниям добавить больше ничего не имею. / Записано с моим слов правильно и мне зачитано/.

ДОПРОСИЛ:[5]*

АУФСБОО. Ф. 78. Д. 70. Л. 79–81. Копия. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Закрашено.

3* Вероятно, Йесау.

4* Показания Берты Пульвер публикуются под № 112.

5* Имя и подпись закрашены.

112. Из протокола допроса бывшей жительницы Пальмникена Берты Пульвер (Berta Pulwer)

23 февраля 1961 г.

Управление уголовной полиции федеральной земли Гессен,
Отделение V Особой комиссии
Мюльхайм, 23.02.1961 [...]

Я точно помню, что в январе 1945 года большое число евреев из Кёнигсберга было пригнано в Пальмникен. Я видела евреев, которые пришли пешком из Кёнигсберга, на шоссе, когда их загоняли на янтарный комбинат в Пальмникене. Я видела также много расстрелянных евреев, лежавших на улице. Я уже не могу сейчас точно сказать, кто конвоировал евреев, но знаю, что там были люди из ОТ, потому что они были одеты в униформу вермахта и коричневую униформу, на которой была повязка с буквами «ОТ». Евреев, значит, загнали на янтарный комбинат, и они там оставались несколько дней. Там их должны были отравить газом в штольне, но директор имений по фамилии Файерабенд [Feyerabend] воспротивился расстрелам. Позднее этого директора из-за его гуманного отношения расстреляли, но никто не знал, кто это сделал.

Как-то вечером, точную дату я уже не помню, я услышала выстрелы со стороны моря. Мой дом стоял в непосредственной близости от моря, и я могла отчетливо слышать эту стрельбу. Поэтому я позвонила бургомистру и спросила, что значит эта стрельба. Он мне сказал, что евреев гонят в Пиллау. Но я, впрочем, теперь понимала, что это означало. Не могу сказать, кто расстреливал, потому что там нельзя было показываться. На следующий день я хотела бежать и проходила мимо моря. Видела множество расстрелянных евреев на берегу и в лесу, который выходил к морю. Так как дороги были забиты и непроходимы, я снова вернулась домой. На обратном пути мне встретились несколько парней, которые вели еврейку, которая избежала расстрела. Я сказала им, что забираю эту еврейку, чтобы передать ее полиции в Пальмникене. Мне отдали эту еврейку, но я не передала полиции, а скрывала у себя дома более трех месяцев. Еврейку звали Дора Гауптман*, родом из Борислава. Где она сейчас находится, я не знаю. Хочу еще заметить, что у нее было ранение в руку. Кроме того, на правом предплечье было вытатуировано семизначное число.

Из конвойных я никого не знала. Руководитель местной партийной ячейки Фридрикс [Friedrichs], который, насколько я знаю, живет около Фленсбурга, привлек к участию в расстрелах детей. То, что это он сделал, я знаю точно. Еще знаю, что семья Хюбнеров [Hubner], которая тоже жила в Пальмникене, не разрешила своему сыну участвовать в расстрелах. Где живет эта семья сейчас, я не знаю.

Участвовал ли сам Фридрикс в расстрелах, я, правда, не знаю.

Бывшего директора янтарной мануфактуры Раша [Rasch] я не знаю. Поэтому я и не знаю, в какой степени он участвовал в расстрелах.

Бывшего кучера Густава Ланге [Gustav Lange] знаю лично. О его нынешнем местонахождении не могу ничего сказать.

Антона Аукшуна [Anton Aukschun] я также знала. О нем знаю, что он участвовал в расстрелах. Дети рассказывали, что на их глазах он расстрелял нескольких евреев. От русских позднее услышала, что он мертв.

Карла Моньена [Karl Monien] я не знаю. В Пальмникене был только Артур Моньен [Artur Monien]. Его брата звали Теодор [Theodor] и он жил в Побетене. Где сейчас Теодор, не знаю. Артур Моньен снимает у меня комнату. Расспрашивать его о тогдашних событиях кажется мне делом бесцельным, он больше ни о чем не может вспомнить. Ему 68 лет, и он уже плохо соображает. Иногда он не может даже вспомнить, кто я такая, то есть он больше не знает меня.

Юлиус Маллериус [Julius Mallerius] был кузнецом на янтарном комбинате. Где он сейчас, не знаю. Я как-то слышала, что после прихода русских он повесился. В Ганновере живет бывший секретарь господина Файерабенда. Его зовут Макс Комм [Max Komm]. Господин Комм был в Пальмникене, когда произошли эти события с евреями, и, наверное, может рассказать о них. Кроме того, в Ганновере живет бывший директор янтарного комбината в Пальмникене, который снова стал директором завода в Ганновере и имеет рабочих, которые тоже из Пальмникена родом. Не могу назвать фамилий, я их забыла. Определенно, эти фамилии помнит госпожа Розине Саббатин [Rosine Sabbatin], которая живет в пригороде Гамбурга, Люрупе, Лангбаргхайде [...].

Антон Баумайстер [Anton Baumeister] также живет в Ганновере. Его точный адрес можно узнать у госпожи Саббатин. Где находится бывший член гитлерюгенда Каршау [Karschau] теперь, я не знаю. Его мать живет в ФРГ. Адрес также знает госпожа Саббатин, как и адрес Зура [Suhr].

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 1. Микрофиша 1. Машинопись.

---

* Лора Гауптман.

113. Из показаний бывшей заключенной Блумы Лоницки (Бронислявы Кракауэр) (Bluma Lonicki; Bronislawa Krakauer)*

22 декабря 1963 г.

[...] В Кёнигсберге мы пробыли несколько дней. Потом построили маршевую колонну из 5000 человек, из которых было 1000 мужчин. Нас гнали больше 24 часов. В пути конвойные стреляли на месте тех, кто либо отставал, либо спотыкался или пытался схватить чуть-чуть снега. В Пальмникене нас разместили на фабрике. Ночью дали горячее питание. В Пальмникене мы были где-то 5 дней. С фабрики нас погнали на побережье Балтийского моря. Не могу вспомнить, чтобы мы проходили при этом через поселение. Если другой свидетель говорит, что мы были в Пальмникене всего одни сутки, а потом прошли через поселение, то, по моему мнению, этот свидетель мог только сбежать из маршевой колонны, прежде чем она достигла фабрики. Я лично не заметила того, что мы находились на побережье моря. Я шагала в первых рядах, через

50–100 метров колонна останавливалась, и, как позднее выяснилось, сзади каждый раз отделяли по 500 человек, загоняли их в море и расстреливали.

Мы в передних рядах и не знали, что происходило каждый раз в задних рядах. Мы даже думали, что выстрелы слышны из-за приближающихся русских. В конце концов, нас осталась небольшая группа, и мы заметили, что немцы собрались уничтожить нас. Я и сейчас помню, как один из немецких охранников показал мне пальцем, чтобы я подошла. Но я подошла к другому конвойному, который схватил меня и толкнул в море. Я помню, что лежала на правом боку среди трупов. Слышала выстрелы и голоса немцев. Мне кажется, один из немцев пожаловался, что не хватает патронов, а другой на это ему ответил: «Они не нужны… Эти бабы полежат еще чуть-чуть в воде, и с ними будет покончено, так или иначе». Спустя какое-то время вокруг меня все стихло. Когда я открыла глаза, мне сразу бросилось, что примерно 50 человек раненных были еще живы. На валу стоял немец — у него было ружье, и он был одет в гражданское, он был из фольксштурма — позвал нас к себе и повел в сарай. Там нам дали теплого черного кофе. Этот немец предложил отвезти нас на сборный пункт. Две женщины, [настоящая] судьба которых мне неизвестна, и я решили свернуть в сторону и не идти за ним. Мы попытались найти убежище в различных домах в Зоргенау, но нас никто не пустил внутрь. Мы бродили целый день, это было 1 февраля 1945 года. Вечером мы прятались в клетке для кур в одном из сараев для скота. Там нас обнаружил один немец, который показал дорогу в полицейский участок, чтобы мы там отметились. Мы снова стали ходить от дома к дому, напрасно, потому что никто не хотел нас брать к себе. Поэтому решили сдаться властям. По пути туда мы снова постучались в одну из дверей. Выдали себя за полек в разговоре с этой женщиной, на что она нам ответила: «Я точно знаю, что вы еврейки, но это неважно. Завтра здесь будут русские». Эта женщина приготовила для нас горячую ванну, дала чистую одежду, накормила и поселила в комнате с тремя кроватями. Ее фамилия была Фенор [Venohr], и она жила со своим мужем в особняке с садом. Тогда ей было, наверное, лет 40, а ее мужу — 50. В моем кармане я обнаружила там жестяную баночку, в которой хранила соль. Баночка была пробита насквозь пулями, и только в тот момент до меня дошло: эта баночка сохранила мне жизнь. Эту баночку я предоставляю в распоряжение полиции, чтобы с нее сделали фотографию.** По желанию судебных властей я готова предоставить ее как доказательство.

На следующий день, ближе к вечеру, в Зоргенау пришли русские, через 5–6 дней им пришлось отступить обратно. Снова вернулись немцы, которые расположились в этом доме, а нам пришлось его покинуть.

До освобождения я пробыла еще в нескольких лагерях для польских беженцев. Освободили нас во второй половине месяца марта 1945 года, а именно в лагере для иностранных рабочих в Кайзерхафене под Данцигом.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1.

---

* Часть документа публикуется под № 11.

** Примечание переводчика: фотография есть в материалах дела.

114. Из показаний бывшей заключенной Ханы Ойзерович (Chana Ojzerowicz)

25 декабря 1963 г.

Хана Ойзерович
Прежняя фамилия: Клиновска [...]
Дата: 25.12.1963, место допроса: Тель-Авив [...]

Мы покинули лагерь «Шиппенбайль» в январе 1945 года. В лагере остались надзирательница и больные, которые не могли идти, а также несколько заключенных «при должностях». Сразу же после освобождения мне рассказали в Польше — в Лодзи — что как только мы покинули лагерь, барак, где лежали больные, подожгли. Пеший марш из Шиппенбайля до Кёнигсберга длился несколько дней; нас сопровождали украинцы из организации Тодта, а также руководитель лагеря. В Кёнигсберге мы были размещены в здании демонтированного завода. Немцы, которые жили неподалеку, кидали нам хлеб. В Кёнигсберге мы пробыли несколько дней. Как-то ночью нас грубо выгнали на улицу и построили в походную колонну. Тех заключенных, кто не мог стоять на ногах, недолго думая, расстреляли на месте. Из Кёнигсберга вышло около 5000 человек, мы шли весь день и всю ночь. По пути расстреляли очень много людей, особенно тех, кто не мог выдержать походного темпа колонны или пытался поднять немного снега, чтобы поесть его. На пути из Кёнигсберга в Пальмникен, вероятно, было убито 2000 человек. В Пальмникене мы прибыли на территорию фабрики, крестьяне из соседних деревень принесли нам поесть горячую фасоль. Мы там провели несколько дней. Однажды украинские конвоиры из ОТ проболтались нескольким еврейкам, с которыми они общались в пути, что немцы намереваются утопить всех евреев в море. Ночью нас вывели с территории фабрики; мы должны были вести себя тихо, говорили, что мы пойдем в Эстонию. Мы шли по сугробам. Когда я взяла немного снега и поела, то обнаружила, что он соленый. Один еврей-заключенный прошел мимо нас и сказал, что в самом конце колонны топят мужчин. Я услышала выстрелы. Я находилась в последней группе обреченных на смерть. Видела, как сзади нас людей загоняли в море и стреляли по ним. Когда ко мне подошел украинец, я попросила его оставить меня в живых, так как я еще молодая и передо мной еще вся жизнь. Он ответил мне на это: «Тогда беги», показав на пригорок. Но второй украинец схватил меня за шиворот и толкнул в воду; за мной тотчас раздались выстрелы. Я лежала на льдине под телом другой женщины, и это обстоятельство спасло мою жизнь. Спустя какое-то время мне удалось выбраться на берег и спрятаться в дюнах между деревьями. Оттуда я могла видеть, как эсэсовцы-мужчины вернулись к берегу на санях и добивали выживших. Потом я пришла в населенный пункт и попросила поесть в одном из домов. Немец, которого я встретила в этом доме, сказал: «Вы — евреи, и если не исчезнете, то я пойду к бургомистру и донесу о вас». Со мной была тогда Регина Цельникир [Regina Celnikier]. Я не знаю, где она сейчас. Мы тогда пошли дальше и обратились к другому немцу с просьбой о помощи. Он сказал нам: «Я должен спросить госпожу баронессу». Это была деревня Нодемс, как выяснилось позднее, собственность немецкой баронессы. Сначала нам разрешили переночевать в свинарнике этого немца, которого звали Циммерманом [Zimmermann]. Он высушил нашу одежду и принес нам поесть. Он оставил меня там с тем условием, что мы немедленно приступим к работе. Цельникир, напротив, попала в лагерь польских рабочих. У Циммермана я пробыла несколько недель. После освобождения в Фюрте под Нюрнбергом я узнала от одной незнакомой немки-беженки из

Восточной Пруссии, которая жила у Циммермана, что после прихода русских в Нодемс Циммерман покончил с собой. Незадолго до освобождения я работала у немецкого фермера по фамилии Киршнер [Kirschner] в Зоргенау. Он был по профессии столяром. Хотя он знал, что я еврейка, он сделал многое для того, чтобы руководитель местной партийной ячейки в Пальмникене выдал мне документы польки. Мое освобождение произошло 15 марта 1945 года в Зоргенау, и я вернулась в Польшу.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 12. Микрофиша 1. Машинопись.

115. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Эмиля Плау (Emil Plau)

8 декабря 1964 г.

Эшинген, 8.12.1964 [...]
Прокуратура г. Киль [...]

Я был кладовщиком на янтарном комбинате в Пальмникене. По окончании работы 27.01.1945 я пошел домой. Я тогда жил в Пальмникене рядом с метеостанцией, а именно на Линденштрассе. [...] Где-то в 22 часа у меня объявился сторож предприятия. Я уже не помню, кто это был. У нас было три сторожа тогда. Это Канау [Kahnau], Прис [Pries] и Хёпнер [Höppner]. Этот сторож сказал мне, что его послал Ландман [Landmann]. У нас на комбинате разместят постояльцев. Сторож сказал, что Ландман распорядился, чтобы я пришел еще с другими людьми на комбинат. Я так и сделал. Я пошел к соседям с комбината, которые жили неподалеку от меня, и взял их с собой. Я еще помню, что разыскал Фрица Мера [Fritz Mehr] и Эмиля Глаубау [Emil Glaubau]. Всего я пришел туда с 4 или 5 людьми и кучером Рокелем [Rockel]. Когда я прибыл на комбинат, то пошел в бюро Ландмана. Ландман сказал мне, что к нам подселяют людей. Необходимо выделить помещения и достать соломы. Я совершенно точно помню, что во время этого разговора Ландман не сказал мне ничего о том, что на комбинате будут размещены евреи. Он также не сказал, сколько их будет. Ландман всегда говорил только о подселении. Я еще помню, что Ландман сказал мне, если каретная, столярная и кухня окажутся слишком малы, то надо использовать слесарную мастерскую.

Чтобы достать солому я послал кучера Рокеля на подводе в поместье Пальмникен. Сам я пошел вперед и нашел инспектора имений Мольтера [Molter].

Мольтеру мне пришлось стучать в дверь. С Мольтером я поговорил по поводу соломы. Тем временем подъехал и кучер Рокель. Тогда я вернулся назад на комбинат. Из имения Пальмникен было доставлено две подводы с соломой. Первую подводу я распорядился сразу отослать к слесарной мастерской. Вторая оставалась некоторое время неразгруженной.

В бюро Ландмана горел свет. Сквозь замерзшие окна было видно движение внутри. Я видел силуэты нескольких человек. С Ландманом в ту ночь я больше не разговаривал и не видел его.

Где-то между 23 и 1 часом ночи я увидел, что ворота комбината открыты, и на территорию заходят люди. Ночь была очень морозной. Было почти 20 градусов мороза, мела поземка. Я сразу увидел, что там заходили какие-то особенные люди. Они шли шеренгами по 4 человека. Ряды были плотно сомкнуты. Среди них было много, много женщин. Я также видел и мужчин. Отдельно у меня и сейчас перед глазами эта кар-

тина – дети! Это были дети в возрасте 12–14 лет. Младших детей я не видел. Справа и слева от колонны, которая проходила через ворота, шли вооруженные охранники. Я до сих пор хорошо помню, что у некоторых в конвое были автоматы. Люди, которые входили на наш двор, были в ужасающем состоянии. Они могли только тащиться. Это была жалкая колонна. Я до сих пор помню, как они держали в руках свои маленькие емкости для пищи. Я помню все это, как будто это случилось пару дней назад. Эти люди были одеты в лохмотья. Ноги замотаны в лохмотья. Маленькие емкости для пищи частично примерзли к лохмотьям, которые они обмотали вокруг себя для защиты от мороза. Я могу только сказать, что вид был страшный. Колонна была довольно длинная. Позже я смог рассмотреть этих людей получше. Поэтому я могу сказать, что их было в общей сложности, вероятно, около 2500 человек. Я подошел к колонне совсем близко и совершенно точно увидел, что это евреи.

Эта колонна прошла сразу в направлении слесарной мастерской. Со мной из конвойных никто даже не заговорил. Я предполагаю, что впереди у ворот было принято решение о том, куда пойдут евреи. Кто-то с комбината, должно быть, показал конвойным дорогу к слесарной мастерской. Но об этом я уже ничего не помню. А вот впечатление о колонне было настолько сильным, что вначале я был совершенно опустошен от увиденного.

Я совершенно точно знаю, что евреи пришли в комбинат в ночь с 27 на 28 января 1945 года. 27 января 1945 года, к тому же, день рождения кайзера. Также это день рождения Артура Клювера [Arthur Klüver]. Это мои опорные пункты для запоминания.

Когда евреев завели внутрь слесарной, вскоре мне передали, что надо идти к телефону. А до этого я уже было отправился домой с Артуром Клювером. У водонапорной башни, а именно у шлагбаума, я и Клювер обнаружили труп. Было совершенно ясно, что это труп еврея из колонны. Прежде чем колонна евреев дошла до Пальмникена, я уже слышал выстрелы. Когда Клювер и я нашли труп, мы тут же быстро побежали обратно на комбинат и пошли в регистратуру. Клювер позвонил бургомистру и руководителю местной партийной ячейки Фридриксу [Friedrichs]. Потом он дал мне трубку и сказал, что Фридрикс хочет говорить со мной. Он сказал мне, что скоро приедет военный грузовик с солдатами, и что я должен им показать, где заканчивается Пальмникен. Больше мне Фридрикс ничего не сказал. Вскоре на самом деле приехал средних размеров военный грузовик. Там были один унтер-офицер или фельдфебель и 4–5 солдат. Я поехал с этими солдатами в южную часть Пальмникена и дальше по дороге в направлении Гермау. Спустя какое-то время грузовик остановился. Я сидел в кабине водителя и успел только сказать, что мы еще не доехали до границы Пальмникена. Но машина все равно остановилась. Потому что они получили задание собрать трупы, лежавшие на шоссе и в придорожных канавах. Они это и сделали. Потом мы, постоянно останавливаясь, поехали обратно. Всегда, когда где-то лежали трупы, машина останавливалась и солдаты загружали трупы в кузов.

На обратном пути мы еще даже не успели доехать до церкви в Пальмникене, а машина уже была заполнена. Это была настоящая гора трупов. Они лежали повсюду. Я так думаю, в этом грузовике было минимум 30–40 трупов. Когда кузов заполнился, грузовик сначала подъехал к воротам комбината. Я позвонил Фридриксу. Он велел мне, чтобы я ехал с этими солдатами к шахте «Анна». Я ответил, что не хочу этого делать, потому что с меня уже хватит. Фридрикс мне на это сказал, что тогда должен кто-то другой ехать вместо меня, который знает о старой шахте. Это мог быть только Фриц Мер. Я об этом сказал Фридриксу. Затем Мер уехал вместе с солдатами.

Было уже 3 или 4 часа утра. После этой ночи я больше не хотел идти домой. Я засел у себя в бюро и находился в нем, пока не наступил день.

Рано утром мне позвонили. Сейчас не могу вспомнить, кто со мной говорил тогда. Мне сказали, что я должен выслать кучера на санях, чтобы вывезти неубранные до сих пор трупы. Я дал соответствующее указание своим кучерам Ланге [Lange] и Морру [Morr]. Знаю, что они вдвоем нашли еще много трупов и свезли их к шахте «Анна». Я рекомендовал им держаться в стороне от деревенской улицы, а ездить по закоулкам, и чтобы дети не видели этого кошмара. Сам я больше не видел этих трупов, которые собрали и вывезли кучера Ланге и Морр.

Евреев стерегло довольно большое число охранников. Не могу точно сказать, сколько их было. Этих конвойных всех вместе никогда не видел. Могу с уверенностью сказать, что среди них были немецкие эсэсовцы. Но и иностранные эсэсовцы там тоже были, вероятно, из Прибалтики. Были еще конвойные в коричневых униформах и повязках со свастикой.

Меня спрашивают, были ли это служащие организации Тодта. Да, вполне может быть и так, я не знаю, как выглядит униформа организации «Тодт». Я не знаю, были ли среди эсэсовцев офицеры. И тогда не знал, кто был командиром всех этих эсэсовцев. К тому же не разбираюсь в званиях и знаках различия СС. Я не видел, чтобы Ландман или Файерабенд разговаривали с этими эсэсовцами. По этому вопросу фройляйн Конке и госпожа Армс могут дать более точные сведения. Я думаю, что также Альфонс Бардтке [Alfons Bardtke] должен кое-что знать об этом. Он работал в регистратуре и должен, в частности, знать больше о телефонных разговорах. Я предполагаю, что Альфонс Бардтке сейчас живет в Гамбурге. После войны он работал у Раша [Rasch] в Гамбурге. Также я могу сказать о господине Каспере [Kasper], который должен знать, где находится Альфонс Бардтке. Каспер раньше работал на мануфактуре в Кёнигсберге.

Мне показывают ряд снимков. Мне неизвестны изображенные на них лица. Сейчас сообщили, что на фотографии № 3 изображен Фриц Вебер [Fritz Weber], который, согласно результатам расследования, на тот момент являлся руководителем конвоя евреев. При всем желании, я не знаю этого человека. В этом месте я хотел бы подчеркнуть, что я ни с одним из эсэсовцев, которые охраняли в Пальмникене евреев, разговоров не вел. И даже если бы вы мне их сейчас показали, я бы все равно не смог бы их опознать.

На комбинате евреи были 4, 5 или даже 6 дней. А потом как-то после обеда их вывели с комбината. Через задние северные ворота. Я видел, как евреев вели из слесарной мастерской к северным воротам. Это было во второй половине дня. Возможно, было где-то начало 5-го. Уже стало темнеть. И спустя какое-то время я услышал выстрелы. Звуки были такие, что, казалось, выстрелы раздаются на берегу.

Ответ на отдельный вопрос:

Мне ничего неизвестно о том, были ли и сколько расстреляно или убито евреев в эти 4, 5 или 6 дней. Я ничего этого не видел. И не слышал. Когда евреев увели, мне дали задание привести в порядок слесарную мастерскую.

Так и было сделано. При этом нашли труп в одной из шахт. Я не помню, мужчина это был или женщина. Этот человек, должно быть, там и умер.

Примечание:

Допрос начался сегодня в 9 утра. Он был прерван в 11:30 и должен быть продолжен в 13:30.

Продолжение допроса в 13:00.

Когда евреи тронулись в путь из комбината, я видел, что там было также несколько саней с ними. Сани были на конной тяге. Я знаю, что эти сани были точно не с нашего комбината. Санки вместе с лошадьми были взяты у беженцев, которые дошли

до Пальмникена. Не знаю, дали ли владельцы сани и лошадей добровольно или у них их просто реквизировали. Да и были ли у команды конвойных СС собственные транспортные средства (грузовики, легковые машины, мотоциклы или сани), мне неизвестно. Я лично такого рода транспортных средств на территории нашего комбината не видел.

Меня спросили, какие были условия размещения евреев в слесарной мастерской. Я могу сказать следующее:

Слесарная была довольно большим зданием. Сверху была стеклянная крыша. Под одной из частей был подвал (отопление) – одно помещение длиной 50–60 метров и шириной 10–12. Бюро мастера ремонтных мастерских располагалось внутри этого помещения, а именно было пристроено к одной из стен. Это была стеклянная будка. И пока евреи размещались в слесарной, в этой будке сидела эсэсовская охрана. Конечно, в слесарной стояло много механизмов. В первый день евреев не кормили. Потом они сварили себе что-то на заводской кухне, которая была в другом здании. Тогда все вокруг знали, что это Файерабенд позаботился, чтобы евреев покормили. В тот период времени, пока у нас на комбинате были евреи, я видел Файерабенда на предприятии. На территории располагался также зерносклад и мельница.

Меня спрашивают, когда я в первый раз после прибытия евреев видел Файерабенда. Евреи прибыли в ночь с 27-го на 28-е января 1945 года. На следующий день, то есть 28.01.1945 я не видел Файерабенда. Увидел его в первый раз на комбинате только 29 или 30 января 1945 года. Санитарные условия в слесарной были хорошими: достаточное число туалетов, а также большая умывальная комната.

Я не знаю, умер ли кто-то из евреев в слесарной мастерской, пока они там были. Слесарная располагалась совсем рядом с открытой разработкой, а мое бюро было около административного здания. Расстояние составляло примерно 150–200 метров. Из своего бюро через окно я не мог видеть мастерскую.

Конвойные располагались в столярной мастерской, в этой стеклянной будке в слесарной (сторожевой пост) и в маленьком сарае рядом со слесарной. Также эсэсовцы расположились в административном здании. Где готовили пищу для эсэсовских конвойных, я точно не знаю. Предполагаю, что также на фабричной кухне, там было много возможностей для приготовления. Это была большая служебная кухня.

Сейчас я уже не могу сказать, когда фольксштурм выдвинулся из Пальмникена. Я также не знаю, выехал ли сначала фольксштурм из Пальмникена, или же сначала евреев вывели из комбината, или наоборот.

Вопрос:

А после того, как вывели евреев из комбината в Пальмникене, оставался ли кто-нибудь из СС на комбинате или вообще где-нибудь в Пальмникене?

Ответ:

[...] Спустя несколько дней ко мне на комбинат пришел Аукшун [Aukschun] и потребовал выдать ему сани. Через плечо Аукшун перекинул карабин. Он был в гражданской одежде. Сказал, чтобы я ему тотчас же выделил сани, потому как по приказу Фридрикса он должен осуществлять преследование евреев. На это я сказал Аукшуну, что такими делами я заниматься не буду. Тогда Аукшун пояснил мне, что у него есть задание от Фридрикса, и любого, кто его не выполняет, он имеет право положить на месте. Я вообще-то не рассматривал Аукшуна как полностью вменяемого и просто отвернулся от него. Аукшун ушел прочь. Свидетелем этого разговора был Карл Хаманн [Karl Hamann]. Он сейчас живет в Ганновере. Спустя некоторое время после этой беседы с Аукшуном ко мне пришел Фридрикс вместе с Аукшуном. Фридрикс спросил меня, почему я не захотел дать сани. Я сказал, что моих кучеров нет на месте. И, хотя найти кучера для меня в тот момент было сущим пустяком,

я не стал этого делать. Так я хотел отделаться от Фридрикса. Он еще какое-то время поворчал, а затем ушел.

Сам я не был наблюдателем того, что там за поиски евреев устроил Фридрикс вместе с Аукшуном с привлечением гитлерюгенда. Знаю, что евреев искали. Это так. В конце концов, об этом в Пальмникене все знали. Я знаю, что тех евреев, которых нашли, расстреливали, но не могу сказать, кто и где, и сколько евреев таким образом было убито.

Аукшун, когда пришли русские, некоторое время находился в заключении, и умер в 1947 году. Я ничего не знаю о том, чтобы кто-то из оставшихся сотрудников СС расстреливал найденных евреев. Мне сообщили проводившие допрос должностные лица, что они установили это в ходе расследования. Возможно, по их словам, этого человека звали Вилли, и его подругами были Рут [Ruth] и Карла Циммер [Klara Zimmer]. Вообще говоря, Фриц Мер должен бы что-то знать об этом. Мер – родственник Карлы Циммер. Я не слышал ничего о том, что в Пальмникене еще оставался эсэсовец Вилли и расстреливал там найденных евреев. У Аукшуна был один сын, может, двое сыновей. Один сын стал инвалидом на войне (потерял ногу). Этот сын теперь, должно быть, живет в Вестфалии.

Ответ на дополнительный вопрос:

Я не могу сказать, вел ли Фридрикс какие-то особые переговоры с эсэсовцами, которые привели евреев в Пальмникен.

Вопрос:

Вы знакомы с водителем Фридрикса?

Ответ:

В 1945 году посыльным в общине был некий Мёллер [Möller]. Как его по имени звали, не знаю. Мёллер состоял в СА. Он тогда был стройным мужчиной. До Мёллера посыльным был Фриц Йоппиен [Fritz Joppien]. Фриц Йоппиен погиб на войне. Когда он погиб, я сейчас не помню. А до Фрица посыльным при общине был его собственный отец. Я так думаю, что Фридрикса в 1945 году возил посыльный общины Мёллер.

Вопрос:

Вы можете назвать нам тех, кто работал в управлении общины Пальмникена?

Ответ:

Фридрикс был бургомистром и руководителем местной партийной ячейки. О посыльных общины я уже сказал все, что знаю. Также в сельской управе работали:

Ида Фишер [Ida Fischer]

Фройляйн Кёппинг [Köpping]

Эмма Волковски [Emma Wolkowski].

Ответ на дополнительный вопрос:

Ничего не могу сказать по поводу того, искали ли конвойные СС в окрестностях Пальмникена подходящее место для расстрела.

Я не слышал, чтобы еще какие-то конвои или расстрелы евреев происходили в Пальмникене или около него.

Я уже сказал, что свидетелем может быть Карл Хаманн. Хаманн работал в бюро писарем. Он поэтому должен был часто ходить в административное здание. Я думаю, что Карл Хаманн может сказать больше по поводу конвойных СС, чем я. Также я говорил об Альфонсе Бардтке. Бардтке работал в регистратуре.

Междугородные разговоры по телефону шли через регистратуру.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 10. Микрофиша 1. Машинопись.

116. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Оскара Лаача (Oskar Laatsch)

26 января 1961 г.

Управление уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг
Особая комиссия
Центральное учреждение

Номер дневника SK. ZSt. I/8–167/60
Эссен, 26 января 1961

Штамп:
Центральное учреждение
6 фев[раля] 1961
Людвигсбург

Запись допроса

[...] Моя дочь Ренате Бартнинг, которая сейчас живет в Эссене, Кляйне Штайнштрассе [...] была как раз в этот день в поездке в Кёнигсберге по делам на машине управления горного комбината с главным бухгалтером Густавом Корковски [Korkowski Gustav]. Моя дочь работала в то время в сберкассе в Пальмникене. На обратном пути они проехали на машине мимо колонны евреев и видели, что на дороге лежало очень много расстрелянных евреев. Потом они видели, как конвойные расстреливали детей и взрослых, которые не успевали идти. Это событие произвело такое воздействие на мою дочь, что она, когда вернулась домой, тут же настолько довела мою жену, что они немедленно в тот же день в спешке бежали из Пальмникена, так как они боялись, что, когда сюда придут русские, их постигнет та же судьба [...]

Через несколько дней после прихода колонны в Пальмникен, я снова был вместе с Альбертом Кройтценштайном [Albert Kreutzenstein] в полевом карауле в Зоргенау. Тут он мне рассказал, что одна из евреек сбежала в Зоргенау из конвоя и спряталась в крольчатнике. Странно было то, что взрослый человек поместился в таком вот загоне. Мы все удивлялись тому, как у нее получилось это. Еврейку, говорят, нашел конвой. Что они с ней сделали, я не знаю [...]

Насколько я сейчас помню, в день после прибытия конвоя при выходе на работу я узнал, что евреи размещены в ремонтных мастерских нашего комбината. При этом я также узнал, что директор имений Файерабенд снабдил евреев одеялами, горохом, хлебом и кониной. Насколько я помню, колонна состояла из мужчин, женщин и подростков. Я сам видел одного такого подростка-еврея, которому, я так думаю, было лет 13–14.

На комбинате вообще говорили все о том, что директор янтарной мануфактуры в Кёнигсберге – Раш [Rasch] – распорядился или дал совет доставить этих евреев в Пальмникен, загнать их там в сохранившийся туннель бомбоубежища и взорвать. Решение об использовании этого бомбоубежища мог принять только Ландман. Но все говорили, что это дерзкое требование штаба конвоя было отвергнуто, а именно специальной взрывной командой – страшим которой был бригадир Рудат [Rudat] [...]

Через несколько дней после прибытия конвоя евреев – при всем желании не могу сказать, когда точно – начальник фольксштурма майор Файерабенд созвал началь-

ников взводов и рот фольксштурма Пальмникена на собрание в административное здание янтарного комбината. На этом совещании присутствовал также начальник конвоя евреев.

Когда он вошел в комнату, где мы собрались, Файерабенд подошел к нему и сказал, насколько помню, «Обершарфюрер Вебер» — я точно могу сказать, что этого человека звали Вебер, но не могу сказать, как его назвал Файерабенд: «Обершарфюрер» или «Оберштурмфюрер» — и сказал ему совершенно отчетливо: «Вы осквернили честь немецкого солдата, Вы втоптали в грязь немецкое знамя, убив невинных людей. Мы не воюем с невинными гражданскими лицами, особенно с женщинами и детьми».

Вебер [Weber], со слезами в глазах, сказал на это следующее, встав по стойке смирно: «Господин майор, я прошу разрешения говорить как человек с человеком. Я не получал приказа и не отдавал приказа расстреливать этих людей. Это сделали следовавшие за мной литовские и эстонские СД».

На это Файерабенд протянул Веберу руку и сказал: «На этом дело для меня завершено».

По-моему, Вебер был с севера Германии, у него была хорошая фигура, у него были светлые волосы и рост примерно 1,78 м.

Не могу поручиться, но думаю, что Веберу было около 30 лет. Мне кажется, что это происшествие случилось совсем недавно, настолько живо оно у меня стоит перед глазами. Я познакомился только вот с этим одним руководителем и не могу сказать, были ли у него подчиненные. Также не могу привести точных данных о числе конвойных. Я думаю, что тех, которых я видел, было 6–7, на них была серая полевая униформа. Эти люди, которых видел именно я, размещались в моем бюро и говорили по-немецки. Какую униформу носил командир группы, я уже не помню, но в любом случае его униформа не была черной. Я также помню, что было 2–3 девушки, родом из Эстонии или Латвии, я с ними говорил и по их произношению заметил, что они говорят на ломаном немецком, и они мне сказали, что они то ли из-под Ревеля, то ли из-под Риги родом. Были ли в конвойных латыши или эстонцы, я не могу сказать. Я и не видел, и не слышал о том, чтобы в конвойных были служащие ОТ. По разговорам я слышал, что в какой-то из дней люди Вебера* отправились для обследования «Кошачьего оврага»** уточнить что за место с целью установить, можно ли там покончить с евреями. Принимал ли в этом участие Фридрикс [Friedrichs] или Вебер, мне неизвестно. Я также не знаю, участвовал ли в этом Фрайенхаген [Freyenhagen].

Как я слышал, в колонне в Пальмникен прибыло около 2000 евреев. Я в это время, когда евреи были размещены на комбинате, ни разу не заходил в мастерские. Когда пришли евреи, было ужасно холодно, очень много снега. Насколько я помню, евреи были одеты очень убого, а некоторые из них совсем не имели обуви. Через несколько дней после прибытия колонны в Пальмникен, это было после разговора между Файерабендом [Feyerabend] и Вебером, я встретил извозчика, то есть кучера комбината Густава Ланге [Gustav Lange] — где он сейчас, я не знаю, когда он подъехал на своей телеге с высокими бортами.

Я как раз за водой ходил. Ланге приехал на своем транспорте от мастерской и направился в сторону моря, то есть шахты «Анна». Ланге остановился, и я ему сказал, так как думал, что его груз состоит из сырого мяса: «Откуда у Вас столько мяса за раз взялось?» Когда я подошел ближе, то в ужасе отскочил назад, заметив, что в телеге лежат обнаженные трупы. Мне кажется, что в этой телеге 1,2 метра длиной и 1,5 м высотой, было где-то 40–50 трупов. Ланге всхлипывал, как ребенок и сказал мне: «Господин Лаач, я этого в жизни никогда не забуду, я уже два дня ничего не ел из-за отвращения и тошноты».

По кровавому следу там я сделал вывод, что Ланге должен был уже вывезти несколько повозок с трупами. Я его не спрашивал, и от него самого ничего не узнал о том, каким образом эти люди погибли. Не могу сказать, были ли это трупы мужчин или среди мертвых были и женщины. Меня так шокировало увиденное, что я не задавал больше Ланге никаких вопросов.

Где-то через 5–6 дней, можно сказать через неделю, после прибытия колонны с евреями, батальон пальмникенского фольксштурма был поднят по тревоге и отправлен на Куменен. Я думаю, что мы вышли из Пальмникена сразу же после обеда, так что в Куменен прибыли как раз с наступлением темноты. В эту ночь мы еще не заняли в Куменене полевых позиций, а искали там место для ночного постоя. Я уж не могу сказать сейчас, прибыл ли майор Файерабенд до или после нас в Куменен. Насколько я помню, часть фольксштурма из Пальмникена была выдвинута на линию проходящего неподалеку фронта, а именно для усиления находившихся там солдат. Также говорили, что часть фольксштурма будет на охране стоявших там «королевских тигров». Я тогда слышал, что Файерабенд поздно вечером инспектировал позиции расположения своего батальона фольксштурма. Так как Файерабенд с этой инспекции не вернулся, командиры рот Карл Моньен [Karl Monien] (где он сейчас находится, вероятно, можно узнать у дочери госпожи Пульвер [Pulver]), Франц Глаус [Franz Glaus] (он сейчас живет в советской оккупационной зоне) отправились на поиски Файерабенда. Они, как говорят, нашли его мертвым. Его пистолет лежал рядом с ним. Как погиб Файерабенд, я не узнал. Но ни в коем случаю не поверю в то, что он сам застрелился. Его смерть вызвала глубокий траур в общине и в батальоне, потому что мы знали Файерабенда и уважали как порядочного, готового прийти на помощь товарища и человека. Когда фольксштурм через несколько дней снова вернулся в Пальмникен, повсюду говорили о том, что Файерабенда убила «служба безопасности», так как он вступился за евреев, которые были размещены на фабрике в Пальмникене.

Когда мы вновь вернулись в Пальмникен, я узнал, что в это время евреев, размещавшихся на фабрике, согнали на морской берег ниже Зееберга и расстреляли.

Кто участвовал в расстреле, я не могу сказать. Но я слышал, что приказ отдал Фридрикс. Также до моих ушей дошло, что и члены гитлерюгенда, и Антон Аукшун участвовали в этом.

Вопрос:

Состоял ли Аукшун в фольксштурме, и вернулся ли он также с вами в Пальмникен после операции в Куменене?

Ответ:

Я не могу с уверенностью сказать о том, участвовал ли Аукшун в боях под Кумененом, но я полагаю, что он был там, потому как точно знаю, что он был членом фольксштурма.

А если он, конечно, был в Куменене, то он не мог одновременно принять участие в расстреле евреев в Пальмникене.

Вопрос: Вы слышали или видели, что после акции с евреями члены гитлерюгенда, вооруженные Фридриксом под руководством Фрайенхагена, обыскивали окрестные леса в поисках сбежавших евреев? Может быть так, что в этой поисковой акции Аукшун участвовал по собственной инициативе, и, может быть, он сам расстреливал пойманных евреев?

Ответ:

Я полагаю, что от Фольгера [Folger] я узнал во время посещения Дюссельдорфа, что в акции с евреями участвовали члены гитлерюгенда и Аукшун. О том, что Фридрикс вооружил членов гитлерюгенда, которые под руководством Фрайенхагена якобы обыскивали леса, я не слышал.

Каким образом Аукшун участвовал в акции с евреями, я не знаю. Только слышал, что он вроде бы действовал заодно. Мне с того времени известны подростки Каршау [Karschau], Зур [Suhr], Лилиенталь [Lilienthal], Хардер [Harder]. Я, кажется, от Фольгера слышал, что Каршау и Зур участвовали в акции по расстрелу. Позднее, когда я находился в плену у русских в Раушене, увидел Аукшуна, он тогда был в бараке для «тяжких», то есть «кандидатов-смертников». Насколько я слышал, Аукшун жив и находится в Западной Германии. Вероятно, госпожа Герда Шпиц [Gerda Spitz], про которую сказано на 8-м листе допроса, может пролить свет на его нынешнее местонахождение.

Мне неизвестно, состоял ли Карл Йоппиен [Karl Joppien], который под конец был служителем общины, в Общех СС. Я его, так или иначе, никогда не видел в черной эсэсовской униформе.

На вопрос:

Мне известно из разговоров, что Макс Ковалевски [Max Kowalewski], бывший сотрудник бюро нашего комбината, в 1943 или 1944 году написал донос на официанта, который в Зоргенау критически высказался о тогдашнем режиме. Официанта после этого арестовали и казнили. Как это все происходило, я не узнал. Этот случай тогда вызвал в деревне всеобщее возмущение. Участвовал ли в этом Фридрикс, может быть, как-то приложил руку, я не могу сказать. В общине Фридрикса не любили, но я не могу точно дать показания о том, участвовал ли он в расстреле заключенных и евреев. Фридрикс был пьяницей, горожанам грубил и орал по любому поводу. Я его избегал, где только мог, и, кроме того, он плохо говорил обо мне, поскольку моя семья состояла в баптистской общине.

Когда меня еще раз спрашивают по поводу того, кто распорядился вести евреев из Кёнигсберга в Пальмникен, я могу только сказать, что в деревне поговаривали, что руководитель янтарной мануфактуры в Кёнигсберге — Раш — вероятно, подал учреждению, которое отвечало за транспортировку евреев, идею доставить их в Пальмникен и взорвать их там в туннеле бомбоубежища.

Когда в то время фольксштурм задействовали в Куменене, и он был на марше, я видел, что от Пальмникена до Куменена на расстоянии справа и слева от дороги трупы были сложены грудами. На некоторых телах была одежда с сине-белыми полосками. Я так и не узнал, откуда эти евреи, то есть из какого лагеря они пришли. Позже я узнал, что эти евреи были из военной авиабазы «Йесау» под Кёнигсбергом [...].

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 1. Микрофиша 1. Машинопись.

---

* В документе фамилия зачеркнута.

** Пересеченная местность вблизи Пальмникена.

117. Из протокола допроса бывшего жителя Пальмникена Рудольфа Фольгера (Rudolf Folger)

24–26 января 1961 г.

Управление уголовной полиции земли Баден-Вюртемберг
Комиссия по особым делам
Центральное учреждение
Дюссельдорф, 24 января 1961

Поступило в Людвигсбург 6 февраля 1961
Запись допроса [...]

Это было в конце января 1945-го, а именно в пятницу вечером около 23:00. Я услышал, как сирена возвестила о воздушной тревоге [...] Когда я услышал сирену, то вышел из дома и посмотрел, не видно ли уже чего. Я увидел, что над Пиллау прожектора обыскивают небо в поисках самолетов, и что взрываются снаряды зенитных орудий. Я тогда пошел домой и сказал жене и сестре, чтобы они успокоились, потому что это происходит над Пиллау. Потом я бодрствовал и хотел дождаться окончания воздушной тревоги. Где-то в 2:00 или 3:00 я стоял перед домом и услышал одиночные ружейные выстрелы. Я так и не мог понять, откуда стреляют, и был почти уверен, что русские уже совсем близко подошли к Пальмникену. Услышав стрельбу, я спать уже не ложился и хотел подождать, что же случится. Внезапно я увидел, как со стороны Кёнигсберга проехал грузовик, фары были выключены. Я встал у калитки, чтобы посмотреть, что это за грузовик. Когда он проехал мимо моего дома, я увидел, что сзади в грузовике находились примерно 20 солдат. В темноте я не мог различить, были ли это немецкие солдаты. Совсем скоро после этого приехал второй грузовик, в кузове которого было всего несколько солдат. Я понял, что грузовики ехали в направлении нашего комбината. Когда второй грузовик проехал, я услышал людские голоса еще отчетливей и стрельбу. Меня это заинтересовало, и я понял, что идет колонна людей. Я тогда встал в укрытие за своим домом, потому что ведь постоянно стреляли. И потом увидел длинную колонну людей, большей частью женщин, на главной улице, шедшей в направлении деревни. Я также видел, что колонну конвоировали солдаты с винтовками. В колонне было много людей, в темноте не представлялось возможным даже оценить их число. Неожиданно напротив моего дома раздались два выстрела. Люди закричали, когда стали стрелять. Вот эта стрельба продолжалась до деревни. Когда колонна прошла, я вышел на дорогу и увидел в 20 м от моего дома, по направлению к центру поселка, двух застреленных женщин. Я подошел к ним и понял, что они мертвы. На женщинах была жалкая одежда. В ночь, когда пришла колонна, была сильная снежная пурга с ледяным ветром, где-то 15 градусов мороза. В хвосте колонны шли 8–10 солдат. Когда колонна прошла, и стрельба прекратилась, я зашел в дом и лег спать. На следующее утро, в субботу, я, как обычно, вышел из дома в 07:30, чтобы пойти на работу. По дороге в комбинат я видел еще несколько застреленных и забитых насмерть женщин на краю дороги. У тех, кто умер от ударов, большей частью были пробиты головы, покойники выглядели ужасно. Там, где лежали мертвые, снег был красный от крови. От моего дома до комбината идти около 15 минут. На пути в то утро я видел 20, а может быть и больше, лежащих трупов.

И по пути на работу мне встретились жители Пальмникена – это были женщины – которые шли на молочную ферму, они стояли вместе и обсуждали произошедшее ночью. Я тогда некоторым рассказал о том, что видел рано утром, что большое число людей прошло по главной дороге из Кёнигсберга к центру поселка, что их гнали солдаты. Ни мне, ни женщинам в тот момент еще не было известно, что колонну разместили на нашем комбинате. Возле некоторых мертвых стояли женщины, которые плакали, потому что никто не мог понять, как такое могло вообще произойти. Мы также не знали, что это были за люди. Весть разнеслась по деревне быстро, вызвав большую тревогу, так как такие ужасные события до сих пор здесь никто никогда не видел.

На комбинате царила большая тревога, я узнал, что людей, увиденных ночью, разместили на территории комбината. Еще на входе сторож сообщил, что сегодня прибыла колонна с евреями, и она размещена в слесарной мастерской. По пути в бюро

я увидел, что на полу спало большое число солдат. И другие административные помещения были заняты солдатами, даже в коридоре спало несколько солдат, так что мимо них было не пройти. Но я все же зашел в свое бюро и хотел достать кое-что из письменного стола. В этот момент проснулся пожилой унтер-офицер, на нем была серо-коричневая униформа. Я его спросил: «Что собственно, происходит, и почему вы здесь устроились?» Он на это ответил, сделав рукой защитное движение от себя: «Об этом не говорят». И тут я понял, что человек говорил на ломаном немецком. По виду униформы я предположил, что он является сотрудником организации Тодта [...]

После этого мне нужно было несколько раз сходить в мое бюро, чтобы забрать документы по работе. К тому времени солдаты уже встали, а унтер-офицер сидел на стуле перед моим рабочим столом. Я спросил у него, что неужели все так секретно и даже нельзя узнать, что с этими людьми. Он сделал при этом рукой презрительный жест и сказал: «Это евреи, с ними здесь покончат». В первой половине дня кадровик распорядился не разговаривать с солдатами и держаться подальше от этого дела.

На вопрос:

Когда утром я входил на территорию комбината, несколько рабочих стояли у ворот охраны и обсуждали особое происшествие. К тому моменту ночного сторожа – господина Хёпфера [Höpfer] – сейчас он уже покойный, сменили, и теперь на охране был дневной – Канау, который, по-моему, сейчас живет в советской оккупационной зоне. Он теперь рассказал, что узнал от своего предшественника (Хёпфера) о прибытии колонны:

«Колонна утром подошла к главным воротам, которые на ночь закрывались. Он не пропустил колонну на территорию. После этого оберштурмфюрер СС потребовал шефа (Ландмана) для разговора. Хёпфнер [Höpfner] установил телефонную связь между будкой сторожа и квартирой Ландмана. Во время разговора между Ландманом и оберштурмфюрером СС Хёпфнер подслушал следующее: он – оберштурмфюрер СС – пришел из Кёнигсберга с колонной евреев и Ландман должен показать ему штольню, в которую надо завести евреев. Из телефонного разговора Хёпфнер смог понять – как он рассказал своему преемнику на смене – что Ландман ничего о деле не знал, и он заявил руководителю СС, что у него нет никаких штолен, так как имеющиеся штольни служат для снабжения общины питьевой водой.

После того, как Ландман [Landmann] отказался предоставлять штольню в распоряжение, он и руководители СС сошлись на том, что на время евреев разместят в цеху слесарной мастерской.

Евреев после этого – как договорились – разместили в слесарной. Я не в состоянии доложить о том, что обсуждали в субботу утром руководитель СС и Ландман относительно дальнейшей судьбы евреев.

На вопрос:

Где состоялся разговор между руководителем СС и Ландманом в субботу, я не знаю. Я также не могу сказать, присутствовала ли при этом разговоре фройляйн Гертруда Конке, личная секретарша Ландмана. Может быть, Ландман проинформировал фройляйн Конке о разговоре, так что она, возможно, в состоянии дать более детальные показания. Есть, кроме того, вероятность, что господин Лаач [Laatch], у которого бюро было надо комнатой шефа, по этому вопросу может что-нибудь сообщить.

Евреи теперь без всякой подстилки были размещены в слесарной, и ни один человек не был озабочен их пропитанием. На комбинате по субботам – а именно в офисной части – работали до 13:00, а на самом комбинате до 22:00. Я в 13:00 пошел домой, и должен был в воскресенье с 8:00 до после обеда 14:00 сидеть на телефоне. Это было мероприятие, задуманное Ландманом в связи с приближением фронта [...]

Я к этому хочу добавить, что конвой евреев сопровождали три руководителя СС, из них один оберштурмфюрер СС и два штурмфюрера СС, двадцать два эсэсовца и примерно 120–125 сотрудников ОТ.

Вопрос:

Опишите подробней униформу офицера СС и людей из СС?

Ответ:

На комбинате все говорили о том, что колонну сопровождали оберштурмфюрер и два штурмфюрера, а также двадцать два эсэсовца и указанное мною число сотрудников ОТ. Насколько я помню, у эсэсовцев была полевая серая униформа, а люди ОТ были в серо-коричневой униформе. Я тогда не знал, что за звания и какие особые знаки различия носили члены СС, и тогда не мог отличить солдата вермахта от эсэсовца. То, что это были эсэсовцы, я знаю по той причине, что в четверг, то есть через шесть дней после прибытия колонны с евреями, в мою квартиру вошел эсэсовец и попросил меня дать ему гражданскую униформу. Он мне сказал: «Я не принадлежу к регулярным СС, я лежал в лазарете и после выхода из него меня распределили в эту команду СС. Я не хочу быть причастным к этому делу и хочу попытаться сбежать».

В связи с ситуацией и вниманием нашего руководителя местной партийной ячейки и бургомистра Фридрикса [Friedrichs] я был вынужден отказать ему в просьбе, чтобы самому не оказаться в опасности.

Возвращаясь к разговору, который я вел с Файерабендом [Feyerabend] рано утром в воскресенье. Он потребовал от меня, чтобы я привел руководителя колонны. По этому заданию я пошел к месту, где жил руководитель СС в офисном здании, и поставил его в известность о том, что директор имений и майор резерва, а также руководитель фольксштурма хочет с ним поговорить. Эти три руководителя СС оделись и пошли со мной.

В коридоре административного здания руководители СС и Файерабенд встретились, и я принял участие в разговоре. Когда пришли руководители СС, Файерабенд задал им вопрос:

«Кого Вы сюда привели и откуда?» На это ответил оберштурмфюрер СС: «Я получил в Кёнигсберге приказ явиться в пятницу после обеда к Северному вокзалу близ полицай-президиума, где я получу дальнейшие приказы. По прибытии на указанное место в Кёнигсберге мне сказали: «Вам надо привести группу евреев, примерно пять тысяч человек, в Пальмникен. Вам выделят для сопровождения еще двух штурмфюреров, отряд эсэсовцев и отряд сотрудников ОТ».

Оберштурмфюрер СС продолжал: «Согласно приказу, я взял на себя руководство над колонной евреев у вокзала с переданным мне конвойным персоналом и двумя штурмфюрерами СС и привел колонну ночью в Пальмникен».

Вопрос:

Упомянул ли руководитель СС в ходе беседы, от кого он получил этот приказ в Кёнигсберге?

Ответ:

Я помню, что в ходе этого разговора оберштурмфюрер СС говорил что-то о Верховном суде в Кёнигсберге. Но я не могу сказать, получил ли он оттуда приказ привести евреев из Кёнигсберга в Пальмникен. Высказывание оберштурмфюрера относительно Верховного суда могло прозвучать в той связи, что Файерабенд его спросил, что должно произойти с евреями. На это оберштурмфюрер сказал, что он получил в Кёнигсберге приказ вести евреев в Пальмникен, где их должны были загнать в одну из штолен янтарного комбината. На это Файерабенд спросил его: «Откуда Верховный суд в Кёнигсберге знает, что в Пальмникене есть штольни?»

Тогда оберштурмфюрер СС пояснил, что относительно перемещения евреев в Пальмникен и об их судьбе в Кёнигсберге велись постоянные телефонные переговоры. Кто там с кем по телефону разговаривал, я уже не помню. Может быть, в ходе разговора об этом вообще не говорили. Из этой беседы я понял, что поначалу в Кёнигсберге были сомнения относительно того, куда, собственно, нужно переправлять евреев. После этого, вероятно, состоялись телефонные переговоры. Я, правда, не в состоянии сказать, какие учреждения были подключены к этому. Оберштурмфюрер СС далее пояснил, что в связи с перемещением евреев в Пальмникен некто господин Раш из Янтарной мануфактуры Кёнигсберга подсказал суду, что в Пальмникене имеются штольни.

Я, однако, не могу сказать, сам ли Раш высказался за перемещение евреев в Пальмникен в контактах с Верховным судом, или суд спросил у Раша относительно того, что есть на комбинате в Пальмникене. Во всяком случае, я знаю точно, что в этой связи прозвучала фамилия Раш.

Раш – это, без сомнения, тогдашний заместитель директора Янтарной мануфактуры Кёнигсберга. Мне известно, что Раш был членом партии, и я также думаю, что в связи с его должностью в партии имел значительный вес. Но не могу сказать, какую должность в партии тогда занимал Раш в Кёнигсберге. Я видел Раша несколько раз в Пальмникене. В большинстве своем он приезжал на комбинат, если ему был нужен особый камень. Личного контакта – как я говорил – у меня с ним не было.

После того, как оберштурмфюрер СС заявил Файерабенду, как и почему евреев доставили в Пальмникен, я подключился к разговору и сказал, что Ландман не разрешил давать никаких штолен, так как они, как уже упоминалось, служили для снабжения общины питьевой водой. Файерабенд спросил тогда руководителя СС, где сейчас находятся люди. На это оберштурмфюрер сказал, что они размещены в слесарной мастерской. Файерабенд тогда задал ему вопрос: «Получили ли люди пропитание, есть ли в слесарной солома, на которой люди могли бы лежать». Оберштурмфюрер ответил отрицательно на оба вопроса.

Тогда Файерабенд сказал: «Так-то Вы обращаетесь с людьми с утра субботы по настоящее время. А теперь я беру на себя ответственность за этих людей. У меня тут никого больше убивать не будут [...]». После того, как Файерабенд в совершенно отчетливой форме дал понять оберштурмфюреру СС, что он думает о деле, и что он думает делать, руководитель СС спросил директора имений в возбужденном тоне: «Что с нами сделают, если Вы намерены отпустить евреев?». На это ему Файерабенд однозначно заявил: «Отпущенные евреи тогда, вероятно, будут себя вести в отношении конвойных так же, как те вели себя по отношению к ним в пути».

Это заявление Файерабенда три руководителя СС проглотили без возражения. Файерабенд в завершение поставил мне задачу послать предоставленного на воскресенье курьера Раймана [Reimann] в имение Пальмникен и сообщить управляющему Эмилю Хардеру [Emil Harder] (отвечавшему за распределение и исполнение работ) – он уже умер – немедленно запрячь сани и отправить их в Хайлигенкройц, чтобы забрать складированный там неприкосновенный запас хлеба в 25 центнеров, предназначавшийся для фольксштурма, и распределить этот хлеб среди евреев. Одновременно Файерабенд распорядился сварить для евреев кофе на кухне комбината. Кроме того, он распорядился, чтобы из имения Пальмникен две больших телеги привезли солому в качестве подстилки для евреев. Также с мельницы комбината должен был быть выдан горох, а в имении Пальмникен забит скот, чтобы обеспечить евреев горячей пищей. С того момента евреев кормили трижды в день. Руководители СС не вмешивались в эти действия и держались в стороне.

Ели ли конвойные, включая руководство, ту еду, которая была предназначена для евреев, я не знаю. В этой связи я хочу рассказать для протокола о следующем инциденте, который мне описала госпожа Эдит Акерман, живущая в Дюссельдорфе-Оберкасселе, Ганза-Аллее [...], несколько дней назад:

В те дни один из сотрудников ОТ пришел к ней в дом (в Пальмникене) и попросил дать поесть. Она дала ему несколько кусочков хлеба, на что тот сказал: «Если сейчас придут русские, то они за каждого еврея убьют четырех немцев». Этот сотрудник ОТ говорил на ломаном немецком. Из этого сообщения госпожи Акерман следует, что конвойные в Пальмникене должны были сами искать себе пищу. Может и так, что конвойным не выдали продовольствие на долгое пребывание в Пальмникене, так как планировалось немедленно уничтожить евреев после их прибытия, чтобы конвойные уже в субботу могли вернуться обратно в Кёнигсберг.

На вопрос:

В понедельник у меня была возможность поговорить с оберштурмфюрером СС. Если я правильно помню, этого руководителя СС звали Вебер. Я думаю, что слышал эту фамилию, когда его так назвал подчиненный. Судя по речи, он был выходцем из северных приморских районов Германии. Как я помню, ему тогда было около 35 лет, рост примерно 1,78 м, и он был молодцеватого вида. Офицер носил полевую серую униформу с пистолетом и сапоги с раструбом.

В понедельник, во второй половине дня, мне надо было в бюро, где были размещены люди, чтобы забрать там пару документов. В этой связи я подошел к комнате, где размещались три офицера СС, и, так как дверь была открытой, я заговорил с оберштурмфюрером СС: «Ну, что Вы теперь будете делать с людьми?» На это он мне ответил: «Мы в данный момент вообще ничего не можем сделать, так как ответственность за евреев взял на себя господин Файерабенд; мы ожидаем получения новых приказов из Кёнигсберга».

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 1. Микрофиша 1. Машинопись.

118. Протокол допроса обершарфюрера СС Фрица Вебера (Fritz Weber) в прокуратуре г. Киля

11–14 января 1965 г.

Прокуратура г. Киль
2 Js 359/64
Киль, 11.1.1965
Допрос

В учреждение предварительного заключения в Киле приводится Фриц Вебер, правительственный служащий, проживающий по адресу Киль, Эсмархштр[ассе], 88.

Фамилия: Вебер
Имя: Фриц
Родился: 15.11.1908 в Гумбиннене, Восточная Пруссия
Профессия: правительственный служащий
Профессия и положение на момент деяния: резервист «Ваффен-СС»
Доход:

a) на момент деяния: группа VII и денежное довольствие

b) в настоящее время: 780 марок (без вычета налогов и отчислений)

Семейное положение:

a) женат

b) имя и фамилия супруги: Маргарете, урожд[енная] Зонтаг

c) проживание супруги: по месту жительства мужа.

Дети:

a) число: 2

b) возраст: 23 и 26.

7.

a) отец, имя и фамилия, профессия, место жительства: Фридрих Карл Вебер, инспектор телеграфа на пенсии, пропал без вести

b) мать: Генриетте, урожд. Касперайт, умерла

c) опекун: нет

Государственная принадлежность: немец

Почетные государственные и прочие общественные должности: нет.

Удостоверение личности: в соответствии с законом ст. 131.

Привлекался ли до этого к ответственности: нет.

По существу:

Я родился в Гумбиннене/Восточная Пруссия. Когда мне было 6 лет, моего отца перевели на телеграф в Данциге. В 1915 году пошел в школу. Сначала я учился три года в средней школе в Данциге. Потом я пошел на один год во вспомогательный класс и поступил после него в Городскую Гимназию Данцига. В 1927 году я покинул гимназию, окончив 7 классов. И далее посещал два года Высшую Торговую школу в Данциге. После этого устроился стажером на должность кассира на Городские Предприятия Данцига. В конце 1929 и начале 1930 года меня устроили на постоянной основе. До августа 1933 года работал на городских предприятиях, затем устроился в земельную полицию. Весной 1937 года земельная полиция была упразднена. Я вернулся кассиром в городские предприятия Данцига. 28 июня 1939 года меня призвали в полицию как резервиста. Тогда я был унтер-офицером полиции, служил командиром взвода.

В марте 1940 года я в первый раз попал в Штуттгоф как персонал охраны. В Штуттгофе до 1942 года был полицейский трудовой лагерь. Мы, полицейские из резерва, служили там в охране. Через определенные промежутки времени нас сменяли. Смена происходила каждый месяц. У нас было три роты по 4 взвода. Первая рота служила в охране, другая – в учебке, третья привлекалась на другие службы, например, охрана объектов. Я тогда был в третьей роте, в 1-м взводе. Я был командиром этого взвода и одновременно заместителем командира роты.

В 1942 году полицейский трудовой лагерь «Штуттгоф» был преобразован в концентрационный лагерь. К тому времени я вместе со своей ротой был во внешнем лагере «Торн». Летом 1943 года, пожалуй, это было в июне, мы вернулись обратно в Данциг. Третья рота стала учебной. Военнослужащие постарше были распределены по другим ротам и снова пошли в охрану Штуттгофа. Я сам остался в учебной роте.

Тогда я был обервахмистром полиции. Во время командировки нашу полицейскую часть преобразовали в соединение «Мертвая голова». По этому случаю я стал унтершарфюрером СС. Получается, что в свое время меня понизили на один ранг в звании.

В марте 1944 года я попал во 2-ю роту, стал обершарфюрером и старшиной. Вторая рота вместе с 1-й и 3-й по очереди была ротой охраны в Штуттгофе. У нас появилась со временем 4-я рота, которая стала учебной.

В ноябре 1944 года меня перевели во внешний трудовой лагерь «Штайн-Кёнигсберг». Этот внешний трудовой лагерь работал на фирму «Штайнфурт» – вагоностроительный завод. В этой команде работало примерно 400 евреев-заключенных из Вильно, Риги и других городов Прибалтики. В свое время я сменил обершарфюрера Бёма. В то время фирма «Штайнфурт» пожаловалась на Бёма [Böhme], и поэтому его сменили. В этой трудовой команде работали только мужчины-евреи. У меня было 7 человек охраны и санитар. В конце декабря санитара сменили. В качестве санитара прибыл Кнотт [Knitt]. Он проходил обвиняемым на недавних процессах с участием присяжных в Тюбингене. Эти 7 охранников были пожилыми, прежде всего, были такие, которые раньше служили в вермахте. Все они были уже ограниченно годны. Эти 7 охранников носили форму СС, но с той разницей, что свастика была у них на петлице. Я сейчас уже не могу назвать, как звали этих семерых. Мой лагерь находился на территории верфи «Шихау». Поэтому, собственно говоря, охраны нам вообще и не требовалось. Я могу сейчас точно сказать, когда я попал в эту трудовую команду. Это было за три дня до моего дня рождения – 15 ноября.

В январе 1945 года к нам прибыла партия из женщин-евреек. Их было несколько сотен. Я сейчас точное число не могу назвать. Так или иначе, партия эта прибыла к нам после 6 января 1945 года. Этот конвой сопровождался надзирателями из ОТ и казаками-украинцами. Начальником конвоя был старший из ОТ. Евреек разместили на территории верфи «Шихау» в заброшенной фабрике. Часть этих евреек разместили в бараках. Начальник этого конвоя обратился ко мне с просьбой помочь ему разместить людей и достать продукты. Я помог продуктами, насколько мог. Потом я по специальному проводу говорил с Штуттгофом. Сначала с адъютантом командира лагеря, а потом с самим Хоппе [Hoppe]. Хоппе мне сказал, что ничего не знает об этом конвое евреев. По его словам, я не должен позволять, чтобы на меня их «нагрузили». Если что нужно сделать, то это компетенция гауляйтера. Я направился в его аппарат и поговорил с заместителем гауляйтера Вагнером. Вагнер послал меня к штурмбанфюреру Краузе [Krause] в гестапо в Кёнигсберге. Это учреждение располагалось в ратуше Кёнигсберга. Краузе меня ужасно достал. Он мне заявил, что я теперь подчиняюсь ему, а не Хоппе. Поэтому, мол, не надо мне названивать последнему. Краузе мне сказал, что он по этому поводу еще телеграфирует Хоппе. Под конец он объявил мне, что я должен быть в его распоряжении наготове. Я тогда удивился, откуда Краузе добыл сведения о моем телефонном разговоре со Штуттгофом. И пришел к выводу, что, пожалуй, линия прослушивалась. Вскоре после этого мне позвонил Хоппе и заявил, что на будущее я должен следовать указаниям руководства СС и полиции в Кёнигсберге. Это был последний раз, когда я из Кёнигсберга разговаривал с Хоппе.

Должно быть где-то 18, 19 или 20 января 1945 года я рано утром в 6:00 услышал шум и гвалт у своего окна. Когда я вышел, спросил у часового, что происходит. Часовой сказал мне, что прибыли два руководителя СД и подняли тревогу в лагере. На улице было еще темно. Я пошел к одному из этих руководителей и потребовал отчета о происходящем, объявив ему, что в лагере, который мне подчиняется, он не имеет права отдавать распоряжения. Припоминаю фамилии обоих руководителей. Эти оба назвали мне свои фамилии. Но снаружи так много всего происходило, что я не обратил на их фамилии внимания. Руководитель, к которому я обратился, сказал мне: «Вы сейчас со своими людьми пойдете по Аусфальштрассе Шихау в направлении моста через Прегель, по Хуфену в направлении полицай-президиума, Аусфалльштр. Девау. Там Вы получите от гауптштурмфюрера Зонненшайна [Sonnenschein] более точное указание о маршруте». После такого короткого разговора оба руководителя пошли в лагерь женщин и подняли их по тревоге. Я слышал выстрелы, не знаю, стреляли ли по людям

или только чтобы выгнать на улицу женщин-евреек. Оба руководителя и в моем лагере стреляли. Но только в воздух, чтобы поднять моих евреев.

Тогда я пошел с подчиненными мне работниками-евреями по указанному маршруту. Близ аэродрома Девау, на одном из перекрестков на север, ждал Зонненшайн. Я тогда первый раз видел Зонненшайна. В тот момент я вел только своих работников-евреев. Они шли, по моему указанию, колонной по четыре человека, при этом они должны были держаться за руки. Я обратился к Зонненшайну. Он распорядился, чтобы я шел со своей колонной евреев в направлении Пальмникена. Дал мне карту генерального штаба, на которой был обозначен путь. Зонненшайн сказал мне, что в Пальмникене я должен обратиться к директору тамошнего янтарного комбината. Он назвал мне фамилию. У меня сейчас в памяти фамилия Кауфман [Kaufmann]. Зонненшайн сказал мне, что этот Кауфман мне потом скажет, что делать. Я выразил свои сомнения и сказал Зонненшайну, что я не могу же принимать приказы от гражданского лица. На это Зонненшайн сказал, что все в порядке, и что Кауфман работает под прикрытием. Тогда я, как мне приказал Зонненшайн, с этой главной дороги повернул на север со своими работниками-евреями. К тому моменту других евреев, про которых я сейчас расскажу, вообще не было видно. Я тогда подумал, что, наверное, еще и те еврейки, которых вел охранник из ОТ, тоже подойдут. На разветвлении дорог я оставил одного из своих охранников с велосипедом. Он должен был показать старшему из ОТ дорогу. Сам Зонненшайн уже уехал. У него был открытый проходимый фольксваген 82. Его водитель был мне незнаком. Зонненшайн был там только с водителем.

Когда я разговаривал с Зоннешайном, моя колонна евреев уже повернула на дорогу в северном направлении. Потому что я, как только мне Зонненшайн сказал, что мне надо в Пальмникен, сообщил своим людям: «Вы уже идите, я вас догоню». По окончании разговора с Зонненшайном, я пошел за своей колонной евреев, через 500 или 600 метров нагнал ее. Колонна была длиной около 200 м. Я уже рассказывал, что евреи должны были идти рядами по 4 человека. Число евреев, которых я вел, было ровно 400.

Первую остановку на отдых я сделал после 11 часов. Мы вышли из лагеря утром в 7:00. Я отвел 1 час на отдых. Мои евреи расположились у сарая. У меня было всего 7 человек охраны. Когда мы сделали привал у сарая, у меня было всего 5 охранников. Одного я оставил на перекрестке. Санитар Кнотт и другой охранник (раздатчик пищи) догоняли нас на санях.

Кроме 5 охранников, которые расположились у сарая, у меня еще было двое капо[1]. Там, около сарая, я стоял и ждал евреек, которых вел охранник из ОТ. Затем появились они. Вдруг я заметил, что число евреек значительно возросло. Я ведь рассчитывал только на евреек, которых вел конвойный из ОТ. Их было всего две-три сотни. Но счет тех евреек, которые сейчас подходили, шел уже на тысячи. Не могу точнее назвать их число. Вот эта длинная колонна евреек теперь тоже остановилась на отдых. На этом отдыхе я снова встретился со старшим из ОТ, который вел партию из нескольких сот евреек. Большую часть евреек вел гауптшарфюрер Кауфельдт [Kaufeldt]. Этот Кауфельдт был из концлагеря Равенсбрюк. В качестве охранников у него были казаки.

На этой остановке на отдых я переговорил накоротке с Кауфельдтом и конвойным из ОТ. Сказал обоим, что нам надо в Пальмникен, что там я получу дальнейшее указание от директора янтарного комбината. Потом добавил: «Держите плотнее свои толпы, и смотрите, чтобы все шли вместе. Кто не сможет, пусть остается лежать».

Наш марш продолжился. Я сам шел с моими работниками-евреями в голове колонны. Еврейки шли за нами.

Кауфельдт и конвойный из ОТ сначала отстали, потому что многие еврейки так обессилели, что не могли идти дальше. Еврейки, которые могли идти, шли потом за моими

работниками-евреями. Когда мы прошли около 2 часов, к нам подъехал сзади открытый фольксваген. Я еще посмотрел на часы. Было где-то 2 или половина третьего. В машине сидели гауптшарфюрер, обершарфюрер, шарфюрер и водитель. Все были из СД. У них были руны СД на рукаве. Я точно помню, что на одном была металлическая бляха (полевая жандармерия). Гауптшарфюрер сказал мне: «Вы же тут руководитель команды, что происходит? Те вот сзади, они что не идут, давайте позаботьтесь об этом». Я сказал гауптшарфюреру, что должен вести только мужчин-евреев, а что там сзади меня никак не касается. Гауптшарфюрер ответил, что у него указание надзирать за колонной; ему надо следить за тем, чтобы колонна не попала на главную дорогу. Потом машина с людьми из СД уехала обратно. Я не могу сказать, как звали гауптшарфюрера. Фамилии остальных сотрудников СД, которые сидели в этой машине, мне также неизвестны. Затем я отправился дальше. Где-то в 6:00 вечера сделали вторую остановку на отдых. Тем временем колонна растянулась вовсю. Она была как минимум 2 км длиной. Всюду между людьми были промежутки. Поэтому я должен был остановить всех, чтобы эти промежутки были снова устранены. Тут и часовые начали бузить, дескать, они хотят отдохнуть, чтобы поесть. Вообще, я хотел только в 8:00 вечера встать на отдых. Естественно, и колонна снова была в полном составе, то есть и Кауфельдт, и старший из ОТ снова находились в ней. Вот этот чин из ОТ, я думаю, имел отношение к Имперской службе труда или что-то в этом роде. У него был золотой партийный значок. Отдых снова продлился 1 час.

На втором отдыхе к нам снова подъехал фольксваген. Правда, теперь гауптшарфюрер разговаривал не со мной. Этот гауптшарфюрер говорил с Кауфельдтом и конвойным из ОТ. А потом сотрудники СД снова уехали на машине в направлении Кёнигсберга. Куда они поехали, не знаю. Этот автомобиль с гауптшарфюрером я вновь увидел только в Пальмникене. После второго отдыха мы снова пошли в направлении Пальмникена. Где-то в 1:00 час ночи мы прибыли на янтарный комбинат. Когда я разместил всех евреев в слесарной и распределил часовых, было половина первого, я точно помню. Я еще посмотрел на часы, чтобы записать это время для рапорта.

Из Кёнигсберга в Пальмникен мы шли больше 80 км. Я померил «колесиком» расстояние, и вышло 85 км. При этом надо помнить, что мы не по главной дороге шли, а по окольной.

Меня спросили, сопровождали ли колонну на марше из Кёнигсберга в Пальмникен женщины-надзирательницы из СС. Я не могу сказать, это вопрос не ко мне. Я же не находился в самом конце колонны. В самом Пальмникене ни одной надзирательницы из СС не видел. На марше я был одет в серую полевую шинель, ремнем подпоясался поверх шинели, слева был пистолет. Пистолет был моим собственным. Это был самозарядный бельгийский пистолет, который мой отец привез домой с Первой мировой войны. Справа спереди у меня на ремне была прикреплена полевая сумка. На ремне еще была походная фляга и хлебный подсумок, а на голове серая шапка (лыжная). Обувью служили сапоги с коротким голенищем.

На Кауфельдте была стеганая ватная куртка (маскировочная), на голове у него была также шапка (лыжная). У Кауфельдта был автомат. У старшего из ОТ, который вел партию евреек, также автомат, который он передал своему подчиненному, чтобы он его нес. Если бы я помнил сегодня, как звали этого человека. Тогда я совершенно точно знал его имя. Он был старше. Был высоким и статным. Начиная со 2-й остановки и до прибытия в янтарный комбинат Пальмникен позади меня постоянно стреляли. Мне было ясно, что эти выстрелы предназначались еврейкам. Я не видел, как еврейки, в которых попали выстрелами, оседали на землю. После 2-й остановки, где-то около 10:00 вечера, я ждал, пока подойдут Кауфельдт и конвойный из ОТ. Сказал им, что стрелять бессмысленно. Но конвойный мне ответил, что это, в конце концов, вой-

на. И еще он сказал: «Если бы ты знал, что в нашей провинции русские творят, как они там свирепствуют, а ты тут еще хочешь евреек защищать. Ты, мне кажется, самый настоящий пораженец». К тому моменту три человека, которых я послал вперед в Пальмникен, еще не вернулись. Это были трое из ОТ, которых мне предоставил их старший. Он сказал мне, что он теперь сам хочет поехать вперед в Пальмникен, чтобы посмотреть, что там за дела. И потом он на самом деле с 10 своими конвойными двинулся в путь. Старшего ОТ в Пальмникене я больше не видел. Другие конвойные мне потом в Пальмникене сказали, что этот их старший таким вот образом смылся.

Меня спрашивают, сколько евреев, по моей оценке, было застрелено на марше из Кёнигсберга в Пальмникен до прибытия на янтарный комбинат. Я не могу сказать, не могу определить точную цифру. В Пальмникене слышал, что на пути из Кёнигсберга до прибытия в янтарный комбинат в Пальмникене погибли около 1000 евреек. Были ли они все застрелены, не знаю.

Сегодняшний допрос начался в 13:45, и был завершен в 16:55.

Примечание: Допрос был продолжен в 9:20 12.11.65. Обвиняемый поясняет:

Я уже вчера рассказал, что мы вошли в Пальмникен очень поздно ночью. Было около половины первого.

Меня спрашивают, кто был в моей конвойной команде для 400 мужчин-евреев, когда мы пришли в Пальмникен. Я могу тут пояснить, что к тому моменту все мои люди, включая санитара Кнотта, за исключением раздатчика пищи, были вместе под моей командой. То есть у меня для колонны на марше было 7 человек. Также 20 конвойных из ОТ находились в моем распоряжении, когда наступила темнота. Я хочу тут добавить, что Кнотт нас догнал, когда начало темнеть, я так думаю, это было еще до второй остановки на отдых. Кнотт постоянно рыскал вдоль колонны, потому что его задачей было следить, как врачу, за заключенными, особенно за женщинами. По этой причине я тогда поставил ему задачу находиться где-нибудь в конце колонны рядом с женщинами, тем более от него я узнал, что там творилось невообразимое. Я имею в виду стрельбу, что женщины дальше не шли и пьяное состояние конвойных, их охранявших. Меня еще раз просят попытаться назвать фамилии членов моего конвоя. Понятно, что эти люди были для меня очень важны, так как они, по меньшей мере, могут подтвердить мои показания. Даже при всем желании не могу назвать ни одной фамилии конвойных моей команды. Как я уже говорил, это были пожилые отставные солдаты вермахта, которые по состоянию здоровья могли служить только в качестве охранников. Я определенно знал имена некоторых. Однако с течением времени, когда находился в плену у американцев, их имена выпали у меня из памяти. Могу, однако, сослаться на санитара Кнотта, который по меньшей мере общий ход произошедшего может описать и особенно остановиться на эксцессах. Как раз Кнотт был первым, кто мне сообщил об этих вещах на марше. После этого у меня состоялся разговор с Кауфельдтом и старшим ОТ.

Меня теперь спрашивают, из кого состояли конвойные команды, которыми руководили гауптшарфюрер Кауфельдт и старший из ОТ, и сколько их было. По моему мнению, колонны Кауфельдта и старшего из ОТ были разделены, даже если вся толпа была сформирована в длинную маршевую колонну. По моему мнению, у Кауфельдта было 60–80 русских вооруженных ополченцев, при этом речь шла, очевидно, о казаках. В этом конвое охранники были одеты в самую разную униформу. На них была преимущественно форма ОТ и меховые шапки. Они были вооружены, главным образом, карабинами, некоторые автоматами. Я не могу сказать, были ли у Кауфельдта также другие немцы-эсэсовцы. Мне сейчас вспомнилось, что я у Кауфельдта об этом спросил. А он это отрицал.

Насколько мне известно, у старшего из ОТ в конвойных была колонна иностранных членов ОТ. Они также носили униформу ОТ и преимущественно состояли из валлонов, фламандцев и бельгийцев. Я также могу добавить, что там были немцы из ОТ. Это были люди, которых мне старший из ОТ предоставил в распоряжение для охраны моей колонны. Во время марша и позднее я узнал, что эти немцы из ОТ раньше были в России и также были в штаб-квартире фюрера «Вольфсшанце»[2].

Меня спрашивают, участвовали ли в марше надзирательницы СС или другой женский конвойный персонал. Хотя это и напрашивается, что при большом числе женщин-заключенных должны были использоваться женские конвойные, но я этого не заметил. Меня теперь спрашивают, помню ли я имена немецких охранников из ОТ. Нет. Не помню.

Когда мы пришли на янтарный комбинат в Пальмникене, руководителя ОТ, как я уже пояснил, в нашей колонне не было. И его фамилию я больше не могу вспомнить.

Сейчас помню только Кауфельдта и Кнотта. Кауфельдт был гауптшарфюрером. Кнотт – роттенфюрером или унтершарфюрером. Кауфельдт был примерно 1910 года рождения. Он мне рассказывал, что был в кадровом составе Равенсбрюка. И от него я узнал, что он был действующим военнослужащим Ваффен-СС. Я имею при этом в виду, что он служил либо в айнзацгруппах, либо в дивизии «Мертвая голова».

Имени Кауфельдта я не знаю. В свое время общался с Кауфельдтом на Вы. Он был с еврейками на строительстве оборонительных сооружений. Кауфельдт рассказал мне, что место расположения его отряда находилось в Метгетене. Где он там работал с еврейками, мне неизвестно. Кауфельдт был примерно моего роста, но более стройным.

Мне сейчас показывают примерно 20 фотографий (№ 151 до 170). Меня спрашивают, узнаю ли я кого-нибудь из лиц на фотографиях. Нет, я не знаю ни одной персоны на снимках.

Примечание: Фотографии, предложенные обвиняемому Веберу, взяты из приложения «Концлагерь Заксенхаузен».

Мне сообщили, что на фотографиях 165, 166 и 167 изображен некто Кауфельдт. Я еще раз посмотрел на эти фотографии. Но не могу вспомнить. Я еще в дополнение хочу сказать, что у Кауфельдта был очень сухое лицо желтого цвета. Он жаловался на желчный пузырь. Я не могу сказать, откуда родом Кауфельдт.

Мне теперь представили план города Кёнигсберга. И теперь я установил, что мы шли не в направлении Девау. От верфи «Шихау» мы шли по Континер Вег, Хафенштр[ассе], через железнодорожный мост, Дойчорденринг к Северному вокзалу. У полицай-президиума меня ждал Зонненшайн. По крайней мере это было рядом с полицай-президиумом, я сейчас точно уже не могу сказать. Зонненшайн стоял на развилке дорог, по одной из которых мы пошли. Сейчас на основании плана я не могу снова найти эту развилку. Мы, по меньшей мере, свернули за ней. Это была проселочная дорога, которая вела на Замланд. Про населенные пункты, через которые мы проходили на пути в Пальмникен, не могу больше вспомнить, то есть я не знаю, как назывались эти населенные пункты.

Меня просят сообщить больше о нашем пребывании в Пальмникене. Я еще раз хочу напомнить, что в тот момент старший из ОТ с некоторыми своими людьми, так называемыми квартирмейстерами, заранее вышли вперед, чтобы сообщить о нашем прибытии. Я не могу описать точный путь, по которому мы шли с колонной в Пальмникене. Помню, что мы сразу же там нашли янтарный комбинат, и колонна вошла в ворота комбината, у которых находились различные сотрудники. Ведь о нашем прибытии уже сообщили. Во дворе я натолкнулся непосредственно на директора, которого в тот момент знал как Кауфмана. Это бы мужчина с темными волосами примерно 35–

40 лет. Я потом узнал, что этот мужчина рано женился и у него было двое детей. Мне говорят, что этого директора янтарного комбината звали Ландман. Это тоже вполне может быть. Потому что в фамилии было что-то с ...ман. Я ему представился и напомнил, что ему наверняка сообщили из Кёнигсберга о прибытии колонны и что с этим делать. Еще раз в этой связи хочу указать на то, что когда я принял колонну, то получил приказ от Зонненшайна вести ее в Пальмникен в тамошний янтарный комбинат. Директор янтарного комбината Ландман, который, по словам Зонненшайна, был агентом гестапо под прикрытием, по его же словам, был осведомлен о том, что делать с евреями. Там, как он говорил, меня должна была ждать другая команда СС, которая бы взяла на себя евреев. То есть мне надо было обращаться только к Ландману. Меня спрашивают, что точно сказал Ландман, когда я к нему обратился. Ландман был, очевидно, в ужасе от прибытия этих масс людей в его комбинат. Он мне заявил, что об этой акции ему вообще ничего не сообщили, и он не знает, как теперь поступить дальше. В связи с тем, что оба мы не знали, что должно происходить, я настоял на том, что для начала надо разместить где-нибудь усталых и голодных людей. Ландман на это по собственной воле предоставил большой фабричный цех, где сначала разместили всех евреев. Потом позаботились о том, чтобы достать солому. У Ландмана был сотрудник фабрики при себе, которому он дал поручение достать солому.

Сразу же после того, как их разместили, Ландман также распорядился забить несколько лошадей. В прачечной была устроена кухня, и я предоставил двух заключенных, которые были мясниками, и еще заключенных помощниками по кухне. Кауфельдт также выделил соответствующих людей. Так вот удалось в течение ночи, чтобы все евреи получили, по крайней, мере, по тарелке супа. Непосредственно организатором питания и охраны евреев был Кауфельдт. У него уже в этом был навык и он, соответственно, в этом участвовал. Я поддерживал связь с Ландманом и при этом занимался, в основном, размещением конвойных и их питанием.

Практически в ближайшие 24 часа ничего не происходило. Мы устали, как собаки, и поначалу выспались. Я сам устроился в административном здании. Там уже насыпали достаточно соломы. Говорят, что в этом помещении должны были быть беженцы. Я имею в виду, что это было помещение бухгалтерии. Это было большое помещение. Мы там находились вместе с Кауфельдтом, Кноттом и моими остальными 7 конвойными.

Насколько я помню, русских конвойных разместили в рабочем бараке. Остальные охранники были также в административном здании. Где их точно разместили, я сейчас уже точно не могу сказать.

Когда я выспался, нашел Ландмана в его бюро. Он был там один и произвел на меня впечатление человека, который охвачен тревогой. Если сказать точно, Ландман был подавлен. Он заявил мне, что у него состоялся разговор с кёнигсбергским гестапо, во время которого ему сообщили, что евреев необходимо уничтожить в одной из штолен янтарного комбината. План был таков: завести евреев в штольню и засыпать вход в штольню взрывом. Ландман не сказал мне, с кем он говорил в кёнигсбергском гестапо. Я так понял, что с Зонненшайном. Потому что я во время первого разговора с Ландманом во дворе по нашем прибытии упомянул фамилию Зонненшайн. Ландман сказал мне, что водоснабжение Пальмникена будет нарушено, если план будет исполнен. Потом Ландман сказал мне что-то в этом роде: «Если Вы что-нибудь можете сделать, то поговорить сейчас еще раз с кёнигсбергским гестапо».

Вот тут я должен поправиться. Ландман мне сказал, что во время беседы с гестапо Кёнигсберга он узнал, что ответственным за все дальнейшее в отношении евреев было гестапо в Фишхаузене. Ландман полагал, что имеет смысл, если я теперь свяжусь по

телефону с гестапо Фишхаузена. Ландман мне заявил, что он для меня сейчас хочет организовать телефонную связь.

В конце разговора в бюро Ландмана зашел майор фольксштурма в униформе. Я его поприветствовал. Ландман сказал мне: «Я переключу соединение в бухгалтерию». Покинув бюро Ландмана, я пошел в бухгалтерию, где разместился. Там ждал беседы. Это был первый раз, когда я встретился с этим майором фольксштурма.

Спустя некоторое время зазвонил телефон. Я снял трубку. Ответила телефонистка гестапо Фишхаузена. Я потребовал поговорить с руководителем. Потом связь с ним была дана. Не могу вспомнить, как звали руководителя отдела гестапо в Фишхаузене. Я назвался и спросил руководителя, в курсе ли он прибытия конвоя евреев в Пальмникен. Также пояснил, что я с 400 мужчинами-евреями, Кауфельдт со множеством женщин-евреек и старший из ОТ также с женщинами-еврейками прошли маршем из Кёнигсберга в Пальмникен. В этой связи я также сказал, что старшего из ОТ уже больше там нет. Руководитель гестапо сказал, что ему сообщили о деле, старший из ОТ находится у него. Я еще сказал руководителю, что из-за него попал в невозможную ситуацию, команда, которая должна была ждать меня в янтарном комбинате, не прибыла. Добавил, что мне сообщили о том, что должно произойти; он, мол, тоже знает; это безумная идея. Если выполнить этот план, то водоснабжение Пальмникена и окрестностей нарушится. Руководителю отдела гестапо я также четко дал понять, что эту идею ни в коем случае исполнять не буду. После этого он общался со мной на повышенных тонах. Он мне сказал, что как эсэсовец я должен следовать данным мне приказам. Я ему сказал, что вообще-то как раз не эсэсовец. Я точно помню, что сказал: «Я солдат, а не тюремщик».

После этого руководитель гестапо по своей инициативе прервал разговор.

После разговора я пошел по коридору, хотел увидеть Ландмана. В коридоре мне навстречу шел майор фольксштурма, он, должно быть, шел от Ландмана. Правда, я не видел, чтобы он вышел из комнаты Ландмана. Но по расположению комнат он, когда я его встретил в коридоре, должно быть, только что покинул бюро Ландмана. Этот майор фольксштурма тут же набросился на меня. Он сказал, что узнал о том свинстве, которое тут происходит. Я ответил что-то типа: «Господин майор, вообще говоря, Вы ничего не должны были знать об этом. Я Вас прошу, чтобы Вы об этом не говорили, пока я здесь, этот план не будет приведен в исполнение. Я уже обещал это Ландману». На самом же деле в тот момент я не обещал Ландману, что я — пока у меня есть право отдавать приказы — не буду исполнять этот план. Я как раз и хотел пойти к Ландману, чтобы при этом случае дать ему такое обещание. Майор фольксштурма спросил у меня в коридоре: «Вы были солдатом, Вы служили». Я ответил: «Да, конечно» и добавил, что родом из Восточной Пруссии. Майор фольксштурма тогда протянул мне руку и сказал, что ему очень жаль. Он еще мне сказал, что теперь, к сожалению, ему надо покинуть Пальмникен с фольксштурмом. Я еще вспоминаю, что он мне сообщил некоторые подробности о ситуации на фронте, которые требуют вмешательства фольксштурма. В заключение этот майор фольксштурма сказал мне примерно следующее: «Значит, я могу на Вас положиться?» Я ответил утвердительно. Затем майор фольксштурма ушел.

Мне был передан протокол моего допроса для ознакомления. Я тщательно его прочитал. Он соответствует моим показаниям. Все записано так, как я сказал.

(подпись Фриц Вебер)

Примечание: Допрос проводился с 9:00 до 12:00. Он прерывается на обед и продолжится в 13:30.

Допрос продолжился в 15:30. Обвиняемый заявляет:

Меня спросили, знаю ли я надзирательницу СС Эрну Нойман [Erna Neumann]. На этот вопрос я должен дать отрицательный ответ. Мне, правда, известно, что в концлагере «Штуттгоф» работали надзирательницы СС. Мне еще раз предложили подумать об этом. Нет, мне неизвестна никакая надзирательница СС Нойман. Меня еще раз спросили, видел ли я на марше из Кёнигсберга в Пальмникен надзирательниц СС. Нет, я не видел на марше надзирательниц СС.

Вопрос:

Господин Вебер, у следователей имеется высказывание некоей Полы Цвардон [Pola Zwardon]. Эта свидетельница выжила после марша смерти в Пальмникен. Она была среди заключенных-евреек. Свидетельница Цвардон была допрошена 8 ноября 1964 года в Израиле местным сотрудником полиции. Свидетельнице Цвардон при этом был поставлен вопрос, известен ли ей немец по имени Вебер и что она знает о его деятельности во время марша из Кёнигсберга в Пальмникен. В соответствии со сделанным теперь переводом свидетельница Цвардон сказала: «Как же, фамилия Вебер мне известна, его звали Фриц. То, что его звали Фриц Вебер, я знаю от вышеупомянутой надзирательницы СС Эрны Нойман, которая во время этого марша смерти подзывала его и приказывала ему». Не хотите ли Вы высказаться по этому вопросу.

Ответ:

Нет, это неправда.

Вопрос: Свидетельница Цвардон также сказала: «Вышеупомянутый Вебер присоединился к нашей колонне в Кёнигсберге и действовал на марше до самого конца, то есть до моря, где было расстреляно несколько тысяч заключенных».

Ответ: Прежде всего, я хочу сказать о том, что колонна женщин-евреек присоединилась к нашей колонне.

Хотя это правда, что я и позднее был на морском берегу Пальмникена. Но к тому моменту у меня уже не было права командовать. И я также не участвовал в убийстве евреев.

Вопрос: Господин Вебер, свидетельница Цвардон дала описание личности. Ее описание говорит: где-то чуть выше среднего роста, среднего телосложения, темные светлые волосы, может быть, брюнет, в возрасте примерно 40 лет на тот момент». Правда, далее в этом свидетельстве говорится о том, что Вы были в гражданском.

Ответ: Во время всего марша на мне был полевой головной убор и зимний шерстяной подшлемник, у меня была длинная серая армейская шинель. Свидетельница, я думаю, вообще не могла видеть цвет моих волос.

Вопрос: Свидетельница Цвардон могла ведь узнать о цвете Ваших волос во время пребывания в Пальмникене.

Ответ: Да, тогда хотел бы я знать. В Пальмникене я не ходил в слесарную мастерскую, где были размещены евреи. У меня было много дел, и я вообще не мог заботиться о внутренних делах.

Вопрос: Свидетельница Цвардон также пояснила, что во время марша в Пальмникен Вы были вооружены пистолетом.

Ответ: Да, это правда.

Вопрос: Свидетельница Цвардон заявила: «Во время всего марша у него в руках был пистолет, которым он убил многих заключенных. Просто невозможно назвать число убитых им лиц. Он стрелял беспрерывно».

Ответ: Во время всего марша из Кёнигсберга в Пальмникен я ни разу не брал пистолет в руки.

Вопрос: Я должен Вам сообщить, что свидетельница Цвардон опознала Вас на фотографии.

Ответ: Это невозможно.

Вопрос: Вам что-нибудь говорят имена Ганс Глюк [Hans Glück] или Ганс Глюкман [Hans Glückmann], Шток [Stock] или Розеншток [Rosenstock] или что-то в этом роде и Шэфер [Schäfer]? Это эсэсовцы, которые якобы участвовали в марше в Пальмникен.

Ответ: Я не знаю таких эсэсовцев.

Примечание: Допрос продолжается пока в одиночку господином Бруновым, сотрудником уголовного розыска.

(подписи Фриц Вебер, Фальке как протоколирующее лицо)

Обвиняемый поясняет далее: Я сейчас дам дальнейшее описание произошедшего с того момента, когда в первый раз встретился с майором фольксштурма. Мне вновь был зачитан лист 17 моего допроса. После того как майор фольксштурма ушел, я пошел в комнату Ландмана и рассказал ему о результатах телефонного разговора. Также сказал, что в связи с той позицией, которую я занял во время этого телефонного разговора, должен считаться с тем, что меня так или иначе сместят. При этом я четко пояснил господину Ландману, что, пока у меня есть полномочия отдавать приказы, с евреями ничего не случится. Конечно, я не мог сказать господину Ландману, как вообще будет развиваться ситуация, ведь я этого и сам не знал. Ни в коем случае у меня не было намерения вести евреев в штольню или уничтожить их каким-либо другим способом. Я заметил, что Ландман был рад тому, что дело немного затягивается. Я вернулся к своим людям в бухгалтерию, и мы попытались затем достать солому и пропитание. Примерно через 1,5 дня после этого разговора с Ландманом и Файерабендом в обед мои люди сообщили мне, что я должен прийти к Ландману. Я пошел в его комнату и застал там, кроме Ландмана, также еще и гауптшарфюрера СС, который мне уже встречался на марше в автомобиле. Это был тот самый гауптшарфюрер, у которого, как я сказал на допросе, был значок полевой жандармерии. Этот гауптшарфюрер, фамилия которого мне неизвестна, тут же стал меня упрекать в том, что я не загнал и не уничтожил евреев в штольне, как было предусмотрено. Он говорил об отказе выполнять приказы и напомнил мне, что я должен безусловно выполнить этот приказ. Он сам, по его словам, уполномочен отделом гестапо в Фишхаузене и должен еще раз конкретным образом довести до меня этот приказ. Я его спросил, есть ли у него этот приказ в письменном виде. Он ответил отрицательно. Я однозначно заявил этому гауптшарфюреру, что технически уничтожение евреев таким образом вообще невозможно исполнить, поскольку вся питьевая вода будет заражена. Во-вторых, я категорически отказываюсь исполнять такого рода приказ. Я был твердо намерен не уничтожать евреев.

Далее я заявил гауптшарфюреру, что скорее отпущу евреев. Это была суровая стычка между нами. Ландман также участвовал в этой дискуссии. В этой связи я вспоминаю о том, что он приказал позвать техника-взрывника комбината. Тот должен был пояснить, возможен ли вообще подрыв входа в шахту. Техник-взрывник пришел и сказал, что у него нет соответствующей взрывчатки. Кроме того, он бы отказался делать что-либо подобное. Ландман сумел нас несколько успокоить и мы хотели попытаться найти вместе возможность эвакуировать евреев из Пальмникена, к тому же я еще раз предложил вывести колонну по морскому побережью в Пиллау. Ландман был заинтересован в том, чтобы как можно скорее отделаться от евреев в Пальмникене, так как населенный пункт был переполнен беженцами и вермахтом. У меня сложилось безусловное впечатление, что Ландман был полностью на моей стороне. Он, хотя и был больше всего заинтересован в том, чтобы евреи исчезли из Пальмникена, но не выступал за их уничтожение. После того, как гауптшарфюрер и мы немного успокоились, гауптшарфюрер спросил, кто тут главный в Пальмникене. Имелся в виду руководитель

районной партийной ячейки или низового звена. Он попросил сани, так как хотел найти его. В этот момент вошел незваным образом гауптшарфюрер Кауфельдт в комнату и осведомился, что, собственно, происходит. Я коротко просветил Кауфельдта и посвятил его в происходящее, что этот чужой гауптшарфюрер настаивает на том, чтобы мы уничтожили евреев. У меня было впечатление, что они оба, то есть Кауфельдт и чужой гауптшарфюрер, друг друга как-то знали. Не знаю, какие причины двигали Кауфельдтом, когда он тоже высказался за то, что об уничтожении евреев в Пальмникене не может быть и речи. Я могу только по смыслу передать, что обсуждалось. Так или иначе, Кауфельдт сказал гауптшарфюреру из Фишхаузена, что уничтожение евреев в предусмотренной форме не может быть исполнено. Вообще, после появления гауптшарфюрера Кауфельдта тот чужой гауптшарфюрер вел разговоры только с ним. Причиной этого могло быть то, что был только обершарфюрером.

Ландман предоставил в наше распоряжение сани, на которых мы поехали на частную квартиру руководителя местной партийной ячейки в Пальмникене. В поездке участвовали: гауптшарфюрер из Фишхаузена, Кауфельдт и я. Я вспоминаю, что руководитель партийной ячейки жил где-то недалеко от моря. В пути гауптшарфюрер из Фишхаузена приказал остановиться, он пошел к берегу и его кромке и осмотрел местность. На наши вопросы, что это означает, он заявил, что хотел проверить, нельзя ли евреев провести в Пиллау вдоль побережья. У меня были мысли на этот счет, к тому же я знал, что евреев должны уничтожить. И Кауфельдту это было совершенно ясно. Однако, мы ничего не сказали, потому что не хотели с ним еще раз вступать в спор. Так мы прибыли к тамошнему руководителю местной партийной ячейки. Наше появление было довольно неожиданным для руководителя местной партийной ячейки. Также присутствовал человек в униформе. Это была партийная униформа. У меня такое впечатление, что это был заместитель руководителя партийной ячейки. Также была при этом жена руководителя партийной ячейки. Переговоры с руководителем партийной ячейки вел чужой гауптшарфюрер. Он спросил его, не может ли он предоставить в распоряжение по меньшей мере 10 катеров. Эти катера должны быть с экипажами. Руководитель партийной ячейки спросил, для чего же нужны эти катера, на что гауптшарфюрер вскользь сказал, что он должен осуществить транспортировку. В тот момент речь не шла о размещенных в Пальмникене евреях. Руководитель партийной ячейки заявил, что он не может дать катера, так как все они заняты для транспортировки беженцев. Так как невозможно было получить никаких катеров, мы ушли ни с чем. Сани довезли нас до янтарного комбината, а гауптшарфюрер поехал обратно в Фишхаузен. Он нам заявил, то есть Кауфельдту и мне, что он в Фишхаузене составит рапорт, а нас затем известят. По этому поводу я ему еще раз заявил, что, если в связи с приближением русских ситуацию будет не удержать, я своих 400 мужчин-евреев отпущу. Гауптшарфюрер пригрозил мне еще раз и сказал примерно так: «Подумай хорошенько еще раз, мы свяжемся с тобой».

В последующие дни ничего не происходило. Евреи были размещены в цеху комбината и там получали пропитание, насколько это было возможно. Я к тому времени связался с комендантом вермахта в Пальмникене, чтобы узнать, как обстояло дело с русскими. Еще я хотел попытаться найти, где расположиться мне и моим людям, чтобы на случай приближения русских отпустить евреев. Местный комендант был также очень озабочен тем, что так много евреев находится в зоне его ответственности и давил на меня, чтобы я попытался как-нибудь вывести евреев из Пальмникена. С другой стороны, он согласился, что возьмет меня и моих людей к себе, потому как любое подкрепление будет для него весьма кстати. Я этому офицеру, думаю, это был майор, сообщил о трудностях с эсэсовцами в Фишхаузене. Но я не рассказал, что, собственно, должно было произойти с евреями. В этом отношении я должен был быть осторожным. Я совершено

точно помню, что еще 30 января 1945 года мы были с евреями в Пальмникене. Потому что в этот день я слушал то пресловутое выступление Геббельса. В нашем расположении в административном здании находился радиоприемник. Еще хочу добавить, что и Ландман к тому моменту не получил никаких приказов из Кёнигсберга или Фишхаузена. Я заметил, что и семья Ландмана стала готовиться к бегству. Тогда-то я и узнал, что госпожа Ландман была беременной и он об этом сильно беспокоился.

31.01.1945, думаю, что я точно могу вспомнить, что это было именно тогда, где-то в 14:00 ко мне пришел Кауфельдт. Он мне заявил, что только говорил с унтерштурмфюрером СС, а именно с командиром патрульного отряда СС. Я не видел этого руководителя СС, то есть вот в тот момент не видел. Он дал приказ Кауфельдту подготовить всех евреев к маршу.

Нам сказали быть готовыми с наступлением темноты начать марш. Кроме того, насколько возможно, мы должны были достать сани, чтобы взять с собой больных и не способных идти евреев. Далее приказ звучал так, что колонна теперь должна быть доставлена в Пиллау. В то время как Кауфельдт теперь занимался организацией колонны для марша, я пошел в бюро Ландмана и сообщил ему обо всем. Одновременно попросил его предоставить в наше распоряжение требуемые сани. Ландман предоставил нам примерно 20 саней с лошадьми. Однако, кучеров он не мог нам дать. На сани погрузили больных, и в сумерках со всеми евреями мы стояли, готовые к маршу, в ожидании сигнала. Надо упомянуть также, что я назначил санитара Кнотта ответственным за колонну саней с больными. Управляли санями заключенные. Также надо упомянуть, что евреям было выдано продовольствие. Это продовольствие было еще из тех запасов, которые предоставил нам Ландман на янтарном комбинате.

Примечание: Протоколирование всех показаний завершено в 15:45. Далее с обвиняемым Вебером устно было обсуждено содержание по существу. Во время этого устного обсуждения присутствовал прокурор Клейнер. Завершено в 16:30.

13.01.1965

Допрос продолжается. Обвиняемый поясняет:

Я сказал, что в вечерние часы 31.01.1945 в соответствии с приказом мы были готовы к маршу. Примерно в 18:00 в этот же день был отдан приказ выступить маршем. Я уже не в состоянии сейчас сообщить детали того, кто отдал приказ. Полагаю, что это был Кауфельдт, который ведь и сообщил мне о том, что мы должны уходить. Но точно я не могу сказать. В тот момент я быстро пошел к Ландману и попрощался. К тому моменту я не видел в янтарном комбинате никаких других эсэсовских руководителей или их подчиненных. Я определенно считаю, что Кауфельдт получил прямой приказ из какой-то инстанции. Меня спрашивают, кто же был ответственным за весь транспорт, состоявший из 3 маршевых колонн. По этому поводу могу сказать только, что чувствовал себя ответственным только за моих 400 мужчин-евреев. Помимо этого, я выделил Кнотта как руководителя колонны саней. Он ведь был санитаром, а сани везли больных. Кауфельдт снова командовал своими женщинами-еврейками. Когда я об этом думаю, то должен признать, что такого жесткого маршевого перехода еще не было, как на пути из Кёнигсберга в Пальмникен. Женская и мужская часть евреев были, конечно, сформированы в одну маршевую колонну, при этом мужчины-евреи находились в основном в конце колонны. По крайней мере, так я это запомнил. Надо ведь помнить, что было достаточно холодно, к тому же темно. Бушевала метель, и у нас была только одна цель, по крайней мере, хоть в каком-то порядке идти маршем. Меня снова спрашивают, кто же руководил собственно всей колонной к моменту начала марша. По этому вопросу я должен добавить, что к моменту выхода колонны собственно руко-

водителя как такового не было. Кауфельдт был гауптшарфюрером и, таким образом, являлся старшим по званию. Я, как обершарфюрер, ему не подчинялся по службе, хочу этим сказать, что, по сути, не было такого подчиненного положения. Мы дополняли друг друга по всем делам, которые необходимо было решать на месте.

У меня требуют дать показания о действиях конвойных на марше. Мои бывшие немецкие конвойные из Кёнигсберга были поставлены в голове колонны. Другие охранники из ОТ и иностранные конвойные были распределены по всей колонне, при этом казаки держались преимущественно в конце. После того, как Кауфельдт передал приказ к началу марша, колонна пришла в движение в направлении морского побережья. Так, по крайней мере, это осталось в моей памяти. Я совершенно точно помню, что Кнотт с санями образовал голову колонны. Мы немного прошли по Пальмникену и потом, по своего рода S-образной кривой, вышли прямо на берег. Я держался в конце колонны, то есть в конце колонны саней и, таким образом, в голове маршевой колонны. Когда в голове колонны евреев у этой кривой я вышел на берег, я заметил, что там стоит автомобиль. В нем находился тот самый гауптшарфюрер СС, который был со мной и Кауфельдтом раньше у руководителя местной партийной ячейки. Также в автомобиле находился неизвестный мне унтерштурмфюрер, а также водитель и другой сопровождающий. Я здесь должен дополнить, что берег моря в том месте обрывист. Колонна саней пошла по верхнему краю побережья. Гауптшарфюрер из автомобиля остановил меня с евреями и указал путь, который вел непосредственно к воде. Я еще ему показал, что ведь сани едут по верху, и мы должны идти за ними следом. Гауптшарфюрер сказал мне только: «А Вы себе не ломайте голову об этом. Они в Пиллау уж придут. Вы пойдете маршем по берегу».

Вся колонна оказалась, таким образом, на побережье. Если меня спрашивают, были ли на пути из янтарного комбината до берега какие-либо выстрелы или убийства, то могу сказать, что это не соответствует действительности, то есть имею под этим в виду, что я не слышал никаких выстрелов. Я не могу поручиться, что ничего не происходило, ведь я был в голове идущих евреев и мог обозревать в темноте только небольшую часть колонны.

Меня спрашивают, какой длины была колонна на берегу. Я, конечно, не мог видеть всю колонну. Было темно, шел сильный снег. Но я должен сказать, что длина колонны составляла как минимум 1500 метров. Иногда я останавливался и пропускал часть колонны, при этом заметил, что идти было очень тяжело, и колонна изрядно растянулась. Кроме того, берег во многих местах был очень узким, так что из-за этого колонна еще больше растянулась. Женщины поэтому шли впереди, так как у них был более мелкий шаг, чем у мужчин, и они должны были определять скорость марша. Кауфельдт держался в хвосте колонны. Так мы прошли около 10 км, я точно не могу сказать, вдоль берега. Я могу и ошибаться в этом расстоянии, так как идти берегом при такой погоде было очень тяжело.

После тех 10 км, мы шли примерно 2 часа, меня в голове колонны остановило на берегу некое лицо. В нем я признал уже упомянутого гауптшарфюрера из автомобиля. Там был еще один неизвестный мне эсэсовец. Колонна прошла маршем мимо нас, пока мы в конце колонны не натолкнулись на Кауфельдта. Кауфельдт тоже присоединился к нам. Колонна остановилась, то есть вперед прокричали «Стой!» Гауптшарфюрер отвел нас немного в сторону от колонны. Тем временем подошел и тот самый унтерштурмфюрер. Это был тот эсэсовец, которого я раньше видел в автомобиле наверху на берегу в Пальмникене. Теперь должно было произойти обсуждение. При этом присутствовали: тот унтерштурмфюрер, неизвестный гауптшарфюрер, еще один неизвестный эсэсовец, Кауфельдт и я. Унтерштурмфюрер представился по фамилии, но я ее забыл. Мне тем временем стало ясно, и у меня уже было такое чувство, когда, в отличие от

колонны саней мы должны были пойти берегом, что теперь мы стоим на пороге уничтожения евреев. Поэтому у меня уже было такое настроение. Унтерштурмфюрер СС объявил, что он сам из оперативной группы и сказал ясно, что теперь на марше по побережью евреи должны быть один за другим уничтожены. Потом он привел детали технического исполнения этого мероприятия по уничтожению.

По его словам, это должна была быть акция возмездия за потопление судов с беженцами в Балтийском море. Унтерштурмфюрер разъяснил нам свой план. Из идущей колонны постепенно должны были останавливаться последние 50–100 человек и потом, когда колонна проходила еще некоторое расстояние, расстреливаться. Так с течением времени должна была быть расстреляна вся колонна на марше. Теперь подозвали роттенфюреров из конвойных, которые должны быть руководителями расстрельных команд. Эти роттенфюреры должны были сначала выявить добровольных стрелков из своих рядов. Добровольцев было в избытке. Я хочу совершенно четко выделить, что большую часть стрелков-добровольцев составляли казаки в меховых шапках. Были также украинцы и валлоны. Вспоминаю, что те люди, которые не вызвались добровольцами, должны были отдать свои боеприпасы стрелкам. Так было произведено распределение, пока колонна стояла. Мы стояли в стороне от колонны так, что никто из евреев не мог заметить этого мероприятия.

Кауфельдта и меня к этому распределению не привлекли. Мы получили задание следить за тем, чтобы колонна во время акции шла вперед, чтобы ни в коем случае не случилось переполоха. Надо было считаться с тем, что идущие евреи услышат, как убивают их товарищей по несчастью и начнется массовый побег. Надо добавить, что при попытке бегства следовало немедленно стрелять.

Когда распределение было завершено, и колонна пошла вперед, то есть вот-вот должно было начаться уничтожение, я был так взволнован и растерян, что сказал в лицо этому унтерштурмфюреру (примерно по смыслу): «Это ведь все невыполнимо и невозможно. Я умываю руки. Я просто не буду в этом участвовать». После этого чужой гауптшарфюрер что-то шепнул своему унтерштурмфюреру, после чего он сказал мне: «А, вот и Вы, ну тогда идите в голову колонны и следите, чтобы евреи постоянно находились в движении». Я не могу дословно воспроизвести, что он сказал. Он был так возбужден и, так сказать, отправил меня прочь.

К тому времени, когда я высказал свое возражение унтерштурмфюреру, Кауфельдт в некотором отдалении был занят распределением команд стрелков и раздачей боеприпасов. Я прошел теперь примерно 200 метров в направлении головы колонны. Колонна отошла от конца почти вся, за исключением группы из 50–100 евреев. Внезапно я услышал очень частые выстрелы. Это произошло сравнительно быстро. Я не мог ничего видеть, но мне было ясно, что теперь началась акция. Мне пришла мысль бежать, так как я не хотел ничего общего иметь с такими делами. Я не хотел никоим образом заниматься убийством безоружных людей. С другой стороны, я должен был иметь в виду, что меня поймают. В таком случае я, несомненно, должен был рассчитывать на смертную казнь. Кроме того, на тот момент действовала так называемая судебная ответственность всех членов семьи. То есть я должен был считаться с тем, что мою семью, жену и троих детей убьют. Я побежал в голову колонны и позаботился о том, чтобы колонна оставалась в движении. Сначала в голове колонны не заметили проводимой акции. Я должен упомянуть, что в то время был сильный шторм. Мы были прямо на берегу, и волны были очень высокими. Был настоящий рокот. Я, а ведь я знал об акции, не слышал даже выстрелов. К тому же в стороне от нас была слышна фронтовая канонада. Мы шли всю ночь. Когда наступило утро и стало сереть, евреев, за исключением одной группы, уничтожили. В живых оставалось 100–200 женщин, ко-

торые шли в голове колонны. Их должны были расстрелять одной группой. Мои люди из бывшего лагеря в Кёнигсберге и другие охранники, которые не были определены в расстрельную команду, вышли из колонны, и стрелки окружили женщин-евреек. Евреев оттеснили к воде. В этот момент я видел, что Кауфельдт с группой стрелков стоит немного в стороне. Очевидно, он был с этими людьми своего рода в резерве. Впереди в ряду стрелков находился также чужой гауптшарфюрер.

Когда евреи заметили, что им предстояло, они сошлись все более тесным кругом и бросились на землю. Это выглядело как сжатая в кулак кучка. Некоторые из евреев бросились врассыпную и попытались прорваться к откосу. Началась ужасная стрельба. Это было просто ужасно, как там расстреливали людей. Я не мог на это смотреть и отвернулся. И конвойные, которых не распределили в стрелки, шли в стороне. Я пошел за ними. Вся акция длилась недолго. Крики и выстрелы вскоре прекратились, и я не могу сказать, добивали ли выживших. Не думаю, что было так.

Я к тому моменту был настолько вымотан, что не мог ухватить ни одной ясной мысли. К тому же добавилась усталость от перехода. Я пошел к стоящему недалеко сараю с сеном, где уже нашел нескольких моих старых конвойных. Постепенно подходили другие. Казаки также прошли мимо этого сарая в направлении Фишхаузена. Это должно было быть вблизи одного имения, недалеко от Фишхаузена, потому что мы слышали звуки боя у города. В этот сарай зашел также и чужой гауптшарфюрер. К тому времени я потерял из вида Кауфельдта. Гауптшарфюрер подошел ко мне и сказал, что все должны собраться у перекрестка близ Фишхаузена. Я получил задание вести людей из сарая к этому месту. Так я и сделал. У этого места, о котором мы договорились, я встретил только этого гауптшарфюрера. Другие конвойные, среди которых был и Кауфельдт, вошли в Пиллау по главной дороге. Нам это уже не удалось, потому что русские прорвались. Гауптшарфюрер привел нас в Нойхойзер, рядом с Пиллау. В Нойхойзере находилось его бюро. Я уже заметил, что гауптшарфюрер хотел привлечь меня к ответственности за мое поведение в Пальмникене и во время акции на побережье. Полагаю, что у него была задача сдать меня своей конторе.

В Нойхойзере гауптшарфюрер пошел к машине, стоявшей вблизи от тамошнего бассейна. Там он отчитался перед руководством СС. Этот руководитель из СС был мне неизвестен. Я полагаю, что он был штурмбанфюрером, на нем был кожаный плащ. Что они оба обсуждали, я не знаю. Гауптшарфюрер вернулся к нам. Мы должны были следовать за ним в Пиллау. По дороге мы встретились с колонной конвойных, в которой находился Кауфельдт. Обе группы соединились, и мы шли дальше в Пиллау. Прибыв в Пиллау, гауптшарфюрер повел нас в место расположения бывшего руководства СС и полиции Кёнигсберга. Речь идет об оберфюрере Бёме. Кауфельдт и я должны были по указанию нашего гауптшарфюрера вместе войти в здание. Кауфельдт и я должны были ждать внизу. Теперь гауптшарфюрер исчез.

Примечание: Письменное протоколирование допроса прервано в 11:30. Обсуждение обстоятельств дела было поначалу продолжено устно. Завершено в 12:00.

Примечание: Допрос был продолжен 14.01.1965 в 09:40 прокурором Клейнером.

Обвиняемый Вебер заявил:

Кауфельдт и я ждали в своего рода канцелярии, которая была устроена на первом этаже. Там находился также какой-то унтерштурмфюрер. Я думал, что это руководитель бюро. Его фамилию я не узнал. Здание, в котором мы находились, было конфискованной виллой. У дома было всего два этажа. Внизу и вверху по две квартиры. Гауптшарфюрера, который нас привел в это здание, я потом больше не видел. После того, как Кауфельдт и я некоторое время ждали там в канцелярии, нас позвали подняться на

второй этаж. Я уже не помню, кто нам об этом сказал. Мы пошли по лестнице вверх. На площадке перед лестницей на втором этаже нас уже ждал адъютант. Это был эсэсовец, имени которого не знаю. Он был, насколько я могу сейчас вспомнить, оберштурмфюрером, может быть, даже гауптштурмфюрером. Я еще точно помню, что он носил отличительный знак за хорошую стрельбу. Этот адъютант сразу же сказал (по смыслу): «А, так вот Вы». В тот же момент за ним открылась дверь. В дверях стоял оберфюрер Бёме. За ним стояли еще какие-то люди. Кауфельдт отрапортовал оберфюреру Бёме об исполнении. Что в точности сказал Кауфельдт, я сейчас уже не могу пояснить. Затем доложил я. Только успел сказать: «Обершарфюрер СС Вебер...». В этот момент Бёме прервал меня. Он сказал адъютанту: «Заберите у него оружие и отдайте распоряжения о дальнейшем». Адъютант стал пытаться забрать у меня оружие. Я еще хотел что-то сказать. Только начал: «Оберфюрер ...» Тогда адъютант резко закричал: «Вы не поняли приказа». Посмотрел на Кауфельдта, Кауфельдт посмотрел на меня, он был также испуган, как и я. Тогда я снял свой ремень и передал адъютанту. На ремне висела кобура с пистолетом, полевая фляга, хлебный подсумок и полевая сумка. Потом адъютант пошел со мной на первый этаж в канцелярию. Кауфельдта я с того самого момента больше не видел. В канцелярии адъютант обратился к унтерштурмфюреру. Потом кто-то из часовых, должно быть, одел мой ремень. Этот человек, я полагаю, шарфюрер СС, повел меня к руководителю бюро, с которым я разговаривал по телефону из Пальмникена. Меня привели в здание, которое находилось в перелеске. Расстояние между зданием, куда меня теперь привели, и местом расположения оберфюрера Бёме должно быть, составляло 500–600 м. Было уже темно, и бушевала снежная вьюга. Мы пошли наверх по лестнице. Это было что-то вроде высокого первого этажа. Потом длинный коридор. Справа и слева двери. Шарфюрер, который меня охранял, открыл дверь и доложил. Руководитель бюро приказал шарфюреру оставаться в коридоре. Я должен был зайти в комнату. Руководитель бюро сидел за письменным столом. Электрического света не было. На столе стоял подсвечник с несколькими свечами. Света от них было достаточно, можно было все видеть. Я доложил по уставу. Руководитель бюро мельком взглянул на меня и приказал занять место на стуле перед столом. Потом он что-то дописывал.

Меня попросили описать этого руководителя СС. Я могу пояснить следующее по этому поводу: это был гауптштурмфюрер, которого я видел впервые. Из Пальмникена я ведь только звонил ему по телефону. Тогда его бюро располагалось в Фишхаузене. Этого гауптштурмфюрера, фамилии которого не знаю, я видел только сидевшим за письменным столом. Тогда ему было за 30, энергичное лицо, резко очерченный нос и военная прическа с пробором. Пробор он носил на правую сторону. У этого гауптштурмфюрера были темные волосы. По сторонам небольшие залысины. Я полагаю, что рост этого гауптштурмфюрера был где-то 1,80 м. Его диалект выдавал выходца из окрестностей Франкфурта. Я видел этого гауптштурмфюрера только один раз, именно во время этого разговора.

Я точно знаю, что он был в СД. Потому что у него были руны СД. Я еще также точно знаю, что шарфюрер, который меня привел к этому гауптштурмфюреру, сказал при своем докладе перед дверью: «Руководитель бюро, я ...». При этом докладе шарфюрера мне стало сразу ясно, что теперь передо мной был руководитель бюро из Фишхаузена.

Когда гауптштурмфюрер закончил писать, он поднял глаза. И после этого он сразу со мной разделался. Гауптштурмфюрер обо всем был осведомлен. Он знал о моем разговоре со старшим из ОТ, который был со мной на марше из Кёнигсберга в Пальмникен. Он также знал о моем дальнейшем поведении. Я могу вспомнить только отрывки этого разговора. Гауптштурмфюрер упрекнул меня в том, что из-за моего поведения во время акции возникли трудности, и она затянулась. Я попытался оправдаться, но не

успел сказать и слова. В конце концов гауптштурмфюрер сказал мне: «У меня задание от оберфюрера провести в отношении Вас дисциплинарное расследование. Я временно задерживаю Вас». Под конец он окликнул кого-то в коридоре. В комнату зашел эсэсовец в униформе. Ему он сказал что-то по смыслу: «Закройте этого человека в камере и сообщите в тюрьму, чтобы его забрали».

Примечание: В 10:30 появился сотрудник уголовного розыска Брунов. Прокурор Клейнер удалился. Допрос далее проводился сотрудником уголовного розыска Бруновым:

Обвиняемый далее пояснил:

В этой камере я спал примерно 4 часа. Потом меня доставили в Пиллау, на этот раз в обычную тюрьму. Меня сопровождали два человека из СД, звание которых мне неизвестно, так как они были одеты в маскировочные костюмы. Они были вооружены автоматами. Перед тюрьмой было большое красное здание. Оно походило на замок и располагалось недалеко от гавани. Я еще вспоминаю, что некий гауптшарфюрер был руководителем в тюрьме. Он был очень удивлен тому, что меня хотели закрыть, хотя я был в СС. Мои сопровождающие пояснили, что меня надо посадить в одиночную камеру.

Но меня посадили в камеру, где уже находились другие немецкие заключенные, примерно 7–8 человек. Это были члены СС, партийцы и другие. Их обвиняли в дезертирстве или других деяниях. Все друг другу не доверяли, и про меня подумали, что меня подсадили в камеру шпионом. По этой причине говорили немного, и уже совсем не говорили о том, кого в чем обвиняли. Постепенно по отдельности забирали и уводили заключенных из нашей камеры, под конец остался я один. Это было где-то через 6–8 дней. Примерно через 8 дней меня первый раз отвели на допрос. Меня повели где-то 80 метров через улицу в другое здание к унтерштурмфюреру СС, которого я ранее не видел. Он мне сказал, что будет вести мое дело. И попросил для начала спокойно пояснить, как все происходило, и как так вышло, что я пошел в отказ и, вообще, что у меня за позиция была. Я ему описал всю историю, как ее сегодня сообщил на моем допросе. Конечно, попытался еще больше выразить мое волнение, чтобы меня не так строго приговорили. Во время этого разговора, то есть допроса, меня попросили о сдержанности, потому что я снова волновался, при этом еще раз подчеркнул, что чувствую себя невиновным в этих происшествиях. Я сказал, что солдат, и прошу теперь, чтобы меня послали на фронт. Я однозначно дал понять, что с такими вещами ни в коем случае не хотел иметь дела. Мои показания были записаны, и я должен был подписаться после допроса. Унтерштурмфюрер сказал мне потом, что он вызовет меня и снова отвел в старую камеру. Во время этого допроса я протестовал против своего задержания, будучи сотрудником СС. Я обратил внимание унтерштурмфюрера на то, что после исполнения задания в Пальмникене я снова подчинялся своему начальнику. А это был командир концлагеря «Штуттгоф» штурмбанфюрер Хоппе. Я здесь хочу добавить, что я подчинялся лично Хоппе в широком смысле. Моим непосредственным начальником был до сих пор командир роты Хаушильд из батальона «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф».

Теперь я снова провел в моей камере в одиночку 8 дней. Пиллау тем временем оказался под обстрелом. Обстановка постоянно ухудшалась. Я обратился к руководству тюрьмы, чтобы мое дело завершили. После этого меня еще раз отвели на допрос туда же, куда и 8 дней назад. Там другой унтерштурмфюрер хотел снова от меня услышать все обстоятельства дела. Все до мельчайших деталей. Причина этого мне была неизвестна. И во время этого допроса я не знал, чем это дело для меня закончится. Я снова попал в свою старую камеру. Через 5–6 дней вечером камеру открыли, и я должен был собраться. Так как мне больше ничего не сказали, я думал, что теперь меня расстреляют. Меня вывели во двор тюрьмы, где стоял неизвестный мне унтерштурмфюрер СС. Этот эсэсовец был одет в полевую форму. У него было походное снаряжение, маскиро-

вочная одежда. Он прибыл из Кёнигсберга. Он, видимо, ожидал, что я буду одет готовым для похода и удивился, что я появился в шинели без поясного ремня и без оружия. Этот унтерштурмфюрер был, очевидно, фронтовиком. Он мне объяснил, что летит со мной в Кёнигсберг, и мы теперь должны с ним выехать к аэродрому. Так мы попали на аэродром Нойтиф под Пиллау. На аэродроме летали (туда и обратно) только три машины Ю-52. Мы там еще немного подождали, пока нас не загрузили в один из самолетов. С нами летели собранные вместе эсэсовцы, которых должны были вновь ввести в бой в Кёнигсберге. Полет длился 20 минут. Мы приземлились на аэродроме в Кёнигсберге. Я думаю, что это был аэродром Девау, который находился уже под обстрелом врага. Сначала унтерштурмфюрер привел меня в общежитие для учительниц рядом с полицай-президиумом в Кёнигсберге. Унтерштурмфюрер, вероятно, был курьером, которого там уже ждали. Меня заперли в общежитии в комнату, в которой раньше, пожалуй, жила учительница, потому что я нашел там женское белье.

Из моего окна я мог видеть задний фасад полицай-президиума. Меня там держали примерно 3 дня, по прошествии которых повели к штурмбанфюреру СС, имени которого я не узнал. У него, очевидно, были какие-то документы по моему делу, и он меня еще раз допросил по этому поводу. Допрос не протоколировался письменно. Штурмбанфюрер явно поверхностно ориентировался в деле. Я получил приказ доложиться в этом же здании гауптшарфюреру, который позаботился о моей униформе и вооружении. Внутри этого здания, которое использовалось как своего рода казарма, меня распределили к местному соединению СС. Это была так называемая «сборная солянка»: собранная из СС, полиции, СД, таможни и других. Теперь я мог свободно передвигаться. Штурмбанфюрер мне только сказал, что я, так как попросился на фронт, вскоре буду брошен в бой. У него, очевидно, было иное мнение о таких вещах, и у меня сложилось впечатление, что он как будто понимал меня.

В течение последующего времени меня в разных местах бросали в бой с этой частью СС в пределах крепости Кёнигсберг на выручку. Так я оказался вблизи Ротенштайна, где мы заменили членов дивизии «Герман Геринг». Я также вспоминаю, что однажды нас бросили к месту вблизи Берлинерштр[ассе]. Русские вошли в это время в городской район Понарт.

Вопрос: Вы в состоянии назвать имена бывших товарищей, которые могут засвидетельствовать описанное Вами участие в боях в Кёнигсберге?

Ответ: Я не могу ничего сказать об именах бывших товарищей. Также я не могу точно назвать наименование тогдашней части. Это была сколоченная наспех группа. В целом нас называли «Полицейский оперативный отряд».

Вопрос: Назовите фамилию Вашего бывшего начальника в период пребывания в Кёнигсберге?

Ответ: Я могу назвать только командира роты в ранге майора, его звали Хан [Hahn]. По своей гражданской профессии этот человек был таможенником. Он являлся командиром роты, хотя был в ранге майора.

Я не могу теперь точно констатировать, сколько мы, собственно, продержались в Кёнигсберге. Я полагаю, что где-то три недели. Кольцо вокруг Кёнигсберга было потом прорвано соединениями, которые пришли из Фишхаузена. Прорыв изнутри производили солдаты дивизии «Герман Геринг». Эти атаки удались, и дорога в направлении Фишхаузена стала снова свободной. Мы уже стояли наготове в нашем расположении. Внезапно пришел приказ на отход. Нас погрузили на железную дорогу и вместе с беженцами и другими повезли в Пиллау. Привезли в порт. Там я обратился к одному штурмбанфюреру СС, который в то время был руководителем нашего соединения. Его имя мне неизвестно. Я полагаю, его звали Райман или Риман [Reimann или Riemann].

Я ему пояснил, что, собственно говоря, состою в батальоне «Мертвая голова» Штуттгофа, и попросил его, чтобы мне отдали приказ на воссоединение с прежней частью. Штурмбанфюрер, который обосновался там в порту, дал мне такой приказ: я должен представиться командиру концлагеря «Штуттгоф», сам позаботиться о том, как туда попасть. Я думал пойти пешком или остановить грузовик. Так попал в порт, где встретил нескольких пехотинцев у паромной лодки. Узнал, что эта лодка должна доставить раненых в Данциг. Я, конечно, воспользовался возможностью и сначала пошел к своей жене, жившей в Данциге. Также я посетил своих родителей. Одну ночь я провел у своих родственников. Потом я пошел по главной дороге в Штуттгоф, где встретил грузовик из лагеря. Тот взял меня с собой. В Штуттгофе я доложился командиру Хоппе. Хоппе был в курсе моего дела, потому как Кауфельдт за это время тоже прибыл в Штуттгоф и все доложил ему. Хоппе сказал мне примерно так: «Да это свинство какое-то, вы что, не могли их отпустить?» Он, очевидно, имел в виду, что он тоже отпустил заключенных.

Потом я, ничего не делая, провел некоторое время в Штуттгофе. Я был в казарме вне лагеря. Мы немного обучались и возводили позиции на случай обороны. Заключенных, кроме нескольких старост, не было. Днем лагерь постоянно находился под обстрелом штурмовиков. Спустя какое-то время Хоппе образовал боевую группу, которая была составлена из членов конвойных команд и персонала лагеря. 16 апреля мы вышли в Никельсвальде. Нас доставили кораблем в Хель у Готенхафена. Там нас подчинили командиру вермахта. У этого командира была задача, всех, кто еще мог носить оружие, доставить на кораблях в Мекленбург, где должна была быть образована оборонительная позиция и боевое соединение. Наша толпа попала на китобазу «Унитас». Это судно было так повреждено торпедой, что его тащил буксир «Айсфогель». Я не могу сказать, был ли и Хоппе на этом судне. Корабль доставил нас в Росток. Я должен поправиться, сначала нас доставили на этом корабле на распределительный пункт на острове Рюген в Заснице.

Примечание: Допрос был прерван в 11:55 на обед.

Примечание: Допрос теперь продолжен в 14:45.

Обвиняемый поясняет:

После прибытия в Засниц на Рюгене меня с моими товарищами сначала бросили на строительство артиллерийских гнезд и т[ому] п[одобное], потому как Рюген обустраивался для обороны. Это длилось примерно 1 неделю. Я могу примерно сказать, когда мы были на Рюгене. Это было с 20 по 28 апреля 1945 года. Нашу часть потом группами доставили в Людвигслюст в Мекленбурге. Там нас снова постепенно собрали, якобы мы должны были быть в своего рода готовности. Там находились и другие части.

Примечание: В 14:50 появился прокурор Клейнер.

Обвиняемый Вебер далее поясняет:

Мы находились на позиции в лесу. В этом месте мы узнали 8 мая 1945 года о капитуляции. Я вспоминаю, что наше соединение называлось на тот момент «Группа армий Шаак». При капитуляции нам предоставили самим решать, куда мы хотим пойти. Но не советовали идти на восток. Я был в тот момент с несколькими гамбуржцами и немцами с севера и хотел поначалу попытаться пробиться в Бремен. К югу от Люнебурга я, однако, попал в американский плен. В конце концов, оказался в лагере для военнопленных в группе фон Штокхаузена, и в августе 1945 года был через Ойтин и Зегеберг условно отпущен. Нас выпустили только при том условии, что мы вместе одной группой будем участвовать в восстановлении и расчистке Киля. Так, собственно, я и оказался сначала в Киле.

Мою семью я увидел снова только в 1949 году. Она была интернирована до этого момента в Дании. В этот период один мой ребенок там умер.

Меня спрашивают, что произошло с моими товарищами по Пальмникену Кауфельдтом и Кноттом. Я, как говорил ранее, Кауфельдта больше никогда не видел. После своего прибытия я узнал от Хоппе, что после Пальмникена Кауфельдт вернулся в концлагерь «Штуттгоф» и дал знать о себе. Хоппе получил от Кауфельдта сведения о событиях в Пальмникене. Позднее я узнал, что Кауфельдт также участвовал в эвакуации лагеря «Штуттгоф» в направлении на запад.

Вопрос: Господин Вебер, почему Кауфельдт снова объявился у Хоппе?

Ответ: Для всех членов СС, а также для всех служащих вермахта, которые бежали через косу, Хоппе был ответственным как старший по званию. Концлагерь «Штуттгоф» был местом сбора для этих людей.

Вопрос:

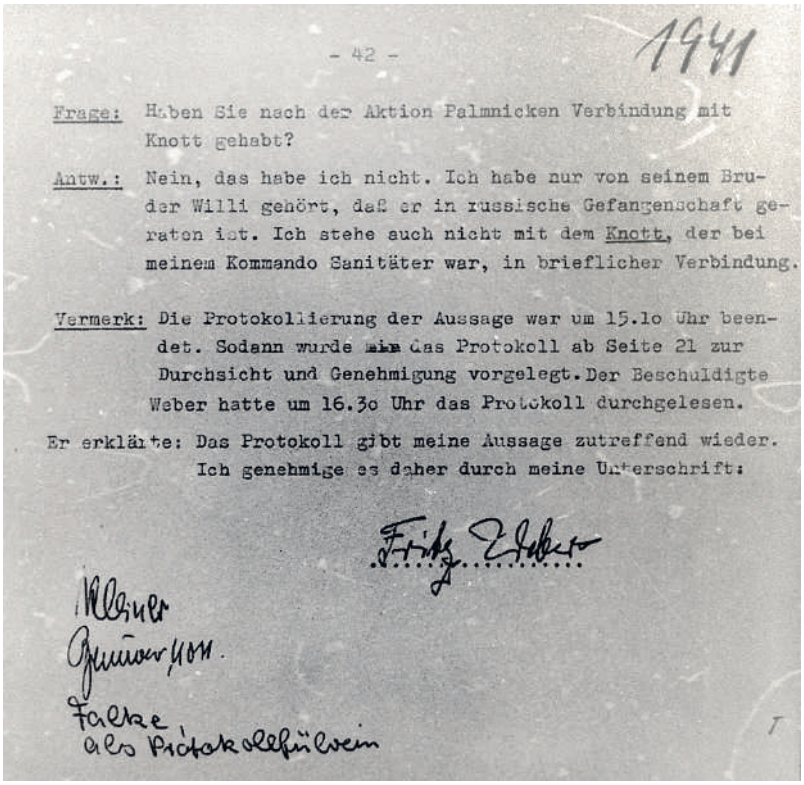
После акции в Пальмникене у Вас был контакт с Кноттом?

Ответ: Нет, не было. Я только слышал о его брате Вилли, что он попал в русский плен. Я также не переписываюсь с Кноттом, который был санитаром в моей команде.

Примечание: Протоколирование показаний завершено в 15:10. После этого протокол с 21-й страницы был представлен для ознакомления и заверения. Обвиняемый Вебер в 16:30 прочитал протокол.

Он заявил: Протокол передает в точности мои показания. Поэтому я заверяю его своей подписью.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Д. 10. Микрофиша 4.



- 42 -

1941

Frage: Haben Sie nach der Aktion Palmnicken Verbindung mit Knott gehabt?

Antw.: Nein, das habe ich nicht. Ich habe nur von seinem Bruder Willi gehört, daß er in russische Gefangenschaft geraten ist. Ich stehe auch nicht mit dem Knott, der bei meinem Kommando Sanitäter war, in brieflicher Verbindung.

Vermerk: Die Protokollierung der Aussage war um 15.1o Uhr beendet. Sodann wurde ~~ihm~~ das Protokoll ab Seite 21 zur Durchsicht und Genehmigung vorgelegt. Der Beschuldigte Weber hatte um 16.3o Uhr das Protokoll durchgelesen.

Er erklärte: Das Protokoll gibt meine Aussage zutreffend wieder. Ich genehmige es daher durch meine Unterschrift:

Fritz Weber

Weber
Oberwachtmeister.
Falke
als Protokollführer

1

119. Обершарфюрер СС Фриц Вебер (Fritz Weber)

1964 г.

ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 11. Микрофиша 1.

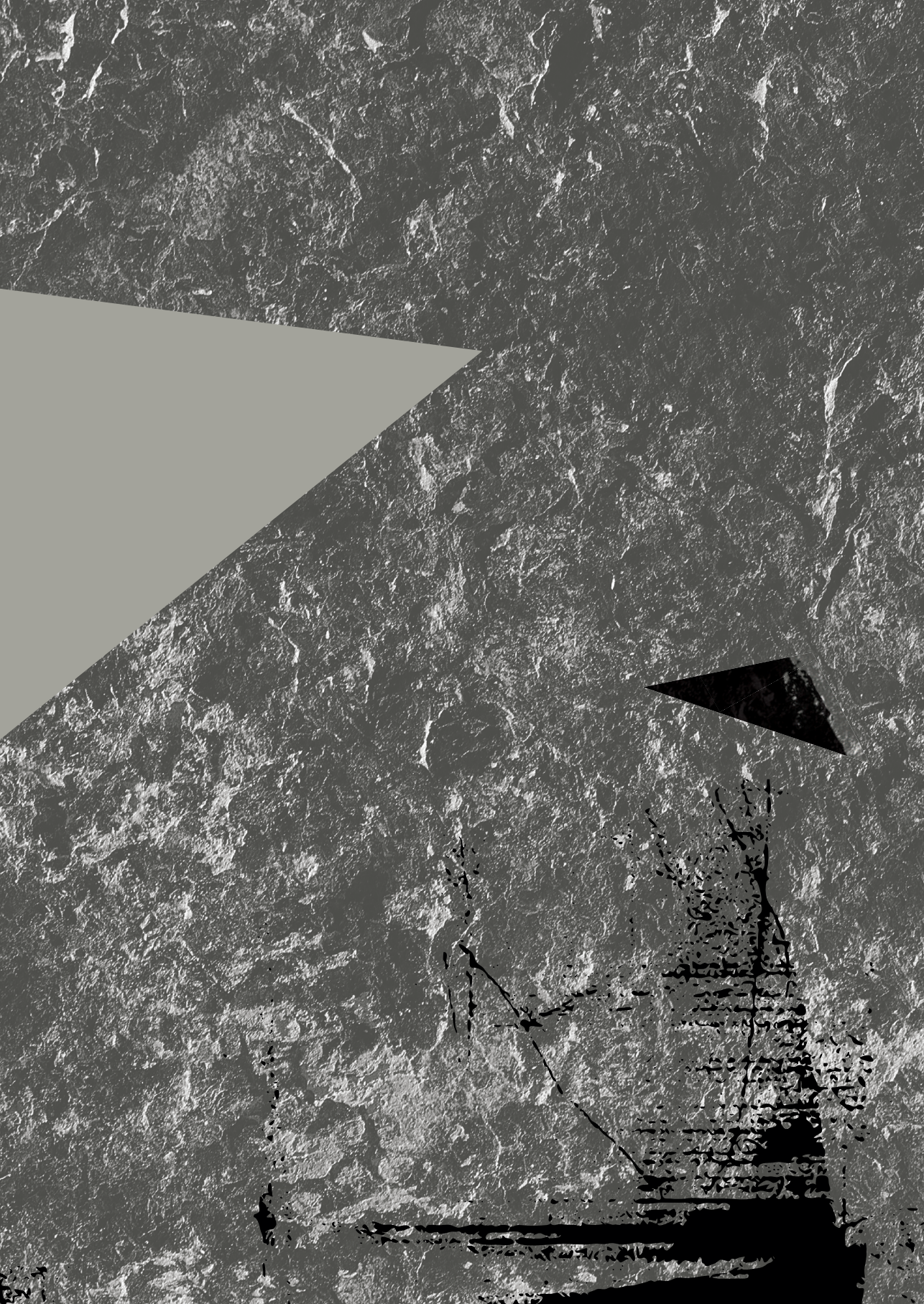
Снимок из следственного дела. Предоставлен министерством культуры земли Шлезвиг-Гольштейн.

[1] «Капо» (этимология неизвестна, предпол. от *фр.* Caporal — «капрал» либо от *нем.* Kazetpolizei — служащий вспомогательной полиции лагеря) — привилегированная прослойка заключенных, из которой формировался низовой административный аппарат лагерей, а также сами представители этого аппарата.

[2] «Вольфсшанце» (*нем.* Wolfsschanze — Волчье логово) — главная ставка А. Гитлера и командный комплекс Верховного главнокомандования Вооруженными силами Германии в лесу Гёрлиц недалеко от Растенбурга (Восточная Пруссия) (ныне г. Кентшин, Польша).

РАЗДЕЛ 4

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ: НАЦИСТЫ И ИХ ПОСОБНИКИ



120. Донесение командующему войсками 2-го Белорусского фронта Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому об аресте служащих немецкого концентрационного лагеря «Штуттгоф»

18 марта 1945 г.

Совершенно секретно
Подлежит возврату

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
М А Р Ш А Л У СОВЕТСКОГО СОЮЗА

товарищу Р О К О С С О В С К О М У

Об аресте служащих немецкого
концентрационного лагеря «ШТУТТГОФ».

16 марта 1945 года отделом Контрразведки «СМЕРШ» 18 Артдивизии, 3 Арткорпуса прорыва РГК, в процессе фильтрации лиц, проживавших на освобожденной от противника территории, были задержаны и разоблачены как активные немецкие пособники работники немецкого концентрационного лагеря «ШТУТТГОФ»:

НИКОЛАЕВСКИЙ Стефан, 1922 года рождения, уроженец гор. Быдгощ /Польша/, поляк, рабочий, образование среднее. С февраля 1942 года до января 1945 года работал санитаром больницы в концлагере – «ШТУТТГОФ».

МИКЛАШ Изидор, 1919 года рождения, уроженец дер. Бокуны Сокульского уезда Белостокского воеводства, поляк, рабочий, бывший военнослужащий польской армии.

В концлагере «ШТУТТГОФ» находился с января 1940 г. первоначально в качестве заключенного, а с 1944 года старшим по палате в лагерной больнице.

Одновременно с этим, 16 марта 1945 года, отделом контрразведки «СМЕРШ» 5 Гвардейской Танковой армии был задержан служивший в концлагере «ШТУТТГОФ» в качестве контролера и надсмотрщика над заключенными, работавшими в лагерных мастерских –

ШТЕНЦЕЛЬ Бронислав, 1900 года рождения, уроженец дер. Тухлин, округ Картузы Поморского воеводства, поляк, бывший помещик.

По показаниям задержанных НИКОЛАЕВСКОГО, МИКЛАШ и ШТЕНЦЕЛЬ установлено, что в 1939 году в районе м. Штуттгоф /в 35 км восточнее Данцига, близ берега Балтийского моря/ немцами был создан концентрационный лагерь, находившийся в ведении «СС».

Первоначально лагерь рассчитан на несколько десятков тысяч человек, но в 1941 г. в районе Штуттгоф было начато строительство нового концлагеря на 400 тысяч заключенных, которое в январе 1945 года было, в основном, закончено. В среднем в концлагере «ШТУТТГОФ» содержалось до 100 тысяч человек заключенных, к моменту эвакуации лагеря в январе с[его]г[ода] там находилось около 40 тысяч человек.

В ШТУТТГОФСКИЙ лагерь были заключены гражданские лица из всех стран Европы – поляки, евреи, украинцы, русские, французы, голландцы, англичане, норвежцы

и другие, в том числе женщины и дети. В 1943 и 1944 гг. в ШТУТТГОФ поступило также значительное количество русских военнопленных из других лагерей.

В концентрационном лагере «ШТУТТГОФ» немцами производилось в широких масштабах массовое уничтожение заключенных. По показаниям задержанных НИКОЛАЕВСКОГО и МИКЛАШ, с 1942 по 1945 год в «ШТУТТГОФЕ» было уничтожено более 60 тысяч заключенных, главным образом, евреев, русских, украинцев. Лишь в сентябре 1944 года там было зверски умерщвлено 10 тысяч евреев, в подавляющем большинстве женщин и детей. В течение 1944 г. в лагере уничтожили большое количество пленных военнослужащих Красной Армии, в том числе женщин.

В целях умерщвления заключенных, главным образом, больных и слабых от непосильной работы и нечеловеческого лагерного режима, немцы применяли различные зверские способы, в частности:

1. Впрыскивание 5–10 граммовых доз ядовитой жидкости — фенола — в область сердца, в результате чего смерть наступала спустя несколько минут.

Умерщвление заключенных путем вспрыскивания фенола происходило под руководством начальника лагерной больницы СС — обершарфюрера ХАУПТ и хирурга ЯСИНСКОГО. Вспрыскивание производили десять немецких санитаров, прибывших в Штуттгоф весной 1942 года из концлагеря «Дахау», где они прошли специальность в эсэсовской школе обучения методам умерщвления людей.

2. Удушение в специальной газовой камере, построенной на территории лагеря. В камеру помещали одновременно 40–50 человек, которые затем умерщвлялись синильной кислотой. Умерщвлением в газовой камере руководил унтершарфюрер СС — КЛОТТ*. В последнее время, кроме газовой камеры, немцы устроили еще специальный герметически закрывающийся вагон, куда заключенных погружали, якобы для отправки из лагеря, а затем умерщвляли газами.

3. Лишение заключенных пищи на продолжительные сроки, зверские побои и издевательства.

Немцы также практиковали массовые расстрелы и повешение заключенных. Трупы всех замученных в Штуттгофском лагере сжигались в специальном крематории, построенном на территории лагеря силами заключенных. В крематории работало 3 печи с общей пропускной способностью в 350–450 человек в день. Следует отметить, что неоднократно имели место факты сожжения в крематории еще полуживых людей.

Массовое истребление заключенных в Штуттгофском концлагере производилось по указаниям из Берлина, руководителями и непосредственными исполнителями этих злодеяний были эсэсовцы-сотрудники лагеря: начальник лагеря в Штуттгофе СС — штурмбанфюрер ХОППЕ, начальник охраны СС — гауптштурмфюрер МАЙЕР, постоянный дежурный лагеря — КАМНИЦ и др[угие].

В ходе дальнейшего следствия задержанные НИКОЛАЕВСКИЙ и МИКЛАШ признались, что они принимали участие в систематических издевательствах и зверских избиениях заключенных, обращавшихся к ним за медицинской помощью.

Свидетельскими показаниями бывших заключенных Штуттгофского лагеря устанавливается также личное участие НИКОЛАЕВСКОГО в умерщвлении больных путем впрыскивания фенола.

Задержанный ШТЕНЦЕЛЬ уличен в проводившейся им в период работы в концлагере предательской деятельности — он доносил администрации лагеря о тех лицах, которые в силу их истощения, по болезни или другим причинам подлежали уничтожению. Всего по доносам ШТЕНЦЕЛЬ было уничтожено около 450 чел[овек].

НИКОЛАЕВСКИЙ, МИКЛАШ и ШТЕНЦЕЛЬ нами арестованы. Следствие продолжается.

Приняты меры розыска администрации и других сотрудников концлагеря, которые, как показали арестованные, разбившись на отдельные группы вместе с заключенными, 25 января с[его] г[ода], в связи с приближением Красной Армии, эвакуировались из Штуттгофа в западном направлении.

[...]**

«18» марта 1945 года

№ 2/3/8511

Помета на первой странице документа в верхнем левом углу: «[...]3 30.3.[19]45».*

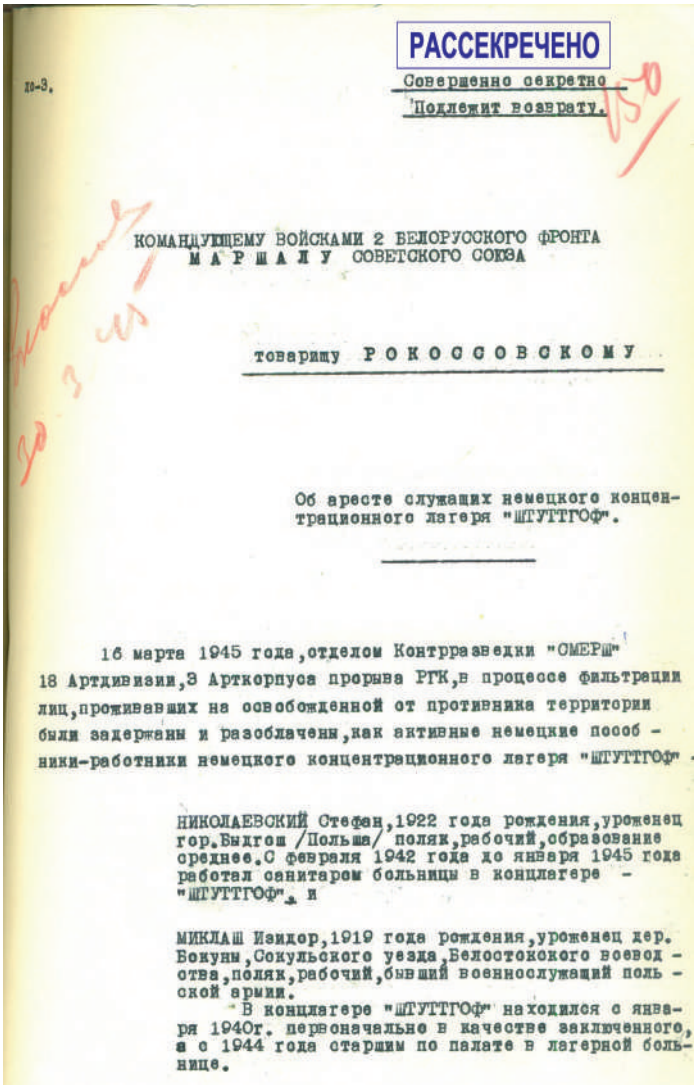
АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 10–13. Подлинник. Машинопись.

---

* Вероятно, Отто Кнотт.

** Имя и подпись закрашены.

3* Неразборчиво.



РАССЕКРЕЧЕНО
Совершенно секретно
Подлежит возврату.

К-3.

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
М А Р Ш А Л У СОВЕТСКОГО СОЮЗА

товарищу Р О К О С С О В С К О М У

Об аресте служащих немецкого концентрационного лагеря "ШТУТТГОФ".

16 марта 1945 года, отделом Контрразведки "СМЕРШ" 18 Артдивизии, 3 Арткорпуса прорыва РГК, в процессе фильтрации лиц, проживавших на освобожденной от противника территории были задержаны и разоблачены, как активные немецкие пособники-работники немецкого концентрационного лагеря "ШТУТТГОФ".

НИКОЛАЕВСКИЙ Стефан, 1922 года рождения, уроженец гор. Быдгош /Польша/ поляк, рабочий, образование среднее. С февраля 1942 года до января 1945 года работал санитаром больницы в концлагере - "ШТУТТГОФ", и

МИКЛАШ Изидор, 1919 года рождения, уроженец дер. Бокуны, Сокульского уезда, Белостокского воевод - ства, поляк, рабочий, бывший военнослужащий поль - ской армии.

В концлагере "ШТУТТГОФ" находился с января 1940г. первоначально в качестве заключенного, а с 1944 года старшим по палате в лагерной больнице.

121. Штурмбанфюрер СС Пауль Вернер Хоппе (Paul Werner Hoppe) — комендант концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1939–1944 гг.

Фотокопия из Музея концлагеря Штуттгоф (п. Штутово, Эльблонгскоевое водство, Польша).

122. Арно Хемниц (Arno Chemnitz) — член СС, служащий концентрационного лагеря «Штуттгоф»

ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 17. Микрофиша. 1.

123. Спецсообщение начальнику управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта об аресте участников злодеяний, чинимых над заключенными концентрационного лагеря «Штуттгоф»

*4 июня 1945 г.**

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ «СМЕРШ»
3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ
товарищу **

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

Об аресте участников, чинимых злодеяний над заключенными, содержавшимися в немецком концентрационном лагере м. Штуттгоф, Западная Пруссия

В мае месяце 1945 года, с ликвидацией немецких окруженных войск на косе Фрише Нерунг, в 1,5 км восточнее населенного пункта Штуттгоф (Западная Пруссия) и в 3-х км южнее побережья Балтийского моря, войсками 48 армии обнаружен немецкий концентрационный лагерь, лагерь смерти, где содержались и массово истреблялись политические заключенные граждане СССР и других государств.

Следствием установлено, что указанный лагерь немцами был выстроен в 1939 году, вскоре после захвата фашистской Германией свободного района Данцига. В нем ежегодно, начиная с 1941 по 1945 годы, содержалось свыше 100 тысяч политических заключенных, преимущественно евреи, русские, поляки, латыши, литовцы и французы.

Проводя фашистскую политику истребления славянских народов, немецкие изверги в июне месяце 1944 года в Штуттгофском концентрационном лагере выстроили специальную газокамеру, в которой до апреля месяца 1945 года массово умерщвляли заключенных одним из препаратов синильной кислоты (циклоном). В то же время обрекали заключенных на голодную смерть, производили умышленное заражение сыпным тифом, вводили заключенным, под видом лечения, в кровеносные сосуды бензин и в увеличенной дозе морфий, чем вызывали массовую смертность.

Кроме того, основные организаторы чинимых в лагере злодеяний – комендант лагеря оберштурбанфюрер ХОППЕ, его заместитель гауптштурмфюрер МАЙЕР, помощники коменданта гауптштурмфюрера КЕЙНИ и ФОТТ и их пособники производили массовые расстрелы и повешения заключенных, подвергали последних за малейшее нарушение лагерных «Порядков» зверским избиениям и другим издевательствам.

Имея цель скрыть от правосудия массовое истребление славянских народов, фашистские душегубы трупы умерщвленных заключенных сжигали в печах крематория, специально выстроенного при лагере, а пепел использовали для удобрения полей.

За последние два года немецкие заправилы и их пособники в Штуттгофском концентрационном лагере уничтожили около 100 тысяч заключенных, главным образом, граждан Советского Союза.

В результате проведенных оперативных мероприятий, Отделом Контрразведки «СМЕРШ» 48 армии, в мае м[еся]це 1945 года задержаны и впоследствии арестованы следующие участники массового истребления заключенных в Штуттгофском концлагере и учинявшие над ними различные издевательства, а именно:

1. ШТУММЕР Лоренц, 1920 года рождения, уроженец и житель дер. Гроссберг, р[айо]н Арад (Румыния), немец, подданный Румынии, холост, образование 8 классов, с июля месяца 1943 года по май месяц 1945 года штурман батальона СС «Мертвая голова» концлагеря м. Штуттгоф.
2. ЯЦКОВСКА Казимира, 1900 года рождения, уроженка гор. Торн, из рабочих, служащая, по национальности полька, подданная Польши, образование 7 классов, с сентября месяца 1943 года по май месяц 1945 года в Штуттгофском концлагере являлась старшей женского лагеря.
3. СКШИПКОВСКА Елена, 1915 года рождения, уроженка и жительница дер. Рембово Картузского р[айо]на, Поморского воеводства (Польша), из рабочих, по национальности полька, образование 7 классов. В мае м[еся]це 1942 года приняла германское подданство. С августа месяца 1944 года по декабрь м[еся]ц того же года являлась комендантом еврейского лагеря № 1, а затем по май месяц 1945 года работала на кухне батальона СС концлагеря м. Штуттгоф.
4. ПЕЦИХНА Александра Станиславовна, 1920 года рождения, уроженка и жительница дер. Цюлково Пултуского уезда Варшавского воеводства, по национальности полька, подданная Польши, образование 7 классов, с апреля месяца 1944 года по август м[еся]ц того же года исполняла обязанности старшей комнаты, а затем, до февраля м[еся]ца 1945 г., коменданта женского еврейского лагеря концлагеря м. Штуттгоф.
5. КУССАУЭР Пауль, 1906 года рождения, уроженец дер. Летцкау Данцигского района, по национальности немец, образование 8 классов. В немецкой армии не служил. В Штуттгофском концлагере являлся комендантом еврейского лагеря.
6. ТОИЧКИНА Анна Николаевна, 1922 года рождения, уроженка гор. Краснодара, из рабочих, рабочая, русская, беспартийная, образование 8 классов, незамужняя, со слов не судима, гр[аждан]ка СССР, комендант блока еврейского лагеря № 1.
7. КУЧАР Эрвин, 1921 года рождения, уроженец и житель гор. Эльбинг, из рабочих, по национальности немец, образование 8 классов, беспартийный, холост, комендант блока еврейского лагеря, лагерный полицейский.
8. БОНДАРЕНКО Валентина Григорьевна, 1922 года рождения, уроженка гор. Харькова, из рабочих, русская, беспартийная, гр[аждан]ка СССР, со слов не судима, комендант блока еврейского лагеря.
9. АЙСЛЕР Ирина Александровна, 1922 года рождения, уроженка и жительница гор. Росвигово – пригород города Мукачево (Чехословакия), из семьи торговцев, по национальности еврейка, подданная Чехословакии, окончила русскую учительскую семинарию, комендант блока еврейского лагеря.
10. ГУМИЛЕВСКАЯ Галина Николаевна, 1923 года рождения, уроженка гор. Харькова, из служащих, учащаяся, русская, беспартийная, со средним образованием, со слов не судима, незамужняя, гр[аждан]ка СССР, комендант блока еврейского лагеря.
11. ГЕРШКОВИЧ Ольга Германовна, 1922 года рождения, уроженка гор. Мукачево (Чехословакия), из семьи торговца, по национальности еврейка, беспартийная, незамужняя, окончила гимназию, подданная Чехословакии, комендант блока еврейского лагеря.
12. МОСКЕ Альфонс, 1910 года рождения, уроженец и житель дер. Ноймарк, р[айо]н Штум (Восточная Пруссия), по национальности немец, подданный Германии, образование 3 класса, комендант блока.

13. ФРАЙВАЛЬД Вилли, 1909 года рождения, уроженец дер. Лендрингзен, р[айо]н Изерун, провинция Арксберг (Западная Германия), по национальности немец, беспартийный, образование 8 классов, женат, комендант блока еврейского лагеря.
14. ОПЕКУНСКИЙ Бернард, 1913 года рождения, уроженец и житель гор. Быдгощ (Польша), по национальности поляк, из рабочих, рабочий, образование 7 классов, подданный Польши, комендант блока, работал на крематорских печах.
15. ПАВЛАЧИК Марьян Мартынович, 1922 года рождения, урож[енец] села Межин, Мендзыходского уезда, Познанского воеводства, по национальности поляк, подданный Польши, образование 9 классов, холост. Полицейский лагеря.
16. БЕНДЗИНСКИЙ Ян, 1921 года рождения, уроженец гор. Тамбова, житель гор. Гдыня, из рабочих, по национальности поляк, подданный Польши, образование 7 классов, полицейский лагеря.
17. ГУТЦМЕР Пауль, 1908 года рождения, уроженец гор. Данцига, по национальности немец, подданный Германии, из рабочих, образование 8 классов, заместитель коменданта блока.
18. БОЙНЕНКОВА Елена Михайловна, 1906 года рождения, уроженка гор. Саратова, из рабочих, служащая, образование 7 классов, беспартийная, русская, гр[аждан]ка СССР, комендант блока еврейского лагеря № 1.
19. КРАВЧИК Сбигнев, 1922 года рождения, уроженец г. Лодзь, житель м-ка Черск, Хойницкого уезда, Поморского воеводства (Польша), по национальности поляк, из семьи полицейского, образование 6 классов, подданный Польши. Рабочий крематория лагеря м. Штуттгоф.
20. КОЛЛЕР Алонс, 1911 года рождения, уроженец д. Акфольдер-Гард, р[айо]н Чески-Крумлов (Чехословакия), из рабочих, по национальности чех, образование 7 классов, беспартийный, холост, подданный Чехословакии, повар лагерной кухни заключенных.
21. КАУЦ Зигмунд, 1924 года рождения, уроженец и житель гор. Лодзь (Польша), из рабочих, рабочий, по национальности поляк, подданный Польши, образование 7 кл[ассов], повар лагерной кухни заключенных.
22. АЛЬБРЕХТ Генрих, 1899 года рождения, уроженец дер. Бисмарк, р[айо]н Хайдекруг Мемельской области, Германия, по национальности немец, подданный Германии, образование 8 классов, старший рабочий команды заключенных концлагеря м. Штуттгоф.

Предварительным расследованием по настоящему делу установлено:[3]*

ШТУММЕР, находясь на службе штурманом батальона СС «Мертвая голова» концентрационного лагеря м. Штуттгоф в период с июля м[еся]ца 1943 года по май месяц 1945 года, принимал активное участие в истреблении заключенных, содержащихся в указанном лагере. Неоднократно лично конвоировал заключенных в специально созданную фашистами газовую камеру, насильно их водворял в нее, где заключенные впоследствии массово умерщвлялись газами. Принуждал и охранял заключенных, которые под силой его оружия сжигали на кострах трупы, накануне умерщвленных в концлагере м. Штуттгоф. Кроме того, систематически лично избивал палкой заключенных и нес охрану лагеря, поддерживая в нем установленный фашистами режим.

СКШИПКОВСКА, ЯНЦКОВСКА, ПЕЦИХНА, КУССАУЭР, ТОИЧКИНА, КУЧАР, БОНДАРЕНКО, АЙСЛЕР, ГУМИЛЕВСКАЯ, ГЕРШКОВИЧ, МОСКЕ, ФРАЙВАЛЬД, БОЙНЕНКОВА, ГУТЦМЕР И ОПЕКУНСКИЙ, будучи сами заключенными, содержались в Штуттгофском

концлагере, в различное время в период 1943–1945 годов немецкими руководителями лагеря были назначены комендантами лагерей и блоков. В указанных должностях находились продолжительное время.

Будучи комендантами лагерей и блоков Штуттгофского концлагеря, перечисленные лица, в угоду немцам, принимали все меры к добросовестному выполнению возложенных на них обязанностей – активно поддерживали фашистский режим в лагере. Лично по своему усмотрению систематически и зверски избивали заключенных.[4]* В порядке наказания ставили заключенных на длительное время на колени, обливали в зимнее время холодной водой, в то же время открывали окна и двери, не давая заключенным защищаться от холода. Лишали заключенных пищи, женщинам стригли волосы, часами муштровали на холоде и под дождем. Заключенных, уклонявшихся от наказаний, подвергали избиениям резиновыми шлангами, палками и кулаками, а затем в бессознательном состоянии бросали в помещение блока, не выдавая им пищи.

Вследствие изложенных издевательств заключенные в Штуттгофском концлагере массово болели и умирали голодной смертью, а их трупы сжигались в печах крематория и на кострах.

СКШИПКОВСКА, ЯНЦКОВСКА[5]*, ПЕЦИХНА[6]*, КУССАУЭР, ТОИЧКИНА, КУЧАР, [...]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 57–61. Подлинник. Машинопись.

---

* Дата в документе проставлена от руки.

** Имя закрашено.

3* Зачеркнуто в документе.

4* Это предложение и до конца абзаца зачеркнуто в документе.

5* Зачеркнуто в документе.

6* Зачеркнуто в документе.

124. Спецсообщение начальнику управления контрразведки «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта о задержании одного из участников массового истребления заключенных в концентрационном лагере «Штуттгоф»

3 июня 1945 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ НКО «СМЕРШ»
3-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ*

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

«О задержании одного из участников массового истребления заключенных «штуттгофского лагеря уничтожения»

В процессе агентурно-оперативного обслуживания инокомендатур[1] из среды французских репатриантов выявлен и задержан выдававший себя за француза – ФИШЕР Исидор Матвеевич, 1907 года рождения, урож[енец] г. Шаргород бывшей Подольской области /Украина/, еврей, из семьи крупного собственника, образование высшее, доктор медицины, женат, жена и двое детей находятся во Франции, подданства не имеет.

Следствием установлено, что ФИШЕР является сыном крупного собственника. С отцом и другими членами семьи в 1920 году, не желая мириться с Советской властью, нарушили государственную границу и нелегально через р. Днестр перешли на территорию Румынии в р[айо]не гор. Атаки.

В 1927 году ФИШЕР в Румынии окончил гимназию и затем, благодаря материальной помощи отца, арендовавшего в Румынии ряд крупных предприятий, окончил в 1933 году университет в г. Лионе /Франция/, получил ученую степень доктора медицины.

В 1934 г., как румынский подданный, ФИШЕР в чине лейтенанта резерва проходил службу в румынской армии, а затем в мае 1934 г. переехал во Францию, где в г. Лионе приобрел квартиру и занялся частной врачебной практикой, дающей большие доходы.

Во время франко-германской войны ФИШЕР якобы служил во французской армии в чине лейтенанта, откуда после капитуляции Франции был демобилизован.

В июне 1944 г. ФИШЕР был задержан немецкими властями и назначен врачом эшелона, вывозившего евреев из Франции в концентрационный лагерь в Аушвиц /р[айо]н Кракова/. По прибытии в Аушвиц большая часть евреев была уничтожена.

Из Аушвицкого лагеря в январе 1945 г. ФИШЕР был переведен в концентрационный лагерь «Штуттгоф» /40 км от Данцига/, именовавшийся «Фернихтунгслагерь», т[о] е[сть] в переводе «лагерем уничтожения», где был с 9 февраля назначен главным врачом лагеря «Бургграбен», одного из филиалов Штуттгофской системы лагерей.

«Лагерь уничтожения» в Штуттгофе имел свои филиалы в Бургграбен /10 км от Данцига/, в Тройль, в Кёнигсберге и Пиллау. Количество заключенных в Штуттгофе и его филиалах доходило до 60 000 человек.

Штуттгофский «лагерь уничтожения» ставил своей целью истребление лиц разных национальностей, насильственно вывезенных немцами из разных стран Европы, для чего на территории лагеря «Штуттгоф» и его филиалов имелись стационарные и подвижные газовые камеры и крематории для сжигания трупов.

Кроме уничтожения заключенных в газовых камерах и систематических расстрелов, среди заключенных распространялись инфекционные заболевания путем распределения больных среди здоровых.

В феврале 1945 года, в связи с развитием наступательных операций частей Красной Армии, администрация Штуттгофских лагерей предприняла эвакуацию заключенных вглубь Германии, а лагерь в Бургграбен был превращен в сборный пункт заболевших заключенных, большинство которых по прибытию в лагерь умирали.

На предварительном следствии ФИШЕР показал, что за время его работы в качестве главного врача лагеря с 9 февраля по 9 марта 1945 г. в лагере содержалось свыше 1000 человек заключенных, большинство которых за это время умерли.

Допрошенный же по делу ФИШЕРА свидетель ЛОРБАХ Отто показал, что средняя смертность в лагере вплоть до последнего дня составляла примерно 100–120 человек в день.

9 марта 1945 года ФИШЕР был переведен в другой лагерь Штуттгофской системы лагерей уничтожения — в Тройль /близ Данцига/, а с 1 апреля с[его]г[ода] по 9 мая с[его]г[ода] являлся врачом основного лагеря в Штуттгофе, где до последних дней действовали газовые камеры и крематории.

При отступлении немецких частей, ФИШЕР с другими работниками администрации лагеря должен был эвакуироваться в Швецию, но, в связи с быстрыми темпами продвижения частей Красной Армии, был захвачен и направлен как француз во французскую комендатуру.

ФИШЕР утверждает, что большая часть эсэсовцев из руководящего состава штуттгофской системы лагерей, а также и иные преступники, виновные в массовом уничто-

жении заключенных в этих лагерях, не эвакуировались, а, будучи захвачены в плен частями Красной Армии, содержатся на территории Восточной Пруссии в лагерях военнопленных, сборно-пересыльных пунктах и инокомендатурах.

Учитывая, что «Штуттгофский лагерь уничтожения» полностью оправдывал свое название, и в его филиалах осуществлялось массовое истребление заключенных путем пропуска через стационарные и подвижные газовые камеры, расстрелов, внесения инфекции в здоровые организмы, с последующим сжиганием трупов в крематориях и штабелях костров, что производилось эсэсовцами и лицами, привлеченными ими к этой работе, с которыми ФИШЕР систематически общался и большинство из них знает в лицо, прошу Вашей санкции использовать ФИШЕРА в розыске преступников «Штуттгофского лагеря».

[...] **

3 июня 1945 года.

№ 00145

г. Гумбиннен.

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 35–39. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Закрашено.

125. Из протокола допроса И. М. Фишера, бывшего врача концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1 июня 1945 г.

гор. Гумбиннен

Протокол допроса

[...] ВОПРОС: – Назовите лиц из администрации лагерей уничтожения в Аушвице, его филиалах и Штуттгофе, осуществляющих приказание гитлеровского правительства о массовом истреблении людей.

ОТВЕТ: – Насколько мне известно, все лагеря уничтожения, Аушвиц, его филиалы, Штуттгоф, находились в подчинении гестапо и войск СС, следовательно, руководителя полиции и войск СС Германии Генриха ГИММЛЕРА.

Как я слышал от заключенных, лагерь в Аушвиц был под личным контролем или ГИММЛЕРА, или его сына.

Эсэсовцы в Аушвице и, особенно, в Штуттгофе принадлежали к соединению СС «Мертвая голова».

а/ лагерь в Аушвице

Начальником лагеря, комендантом, и, как его называли немцы, «лагерфюрером», является оберштурмфюрер СС из соединения «Мертвая голова». Фамилия мне его неизвестна.

ПРИМЕТЫ: лет 40, среднего роста, плотного телосложения, рыжеватый блондин, особых примет не имеет.

Исключительно жестокий человек, лично избивал заключенных. Последний раз я его видел 26 октября 1944 года, когда наша партия была переведена в Штуттгоф. Где он находится в настоящее время, мне неизвестно.

Помощник коменданта лагеря имеет чин штурмфюрер войск СС, фамилию его не знаю.

ПРИМЕТЫ: около 50 лет, высокого роста, плотный, сутулый, седоватый, носит очки.

Где он в настоящее время, я не знаю.

Начальник строевой части лагеря «раппортфюрер», фамилия как будто КАДЕК – обершарфюрер «СС».

ПРИМЕТЫ: лет 30–35, высокого роста, стройный, брюнет, продолговатое лицо.

Производил в «больнице» селекцию-отбор больных для газовых камер. Наиболее жестокий из всего состава лагеря. Где он сейчас я не знаю.

Из врачей «СС» я знаю фамилию лишь одного – ВАЙС – штурмфюрер, производил эксперименты над «женщинами-свинками».

ПРИМЕТЫ: лет 35, среднего роста, стройный, брюнет, особых примет нет.

В октябре 1944 г. оставался в Аушвице, где в настоящее время неизвестно.

В Аушвице было 28 бараков и соответственно этому 28 начальников бараков или «блокфюреров». Все они были эсэсовцы, имели чин шарфюреров, унтершарфюреров, роттенфюреров[2]. Фамилии их мне неизвестны.

Кроме того крематориумфюрер, эсэсовец, заведовавший газкамерами и крематорием. Фамилии его я не знаю, чин – обершарфюрер. Его я никогда не видел, примет не знаю.

Комендант лагеря Аушвиц являлся одновременно начальником и всех филиалов – Биркенау и др[угих]. Из администрации филиалов я никого не знаю.

б/ лагерь в Штуттгофе

МАЙЕР – комендант лагеря, имел чин гауптштурмфюрера СС, дивизия* «Мертвая голова» /весь административный состав в Штуттгофе был из дивизии «Мертвая голова»/.

ПРИМЕТЫ: лет 40, ниже среднего роста, плотного телосложения, брюнет.

Отличался крайней жестокостью.

В первых числах апреля 1945 г. вместе с группой эсэсовцев, старшиной лагеря ЗЕЛОНКЕ исчез в неизвестном направлении.

ЭЛЕ – заместитель коменданта, имел чин гауптштурмфюрера «СС».

ПРИМЕТЫ: около 40 лет, высокого роста, стройный, рыжие волосы. Родом из Данцига.

Разыгрывал из себя гуманного тирана. В начале мая 1945 г. ушел в направлении Никельсвальде. Где в настоящее время я не знаю.

КУКЛАУ – начальник строевой части, обершарфюрер СС.

ПРИМЕТЫ: лет 40, высокого роста, плотного телосложения, шатен, волосы седоватые.

Особые приметы: лицо ассиметричное, правая сторона лица несколько меньше левой, правый глаз сидит глубже левого, окружен темной пигментацией.

В начале мая 1945 г. ушел вместе с ЭЛЕ в направлении Никельсвалде, где в настоящее время я не знаю.

ШМИДТ – начальник медицинской части, обершарфюрер СС, принадлежал к «С.Д.Г.» – служба безопасности – Санотдел.

ПРИМЕТЫ: около 30 лет, высокого роста, худощавый, лицо со впалыми щеками, брюнет, носит очки.

Являлся специалистом по вспрыскиванию больным бензина.

В начале мая 1945 г. ушел вместе с ЭЛЕ, КУКЛАУ и пр[очими] в направлении м. Никельсвальде, где в настоящее время не знаю.

Начальник крематория: фамилии не знаю, чин – шарфюрер СС.

ПРИМЕТЫ: около 30 лет, маленького роста, толстый.

Исчез в конце апреля 1945 г. в неизвестном направлении.

Из других лагерей мне известны:

МАЙЗЕЛ – комендант лагеря «Тройль» в Данциге, чин – гауптштурмфюрер СС.

ПРИМЕТЫ: около 30 лет, высокого роста, среднего телосложения, шатен.

25 марта 1945 года видел последний раз в Данциге, где сейчас не знаю. Раньше служил в лагере «Кайзервальде» /Рига/. Производил вспрыскивания бензина заключенным.

ВАГНЕР – комендант лагеря «Бургграбен», имел чин обершарфюрера «СС».

ПРИМЕТЫ: лет 45, высокого роста, плотный шатен.

Последний раз видел 28 марта 1945 года на дороге между Банзаком и Шивеноретом. Ехал на велосипеде. Где он в настоящее время я не знаю.

ХЕЙДРИЦ – заведующий санчастью в Бургграбен, имел чин обершарфюрера СС, принадлежал к службе безопасности, отдел медицины.

ПРИМЕТЫ: лет 45–50, среднего роста, плотного телосложения, шатен, сильная проседь, лицо худощавое, большой орлиный нос.

Последний раз видел 11 марта 1945 г. в лагере в Тройль. Имел очень растерянный вид, бежал от частей Красной Армии, в пути потерял жену.

Из числа заключенных в Бургграбене в моем подчинении находились врачи:

ЛЕВИ – еврей из Германии, раньше был врачом в Берлине, прибыл в Бургграбен из Риги.

ПРИМЕТЫ: лет 45, среднего роста, худощавый, седоватые волосы, лицо продолговатое.

9 марта 1945 г. оставался больным в Бургграбен. Где сейчас не знаю.

ВЕРМЕШ – еврей из Суботицы /Венгрия или Югославия/**, прибыл в лагерь в 1944 г.

ПРИМЕТЫ: лет около 45, среднего роста, плотного телосложения, лицо круглое, шатен, носит очки.

9 марта 1945 г. оставался в Бургграбен, лежал после тифа. Где сейчас я не знаю.

ЯБРОВ – еврей, из Вильно, в лагерях давно, в Штуттгофе с прошлого года.

ПРИМЕТЫ: лет около 60, среднего роста, худощавый, седой, носит очки, вид обезьяны.

Последний раз видел 9 марта 1945 года. Оставался в Бургграбен. [...]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 44–48. Подлинник. Машинопись.

---

* Правильно: батальон.

** Югославия.

126. Протокол допроса Отто Лорбаха, бывшего заключенного концентрационного лагеря «Штуттгоф»

2 июня 1945 г.

Я, сотрудник ОКР «СМЕРШ» инокомендатур Отдела по делам репатриации 3 Белорусского фронта лейтенант* допросил –

ЛОРБАХ Отто, 1894 года рождения, уроженец г. Кёльн /на Рейне/, немец, германский подданный, из рабочих, образование высшее, инженер-машиностроитель, женат, имеет 4 детей, с 1919 года член Коммунистической партии Германии.

ВОПРОС: – Как член Коммунистической партии Германии Вы подвергались репрессиям со стороны гитлеровского правительства?

ОТВЕТ: – Да, как коммунист я подвергался репрессиям со стороны гитлеровского правительства. В 1941 г. я был арестован и направлен в концентрационный лагерь «Майданек» /близ Люблина/, где содержался с апреля 1944 г., а в апреле был переведен в концентрационный лагерь в Штуттгоф, где находился по 9 мая 1945 года, когда вместе с другими был освобожден частями Красной Армии.

ВОПРОС: – Что вы можете рассказать о концентрационном лагере в Штуттгофе?

ОТВЕТ: – Концентрационный лагерь в Штуттгофе был назван «лагерем уничтожения», ибо его единственным назначением было истребление заключенных. За время моего пребывания в лагере – насколько мне известно – было уничтожено свыше 50 000 человек.

ВОПРОС: – Какими методами уничтожались люди в концентрационном лагере «Штуттгоф»?

ОТВЕТ: – Для уничтожения людей применяли самые различные методы – начиная от простейших – расстрелы, повешения, избиения до смерти, и кончая газовой камерой, где людей удушали посредством газов. Однако основным методом, использовавшимся в лагере, было применение инфекционных заболеваний: смертность в лагере была потрясающая – вплоть до последнего дня она составляла 120–200 человек за день (в одном бараке).

Распространение болезней производилось тем, что врачи распределяли больных тифом и пр[очими] заразными болезнями среди здоровых людей и, таким образом, создавались эпидемии среди заключенных. От болезни погибала основная масса людей.

ВОПРОС: – Кого Вы можете назвать из врачей, наиболее активно способствовавших уничтожению людей в лагере «Штуттгоф»?

ОТВЕТ: – Я помню последнего врача, работавшего с конца марта 1945 года по момент освобождения в Штуттгофе. Фамилия его ФИШЕР, как он рассказывал о себе, он прибыл из Франции, где он в Лионе имел частную врачебную практику и был арестован гестапо за то, что помогал больным рабочим.

В лагере ФИШЕР жил вместе со мной в одном бараке. Я тогда был старостой лагеря. Могу сказать, что ФИШЕР был в очень хороших отношениях с немецким командованием, очень с ним предупредителен и исполнителен.

Как врач он очень мало помогал больным, можно сказать, что в этом отношении он делал все для того, чтобы больных было как можно больше. Больничная сестра по имени Лена, работавшая вместе с доктором ФИШЕРОМ, говорила мне, что она совершенно не доверяет ему, потому что он не чувствует никакой ответственности за больных и не принимает никаких мер к прекращению эпидемиологических заболеваний.

Только после того, как командование лагеря бежало от частей Красной Армии, доктор ФИШЕР стал беспокоиться о больных, оставшихся в лагере.

Протокол допроса записан с моих слов правильно и мне прочитан на понятном немецком языке. /подпись/.

ДОПРОСИЛ: СОТРУДНИК ОКР «СМЕРШ» ИНОКОМЕНДАТУР
ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ 3 БЕЛ[ОРУССКОГО] ФР[ОНТА]
ЛЕЙТЕНАНТ**

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 49–50. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Подпись и имя закрашены.

127. О работнике крематория концентрационного лагеря «Штуттгоф» Бернарде Опекунском

*Не ранее мая — не позднее 31 декабря 1945 г.**

ОПЕКУНСКИЙ до февраля 1944 года работал на общих работах, а потом по личной просьбе поступил в лагерь крематория, где производил сжигание трупов заключенных. Имели место случаи, когда в крематории доставлялись живые заключенные, которых ОПЕКУНСКИЙ убивал, а затем сжигал.

Из показаний арестованных установлено, что в Штуттгофском лагере путем применения газовых камер, прививки сыпного тифа и других инфекционных болезней, также от голода ежедневно уничтожалось до 1000 человек советских граждан и граждан других государств.

За последние 6 недель только от тифа умерло 16 000 заключенных.

В период с февраля по апрель месяц с[его] г[ода], в связи с наступлением Красной Армии, Штуттгофский концлагерь был эвакуирован вглубь Германии.

При эвакуации лагеря органами гестапо была создана и оставлена в лагере группа заключенных из числа лагерной администрации в количестве 129 человек, которой было дано задание — уничтожить все следы зверств, производившихся немцами в лагере, и при занятии последнего Красной Армией вести пропаганду о якобы хороших условиях [...]** жизни в лагере.

Арестованные нами лица входили в состав указанной группы.

Группой был взорван крематорий, сожжено 10 бараков, в которых содержались евреи, и проведена полная уборка территории лагеря, которая потом была заселена эвакуированным гражданским населением.

Следствие продолжается.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 97–98. Подлинник. Машинопись.

---

* Датируется по содержанию документа.

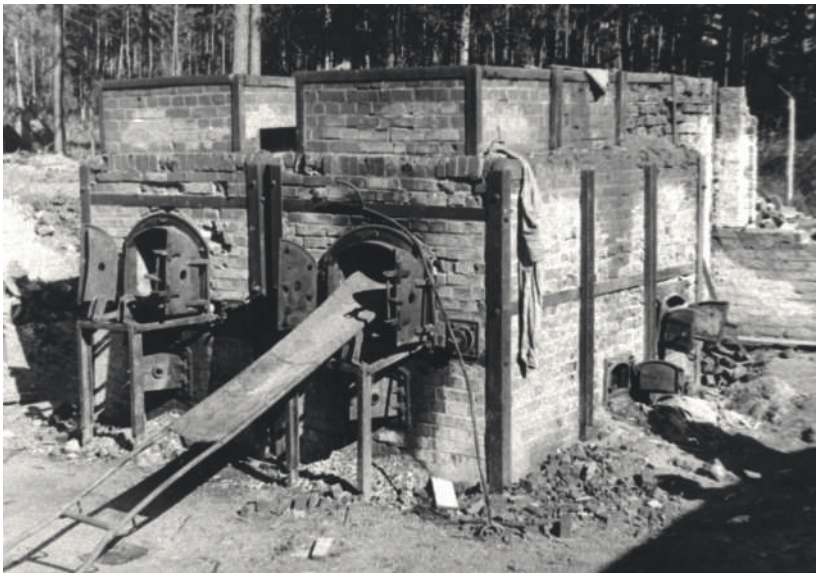
** Неразборчиво.

128. Советская комиссия изучает принцип функционирования крематориев, концентрационный лагерь «Штуттгоф»

Май 1945 г.

129. Крематорий, концентрационный лагерь «Штуттгоф»

Май 1945 г.



128–129. Фотокопии из Музея концлагеря Штуттгоф (п. Штутово, Эльблонгское воеводство, Польша).

130. Из протокола допроса Отто Кнотта (Otto Knott), бывшего дезинфектора и санитара концентрационного лагеря «Штуттгоф»

9 декабря 1961 г.

Берлин, 09.12.1961
Протокол допроса
По вызову в помещение полицейского президиума является
Отто Кнотт [...]

«В течение 1940 года я был зачислен в персонал исправительно-трудового лагеря, позднее концлагеря «Данциг-Штуттгоф», где поначалу должен был нести караульную службу, а позднее работал дезинфектором и санитаром.

В рамках этой деятельности я должен был принимать участие в умерщвлении заключенных (евреев) газом. По этой причине земельный суд Бохума приговорил меня к 3 годам и 3 месяцам каторжной тюрьмы. Среди обвиняемых был бывший командир лагеря, оберштурмбанфюрер СС Пауль Вернер Хоппе [Paul Werner Hoppe], которого приговорили к 9 годам каторжной тюрьмы.

В Данциге-Штуттгофе я оставался до декабря 1944 года. Под конец года мне дали отпуск на Рождество, а в середине января 1945 года я должен был приступить к службе в другом трудовом лагере в Кёнигсберге. Когда я туда прибыл (в середине января 1945 года), лагерь находился в процессе ликвидации. Размещенных там заключенных уже увезли. Якобы их перевели в Штуттгоф. Это были евреи. Были ли это женщины или мужчины, я не знаю. Мне указывают на то, что в суде в Бохуме я дал показания о том, что в лагере были еврейки. Вполне может быть и так, но больше точно не знаю, так как сам уже не видел заключенных лагеря и слышал об этом только по разговорам.

Насколько мне известно, заключенные были размещены на территории завода, куда прибыл и я. Но там застал только сторожа, от которого узнал о том, что лагерь распущен. Персонал лагеря и его коменданта я больше не встречал. Фамилии сторожа уже не могу назвать. После этого я хотел снова вернуться в лагерь в Штуттгофе, но по пути в Пиллау был задержан полицией и определен к полицейскому батальону Шлегель. Это была сборная солянка из разных людей, которая состояла из сотрудников полиции, эсэсовцев и солдат вермахта. Нас привлекали на рытье позиций и к несению караульной службы. Вот в этой части я и дождался конца войны. При защите Кёнигсберга 9 апреля 1945 года я попал в русский плен.

Когда меня спрашивают, что я могу сказать о последнем коменданте Кёнигсберга, вспоминаю некоего бывшего руководителя СС или полиции по фамилии Бёме [Böhme]. Тогда часто звучала эта фамилия. Бёме, должно быть, занимал руководящую должность в Кёнигсберге, если не сказать, что он вообще сам был комендантом крепости. Фамилия Горниг [Gornig] мне неизвестна.

17 апреля 1950 года я освободился из русского плена. С того времени проживаю в Западном Берлине. По профессии теперь машиностроитель, работаю на машинной фабрике.

Мне ничего неизвестно о том, что в конце января 1945 года колонну заключенных вели пешком из Кёнигсберга в Пальмникен. Я также не могу сказать, в каком лагере Кёнигсберга были размещены эти заключенные.

Из того лагеря, который по моем прибытии в Кёнигсберг уже был распущен, те заключенные, которых привели в Пальмникен, вряд ли могли быть. Как я ранее сказал, этот лагерь по моем прибытии в середине января 1945 года был уже свободен от заключенных. Точную дату моего прибытия в Кёнигсберг я, правда, не могу сказать

с большой достоверностью, но думаю, что это было примерно 15 января 1945 года. Как раз в то время русские войска быстрым продвижением вперед перерезали железнодорожное сообщение между Эльбингом и Кёнигсбергом. О конвойном персонале колонны заключенных в Пальмникен я также ничего не могу сказать. Названные мне фамилии гауптштурмфюрера СС Вебера [Weber], оберштурмфюрера СС Шэфера [Schäfer] и фюрера СС Розенштока [Rosenstock] или Розенбаума [Rosenbaum] мне незнакомы. Сам я никогда не был в Пальмникене. О том, что там заключенных загнали в Балтийское море и расстреляли на берегу, слышу сейчас впервые.

Хотя в начале допроса я говорил о том, что с 1940 по 1944 год работал дезинфектором и санитаром в концлагере «Данциг-Штуттгоф», это не совсем полные показания. Примерно с августа–сентября 1942 до апреля 1943 года я находился в санчасти Ваффен-СС в Люблине. Под Рождество 1942 года заболел сыпным тифом, так что не мог нести службу. В период моего откомандирования в Люблин был санитаром в женском лагере. Мне известно, что в Люблине также осуществляли умерщвления газом, однако во время моего пребывания там ничего в этом отношении не происходило. Я заверяю, что в Люблине в такого рода мероприятиях участия не принимал.

В ответ на вопрос сообщаю, что никогда не был по службе в Эстонии. Лагерь «Куремяэ» мне совершенно неизвестен. Мне непонятно, как в этом лагере мог служить некий санитар по фамилии Кнотт [Knott] или Кнот [Knoth]. И мой брат Вилли Кнотт [Willi Knott], который сейчас живет в Леверкузене, Бисмаркштрассе, не может в этом подозреваться, так как в то время он постоянно находился в Штуттгофе. Я точно знаю, что моего брата даже на короткий срок не направляли на восточный фронт из Штуттгофа.

Больше по этому вопросу добавить не могу. О марше смерти евреев в Пальмникен ничего не знаю, и слышал об этом сегодня в первый раз. Я понимал в полной мере смысл допроса. Мои показания были в моем присутствии вслух продиктованы и сформулированы правильно.

После прочтения подтверждаю правильность моих показаний своей подписью.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 6. Микрофиша 1. Машинопись.

131. Заключенные концентрационного лагеря «Штуттгоф»

1939–1944 гг.

Фотокопии из Музея концлагеря Штуттгоф (п. Штутово, Эльблонгское воеводство, Польша).

132. Из протокола допроса бывшего унтершарфюрера СС Отто Кнотта (Otto Knott) по делу о массовом расстреле гражданских лиц в Пальмникене в январе 1945 г.

19 января 1965 г.

Лист дела 1957
Прокуратура Киль

Берлин, 19.01.1965

По повестке является Отто Кнотт [...]
Обвиняемый поясняет:

В начале сегодняшнего допроса мне объявили, что меня будут допрашивать по обвинению в убийстве евреев в Пальмникене. По этому делу меня уже однажды допрашивали. При этом я дал частично неверные показания. Я хочу, чтобы меня, наконец, оставили в покое. Также для себя решил, что сегодня ничего не буду говорить об этом. Однако я хорошо обдумал все это. Хочу теперь описать все так, как было. Но прошу учесть, что мне пришлось многое пережить. Да и память моя уже не самая лучшая. Должностные лица, которые меня допрашивают, сказали, что я должен говорить здесь только то, что действительно знаю.

В конце 1944 года меня назначили санитаром и дезинфектором в концлагере «Штуттгоф». На Рождество 1944 года у меня был отпуск. По его окончании я получил приказ прибыть в Кёнигсберг в тамошний трудовой лагерь. Мне надлежало нести службу санитаром. В тот момент я носил звание унтершарфюрера. В Кёнигсберг прибыл где-то 20.01.1945. Точно сейчас уже не могу назвать дату. День моей свадьбы — 18 января. Я совершенно точно помню, что этот день в 1945 году провел еще дома в Данциге. В Кёнигсберге я доложил о прибытии тогдашнему обершарфюреру Фрицу Веберу [Fritz Weber]. Он был руководителем организованного там трудового отряда. Когда я его разыскал, он сразу же во время нашей встречи разъяснил, что лагерь скоро будет распущен и что мне по этой причине вообще не надо было приезжать. Вспоминаю, что трудовой отряд, которым руководил Фриц Вебер, состоял преимущественно из мужчин-евреев. Для их охраны было где-то 10 человек. Это уже не были действующие эсэсовцы. Знаю, что у них на униформе был какой-то особый знак отличия. Фамилий этих охранников при всем желании назвать не могу. Да и не разговаривал с ними почти. А Фрица Вебера я знал еще по Штуттгофу.

Рабочие-евреи мужского пола были размещены в отдельном лагере. Рядом располагалось более крупное фабричное здание. Когда я приехал в Кёнигсберг, в этом здании уже находились еврейки. Потом постоянно прибывали и прибывали новые. Это я так сейчас вспоминаю. Еще помню, что ожидались транспорты с еврейками. Должностные лица, которые меня допрашивают, спросили, откуда прибыли эти еврейки. Могу только частично ответить на этот вопрос. В Кёнигсберге я вновь встретился с обершарфюрером Йоханом Майером [Johann Meyer]. Майер где-то 1915 года рождения, родом из Баварии. Я его знал по главному лагерю «Штуттгофа». Если я ничего не путаю, этот самый обершарфюрер Йохан Майер был в Хайлигенбайле с неким трудовым отрядом [...]. Он был в штабе комендатуры Штуттгофа. У меня такое чувство, что Майер до этого служил в концлагере «Дахау». Насколько я знаю, у Майера, который ведь и был руководителем внешнего отряда в Хайлигенбайле, не было под руко-

водством больше эсэсовцев, а только люди из ОТ. В Кёнигсберге я видел одного из руководителей ОТ. Этот руководитель в самом начале марша в Пальмникен скрылся. Он удрал на санях, груженных провиантом. Этот руководитель ОТ, следовательно, не участвовал в марше в Пальмникен. Я хочу сказать, что этот руководитель ОТ, фамилии которого я не знаю, был частью отряда Майера.

Должностные лица, которые меня допрашивают, спрашивают, встречал ли я в Кёнигсберге надзирательниц из СС. Мне так кажется, что я видел одну или двух надзирательниц. Но сейчас не могу сказать точно. В этой связи должностные лица, которые меня допрашивают, называют мне имя Эрна Нойман [Erna Neumann]. Кажется, я где-то слышал эту фамилию. Также названы фамилии Шток [Stock], Ганс Глюк [Hans Glück] или Глюкман [Glückmann] и Шэфер [Schäfer]. Должностные лица, которые меня допрашивают, пояснили, что эти лица — члены СС, которые были среди организаторов принудительного труда евреек в районе Кёнигсберга. Мне ничего не говорят эти фамилии. Далее мне огласили фамилию Кауфельдт [Kauffeldt]. Как мне сказали, это унтершарфюрер СС, который якобы был на марше из Кёнигсберга в Пальмникен. Мне ни о чем не говорит эта фамилия.

В Кёнигсберге я был максимум 2–3 дня. Потом мы отправились в путь. Фриц Вебер сразу же по прибытии рассказал мне коротко, что евреев на трех или четырех баржах должны были отправить в Штуттгоф. Но потом эти планы расстроились. Потом Фриц Вебер сообщил, что весь лагерь с евреями должен быть распущен и что всех евреев надо привести в Пальмникен. Я так думаю, что Вебер рассказал мне все это еще перед выходом, в самом лагере. Приказы для таких действий он получил от гестапо. Это он мне сам сказал. Вот только не могу вспомнить, кто давал приказы на роспуск лагеря и марш в Пальмникен — гестапо Кёнигсберга или гестапо Пиллау. Вспоминаю, что по этому вопросу Вебер часто созванивался по телефону. Также в лагерь приезжали люди из гестапо. Их фамилий я не знаю. Они были в униформе. Сейчас не могу точно сказать, были ли это унтер-офицеры или офицеры.

Теперь меня просят описать путь из Кёнигсберга [...] Это была гигантская колонна. По моему мнению, Вебер был руководителем колонны. Помню, как на марше в Пальмникен Вебер иногда останавливался, чтобы часть колонны прошла мимо него. Он это делал, чтобы присмотреть за порядком. А большей частью держался в голове колонны.

И Майер тоже останавливался иногда, чтобы часть колонны прошла мимо него, чтобы посмотреть, не случилось ли чего. Уже на марше через Кёнигсберг были первые погибшие. Кто из евреев падал и не мог идти дальше, того сразу расстреливали. Среди конвойных помимо 10 эсэсовцев из Кёнигсберга было много людей из ОТ. Среди них были и немцы. Но главным образом — иностранцы. Совершенно точно знаю, что среди них было много валлонов и фламандцев. Об украинцах у меня нет воспоминаний. В этом месте хочу еще раз подчеркнуть, что руководитель ОТ до начала движения колонны скрылся. Он остался в Кёнигсберге и сказал, что догонит нас. У него были сани с провиантом, и он знал, что мы должны идти в Пальмникен. Однако фактически он не нагнал нас. Какова была численность конвоя, точно сказать не могу. Знаю, что конвойные были, в основном, вооружены карабинами.

Меня спрашивают, был ли какой-нибудь разговор между Вебером и сотрудником гестапо в Кёнигсберге. По этому вопросу ничего сказать не могу. Может, и был. Ничего такого не заметил. Я ведь постоянно ехал на своих санях в конце колонны.

На пути из Кёнигсберга в Пальмникен мы пару раз останавливались на отдых. Меня спрашивают, заметил ли я на марше из Кёнигсберга в Пальмникен других эсэсовцев. Нет, не заметил. Мне сказали, что во время марша из Кёнигсберга в Пальмникен якобы подъезжал автомобиль с несколькими эсэсовцами. Мне об этом ничего неизвестно.

Также и на пути в Пальмникен беспрерывно расстреливали евреев, которые не могли идти дальше. Я ведь постоянно проезжал мимо этих трупов на своих санях. Сколько евреев было расстреляно на пути в Пальмникен, сказать не могу. Была вьюга. Да и стемнело быстро. В Пальмникен мы прибыли в самую ночь. И по этим причинам я не могу оценить количество жертв на марше до Пальмникена. Когда должностные лица, которые меня допрашивают, спросили меня об их числе, я сначала думал, что, может быть, на пути в Пальмникен было расстреляно 20–30 человек. Но потом мне разъяснили, что по состоянию расследования на сегодняшний день – это число намного больше. После этого я стал сомневаться. Не могу даже приблизительно назвать его. Могу только сказать, что на пути из Кёнигсберга в Пальмникен чуть ли не каждую секунду стреляли. Меня спросили, были ли среди жертв на марше до Пальмникена мужчины-евреи. Да, я могу это подтвердить. На пути из Кёнигсберга в Пальмникен я видел трупы мужчин. Здесь меня неправильно поняли. Я, конечно, видел среди марширующих евреев также и мужчин, а именно тех, из лагеря в Кёнигсберге. Трупов мужчин на марше я не видел. Я видел только трупы женщин.

В ответ на дополнительный расспрос:

Я не видел, стреляли ли на пути в Пальмникен Фриц Вебер и Йохан Майер. На этом месте еще раз хочу подчеркнуть, что со своими санями находился в конце колонны. Во время марша оставался со своими санями постоянно в конце колонны.

Меня спросили, действовал ли в хвосте колонны особый расстрельный отряд. Нет, это не соответствует действительности. В хвосте колонны, то есть перед моими санями, шел один или двое конвойных. Но они не были каким-то особым расстрельным отрядом.

Меня спросили, ходил ли я во время марша к Фрицу Веберу и сообщал ли ему о расстрелах. Сначала я должен заявить следующее:

Фриц Вебер не мог не знать об этих расстрелах. Звуки выстрелов он, по крайней мере, точно слышал. Поэтому мне не требовалось информировать его о расстрелах. Однако я помню, что разговаривал с Вебером об этом. С Вебером мы виделись во время остановок в пути. При этом я рассказал ему, что очень много людей расстреляли. Вебер принял это к сведению. В разговоре со мной он выразился по смыслу следующим образом: «А что мне делать с этой оравой?»

У меня было такое впечатление, что расстрелы тревожили его.

Вопрос:

Вебер на марше из Кёнигсберга в Пальмникен когда-нибудь отдавал приказ прекратить расстрелы евреев?

Ответ:

Мне об этом ничего неизвестно.

Вопрос:

Были ли стычки между Вебером и какими-нибудь другими эсэсовцами из-за этих расстрелов на марше из Кёнигсберга в Пальмникен?

Ответ:

Еще когда мы двигались через Кёнигсберг и уже начали расстреливать заключенных, Вебер выбранил одного из стрелков. Я не слышал самого разговора, а только видел жесты, которые исходили от Вебера. Как я и сказал, это было в тот момент времени, когда мы еще шли по Кёнигсбергу. До сих пор отчетливо помню, что жители Кёнигсберга нелестно отзывались об этих расстрелах.

В ответ на дополнительный вопрос:

Полагаю, что на пути из Кёнигсберга в Пальмникен мы останавливались на отдых 3 или 4 раза. Но точно не могу сказать об этом. Была ночь, когда мы, наконец, достигли Пальмникена.

Примечание:

Допрос начался в 9:00 утра. Он длился сначала до 12:15. С 10:00 до 10:15 была сделана пауза.

Теперь допрос продолжается в 14:00:

Обвиняемый поясняет:

На фабрику в Пальмникене я прибыл самым последним, потому что ехал на санях позади колонны. Не знаю, кто там позаботился о размещении на янтарном комбинате и что там по этому поводу обсуждали. Как я помню, мы были в Пальмникене 3 или 4 дня. Меня разместили в каком-то кабинете вместе с другими немцами. Были ли в этом же кабинете Вебер с Майером, точно не могу сказать. В Пальмникене Вебер рассказал мне, что евреев должны уничтожить в штольне янтарного комбината. По его словам, евреев хотели завести в эту штольню, а потом взорвать ее. Но план, однако, не мог быть осуществлен, потому что вход в штольню был засыпан.

Вопрос:

Вас Вебер поставил в известность о том, что евреев должны расстрелять на берегу?

Ответ:

Я узнал об этом. По-моему, от Вебера.

Вопрос:

Пожалуйста, расскажите об этом более подробно.

Ответ:

Я могу рассказать только то, что я видел, как конвойные получили пулеметы, автоматы и ручные гранаты. Я не видел, как раздавали это оружие. Я просто обнаружил, что конвой вооружен этим оружием.

Вопрос:

Откуда поступило это оружие?

Ответ:

Оно должно было поступить из гестапо.

Вопрос:

Что дает Вам основание для такого предположения?

Ответ:

Потому что Вебер постоянно был на связи с гестапо.

Вопрос:

Что Вы знаете о связи между Вебером и гестапо во время пребывания в Пальмникене?

Ответ:

Я не видел, чтобы Вебер во время нашего пребывания в Пальмникене разговаривал с людьми из гестапо. Я также не могу сказать, что Вебер в то время разговаривал по телефону с гестапо. Но Вебер мне сам рассказал, что часто обсуждал в гестапо уничтожение евреев.

Однажды я видел одного или двух гестаповцев на территории комбината. Что они там хотели, я не знаю. Однако я предположил, что они были там, чтобы поговорить с Вебером.

Вопрос:

Когда вам стало понятно, что евреев должны расстрелять?

Ответ:

После того как конвойная команда была вооружена автоматами, пулеметами и ручными гранатами. Я уже ранее пояснил, что, по моему мнению, Вебер сказал, что евреев должны расстрелять на побережье.

Вопрос:

А у Вебера тоже был после этого автомат?

Ответ:

Нет. Насколько я могу вспомнить, у него был только пистолет.

Вопрос:

Стал ли в тот момент Майер носить автомат?

Ответ:

Нет, тоже нет.

В ответ на дополнительный вопрос:

Мне известно, что Вебер как-то разыскивал бургомистра Пальмникена. Я полагаю, что он искал его из-за провианта. Но определенно не могу это утверждать.

Вопрос:

Кто отвечал за евреев в Пальмникене?

Ответ:

Я думаю, что Вебер.

Однажды вечером мы отправились маршем из янтарного комбината. Снова выстроилась длинная колонна. Впереди шли еврейки. Потом шли евреи-мужчины. В конце колонны было 3–4 саней. Я уже не так хорошо помню, как мы готовились к отправке в путь. Я должен был позаботиться о санях. На санях находились больные евреи. Это были преимущественно женщины. На каждых санях было примерно 7–8 евреев. Конвойных на этих санях совсем не было. Я управлял одними из саней. Другими также управляли эсэсовцы. Мы шли по берегу всей колонной. Хорошо помню, что там был достаточно крутой спуск вниз. Когда мы оказались на санях внизу на берегу, колонна уже ушла достаточно далеко вперед. Было темно. Когда мы оказались внизу на берегу, я уже не мог видеть конец колонны, но голоса еще были слышны. Мы проехали часть пути потом по берегу на санях. Но там было очень трудно продвигаться вперед. Кони просто не тянули. Потом кто-то из кучеров на санях предложил повернуть обратно и выйти на дорогу в Пиллау. Я на это согласился. Тогда мы повернули, проехали по берегу обратно до того места, где спустились ранее. Там снова поехали вверх по склону и потом пустились в путь в направлении Пиллау. Мне было, конечно, ясно, что из-за этого евреи, которые сидели на санях, не будут расстреляны на побережье, как было предусмотрено. У меня было намерение привезти больных евреев через Пиллау в Штуттгоф. В Пиллау нас остановил гестаповский патруль и спросил, куда нам нужно. Я пояснил, что мы хотим доставить евреев в Штуттгоф. В ответ было сказано, что это даже не обсуждается. Нам пришлось поехать в офис гестапо. Там было много начальников. Нас выбранили. И закончилось это все тем, что евреев, которые были на наших санях, доставили в тамошнюю гестаповскую тюрьму. Сначала мы в этом учреждении гестапо и остались. Потом нас отправили в какую-то казарму. Оттуда определили в полицейский батальон Шлегель. С этим полицейским батальоном я затем участвовал в боях.

Вопрос:

А что случилось с евреями, которые шли дальше по берегу в направлении Пиллау?

Ответ:

Насколько я знаю, этих евреев расстреляли. Другие мне рассказали, что русские прошлись по этому конвою. Ну и еще говорили, что евреев забрал к себе вермахт под свою ответственность.

Вопрос:

В Пиллау или позднее где-нибудь Вы снова встречались с Вебером, Майером или другими конвойными этой колонны?

Ответ:

Майера я снова встретил в Пиллау. На сто процентов в этом уверен. От Майера слышал в Пиллау, что Вебера откомандировали в Штуттгоф, только его одного.

Вопрос:

Господин Кнотт, обвиняемый Вебер пояснил, что в Пиллау его посадили в тюрьму. Вы что-нибудь знаете об этом?

Ответ:

Я припоминаю, что в Пиллау кого-то посадили в тюрьму. Но был ли это Вебер, не знаю. Да и почему случился арест, не знаю.

Я сейчас еще раз все обдумал. Под арест попал либо Майер, либо Вебер. Точно не могу сказать.

Вопрос:

Господин Кнотт, мы снова возвращаемся к разговору о приготовлениях к отправке в путь в Пальмникене. В этой связи при подготовке к выходу Вы видели на фабрике чужих людей из гестапо?

Ответ:

Может, и видел, а может, и нет, я просто сейчас не помню.

Вопрос:

Кто Вам сказал, что Вы должны ехать на санях?

Ответ:

Не помню, было ли у меня вообще такое поручение. Я и без него должен был заботиться о больных.

Вопрос:

Что случилось с евреями, которых в Пиллау доставили в гестаповскую тюрьму?

Ответ:

Я слышал от людей из гестапо, что этих больных евреев расстреляли. Кто расстрелял, не знаю.

Вопрос:

Господин Кнотт, я еще раз возвращаюсь к началу движения евреев из Кёнигсберга. Перед маршем, о котором Вы знали, что его пункт назначения Пальмникен, евреям раздали еду?

Ответ:

Точно не могу сказать. Думаю, что был только хлеб. В пути никакого провианта не раздавали. Полагаю, что во время одного из привалов доставляли воду.

Примечание:

Допрос был окончен в 16:00. Он должен быть продолжен в 13:00 завтра.

Берлин, 20.01.1965.

Допрос с предыдущего дня продолжается (13:00).

Обвиняемый Кнотт поясняет:

Меня снова спрашивают относительно приготовлений к выходу в путь из Пальмникена. Мне задан вопрос, были ли даны Вебером и какие указания относительно расстрела евреев на берегу. Могу по этому поводу сказать следующее:

Вебер дал распоряжение, чтобы мужчины шли за женщинами, так как мужчин должны были расстрелять первыми. Меня настойчиво еще раз спросили, действительно ли это было так, как я рассказываю. Да, так и было. Конечно, не знаю, получал ли он приказы и откуда для расстрела евреев на берегу. Но еще раз хочу повторить, что Вебер, прежде чем мы вышли в путь, отдал распоряжение, чтобы мужчины шли за женщинами. При этом он добавил, что так должно быть, потому что сначала должны расстрелять мужчин. Вебер мне поручил заботиться о больных. Их следовало везти на

санях. Я нагрузил 3 или 4, может быть, даже 5 саней больными евреями. Вебер сказал мне, что я должен ехать на санях за мужчинами. Поэтому мне было совершенно понятно, что при расстреле, который теперь предстоял, очередь до больных евреев, ехавших на санях, дойдет довольно скоро. Эти указания Вебер раздал во время обсуждения перед выходом из Пальмникена. Присутствовали при этом Йохан Майер и также другие эсэсовцы и люди из ОТ. Правда, теперь не могу сказать, где был этот разговор, на улице или в помещении.

Как Вебер приказал, так мы и вышли в путь [...]

Вопрос:

Пытался ли член конвойной команды, а именно кто-то из немцев-эсэсовцев, в Пальмникене отделиться от отряда?

Ответ:

Один из молодых эсэсовцев не прибыл в Пиллау. Где он остался, не знаю. Что-то конкретное не могу теперь сказать об этом.

Вопрос:

Господин Кнотт, в Кёнигсберге у Вебера был предшественник в его трудовом отряде. Вы его знаете?

Ответ:

Нет.

Допрашиваемому показывают показания:

Речь идет об обершарфюрере СС Бёме [Böhme]. Ну а сейчас Вы вспоминаете?

Ответ:

Я знаю одного обершарфюрера СС Бёма по Штуттгофу. Был ли этот Бём предшественником Вебера в его трудовом отряде в Кёнигсберге, не знаю.

Вопрос:

Кто был Вашим предшественником на посту санитара в трудовом лагере Кёнигсберг?

Ответ:

Не знаю. Когда я прибыл в Кёнигсберг, там не было никакого санитара.

Меня еще раз спрашивают об обершарфюрере Йоханне Майере. Этот обершарфюрер был где-то 1915 года рождения. Он был родом из Баварии и говорил на характерном баварском диалекте. Йохан Майер был в штабе комендатуры в концлагере «Штуттгоф». В лагере исполнял также обязанности блокфюрера. Йохан Майер говорил о том, что он был в Дахау. Но сейчас не могу вспомнить, имел ли он в виду концлагерь «Дахау» или соединение «Мертвая голова» в Дахау. Йохан Майер руководил отрядом, работавшим вне лагеря. С еврейками из этого отряда он прибыл затем в Кёнигсберг. Думаю, что речь шла о внешнем лагере «Хайлигенбайль». Но точно не могу сказать. Вполне возможно, что у него был отряд, который находился в другом месте.

Меня просят описать этого обершарфюрера Йохана Майера.

Майер ростом около 1,80 м, у него были темные волосы, худое лицо, здоровый цвет лица, стройный и внушительный солдатский облик. Я полагаю, что Майер был холост.

Вопрос:

Известен ли Вам некий унтершарфюрер СС Эрих Майзель [Erich Meisel] или Эрих Майслер [Erich Meissler]?

Ответ:

Мне кажется, что как будто где-то слышал эту фамилию.

Вопрос:

Господин Кнотт, этот унтерфюрер СС Эрих Майзель или Майслер, должно быть, был руководителем лагеря «Шиппенбайль». Можете Вы сказать что-нибудь по этому поводу?

Ответ:

Нет, не могу.

Вопрос:

Вам знаком гауптштурмфюрер Зонненшайн [Sonnenschein] и штурмбанфюрер Краузе [Krause]?

Ответ:

Оба мне неизвестны.

Вопрос:

Во время пребывания в Пальмникене на янтарном комбинате познакомились ли Вы с майором фольксштурма?

Ответ:

Нет.

Вопрос:

Этот майор фольксштурма был директором имений Файерабенд [Feyerabend]. Что-то припоминаете?

Ответ:

Нет.

Вопрос:

Господин Кнотт, у нас есть основания полагать, что Вебер разыскивал в Пальмникене или в окрестностях Пальмникена подходящее место для расстрела. Что Вы об этом знаете?

Ответ:

Мне об этом ничего неизвестно.

Вопрос:

Во время пребывания в Пальмникене Вы слышали речь Геббельса 30.01.1945?

Ответ:

Нет.

Вопрос:

Господин Кнотт, теперь мы еще раз поговорим о выходе из Кёнигсберга. Вы по этому поводу дали показания о том, что появились люди из гестапо, которые стреляли из автоматов в подвал фабричного здания, в котором были размещены еврейки. Что это были за гестаповцы? Были ли это офицеры или унтер-офицеры? Знаете ли Вы их имена? Можете Вы описать этих гестаповцев? Как Вебер себя вел при этом? Присутствовал ли он при этом? Были ли убиты еврейки при этой стрельбе из автоматов?

Ответ:

Было 2 человека из гестапо. Я так думаю, что был один офицер и один унтер-офицер СС, фамилии которых мне неизвестны. Я придерживаюсь мнения, что они оба были из гестапо Кёнигсберга. Не могу их описать, не смог бы их опознать также и на фотографии. Еврейки должны были выстроиться перед тем, как тронуться в путь. Мы еще посмотрели, действительно ли все вышли. Я видел своими глазами, что в этом подвале, в который стреляли оба человека из гестапо, лежало 7–10 мертвых евреек. Трупы так и остались там лежать. Вебер был в гневе от того, что сотворили эти гестаповцы. Он мне так и сказал об этом. Он сказал по смыслу следующее: «Это свинство, с еврейками поступили совершенно по-зверски. Куда теперь девать трупы?»

В ответ на вопрос:

Конечно, перед выходом в путь мы посмотрели, не спрятались ли где-нибудь еще евреи или еврейки. Это понятно. Но я, правда, уже не помню, отдавал ли Вебер по этому поводу какой-нибудь отдельный приказ.

Вопрос:

Перед выходом из Кёнигсберга расстреливались ли евреи, которые не могли идти?

Ответ:

Об этом я ничего не знаю.

Вопрос:

Господин Кнотт, Вы уже дали показания о том, что на пути через Кёнигсберг расстреливались заключенные. Это были мужчины или женщины?

Ответ:

Женщины.

Вопрос:

Сколько женщин могло быть расстреляно по пути через Кёнигсберг?

Ответ:

Может быть, две или три женщины. Не более. Я уже пояснял, что Вебер выбранил одного из стрелявших. И также сегодня я показал, что жители Кёнигсберга неодобрительно отнеслись к этим расстрелам.

Меня еще раз настойчиво спрашивают, действительно ли убитые заключенные в Кёнигсберге были женского пола. Да, так я помню [...]

Вопрос:

Господин Кнотт, Вы дали показания о том, что один руководитель ОТ остался в Кёнигсберге. Это верно?

Ответ:

Да, это правда. Я совершенно точно знаю, что этот руководитель ОТ не поехал вслед за нами. В конце концов, он бы обязательно проехал мимо меня.

Вопрос:

Вы можете описать руководителя ОТ?

Ответ:

Тогда руководителю ОТ было около 45–50 лет, он был довольно приземистым, примерно 1,75 м ростом и блондин. В остальном, ничего особого в его облике мне в глаза не бросилось. Допрашивающие чиновники сообщили мне, что этот руководитель ОТ должен был носить золотой знак партийного отличия. Я не помню этого. [...]

Вопрос:

Сам Вебер на марше из Кёнигсберга в Пальмникен расстреливал евреев?

Ответ:

Я лично ничего не видел. Стрелял ли он сам или нет, не могу сказать. Я ведь всегда был позади в конце колонны.

Вопрос:

Было ли что-то особенное в поведении охранников, что Вам бросилось в глаза?

Ответ:

Они очень спешили, подгоняли заключенных. У меня было такое впечатление, что они боялись русских. Думаю, что они хотели быстрее уйти [...]

Примечание:

Протоколирование завершено в 15:35.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 5. Микрофиша 1. Машинопись.

133. Свидетельские показания Пнины (Поли) Кроних (Pnina (Pola) Kronisch) по делу о массовом расстреле гражданских лиц в Пальмникене в январе 1945 г.

4 октября 1961 г.

[...]
Герцлия. 11:00. 04.10.[19]61

Свидетель Кроних Пнина изъявила [желание] дать свидетельские показания на русском языке, польским и немецким языками владеет очень слабо [...]

В городе Кёнигсберге собрали евреев из многих лагерей, продержали там в каком-то подвальном помещении около недели времени и потом повели в Пальмникен. В этой группе находились евреи из Польши, Литвы, Латвии и Франции. В Кёнигсберге евреи были под сильной охраной войск СС, в состав которых входили немцы, белорусы, украинцы и литовцы. Ночью, точного числа не помню, был издан немцами приказ, чтобы все евреи стали в колонну по пять человек в ряд и в течение короткого времени всех погнали к выходу из гор. Кёнигсберга. В дороге, насколько мне припоминается, мы были около недели времени, сколько мне припоминается, расстояние от Кёнигсберга до Пальмникена, куда нас пригнали, было больше 50 км. Могу подтвердить, что вся дорога от Кёнигсберга до Пальмникена была усеяна трупами расстрелянных. По дороге нашли смерть несколько тысяч евреев. В гор. Пальмникен всю группу евреев повели прямо к морю, охрана ехала на санках, которые везли оружие, другие же охранники, вооруженные винтовками, шли рядом с колонной. К морю всю колонну евреев привели ночью и тогда начался расстрел евреев. Расстрел происходил следующим образом. Хвост колонны, т[о] е[сть], конец колонны, все время уменьшался, ибо охрана отбирала от конца колонны евреев, их подводили к берегу моря, ложили группами на самом берегу, а берег был крутой, примерно около ½ метра выше уровня моря, головы назначенных к расстрелу евреев были уже за крутой возвышенностью, т[о] е[сть] висели над морем. В таком положении немцы и другие участники охраны расстреливали евреев, потом пинком бросали убитых евреев в море. Поскольку берег моря был покрыт льдом, убийцы прикладами винтовок затолкали жертвы в ледяную воду, где они утопали. Поскольку я с сестрой Сарой находились в голове колонны, очередь нашего расстрела была последняя. Меня вместе с сестрой также положили на берегу моря, однако, выстрелом, который был направлен в меня, я не была замертво убита, а только ранена в левую ногу, лицо же было все в крови от рядом со мной лежащих убитых евреев. В это время была убита моя сестра Сара. Я, не дождавшись, чтобы немцы затолкнули меня в море, сама бросилась и осталась лежать на краю льдины, которая была уже охвачена водою и обмывалась волнами моря. Немцы подумали, что я мертва, и, поскольку, к моему счастью, я была одна из последних по очереди для убийства, немцы сели в сани и уехали. Перед утром я выползла из моря и спряталась в складе угля одного немецкого крестьянина, который проживал недалеко от места происшествия. Спустя день я была освобождена Советской Армией, которая заняла район Пальмникен, и я была направлена в госпиталь для лечения, однако спустя 2 дня немцы опять заняли этот район, и бои там происходили в течение примерно 3 месяцев.

Из немецких офицеров СС, которые руководили отправкой евреев из Кёнигсберга в Пальмникен и расстрелом и утоплением евреев в море, я в настоящее время никого припомнить не могу, за исключением одного офицера СС по имени Ганс (Hans), который был одним из руководителей охраны еврейской колонны во время марша

и активным участником расстрела евреев около моря. Личное описание Ганса: в то время примерно 30 лет, высокий, блондин, худой, красиво построенное тело, красивое лицо, ходил в зеленом военном обмундировании СС. Он находился вместе с одной женщиной-эсэсовкой, которая также ходила в зеленом военном обмундировании СС, и она участвовала, как и вышеупомянутый Ганс, при расстреле евреев. Фамилию этой эсэсовки я не помню, однако, в то время она была свыше 30 лет, высокого роста, блондинка, среднего телосложения, нижняя губа была опущена. Эта эсэсовка вместе с вышеупомянутым Гансом еще находилась в лагере «Хайлигенбайль», и они убивали евреев в этом лагере [...].

ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 3. Микрофиша 1. Машинопись.

134. Отчет Особой комиссии о допросе Курта Фридрикса (Kurt Friedrichs), бывшего бургомистра Пальмникена, по делу о массовом расстреле гражданских лиц в январе 1945 г.

17 октября 1960 г.

Особая комиссия Z
Ганновер, 17.10.1960
Отчет
Бывший бургомистр Пальмникена (Восточная Пруссия),
Курт Фридрикс,
78 лет,
проживает в Винзене (Луэ), Банхофштр[ассе], 16

был опрошен по делу о расстреле еврейских заключенных. Ему известно, что из Кёнигсберга в Пальмникен прибыл большой конвой заключенных. По его мнению, это было в конце января 1945 года. Фридрикс заявляет, что он не имел никаких дел с лагерем. Он не знает ни руководства лагеря, ни охранного персонала. Он припоминает, что руководство лагеря подчинялось правительственному советнику из Кёнигсберга, который, однако, взял на себя управление лагерем совсем незадолго до прихода русских. Этот правительственный советник бежал из Кёнигсберга, когда русские приблизились к городу. Был ли он директором тюрьмы в Кёнигсберге, Фридрикс не знает. Он не может теперь вспомнить фамилии. По слухам он узнал, что правительственный советник застрелил жену, ребенка и застрелился сам, когда в Пальмникен вошли русские.

Фридрикс говорит, что ему известно, что в пути из Кёнигсберга в Пальмникен в конвое погибло много евреев, но он не может с определенностью сказать, были ли они в пути убиты конвойными или умерли вследствие погодных условий (много снега, мороз). По его мнению, многие из погибших не вынесли суровых погодных условий и тягот пути из-за плохого питания и плохой одежды.

Фамилии Янц (Janz), Функ (Funk) и Шток (Stock) в связи с лагерем или руководством лагеря ему ничего не говорят.

Хотя Фридрикс оставался до 15.04.1945 в Пальмникене, он не желает сообщать никаких сведений о лагере, в особенности о расстрелах.

Перевод документа: ГАКО. Ф. Н-55. Оп. 4. Д. 1. Микрофиша 1. Машинопись.

135. Протокол допроса жителя Пальмникена Хорста Харделя, члена нацистской молодежной организации юнгфольк

3 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

3 июня 1945 г, я* допросил: —

ХАРДЕЛЬ Хорота**, 1930 года рождения, урож[енец] и житель г. Пальмникена Земландского района Кёнигсбергского округа, из рабочих, немец, подданный Германии, образование 8 кл[ассов], не судим. Проживает в Пальмникен, Линденштрассе № 51.

Допрос произведен через переводчика военной комендатуры м. Пальмникен ЗАХАРЕНКО Парасковьи Кондратьевны, которая об ответственности за неправильный перевод показаний предупреждена по ст. 95 УК РСФСР.

ВОПРОС: Где Вы были, когда в Пальмникене производились массовые расстрелы заключенных советских граждан?

ОТВЕТ: Во время проводившихся в Пальмникене расстрелов заключенных, я работал учеником писаря при местной управе. Как проводились эти расстрелы, я не знаю. Об этом знаю только по рассказам жителей местечка.

ВОПРОС: Были ли спасшиеся от расстрела?

ОТВЕТ: Спасшиеся от расстрела были.

ВОПРОС: Розыск лиц, бежавших из-под расстрела, проводился?

ОТВЕТ: Розыск таких лиц проводился.

ВОПРОС: Кем проводился розыск лиц, бежавших из-под расстрела?

ОТВЕТ: Розыском лиц, бежавших из-под расстрела, проводился местной управой и руководил этим сам бургомистр ФРИДРИХС Курт[3]*. Во время проведения розыска лиц, бежавших из-под расстрела, в распоряжении местной управы имелась вооруженная группа членов местной организации «гитлерюгенд», которая проводила облавы и проческу леса, где скрывались лица, спасшиеся от расстрела. Гитлерюгендовцы всех задержанных доставляли в местную управу, откуда их затем выводили за местечко к противотанковому рву и там расстреливали. Кроме гитлерюгендовцев входили еще и несколько человек членов организации «гитлерюгендфольк». Лично я сам являюсь гитлерюгендфольковцем и вместе с другими юношами принимал участие в задержании лиц, бежавших из-под расстрела.

ВОПРОС: Назовите всех лиц, участвовавших в розыске лиц, бежавших из-под расстрела?

ОТВЕТ: Из гитлерюгендовцев и гитлерюгендфольковцев, занимавшихся розыском и задержанием лиц, бежавших из-под расстрелов, я знаю следующих:

1. БОЛЬГЁН Ганц, урож[енец] и житель м. Пальмникен, в марте 1945 г. поступил добровольцем в германскую армию.
   ПРИМЕТЫ: лет 17–18, высокий, полный, волосы черные, лицо продолговатое.
2. ГУДАУ Хейнц, житель м. Пальмникен, где находится в настоящее время не знаю.
   ПРИМЕТЫ: лет 17, низкий, полный, волосы темно-русые, лицо круглое.
3. ШРЕЙДЕР Бруно, житель м. Пальмникен. Перед приходом Советских войск поступил добровольцем в германскую армию.
   ПРИМЕТЫ: лет 17–18, низкий, тонкий, волосы темно-русые, лицо продолговатое.
4. ГЕЙЛЬ Ексгард, житель м. Пальмникен, где находится в настоящее время не знаю.

ПРИМЕТЫ: лет 17, высокий, тонкий, волосы черные, лицо продолговатое.

5. ФИШЕР Герберт, житель м. Пальмникен. Последнее время служил в германской армии, где находится в настоящее время не знаю. Лет 17–18, среднего роста, тонкий, волосы черные, лицо продолговатое.
6. ЛИЛИЕНТАЛЬ Георг, житель м. Пальмникен. В настоящее время проживает дома, здесь, в местечке. Лет 17, среднего роста, полный, волосы темно-русые, лицо продолговатое.
7. ВЕССЕЛЬ Гельмут, житель м. Пальмникен. Где находится в настоящее время не знаю. Лет 17–18, низкий, худощавый, волосы темно-русые, лицо продолговатое.
8. ВЕССЕЛЬ Герхард, житель м. Пальмникен. Последнее время служил в германской армии, где находится в настоящее время не знаю. Лет 17–18, низкий, худощавый, волосы темно-русые, лицо круглое.
9. ШВАРЦКОПФ Курт, житель м. Пальмникен. Перед приходом Советских войск служил в германской армии, где находится в настоящее время — не знаю. Лет 17–18, высокий, полный, волосы черные, лицо круглое.
10. ШВАРЦКОПФ Альфред, житель м. Пальмникен, последнее время находился в германской армии. Лет 17–18, среднего роста, тонкий, волосы темно-русые, лицо круглое.
11. ВЕНДЛЕР Ивальд, житель д. Зоргенау Земландского района. Последнее время находился в германской армии. Где находится в настоящее время не знаю. Лет 17–18, высокий, полный, волосы светло-русые, лицо круглое.

ВОПРОС: Расскажите о своем участии в розыске и задержании лиц, бежавших из-под расстрела?

ОТВЕТ: Через два дня после массового расстрела эсэсовцами заключенных, я, вместе с гитлерюгендовцем БОЛЬГЁН Ганцем, производя поиски разбежавшихся заключенных, в лесу на берегу моря за местечком задержал двух женщин-евреек, которых мы привели и сдали бургомистру, а впоследствии они были расстреляны.

В тот же день, только после обеда, я и БОЛЬГЁН Ганц, задержали еще двух мужчин, тоже евреев, которых так же сдали в управу.

Через день после этого по приказанию бургомистра ФРИДРИХС Курта я привел в местную управу 3-х женщин-евреек, которые тоже были из числа бежавших из-под расстрела и скрывались в здании школы. Все эти три женщины были ранены и укрывались в школе, но их там кто-то увидел и донес бургомистру. Эти женщины в управе были посажены в подвал и, полагаю, что впоследствии тоже были расстреляны.

ВОПРОС: АУКШЕНЬ[4]* Антона Вы знаете?

ОТВЕТ: АУКШЕНЬ Антона я знаю, он является жителем нашего местечка, до прихода Советских войск работал на янтарном заводе кузнецом, а в дни массовых расстрелов заключенных исполнял еще обязанности помощника полицейского.

ВОПРОС: Что Вам известно об АУКШЕНЬ Антоне?

ОТВЕТ: АУКШЕНЬ Антон, будучи помощником полицейского, как и я, лично тоже занимался розыском и задержанием лиц, бежавших из-под расстрела.

Однажды я сам видел, как Антон АУКШЕНЬ доставил в управу двух женщин-евреек, которые тоже были посажены в подвал и впоследствии расстреляны. Когда АУКШЕНЬ Антоном были доставлены в управу указанные задержанные, я находился как раз в управе.

АУКШЕНЬ Антон является одним из активных участников розыска и задержания заключенных евреев, скрывавшихся в лесах после побега из-под расстрела. В отдельных случаях он сам лично расстреливал таких лиц непосредственно на месте задержания.

Я был свидетелем одного разговора бургомистра ФРИДРИХС Курта с каким-то офицером войск «СС» по еврейскому вопросу. При этом разговоре ФРИДРИХС Курт офицеру говорил, что по задержанию лиц, разбежавшихся во время расстрела по лесам, особенно хорошо работает АУКШЕНЬ Антон, который таких лиц сам расстреливает на месте задержания.

ВОПРОС: Кто руководил расстрелами задержанных?

ОТВЕТ: После массовых расстрелов заключенных и отъезда команды «СС», которая проводила эти расстрелы, в Пальмникене недели две находился один эсэсовец оберротенфюрер, некто Вильгельм. Этот Вильгельм был оставлен для проведения розыска всех лиц, разбежавшихся во время расстрела заключенных. Этот же Вильгельм руководил и расстрелами задержанных. Из гитлерюгендовцев, в расстреле задержанных Вильгельму помогали ШВАРЦКОПФ Альфред и ШВАРЦКОПФ Курт. Об этом я знаю со слов самих этих лиц.

Об участии в расстрелах задержанных кого-либо других гитлерюгендовцев я не знаю.

ВОПРОС: Сколько человек из заключенных, спасшихся от расстрела, было обнаружено, задержано и доставлено в местную управу всеми, кто занимался их розыском?

ОТВЕТ: Как я сам лично видел, как задержанные доставлялись к бургомистру, всего таких лиц было обнаружено и доставлено в управу не менее 50 человек.

ВОПРОС: Все они были расстреляны?

ОТВЕТ: Расстреляли всех.

Протокол допроса мне переведен на немецкий язык, с моих слов записан верно:

Переводчик[5*]

Допросили:[6*]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 90–93. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя и должность закрашены.

** Так в документе, имеется ввиду: Хардер Хорст (Harder Horst).

3* Так в документе, имеется ввиду: Курт Фридрикс (Kurt Friedrichs).

4* Так в документе, имеется ввиду: Антон Аукшун (Anton Aukschun).

5* Имя закрашено.

6* Имена, должности и подписи закрашены.

136. Протокол допроса Герхарда Весселя, жителя Пальмникена, члена молодежной нацистской организации гитлерюгенд

4 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

4 июня 1945 г.

Я* гвардии капитан**– гвардии лейтенант[3*] допросил на немецком языке:

ВЕССЕЛЬ Герхарда, 1929 г. рождения, урож[енец] дер. Зоргенау Земландского р[айо]на, Кёнигсбергского округа, из семьи рабочего, немец, подданный Германии, член гитлеровской молодежной организации «гитлерюгенд» с 1942 г., образование 6 классов, проживает в мест. Пальмникен.

ВОПРОС: Где Вы находились, когда в Пальмникене проводились массовые расстрелы заключенных?

ОТВЕТ: Во время проводившихся в Пальмникене расстрелов заключенных я проживал здесь, в Пальмникене, работал учеником кузнеца Грюнерт Эрнста.

ВОПРОС: Были ли спасшиеся от указанных расстрелов?

ОТВЕТ: Спасшиеся от расстрела были. Расстрелы проводились в ночное время и часть заключенных разбежались по лесам. Это я знаю в связи с тем, что, как гитлерюгенд, по заданию бургомистра занимался розыском и задержанием таких людей.

ВОПРОС: Когда и кого Вы задержали?

ОТВЕТ: В начале февраля 1945 г. в лесу за местечком Пальмникен в южной стороне я задержал неизвестную женщину в гражданской одежде, которую привел в местечко и сдал в местную управу, куда сводились все заключенные, бежавшие из-под расстрела.

Кроме задержаний бежавших из-под расстрела заключенных, я занимался еще охраной их, когда они находились в подвале местной управы и один раз участвовал в расстреле задержанных, на северной окраине Пальмникена. Во время моего участия было расстреляно около 20 человек задержанных. Я тогда конвоировал заключенных к месту расстрела и заставлял их ложится вниз лицом на землю около ямы, а один эсэсовец, некто Вильгельм Ян, и Больгён Ганц из пистолетов расстреливали их в затылок.

Розыск бежавших из-под расстрела заключенных длился около недели и за это время было поймано до 70–90 чел[овек], которые разновременно за это же время все были расстреляны на северной окраине Пальмникена.

Лично сам я всего поймал и доставил в местную управу заключенных три человека. Кроме указанной выше женщины я один раз, вместе со своим племянником Весселем Гельмутом, доставил в управу двух женщин, которых мы нашли в лесу на берегу моря, где проводились массовые расстрелы заключенных.

ВОПРОС: Где находится в настоящее время Вессель Гельмут?

ОТВЕТ: Вессель Гельмут в марте 1945 г. поступил добровольно в германскую армию, где находится в настоящее время не знаю.

Протокол допроса мне переведен на немецком языке, с моих слов записано верно.

ДОПРОСИЛ:[4*]

гвардии капитан[5*]

гвардии лейтенант[6*]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 87–88. Копия. Машинопись.

---

* Имя закрашено.

** Закрашено.

3* Закрашено.

4* Имя закрашено.

5* Имя и подпись закрашены.

6* Имя и подпись закрашены.

Копия.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА 188

4 июня 1945 г.

Я [redacted] гвардии капитан [redacted] -гвардии лейтенант [redacted] допросили на немецком языке:

ВЕССЕЛЬ Герхарда, 1929 г. рождения, урож. дер. Зоргенау, Земландского р-на, Кенигсбергского округа, из семьи рабочего, немец, подданный германии, член Гитлеровской молодежной организации "Гитлер Югенд" с 1942 г., образованей 3 классов, проживает в мест. Пальмникен.

ВОПРОС: Где Вы находились, когда в Пальмникене проводились массовы расстрелы заключенных ?

ОТВЕТ: Во время проводившихся в Пальмникене расстрелов заключенных я проживал здесь в Пальмникене, работал учеником кузнеца Грюнерт Эрнста.

ВОПРОС: Были ли спасшиеся от указанных расстрелов ?

ОТВЕТ: Спасшиеся от расстрела были. Расстрелы проводились в ночное время и часть заключенных разбежались по лесам. Это я знаю в связи с тем, что как гитлерюгенд по заданию бургомистра занимался розыском и задержанием таких людей.

ВОПРОС: Когда и кого Вы задержали ?

ОТВЕТ: В начале февраля 1945 г. в лесу за местечком Пальмникен в южной стороне я задержал неизвестную женщину в гражданской одежде, которую привел в местечко и сдал в местную управу, куда сводились все заключенные, бежавшие из-под расстрела.

Кроме задержаний бежавших из-под расстрела заключенных, я занимался еще охраной их, когда они находились в подвале местной управы и один раз участвовал в расстреле задержанных, на северной окраине г. Пальмникена. Во время моего участия, было расстреляно около 30 человек задержанных. Я тогда конвоировал заключенных к месту расстрела и заставлял их ложиться вниз лицом на землю около ямы, а один эсэсовец некто Вильгельм Ян и Больген Ганц из пистолетов расстреливали их в затылок.

Розыск бежавших из-под расстрела заключенных длился около недели и за это время было поймано до 70 -90 чел. которые разновременно за это же время все были расстреляны на северной окраине Пальмникена.

Лично сам я всего поймал и доставил в местную управу заключенных три человека. Кроме указанной выше женщины я один раз вместе со своим племянником Весселъ Гельмут доставил в управу двух женщин, которых мы нашли в лесу на берегу моря, где проводились массовые расстрелы заключенных

ВОПРОС: Где находится в настоящее время Вессель Гельмут ?

ОТВЕТ: Вессель Гельмут в марте 1945 г. поступил добровольно в германскую армию, где находится в настоящее время не знаю.

Протокол допроса мне переведен на немецком языке с моих слов записано верно.

ДОПРОСИЛ : [redacted]
Гвардии капитан

[redacted]
Гвардии лейтенант

тб-3 [redacted]

137. Протокол допроса Германа Фришкизеля, бывшего жандарма в Пальмникене

1 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1 июня 1945 года м. Пальмникен

Я* сего числа допросил задержанного: –

ФРИШКИЗЕЛЬ Германа, 1893 года рождения, урож[енца] гор. Фишхаузен, жителя дер. Ильникен, Фишхаузенского р[айо]на, Кёнигсбергского округа, немца, с образованием 7 кл[ассов] городской школы, б/п, женатого.

Допрос произведен через переводчика немецкого языка при ОКР «СМЕРШ» – ДИБКОВСКОГО Аркадия Григорьевича, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР.

ВОПРОС: Где проживали и чем занимались до прихода частей Красной Армии?

ОТВЕТ: До прихода частей Красной Армии я находился в Гросс Курене Фишхаузенского р[айо]на и там работал в жандармерии в качестве жандарма.

ВОПРОС: С какого времени Вы находились на службе в жандармерии?

ОТВЕТ: На службе в жандармерии я находился с 1 августа 1944 г. и до прихода частей Красной Армии.

ВОПРОС: Чем занимались до службы в жандармерии, и при каких обстоятельствах попали на службу в жандармерию?

ОТВЕТ: До службы в жандармерии я проживал в д. Ильникен, где имел 15 моргенов земли, свой продуктовый магазин и содержал свою гостиницу на двадцать человек. Для этого у меня было три человека – один немец и два поляка.

29 июля 1944 г. я получил повестку областной военной комендатуры в Кёнигсберге – явиться 1 августа 1944 г. в г. Кёнигсберг в жандармскую команду.

Когда я прибыл в г. Кёнигсберг, меня направили на врачебную комиссию при жандармерии. После этой врачебной комиссии со мной беседовал капитан жандармерии, фамилию его не помню, он говорил о службе в жандармерии и какие должны быть порядки.

В г. Кёнигсберге я находился два дня, там нас обмундировали в форму жандармерии и нас четырех человек направили жандармами в м. Пайзе Фишхаузенского р[айо]на. И так я стал на службе в жандармерии.

В м. Пайзе я находился четыре месяца по 1 декабря 1944 г., а потом был переведен в Ильникен, где был жандармом по 1 января 1945 г.

С 1 января 1945 г. по 15 февраля с[его] г[ода] был на службе в мест. Пальмникене.

15 февраля с[его] г[ода], когда части Красной Армии подошли к Гермау, вся жандармерия, в том числе и я, эвакуировалась в город Фишхаузен, где находилась по 25 февраля 1945 года, а потом, когда части Красной Армии отступили от Гермау, меня и еще семь человек направили в м. Гросс Курен и там я находился до прихода частей Красной Армии.

ВОПРОС: Какую носили форму и какое при себе имели оружие?

ОТВЕТ: Я носил зеленую жандармскую форму, причем нам выдали по два костюма, один повседневной носки, а второй был чистый. Оружие я имел – карабин и пистолет.

ВОПРОС: Куда дели свою форму и оружие?

ОТВЕТ: Перед приходом частей Красной армии в м. Гросс Курен, я переоделся в гражданскую форму, а мою военную одежду и оружие беженцы-немцы закопали.

ВОПРОС: Назовите фамилии сотрудников жандармерии м. Пальмникена и Гросс Курена?

ОТВЕТ: В м. Пальмникен в жандармерии были:

1. ФРАЕНГОГЕН**, 55 лет, начальник жандармерии.

2. ВИНСКОВСКИЙ Эвальд, 52 лет, жандарм.

3. И я — ФРИШКИЗЕЛЬ Герман — жандарм.

В м. Гросс Курене в жандармерии были:

1. КУЦИК, 58 лет, начальник жандармерии.

2. ГЕРЕБКИ, 58 лет, жандарм.

Остальных фамилий не помню.

ВОПРОС: Где находятся в настоящее время названные Вами лица?

ОТВЕТ: Все эвакуировались в г. Пиллау.

ВОПРОС: Где располагалась жандармерия в м. Пальмникен?

ОТВЕТ: Начальник жандармерии — жандарм-мастер ФРОЕНГАГЕН находился в доме под лесом при выезде из м. Пальмникен в Зоргенау. Вся остальная жандармерия находилась в гостинице «Моттерн».

Всю свою работу жандармерия проводила в здании начальника жандармерии ФРОЕНГОГЕНА.

ВОПРОС: Кто возглавлял жандармерию в м. Пальмникен?

ОТВЕТ: В м. Пальмникен при мне возглавлял жандармерию жандарм-мастер ФРАЕНГОГЕН, который подчинялся ст[аршему] лейтенанту ДОРШ, находившемуся в Фишхаузене, а тот, в свою очередь, подчинялся капитану БЛЯК, находившемуся в городе Кёнигсберге.

ВОПРОС: Кто еще из руководителей жандармерии был в м. Пальмникен?

ОТВЕТ: 25 февраля 1945 г. в м. Пальмникен из Фишхаузена прибыл ст[арший] лейтенант КОХ, который возглавлял руководство жандармерией м. Пальмникен и Гросс Курена. КОХ подчинялся капитану БЛЯКУ, а тот подчинялся полковнику ПРИДУВ.

ВОПРОС: Кто такой полковник ПРИДУВ и где он находился?

ОТВЕТ: Полковник ПРИДУВ являлся начальником жандармерии Кёнигсбергской области и находился в городе Кёнигсберге.

ВОПРОС: Какую работу выполняла жандармерия?

ОТВЕТ: На жандармерию возлагалась обязанность обеспечить безопасность населенного пункта, расквартирование эвакуированных из занятых районов Красной Армии, изъятия всех военнопленных поляков, французов, русских, украинцев, литовцев и т[ак] д[алее], а также изъятия всех подозрительных лиц, появляющихся в населенных пунктах.

ВОПРОС: Какое участие в этой работе принимали лично Вы?

ОТВЕТ: Лично я, вместе с вахмистром жандармерии ГЭРГИТКИ, начиная с 25 февраля 1945 года и до апреля м[еся]ца с[его] года, т[о] е[сть] до прихода частей Красной Армии, занимались изъятием всех иностранцев, которые находились по деревням в р[айо]не Гросс Курен — Хайлигенкройц, Вайденен — Шрайберг, которых привозили в м. Гросс Хубникен и Гросс Диршкайм и там их заключали в концлагеря, изымали мужчин, женщин, стариков и детей.

В этом р[айо]не нами было изъято и заключено в концлагерь 35 человек.

Будучи в жандармерии в м. Пальмникен, я отвозил одного арестованного поляка в г. Кёнигсберг со связанными руками и там его сдал в тюрьму «Рохвалин», кроме того, принимал участие в допросах арестованных вместе с начальником жандармерии ФРАЕНГОГЕНОМ.

ВОПРОС: Что Вам известно о расстреле советских граждан германскими властями в м. Пальмникен?

ОТВЕТ: 27 января 1945 г. из г. Кёнигсберга в м. Пальмникен была приведена колонна людей русской и др[угих] национальностей, в количестве около пяти тысяч человек, сопровождали эту колонну войска «СС» и организация «Шот»[3]*.

По дороге от Зоргенау до м. Пальмникена, т[о] е[сть] на протяжении только одного километра, из этой колонны было расстреляно людей двести сорок человек, сколько было человек расстреляно на протяжении остальной дороги из Кёнигсберга, я не знаю, но там тоже по дороге людей расстреливали. Расстрелы производили германские войска СС, сопровождавшие колонну.

Кроме того, из этой колонны 2 февраля с[его] года люди были выведены в море на лед против м. Пальмникена и там были расстреляны, кто на льду расстреливал и количество расстрелянных не знаю.

ВОПРОС: Какое Вы принимали участие в этом?

ОТВЕТ: 28 января 1945 г. по приказанию начальника жандармерии — жандармастера ФРАЕНГОГЕНА, я на фабрике «Бернштайберг» взял две полных повозки с двумя кучерами и поехал по дороге в сторону Зоргенау и там по дороге мною было собрано 240 трупов расстрелянных советских граждан немецкими войсками «СС», которые были перевезены на восточную окраину м. Пальмникен.

Во время сбора трупов мною были задержаны четыре женщины еврейской национальности, бежавшие из-под расстрела, которых я доставил бургомистру м. Пальмникен и по распоряжению последнего заключил их в камеру.

ВОПРОС: Кто принимал участие в расстреле советских граждан из представителей немецких властей из м. Пальмникен?

ОТВЕТ: Этого я не знаю.

ВОПРОС: Кого Вы знаете из эсэсовцев, производивших массовое истребление советских граждан?

ОТВЕТ: Из эсэсовцев я лично никого не знаю.

ВОПРОС: Вы докладывали начальнику жандармерии ФРАЕНГОГЕНУ о выполнении его приказания по сбору расстрелянных советских граждан?

ОТВЕТ: Да, после того, как мною было собрано двести сорок трупов расстрелянных советских граждан и задержано четыре женщины-еврейки, бежавшие из-под расстрела, я явился к ФРАЕНГОГЕНУ и доложил ему о произведенной мною работе.

ВОПРОС: Что Вам сказал ФРАЕНГОГЕН после Вашего ему доклада?

ОТВЕТ: «Хорошо, что ты сделал эту работу, можешь идти отдыхать» — так мне сказал начальник жандармерии ФРАЕНГОГЕН.

Допрос прерван.

Протокол мне зачитан на понятном мне языке, все показания с моих слов записаны верно, в чем и расписываюсь.

Подпись переводчика

Допросили:[4]*

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 94–97. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя и должность закрашены.

** Так в документе. То же, что Фраенгоген. Имеется ввиду: Фрайенхаген (Freyehagen).

[3]* Вероятно, «Тодт».

[4]* Имена, должности и подписи закрашены.

138. Протокол допроса жительницы Пальмникена Карлы Цимлер, члена молодежной нацистской организации Союз немецких девушек[3]

2 июня 1945 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

2 июня 1945 года. г. Пальмникен

Я* допросил в качестве свидетеля жительницу гор. Пальмникен,—

ЦИМЛЕР Карлу, 1925 года рождения, урож[енка] г. Пальмникен, район Земландский, округ Кёнигбергский, из рабочих, немка, подданная Германии, член организации «гитлеровская молодежь»**, образование 8 лет[3]*, работает в гор. Пальмникен на янтарном заводе в качестве контористки.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по ст. 95 УК РСФСР: Карла Цимлер

Об ответственности за правильность перевода переводчик предупрежден по статье 95 УК РСФСР. Гурков

ВОПРОС: Кого Вы знаете из эсэсовцев, принимавших участие в расстрелах советских граждан в г. Пальмникен в конце января 1945 г.

ОТВЕТ: В последних числах января м[еся]ца с[его] г[ода] в кузницу и слесарную мастерскую янтарного завода, где я работала в конторе, поселили около трех тысяч евреев[4]*, эвакуированных из Кёнигсберга. В конторе завода помещалась группа солдат СС, которые конвоировали советских граждан. Во время работы в конторе я познакомилась с роттенфюрером ВИЛЛИ Яном, который после работы ночью провожал меня до дому. Дней через пять ВИЛЛИ Ян вместе с другими ушел сопровождать советских граждан евреев, а на другой день вернулся обратно и в течение 3–5 дней находился в Пальмникене.

Вначале Ян ВИЛЛИ жил на неизвестной мне квартире, а затем переселился на квартиру ко мне и моей матери. Здесь ВИЛЛИ Ян рассказывал мне, что он находится в Пальмникене для поимки бежавших евреев и расстрела их. В это время я узнала, что Ян ВИЛЛИ, 23-х лет, житель г. Эссен-Рур, Диннендальштрассе [...], где проживают его мать и отец /имени не знаю/, отец торговец, о принадлежности к нацистской партии мне неизвестно. О других фактах мне также неизвестно. ВИЛЛИ среднего роста, блондин, худощавый, лицо худощавое, нос широкий, глаза светлые, волосы носит с пробором направо, походка быстрая, стройная, губы толстые. ВИЛЛИ во время нахождения в городе через молодежь «гитлерюгенд» выявляя скрывающихся евреев работал у бургомистра, но ничего мне не рассказывал об этом.

Кроме Ян ВИЛЛИ, еще мне известен Фрелих, имя неизвестно, примет также не помню, т[ак] к[ак] видела его всего один раз. Наименование части, в которой служил Ян ВИЛЛИ и ФРЕЛИХ, мне неизвестно, также больше ничего не известно об их деятельности при участии в расстрелах советских граждан.

ВОПРОС: Кто из гражданских лиц принимал участие в проводимых расстрелах советских граждан?

ОТВЕТ: Из жителей, со слов гражданки Кронценштайн Фриды, моей соседки по квартире, в расстрелах евреев принимал участие якобы житель м. Пальмникен Антон АУКШУНЬ[5]*, о котором мне ничего не известно.

Во время пребывания в городе Яна Вилли я часто видела с ним в поисках евреев, бежавших от расстрела, членов организации «гитлеровская молодежь» жителя гор.

Пальмникен — ЛЮТЕР КЕКАЧ, ВЕНДЕЛЕР[6]* /имя не знаю /[из] ЗОРГЕНАУ, ГЮНТЕР БОЛЛЬГЕН[7]* (Пальмникен) и Гайнц ГУДАР[8]* (Пальмникен). Еще что-либо о них рассказать не могу.

ВОПРОС: Что еще можете рассказать об участниках расстрелов советских граждан?

ОТВЕТ: Об участниках расстрелов советских граждан мне больше ничего неизвестно.

Протокол с моих слов записан верно, мне прочитан переводчиком на немецком языке.

ПЕРЕВОДЧИК: гв[ардии] красноармеец — ГУРНОВ Сергей Михайлович

ДОПРОСИЛ[9]*

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 98–99. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя и должность закрашены.

** Имеется в виду Союз немецких девушек.

3* Имеется в виду «классов».

4* Подчеркнуто от руки.

5* Так в документе, имеется в виду: Антон Аукшун (Anton Aukschun).

6* Так в документе, вероятно: Вендлер Ивальд (см. док. 135).

7* Так в документе, вероятно: Больген (см. док. 135).

8* Так в документе, вероятно: Гудау Хейнц (см. док. 135).

9* Имена, должности и подписи закрашены.

291

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

2 июня 1945 года. г.Пальмникен

Я, [redacted] допросил в качестве свидетеля жительницу гор.Пальмникен,-

ЦИМПЕР Карлу 1925 года рождения, урож.г.Пальмникен, район Земландский, округ Кенигсбергский, из рабочих, немка, подданная Германии, член организации "гитлеровская молодежь", образование 8 лет, работает в гор.Пальмникен на янтарном заводе в качестве контористки.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупреждена по ст. 95 УК РСФСР: подпись /Карла Цимпер/

Об ответственности за правильность перевода переводчик предупрежден по статье 95 УК РСФСР . подпись /Гурчов/

ВОПРОС: Кого Вы знаете из эсэсовцев, принимавших участие в расстрелах советских граждан в г.Пальмникен в конце января 1945г. ?

ОТВЕТ: В последних числах января м-ца с.г. в кузницу и слесарную мастерскую янтарного завода, где я работала в конторе, пригнали около трех тысяч евреев, эвакуированных из Кенигсберга. В конторе завода помещалась группа солдат "СС", которые конвоировали советских граждан. Во время работы в конторе я познакомилась с ротенфюрером ВИЛЛИ Яном, который после работы часто провожал меня до дому. Где-то через пять ВИЛЛИ Ян вместе с другими ушли сопровождать советских граждан евреев, а на другой день вернулся обратно и в течение 3-5 дней находился в Пальмникене.

Вначале Яч ВИЛЛИ жил на неизвестной мне квартире, а затем переселился на квартиру ко мне и моей матери. Здесь ВИЛЛИ Ян рассказал мне что он находится в Пальмникене для поимки бежавших евреев и расстрела их. В это время я узнала, что Ян ВИЛЛИ, 23-х лет, житель г.Эссен-Рур, Гинченгальштрассе дом 100, где проживают его мать и отец /имени не знаю/, отец торговец, о принадлежности к нацистской партии мне неизвестно. Других фактов мне также не известно. ВИЛЛИ среднего роста, блондин, худощавый, лицо худощавое, нос широкий, глаза светлые, волосы носит с разбором на право, прическа бычтрая, стройная, губы толстые. ВИЛЛИ во время нахождения в городе через молодежь "гитлерюнго, выявляя скрывающихся евреев, работал у бургомистра, но ничего мне не рассказывал об этом.

Кроме Яч ВИЛЛИ еще мне известен Фрелих, имя неизвестно, примет также не помню т.к. видела его всего один раз. Наименование части в которой служил Ян ВИЛЛИ и Фрелих мне неизвестно, также больше ничего не известно о их деятельности при участии в расстрелах советских граждан.

300

ВОПРОС: Кто из гражданских лиц принимал участие в провоцимых расстрелах советских граждан?

ОТВЕТ: Из жителей, со слов гражданки Кронценштайн Фрита, моей соседки по квартире в расстрелах евреев принимал участие яксобы житель г. Пальмникен Антон АУКШУНЬ, о котором мне ничего не известно.

Во время пребывания в городе Яна БИЛЛИ я часто виделся с ним в поисках евреев бежавших от расстрела членов организации "гитлеровская молодежь" жителя гор. Пальмникен - ЛЮТЕР КЕКАЧ, ВЕНТЦЕЛЬ /имя не знаю/ ЗОРГЕНАУ, ЛЮТЕР БОЛЛЬЕН Пальмникен и Генинц ГУГАР - Пальмникен. Еще что либо о них рассказать не могу.

ВОПРОС: Что еще можете рассказать об участниках расстрелов советских граждан.

ОТВЕТ: Об участниках расстрелов советских граждан мне больше ничего не известно.

Протокол с моих слов записан верно, мне прочитан переводчиком на немецком языке.

ПЕРЕВОДЧИК: гв. красноармеец - ГУРНОВ Сергей Михайлович

ДОПРОСИЛ: [redacted]

[redacted]

3-ас

139. Протокол допроса жителя Пальмникена Георга Лилиенталя, члена молодежной нацистской организации гитлерюгенд

3 июня 1945 г.

3 июня 1945 г. м. Пальмникен

Земландского п[олуостро]ва,
Восточная Пруссия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Я* сего числа допросил свидетеля:

ЛИЛИЕНТАЛЬ Георга, 1929 г. рождения, урож[енца] и жителя м. Пальмникен, по происхождению из рабочих, по национальности немца, имеющего образование 10 классов, состоявшего в организации «гитлерюгенд» с 1939 г., не судимого, холостого, учащегося.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждается. Переводчик — красноармеец 82 Гв. ССП** — ГУРКОВ Сергей Михайлович об ответственности за неправильность перевода по ст. 95 УК РСФСР предупреждается.

ВОПРОС: Скажите что Вам известно о массовом истреблении Советских граждан в районе м. Пальмникен.

ОТВЕТ: Это было в конце м[еся]ца[3]* 1945 г. в ночное время, через местечко Пальмникен в северном направлении гнали большое количество советских людей, преимущественно гражданское население — мужчины и женщины. Какое количество их было — не знаю. Всех этих людей сопровождали усиленным конвоем войска «СС» и «СД», которые и расстреливали вышеупомянутых людей севернее м. Пальмникен в 1–1,5 км от него, на берегу моря у карьера.

Расстрел и умерщвление Советских граждан производилось преимущественно ночью. Несмотря на усиленную охрану Советских людей, обреченных на смерть, некоторые из них бежали из-под расстрела и укрывались у местных жителей, но бургомистр ФРИДРИХС КУРТ издал приказ для местных жителей — не принимать Советских граждан, а выдавать местной управе и военным властям всех подозрительных и бежавших из-под расстрела лиц. Кроме того, вносил в обязанности членам фольксштурма излавливать всяких подозрительных людей, привлекал для этой цели гитлеровскую молодежь местечка Пальмникен.

ВОПРОС: Скажите, кого Вы знаете из гражданских лиц, участвовавших в вылавливании советских людей?

ОТВЕТ: Активное участие в вылавливании советских граждан принимал немец АУКШУНЬ Антон[4]* — гитлеровец, немец 16-тилетний ВЕССЕЛЬ Герхард и другие, которых в м. Пальмникен нет.

ВОПРОС: Скажите, откуда Вы знаете немцев АУКШУНЬ А. и ВЕССЕЛЬ Г., и какие у Вас с ними были взаимоотношения?

ОТВЕТ: Как АУКШУНЬ А., также ВЕССЕЛЬ Г. знаю с 1935 г., как жителей м. Пальмникен. Личных счетов и споров у меня с последними нет и не было.

ВОПРОС: Расскажите подробно, в чем выражались предательские карательные действия немцев АУКШУНЬ А. и ВЕССЕЛЬ Г.?

ОТВЕТ: Что делал АУКШУНЬ Антон в момент расстрела Советских людей, полностью не знаю, но знаю, что АУКШУНЬ принимал активное участие в вылавливании

Советских людей, бежавших из-под расстрела, ездил везде и всюду на велосипеде с пистолетом, был всегда свиреп не только к русским, но и к немцам.

Гитлеровец ВЕССЕЛЬ Герхард, как и другие «Гитлер Югендовцы», принимал активное участие в вылавливании советских граждан. Так, в один из дней января м[еся]ца, после расстрела группы людей /Советских/ меня, ВЕССЕЛЯ, и других послал бургомистр ФРИДРИХС[5*] забрать 4-х человек, сбежавших из-под расстрела Советских граждан. Я, еще гитлеровцы БОЛЬГЁН Ганс, ФИШЕР Герберт, Гаиль Экгарт[6*], пришли в один дом № 100 и взяли на кухне 2-х русских, еврея и привели к бургомистру и посадили в камеру заключенных, затем я и БОЛЬГЕН привели еще 2-х женщин евреек и сдали бургомистру.

Когда наполнялась камера предварительного заключения полностью, то один эсэсовец с ВЕССЕЛЕМ Герхардом, ШВАРЦКОПФ Альфредом, ШВАРЦКОПФ Герхардом, ГИТКЕ Дитрихом, ВЕССЕЛЕМ Гельмутом и ВЕНДЛЕРОМ Изальт[7*], БОЛЬГЕН Гюнтером, БОЛЬГЁН Гансом водили всех пойманных и задержанных Советских людей на расстрел, севернее м. Пальмникен, а оттуда возвращались без этих людей. Я в это время дежурил у телефона в помещении бургомистра.

Протокол с моих слов записан правильно, мне переведен на немецкий язык, в чем и расписываюсь.

ДОПРОСИЛ[8*]

Протокол допроса перевел

переводчик — гв[ардии] рядовой ГУРКОВ

[...][9*]

АУФСБОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 70. Л. 102–103. Подлинник. Машинопись.

---

* Имя и должность закрашены.

** 82-й Севастопольский стрелковый полк.

3* Месяц не указан.

4* Так в документе, имеется в виду: Антон Аукшун (Anton Aukschun).

5* Так в документе, имеется в виду: Фридрикс Курт (Friedrichs Kurt).

6* Так в документе, вероятно: Гейль Ексгард (см. док. 135).

7* Так в документе, вероятно: Вендлер Ивальд (см. док. 135).

8* Имя, должность и подпись закрашены.

9* Информация закрашена.

303

8 июня 1945 г. м.Пальмникен, Земландского п-ва Восточная Пруссия.

П Р О Т О К О Л Д О П Р О С А

Я, [redacted] сего числа допросил свидетеля Л

ЛИЕНТАЛЬ Георга, 1929 г. рождения, урож. и жителя м.Пальмникен, по происхождению из рабочих, по национальности немца, имеющего образование 10 классов, состоявшего в организации "Гитлер Югенд" с 1939 г., не судимого, холостого, учащегося.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст.95 УК РСФСР предупреждается. Переводчик -красноармеец 82 Гв.ССП - ГУРКОВ Сергей Михайлович об ответственности за неправильность перевода по ст. 95 УК РСФСР предупреждается.

ВОПРОС: Скажите что Вам известно о массовом истреблении Советских граждан в районе м.Пальмникен.

ОТВЕТ: Это было в конце января м-ца 1945 г. в ночное время через местечко Пальмникен в северном направлении гнали большое количество Советских людей, преимущественно гражданского населения - мужчины и женщины. Какое количество их было - не знаю. Всех этих людей сопровождали усиленным конвоем войска "СС" и "СД", которые и расстреливали вышеупомянутых людей севернее м.Пальмникен в 1-1,5 км. от него, на берегу моря и у карьера.

Расстрел и умерщвление Советских граждан производилось преимущественно ночью. Несмотря на усиленную охрану Советских людей, обреченных на смерть.

Некоторые из них бежали из-под расстрела и укрывались у местных жителей, но бургомистр ФРИДРИХ КУРТ издал приказ для местных жителей- не принимать Советских граждан, а выдавать местной управе и военным властям всех подозрительных и бежавших из- под расстрела лиц. Кроме того, кроме того вносил в обязанности членам фольксштурма изловливать всяких подозрительных людей и привлекал для этой цели гитлеровскую молодежь местечка Пальмникен.

ВОПРОС: Скажите кого Вы знаете из гражданских лиц, участвовавших в вылавливании Советских людей ?

ОТВЕТ: Активное участие в вылавливании Советских граждан принимал немец АУКШУНЬ Антон-гитлеровец, немец 16-ти летний ВЕССЕЛЬ Герхард и другие, которых в м.Пальмникен нет.

ВОПРОС: Скажите откуда Вы знаете немцев АУКШУНЬ А. и ВЕССЕЛЬ Г. и какие у Вас с ними были взаимоотношения ?

ОТВЕТ: Как АУКШУНЬ А., так же ВЕССЕЛЬ Г. знаю с 1935 г., как жителей мес. Пальмникен. Личных счетов и споров у меня с последними нет и не было.

ВОПРОС: Расскажите подробно в чем Выражались предательские карательные действия немцев АУКШУНЬ А. и ВЕССЕЛЬ Г ?

2.-304

ОТВЕТ: Что делал [redacted] АУКШУНЬ Антон в момент расстрела Советских людей, полностью не знаю, но знаю что АУКШУНЬ принимал активное участие в вылавливании Советских людей, бежавших из-под расстрела, ездил везде и всюду на велосипеде с пистолетом, был всегда свиреп не только к русским, но и к немцам.

Гитлеровец ВЕССЕЛЬ Герхард, как и другие "Гитлер Югендцы" принимал активное участие в вылавливании Советских граждан, так в один из дней января м-ца, после расстрела группы людей /Советских/ меня, ВЕССЕЛЬ и других бургомистр ФРИДРИХС забрать 4-х человек, обежавших из-под расстрела Советских граждан Я, еще гитлеровцы БОЛЬГЕН Гац, ФИШЕР Гербер Гаиль Экгерт, пришли в один дом № 100 и взяли на кухне 2-х русских, еврея и привели к бургомистру и посадили в камеру, заключенных, затем я и БОЛЬГЕН привели еще 2-х женщин евреек и сдали бургомистру.

Когда наполнялась камера предварительного заключения полностью, то один эсэсовец с ВЕССЕЛЕМ Герхардом, ШВАРЦКОНФ Альфредом, ШВАРЦКОНФ Герхардом, ГИТКЕ Дитрихом, ВЕССЕЛЕМ Гелмутом и ВЕНДЛЕРОМ Вальт, БОЛЬГЕН Гюнтером, БОЛЬГЕН Гансом водили всех пойманных и задержанных Советских людей на расстрел, севернее м. Пальмникен, а оттуда возвращались без этих людей Я в это время дежурил у телефона в помещении бургомистра.

Протокол с моих слов записан правильно, мне переведен на немецкой языке, в чем и расписываюсь

ДОПРОСИЛ: [redacted]

Протокол допроса перевел
переводчик-гв. рядовой /ГУРКОВ/

тб-3 [redacted]

140. Протокол допроса бывшего совладельца Кёнигсбергского вагоностроительного завода Макса Хоймана

13–14 мая 1947 г.

Протокол допроса
1947 года, мая 13 дня, гор. Калининград.

Следователь следственного отд[ела] УМГБ [по] К[алининградской] о[бласти] ст[арший] л[ейтена]нт*, при участии переводчика Лейцина, допросил обвиняемого: Хойман Макса.

Допрос начат в 24:00
Допрос окончен в 2:00 14.05.47.

Переводчик Лейцин об ответственности за дачу ложного перевода по ст. 95 УК РСФСР предупрежден. Лейцин.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в совершенном Вами преступлении по ст. 58–4 УК РСФСР, сущность предъявленного Вам обвинения Вам понятна?

Ответ: Да, сущность предъявляемого мне обвинения мне понятна.

Вопрос: В предъявленном Вам обвинении Вы признаете себя виновным?

Ответ: В предъявленном мне обвинении я виновным признаю себя частично.

Вопрос: В чем конкретно Вы признаете себя виновным.

Ответ: Виновным себя признаю в том, что я с 1934 года являлся совладельцем вагоностроительного завода в Кёнигсберге, на котором во время войны 1941–[19]45 годов использовалось около 300 иностранных рабочих, из коих около сотни русских военнопленных. Не могу полностью признать себя виновным в том, что на заводе для русских военнопленных были созданы нечеловеческие условия содержания, хотя не отрицаю того, что они находились в худших условиях против немецких рабочих, работавших на заводе. Целиком и полностью отрицаю то, что я избивал русских военнопленных или других иностранных рабочих. Этого я не делал и в этом виновным себя не признаю.

Вопрос: Ваш завод относился к числу военных предприятий Германии.

Ответ: Да, наш вагоностроительный завод относится к числу военных предприятий Германии.

Вопрос: Почему Вы, нарушая международные законы, использовали военнопленных в военной промышленности?

Ответ: Это делалось нами не по собственной инициативе, а согласно приказа министерства вооружений Германии.

Вопрос: Что еще желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Больше показать ничего не могу.

Протокол мне вслух прочитан и с моих слов записан правильно, переводился мне на немецком языке.

[...]**

Допросил следователь следственного отдела УМГБ по К[алининградской] о[бласти] гв[ардии] ст[арший] л[ейтенан]т[3]*

Зам прокурора по спецделам [...][4]*

Переводчик *Лейцин*

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 57–59. Подлинник. Рукопись.

---

* Фамилия неразборчива.

** Неразборчиво.

3* Фамилия неразборчива.

4* Неразборчиво.

141. Протокол допроса Гедвиги Вульф по делу бывшего совладельца Кёнигсбергского вагоностроительного завода Макса Хоймана

31 марта 1947 г.

Протокол допроса

31 марта 1947 г. я, оперуполномоченный 3 отд[елени]я, 2 отд[ел]а УМГБ по Калининградской обл[асти] капитан Одинцов допросил в качестве свидетеля

Вульф Гедвиг (Ядвига), 1913 г. рождения, ур[оженка] г. Кёнигсберга, по соц[иальному] происхождению из рабочих, по национальности немку, беспартийную, с образованием 8 классов народной школы, проживающую в г. Калининграде, ул. Юдиттен Кирхенштрассе, дом 33, не работает, домохозяйка.

Об ответственности за дачу ложных показаний я предупреждена.

*Hedwig Wulf**

Переводчик мл[адший] л[ейтенант]т Редрухина об ответственности за правильность перевода с немецкого языка на русский предупреждена по ст[атье] 95 УК РСФСР.

Редрухина

Вопрос: Знаете ли Вы кого-либо из крупных владельцев заводов и других предприятий находившихся [...]** в гор. Кёнигсберге при Гитлеровской власти и где они находятся в настоящее время?

Hedwig Wulf

Ответ: До прихода в г. Кёнигсберг частей Советской Армии я работала на вагоностроительном заводе г. Кёнигсберга в качестве расчетчика по зарплате. Владельцами этого завода были Хойман Макс[3]*, примерно 38–40 лет, его брат Хойман, имя не знаю, примерно года на два старше Макса и Пиликан, имя не знаю, примерно 52 года.

В настоящее время Хойман Макс проживает и работает в центральной больнице гор. Калининграда в качестве санитара. Его брат Хойман в период прихода войск советской армии в гор. Кёнигсберг, т[о] е[сть] в апреле м[еся]це 1945 г., застрелился. Пеликан[4]* в этот же период куда-то скрылся и с тех пор я его не видела. Больше из крупных владельцев, которые находились бы в г. Калининграде в настоящее время, мне неизвестны.

Вопрос: Расскажите подробней, что Вам известно о Хоймане Максе?

Ответ: В период войны 1941–1945 гг. на вагоностроительном заводе работало много военнопленных русских, поляков, французов и других национальностей и около пятидесяти человек евреев. По роду своей работы я часто общалась среди упомянутых мной иностранных рабочих (военнопленных), от которых слышала много жалоб на то, что Хойман Макс издевательски обращался с иностранными рабочими, избивал их, якобы, за то, что они плохо работали. Питание для этих рабочих было очень

плохое; жидкий суп без хлеба, хлеб как правило выдавали очень редко и помалу. На заводе имелась одна комната, где находился активный член НСДАП по фамилии Нойшульц, имя не знаю, примерно 34–35 лет, где находится в настоящее время не знаю, ему было поручено, как ответственному партийному работнику, профессиональное обучение молодых рабочих. И вот в эту комнату по приказанию Хойманa приводились иностранные рабочие, русские, евреи и другие, которые подвергались пыткам лично Нойшульцем и Хойманом. Все эти пытки скрывали от остальных рабочих, поэтому мне лично не представлялось возможности видеть, как производились пытки, но однажды я ходила по мастерским, т[о] е[сть] по цехам, раздавала листки на зарплату и видела, как Хойман Макс на дворе завода избивал кнутом одного еврея, фамилию не знаю.

Я в то время сказала Хойману, что я не ожидала, чтобы Вы (Хойман) так могли драться. На это Хойман ответил:

— Я не могу брать их под свою защиту.

Вот все, что мне известно о Хойман Макс. Еще знаю, что Хойман Макс также был активный член НСДАП.

Вопрос: Кто может подтвердить Ваши показания в отношении Хоймана Макса?

Ответ: Мои показания в отношении Макса Хоймана могут подтвердить: зубной врач Улькан Гари, примерно 33-х лет, проживает в настоящее время в 1 районе около областной больницы, точного адреса не знаю, где работает также не знаю. Еще одна женщина, фамилию не помню, которая работала вместе со мной на вагонзаводе, проживает она в настоящее время по ул. Хансшемштрассе[5]* дом № 9 или 10, около базара.

Еще женщина Зам Мари, примерно 33 лет, проживает в 7 р[айо]не г. Калининграда, точного адреса не знаю. На заводе раньше работала в качестве уборщицы женщина Ешь, по имени, кажется, Анна, примерно 50 лет, проживает по ул. Брюннекаллее, номер дома не знаю, против русского магазина (в 8 районе) работает домработницей у русского офицера. На заводе работала уборщицей. А также мои показания могут подтвердить многие бывшие рабочие вагоностроительного завода, но больше никого из них не знаю по фамилиям и где они находятся в настоящее время. В настоящее время на вагоностроительном заводе работает Депнер, имя не знаю, примерно 48 лет, в качестве мастера в литейном цехе.

Но я полагаю, что Депнер не подтвердит мои показания, потому что он сам был активным нацистом на вагоностроительном заводе при гитлеровской власти, заведовал лагерями военнопленных и также плохо обращался с военнопленными, иногда избивал их.

Поэтому я не надеюсь, чтобы он мог подтвердить мои показания. Проживает Депнер около вагоностроительного завода по ул. Герлахштрассе, номер дома не знаю.

Вопрос: Кого Вы знаете из активных нацистов, кроме названных Вами?

Ответ: На вагоностроительном заводе еще работает в настоящее время старшим рабочим Файт, имя не знаю, примерно 50 лет, который был членом НСДАП и при гитлеровской власти работал на вагоностроительном заводе в качестве контролера.

О его поведении мне лично ничего неизвестно, но от других рабочих я слышала, что Файт так же плохо обращался с иностранными рабочими. О Файте может дать показания Вегнер, имя не знаю, которая проживает по ул. Вальдштрассе дом № 17 (8 р[айо]н) работает в чайной ЦБК в качестве уборщицы. Больше пока я не помню активных нацистов.

Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны на понятном для меня немецком языке, что подтверждаю лично подписью.

Протокол допроса перевела с русского языка на немецкий правильно переводчик *Редрухина*

Допросил оперуполномоченный 3 отд[елени]я 2 отд[ел]а УМГБ по К[алининградской] о[бласти] капитан Одинцов /Одинцов/

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 60–67. Подлинник. Рукопись.

---

* Здесь и далее каждая страница заверена подписью Hedwig Wulf.

** Слово неразборчиво.

3* Здесь и далее в документе подчеркнуто карандашом.

4* Так в документе.

5* Так в документе, вероятно: Ганс Шеммштрассе.

142. Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда бывшему совладельцу Кёнигсбергского вагоностроительного завода Максу Хойману по обвинению в эксплуатации иностранных рабочих и военнопленных

26 июня 1947 г.

Дело № 1–194_____1947 г.

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Судебная Коллегия по уголовным делам Калининградского Областного суда, в составе:

председательствующего	Скобелева
народных заседателей	Нежельского и Старовойтовой
при секретаре	Виценовской
с участием прокурора	Доценко
адвоката	Драчевой

рассмотрела в закрытом судебном заседании в городе Калининграде «26» июня 1947 г. дело по обвинению Хоймана Макса, 1903 года рождения, уроженца гор. Кёнигсберг, по социальному происхождению из семьи крупного фабриканта, по национальности немца, подданного Германии, женатого, беспартийного, имеющего образование среднее — в преступлении, предусмотренном ст. 58–4 УК РСФСР.

Рассмотрев материалы предварительного и судебного следствия, выслушав мнение сторон, судебная коллегия установила:

Хойман Макс, будучи совладельцем Кёнигсбергского вагоностроительного завода, имевшего военное значение, и одновременно работая начальником транспортного отдела завода, в период войны 1941–1945 гг., вместе с другими акционерами завода эксплуатировал до 700 человек иностранных рабочих, в том числе свыше 300-х человек русских граждан и военнопленных, которые содержались в тяжелых условиях, подвергавшихся разным методам физических насилий, в результате чего в лагерях русских военнопленных, работавших на этом заводе, была большая смертность. Преступные деяния подсудимого Хойман доказаны материалами дела и показаниями свидетелей

Вульф Гедвиг и Зегер Фридрих. Своими действиями Хойман совершил преступление, предусмотренное ст. 58–4 УК РСФСР.

Учитывая тяжесть содеянного преступления и личность подсудимого Хоймана, судебная коллегия, руководствуясь ст. 319–321 УПК РСФСР

ПРИГОВОРИЛА:

Хойман Макса на основании ст. 58–4 УК РСФСР лишить свободы, с отбытием в исправительно-трудовых лагерях сроком на (8) восемь лет, без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного.

Срок отбытия наказания с зачетом времени предварительного заключения Хойман исчислять с 23-го апреля 1947 года.

Меру пресечения – содержание под стражей, во внутренней тюрьме МГБ, до вступления приговора в законную силу оставить без изменения.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Верховный суд РСФСР, через Калининградский областной суд, в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденному

Председательствующий Скобелев

Члены: Нежельский, Старовойтова

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 74–76. Подлинник. Типографский бланк, рукопись.

Форма № 7

Дело № 1-194 1947 г.

ПРИГОВОР

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

Судебная Коллегия по уголовным делам Калининградского Областного суда, в составе:

председательствующего Слободева

народных заседателей Нетельского и Егоровой

и секретаре Виноградовой,

с участием прокурора Додонко

адвоката Фрейбай

рассмотрела в закрытом судебном заседании в городе Калининграде "26" Июня 1947 г.

дело по обвинению Кайлиса Макса, 1903 года рождения, уроженца гор. Кенигсберг, по социальному происхождению из семьи крупного фабриканта, по национальности немца, германского гражданства, беспартийного, имеющего образование среднее - в совершении преступления отв. 58-4 ук РСФСР.

Рассмотрев материалы предварительного и судебного следствия, выслушав объяснения подсудимого и заключения сторон, судебная коллегия - установила:

Кайлис Макс, будучи советником Кенигсбергского бундесвахтенного завода, имевшего военное значение, и одновременно работая начальником транспортного отдела

завода, в период войны 1941-1945 гг., вместе с другими оккупантами завода и гестапо до 700 человек иностранных рабочих, в том числе свыше 300 человек русских граждан и военнопленных, которые содержались в тяжелых условиях, подвергавшихся различным методам физических насилий в результате чего в лагерях русских военнопленных, работавших на этом заводе, была большая смертность. Преступные действия подсудимого Кайтнов доказаны материалами дела и показаниями свидетелей Вупер Гедвиг и Зегер Фридрих.

Своими действиями Кайтнов совершил преступление предусмотренное ст. 58-4 УК РСФСР.

Учитывая тяжесть содеянного преступления и личность подсудимого Военная судебная коллегия руководствуясь ст.ст. 319-320 УПК РСФСР.

Приговорила:

Кайтнов Макса по совокупности ст. 58-4 УК РСФСР лишить свободы, с отбытием в исправительно-трудовых лагерях сроком на (8) восемь лет, без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного.

Срок отбывания наказания, с зачетом времени предварительного заключения, исчислять с 23-го апреля 1947 года.

Меру пресечения - содержание под стражей, до вступления приговора в законную силу оставить без изменения.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Верховный суд РСФСР, через Калининградский областной суд, в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осужденному.

Председательствующий Судья

Члены

143. Об аресте оперативной группой отдела контрразведки «СМЕРШ» сотрудников лагеря «ДАФ»* Вилэма Дика и Стэфана Пюрковского

1945 г.**

Оперативной группой ОКР «Смерш» 11 гв[ардейской] армии 16.IV. арестованы:

ДИК Вилэм, 1899 г[ода] р[ождения], урож[енец] дер. Кончицы Котовицкого р[айо]на (Польша), по национальности поляк, образование 8 классов.

До 1939 г. был полицейским польской полиции.

ПЮРКОВСКИЙ Стэфан, 1922 г[ода] р[ождения], урож[енец] д. Слейнова-Шляхецная Плоцкого района Варшавского воеводства, по национальности поляк, образование 2 класса, холост.

В 1941 г. ДИК и ПЮРКОВСКИЙ по добровольному согласию поехали в гор. Кёнигсберг, где через некоторое время устроились на работу в лагере «ДАФ». Дик Вилэм в качестве переводчика, а ПЮРКОВСКИЙ – ординарцем коменданта лагеря.

В лагере «ДАФ» содержалось 60 тысяч человек гражданского населения, насильственно вывезенных из Франции, Польши, России и др[угих] стран.

Находясь на службе в лагере «ДАФ», ПЮРКОВСКИЙ и ДИК проявили себя как активные каратели, зверски обращались с людьми, избивали их за опоздание и невыход на работу.

ДИК и ПЮРКОВСКИЙ были вооружены пистолетами и имели резиновые палки, которыми производили массовое избиение лагерников, эти факты подтверждены показаниями двух свидетелей. Кроме того, личными показаниями обвиняемых.

Следствие ведется в направлении разоблачения их как агентов гестапо.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 112–113. Подлинник. Машинопись.

---

* «ДАФ» – трудовой лагерь для иностранных рабочих Германского трудового фронта (DAF) в Кёнигсберге.

** Датируется по смежным документам дела.

144. Спецсообщение начальника Оперативной группы НКВД СССР генерал-майора И. В. Шишлина уполномоченному НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту генерал-лейтенанту П. В. Зеленину о задержанной М. П. Рассадиной

27 апреля 1945 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКВД СССР по
3-му БЕЛОРУССКОМУ Ф Р О Н Т У – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ

ТОВАРИЩУ З Е Л Е Н И Н У

С П Е Ц С О О Б Щ Е Н И Е

25 апреля 1945 года Оперативной группой разоблачена и арестована как изменник Родины и агент гестапо ранее задержанная –

РАССАДИНА Мария Павловна, 1924 года рождения, уроженка Ленинградской области, Псковского района, деревня Глоты, из рабочих, беспартийная, образование 7 классов, русская, гражданка СССР.

Следствием установлено, что РАССАДИНА, проживая в деревне Глоты, 28 февраля 1944 года была взята гестапо и заключена в лагерь совместно с другими лицами этой деревни. Спустя несколько дней она из лагеря бежала, но в тот же день была поймана сотрудником гестапо и отправлена в Латвию.

В городе Риге РАССАДИНА была вызвана в гестапо, где после допроса ей предложили сотрудничать с гестапо в качестве секретного агента по выявлению лиц, враждебно относящихся к фашистскому строю.

РАССАДИНА согласилась и через несколько дней из города Рига была переведена в город Кёнигсберг, где также дважды вызывалась в гестапо для инструктажа и получения задания.

На допросе РАССАДИНА показала, что в городе Кёнигсберг в начале сентября 1944 года она вторично дала подписку на сотрудничество с гестапо, получила псевдоним «Линк», но подписки якобы не давала.*

О своей практической деятельности РАССАДИНА показала, что в начале октября 1944 года она от гестапо получила задание – поджечь в лагере барак, в котором находилось 2000 граждан, насильно угнанных в Германию из Советского Союза, что и было ею выполнено.

Этот лагерь размещался по улице Кранцераллее в гор. Кёнигсберге и был обнесен высоким забором из колючей проволоки. При поджоге все двери барака были замкнуты на замок, окна забиты досками.

РАССАДИНА ночью облила барак в нескольких местах керосином и подожгла. В результате пожара большинство людей, находившихся в бараке, погибло.

Следствие по делу продолжается.

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ НКВД СССР

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР *ШИШЛИН [И.В.]*

№ 2076

27 апреля 1945 года

Помета на первой странице документа в верхнем левом углу*: «т. [...]** 2/5».*

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л.114–115. Подлинник. Машинопись.

---

* Подчеркивание и знак вопроса от руки карандашом.

** Фамилия неразборчива.

ВЗ

ВЗ.17473
21/

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

УПОЛНОМОЧЕННОМУ НКВД СССР по 3-му БЕЛОРУССКОМУ ФРОНТУ - ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ

ТОВАРИЩУ ЗЕЛЕНИНУ

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

25 апреля 1945 года Оперативной группой разоблачена и арестована, как изменник Родины и агент Гестапо, ранее задержанная -

РАССАДИНА Мария Павловна, 1924 года рождения, уроженка Ленинградской области, Псковского района, деревня Глоты, из рабочих, беспартийная, образование 7 классов, русская, гражданка СССР.

Следствием установлено, что РАССАДИНА проживая в деревне Глоты, 28 февраля 1944 года была взята Гестапо и заключена в лагерь совместно с другими лицами этой деревни. Спустя несколько дней она из лагеря бежала, но в тот же день была поймана сотрудником Гестапо и отправлена в Латвию.

В городе Риге, РАССАДИНА была вызвана в Гестапо, где после допроса ей предложили сотрудничать с Гестапо в качестве секретного агента по выявлению лиц, враждебно относящихся к фашистскому строю.

РАССАДИНА согласилась и через несколько дней из города Рига была переведена в город Кенигсберг, где также дважды вызывалась в Гестапо для инструктажа и получения задания.

На допросе РАССАДИНА показала, что в городе Кенигсберг в начале сентября 1944 года она вторично дала подписку на сотрудничество с Гестапо, получила псевдоним "Линк", но подписки якобы не давала.

О своей практической деятельности РАССАДИНА показала, что в начале октября 1944 года, она от Гестапо получила задание - поджечь в лагере барак, в котором находилось 2000 граждан, насильно угнанных в Германию из Советского Союза, что и было ею выполнено.

Этот лагерь размещался по улице Гранц-Аллея в гор. Кенигсберге и был обнесен высоким забором из колючей проволоки. При поджоге все двери барака были замкнуты на замок, окна забиты досками.

РАССАДИНА ночью облила барак в нескольких местах керосином и подожгла. В результате пожара большинство людей, находившихся в бараке погибло.

Следствие по делу продолжается.

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ НКВД СССР
ГЕНЕРАЛ - М А Й О Р /ШИШЛИН/

№ 0076
27 апреля 1945 года.

145. О выявлении и аресте сотрудника тюрьмы гестапо в г. Кёнигсберге Фридриха Отейсдорфа

1945 г.

[...] 5. 10 мая 1945 года в числе задержанных выявлен и арестован старший надзиратель тюрьмы гестапо в гор. Кёнигсберге –

ОТЕЙСДОРФ Фридрих, 1880 года рождения,
уроженец гор. Пиллау /Восточная Пруссия/,
житель гор. Кёнигсберга, образование 7 классов,
член национал-социалистической партии с 1933 года.

Предварительным следствием установлено, что ОТЕЙСДОРФ, работая с 1921 года надзирателем Кёнигсбергской тюрьмы, в 1933 году как член национал-социалистической партии был переведен в тюрьму гестапо, где и работал до последнего времени старшим надзирателем, имея звание обервахмистра.

О своей практической деятельности и существующем в тюрьме гестапо режиме ОТЕЙСДОРФ на допросе показал, что в среднем в Кёнигсбергской тюрьме гестапо содержалось до 700 человек, арестованных за политические преступления, поступавших в основном из оккупированных немцами районов Советского Союза и других стран Европы. За отказ от дачи показаний, а также за малейшее нарушение тюремного режима, содержащиеся в тюрьме арестованные избивались до полусмерти резиновыми дубинками, имевшимися у каждого работника тюрьмы.

Ежедневно в тюрьму прибывало до 20 человек арестованных, примерно такое же количество арестованных подвергалось физическому уничтожению по приговору руководящих работников гестапо.

Смертные приговоры в тюрьме над гражданским лицами приводились в исполнение путем отсечения головы специально устроенным для этой цели аппаратом, состоящим из двух стоек высотой до 2-х метров, между которыми находился металлический нож весом 60 кг, который при падении отсекал голову осужденного. Трупы предавались кремации.

По показаниям ОТЕЙСДОРФ, им лично за время работы в тюрьме приведено в исполнение указанным способом до 3000 смертных приговоров, над лицами не немецкой национальности.

Помимо этого, им же было убито около 20 арестованных, пытавшихся бежать из-под стражи.

ОТЕЙСДОРФ также показал, что при эвакуации сотрудников гестапо из г. Кёнигсберга работниками тюрьмы на опушке рощи в 6 км западнее г. Кёнигсберга расстреляно 200 арестованных* разных национальностей, вывезенных из Советского Союза. Лично ОТЕЙСДОРФОМ тогда было убито 40 человек арестованных.

Работая в тюрьме гестапо ОТЕЙСДОРФ с 1933 года являлся руководителем /блокляйтером/ местной организации национал-социалистической партии, имевшей в своем составе 60 членов.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 116–118. Подлинник. Машинопись.

---

* Подчеркнуто в документе.

146. Спецсообщение начальника Кёнигсбергского оперативного сектора генерал-майора И. В. Шишлина заместителю народного комиссара внутренних дел СССР генерал-полковнику А. Н. Аполлонову* об арестованных работниках партийных организаций НСДАП Отто Машоне, Пауле Нете и Артуре Иортциге

21 мая 1945 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ

ТОВАРИЩУ АПОЛЛОНОВУ

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

15 мая 1945 года Кёнигсбергским Оперативным сектором, из числа ранее задержанных для фильтрации лиц, агентурно-следственным путем установлены и арестованы руководящие работники низовых партийных организаций национал-социалистической партии Германии:

1. МАШОН Отто, 1883 года рождения, уроженец г. Велау, немец, образование 8 классов, целенляйтер[4] ортсгруппы[5] «ОТТО РАЙНТКЕ», до прихода советских войск в г. Кёнигсберг работал декоратором в городском театре «Шаушпильхауз».

2. НЕТ Пауль, 1890 года рождения, урож[енец] гор. Кёнигсберга, немец, образование 8 классов, блокляйтер ортсгуппы «ОТТО РАЙНТКЕ», до прихода советских войск в гор. Кёнигсберг работал в своей мастерской портным.

3. ИОРТЦИГ Артур, 1884 года рождения уроженец гор. Кёнигсберга, немец, образование среднее, рядовой член партии ортсгруппы «ОТТО РАЙНТКЕ», до прихода советских войск в г. Кёнигсберг работал в собственной шорной мастерской.

Арестованные МАШОН Отто и НЕТ Пауль на допросе показали, что перед походом советских войск в г. Кёнигсберг они, совместно с ортсгруппенляйтером[6] РУДАТ Августом /разыскивается/, по поручению ВАГНЕРА Эрнеста, руководили массовыми расстрелами советских и итальянских военнопленных и гражданского населения, насильно вывезенного из оккупированных областей Советского Союза.

Под руководством указанных лиц и их непосредственном участии в 19 лагерях г. Кёнигсберга было расстреляно около 1700 человек.

В процессе следствия также установлено, что МАШОН Отто, НЕТ Пауль и ИОРЦИГ Артур являлись руководителями боевых дружин, входящих в подпольную организацию, созданную ВАГНЕРОМ Эрнестом, для проведения в тылу советских войск диверсионно-террористической деятельности. Арестованные показали, что в те дни, когда падение г. Кёнигсберга стало очевидным, по прямому указанию Гитлера заместитель партийного руководителя Восточной Пруссии — ВАГНЕР Эрнест — перевел все партийные организации города на нелегальное положение и в каждой ортсгруппе создал подпольные диверсионно-террористические организации. Все местные низовые партийные организации были разделены на боевые дружины, а последние, в свою очередь,— на специальные группы по 8–10 человек.

Из показаний арестованных видно, что в марте и апреле с[его] г[ода] во всех первичных партийных организациях были проведены совещания актива, на которых были разрешены организационные принципы построения подпольных групп, разработаны методы и формы предстоящей борьбы и выделены каждой подпольной организации определенные участки города для подрывной деятельности.

В задачу подпольных организаций входило: повреждение железнодорожных линий, подрыв мостов, уничтожение связи, а также рекомендовалось забрасывать гранатами учреждения городских управлений, городской комендатуры и другие дома, где размещаются военные власти. Кроме того — нападать на одиночных бойцов и командиров Красной Армии, на небольшие группы солдат и физически уничтожать их.

Для обеспечения организаций средствами борьбы, как это видно из показаний арестованных, руководящим подпольным центром были созданы специальные секретные склады с оружием и боеприпасами, место нахождения которых арестованным неизвестно.

В первичной партийной организации «ОТТО РАЙНТКЕ», членами которой состояли МАШОН Отто, НЕТ Пауль, ИОРЦИГ Артур, за время подготовки к подпольной борьбе было проведено четыре совещания партийного актива, на которых ортсгруппенляйтер РУДАТ Август ознакомил присутствующих с директивным указанием центра партии о подпольной борьбе. По решениям этих совещаний, МАШОН Отто создал в своей парторганизации «ЦЕЛЕ»** три подпольных группы, состоящие из 21 человека. Руководство одной из этих подпольных групп МАШОН возложил на блокляйтера НЕТ Пауль, совместно с которым впоследствии он мобилизовал партийные силы для предстоящей борьбы.

МАШОН Отто показал, что руководящий центр их подпольной организации с приходом советских войск должен был находиться в подвалах разрушенного дома «КДФ»[7] на площади Францгирзе[3]*. При осмотре этих подвалов нами было обнаружено одно помещение, оборудованное для жилья, где обнаружено 5 винтовок и патроны к ним.

Следствие по делу МАШОН Отто, НЕТ Пауль, ИОРЦИГ Артур — продолжается. Приняты меры розыска лиц, проходящих по показаниям арестованных.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Протоколы допроса МАШОН О.[4]* и НЕТ П. на 10 листах.

НАЧАЛЬНИК КЁНИГСБЕРГСКОГО ОПЕРСЕКТОРА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ШИШЛИН

«21» мая 1945 года

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 121–124. Подлинник. Машинопись.

---

* В документе «Аполонов».

** Т.е., в партийной ячейке.

3* Так в документе. Имеется в виду: Фриц-Чирзе-плац.

4* Протокол допроса О. Машона частично опубликован под № 147.

147. Из протокола допроса арестованного члена НСДАП Отто Машона о массовых расстрелах советских граждан в г. Кёнигсберге*

14 мая 1945 г.

Копия
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1945 года мая 14 дня. Действующая Армия

[...] ВОПРОС – Вы принимали участие в расстрелах советских военнопленных?

ОТВЕТ – Для того, чтобы полнее ответить на данный вопрос, я хочу несколько остановиться на предшествовавших этому событиях. По мере приближения к Кёнигсбергу Красной Армии, в город были согнаны массы советских военнопленных и гражданского населения. Условия содержания этих людей были невыносимы: находились они в своем большинстве под открытым небом, питание для них с каждым днем ухудшалось, а последние дни они совершенно не получали пищи. Приближение фронта, голод, смерть советских людей в плену с каждым днем угрожали внутренним взрывом в нашем тылу. В первых числах февраля сего года руководитель местной партийной организации РУДАТ Август вызвал к себе меня и блокляйтера НЕТ Пауля, РЕБЕРГ Эриха, БАЗНЕРА Франца, где, охарактеризовав обстановку в Кёнигсберге, пояснил нам, что в связи с частыми бомбардировками города взрываются многочисленные склады с оружием, в силу чего совершенно исправное оружие может попасть в руки советских и итальянских военнопленных и быть использовано против нас. К тому же большинство из них, оказавшись в расположении Красной Армии, могут многое рассказать советскому командованию о нашей деятельности, а также влиться в ее ряды и бороться против нас. Поэтому партия приказывает – расстрелять оставшихся в городе военнопленных и гражданское население, вывезенное из оккупированных областей Советского Союза.

Для этой цели из числа фольксштурмовцев созданы специальные отряды. Один из таких отрядов в количестве 10 человек, под командованием группенфюрера ШАРЬЕ, направлен к нам, который совместно с нами должен будет производить эти операции. Выполняя приказ партии, нами были расстреляны в лагерях:

1. Хауптбанхоф** – расстреляно 40 человек советских военнопленных.
2. Мительтрагхайм /Эккевальштрассе/ – 150 человек советских военнопленных и женщин с детьми.
3. Штайндаммервалль – расстреляно 120 русских военнопленных.
4. Потенгифе – было расстреляно свыше 50 человек гражданских русских и украинцев.
5. Обертайх – нами расстреляно свыше 60 человек гражданских мужчин и женщин.
6. Нордбанхоф – было расстреляно 30 человек военнопленных.
7. Банхофсваллштрассе – расстреляно 80 человек военнопленных русских и итальянцев.
8. Тиргартен – расстреляно 80 человек русских военнопленных.
9. Хинтертрагхайм – было расстреляно 140 человек советских военнопленных и гражданских.
10. Мессегеленде – нами расстреляно 120 человек военнопленных.

11. Даймлерверке — было расстреляно свыше 30 человек русских и военнопленных.
12. Генерал-Лицманштрассе /из двух лагерей/ нами расстреляно 100 человек военнопленных.
13. Штадтсгоф — было расстреляно свыше 60 человек итальянских военнопленных.
14. Фейльхенберг — расстреляно свыше 60 человек украинцев — мужчин, женщин и детей.
15. ЮДИТТЕН — расстреляно 80 человек военнопленных и гражданских, русских и украинцев.
16. Альтенбанхоф /Кляппервизе/ нами расстреляно свыше 60 человек украинцев и итальянцев.
17. Нойе Бляйхе — расстреляно 30 человек советских военнопленных.
18. Гросс Раум — расстреляно 30 человек советских военнопленных.
19. Хинтертрагхайм — вторично было нами расстреляно 35 человек советских военнопленных.

ВОПРОС–Сколько времени Вы производили расстрел указанных лиц?

ОТВЕТ — Расстрелы нами производились методически с начала февраля с[его] г[ода] по 5 апреля.

ВОПРОС — Где были погребены расстрелянные Вами лица?

ОТВЕТ — После расстрела, мы — члены партии, обычно уходили домой, а трупы закапывали фольксштурмовцы. Поэтому точное место погребения расстрелянных указать не могу.

ВОПРОС — Что Вами сделано по вопросу подпольной борьбы за время пребывания в тылу советских войск?

ОТВЕТ — В первый день прихода советских войск я был задержан, поэтому выполнить решения партии о подпольной борьбе не имел возможности.

Протокол с моих слов записан верно, мне зачитан в немецком переводе, в чем и расписываюсь.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 125–135. Копия. Машинопись.

---

* Приложение к документу № 146.

** Здесь и далее в документе написание географических названий исправлено.

148. О немецких землевладельцах Элле Пашир, Шнаке, Даниеле Науюке, Гагазе, Штобби, Отто Цироле, Пенчиле, Франце Трибеле, Каммере, Генрихе Плаце, графе Ойленбурге, эксплуатировавших в своих хозяйствах иностранных рабочих и военнопленных*

*1945 г.***

1. 27 января с[его] г[ода] в дер. Ноуенден Крансэш-Нильдерунгской волости (Восточная Пруссия) арестована член фашистской молодежной организации «Гитлеровская молодежь Германии» — немка ПАШИР Элла, 1911 года рождения, германско-подданная.

ПАШИР избивала и издевалась над работавшими в хозяйстве ее отца — члена национал-социалистической партии[3*] — рабочими, насильственно угнанными немцами в Германию из оккупированных ими ранее стран. К Советскому Союзу и Красной Армии настроена враждебно и среди населения распространяла клеветнические измышления об СССР и ВКП (б).

2. Владелец типографии в г. Лабиау, активный член национал-социалистической партии, немец ШНАК. В своем имении использовал до 50 человек иностранных рабочих, угнанных немцами из оккупированных ими стран, руководил эвакуацией из г. Лабиау гражданского населения и угнал в Германию вместе с отступающими немецкими войсками более 200 советских граждан, пытавшихся остаться в г. Лабиау к моменту прихода частей Красной Армии.

3. Резидент германской жандармерии в г. Гердауэн, член национал-социалистической партии, немец НАУЮК Даниель, крупный помещик, держал у себя на работе советских военнопленных, выявил и выдал германской жандармерии 5 советских парашютистов и 7 советских граждан, которые жандармерией были расстреляны.

4. Начальник полиции в гор. Койкирхгейз, немец ГАГАЗЕ, активный член национал-социалистической партии, крупный землевладелец, эксплуатировавший в своем хозяйстве советских и французских военнопленных.

В 1942–1944 гг. ГАГАЗЕ принимал участие в расстрелах граждан СССР, угнанных в Восточную Пруссию, проводивших там антифашистскую работу.

5. Крупная помещица, немка ШТОББИ, член фашистской организации. Штобби имела более 500 га земли и эксплуатировала свыше 130 чел[овек] советских граждан, вывезенных немцами из оккупированных ими в свое время районов СССР.

6. Крупный помещик — немец ЦИРОЛЬ Отто, активный член национал-социалистической партии. В своем хозяйстве эксплуатировал свыше 30 советских военнопленных.

7. Резидент германской разведки — ПЕНЧИЛА, литовец, крупный помещик, в своем хозяйстве эксплуатировал иностранных граждан и граждан СССР, угнанных немцами из ранее оккупированной ими советской территории.

До изгнания немцев из Литвы ПЕНЧИЛА по заданию гестапо выявлял коммунистов, партизан и антифашистски настроенных лиц в Мариампольском уезде Литовской ССР.

При отходе немецких войск из гор. Хайльсберг ПЕНЧИЛА был оставлен немцами в городе для шпионской работы.

8. Помощник начальника Инстербургской окружной полиции — немец ТРИБЕЛЬ Франц, крупный землевладелец, в своем хозяйстве эксплуатировал советских военнопленных.

При отступлении немцев из гор. Инстербург ТРИБЕЛЬ был оставлен в городе для организации подрывной работы в тылу частей Красной Армии.

9. Крупный помещик — немец КАММЕР, обер-лейтенант германской армии в отставке.

В своем хозяйстве КАММЕР имел около 500 гектаров земли и эксплуатировал более 40 граждан СССР и иноподданых, угнанных немцами из оккупированных ими в свое время стран.

10. Активный член национал-социалистической партии, агент гестапо – немец ПЛАЦ Генрих, владелец крупной столярной мастерской.

ПЛАЦ эксплуатировал 70 человек рабочих из числа граждан СССР и иноподданных, угнанных немцами из ранее оккупированных ими стран.

По заданию гестапо ПЛАЦ готовил рабочих мастерской к вступлению в отряды «Фольксштурма» для борьбы с Красной Армией.

11. Граф ОЙЛЕНБУРГ, бывший депутат рейхстага, полковник германской армии в отставке, крупный помещик, имел свыше 1000 га земли и эксплуатировал более 100 человек советских и французских военнопленных.

По нашим материалам известно, что граф ОЙЛЕНБУРГ поддерживал связь с начальником германского генерального штаба Гудерианом и что в конце прошлого года до наступления Красной Армии Гудериан приезжал к ОЙЛЕНБУРГУ в поместье.

Перед наступлением частей 3-го Белорусского фронта ОЙЛЕНБУРГ руководил эвакуацией населения из городов Бартенштайн, Растенбург и др[угих] районов в глубь Германии.

При аресте ОЙЛЕНБУРГ пытался покончить жизнь самоубийством. Последний нами допрашивается.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 80, 82, 83, 84, 86, 90, 91, 94, 96. Подлинник. Машинопись.

---

* Подборка фрагментов из разных документов.

** Датируется по содержанию документов и по смежным документам.

3* Зачеркнуто карандашом.

149. Об участнике массовых расстрелов советских граждан Рудольфе Иобете

*1945 г.**

Член национал-социалистической партии – ИОБЕТ Рудольф, 1886 года рождения, немец, образование среднее.

Следствием по делу установлено, что в январе месяце с[его] г[ода], вместе с работником Гестапо, ИОБЕТ принимал участие в двух массовых расстрелах заключенных советских граждан. Всего было расстреляно свыше 500 человек.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 102. Подлинник. Машинопись.

---

* Датируется по смежным документам дела.

150. О начальнице женского лагеря в г. Кёнигсберге Хильдигард Шуинайх

*1945 г.**

Начальник женского лагеря города Кёнигсберга, немка ШУИНАЙХ Хильдигард, член национал-социалистической партии. В должности начальника лагеря иностранных рабочих, вывезенных из оккупированных немцами стран Европы, работала до взятия города Кёнигсберга частями Красной Армии. Как начальник лагеря ШУИНАЙХ ввела суровый режим для работниц, в результате чего в лагере имелась большая смертность.

АУФСБКО. Коллекция № 10/307. Л. 103. Подлинник. Машинопись.

---

* Датируется по смежным документам дела.

[1] Инокомендатуры — комендатуры при советских военных органах по репатриации. Занимались вопросами возвращения на родину граждан иностранных государств, оказавшихся в результате военных действий за пределами своей страны.

[2] Раппортфюрер (*нем.* Rapportführer) — военизированное звание СС. В концентрационном лагере основная обязанность раппортфюрера — проведение ежедневных перекличек.

[3] Союз немецких девушек (*нем.* Bund Deutscher Mädel) — женская молодежная организация в нацистской Германии, куда входили девушки от 14 до 18 лет. Девочек в возрасте от 10 до 14 лет объединял «Юнгмедельбунд» (нем. Jungmädelbund) — Союз девочек.

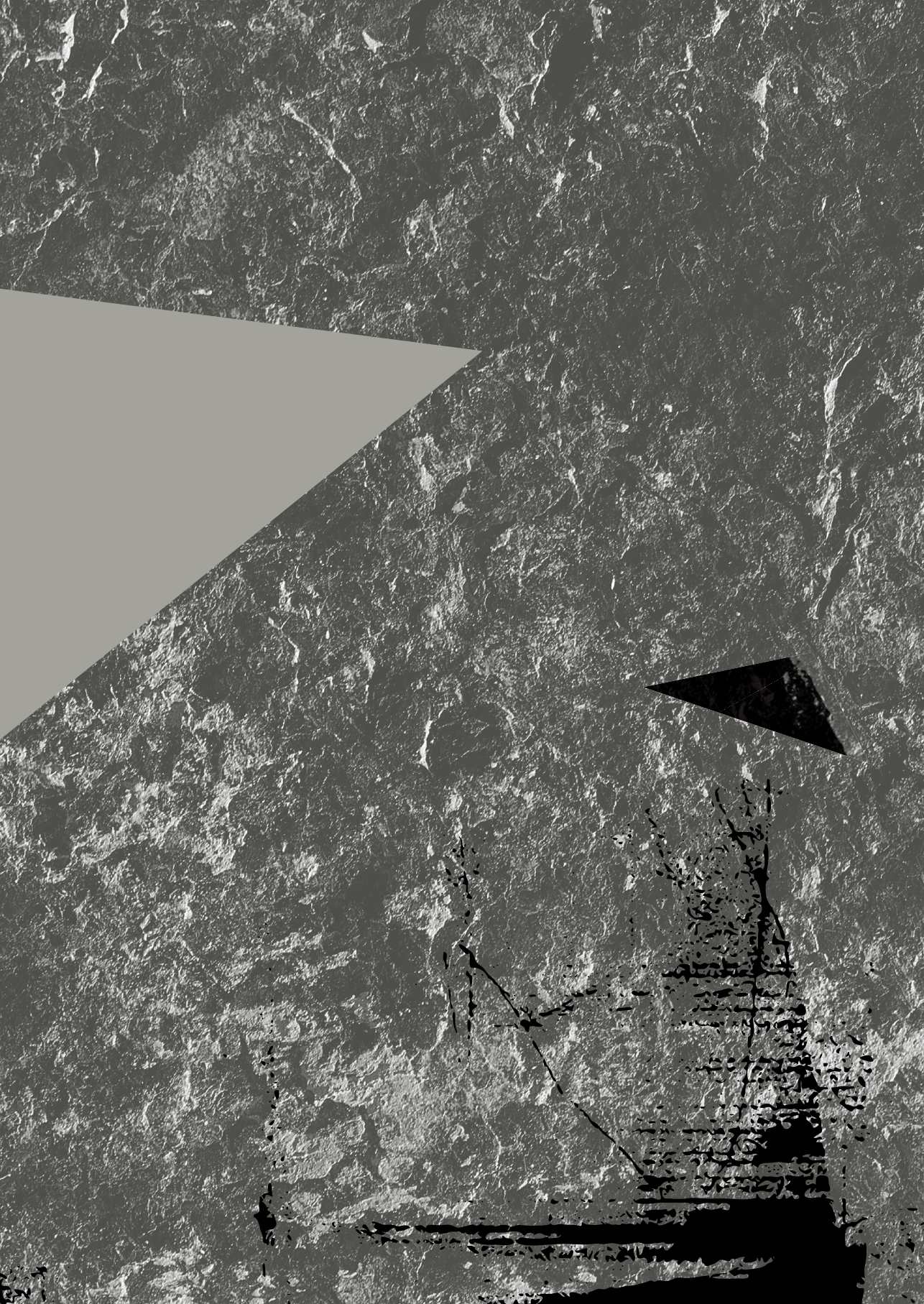
[4] Целенляйтер (*нем.* Zellenleiter) — руководитель партийной ячейки НСДАП.

[5] Ортсгруппа (*нем.* Ortsgruppe) — низовое звено НСДАП, отвечающее за работу в городских кварталах.

[6] Ортсгруппенляйтер (*нем.* Ortsgruppenleiter) — руководитель ортсгруппы.

[7] КДФ (*нем.* Kraft durch Freude, *аббр.* KDF) — «Сила через радость», национал-социалистическое объединение. Занималось вопросами досуга населения рейха. Входило в состав Германского трудового фронта.

ПРИЛОЖЕНИЕ



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКОИХМ	– Архив Калининградского областного историко-художественного музея
АУФСБКО	– Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Калининградской области
АУФСБОО	– Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Омской области
б/п	– беспартийный
БФУ им. И. Канта	– Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
ВАД	– военная автомобильная дорога
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛО ГАПО	– Великолукское отделение Государственного архива Псковской области
г., гг.	– год, годы
г., гор.	– город
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАКО	– Государственный архив Калининградской области
ГКО	– Государственный комитет обороны
Гестапо	– (*нем.* Gestapo, Geheime Staatspolizei) Тайная государственная полиция в нацистской Германии
д., дер.	– деревня
Д.	– дело
ДАФ	– (*нем.* Deutsche Arbeitsfront, *аббр.* DAF) Германский трудовой фронт.
зам.	– заместитель
км	– километр
КГОМ1	– основной фонд Калининградского областного историко-художественного музея
КГОМ2	– вспомогательный фонд Калининградского областного историко-художественного музея
КОИХМ	– Калининградский областной историко-художественный музей
КПГ	– (*нем.* Kommunistishe Partei Deutschlands, *аббр.* KPD) Коммунистическая партия Германии
КТИ (КТИРПиХ)	– Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства
Л.	– лист
н.п.	– населенный пункт
м., мест., м-ка	– местечко, местечка
МГ	– (*нем.* MG, *аббр.* от Maschinengewehr) пулемет, состоял на

вооружении вермахта в годы Второй мировой войны

м/с – медицинская служба

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР

НКО – Народный комиссариат обороны СССР

НСДАП – (*нем.* NSDAP, Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP) Национал-социалистическая рабочая партия Германии

ОКР «СМЕРШ» – отдел контрразведки «СМЕРШ»

Оп. – опись

П.п. – печать и подпись

п.г.т. – поселок городского типа

п., пос. – поселок

РГВА – Российский государственный военый архив

РГК – Резерв Главного Командования

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РОА – Русская освободительная армия

СД – (*нем.* SD, *аббр.* от *нем.* Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS) Служба безопасности рейхсфюрера СС

СМЕРШ – «Смерть шпионам» — название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Великой Отечественной войны

СПП – сборно-пересыльный пункт

СС – (*нем.* SS, *аббр.* от *нем.* Schutzstaffeln, «отряды охраны») военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии

с/с – сельский совет

ст. – статья

т., тов. – товарищ

УК РСФСР – Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ул. – улица

УМГБ – Управление Министерства государственной безопасности СССР

Ф. – фонд

ФКОИХМ – фонды Калининградского областного историко-художественного музея

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ЦБК – Целлюлозно-бумажный комбинат

МЕСТА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ПАМЯТЬЮ О ЖЕРТВАХ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА

1. Пляж у подножья шахты «Анна» — место расстрела заключенных в ночь с 26 на 27 января 1945 г., п.г.т. Янтарный.
2. Памятник жертвам «марша смерти». Скульпторы Франк Майслер, Арье Овадия, п.г.т. Янтарный.
3. Мемориал на месте интернационального кладбища военнопленных лагеря «Шталаг IA Штаблак». В районе п. Нагорное Багратионовского г.о.
4. Фундаменты построек, где использовался труд рабочих команд лагеря «Шталаг IA Штаблак», п. Стрельня Багратионовского г.о.
5. Памятный знак жертвам лагеря «Шталаг IA Штаблак». Надпись: «Памяти погибших в лагере Шталаг IA на территории форта “Штиле” 1941–1945 гг.», г. Балтийск, юго-западнее форта «Штиле».
6. Мемориал на месте лагеря «Хоенбрух». В районе п. Громово Славского г.о.
7. Мемориальный крест советским военнопленным, погибшим в годы Великой Отечественной войны, г. Советск, территория «Лесного кладбища».
8. Памятный знак заключенным лагеря «Офлаг-52», п. Пригородное Нестеровского г.о.
9. Памятный знак на месте внешнего лагеря концлагеря «Штуттгоф». В районе п. Вавилово Мамоновского г.о.
10. Памятная доска жертвам Холокоста на южной стене здания бывшего еврейского сиротского приюта, г. Калининград, ул. Октябрьская, 3.
11. Памятная доска жертвам Холокоста. Надпись: «В память о 465 жителях Кёнигсберга и Восточной Пруссии, которые 24 июня 1942 года были насильственно вывезены отрядами СС с товарной станции Северного вокзала Кёнигсберга в лагерь смерти Малый Тростенец под Минском. Это была первая депортация евреев из Кёнигсберга в рамках нацистского массового истребления евреев Европы. Жители Калининграда и Кёнигсберга. 24 июня 2011», г. Калининград, Северный вокзал.

Указатель упоминаемых в документах нацистских концентрационных лагерей, лагерей для военнопленных и интернированных граждан, окружных отделов труда Германского трудового фронта (1939–1945 гг.)

Концентрационные лагеря

«Аугсбург» – внешний лагерь концлагеря «Дахау» в г. Аугсбурге в Германии *124, 334, 351, 357*

«Бухенвальд» – концлагерь у г. Веймара в Германии *44, 124*

«Гарделеген» – концлагерь в г. Гарделегене в Германии *124*

«Гросс-Розен» – концлагерь в р-не с. Гросс-Розен в Германии (г. Рогозница, Польша) *44, 124*

«Дахау»– концлагерь у г. Дахау в Германии *124, 334, 351, 357*

«Заксенхаузен» – концлагерь в г. Ораниенбурге в Германии *44, 315*

«Куремяэ» – концлагерь у д. Куремяэ в Эстонии *349*

«Майданек» – концлагерь на окраине г. Люблина в Польше *31, 124, 266, 345*

«Маутхаузен» – концлагерь у г. Маутхаузена в Австрии *44, 124*

«Нойенгамме» – концлагерь в р-не Нойенгамме г. Гамбурга в Германии *44*

«Освенцим» («Аушвиц–Биркенау») – комплекс концентрационных лагерей у г. Освенцима в Польше *17, 31, 58, 78-81, 124, 266, 277, 279, 290, 314, 341-343*

«Равенсбрюк» – женский концлагерь у д. Равенсбрюк в Германии *44, 219-222, 312, 315*

«Рига-Кайзервальд» – концлагерь в сев. части г. Риги *344*

«Треблинка» – концлагерь у д. Треблинка в Польше *124*

«Цводау» (Сватава) – женский концлагерь в р-не г. Карловы Вары в Чехии *220, 222*

«Штрасденхоф» – концлагерь у г. Риги в Латвии *285*

«Штуттгоф» («Данциг-Штуттгоф») – концлагерь у п. Штуттгоф (п. Штутово, Польша) *7, 9, 15, 23, 35-36, 40, 43-44, 48, 51-53, 58, 62-65, 69-71, 75-79, 81-82, 124, 159, 251, 271, 273, 275-277, 280-283, 286, 290, 310, 318, 326, 328-329, 333-334, 336-342, 344-352, 355-357*

Внешние лагеря и рабочие команды концлагеря «Штуттгоф»

«Бургграбен» («Данциг-Бургграбен») – внешний лагерь концлагеря «Штуттгоф» в р-не г. Данцига в м. Кокошкен (р-н Кокошки г. Гданьска, Польша) *341, 344*

Быдгощ, г., Польша – лагерь рабочей команды и внешний лагерь «Штуттгофа» *251*

«Гердауэн» (п. Железнодорожный, Правдинский г.о., Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь иностранных рабочих «Штуттгофа» *9, 23, 71, 76, 209*

«Зераппен» (п. Люблино, Светловский г.о., Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь иностранных рабочих «Штуттгофа» *9, 23, 38, 71-72, 78-81, 83, 263, 270-271, 275, 277, 283-285*

«Йесау» (в черте п. Нивенское, Багратионовский г.о., Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь иностранных рабочих «Штуттгофа» *9, 23, 71-72, 76-79, 81, 83, 270-271, 275, 277, 284, 292, 304*

«Торн» (г. Торунь, Польша) – лагерь рабочей команды «Штуттгофа» *76, 310*

«Хайлигенбайль» (г. Мамоново, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь иностранных рабочих «Штуттгофа» *10, 23, 71, 72, 76–78, 81, 82, 270, 271, 275, 277, 284, 351, 357, 361*
«Шиппенбайль» (г. Семпополь, Польша) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь иностранных рабочих «Штуттгофа» *9, 71, 76-77, 81, 270-271, 275, 277, 284-285, 295, 357*
«Штайн-Кёнигсберг» – внешний лагерь «Штуттгофа» на вагонном заводе «Штайнфурт» в г. Кёнигсберге (Калининградский вагоностроительный завод) *20, 23, 30, 70, 270, 277, 311*
Эльбинг (г. Эльблонг, Польша) – лагерь рабочей команды и внешний лагерь «Штуттгофа» *251, 280, 338*

Лагеря для военнопленных и интернированных граждан

Альтенбанхоф, г. Кёнигсберг (так в документе) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *395*
Банхофсваллштрассе, г. Кёнигсберг (Южный переулок в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
«Б-1» – трудовой лагерь в г. Кёнигсберге (р-н ул. Судостроительной в г. Калининграде) *13, 229, 244*
Гросс-Диршкайм (п. Донское, Светлогорский г.о., Калининградская обл.) –трудовой лагерь *269, 369*
Гросс Раум (п. Рябиновка, Гурьевский г.о., Калининградская обл.) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *395*
Гросс Шрайберг (в переводе документа с немецкого языка; предположительно в р-не п. Шатрово Зеленоградского г.о. Калининградской обл.) – трудовой лагерь *269*
Даймлерверке, г. Кёнигсберг – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *395*
Двинский лагерь советских военнопленных в р-не г. Двинска (г. Даугавпилс, Латвия) *116, 118, 138, 174*
Диршауэрштрассе, г. Кёнигсберг (ул. Киевская, г. Калининград) – трудовой лагерь *40, 206*
Домтау (п. Долгоруково, Багратионовский г.о., Калининградская обл.) – лагерь военнопленных *10, 18, 94, 98*
«Кайзерхафен» – лагерь иностранных рабочих в р-не г. Данцига (г. Гданьск, Польша) *294*
Кранцер аллея, г. Кёнигсберг (ул. Александра Невского в Калининграде) –трудовой лагерь советских интернированных граждан *388*
Ловис-Коринтштрассе, г. Кёнигсберг (ул. Спортивная в г. Калининграде) – трудовой лагерь иностранных рабочих *206*
«Метгетен» («Остландверке») – трудовой лагерь при заводе «Остландверке» в Метгетене (п. им. Александра Космодемьянского в черте г. Калининграда) – трудовой лагерь *10, 11, 20, 83-84, 86-88, 160, 163-165, 173-174, 283, 315*
Мессегеленде, часть Восточной ярмарки, г. Кёнигсберг (территория от храма Христа Спасителя до Центрального рынка в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
Мительтрахгайм, г. Кёнигсберг (ул. Сергеева в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
Нойе Бляйхе, г. Кёнигсберг (ул. Велосипедная дорога в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *395*
Нордбанхоф, г. Кёнигсберг (Северный вокзал в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
Обертайх, г. Кёнигсберг (Нижнее озеро в г. Калининграде) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
Остероде (г. Оструда, Польша) – лагерь военнопленных *91, 209, 212*
«Офлаг-52» (Эбенроде) – лагерь военнопленных в н.п. Шютценорте

(п. Пригородное, Нестеровский г.о., Калининградская обл.) *10-11, 27-28, 37, 115, 142-145, 147-148, 156, 158-159, 174, 403*
«Офлаг-53» — лагерь военнопленных в р-не г. Погеген (г. Пагегяй, Литва) *18, 32*
«Офлаг-60» — лагерь военнопленных в г. Кудиркос-Науместис в Литве *18, 32*
Пайзе (г. Светлый, Калининградская обл.) — лагерь военнопленных *137, 174*
Пальмникен (п.г.т. Янтарный, Калининградская обл.) — трудовой лагерь *263, 275-276, 290-291, 293, 303*
Пиллау (г. Балтийск) — трудовой лагерь на форту «Штиле» *30, 33, 84, 107, 111-115, 262, 283, 341, 356-357*
Потенгифе, г. Кёнигсберг (так в документе) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *394*
Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск, Калининградская обл.) — трудовой лагерь иностранных рабочих *13, 28, 98, 209, 235*
«Прессверке» – трудовой лагерь в Метгетене (п. им. Александра Космодемьянского в черте г. Калининграда) *20*
Тиргартенштрассе, г. Кёнигсберг (ул. Зоологическая в г. Калининграде) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
«Тройль» (так в документе) — трудовой лагерь вблизи г. Данцига (г. Гданьск, Польша), точное место расположения не установлено *341, 344*
Фейльхенберг, г. Кёнигсберг (так в документе) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *395*
Хаммервег (проспект Мира, г. Калининград) — трудовой лагерь в г. Кёнигсберге *83-84*
Хауптбанхоф (Южный вокзал в г. Калининграде) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
Хинтертрагхайм, г. Кёнигсберг (часть ул. Сергеева в г. Калининграде) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394-395*
«Хоенбрух» — исправительный трудовой лагерь у н.п. Хоенбрух (лес возле п. Громово, Славский г.о., Калининградская обл.) *18, 21, 32, 403*
«Хоэнштайн» — лагерь военнопленных и остарбайтеров в Хоэнштайне (г. Ольштынек, Польша) *11, 18, 100, 160,*
Царген (п. Истровка, Гвардейский г.о., Калининградская обл.) — лагерь советских военнопленных *91*
«Шихау», судостроительная верфь в г. Кёнигсберге (Прибалтийский судостроительный завод в Калининграде) — трудовой лагерь *10, 12, 20, 30, 37, 70, 83-87, 173, 205, 211, 218, 270-271, 277, 281, 311, 315*
Штадтсгоф, г. Кёнигсберг (в переводе документа с немецкого языка) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *395*
Штайндаммервалль, г. Кёнигсберг (ул. Галицкого в г. Калининграде) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *394*
«Шталаг IA Штаблак» — лагерь военнопленных в р-не н.п. Штаблак (п. Долгоруково, Багратионовский г.о., Калининградская обл.) *8, 10-11, 18. 28-30, 33,99-103, 106, 165-168, 403*
«Шталаг IB» — лагерь военнопленных в р-не г. Хоэнштайна (г. Ольштынек, Польша) *18, 100, 161-162, 174*
«Шталаг IF» — лагерь военнопленных в н.п. Судауен (г. Сувалки, Польша) *18*
«Шталаг ID» — лагерь военнопленных в н.п. Шютценорт (п. Пригородное, Нестеровский г.о., Калининградская обл.) *27*
«Шталаг IF/Z» — лагерь военнопленных в н.п. Шютценорт (п. Пригородное, Нестеровский г.о., Калининградская обл.) *27*
«Шталаг II B Хаммерштейн» — лагерь военнопленных в Хаммерштейне (г. Чарне, Польша) *157, 174*
Эккевальштрассе, г. Кёнигсберг (так в документе) — трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан (место расположения не установлено) *394*
Юдиттен (не существует, часть

Центрального р-на г. Калининграда) – трудовой лагерь советских военнопленных и интернированных граждан *395*

Лагеря рабочих команд «Шталаг IA Штаблак»

Велау (п. Знаменск, Гвардейский г.о., Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30*
Геркен (п. Дубровка, Багратионовский г.о., Калининградская обл.) – часть лагеря военнопленных «Шталаг IA Штаблак» *18*
Домнау (п. Домново, Багратионовский г.о., Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30*
Гумбиннен (г. Гусев, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30, 209*
«Зюйд» – часть лагеря военнопленных «Шталаг IA Штаблак» (м. Каминьск, Польша) *28*
Инстербург (г. Черняховск, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *11, 18, 30, 91, 170, 209*
«Крагес и Крите», фанерная фабрика в г. Кёнигсберге на Хейльсбергерштрассе (ул. Яблочная в г. Калининграде) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *12, 30, 211, 226*
Лабиау (г. Полесск, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30, 209*
Тильзит (г. Советск, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *18, 30, 44, 209*
«Фельдмюле Коссе», целлюлозная фабрика в г. Кёнигсберге (г. Калининград) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30*
Форт «Штиле» – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30, 33, 107, 113-115, 174, 403*
«Хайдекруг» (г. Шилуте, Литва) – внешний лагерь «Шталага IA Штаблак» *18, 155, 157, 209*
Хайлигенбайль (г. Мамоново, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30*
Хайнрихсвальде (г. Славск, Калининградская обл.) – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» *30*
«Шихау», судостроительная верфь в г. Кёнигсберге (Прибалтийский судостроительный завод в г. Калининграде) – трудовой лагерь *10, 12, 20, 30, 37, 70, 83-87, 173, 205, 211, 218, 270-271, 277, 281, 311, 315*
«Шромбенен» – лагерь рабочей команды «Шталаг IA Штаблак» в р-не н.п. *30*
Шультиттен (п. Стрельня Багратионовского г.о. Калининградской обл.) *403*
«Штайнфурт», вагонный завод, г. Кёнигсберг (Калининградский вагоностроительный завод) *20, 23, 30, 70, 270, 277, 311*

Окружные отделы труда иностранных рабочих Германского трудового фронта

Алленштайн (г. Ольштын, Польша) *209*
Ангерапп (г. Озёрск, Калининградская обл.) *209*
Ангербург (г. Венгожево, Польша) *209*
Бартенштайн (г. Бартошице, Польша) *209*
Браунсберг (г. Бранёво, Польша) *209*
Велау (п. Знаменск, Гвардейский г.о., Калининградская обл.) *209*
Гердауэн (п. Железнодорожный, Правдинский г.о., Калининградская обл.) *209*
Гольдап (г. Гольдап, Польша) *209*
Гумбиннен (г. Гусев, Калининградская обл.) *209*
Зенсбург (г. Мронгово, Польша) *209*
Инстербург (г. Черняховск, Калининградская обл.) *209*
Йоханнисбург, г., Польша *209*
Кёнигсберг (г. Калининград) *209*
Лабиау (г. Полесск, Калининградская обл.) *209*
Лётцен (г. Гижицко, Польша) *209*
Лик (г. Элк, Польша) *209*
Мемель (г. Клайпеда, Литва) *209*
Морунген (г. Моронг, Польша) *209*
Найденбург (г. Нидзица, Польша) *209*
Ортельсбург (г. Щитно, Польша) *209*
Остероде (г. Оструда, Польша) *209*
Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск, Калининградская обл.) *209*
Пройсиш Холланд (г. Пасленк, Польша) *209*
Растенбург (г. Кентшин, Польша) *209*
Рёссель (г. Решель, Польша) *209*
Тильзит (г. Советск, Калининградская обл.) – Рагнит (г. Неман, Калининградская обл.) *209*
Тройбург (г. Олецко, Польша) *209*

Хайдекруг (г. Шилуте, Литва) *209*
Хайлигенбайль (г. Мамоново, Калининградская обл.) *209*
Хайльсберг (г. Лидзбарк-Варминьски, Польша) *209*
Шлоссберг (п. Добровольск, Краснознаменский г.о., Калининградская обл.) *209*
Эбенроде (г. Нестеров, Калининградская обл.) *209*
Эльхнидерунг (Славский г.о., Калининградская обл.) *209*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов Виктор Семенович, начальник Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Народного комиссариата обороны СССР *103*

Адамюк Лидия, работница принудительного труда *213*

Айслер Ирина Александровна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338-339*

Акерман Эдит [Ackermann Edith], жительница Пальмникена *309*

Акс [Achs], служащий концлагеря «Штуттгоф» *69*

Альбрехт Генрих, старший рабочей команды заключенных концлагеря «Штуттгоф» *69*

Амзаева Нина Николаевна, заключенная концлагеря «Штуттгоф» *9, 65*

Андреев Иван Михайлович, генерал-майор, заместитель начальника Политуправления 3-го Белорусского фронта *14, 257*

Антон Вильгельм [Anton Wilhelm], штурмшарфюрер СС, служащий концлагеря «Штуттгоф» *76*

Антоненко Нина Николаевна, малолетняя заключенная трудового лагеря в Кёнигсберге *10, 88*

Антыдзе, заключенный, врач лазарета лагеря военнопленных «Шталаг IA» *101-102*

Аня, работница принудительного труда *233*

Апель Ю. А., заключенный лагеря военнопленных «Шталаг IA» *28, 33*

Аполлонов Аркадий Николаевич, генерал-полковник, заместитель народного комиссара внутренних дел СССР 1*6, 392*

Аркашев Василий Иванович, фронтовой фотокорреспондент *13, 235*

Армс Мария [Arms Maria], служащая янтарного комбината в Пальмникене *284, 286, 298*

Арсаков Агубе Губадиевич, переводчик *263*

Арт Стелла, участница «марша смерти» *291*

Аукшун Антон [Aukschun Anton], работник янтарного комбината в Пальмникене, служащий вспомогательной полиции *269, 274, 288, 293, 299-300, 303-304, 371-372, 375-376*

Ахатц [Achatz], труппфюрер, оперативная группа ОТ «Танненберг» *77*

Б

Бадольо Пьетро, маршал, в 1943 г. премьер-министр Италии *32*

Базнер Франц, блокляйтер ортсгруппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *394*

Бакун Вера, восточная рабочая из Белоруссии *12, 226*

Балтрушат Отто, житель Эбенроде *122-123, 125, 127*

Банкевиц Кристель [Bankewitz Christel], надзирательница трудового лагеря «Гердауэн» *76*

Барбере Жан [Barberé Jean], работник принудительного труда *12, 211*

Бардтке Альфонс [Bardtke Alfons], работник янтарного комбината в Пальмникене *298, 300*

Бартнинг Ренате [Bartning Renate], жительница Пальмникена *301*

Бартке [Bartke], член гитлерюгенда *289*

Барч Бруно [Bartsch Bruno], заключенный, работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *60*

Барыков В. В., художник *11, 144*

Баумайстер Антон [Baumeister Anton], житель Пальмникена *293*
Бейлхардт Эрна [Beilhardt Erna], надзирательница трудового лагеря «Хайлигенбайль» *76*
Бекер Г., лейтенант вермахта *26*
Бендзинский Ян, полицейский концлагеря «Штуттгоф» *339*
Бензон Пауль *22*
Бент, санитар концлагеря «Штуттгоф» *46*
Бенш *46*
Березовский А. М., гвардии полковник юстиции *258*
Берия Лаврентий Павлович, народный комиссар внутренних дел СССР, заместитель председателя ГКО СССР *247*
Берлинска Эстер [Berlinska Esther], заключенная трудового лагеря «Шиппенбайль» *285*
Беспалко Роман Михайлович, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Бёме Хорст [Böhme Horst], оберфюрер СС, начальник полиции безопасности и СД в Восточной Пруссии *324-325, 348, 357*
Бётхер Эрна [Böttcher Erna], надзирательница трудового лагеря «Йесау» *76*
Бидерман Геня [Biderman Genia], работница принудительного труда, участница «марша смерти» *265*
Бисс Артур, журналист, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *49*
Битюков Александр Матвеевич, майор, редактор газеты 220-й стрелковой дивизии «За Родину» *233*
Блитц Мария, участница «марша смерти» *24*
Бляк, капитан, жандармерия Пальмникена и Фишхаузена *369*
Бойненкова Елена Михайловна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *339*
Больген Гюнтер [Bolgen Günter], член юнгфолька, житель Пальмникена *288, 372, 376*
Больгён Ганс-Гюнтер [Böllgonn Hans-Hunther] (Ганс), член юнгфолька, житель Пальмникена *288, 362-363, 365, 376*
Больгён Карл-Хайнц [Böllgonn Karl-Heinz], член гитлерюгенда, житель Пальмникена *288*
Бондаренко Валентина Григорьевна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *47, 338-339*
Бонин фон [Bonin von], оберштурмфюрер СС, руководитель администрации концлагеря «Штуттгоф» *71, 77*
Бонн фон, гауптштурмфюрер СС, помощник коменданта концлагеря «Штуттгоф» *51*
Борах Фёдор, заключенный лагеря советских военнопленных «Царген» *91*
Боркман, препаратор анатомического института в Данциге *252*
Боровиков Аркадий (Аркаша), заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *118, 122*
Боря Рыжий, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *122*
Брагин Михаил Григорьевич, военный корреспондент *20, 32*
Брайт Ганс [Breit Hans], заключенный, работник санчасти концлагеря «Штуттгоф» *62*
Брацлавская Софья Липовна, капитан медицинской службы, судебно-медицинский эксперт *51*
Брезгин, полковник *43, 51*
Брем фон, зондерфюрер, сотрудник отделения гестапо при лагере военнопленных «Шталаг IA» *102-103*
Брингманн, генеральный прокурор *22*
Бруннер Вилли («Наше Совинформбюро»), служащий лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), антифашист *125, 128*
Брунов [Brunow], сотрудник уголовного розыска в Киле *326*
Брынзин Алексей *138*
Брянский В. Г., заключенный, врач лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157, 159*
Буглеева Евдокия Степановна, заключенная трудового лагеря в Кёнигсберге *239*
Бурдени, заключенный, врач лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *85*
Бурдинский Н. К., гвардии рядовой *258*

В

Вавилов Иван Иванович, заключенный лагеря военнопленных «Шталаг IA» *10, 106*
Вагнер, обершарфюрер СС, комендант лагеря «Бургграбен» *311, 344*

Вагнер Эрнест, заместитель гауляйтера Восточной Пруссии *392*
Вайнерт [Weinert], унтершарфюрер СС, командир караульного подразделения и ответственный руководитель трудового лагеря «Шиппенбайль» *71*
Вайс, штурмфюрер СС, врач концлагеря «Аушвиц» *343*
Валентина С., работница принудительного труда *232*
Валерий, летчик, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *128, 130-131*
Вальтер Фридрих [Walter Friedrich], унтерштурмфюрер СС, служащий концлагеря «Штуттгоф» *76*
Ван Берген, старший препаратор, начальник лаборатории мыловарения анатомического института в Данциге *251-253*
Василий Васильевич, заключенный, фельдшер лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *150*
Васюта Д. К., гвардии подполковник медицинской службы *257-258*
Васягин С. П., полковник *257-258*
Вебер (урожд. Зонтаг) Маргарете [Weber (Sontag) Margarete], супруга Ф. Вебера *310*
Вебер (урожд. Касперайт) Генриетта [Weber (Kaspereit) Henriette], мать Ф. Вебера *310*
Вебер Фридрих Карл [Weber Friedrich Karl], отец Ф. Вебера *310*
Вебер Фриц [Weber Fritz], обершарфюрер СС, последний командир лагеря «Шихау» в Кёнигсберге, начальник конвоя «марша смерти», начальник команды СС, производившей расстрел заключенных в Пальмникене *23-25, 37, 268, 270-273, 275, 277-279, 281-284, 286-288, 298, 302, 309, 315, 317-319, 321, 324-325, 328-330, 349, 351-359*
Вегнер, работница чайной ЦБК в Калининграде *381*
Вейс Альбер, землевладелец *232*
Вендлер Ивальд (Изальт, Эвальд), член гитлерюгенда, житель Зоргенау *363, 372, 376*
Веньятов *11, 169*
Вера, восточная рабочая из Украины *12, 138, 226, 228*
Вера К., работница принудительного труда *232*
Вермеш, заключенный, врач лагеря «Бургграбен» *344*
Вессель Гельмут, член гитлерюгенда, житель Пальмникена *363, 365*
Вессель Герхард (Хорст) [Wessel Gerhard (Horst)], член гитлерюгенда, житель Пальмникена *363*
Вильдо Бруно, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *47*
Вилэм Дик, служащий лагеря «ДАФ» в Кёнигсберге *387*
Винсковский Эвальд, жандарм в Пальмникене *369*
Винцент, доктор *156*
Витке [Wittke], житель Пальмникена *289*
Власов Андрей Андреевич, советский военачальник, перешедший на сторону гитлеровской Германии, возглавлял РОА и «Комитет освобождения народов России» *173, 283*
Виценовская, секретарь Калининградского областного суда *382*
Влодарчик Францишек, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *49-50*
Возняк, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *48*
Волков, гвардии сержант *261-262*
Волковски Эмма [Wolkowski Emma], жительница Пальмникена *300*
Вольская, заключенная концлагеря «Штуттгоф» *47*
Вольф [Wolff], руководитель районного управления Германского трудового фронта в Кёнигсберге *206-207*
Вольф, штурмманн батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *46*
Воробьев, младший лейтенант *231*
Воттке Отто [Wottke Otto], житель Пальмникена *278*
Вульф [Wulf], обершарфюрер СС, служащий концлагеря «Штуттгоф» *62*
Вульф Гедвига (Ядвига), служащая вагоностроительного завода в Кёнигсберге *15, 380, 383*

Г

Гаврилова Фекла Фоминична, работница принудительного труда *19, 212*
Гагазе, начальник полиции в Койкирхгейзе *16, 395*

Гагарин Валентин Алексеевич, работник принудительного труда, брат Ю. А. Гагарина и З. А. Гагариной *20*
Гагарин Юрий Алексеевич, первый в мире летчик-космонавт, Герой Советского Союза *20, 32*
Гагарина Зоя Алексеевна, работница принудительного труда, сестра В. А. Гагарина и Ю. А. Гагарина *20*
Галина, восточная рабочая из Украины *228*
Галина Т., работница принудительного труда *232*
Галка, работница принудительного труда *225*
Ганс [Hans], офицер СС, член команды, производившей расстрел заключенных в Пальмникене *360-361*
Ганс («Шебутной»), служащий лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *127*
Ганя, восточная рабочая из Украины *228*
Гауптман, капитан интендантской службы, заместитель коменданта по снабжению лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *120-121, 125, 127-128, 130*
Гауптман (Бахман) Лора (Дора) Эммануиловна, заключенная концлагеря «Освенцим», участница «марша смерти» *290, 292-293*
Геворкян Г. Г., майор медицинской службы, армейский патологоанатом *257, 258*
Генералов Ваня, заключенный, фельдшер лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Георгиев Леонор, заключенный лагеря советских военнопленных «Царген», № 1622 *91*
Георгий Карлович, полицейский лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *86*
Геритке (Геребки, Гэргитке), вахмистр жандармерии в Гросс Курене *269, 369*
Герман Вальтер, парикмахер концлагеря «Штуттгоф» *45-46*
Гершкович Ольга Германовна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338-339*
Гетман, подполковник юстиции, военный прокурор тыла 2-го Белорусского фронта *253*
Гживо-Домбровский Виктор, доктор медицинских наук, профессор кафедры судебной медицины Варшавского университета *252*
Глайман Маня [Glaiman Mania], работница принудительного труда, участница «марша смерти» *265*
Глаубау Эмиль [Glaubau Emil], работник янтарного комбината в Пальмникене *296*
Глаус Франц [Glaus Franz], командир роты фольксштурма в Пальмникене *303*
Глюк (Глюкман) Ханс [Gluk (Glukmann) Hans], шарфюрер (обершарфюрер) СС, комендант трудового лагеря «Хайлигенбайль» *82-83, 271, 284, 319, 352*
Годяева (Бодревская) Зоя Ивановна, работница принудительного труда 1*2, 223*
Голикова Людмила Михайловна (Люци), работница принудительного труда, узница концлагерей «Равенсбрюк», «Цводау» *12, 217-219, 222*
Голь Франс, житель Пальмникена *261*
Голышев, капитан, оперуполномоченный опергруппы НКВД при 43-й армии *250*
Гончаренко, майор *98-99*
Горниг Курт [Gornig Kurt], штурмбанфюрер СС, руководитель отдела гестапо Кёнигсберга *282, 348*
Грав Аннелиза [Graw Anneliese], надзирательница трудового лагеря «Йесау» *76*
Гравчик Зигмунд [Grawczik Sigmund], заключенный концлагеря «Штуттгоф» *53-54, 56-57*
Грайнер [Greiner], прокурор *275*
Грачев *103*
Гребнев Андрей Петрович, майор, начальник отделения информации Политуправления 3-го Белорусского фронта *95, 99, 262*
Гроховска Ванда [Grochowska Wanda], работница принудительного труда *265*
Гринбаум Перл Ильяшовна, работница принудительного труда, участница «марша смерти» *14, 266*
Грюнерт Эрнст, житель Пальмникена *365*
Гудау Хейнц (Гудар Гайнц), член гитлерюгенда, житель Пальмникена *362, 372*
Гудериан Хайнц (Гайнц) Вильгельм, генерал-полковник, начальник германского Генерального штаба сухопутных войск *397*
Гумилевская Галина Николаевна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338-339*
Гурков Сергей Михайлович, гвардии

красноармеец, переводчик *371*
Гурьянова Александра Дмитриевна, заключенная лагеря в Пиллау *10, 107, 111, 113, 115, 262*
Гурьянова Валентина Денисовна, заключенная лагеря в Пиллау *10, 107, 113, 115, 262*
Гутцмер Пауль, заключенный, заместитель коменданта блока концлагеря «Штуттгоф» *339*

Д

Давидов Сергей Артемович, заключенный трудового лагеря в Кёнигсберге, отец Т. С. Окороковой (Давидовой) *89*
Давидова Александра Филипповна, заключенная трудового лагеря в Кёнигсберге, мать Т. С. Окороковой (Давидовой) *89*
Данилов В. В., гвардии генерал-майор *257-258*
Дементьев Поликарп, заключенный лагеря «Шталаг IA» *40*
Демин, врач лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Денис [Denis], надзиратель трудового лагеря «Зеераппен» *80, 264, 285*
Депнер, работник вагоностроительного завода в Кёнигсберге, член НСДАП *381*
Дефили [Defilli], камерадшафтсфюрер, опергруппа ОТ «Танненберг» *77*
Дибковский Аркадий Григорьевич, переводчик *368*
Дик Вилэм, переводчик трудового лагеря «ДАФ» в Кёнигсберге *387*
Дитрих [Dietrich], унтершарфюрер СС, командир караульного подразделения и ответственный руководитель трудового лагеря «Зеераппен» *71*
Добычин Борис Дмитриевич, хирург, полковник медицинской службы, профессор *43, 51*
Долгопятов Г. М., гвардии капитан юстиции *257-258*
Дорогин, гвардии капитан, комендант Пальмникена *261-262*
Дорш, обер-лейтенант, жандармерия Фишхаузена *369*
Доценко, прокурор *382*
Драчева, адвокат *382*
Дудкин Я. С., гвардии капитан юстиции *249*
Дякул Василий, восточный рабочий из Украины *12, 201*

Е

Ершов Александр Федорович, заключенный лагеря военнопленных в Домтау *95*
Ешь Анна, работница вагоностроительного завода в Кёнигсберге *381*

Ж

Жданович, гвардии капитан-инженер *261-262*
Жоржет *39, 228*

З

Зайтц Алоиз, житель Кёнигсберга *217*
Зайтц Ганс Йориген (Буце), сын А. Зайтца *217*
Зайтц Йохим, сын А. Зайтца *217*
Зайтц Кэтхен, дочь А. Зайтца *217*
Зайтц Эрне, супруга А. Зайтца *217*
Зайцев Семен Иванович, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *28, 30, 174*
Зам Мари, работница вагоностроительного завода в Кёнигсберге *379, 381*
Заремба Ромуальд Викторович, врач *159*
Заукель Фриц, обергруппенфюрер СС, Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы *193, 197-198, 244*
Захаренко Парасковья Кондратьевна, переводчик военной комендатуры в Пальмникене *362*
Зегер Фридрих *383*
Зеленин Павел Васильевич, генерал-лейтенант, уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту *387*
Зелонке [Zelonke] (Зеленка) Франц, старшина концлагеря «Штуттгоф» *58, 61, 343*
Земницкий Антон, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *136*
Зенин Яков, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Зенкин Ваня, заключенный трудового лагеря в Метгетене *163*
Зиберт Йохим [Siebert Joachim], служащий полиции Кёнигсберга *282*

Зина, жена Георгия Карловича *163*
Зозуля Виктор Васильевич, врач, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *11, 29, 145, 148, 156-157, 174*
Зон Хельмут [Sohn Helmut], член гитлерюгенда *289*
Зонненшайн Вильгельм [Sonnenschein Wilhelm], гауптштурмфюрер СС, уголовный комиссар, начальник отделения гестапо в Кёнигсберге *206, 271, 273, 281-282, 289, 311-312, 315-316, 358*
Зур Франц [Suhr Franz], член гитлерюгенда *287, 289, 304*
Зурков *239*

И

Иванов, заключенный, надзиратель лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *145*
Иванова, старший сержант *99*
Игошев Кузьма Иванович (Александр Большой), заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *10, 28, 30, 37, 115. 119, 139, 142, 145, 174*
Иобет Рудольф, житель Кёнигсберга, член НСДАП *397*
Иортциг Артур, член ортсгруппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *392-393*
Иофис Исаак Лазаревич, полковник, уполномоченный НКВД СССР по 43-й армии *247, 249*
Истомин Николай Александрович, генерал-майор *43, 51*

Й

Йоппиен Фриц [Joppien Fritz], житель Пальмникена *300, 304*
Йоппиен Карл [Joppien Karl], житель Пальмникена *300, 304*

К

Кадек, обершарфюрер СС, начальник строевой части концлагеря «Аушвиц» *343*
Казачок Люба, работница принудительного труда *231*
Казбинцев Сергей Богданович, генерал-майор, начальник Политуправления 3-го Белорусского фронта *91, 94, 212, 261*
Каммер, землевладелец *16, 395, 396*
Канау [Kahnau], работник янтарного комбината в Пальмникене *296, 306*
Канцмит Павел [Kanzmit Pawel], работник принудительного труда *211*
Капустин, капитан *43, 51*
Каршау Хайнц [Karschau Heinz], член гитлерюгенда, житель Пальмникена *289, 293, 304*
Каспер [Kasper], работник янтарной мануфактуры в Кёнигсберге *298*
Каттер, фельдшер, заведующий здравпунктом лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *85*
Кауфельдт [Kaufeldt], гауптшарфюрер, служащий концлагеря «Равенсбрюк», член команды СС, производившей расстрел заключенных в Пальмникене *281, 283-284, 312, 317, 320-325, 328-329, 352*
Кауц Зигмунд, повар кухни заключенных концлагеря «Штуттгоф» *339*
Кацман [Katzmann] Фридрих, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции *51, 281, 285*
Кведа [Queda], руководитель отдела Германского трудового фронта в Кёнигсберге *207*
Кейльман Николаус, врач, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *49*
Кейни, гауптштурмфюрер, помощник коменданта концлагеря «Штуттгоф» *337*
Кекер Лотар [Kecker Lothar] (Кекач Лютер), член гитлерюгенда, житель Пальмникена *289*
Керинский Иван, инженер, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *48*
Кёппинг [Kopping], жительница Пальмникена *300*
Киршнер [Kirschner], житель Зоргенау *296*
Кислов Федор Иванович, фотокорреспондент *13, 204*
Китте Франц, заключенный, работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *46*
Клайнман (Гаврилевич) Фрида [Klajnman (Gawrylewicz) Fryda] (Габрилович), заключенная трудового лагеря «Зееграппен», участница «марша смерти» *9, 14, 38, 79, 263-264, 271, 284*
Клейнер [Kleiner], прокурор в Киле *321, 326, 328*

Клейсс [Kleiß], унтершарфюрер СС, командир караульного подразделения и ответственный руководитель трудового лагеря «Хайлигенбайль» *71*
Клювер Артур [Klüver Arthur], житель Пальмникена *297*
Кнотт Вилли [Knott Willy], брат О. Кнотта *349*
Кнотт Отто [Knott Otto], унтершарфюрер СС, дезинфектор и санитар концлагеря «Штуттгоф» *15, 53-54, 58-59, 60, 63, 271-275, 281-284, 316, 321-322, 329, 335, 348, 351, 358-359*
Ковалевски Макс [Kowalewski Max], сотрудник янтарного комбината в Пальмникене *304*
Кованов Владимир Васильевич, подполковник медицинской службы, армейский хирург 28-й армии *30, 33*
Ковпак Сидор Артемьевич, генерал-майор, командир партизанского соединения, дважды Герой Советского Союза *157*
Колбин, сержант *249*
Коллер Алонс, повар кухни заключенных концлагеря «Штуттгоф» *339*
Комм Макс [Komm Max], житель Пальмникена *293*
Конке Гертруда [Kohnke Gertrud], жительница Пальмникена *286, 298, 306*
Кононов И. С., гвардии майор *249*
Конти Леонардо, обергруппенфюрер СС, имперский руководитель здравоохранения *253*
Корковски Густав [Korkowski Gustav], служащий янтарного комбината в Пальмникене *301*
Корниенко, красноармеец *301*
Коробейников, старший лейтенант *98-99*
Коробкин, военнопленный *212*
Косарев *241*
Косенко, подполковник, заключенный рабочего лагеря в Метгетене *163-164*
Котов Д. И., подполковник *98-99*
Кох, обер-лейтенант жандармерии в Пальмникене и Гросс Курене *369*
Кох Эрих, гауляйтер Восточной Пруссии *286*
Кравчик Збигнев, заключенный, работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *46, 339*
«Красный Тони», заключенный концлагеря «Штуттгоф» *39*
Краснопольский, гвардии капитан *262*
Красовский Гавриил, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Краузе [Krause], штурмбанфюрер СС, сотрудник гестапо Кёнигсберга *271, 281, 311, 358*
Кристелайт Эмиль *163*
Кройтценштайн Альберт [Kreutzenstein Albert] *301*
Крониш Пнина (Поля) [Kronisch Pnina (Pola)], участница «марша смерти» *15, 360*
Кронценштайн Фрида, жительница Пальмникена *371*
Круглов В. К., подполковник *257-258*
Крылатых Павел Андреевич, командир специальной разведывательной группы «Джек», действовавшей на территории Восточной Пруссии *22*
Крэмбринг Альфред [Krämbring Alfred], заключенный штрафного лагеря в Пальмникене *276*
Крюнерт, врач рабочего лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *85*
Кудяшев, майор *249*
Кузенко Владимир Борисович, капитан, редактор газеты 54-й стрелковой дивизии «На боевом посту» *232*
Кузьмин В. И., гвардии старший сержант *257-258*
Куклау, обершарфюрер СС, начальник строевой части концлагеря «Штуттгоф» *349*
Кунат Герда [Kunath Gerda], надзирательница трудового лагеря «Зееграппен» *76*
Курт, фельдфебель, служащий лагеря военнопленных в Пайзе *24, 262, 275, 282, 361, 363-364*
Куссауэр Пауль, заключенный, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *47*
Куцик, начальник жандармерии в Гросс Курене *369*
Кучар Эрвин, заключенный, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338-340*
Кучер Роберт [Kutscher Robert], житель Лейпцига *228*
Кушелев *51*

Л

Лаатч Оскар [Laatsch Oskar], житель Пальмникена *14, 276, 289, 301*
Лабудин, капитан, редактор газеты 88-й стрелковой дивизии «За Родину» *231*
Ламмерс Ганс Генрих, обергруппенфюрер СС, начальник рейхсканцелярии, рейхсминистр *181*

Ланге Густав [Lange Gustav], житель Пальмникена *293, 298, 302-303*
Ландман [Landmann], асессор, директор янтарного комбината в Пальмникене *24, 278, 282, 286-288, 296, 298, 301, 306, 308, 316-317, 319-321*
Лапшис [Lapschies] *206-207*
Лебедев, майор, редактор газеты 331-й стрелковой дивизии «В бой за Родину» *232*
Леваловский, штурмманн батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *46*
Левандовский Мицеслав, инженер, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *48*
Леви, заключенный, врач лагеря «Бургграбен» *344*
Левицкая Ганна, работница принудительного труда *232*
Лейцин, переводчик следственного отдела УМГБ по Калининградской области *379-380*
Леон Борисович, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Леонтьева Женя, работница принудительного труда *233*
Лена, больничная сестра концлагеря «Штуттгоф» *345*
Леш [Lesch], житель Пальмникена *279*
Лёш [Lösch] *218*
Лёша, военнопленный *219*
Лизбанов, гвардии майор *261-262*
Лилиенталь Георг [Lilienthal Georg], член гитлерюгенда, житель Пальмникена *289, 304*
Липкин М., заключенный, фармацевт аптеки концлагеря «Штуттгоф» *46*
Лисин, майор, редактор газеты 62-й стрелковой дивизии «На разгром врага» *231*
Литвиненко, ст. лейтенант, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Литке, обершарфюрер СС, руководитель политического отдела концлагеря «Штуттгоф» *49, 51*
Лойер, штурмманн батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *46*
Лола, работница принудительного труда, участница «марша смерти» *265*
Лоницки (Ландгартен) Блума (Кракауэр Бронислава) [Lonicki (Landgarten) Bluma (Krakauer Bronislawa)], заключенная трудового лагеря «Йесау», участница «марша смерти» *9, 14, 78, 293*
Лорбах Отто, член КПГ, заключенный концлагерей «Майданек» и «Штуттгоф» 1*5, 341, 344*
Лукавецкий Владимир, восточный рабочий из Украины *208*
Лукьянченкова Александра Матвеевна *215*
Людтке [Lüdtke], роттенфюрер СС, концлагерь «Штуттгоф» *54-58, 60-64*
Люта Фрида, жительница Пальмникена *261*
Люц, шарфюрер, начальник строительного отдела лагерей *51*
Ляш Отто, генерал, комендант Кёнигсберга *262*

М

Магат Макс [Magath Max], член гитлерюгенда *289*
Мазур, препаратор анатомического института в Данциге *165-167*
Майвальд [Maywald] *285*
Майер, обер-ефрейтор, сотрудник отделения гестапо при лагере «Шталаг IA» *102-103*
Майер Йохан [Meyer Johann], обершарфюрер СС, начальник блока концлагеря «Штуттгоф» *284, 351-357*
Майер Трауготт, гауптштурмфюрер СС, заместитель коменданта, начальник охраны СС концлагеря «Штуттгоф» *51, 61, 334, 337, 343*
Майзел, гауптштурмфюрер СС, комендант лагеря «Тройль» в Данциге *344*
Майзель Эрих [Meisel Erich] (Майслер [Meisler]), гауптшарфюрер СС, комендант трудового лагеря «Шиппенбайль» *271, 284, 285, 357*
Майслер Франк, скульптор *25, 403*
Маллериус Юлиус [Mallerius Julius], работник янтарного комбината в Пальмникене *293*
Маневич Циля [Maniewicz Cyla], работница принудительного труда, участница «марша смерти» *265*
Мария, работница принудительного труда *213*
Маруся, работница принудительного труда *228*
Марфушка, заключенная тюрьмы гестапо в Кёнигсберге и концлагеря «Равенсбрюк» *220*
Марцан [Marzan], унтершарфюрер СС, командир караульного подразделения и ответственный руководитель трудового лагеря «Гердауэн» *71*
Марченко Михаил, студент, заключенный

концлагеря «Штуттгоф» *49*
Махляк, гвардии капитан *262*
Машон Отто, целенляйтер ортсгруппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *392-394*
Мер Фриц [Mehr Fritz], работник янтарного комбината в Пальмникене *297, 300*
Мессарош Константин Николаевич («Дядя Костя», «Борода»), заключенный, санитар санчасти лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52»), «Хайдекруг» *11, 139, 158-159, 174*
Мёллер [Moller], житель Пальмникена *300*
Миклаш Изидор, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *333-334*
Мирау Стефан, врач, заключенный концлагеря «Штуттгоф» *49*
Михайлин Иван Семенович, заключенный, старший повар кухни лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *136-138*
Михайлина Анна Семеновна, супруга И. С. Михайлина *138*
Михайлина Вера, дочь И. С. Михайлина *138*
Михайлин Юрий, сын И. С. Михайлина *138*
Михальчук Игнатий Иванович, генерал-майор, начальник политотдела 48-й армии *43, 51*
Михалюк Мария, работница принудительного труда *213*
Мозалюк Иван, заключенный лагеря советских военнопленных «Царген» *91*
Мольтер [Molter], житель Пальмникена *296*
Моньен Артур [Monien Artur], житель Пальмникена *293, 303*
Моньен Карл [Monien Karl], командир роты фольксштурма в Пальмникене *293, 303*
Моньен Теодор [Monien Theodor], житель Побетена *293*
Морр [Morr], житель Пальмникена *298*
Моске Альфонс, заключенный, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338, 339*
Мэри, заключенная трудового лагеря «Шиппенбайль» *285*
Мюллер, жительница Растенбурга *20*
Мюллер Ханс, роттенфюрер СС *70*
Мюллер Хельмут [Müller Hellmuth], руководитель уголовной полиции Кёнигсберга *272*

Н

Насс Лотар [Nass Lothar], член гитлерюгенда *289*
Настася, восточная рабочая из Украины *228*
Настя, работница принудительного труда из Орла (РСФСР) *20*
Наташа *19*
Науюк Даниель, крупный землевладелец, резидент германской жандармерии в Гердауэне *16, 395-396*
Нежельский, народный заседатель Калининградского областного суда *383*
Нейман Лейя [Nejman Leja], заключенная трудового лагеря «Шиппенбайль» *285*
Нестеров Степан Кузьмич, гвардии полковник, Герой Советского Союза *27, 115*
Нет Пауль, блокляйтер ортсгуппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *392-393*
Никитин, подполковник *215*
Никитина Евдокия Васильевна, работница принудительного труда *212*
Никифоров Петя, работник принудительного труда *233*
Никифорова Елена Павловна, заключенная лагерей «Шихау», «Метгетен» (Кёнигсберг), мать Н. Б. Швыковой *10, 87*
Николаевский Стефан, санитар больницы концлагеря «Штуттгоф» *333-334*
Николай Иванович, заключенный, врач санчасти лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Новиков Иван Григорьевич, заключенный лагерей в Эбенроде, Хоэнштайне и Метгетене *174*
Нойман Эрна [Neumann Erna], надзирательница трудового лагеря «Хайлигенбайль» *76, 81-83, 284, 318, 352*
Нойшульц, работник вагоностроительного завода в Кёнигсберге, член НСДАП *381*
Носов, младший лейтенант, командир разведгруппы *164*

О

Овадия Арье, скульптор *25*
Одинцов, капитан, оперуполномоченный 3-го отделения 2-го отдела УМГБ по Калининградской области *380, 382*
Ойзерович (Клиновска) Хана [Ojzerowicz (Klinowska) Chana], заключенная трудового лагеря «Шиппенбайль», участница «марша

смерти» *14, 271, 295*
Ойленбург, граф, полковник в отставке, крупный землевладелец, бывший депутат рейхстага *16, 395, 397*
Окон Маргарета [Okon Margarete], надзирательница трудового лагеря «Гердауэн» *76*
Окорокова (Давидова) Тамара Сергеевна, малолетняя узница трудового лагеря в Кёнигсберге *10, 36, 89-90*
Олейник Анатолий Никитович, сержант, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *11, 157, 159*
Оля, восточная рабочая из Украины *228*
Ольга, сестра В. Бакун *226*
Омельянович А., заключенный тюрьмы «Нойбау» в Кёнигсберге *22*
Онуфриева Оля, работница принудительного труда *20*
Опекунский Бернард, заключенный, комендант блока, работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *339, 346*
Опинский, препаратор анатомического института в Данциге *251*
Отейсдорф Фридрих, обервахмистр, старший надзиратель тюрьмы гестапо в Кёнигсберге *16, 391*
Отто Бетти, жительница Пальмникена *269*

П

Пабст [Pabst], заключенный концлагеря «Штуттгоф» *61*
Павел, летчик, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *128*
Павлачик Марьян Мартынович, полицейский концлагеря «Штуттгоф» *339*
Палушевский Й. [Paluszewski J.] *265*
Парахина Наталья *214*
Парфенков Николай *214*
Парш фон, полковник вермахта, комендант лагеря военнопленных «Шталаг IA» *100*
Паш Вильгельм [Pash Wilgelm], заключенный, работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *9, 53*
Пашир Элла *16, 396*
Пенчила, крупный землевладелец, резидент немецкой разведки *369*
Петер, штурмманн батальона СС «Мертвая голова» *46*
Петерс, унтершарфюрер СС, концлагерь «Штуттгоф» *46*
Петр, работник принудительного труда *213*
Петров, полковник медицинской службы *98, 103*
Петрова Таня, работница принудительного труда *99*
Петрочук Катя, работница принудительного труда *231*
Петухов Иван Антонович, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Пецихина (Пецихна) Александра Станиславовна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *47*
Пиликан, акционер вагоностроительного завода в Кёнигсберге *380*
Пискарев В. И., гвардии лейтенант *257*
Пичальчук Андрей, заключенный лагеря советских военнопленных «Царген» *91*
Плау Эмиль [Plau Emil], работник янтарного комбината в Пальмникене *14, 274, 296*
Плац Генрих, член НСДАП, агент гестапо *369*
Плонский, лейтенант *99*
Подварков И. И., заключенный рабочей команды лагеря военнопленных «Шталаг IA» в Шромбенене *30*
Подгаецкий, начальник политотдела тыловых частей и учреждений 2-го Белорусского фронта *251*
Покомунская Рива, заключенная концлагеря «Штуттгоф» *47*
Поля, восточная рабочая из Украины *225*
Поляков, главный врач лагеря военнопленных в Пайзе *139*
Поляков А. В., гвардии капитан *257-258*
Попов, майор медицинской службы *43, 51*
Попов Сашка, заключенный трудового лагеря в Метгетене *163*
Попов Фёдор Иванович, заключенный лагеря военнопленных в Домтау *95*
Придув, полковник, начальник жандармерии Кёнигсбергского округа *369*
Прис [Pries], работник янтарного комбината в Пальмникене *296*
Пульвер Берта [Pulwer Berta], жительница Пальмникена *14, 292, 303*
Пуфке, полицейский рабочего лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *86*
Пюрковский Стэфан, служащий трудового

лагеря «ДАФ» в Кёнигсберге *387*

Р

Райман (Риман) [Reimann (Riemann)], штурмбанфюрер СС *327*
Райман [Reimann], житель Пальмникена *308*
Райхерт, препаратор анатомического института в Данциге *251-252*
Рассадина Мария Павловна, агент гестапо *16, 387-388*
Рах, унтершарфюрер СС, начальник газовой камеры крематория концлагеря «Штуттгоф» *45-46, 51, 53-55, 57-59, 61, 63-64*
Раш Герхард [Rasch Gerhard], руководитель (коммерческий директор) янтарной мануфактуры в Кёнигсберге *272, 282, 286-287, 298, 301, 304, 308*
Реберг Эрих, блокляйтер ортсгруппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *394*
Редих, гауптштурмфюрер, командир 1-й и 2-й роты батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *51*
Редрухина, младший лейтенант, переводчик *380-381*
Рейзе Эльза, жительница Пальмникена *269*
Рейнгольд Гертруда [Reinhold Gertrud], надзирательница трудового лагеря «Шиппенбайль» *76*
Рейнеке Герман, генерал-лейтенант, начальник общего управления Верховного командования вермахта *27*
Ремез Р. П., заключенный концлагеря «Штуттгоф» *47*
Ридель Курт, начальник немецкого гражданского госпиталя *261-262*
Рогожа Семен Яковлевич, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Родофф [Rodoff], обертруппфюрер, опергруппа ОТ «Танненберг» *77*
Розенбаум [Rosenbaum] (Розеншток [Rosenstock]), офицер СС *287, 349*
Розенбаум Вильгельм [Rosenbaum Wilhelm], унтерштурмфюрер СС *282, 286*
Рокель [Rockel], житель Пальмникена *296*
Рокоссовский Константин Константинович, Маршал Советского Союза, командующий войсками 2-го Белорусского фронта *333*
Романов Д. Ф., гвардии полковник, начальник политотдела 11-й гвардейской армии *91*
Ротшильд Моисей Иосифович, переводчик *266*
Рубашкин Борис Владимирович, врач, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *150-151, 154, 157*
Рудат [Rudat], служащий янтарного комбината в Пальмникене *301*
Рудат Август, ортсгруппенляйтер ортсгруппы «Отто Райнтке» в Кёнигсберге *392-394*
Русских Александр Георгиевич, генерал-лейтенант, член Военного совета 2-го Белорусского фронта *251*
Руст Бернгард, рейхсминистр Имперского министерства науки, воспитания и народного образования *253*
Рут [Ruth], жительница Пальмникена *70, 300*
Рыжаков Н. Е., гвардии старший сержант *257-258*
Рэзе Герхард [Räse Gerhard], член гитлерюгенда *289*
Рюберг [Rühberg], штурмбанфюрер СС *282*

С

Саббатин Розине [Sabbatin Rosine], жительница Пальмникена *293*
Савостенко Г. В., майор медицинской службы, патологоанатом *98-99*
Сара, участница «марша смерти», сестра П. Крониш *360*
Сац Григорий, работник принудительного труда *213*
Саша, друг Поли, восточной рабочей из Украины *225*
Саша Маленький, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *118, 120-122, 125, 138*
Свинарев, майор юстиции, помощник военного прокурора *43, 51*
Святский Моисей Абрамович, гвардии капитан медицинской службы, судебно-медицинский эксперт 2-й гвардейской армии *258, 262*
Сердюков Тимофей, заключенный лагеря советских военнопленных «Царген» *91*
Сигаревич Екатерина Дмитриевна, заключенная рабочего лагеря «Б-1» в Кёнигсберге *13, 244*

Сидоров, красноармеец *98-99*
Симоненко Николай Петрович, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157, 159*
Скобелев, председатель закрытого судебного заседания Судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда *383*
Скоробогатенько, сержант *19*
Скрыпник, гвардии майор, старший инструктор по информации Политотдела 28-й армии *99*
Скулова Елизавета Федоровна, работница принудительного труда *239*
Скшипковская (Сшипковская, Скшипковска) Хелена, заключенная, комендант женского лагеря концлагеря «Штуттгоф» *45-46, 48, 51, 338-340*
Слободцев, сержант *232*
Смайлюс, землевладелец *19, 212*
Солибан Дмитрий, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *159*
Соломонов Михаил Иванович (Михайлов), майор, комиссар дивизии, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157, 159*
Соня, работница принудительного труда *228*
Сопрунов Фёдор Фёдорович, врач, заключенный концлагеря «Штуттгоф» и лагеря военнопленных «Хаммерштейн II-B» *159*
Сороко Сергей Петрович, майор медицинской службы, судебно-медицинский эксперт *98-99*
Спасский Л. О., майор медицинской службы *249*
Сталин Иосиф Виссарионович, Председатель Совета народных комиссаров СССР, народный комиссар обороны СССР, Председатель ГКО СССР *231*
Старовойтова, народный заседатель Калининградского областного суда *383*
Степанов, красноармеец *98-99*
Столарек [Stolarec], информатор полиции в Кёнигсберге *206*
Суглобов, гвардии подполковник *261-262*

Т

Тавгина Мария Михайловна, работница принудительного труда *212*
Таня, работница принудительного труда *228*
Тенцер [Tanzer], обершарфюрер СС, II-й караульный батальон СС концлагеря «Штуттгоф», ответственный начальник внешнего трудового лагеря в Кёнигсберге *69*
Теплов В. Ф., заключенный концлагеря «Штуттгоф» *48*
Тисс Фриц, землевладелец *212*
Титаев Н. И., военврач 2-го ранга *249*
Ткаченко, сержант *249*
Ткаченко Иван Максимович, комиссар государственной безопасности, уполномоченный НКВД СССР по 1-му Прибалтийскому фронту *13, 247, 249*
Тодт Фриц, обергруппенфюрер СС, рейхсминистр вооружения и боеприпасов *23, 27, 298, 370*
Тоичкина Анна Николаевна, заключенная, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *338-340*
Троекуров, разведчик, кавалер трех орденов Славы, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Труде [Trude], надзирательница трудового лагеря «Шиппенбайль» *285*
Тюкашкин, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*

У

Удовенко Лидия Григорьевна, заключенная трудовых лагерей «Шихау», «Метгетен» (Кёнигсберг) *10, 83-84*
Улькан Гари, житель Кёнигсберга *381*

Ф

Файерабенд Ганс [Feyerabend Hans], директор поместий янтарного комбината в Пальмникене, руководитель пальмникенского фольксштурма *24, 274, 278, 282, 286-288, 292, 298-299, 301-303, 307-309, 358*
Файт, работник вагоностроительного завода в Кёнигсберге, член НСДАП *381*
Фальке [Falke], сотрудник прокуратуры в Киле *319*
Федер Альта [Feder Alta], заключенная трудового лагеря «Шиппенбайль», участница

«марша смерти» *271, 285*
Федоров И. А., инженер-майор *43, 51*
Федоров Коля, военнослужащий Красной Армии *213*
Федорович Иосиф Антонович, художник, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *95, 145, 159*
Федоровский Михаил Андрианович, заключенный лагеря военнопленных в Домтау *94*
Фирсов, полковник медицинской службы *43, 51*
Фишер Герберт, член гитлерюгенда, житель Пальмникена *363, 376*
Фишер Ида [Fischer Ida], жительница Пальмникена *300*
Фишер Исидор Матвеевич, главный врач лагеря «Бургграбен», врач концлагеря «Штуттгоф» *340-342*
Фогт [Vogt] (Фотт), обершарфюрер СС, начальник полиции, шеф женского лагеря концлагеря «Штуттгоф» *54-56, 58-59, 61*
Фольгер Рудольф [Folger Rudolf], служащий янтарного комбината в Пальмникене *272, 286-287, 289*
Форстер Альберт, обергруппенфюрер СС, гауляйтер округа Данциг– Западная Пруссия *51*
Фрайенхаген Пауль [Freyenhagen Paul] (Фраенгоген, Фраенгаген), обервахмистр, начальник жандармерии в Пальмникене *269, 270, 288, 302-303, 369, 370*
Фрайвальд Вилли, заключенный, комендант блока концлагеря «Штуттгоф» *339*
Фрегин Шарлотта [Fregin Charlotte], надзирательница трудового лагеря «Зееграппен» *76*
Фрелих *371*
Фридрикс Курт [Friedrichs Kurt] (Фридрихс), бургомистр Пальмникена, руководитель местной ячейки НСДАП *15, 21, 274, -275, 279, 286-289, 292-293, 297, 299-300, 302-304, 307, 361, 363-364, 375, 376*
Фридрих, надзиратель лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *76, 127-128, 281, 310, 383, 391*
Фриц [Fritz], работник крематория концлагеря «Штуттгоф» *57, 59*
Фришкизель Герман, жандарм в Пальмникене *268-269, 368-369*
Фролов, младший сержант, пулеметчик, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *145*
Функ Вальтер [Funk Walter], помощник полицейского в Кёнигсберге *276, 361*

Х

Хабровицкий Савелий Хононович, гвардии полковник, заместитель начальника политотдела 2-й гвардейской армии *262*
Хайл Экехард [Heil Eckehardt] (Гейль Ексгард), член гитлерюгенда, житель Пальмникена *289*
Хайтлер [Haitler], заключенный(ая) трудового лагеря «Шиппенбайль» *271*
Хаманн Карл [Hamann Karl], служащий янтарного комбината в Пальмникене *299-300*
Хан [Hahn], майор, командир роты *327*
Хардер Лони [Harder Loni], жительница Зоргенау *265*
Хардер Хорст [Harder Horst] (Хардель Хорот), член юнгфолька, житель Пальмникена *289, 304, 364*
Хардер Эмиль [Harder Emil], житель Пальмникена *308*
Хаупт, офицер СС *334*
Хаупт, обершарфюрер СС, начальник больницы концлагеря «Штуттгоф» *334*
Хаушильд, командир роты батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *326*
Хейдриц, обершарфюрер СС, заведующий санитарной частью лагеря «Бургграбен» *344*
Хеккер [Hecker], фрау, руководитель районного отдела миграционной службы в Кёнигсберге *206*
Хельфинг, обергруппенфюрер *51*
Хемниц Арно [Chemnitz Arno] (Камниц, Кемниц), гауптштурмфюрер СС, руководитель абвергруппы концлагеря «Штуттгоф» *15, 54-56, 58-61, 336*
Херберг Герт, военнослужащий вермахта *24*
Хертль [Hertl], жительница Пальмникена *265*
Херцберг (Блахманн) Дина [Herzberg (Blachmann) Dina], заключенная трудового лагеря «Йесау», участница «марша смерти» *9, 78, 271*
Хёниш [Hoenisch], прокурор *289*
Хёпфер [Höpfer], Хёпнер [Höppner], Хёпфнер

[Höpfner], работник янтарного комбината в Пальмникене *306*
Хлустов, майор *99*
Хой [Hoy], камерадшафтсфюрер, опергруппа ОТ «Танненберг» *77*
Хойдель, гауптштурмфюрер СС, старший врач лагеря «Штуттгоф» *51*
Хойман Макс, совладелец вагоностроительного завода в Кёнигсберге *15, 379, 380-383*
Хойман, акционер вагоностроительного завода в Кёнигсберге, брат М. Хоймана *380*
Хоппе Пауль Вернер [Hoppe Paul Werner], штурмбанфюрер СС, комендант концлагеря «Штуттгоф» *9, 15, 47, 51, 60-61, 64, 69, 70-72, 77, 271-273, 277, 280-282, 311, 326, 328-329, 336, 348*
Хоржемпа Юрий Иосифович, работник принудительного труда, заключенный лагеря «Хоенбрух» *21*
Хорх [Horch] *272*
Хюбнеры [Hubner], жители Пальмникена (семья) *292*

Ц

Цвардон (Мондшейн) Пола [Zwardon (Mondschein) Pola], заключенная трудового лагеря «Хайлигенбайль», участница «марша смерти» *10, 24, 81, 271, 284, 318*
Цельникир Регина [Celnikier Regina], участница «марша смерти» *295*
Цеммель Фрида, жительница Пальмникена *261*
Цильке Гельмут, член юнгфолька, житель Пальмникена *269*
Циммер Карла [Zimmer Karla] (Цимлер Карла), член Союза немецких девушек, жительница Пальмникена *15, 371*
Циммерманн [Zimmermann], житель Нодемса *295-296*
Цироль Отто, крупный землевладелец *396*
Цис, майор, начальник отделения гестапо лагеря военнопленных «Шталаг IA» *102*
Цублиц, унтершарфюрер СС, помощник руководителя абвергруппы концлагеря «Штуттгоф» *51*

Ч

Чагин Дмитрий *239*
Чаловец, политрук, партизан из соединения С. А. Ковпака, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Червинский, санитар концлагеря «Штуттгоф» *46*
Череп, политрук, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Чернов Н. И., заключенный, врач лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *157*
Чернов Юрий Михайлович, военный корреспондент *20, 32*
Черномазов Е. Д., помощник командира 3-го мотострелкового батальона по хозяйственной части 44-й мотострелковой бригады, капитан интендантской службы *13, 234*
Черномор Григорий Михайлович, комендант лазарета лагеря военнопленных «Шталаг IA» *101-103*
Чечин, лейтенант *98-99*
Чудинов Илья, полицейский из заключенных лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *129 -131, 135-137*

Ш

Шаповалов И. С., капитан юстиции *249*
Шарнофски Хорст [Scharnofski Horst], член гитлерюгенда *289*
Шарье, группенфюрер, командир отряда фольксштурма в Кёнигсберге *394*
Шванке [Schwanke], гауптштурмфюрер СС, II-й караульный батальон СС концлагеря «Штуттгоф» *69-70*
Шварцкопф Альфред, член гитлерюгенда, житель Пальмникена *363-364, 376*
Шварцкопф Герхапд *376*
Шварцкопф Курт, член гитлерюгенда, житель Пальмникена *363-364*
Шверендт, житель Кёнигсберга *218*
Швыкова Нина Борисовна, заключенная рабочих лагерей «Шихау», «Метгетен», дочь Е. П. Никифоровой *10, 86-88, 173*
Шевалев Владимир Евгеньевич, майор медицинской службы *85*
Шефтер [Schefter], заключенный концлагеря «Штуттгоф» *54, 57, 59-60, 62*
Шикин Иосиф Васильевич, генерал-лейтенант, заместитель начальника Главного политического управления

Красной Армии *14, 261*
Шишлин Иван Васильевич, генерал-майор, начальник Оперативной группы НКВД СССР *16, 387-388, 392-393*
Шмидт, обершарфюрер СС, начальник медицинской части концлагеря «Штуттгоф» *343*
Шмидт, унтершарфюрер СС *46, 51*
Шмидт Анна-Лотта [Schmidt Anny-Lotte], надзирательница трудового лагеря «Шиппенбайль» *76, 285*
Шнайдер Б., военнослужащий 167-го пехотного полка вермахта *26*
Шнак, житель Лабиау, член НСДАП *16, 395-396*
Шпаннер Рудольф, профессор, директор анатомического института Данцига *251-252*
Шпиц Герда [Spitz Gerda] *304*
Шрёдер [Schröder], врач, житель Пальмникена *279*
Шрёдер Бруно [Schrüder Bruno], член гитлерюгенда, житель Пальмникена *287, 289*
Шрёдер Лотар [Schröder Lothar], член гитлерюгенда *289*
Шрудель Эрвин, начальник инфекционного отделения немецкого гражданского госпиталя *261-262*
Штенцель Бронислав, надзиратель концлагеря «Штуттгоф» *333-334*
Штобби, крупная землевладелица *16, 395-396*
Шток [Stock], унтершарфюрер СС, командир караульного подразделения и ответственный руководитель трудового лагеря «Йесау» *71, 265, 284, 319, 352, 361*
Штокхаузен фон, военнопленный *328*
Штукарт Вильгельм, Генеральный уполномоченный имперского управления (и.о.) *181*
Штуммер Лоренц, штурмманн батальона СС «Мертвая голова» концлагеря «Штуттгоф» *46*
Шуинайх Хильдигард, начальница женского лагеря в Кёнигсберге *16, 397*
Шумченко, гвардии рядовой *261-262*
Шэфер [Schäfer], обершарфюрер СС *283-284, 319, 352*

Щ

Щепочкин, красноармеец *249*
Щербаков Александр Сергеевич, генерал-полковник, начальник Главного политического управления Красной Армии *14, 257*

Э

Эгерт Эмиль [Egert Emil], житель Пальмникена *279*
Эйхман Константин, заключенный лагеря военнопленных в Эбенроде («Офлаг-52») *127*
Элле Пауль, гауптштурмфюрер СС, командир батальона СС «Мертвая голова», заместитель коменданта концлагеря «Штуттгоф» *16, 51, 395*
Эренбург Илья Григорьевич, писатель, журналист, военный корреспондент *20, 32*

Ю

Юрман Эсра [Jurmann Esra] *285*

Я

Ябров, заключенный, врач лагеря «Бургграбен» *344*
Якоби [Jacobi], гауптштурмфюрер СС, служащий концлагерь «Штуттгоф» *76*
Якушев Геннадий, заключенный лагеря «Шихау» в Кёнигсберге *85*
Ян Вильгельм (Вилли, Вальтер), роттенфюрер СС, член команды, производившей расстрел заключенных в Пальмникене *268, 339, 365, 371*
Янц Герман Юлиус [Janz Hermann Julius], старший чиновник юстиции *276, 361*
Ясинский, хирург лагерной больницы концлагеря Штуттгоф» *334*
Яскевич, гвардии капитан, судебно-медицинский эксперт *261-262*
Яцковская (Яцковска) Казимира, заключенная, комендант 1-го блока концлагеря «Штуттгоф» *47, 338-340*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абхазия *157, 174*
Акмолинск — г. Нур-Султан, Казахстан *174*
Акфольдер-Гард (так в документе) — н.п. не найден, территория совр. Чехии *339*
Альтенбанхоф, Кёнигсберг (так в документе) — место расположения не установлено, предположительно, в районе совр. ул. Эльблонгской (бывш. Кляппервизе) *395*
Алленштайн — г. Ольштын, Польша *49, 209*
Альменхаузен — п. Каштаново, Правдинский г.о., Калининградская обл. *212*
Ангерапп — г. Озёрск, Калининградская обл. *209*
Ангербург – г. Венгожево, Польша *162, 209*
Арад, жудец (р-н), Румыния *338*
Арксберг, земля, Германия *339*
Атаки — г. Отачь, Молдавия *341*
Аугсбург, г., Германия *124, 334, 351, 357*
Аусфальторштрассе — ул. Генерала Галицкого в г. Калининграде *311*
Аушвиц — г. Освенцим, Польша *263, 266, 341-343*
Ашхабад, г., Туркмения *34*

Б

Бавария, земля, Германия *265*
Багратионовский г.о., Калининградская обл. *33*
Бад-Зегеберг, г., Германия Баден-Вюртемберг, земля, Германия *301, 304*
Базарный Карабулак, п., Базарно-Карабулакский р-н, Саратовская обл. *111*
Балтийский р-н, г. Калининград *32*
Балтийское море *349*
Банзак (так в документе) — н.п. не найден *344*
Банхофсваллштрассе — Южный переулок в г. Калининграде *394*
Бартенштайн — г. Бартошице, Польша *20, 209, 397*
Батуринский р-н — не сущ-т, в составе Холм-Жирковского и Ярцевского р-нов Смоленской обл. *215*
Белжице, г., Польша *266*
Белоруссия *12, 174, 226-227, 244*
Белосток, г., Польша *30, 89*
Белостокская обл.— Белостокское воеводство, Польша *50, 333*
Бельгия *28*
Березовский с/с, Невельский р-н, Псковская обл. *258*
Берлин, г., Германия *14, 37, 58-59, 60, 157, 180, 185, 198, 220, 270, 275, 284, 334, 344, 348, 351, 356*
Берлинерштрассе — ул. Судостроительная в г. Калининграде *327*
Бисмарк, д. (так в документе) — н.п. не найден, на территории Литвы *339*
Богемия — историческая область в Чехии *197*
Бозак, с., Осиповичский р-н, Могилёвская обл., Белоруссия *49*
Бокуны, д., Гродненский р-н, Гродненская обл., Белоруссия *333*
Борислав, г., Украина *290, 292*
Бохольт, г., Германия *12, 223*
Бохум, г., Германия *348*
Браунсберг – г. Бранёво, Польша *209*
Бремен, г., Германия *328*
Бреслау — г. Вроцлав, Польша *27*
Брест, г., Белоруссия *89*
Брест-Литовск — г. Брест, Белоруссия *89*
Бромберг — г. Быдгощ, Польша *44*
Брюннекаллее (Брюнек Аллее) — ул. Володи Дубинина в г. Калининграде *381*
Брянская обл. *88, 174*
Буг, р. *89*
Бунцлау — Болеславец, г., Польша *220*
Быдгощ, г. Польша *251, 333, 339*

В

Вавилово, п., Мамоновский г.о., Калининградская обл. *106*
Вайденен — п. Шатрово, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *269, 369*
Вайденен-Шрайбер (так в документе) — не сущ-т, предположительно, в р-не п. Шатрово Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *269, 369*

Вакерн — не сущ-т, в р-не п. Пограничное, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *18*
Валдай, г., Новгородская обл. *216*
Вальдштрассе — ул. Химическая в г. Калининграде *381*
Вартегау, рейхсгау — не сущ-т, территория округов Лоцманштадт, Позен и Хоэнзальц, Польша *276*
Варшава, г., Польша *48, 50, 239*
Варшавское, воеводство — Мазовецкое воеводство, Польша *338, 387*
Велау — п. Знаменск, Гвардейский г.о., Калининградская обл. *30, 209, 392*
Великолукская обл. *216*
Венгрия *344*
Верхняя Бавария, Германия *265*
Верхняя Силезия, провинция — в составе Польши и Чехии *266*
Вестфалия, ист. обл.— вост. часть земли Северный Рейн–Вестфалия, Германия *12, 23, 223*
Викбольд — п. Отважное, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *213*
Вильно — г. Вильнюс, Литва *78, 81, 311, 344*
Винзен (Луэ), г., Германия *287, 361*
Вирбалис, г., Литва *145, 156, 174*
Висла, р. *43, 49, 76, 280-281*
Витебск, г., Белоруссия *159*
Витебская обл., Белоруссия *159*
Волга, р. *222*
Волковыск, г., Гродненская обл., Белоруссия *139, 174*
Восточная Пруссия — часть Польши и Калининградская обл. РФ *10-14, 35-38, 43, 69, 87, 90, 100, 107, 160-161, 169-172, 174, 208-209, 215, 223, 225-227, 234-240, 247, 249, 257, 261-263, 267, 309-310, 330, 338, 361, 375, 391, 395*
Вязники, г., Владимирская обл. *95*
Вязьма, г., Смоленская обл. *132*

Г

Галиат, д., Ирафский р-н, Северная Осетия *263*
Гамбург, г., Германия *53, 60, 62, 64, 286, 293, 298*
Ганновер, г., Германия *293, 299, 361*
Гарделеген, г., Германия *124*
Гартенштадт Штаблак — п. Долгоруково, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *28*
Гданьск, г., Польша *290*
Гданьское поморье (Восточное поморье), ист. обл. на сев. Польши *23*
Гдыня, г., Польша *339*
Генерал Лицманштрассе — Советский проспект, Калининград *395*
Гердауэн — п. Железнодорожный, Правдинский г.о., Калининградская обл. 9, 23,*71, 76, 209, 396*
Геркен — п. Дубровка, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *18*
Герлахштрассе — ул. Косогорная в г. Калининграде *381*
Германия *11–13, 17–20, 25–28, 32, 37, 38, 43, 44, 65, 85, 100, 102, 103, 115, 122, 126, 129, 138, 146, 157, 163, 172–175, 177, 179, 185, 187, 189, 191, 192, 195, 196, 201–204, 212–215, 223–229, 232, 234, 244, 290, 302, 304, 309, 330, 337–339, 341, 342, 344–346, 362, 364, 371, 379, 382, 388, 392, 395–398, 401, 402*
Гермау — п. Русское, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *14, 24, 37, 257, 261-262, 278, 297, 368*
Герцлия, г., Израиль *360*
Гессен, земля, Германия *292*
Гёрлиц, лес *330*
Глоты, д., Псковский р-н, Псковская обл. *388*
Гольдап г., Польша *94, 209, 232*
Гольдшмиде — не сущ-т, южн. п. Холмогоровка Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *24*
Городище, п., Городищенский р-н, Волгоградская обл. или Городище, п., Дзержинский р-н, Минская обл., Белоруссия *208*
Готенхафен — г. Гдыня, Польша *328*
Громово, п., Славский г.о., Калининградская обл. *21, 403*
Гроссберг, д., р-н Арад, Румыния *21*
Гросс Диршкайм — п. Донское, Светлогорский г.о., Калининградская обл. *269, 274, 369*
Гросс Курен — п. Приморье, Светлогорский г.о., Калининградская обл. *269, 368-369*
Гросс Лядткайм — не сущ-т, ближ.н.п.— п. Зелёный Гай Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *269*
Гросс Раум — п. Рябиновка, Гурьевский г.о., Калининградская обл. *395*
Гросс Розен — г. Рогозница, Польша *44, 124*
Гросс Хайдекруг — п. Взморье, Светловский г.о., Калининградская обл. *155, 157, 209, 339*
Гросс Хубникен — п. Синявино, Янтарный г.о., Калининградская обл. *369*
Гросс Шрайберг (в переводе документа с немецкого языка) — не сущ-т, предположительно в р-не п. Шатрово

Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *269, 369*
Грузия *90*
Грюнвальд — с. Грунвальд, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша *84*
Грюнхайде — п. Калужское, Черняховский г.о., Калининградская обл. *214*
Гудаута, г., Абхазия *154, 174*
Гумбиннен — г. Гусев, Калининградская обл. 30, *209, 309,-310, 342*

Д

Дания *43, 329*
Данциг — г. Гданьск, Польша *20, 48-49, 219, 251, 266, 280, 310, 328, 348, 349*
Данциг-Лангфур — г. Гданьск, Польша *285*
Данциг-Матцкау — г. Гданьск, Польша *285*
Данцигский округ, Польша *252*
Даркемен — г. Озёрск, Калининградская обл. *20*
Дахау, г., Германия *44, 124, 334, 351, 357*
Двинск — г. Даугавпилс, Латвия *116, 118, 138, 174*
Девау — не сущ-т, р-н ул. Пригородной в г. Калининграде *311, 312, 315, 327*
Дёлау, коммуна, г., Германия *44*
Диршауэрштрассе — ул. Киевская в г. Калининграде *40, 206*
Днестр, р. *341*
Дойчорденринг — Гвардейский проспект в г. Калининграде *315*
Дойч-Эйлау — Илава, г., Польша *12, 225*
Долгоруково, п., Багратионовский г.о., Калининградская обл. *28*
Домнау — п. Домново, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *30*
Домтау — п. Долгоруково, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *10, 18, 94, 98*
Дон, р. *139*
Другенен — п. Переславское, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *278*
Дюссельдорф, г., Германия *303, 304*
Дюссельдорф-Оберкасселе, р-н в г. Дюссельдорфе, Германия *309*
Дятьково, г., Брянская обл. *88*
Дятьковский р-н, Брянская обл. *174*

Е

Евер, г., Германия *276*
Европа *137, 196*
Ельня, г., Смоленская обл. *132*

З

Зальцбург, г., Австрия *282*
Замланд — Калининградский п-в *209, 315*
Западная Пруссия — территория Поморского и Куявско-Поморского воеводства, Польша *36, 280, 337*
Запорожье, г., Украина *229*
Засниц, г., о-в Рюген, Германия *328*
Зегеберг (Бад-Зегеберг), г., Германия *328*
Зеераппен — п. Люблино, Светловский г.о., Калининградская обл. *9, 23, 38, 71-72, 78-81, 83, 263, 270-271, 275, 277, 283-285*
Земландский п-ов — Калининградский п-ов *14, 111, 257, 261, 270*
Земландский р-н — не сущ-т, территория на Калининградском п-ве *270, 362-364, 371, 375*
Зенсбург — г. Мронгово, Польша *209*
Зоргенау — п. Покровское, Янтарный г.о., Калининградская обл. *24, 262, 264-266, 269-270, 278-279, 288-289, 291, 294, 296, 301, 304, 363-364, 369-370, 372*
Зудау — не сущ-т, в р-не п. Орловка Гурьевского г.о. Калининградской обл. *18*

И

Иерусалим, г., Израиль *265*
Израиль *37, 318*
Ильникен — п. Сараево, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *268, 368*
Инстербург — г. Черняховск, Калининградская обл. *11, 18, 30, 91, 170, 209, 369*

Й

Йесау — в черте п. Нивенское, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *9, 23, 38, 71-72, 78-81, 83, 263, 270-271, 275, 277, 283-285*
Йоханнисбург, г., Польша *209*

К

Кайзервальд — Межапарк в г. Риге, Латвия *285*
Калининград *10, 32-33, 40, 75, 84, 86-89, 137, 162, 165, 173, 216, 221, 244, 380-382, 403*
Калининская обл. *106*

Калужская обл. *88*
Кальв, г., Германия *288*
Кальтхоф — не сущ-т, в р-не п. Рижское в черте г. Калининграда *278*
Каменец-Подольский р-н, Хмельницкая обл., Украина *91*
Каминьск, с., Польша *28*
Картузы, округ (так в документе) — округ не найден, на территории Польши *333*
Катынь, с., Смоленский р-н, Смоленская обл. *278*
Каунас, г., Литва *156, 164-165*
Кёльн, г., Германия *344*
Кёнигсберг — г. Калининград *8, 10, 12-13, 16, 20-24, 27, 30-32, 34, 37-38, 40, 44, 69-70, 78-79, 81, 83-90, 103, 157, 163-165, 205, 207-209, 211, 215-216, 218-220, 222-223, 226, 229-230, 239-240, 244, 262-263, 266, 268, 270-273, 275, 276-278, 281-284, 286-288, 292-293, 295, 298, 301, 304-309, 311, 313-316, 318, 321-322, 324-325, 327, 341, 348-349, 351-353, 357-362, 368-371, 379-380, 382, 387-388, 391-394, 397, 403*
Кёнигсбергский округ — не сущ-т, территория Калининградской обл. *35, 100, 220, 233, 268-270, 364, 368-369*
Кибартай, г., Литва *90, 145*
Киль, г., Германия *296, 309, 351*
Кирпенен — п. Поваровка, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *278*
Кляйн Батчен — не сущ-т, ближ.н.п.— п. Подгоровка Гусевского г.о. Калининградской обл. *12, 215*
Кляйн Дексен — не сущ-т, юго-зап. п. Нагорное Багратионовского г.о. *18, 29, 168*
Калининградской обл. *7-9, 16-18, 22-23, 33, 35-37, 40, 223, 380*
Кляппервизе — ул. Эльблонгская в г. Калининграде *395*
Кобленц, г., Германия *18*
Континен — п. Ворошилово в черте г. Калининграда *277*
Континер Вег — ул. Транспортная в г. Калининграде *315*
Кончицы, д., Пинский р-н, Брестская обл., Белоруссия *387*
Койкирхгейз, г. (так в документе) — н.п. не найден *396*
Котовицкий р-н, Польша *387*
Краков, г., Польша *81-82, 341*
Кракстепеллен — не сущ-т, ближ.н.п.— п.г.т. Янтарный, Янтарный г.о., Калининградская обл. *14, 37, 261-262*
Крансэш-Нильдерунгская волость (так в документе) — не найдена, на территории Калининградской обл. или Сев. Польши *395*
Кранцер аллея — ул. Александра Невского в г. Калининграде *388*
Красногорск, г., Московская обл. *159*
Краснодар, г. *338*
Краснодарский край *239*
Краснополье, п., Гусевский г.о., Калининградская обл. *18*
Кубань, регион *149*
Кувен, г., Бельгия *239*
Кудиркос-Науместис, г., Литва *18*
Куменен — п. Кумачёво, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *37, 247, 249, 278, 303*
Куремяэ, д., Эстония *349*

Л

Лабиау — г. Полесск, Калининградская обл. *30, 209, 396*
Ландсберг – г. Гурово-Илавецк, Польша *233*
Латвия *233*
Лауэнбург, г., Германия *280*
Леверкузен, г., Германия *349*
Леер, г., Германия *285*
Леер, р-н, Германия *285*
Лейпциг, г., Германия *12, 227-228*
Лендрингзен, г., Германия *339*
Ленинград — г. Санкт-Петербург *132, 237-238*
Ленинградская обл. *13, 160, 212, 233, 334, 388*
Леобшютце — г. Глубчице, Польша *282*
Летцкау, г., Польша *338*
Лётцен — г. Гижицко, Польша *209*
Лик — г. Элк, Польша *209*
Линденштрассе, н.п. Пальмникен (так в документе) — улица не найдена, находилась на территории п.г.т. Янтарный *296, 362*
Лион, г., Франция *239*
Литва *145*
Литовский вал, улица в г. Калининграде *217, 244*
Ловис-Коринтштрассе — ул. Спортивная в г. Калининграде *206*
Лодзь, г., Польша *263, 339*
Луга, г., Ленинградская обл. *160*
Лужский р-н, Ленинградская обл *13, 160, 234*
Львовская обл., Украина *290*

Люблин, г., Польша *266, 349*
Людвигсбург, г., Германия *301, 305*
Людвигслуст, г., Германия *328*
Люнебург, г., Германия *14, 275, 289*
Люруп, р-н в г. Гамбурге, Германия *293*

М

Маркнойкирхен, г., Германия *222*
Маутхаузен, г., Австрия *44, 124*
Мариампольский — Мариямпольский уезд, Литва *396*
Мариенбург — г. Мальборк, Польша *44*
Межин, п., Мендзыходский уезд, Великопольское воеводство, Польша *339*
Мекленбург, земля, Германия *328*
Мемель — г. Клайпеда, Литва *209*
Мемельская обл.— Клайпедский край, Литва *339*
Мендзыходский уезд, Великопольское воеводство, Польша *339*
Мессегеленде, часть Восточной ярмарки в Кёнигсберге — территория в р-не храма Христа Спасителя до Центрального рынка в г. Калининграде *394*
Метгетен — п. им. А. Космодемьянского в черте г. Калининграда *10-11, 20, 83-84, 86-88, 160, 163-165, 173-174, 278, 283, 315*
Минск, г., Белоруссия *89, 403*
Минский р-н, Черниговская обл., Украина *159*
Мительтрагхайм — ул. Сергеева в г. Калининграде *394*
Могилёв-Подольский р-н, Винницкая обл., Украина *232*
Моравия, регион — Чехия *197*
Морунген — г. Моронг, Польша *209*
Москва, г. *138, 157, 159*
Мукачево, г., Закарпатская обл., Украина *338*
Мценский, р-н, Орловская обл. *214*
Мюльхайм-ам-Майн, г., Германия *292*
Мюнстер, г., Польша *27*

Н

Найденбург — г. Нидзица, Польша *209*
Невельский р-н, Псковская обл. *240*
Нестеров, г., Калининградская обл. *27, 115*
Никельсвальде — г. Микошево, Польша *328, 343*
Никитинка, д., Калужская обл. *88*
Новокубанский р-н, Краснодарский край *239*
Нодемс — не сущ-т, ближ.н.п.— п. Поваровка Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *295-296*
Нойе Бляйхе — ул. Велосипедная дорога в г. Калининграде *395*
Нойенгамме, р-н, в черте г. Гамбурга, Германия *44*
Ноймарк — г. Новы-Тарг, Польша *338*
Ноймарк, г., Германия *338*
Нойтиф, аэродром — не сущ-т, в р-не Балтийской косы *327*
Нойхойзер — п. Мечниково, Балтийский г.о., Калининградская обл. *324*
Норвегия *159, 174*
Нордбанхоф — Северный вокзал в г. Калининграде *394*
Ноуенден, д. (так в документе) — н.п. не найден, на территории Калининградской обл. или Сев. Польша *395*
Нюрнберг, г., Германия *33, 125, 133, 244, 280, 295*

О

Обертайх — Нижнее озеро в Калининграде *394*
Ойтин (Эйтин), г., Германия *328*
Ольштын, г., Польша *165-167*
Ольштынек, г. Польша *18*
Омск, г. *35, 94, 40*1
Оредеж, р. *160*
Орловка, Гурьевский г.о., Калининградская обл. *18*
Орловская обл. *214*
Ортельсбург — г. Щитно, Польша *209*
Орша, г., Белоруссия *113*
Освенцим, г., Польша *17, 31, 58, 78-81, 124, 266, 277, 279, 290, 314, 341, 341-343*
Остероде — г. Оструда, Польша *91, 209, 212*
О-в Святой Елены в Атлантическом океане, Великобритания *139*

П

Пайзе — г. Светлый, Калининградская обл. *137, 174, 208, 368*
Пальмникен — п.г.т. Янтарный, Калининградская обл. 8, 14, 15, 23–25, 37, 79, 111, 113, 261–264, 266–276, 278–288, 290–293, 295–305, 307–309, 312–322, 324–326, 329, 348–349, 351–365, 368–372, 375–376
Пантазиевка, с., Знаменский р-н, Кировоградская обл., Украина *103*
Париж, г., Франция *80*
Перемышль — г. Пшемысль, Польша *85*

Перл-Харбор, гавань на о-ве Оаху в Тихом океане, США *151*
Пиллау — г. Балтийск, Калининградская обл. *10, 30, 33, 84, 107, 111-115, 165, 174, 262, 268, 272, 283, 290, 292, 305, 319-324, 326-327, 340-341, 348, 352, 356-357, 369, 391*
Плешев, г., Польша *266*
Плоцкий, повят (р-н), Мазовецкое воеводство, Польша *387*
Побетен — п. Романово, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *293*
Поволжье *127*
Погеген — г. Пагегяй, Литва *18, 32*
Подольская обл. (Каменец-Подольская обл.) — Хмельницкая обл., Украина *91, 340*
Позен — г. Познань, Польша *196*
Познанское воеводство — Великопольское воеводство, Польша *339*
Познань, г., Польша *85*
Поленен — п. Круглово, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *278*
Польша *18, 28, 35, 53, 75, 165-167, 263, 266, 330, 333, 336, 338-339, 347, 350, 387*
Померания, ист. регион — часть Польши и Германии *280*
Поморское воеводство, Польша *333, 338-339*
Понарт — не сущ-т, р-н ул. Киевской в Калининграде *327*
Потенгифе, Кёнигсберг (так в документе) — объект не найден *394*
Починок, д., Духовщинский р-н, Смоленская обл. *215*
Прегель — р. Преголя *277, 311*
Прейсиш Эйлау – г. Багратионовск, Калининградская обл. *13, 28, 98, 209, 235*
Прибалтика *23, 27, 244, 285, 298, 311*
Пригородное, п., Нестеровский г.о., Калининградская обл. *10-11, 27, 142-145, 147-148, 156, 158-159, 174, 403*
Пройсиш Холланд — г. Пасленк, Польша *209*
Пруссия, Германия *10-14, 35-38, 43, 69-70, 87, 90, 100, 107, 160-161, 169-172, 174, 205, 208-209, 215, 223, 225-227, 234-240, 247, 249, 257, 261-263, 267, 280, 309-310, 330, 337-338, 361, 375, 391, 395*
Псков, г. *216*
Псковская обл. *35, 241, 401*
Псковский р-н, Псковская обл. *388*
Пушдорф — п. Пушкарёво, Черняховский г.о., Калининградская обл. *212*
Пултуский уезд — Пултуский повят, Варшавское воеводство, Польша *338*

Р

Равенсбрюк, с. в черте г. Фюрстенберг / Гавел, Германия *44, 219-222, 312*, 315
Рагнит — г. Неман, Калининградская обл. *209*
Райхсштрассе — ул. Железнодорожная в г. Калининграде *277*
Растенбург — г. Кентшин, Польша *209, 397*
Ратсхоф, р-н Кёнигсберга — не сущ-т, сев.-зап. часть г. Калининграда *23*
Раушен — г. Светлогорск, Калининградская обл. *304*
Ревель — г. Таллин, Эстония *302*
Рейн, р. *344*
Рейнская обл., Германия *268*
Рембово, д., Польша *338*
Рёссель — г. Решель, Польша *209*
Рига, г., Латвия *76, 344, 388*
Розенберг — сев. часть г. Мамоново, Калининградская обл. *49*
Ромны, г., Сумская обл., Украина *174*
Росвигово — в черте г. Мукачево, Украина *338*
Россия *139*
Росток, г., Германия *328*
Ротенштайн — не существует, р-н в сев.-вост. части г. Калининграда *327*
Румыния *338*
Рурская, обл., Германия *60*
Рыбница, г., Молдавия *157*
Рюген, о-в в Балтийском море, Германия *328*
Рюдесхайм-на-Рейне, г., Германия *286*

С

Санкт-Петербург, г. *174*
Саратов, г. *111*
Светлый, г., Калининградская обл. *137*
Севастополь, г. *85*
Северо-Осетинская Автономная Республика *263*
Слейнова-Шляхецкая, д. (так в документе) — н.п. не найден, на территории Мазовецкого воеводства в Польше *387*
Смоленск, г. *107, 111, 113, 262*
Смоленская обл. *111, 113, 129, 215*
Советск, г., Калининградская обл. *18, 128*
Сокульский уезд — Сокульский повят, Подляское воеводство, Польша *333*
Сталинград — г. Волгоград *158, 222*

Старосельский с/с, Батуринский р-н, Смоленская обл. *215*
Старь, п., Дятьковский р-н, Брянская обл. *174*
Стрельня, п.. Багратионовский г.о., Калининградская обл. *403*
Суботица, г, Сербия *344*
Сувалки, г., Польша *18*
Судауен — г. Сувалки, Польша *18*
Сумская, обл., Украина *49, 174*
Сухумский округ — не сущ-т, территория Сухумского р-на в Абхазии *174*

Т

Тамбов, г. *339*
Таураге, г., Литва *164*
Тбилиси, г., Грузия *90*
Тель-Авив, г., Израиль *78-81, 295*
Тигенхоф — г. Новы-Двур-Гданьский, Польша *77*
Тильзит — г. Советск, Калининградская обл. *18, 30, 44, 128, 165, 209*
Тиргартенштрассе — ул. Зоологическая в г. Калининграде *394*
Торн — г. Торунь, Польша *76, 310, 338*
Треблинка, д., Польша *124*
Тройбург — г. Олецко, Польша *209*
Тухлин, д., Польша *333*
Тюбинген, г., Германия *311*

У

Украина *218, 244, 340*
Урывково, д., Невельский р-н, Псковская обл. *240*

Ф

Фалькенау — г. Флёа, Германия *220*
Фейльхенберг, Кёнигсберг (так в документе) — н.п. не найден *395*
Фишхаузен — г. Приморск, Балтийский г.о., Калининградская обл. *107, 111, 282, 268, 316-320, 324-325, 327, 368-369*
Фишхаузенский р-н — не сущ-т, территория «Приморского городского поселения» в Калининградской обл. *268, 368*
Фленсбург, г., Германия *292*
Фрайбург, г., Германия *17*
Франкфурт-на-Майне или Франкфурт-на-Одере, г., Германия *325*
Франция *28, 341*
Фриц-Чирзе-плац, (бывш. Гезекусплац) — в районе ул. Житомирской, г. Калининград 393
Фрише Нерунг — Балтийская коса *146*
Фришес-Хафф — Калининградский залив *43, 277*
Фюрт, г., Германия *295*

Х

Хайдекруг — г. Шилуте, Литва *18, 155, 157, 209, 339*
Хайлигенбайль — г. Мамоново, Калининградская обл. *10, 23, 30, 71-72, 76-78, 81-82, 209, 270-271, 275, 277, 284, 351, 357, 361*
Хайлигенкройц — п. Красноторовка, Зеленоградский г.о., Калининградская обл. *269, 308, 369*
Хайльсберг — г. Лидзбарк-Варминьски, Польша *209, 396*
Хайльсбергерштрассе — ул. Яблочная в Калининграде *226*
Хайнрихсвальде — г. Славск, Калининградская обл. *30*
Хаммервег — часть проспекта Мира в г. Калининграде *83-84*
Хаммерштейн — г. Чарне, Польша *157, 174*
Хаммерштейн (на Рейне), коммуна, Германия *157*
Хансшемштрассе (Ганс Шеммштрассе), г. Кёнигсберг (так в документе) — ул. Генерала Захарова в г. Калининграде *381*
Харьков, г., Украина *159*
Харьковская, обл., Украина *48, 150, 157, 159*
Хель, г., Польша *328*
Хемниц, г., Германия *15, 54-56, 58-61, 336*
Хинтерломзе штрассе — не сущ-т, в р-не о-ва Октябрьский в г. Калининграде *83*
Хинтертрагхайм — ул. Сергеева (часть) в г. Калининграде *394-395*
Хоенбрух — п. Громово, Славский г.о., Калининградская обл. *18, 21, 32, 403*
Хойницкий уезд — Хойницкий повят, Поморское воеводство, Польша *339*
Холодная Гора — историческая местность в г. Харькове на территории Холодногорского и Новобаварского районов *174*
Хоэнштайн — г. Ольштынек, Республика Польша *11, 18, 100, 160, 161*
Хуфен — не сущ-т, в черте Центрального р-на г. Калининграда *311*

Ц

Царген — п. Истровка, Гвардейский г.о., Калининградская обл. *91*
Целиноград — г. Нур-Султан, Казахстан *174*
Цюлково, с., Польша *174*

Ч

Челябинск, г. *95*
Чернигов, г., Украина *159*
Черниговская обл., Украина *159*
Черск, г., Польша *339*
Чески-Крумлов, р-н, Южночешский край, Чехия *339*
Чехословакия *338-339*

Ш

Шаргород, г., Жмеринский р-н, Винницкая обл., Украина *340*
Швейцария *49*
Швеция *341*
Шивенорет (так в документе) — н.п. не найден *344*
Шилуте, г., Литва *18*
Шиппенбайль — г. Семпополь, Польша 9, *71, 76-77, 81, 270-271, 275, 277, 284-285, 295, 357*
Ширвиндт — не сущ-т, в р-не п. Кутузово (в настоящее время не сущ-т) Краснознаменского г.о. Калининградской обл. *218*
Шихау — АО «Прибалтийский судостроительный завод Янтарь» в г. Калининграде *10, 12, 20, 30, 37, 70, 80, 83-87, 173, 205, 211, 218, 270-271, 277, 281, 311, 315*
Шлоссберг — п. Добровольск, Краснознаменский г.о., Калининградская обл. *209*
Шромбенен — п. Московское, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *30*
Штаблак — п. Долгоруково, Багратионовский г.о., Калининградская обл. *100, 403*
Штадтсгоф, Кёнигсберг (так в документе) — объект не найден *395*
Штайндаммервалль — ул. Галицкого в г. Калининграде *394*
Шталлупёнен — г. Нестеров, Калининградская обл. *13, 115, 132, 137-138, 234*
Штеттин — Щецин, г., Польша *219*
Штрассе дер СА — ул. Фрунзе в г. Калининграде *217, 244*
Штумский повят, Поморское воеводство, Польша *338*
Штутгарт, г., Германия *12, 228*
Штутово, д, Польша *7, 35, 53, 75, 336, 347, 350*
Штуттгоф — с. Штутово, Польша *7, 9, 15, 23, 35-36, 40, 43-44, 48, 51-53, 58, 62-65, 69-71, 75-79, 81-82, 124, 159, 251, 271, 273, 275-277, 280-283, 286, 290, 310, 318, 326, 328-329, 333-334, 336-342, 344-352, 355-357*
Шютценорт — п. Пригородное, Нестеровский г.о., Калининградская обл. *27*

Э

Эбенроде — г. Нестеров, Калининградская обл. *10-11, 27-28, 37, 115, 142-148, 156-160, 174, 209*
Эйдкау — п. Чернышевское, Нестеровский г.о., Калининградская обл. *153*
Эйдткунен — п. Чернышевское, Нестеровский г.о., Калининградская обл. *153*
Эккевальштрассе, Кёнигсберг (так в документе) — место нахождение улицы и ее переименование не установлены *394*
Эллерхауз — не существует, в р-не п. Круглово Зеленоградского г.о. Калининградской обл. *257*
Эльбинг — Эльблонг, Польша *44, 86, 251, 277, 280, 338, 349*
Эльблонгское воеводство, Польша *35, 53, 75, 336, 347, 350*
Эльхнидерунг — Славский г.о., Калининградская обл. *209*
Эссен, г., Германия *301*
Эссен-Катернберг, г.о.г. Эсссена, Германия *271, 282*
Эссен-Рур — г. Эссен, Германия *268, 371*
Эстония *177*

Ю

Югославия *344*
Юдиттен — не сущ-т, часть Центрального р-на г. Калининграда *164, 380, 395*
Юдиттер Кирхенштрассе — ул. Тенистая аллея в г. Калининграде *380*

Я

Янтарный, п.г.т., Калининградская обл. *8, 25, 86, 165*
Ярославль, г. *220*
Яруга, с., Могилёв-Подольский р-н, Винницкая обл., Украина *232*

Научное издание

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ:
ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ
(НЫНЕШНЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
Сборник архивных документов

Оригинал-макет подготовлен
Фондом «Связь Эпох»

фонд Связь Эпох

Координатор проекта: А. А. Евдокимова
Выпускающий редактор: Л. А. Катренко
Художественное оформление: М. А. Миллер
Верстка и подготовка изображений: И. В. Мартынович
Корректор: В. Г. Буданова, О. А. Пашкевич

Фонд «Связь Эпох»
123376, Москва, ул. Красная Пресня, 28, стр. 2, оф. 305
Тел.: +7 499 253 43 64
fond@svyazepoh.ru
https://svyazepoh.ru/

ООО «КУЧКОВО ПОЛЕ МУЗЕОН»
123376, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
E-mail: kpolemuzeon@gmail.ru

Подписано в печать 01.10.2021
Формат 70 × 100/16
Усл. печ. л. 434/16=27,125
Тираж 500 экз.
Заказ № 4253

ISBN 978-5-91728-223-7

Издательство ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России
236006, г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15
Тел.: 8 (4012) 53–17–05